

Правительство Москвы
Департамент Межрегионального сотрудничества,
национальной политики и связей
с региональными организациями г. Москвы
Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН
Славянский фонд РФ
Государственная академия славянской культуры

Славянский мир в третьем тысячелетии

Межкультурный и межконфессиональный
диалог славянских народов

Москва 2011

Правительство Москвы
Департамент Межрегионального сотрудничества,
национальной политики и связей
с региональными организациями г. Москвы
Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН
Славянский фонд РФ
Государственная академия славянской культуры

Славянский мир в третьем тысячелетии

**Межкультурный и межконфессиональный
диалог славянских народов**

Москва 2011

Редакционная коллегия:

Боголюбова Г.В.
Данченко С.И.
Конёнкова А.К.
Никифоров К.В.
Узенёва Е.С. (отв. редактор)
Хаванова О.В.
Чепелевская Т.И.

Очередной выпуск сборника научных трудов «Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов» подготовлен по материалам международного научного симпозиума «Славянский мир в третьем тысячелетии», проводимого с 1991 г. в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры Институтом славяноведения РАН, Департаментом Межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с региональными организациями г. Москвы Правительства Москвы, Славянским фондом РФ, Государственной академией славянской культуры. В основу нового сборника легли труды российских и зарубежных ученых-славистов. В них освещаются различные проблемы истории, истории славистики, славянского языкознания, литературоведения и фольклористики, а также вопросы культурного и конфессионального взаимодействия славянских народов. Авторы уделили внимание современным геополитическим трансформациям славянского мира и вопросам личностного измерения культуры.

ISBN-10 5-7576-0232-5
ISBN-13 978-5-7576-0232-5

© Институт славяноведения РАН, 2011

Научное издание

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Межкультурный и межконфессиональный
диалог славянских народов

Сборник статей

Ответственный редактор *Е.С. Узенёва*

Подписано в печать 19.05.2011.
Формат 60х90/16. Печ. л. 27,75.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано ООО «Пробел-2000»
109544, Москва, Рабочая ул., 91, строение 4

Содержание

От редколлегии	5
I. Славяне в третьем тысячелетии	
<i>Задорожник Э.Г.</i> Современные политические трансформации: славянский мир как зачинатель ненасильственных революций и их нарративы	7
<i>Валева Е.Л.</i> Постсоциалистическая Болгария: надежды и разочарования XXI века	18
<i>Майорова О.Н.</i> Социально-политические преобразования в Польше в период правления левых (2001–2005)	30
<i>Коровицына Н.В.</i> Чехи в начале третьего тысячелетия	40
II. Из истории славистики	
<i>Досталь М.Ю.</i> С.Б. Бернштейн как историк славистики (К столетию со дня рождения ученого)	49
<i>Данченко С.И., Чуркина И.В.</i> С.А. Никитин и его научная школа историков-славистов (К 110-летию со дня рождения)	58
<i>Лантвева Л.П.</i> Связи Вацлава Ганки с Россией в освещении В.А. Францева	78
<i>Аксенова Е.П.</i> А.Н. Пыпин о В. Ганке	92
<i>Будагова Л.Н.</i> Две жизни Карла Гинеска Махи	102
<i>Ващенко М.С.</i> Проблемы хорватской истории и культуры в творчестве малороссийских славистов (А.С. Будилович, Р.Ф. Брандт, Т.Д. Флоринский)	116
<i>Будагова Л.Н.</i> Юбилей Ярославы Яначковой	125
III. Актуальные проблемы истории славян	
<i>Поп Иоанн-Аурел.</i> Восприятие восточно-христианского мира трансильванскими румынами в XVII–XVIII вв.	130
<i>Фролова М.М.</i> Ю.И. Венелин и Общество истории и древностей российских	143
<i>Лециловская И. И.</i> Формирование образа России в хорватском общественном сознании в годы иллиризма (30–40-е годы XIX в.)	152
<i>Макарова И.Ф.</i> Болгары и турки в Османской империи: идеологические стереотипы и культурное взаимодействие	161
<i>Жоголева М.Д.</i> К вопросу об обучении сербов и черногорцев в России в 50-70-е гг. XIX века	172
<i>Марыина В.В.</i> Словакия 1940 года глазами советского дипломата (Из документов Архива внешней политики РФ)	182
<i>Кимура Каори.</i> Венгрия и Югославия в 1945–1948 гг. От оживления разносторонних связей к глубокому кризису в дипломатических отношениях	193
<i>Новопашин Ю.С.</i> О прошедших временах, товарищах и друзьях (фрагменты воспоминаний)	203
<i>Пивоваренко А.А.</i> Нарастание кризиса в деятельности миротворцев ООН в Боснии и Герцеговине (середина 1992 г. – 1993 г.)	211
IV. Война в истории славянских народов	
<i>Ганин А.В.</i> Военная элита советско-польской войны 1919–1920 годов в справочной литературе	223
<i>Савицкий И.</i> Путь к войне	233

<i>Искендеров П.А.</i> Сербско-Черногорские переговоры накануне первой мировой войны и Россия: проблемы и уроки	249
<i>Струнина Н. Г.</i> Деятельность великой княгини Милицы Николаевны Романовой по оказанию помощи Черногории в период Балканских войн (1912-1913 гг.)	263
<i>Пилько Н.С.</i> Словенские западные территории после Первой мировой войны	273
<i>Волокитина Т.В.</i> Парадоксы историографии: Красная Армия в Болгарии осенью 1944 года	284
V. Современные исследования в славянском языкознании	
<i>Плотникова А. А.</i> Балканославянская культурная лексика: дериваты от * <i>surva</i>	292
<i>Боронникова Н.В.</i> Показатели ближнего дейксиса как способ формирования личного пространства говорящего (на материале «Колумниве пред години – ТВ Сеирција») Трендо)	299
<i>Грузберг Л.А., Ерофеева Т.И.</i> Речевая аккомодация как психологическая составляющая диалогического общения	307
<i>Узенёва Е.С.</i> Способы выражения оценки в речи старообрядцев Болгарии	315
<i>Макарецов М.М.</i> К вопросу о картографировании вариантов «Баллады о мертвом брате»	321
VI. Культура славянских народов	
<i>Гуськова Е.Ю.</i> Деятельность общества культурного сотрудничества Хорватии с СССР (1945–1949)	328
<i>Стыкалин А.С.</i> Культурный диалог СССР и Румынии на фоне политических разногласий 1960-х годов	334
<i>Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.</i> Православный богогласник XX – XXI вв.	345
<i>Цанева Э.А.</i> Историческая перспектива традиционных практик усыновления у болгар	353
<i>Конёнкова А.К.</i> Основные направления современной церковной архитектуры: строительство православных церквей в Польше на рубеже XX – XXI века	362
<i>Робинов О.Ю.</i> Традиции позднего классицизма в культуре храмового строительства Польши и России	372
VII. Литература и фольклор славян и их соседей	
<i>Агаткина Т. А.</i> Символика деревьев в традиционной культуре славян: сосна	379
<i>Виноградова Л.Н.</i> Западнославянские средневековые представления о черте: сплав народно-мифологических и церковно-книжных мотивов	388
<i>Женюхова К.</i> Народная вера и магия в традиционных жанрах словацкой народной прозы	397
<i>Туфанова О.А.</i> Орнаментальные стилистические приемы создания художественного образа в «Повести известна о победах Московского государства»	408
<i>Широкова Л.Ф.</i> «Золотые шестидесятые» в словацкой литературе	417
<i>Цыбенко О.В.</i> Мифологический реализм в творчестве Тадеуша Новака	429
<i>Усачева А.В.</i> Трилогия М. Кэртэреску «Ослепительный» в контексте румынского постмодернизма	437
VIII. Рецензии	
<i>Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.</i> Краеведческая энциклопедия Старосамборщины	442

От редколлегии

Шестой выпуск сборника научных трудов «Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов» подготовлен по материалам международного научного симпозиума «Славянский мир в третьем тысячелетии», проводимого с 1991 г. в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры Институтом славяноведения РАН, Департаментом Межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с региональными организациями г. Москвы Правительства Москвы, Славянским фондом РФ, Государственной академией славянской культуры. В основу нового сборника легли доклады и сообщения ученых из России, Словакии, Болгарии, Чехии, Румынии и Японии.

2011 год – время подводить итоги первого десятилетия нового века, давать оценки политическим трансформациям рубежа 1980–1990-х годов. Сборник открывает ряд статей, посвященных актуальным процессам в славянских странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Э.Г. Задорожнюк на сравнительно-историческом материале стран региона доказывает, что славянские народы выступили зачинателями ненасильственных революций, и анализирует сформировавшиеся за два прошедших десятилетия нарративы. Е.Л. Валева, О.Н. Майорова и Н.В. Коровичина в статьях, посвященных, соответственно, Болгарии, Польше и Чехии, дают сбалансированную картину «надежд и разочарований», достижений и потерь последних десятилетий.

Для серии «Славянский мир в Третьем тысячелетии» традиционно обращение к истории славистики и межславянских научных и культурных связей. В статьях М.Ю. Досталь о С.Б. Бернштейне, И.В. Чуркиной и С.И. Данченко о научной школе С.А. Никитина, Л.П. Лаптевой о связях В. Ганки с Россией, Л.Н. Будаговой о К.Г. Махе и о Я. Яначковой, М.С. Вашенко об интересе малороссийских славистов к хорватской истории и культуре водятся в научный оборот ценные архивные материалы, которые дополняют новыми штрихами биографии выдающихся ученых и в очередной раз привлекают внимание к роли межличностных контактов в академической среде. Сюда же тематически можно отнести отрывки из воспоминаний Ю.С. Новопашина «о прошедших временах, товарищах и друзьях».

Актуальные проблемы истории славян авторы сборника традиционно рассматривают в контексте истории региона и континента в целом. Проблематика исследований охватывает период от раннего Нового времени (И.-А. Поп сосредоточился на восприятии восточно-христианского мира трансильванскими румынами XVII–XVIII вв.) до современности (А.А. Пивоваренко восстанавливает этапы кризиса в деятельности миротворцев ООН в Боснии и Герцеговине). Особое внимание уделено XIX в.: И.И. Лециловская рассматривает формирование образа России в хорватском общественном сознании в период иллиризма, И.Ф. Макарова сравнивает идеологические стереотипы болгар и турок в Османской империи, М.Д. Жоголева обращается к вопросу об обучении сербов и черногорцев в России. Наконец, не теряют своей актуальности вопросы, связанные с историей Второй мировой войны и послевоенного устройства Европы: В.В. Марьина вводит в научный оборот архивные документы, имеющие отношение к истории Словакии накануне войны, К. Кимура прослеживает эволюцию венгерско-югославских отношений после 1945 г.

Тема войны как предмета исторического исследования развивается в разделе «Война в истории славянских народов». Изучение истории Первой мировой войны, особенно актуальное в связи с близящимся ее столетним юбилеем, нашло свое место

в статьях П.А. Искендерова о роли России в сербо-черногорских переговорах накануне войны, Н.Г. Струниной о деятельности великой княгини Милицы Николаевны в период Балканских войн, Н.С. Пилько о судьбе западных словенских территорий после 1918 г. Ряд авторов исследуют историографические аспекты военной истории и истории войн: А.В. Ганин публикует просопографическое исследование о военной элите советско-польской войны 1919–1920 гг. Путь Европы от Версальского мира к Второй мировой войне прослежен в статье И. Савицкого. Т.В. Волокитина рассматривает «парадоксы историографии» относительно роли Красной Армии в Болгарии.

Ряд работ посвящены исследованию проблем культурного сотрудничества и межкультурного диалога. Е.Ю. Гуськова изучает деятельность общества культурного сотрудничества Хорватии с СССР (1945–1949), А.С. Стыкалин освещает культурный диалог СССР и Румынии на фоне политических разногласий 1960-х годов. Э. Цанева представляет вниманию читателей исторический экскурс трансформации ритуала усыновления у болгар: от традиционной культуры, через церковный ритуал к законному гражданскому акту усыновления ребенка и их объединению.

Специальное внимание в сборнике уделяется церковной проблематике в книжности и архитектуре. А.Ю. Лабынцевым и Л.Л. Щавинской исследуется новый феномен, особое книжно-литературное явление культуры восточных славян – рукописный православный богослужбник и современная форма его существования – электронная, включая его электронно-сетевые воплощения. Анализируются основные направления современной церковной архитектуры, в частности, в строительстве православных церквей в Польше на рубеже XX - XXI века (А.К. Конёнкова), и прослеживаются традиции позднего классицизма в культуре храмового строительства Польши и России (О.Ю. Робинов).

Широко представлены различные направления в современном славянском языковедении: этнолингвистическое, в статьях А.А. Плотниковой о балканославянской культурной лексике и Е.С. Узенёвой, выделяющей способы оценки речи старообрядцев Болгарии; текстологическое, в статье М.М. Макарецца, где автор проводит анализ «Баллады о мертвом брате» на основе картографирования отдельных мотивов фольклорного текста и др. В работах коллег из Пермского государственного университета поднимаются вопросы особенностей современной городской речи, письменной и устной, как в России (Л.А. Грузберг, Т.И. Ерофеева), так и в Македонии (Н.В. Бороникова).

В сборник вошли также статьи, посвященные традиционной культуре славян: символике деревьев (Т.А. Агапкина), западнославянским средневековым представлениям о черте (Л.Н. Виноградова), народным верованиям и магии в традиционных жанрах словацкой народной прозы (К. Женьюхова).

Литературоведческие исследования освещают отдельные направления в литературах славянских народов и их соседей: польский мифологический реализм (О.В. Цыбенко), румынский постмодернизм (А. В. Усачева), «Золотые шестидесятые» в словацкой литературе (Л.Ф. Широкова), а также стилистические приемы создания художественного образа (О.А. Туфанова).

Диапазон проблем современной славистики обозначен в семи разделах сборника во всей его полноте. Составители и редколлегия настоящего труда надеются, что представленные в статьях вопросы подвигнут как исследователей, так и широкий круг читателей к их дальнейшему изучению и осмыслению.

I. Славяне в третьем тысячелетии

Э.Г. Задорожнюк

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Современные политические трансформации: славянский мир как зачинатель ненасильственных революций и их нарративы

Abstract:

Zadorozhniuk E.G. *Modern political transformation: the Slavic world as the pioneer of non-violent revolutions and their narratives*

The article examines the phenomenon of revolution with definitions, which at the end of the XX – the beginning of XXI century acquired not only regional but also global features. The relevance of the concept of non-violent revolutions in the Slavic countries, which initiated the global process of modern political transformations in other regions of the world, is substantiated. The role of narratives, which preceded and accompanied the revolutionary process, as well as the dynamics of their subsequent interpretations, is also explained.

Ключевые слова: революции с определениями, славянские страны, политические трансформации, ненасильственные революции, нарратив, «казус Шмида», «неполитическая политика», контент-анализ.

В конце XX века славянский мир стал местом, где начались фундаментальные политические трансформации, которые в начале третьего тысячелетия приобрели глобальный характер¹. Смысл этих трансформаций сводится к обеспечению права народов принимать более широкое участие в жизни своих стран – без полных гарантий того, что данное право будет осуществляться едва ли не автоматически. Перестройка в СССР, наибольшую часть населения которого составляли восточнославянские народы, и революции 1989 года, осуществляемые западнославянскими и югославянскими народами, характеризуются долговременными последствиями с трудно исчисляемыми до сих пор результатами. За это была заплачена достаточно большая цена, включая, в частности, распад СССР как сверхдержавы и государств – федераций славянских народов: Чехословакии и Югославии.

Естественно, однозначно – только положительно или лишь отрицательно – трактовать последствия этих событий до сих пор не только затруднительно, но и невозможно. Однако нельзя не согласиться, что они послужили неким первым этапом дальнейших преобразований – уже носящих глобальный характер – со столь же неоднозначными результатами. Имеется в виду цепь «цветных» революций, охвативших в первую очередь страны – республики бывшего СССР (революция «роз» 2003 г. в Грузии, «оранжевая» революция в Украине, «тюльпановая» революция в Киргизстане, повторившаяся в 2010 г.;

в отличие от революций в центральноевропейских странах, они носят принципиально незавершенный характер, на что указывают как отечественные, так и зарубежные аналитики²), а также мало кем прогнозируемая цепь революционных событий 2010–2011 гг. в арабских государствах (правда, они здесь происходили и раньше – имели место удавшаяся «кедровая» революция в Ливане в 2005 г. и неудавшаяся «зеленая» революция в Иране в 2009 г.). В целом в отношении этих процессов ощущается дефицит среднесрочных благоприятных прогнозов: доминируют краткосрочные или долгосрочные.

Общее название для этих событий – революции с определениями – в настоящее время в чем-то теряет свою убедительность. Так, социально-политические трансформации в Египте 2011 г. именуются то «дынной», то «твиттерной» (от английского twitter – система мгновенной пересылки сообщений через Интернет), то «горчишной», то «молодежной», то «финиковой», то «курортной» революциями и даже революцией «пирамид», и множество указанных разнородных наименований, в отличие от устоявшихся названий чехословацкой «бархатной» и «нежной» (словацкий вариант) революций, указывает на размытость критериев оценки происходящего в этой стране. То же можно говорить о «жасминной» революции в Тунисе, кровавых событиях в Ливии, межрелигиозных столкновениях в Бахрейне и т.д., и т.п. – усложняющийся их характер требует серьезного анализа, а не журналистски хлесткого навязывания того или иного имени.

Важнее другое: указанные революции можно представить в качестве некоторого явления, имеющего глобальные контуры, но не вызывающего сомнений и то, что оно началось именно в славянских странах. В связи с этим есть основания высказать несколько оценок начала данного процесса, в первую очередь «бархатной» революции в Чехословакии, которая положила начало процесса терминологического определения цепи событий, приводящих к коренным политическим и социальным преобразованиям, причем не только в регионе Центральной Европы. Признаками этих революций является их ненасильственный характер – не всегда реальный, но в любом случае декларируемый в лозунгах.

Действительно, ключевыми в ходе этих революций стали переговоры об условиях передачи власти. Это явилось основанием дать им всем некоторое генерализированное название «переговорные» революции, следуя логике, которую воспроизвел политолог Т. Г. Эш³, реконструировавший ход событий следующим образом: массы выходят на улицы, чтобы побудить носителей власти сесть за переговорный стол, компромиссы достигаются как раз тогда, когда мобилизационный потенциал движений подходит к своему пику. Конечно, это происходит не сразу: напор может оказаться сдержанным, и даже начинаются насильственные репрессии, но от одной попытки вывести массы на улицы до другой оппозиционеры становятся все сильнее и бесстрашнее, они – как и представители власти, обладающие импульсами к реформаторству – делают выводы из ошибок. «Обе стороны раз от разу учатся по-разному. И в конце концов наступает время, когда эти двое составляют пару в танго»⁴, – резюмирует Эш.

Примечательно и следующее: представителей властвующей элиты в ходе революции не только не отправляют на гильотину, но даже сохраняют за ними некую долю властных позиций и капиталов. Гильотина, которая, по утверждению Эша, появлялась в последний раз в 1949 г. – за полстолетия до «бархатных» революций – в Китае, была тем самым (конечно, не навсегда и не для всех мест) списана как орудие социально-политических трансформаций. Ее место занял переговорный стол, который от этого не перестал быть ристалищем борьбы. Все же термин «переговорные» революции прижился с трудом – «цветные» революции, следующие за «бархатными», не обходились без кровопролитных столкновений в странах – бывших республиках СССР, а события в Ливии 2011 г. ставят страну на грань гражданской войны. Однако объяснительный потенциал первого термина более ёмок по сравнению с термином «бархатные» («цветные») революции, хотя к нему даже серьезные исследователи прибегают редко; например, «тканей» или «цветов» для обозначения революций в Польше (где инициатором изменений являлись массы, выражавшие протест на протяжении десятилетнего периода) или в Венгрии (где лидирующую роль в ходе трансформаций брали на себя коммунисты-реформаторы, то есть часть властвующей элиты) так и не нашлось.

Феномен, который приобрел уже не только региональные, но и глобальные очертания и который сводится к доминированию в основном ненасильственных действий в ходе революционных преобразований – так называемые революции с определениями, постоянно привлекает к себе внимание исследователей самых различных направлений. Доминирующим в их рассмотрении выступает междисциплинарный подход, а в его рамках возрастает роль комплексного анализа нарративов, предвещающих и сопутствующих революционным событиям, а также динамика последующих их интерпретаций.

Понятием «нарратив» обычно обозначается рассказ или повествование о событиях с элементами исторически и культурно обоснованной их интерпретации, даваемой некой активно участвующей в них личностью или социальной группой. «Нарративность» предполагает рассмотрение исторического события как возникшего не столько в результате закономерного процесса, сколько в контексте рассказа о нем, неразрывно связанного с истолкованием его причин, хода и последствий. В чем-то нарративы сходны со слухами, а в чем-то с намеренно сконструированными средствами массовой информации событиями, что особенно значимо для настоящего времени.

Роль нарративов в революциях с определениями возросла настолько резко, что это привело к возникновению предположений об их возникновении искусственно и очень искусно созданных подобию событий. Ярким примером выступает здесь «казус Шмида» в ходе «бархатной» революции в Чехословакии. Обращаясь к истории вопроса, следует напомнить, что ее начало датируется 17 ноября 1989 г. Именно тогда, в день 50-летия жестокого подавления нацистами демонстрации пражских студентов⁵, на улицах чехословацкой столицы собралось около 25 тыс. человек. Они открыто выражали свое недоволь-

ство «режимом нормализации». Демонстранты провозглашали требования свободы и демократии, выдвигали лозунги политического характера⁶.

После завершения разрешенной властями части демонстрации ее участники направились к центру Праги, в сторону Вацлавской площади, причем к шествию студентов присоединялись многие жители столицы. На Национальной улице около 50 тыс. манифестантов были остановлены полицейскими кордонами, приступившими к их разгону. Часть участников подчинилась требованиям органов правопорядка и разошлась, а остальные (около двух тысяч), заблокированные органами госбезопасности, подверглись жестокому избиению. Многие манифестанты получили ранения, некоторые из них тяжелые. Неожиданно поползли слухи, что один из них, студент физико-математического факультета Карлова университета Мартин Шмид, при расправе полиции с демонстрантами якобы погиб. Весть об этом молниеносно распространилась, вызвав гнев и возмущение жителей столицы. Эти слухи тут же были подхвачены СМИ, в первую очередь зарубежными, хотя «погибший» студент вскоре благополучно «воскрес». Позднее специально созданная 20 сентября 1990 г. Федеральным собранием Чешской и Словацкой Федеративной Республики (ФС ЧСФР) Комиссия провела тщательное расследование событий 17 ноября 1989 г. В ее итоговом документе (раздел III, пункт 5 – «Дезинформация о мнимой гибели студента Шмида», а также пункт 6 – «Роль поручика Зифчака») воссоздана картина происходивших в этот день в Праге событий⁷. Установлено, что роль «погибшего» студента сыграл офицер госбезопасности Л.Зифчак, а слухи об этом распространялись Д.Дражской⁸.

И все же... В 1999 г. чешский исследователь П.Гусак утверждал, что о «таинственном дне» 17 ноября 1989 г. даже спустя десятилетие можно судить «лишь на уровне гипотез»⁹. Того же мнения придерживался и П. Питгарт, считавший «единственной загадкой “мертвого студента” с Национальной улицы: как будто его придумали, чтобы придать событиям более решительный ход»¹⁰. А спустя еще несколько лет об этом говорил и И. Динстбир: «...затем прошла та самая акция на Национальной улице, которую до сих пор никто не объяснил. Что это могло быть? Какая-то логика вообще отсутствовала. Не знаю, объяснит ли кто-нибудь, почему там сотрудник органов госбезопасности играл роль мертвого студента и тому подобное. Видимо, имелся какой-то идиотский расчет каких-то находившихся у власти людей, которые думали: пожалуй, этим они сумеют изгнать всяких там якешей и занять их посты. Но по этому поводу нет смысла спекулировать. Имела место некая абсурдная вещь, но потом сдержат что-либо уже не представлявшая возможным»¹¹.

Надо со всей определенностью подчеркнуть, что подобного рода действия предпринимались – а точнее вбрасывались, казалось бы, ниоткуда – и в ходе дальнейших «цветных» революций в странах – бывших республиках СССР. Некоторые из них остаются недостаточно изученными до настоящего времени, становясь некой «незаживающей раной», по крайней мере, в репрезентации СМИ. Достаточно вспомнить претензии к экс-президенту Украины Л. Кучме по поводу «дела Гонгадзе» или провокационные события, постоянно поддер-

живающие обстановку напряженности в Киргизии. Становятся предметом обсуждения и подобного рода казусы в ходе революций в арабских странах. Общим названием для них, на мой взгляд, может служить термин провокационный нарратив (или деструктивно ориентированный слух). Аналоги «казуса Шмида» и в этом отношении – общий признак революций нового типа.

Мирная манифестация, посвященная памяти расстрела нацистами в 1939 г. пражских студентов, превратилась в демонстрацию протеста против «режима нормализации» и сразу же привлекла внимание всего мира. События были «ожидаемыми», поэтому и все заинтересованные силы включились в их раскрутку. Голос студенчества звучал наиболее громко уже с самых первых часов демонстрации, именно его лидеры не боялись выдвигать самые радикальные призывы и лозунги. Следует отметить, что в итоговом документе упоминавшейся выше Комиссии по расследованию событий 17 ноября 1989 г. утверждалось, что в этот день представители диссидентского движения наблюдали за активностью студентов со стороны в качестве «незаинтересованного зрителя»¹². Тем самым именно студенческий радикализм сыграл важнейшую роль в том, что день 17 ноября стал первым днем «бархатной» революции в Чехословакии.

Таким образом, слухи о гибели пражского студента, ставшие в СМИ провокационно сконструированным нарративом, явились побудителем студенческих демонстраций, а в дальнейшем – участия в протестном движении широких народных масс. Этот казус продемонстрировал и более общую закономерность, присущую всем революциям с определениями, – постоянно растущую роль нарративов в детерминации социальных событий и резкую интенсификацию социальных сетей (твиттеров), их распространяющих.

При этом вовсе необязательно обращаться к конспирологическим или манипулятивным теориям: такова особенность нового выстраивания социальных явлений. На это же указывает и обращение к определениям, эмблематично включающим, во-первых, оттенки различных цветов, во-вторых, деревьев, фруктов, в-третьих, тех же материалов – бархата (или, точнее, вельвета, который, как известно, представляет собой мягкую ткань с промежутками между полосами ворса – ее фактура в какой-то степени характеризует переменчивый ход революционных преобразований в Чехословакии с использованием потенциала всех участников политического процесса) и т.д., и т.п. Правда, растущий разнородностью в определениях политических преобразований в странах арабского мира явно затмевает их суть и направленность; и поэтому лозунги и нарративы занимают уже меньшую роль в их репрезентации.

Надо особо подчеркнуть, что нарратив «бархатной» революции имеет длительную предысторию, начинающуюся от способа подачи идеи «социализма с человеческим лицом». Образно говоря, после 1968 г. в Чехословакии шли непрекращавшиеся поиски не только «лица», но и соответствующего «голоса», отражавшего настоятельность изменений. Социалистическая их составляющая не была списана в архив во времена «режима нормализации», но все же на ведущие позиции в антинормализационном движении, по крайней

мере после Хартии 77, выходили другие идеи: обеспечения процессов соблюдения прав человека (в большей степени в Чехии) и движение религиозной направленности (в большей мере в Словакии), а главное – выражение ожиданий народа на благотворные изменения. Доминантой всех трех указанных движений выступала акцентированная установка на ненасилие, что и отражалось в документах. Это не значит, что политическим целям отводилось третьестепенное место, это скорее потребность в нового рода политике – «неполитической», по слову лидера хартистов В. Гавела, хотя не в меньшей мере его мог бы употреблять и лидер Пражской весны А. Дубчек.

Важно также выявление соотношения мифического и реального наполнения тех или иных движений, как оно отражается в нарративах, что также существенно характеризует роль волны революций, начавшихся в конце 1980-х годов. Оппозиционное движение в Чехословакии приобрело массовый характер лишь ко времени «бархатной» революции 1989 г., однако его лидеры нередко стремились представить предыдущие этапы эволюции той или иной его структуры в качестве мощной политической силы. Протестные нарративы при этом нагружались дополнительными и часто мало соотносимыми с реальностями смыслами. Более того, они претендовали на преемственность со старыми идеологическими постулатами (опираясь во многом на историческую память, например, на идею «социализма с человеческим лицом») или на создание принципиально новых.

В этом особо преуспели хартисты и, в частности, В. Гавел: его идеи «неполитической политики», «власти безвластных», выраженные в форме броских оксюморонов, активно входили в лексикон мировой политической идеологии. Лишь дальнейшие события показали: разговоры о подобном «наличии отсутствия» политики стремления к власти и т.п. как раз и являлись способом достижения последней; об этом, в частности, свидетельствует и успешная государственная карьера Гавела¹³.

В этой связи есть все основания утверждать: как история революций с определениями была бы невозможна в тех формах, в которых они происходили, то есть без их предыстории в качестве протестных движений, так и динамика мобилизующих нарративов предстает трудно уясняемой, если не учитывать специфики становления многих предшествующих им идей и лозунгов. К примеру, слово «бархат (вельвет)» и его производные, ставшие эмблематичными в определении коренных политических преобразований, можно было бы вывести не только из положений Хартии 77. Они применимы и к оппозиционным структурам с социалистической составляющей, и к словацким протестным группам, которые ориентировались на принципы христианского гуманизма.

В этом плане весьма показательны выдержки из трех документов различных чехословацких антинормализационных структур. Так, в «Воззвании Хартии 77» (январь 1977 г.) говорится, что она «не является базой для оппозиционной политической деятельности. Она стремится служить общим интересам подобно многим таким же гражданским инициативам в различных странах на

Западе и Востоке. Таким образом, она не намерена выдвигать собственную программу политических или общественных реформ или изменений, но вести в сфере своего влияния конструктивный диалог с политической и государственной властью». Но ведь и программная декларация подготовительного комитета Клуба за социалистическую перестройку – «Возрождение», принятая в феврале 1989 г., утверждала: «Одной из первоочередных целей нашей деятельности мы считаем содействие заключению основного национального соглашения всех общественных классов и групп, а также идейных течений с целью создания благоприятствующей перестройке политической атмосферы. Напряжение в обществе, особенно между правящими центрами и значительной частью общественности, включая гражданские инициативы, необходимо устранить». Наконец, Первое Заявление гражданского движения в Словакии – Общественность против насилия (20 ноября 1989 г.) призывало: «Включайтесь вместе с нами в борьбу за начало общественного диалога, за истинную, а не только продекларированную демократию. Мы выступаем со своей инициативой за улучшение отношений, каждый на своем месте, на работе, в школе, в обществе»¹⁴.

Следует подчеркнуть, что термин «бархатная» применительно к революции впервые ввели в оборот англоязычные журналисты, затем его подхватили экс-диссиденты, наконец, он стал общепринятым. Действительно, на наш взгляд, он едва ли является плодом индивидуального ума, скорее можно говорить о результате коллективного языкового творчества. Не случайно этот термин стал родовым для названий множества других однотипных революций.

Разумеется, суть не в названии. Изменилась сама природа того феномена, который именуется революцией: ставка делалась не на насилие, а на способы его недопущения. Воля у революционеров той же Чехословакии оказывалась достаточно последовательной, но если акции ненасильственного характера не набирали достаточной силы и не становились массовыми, революционеры опережающих действий не предпринимали. Отсюда объяснение той стратегии Гавела и его союзников (получивших название-оксюморон «неполитическая политика»), которая уже в ходе реализации именовалась его политическими оппонентами «оппортунизмом». Жесткие критики Гавела (в частности, английский исследователь Дж. Кин¹⁵), оценивая эту линию, писали о нем даже как о макиавеллисте и отмечали, что «бархатной» была только перчатка, рука же власти оказалась «железной». Подтверждением этому может служить противостояние В. Гавела и А. Дубчека, которого «бархатно-железно» отодвинули в качестве возможного претендента на президентский пост¹⁶.

В целом формирование в ходе «бархатной» революции новых органов власти в Чехословакии не имело тогда аналогов в регионе. Особенно это касалось процедуры и хода избрания на пост президента страны лидера оппозиции В. Гавела после ухода в отставку 10 декабря 1989 г. Г. Гусака. В тот же день Гражданский форум и Общественность против насилия официально объявили о выдвижении Гавела на пост президента. Но и А. Дубчек, имевший для

баллотирования на президентский пост достаточно веские основания¹⁷, не возражал против выдвижения своей кандидатуры¹⁸. Л.Адамеца выдвинула Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ), а Ч.Цисаржа – Союз Социалистической молодежи (ССМ). Здесь уместно привести итоги проведенного студентами импровизированного опроса общественного мнения, которые огласил один из студенческих лидеров Ш.Панек 7 декабря 1989 г. На предложенный респондентам вопрос: «Кто, по вашему мнению, мог бы стать президентом республики?» – 80% ответили: «Не знаю», 10% – А. Дубчек, 7% – В. Комарек, 1,3% – Л. Адамец, 1% – В. Гавел, 1% – Ч. Цисарж¹⁹.

Оценивая ситуацию с выборами президента в декабре 1989 г., З. Йичинский полагал, что предложение о выдвижении на пост президента А.Дубчека могло бы не только теснее объединить чешский и словацкий народы, но и усилить преемственность происходящих событий с Пражской весной. «Если бы, – подчеркивал он, – Дубчек стал тогда президентом республики, дальнейшее развитие Чехословакии проходило, возможно, по-иному и, по всей видимости, не произошел бы распад государства»²⁰. Остается добавить, что история не имеет сослагательного наклонения, но нарративам всегда присуща смесь того, что можно назвать, используя грамматические термины, повелительным и изъявительным наклонениями.

И все же, как представляется, в Чехии, а еще в большей мере в Словакии революция исходила из презумпции ненасильственности, поэтому подобного рода оппортунизм был неизбежен, а для его обозначения определения «бархатная» и «нежная» подходят в оптимальной мере.

Например, вполне «по-бархатному» Гавелу и его соратникам удалось разыграть карту перевода депутатов-коммунистов в Федеральном собрании (парламенте) Чехословакии в число своих сторонников. Подобного рода акций можно насчитать десятки, и они выражают характер революций, коренным образом отличающихся не только от революции 1917 года, но даже от событий 1948 и 1968 годов.

Даже полиция, участвовавшая в сдерживании акции протеста 1989 года, оказалась фактически безоружной, а призывы к ее использованию представлялись как анахронизм. Еще в большей мере данная тенденция проявилась в Словакии, отнюдь не случайно там сама революция была названа для определения такого рода явлений беспрецедентным термином. Не потребовалось даже таких сверхмассовых митингов, как в Праге, поскольку революция произошла скорее в восприятии неизбежности перемен, чем в их реальном движении.

Все это отражается и в характере нарратива. Рассказы чешских лидеров и участников революции отличаются большей эмоциональностью и даже выпендренностью, акцентом на решительности действий, таковыми по сути не являющимися, и т.п. Нарративы относительно словацкой революции – мягче, если можно так выразиться, нежнее, например, речи Я. Черногурского пронизаны ценностями христианского гуманизма и обоснованием потребности их воплощения в современную жизнь.

Естественно, проблема характера отражения революционных событий в нарративе и даже в определениях революции лишь поставлена. На мой взгляд, необходимо продолжение работы в плане контент-анализа основных документов, текстов выступлений и пр. Однако справедливость тезиса о том, как назовешь корабль, так он и поплывет, уже может быть подтверждена и на нынешнем уровне рассмотрения. Многие исследователи уже достаточно давно подчеркивали, что политические и социальные преобразования вызывают языковые сдвиги. Можно выдвинуть более смелое утверждение: характер политических и социальных сдвигов отражается на динамике и даже на способе подачи языковых выражений.

Но важнее другое: сами эти выражения и нарративы выступают побудителями указанных сдвигов и их ускорителями. Опыт революции с определениями, а также их продолжения в других регионах мира может служить доказательством справедливости этого тезиса и побуждением к дальнейшему анализу нарративов – как тех, что предшествуют и сопровождают указанные революции, детерминируя их название, так и тех, которые служат предметом последующих интерпретаций.

При этом вовсе не следует отрицать роль объективных детерминант революционных событий и их хода, однако нельзя не заметить, что нарративы играют все возрастающую роль в их организации. Этим определяется настоятельность мультидисциплинарного подхода к ним, контуры которого в настоящее время только формируются в рамках любой историографии. При этом вышеуказанные определения одновременно скрывают и открывают суть происходящих процессов, в первом случае предоставляя их генерализованным образом, а во втором выявляя роль подачи этих процессов в средствах массовой коммуникации как побудителя дальнейшего их развития.

В настоящее время аналитики говорят о малой вероятности «цветных» революций в крупных странах. Одну из них, когда в Интернете распространялись антиправительственные призывы, практически мгновенно предотвратили в Китае 20 февраля 2011 г. Интернет тогда был заблокирован, и «твиттерной» революции в китайском варианте не получилось, а несколько сотен собравшихся разогнали силой.

И все же импульс, полученный от «бархатных» революций, ощущается постоянно и повсеместно. Его можно выразить формулой: современные народы охвачены стремлением освободиться от «империализма». Славянские народы Центральной Европы с конца 1980-х своей важной установкой сделали освобождение от советского (российского) «империализма», эксплуатируя ее до настоящего времени. В дальнейшем оказалось, что они подвержены воздействию и других «империализмов», поэтому молниеносного прыжка от «советской темноты» к «западному свету», как зафиксировал еще в 2008 г. журнал «Экономист»²¹, не получилось, – и очередная утопия рухнула. Все же страны указанного региона, в котором проживают все западнославянские и южнославянские народы, получили новые импульсы развития.

«Цветные» революции на территории стран – бывших республик СССР имеют гораздо более сложные и противоречивые последствия и характеризуются некой принципиальной незавершенностью. Относительно исхода очередной волны революций в странах арабского мира трудно делать какие-либо прогнозы. Например, американские аналитики подчеркивают в этом плане особую сдержанность аналитиков российских, во-первых, перекормленных несбыточными надеждами «августовской» революции, и, во-вторых, выражающих опасения в связи с непредсказуемостью влияния революций в арабских странах на ход событий в государствах Средней Азии и регионе Кавказа²².

И все же вывод относительно того, что революции в славянских странах конца XX века положили начало глобальному процессу политических и социальных преобразований в ряде других регионов мира, является достаточно релевантным. Тем самым в чем-то оправдываются предсказания славянофилов XIX века об особом призвании славянских народов, считавшихся их оппонентами сугубо мифическими.

Однако это вопрос для дальнейших дискуссий о роли славянских народов в качестве «обновителей» цивилизации, равно как и нарративов, обосновывающих эту роль. Указанные дискуссии ведутся с позапрошлого века, но во многих отношениях идеи таких весьма разноплановых мыслителей, как Я. Коллар, А. Мицкевич, А. Герцен, Н. Данилевский, Ф. Тютчев, ранее – И. Гердер (в его немецкоязычном труде «Идеи к философии истории человечества», 1784–1791, в котором обосновывалась особая роль славянских народов в ее развитии), а в XX веке – Т.Г. Масарик (в такой его работе как, например, «Мировая революция». Т. 1–2. Прага, 1926), приобретают новое звучание в начале третьего тысячелетия.

Примечания

¹ См.: Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2000; Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Т. 1–2. М., 2007; Власть-общество-реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006; История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007; Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011; Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 20 лет спустя. М., 2011 и др.

² См., например: *New York Times*. 2011. 27 February.

³ Ash T. G. 1989! // *New Times of Books*. V. 56. November 5. 2009 <http://www.nybooks.com/articles/23232>; Ash T. G. Velvet Revolution: The Prospects // *New Times of Books*. V. 56. December 5. 2009 <http://www.nybooks.com/articles/23232>

⁴ *Ibidem*.

⁵ 28 октября 1939 г. по случаю годовщины провозглашения независимости Чехословакии в Праге состоялась многотысячная демонстрация, жестоко подавленная нацистами. Один из ее участников – пражский студент-антифашист Ян Оплетал (1915–1939) – от полученных ран скончался, а его похороны 15 ноября вылились в новую манифестацию, также подавленную немецкими оккупационными властями. 17 ноября – день казни девяти участников этой манифестации – ежегодно отмечается как Международный день студентов.

⁶ *Deset pražských dnů. 17–27. listopad 1989. Dokumentace*. Ed. M. Otáhal, Z. Sládek. Praha, 1993. S. 16–18; см. также: Bartuška V. *Polojasno: Pátrání po vinicích*. Praha, 1990; Suk J. *Labyrintem revoluce. Aktéři, zápletky a křižovatky jedné politické krize (od listopadu 1989 do června 1990)*. Praha, 2003.

⁷ Подробнее см.: Federální shromáždění České a Slovenské Federativní Republiky. VI.v.o. 1236. Závěrečná zpráva vyšetřovací komise Federálního shromáždění pro objasnění události 17.listopada 1989 // http://www.psp.cz/eknih/1990fs/tisky/t1236_01.htm

⁸ *Ibidem*.

⁹ Husák P. Česká cesta ke svobodě. Revoluce či co? Praha, 1999. S. 82.

¹⁰ Klusáková J., Pithart P. Jana Klusáková a Petr Pithart rozmlouvají nadoraz... O Havlovi, Klausovi, Mečiarovi a revoluci, která požívá své děti. Praha, 1992. S. 95.

¹¹ Vítězové? Poráženi? Životopisná interview. Ed. M.Vaněk, P. Urbášek. Praha, 2005. D. I. S. 52.

¹² Federální shromáždění České a Slovenské Federativní Republiky. VI.v.o. 1236. Závěrečná zpráva vyšetřovací komise Federálního shromáždění pro objasnění události 17.listopada 1989 // http://www.psp.cz/eknih/1990fs/tisky/t1236_05.htm

¹³ См.: Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968-ноябрь 1989 г.). М., 2008. С. 9 – 10.

¹⁴ Там же. С. 393, 414, 430.

¹⁵ Keane J. Vaclav Havel. A Political Tragedy in Six Acts. London, 1994.

¹⁶ *Ibid.* P. 372, 488.

¹⁷ Подробнее см.: Benčík A. Utajovaná pravda o Alexandru Dubčekovi: Drama muže, který předběhl svou dobu. Praha, 2000; Suk J. Dubčekův návrat do vysoké politiky // Úloha Alexandra Dubčeka v moderních dějinách Československa. Praha, 2002. S. 90-91; Šilhán V. K Alexandru Dubčekovi // Úloha Alexandra Dubčeka... S. 126; см. также: Задорожнюк Э.Г. Политический портрет президента-драматурга Вацлава Гавела // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. М., 2003; Alexander Dubček: politik, štátnik, humanista. Eds. I.Laluha, E. Petrovičová, M. Pekník. Bratislava, 2009; Benčík A. Téma: Alexander Dubček. Pražská jar'68. «Normalizácia». Nezná revolúcia '89. Bratislava, 2010.

¹⁸ November 1989 a Slovensko. Chronológia a dokumenty (1985-1990). Bratislava, 1999. S. 420, 426.

¹⁹ Suk J. Občanské fórum. Dokumenty. Listopad-prosinec 1989. Brno, 1998. Díl 2. S. 122.

²⁰ Цит. по: Задорожнюк Э. Г. История «бархатной» революции. 17 ноября – 29 декабря 1989 г. // Чехия и Словакия в XX веке... С. 317-318.

²¹ The Economist. 2008. January 10.

²² National Interest. 2011. January 22.

Постсоциалистическая Болгария: надежды и разочарования XXI века

Abstract:

Valeva E.L. *Post-socialist Bulgaria: hopes and disappointments of the XXI century*

Socio-economic transformation, which began in Bulgaria in the early 1990-ies, had no alternative, but it was carried out in the absence of a clear vision of the reform concept and with numerous errors. This didn't have a good impact on the social climate of the country, it maintained a permanent social tension and didn't contribute to the sustainable development of the economics. After its entry into the European Union the country started facing new challenges in the circumstances of a globalized world – overcoming poverty and modernization.

Ключевые слова: история Болгарии, системная трансформация, постсоциалистический период, Болгарская коммунистическая партия, Союз демократических сил, Европейский Союз.

С начала 1990-х годов Болгария переживала системную трансформацию, охватившую все сферы: политическое и экономическое устройство, внешне-политическую ориентацию, культурную политику, социальные отношения. Это происходило в условиях отсутствия опыта и средств для структурного обновления, без традиций в области рыночной экономики, но зато с сильно выраженными потребительскими настроениями в обществе и с живучей убежденностью в том, что болгарское государство должно оставаться социальным. Переходный период начался с надежды, и несколько лет в общественном сознании большинства болгар господствовала иллюзия, что будут непременно восстановлены историческая, экономическая, социальная и прочая справедливость.

Однако социальная нестабильность, кризисное состояние общества и экономики в Болгарии в переходный период обусловили частую смену правительственных кабинетов. За 20 лет трансформации (с 1989 по 2009 гг.) в пост-социалистической Болгарии семь раз проводились парламентские выборы, из них трижды досрочно, пять раз – выборы в местные органы власти. Было сформировано 12 составов правительства, общей чертой которых являлось более или менее выраженное стремление к либеральным методам руководства. Однако ни Болгарская Социалистическая Партия (БСП, наследница компартии), ни Союз Демократических Сил (СДС, объединивший антикоммунистические партии и движения), чередовавшиеся у руля правления, так и не сумели разработать четкой стратегии для разрешения серьезных национальных проблем. Вместо этого они занимались в основном внутривнутрипартийными интригами и своим обустройством в административных и экономических структурах.

Решающее воздействие на итоги выборов оказывала ухудшающаяся социально-экономическая ситуация, падение жизненного уровня основной массы населения. Каждая предвыборная кампания сопровождалась возникно-

вением новых или распадом старых коалиций. Большая динамика смены лиц на политической сцене Болгарии была вызвана высокими темпами обновления, ошибками и даже межличностными отношениями.

К концу XX века большинство болгар стало воспринимать СДС как партию власти, партию новой, «синей» номенклатуры. Различия между «левыми» и «правыми», между «красными» и «синими» стерлись до такой степени, что основными отличительными признаками их в глазах населения остались лишь цвета символики. В погоне за своими корпоративными интересами политическая элита упустила значительную часть болгарских избирателей, разуберившихся в возможностях как «левых», так и «правых». Болгарским обществом оказалась объективно востребована альтернативная, «третья сила», и она появилась.

В начале апреля 2001 г. в Болгарию после 55-летней вынужденной эмиграции вернулся бывший царь Симеон II Саксен-Кобург-Готский. С целью участия на выборах в Народное Собрание в июне 2001 г. Симеон сформировал либеральную политическую формацию с красноречивым названием Национальное движение «Симеон Второй» (НДСВ). Никто по сути не понимал, что собой представляет новое движение и сколько голосов оно может собрать на предстоящих выборах. Это внесло нервность в предвыборную стратегию основных партий. Лидер НДСВ продемонстрировал политкорректность и стремление к объединению нации, что привлекло к нему избирателей, уставших от конфронтационных методов, критики и взаимных нападок «левых» и «правых». Сам Симеон в глазах болгар был чист – он не отвечал ни за тоталитарное прошлое, ни за тяготы переходного периода.

Результаты выборов 17 июня 2001 г. коренным образом изменили расстановку сил в Народном Собрании. НДСВ одержало громоподобную победу, получив ровно половину мандатов: 120 из 240. Остальные партии довольствовались куда более скромными результатами. Особенно сильно пострадала на выборах правившая с 1997 г. коалиция Объединенные Демократические Силы – ОДС (51 мандат). Не случайно она атаковала НДСВ в ходе предвыборной кампании, видя в нем опасного конкурента. Огромная часть голосовавших за НДСВ являлась бывшими членами СДС, разочарованными его непопулярными реформами. «Коалиция за Болгарию» во главе с БСП, получившая всего 48 мест в парламенте, впервые оказалась на третьем месте. Такова была расплата за то, что партия не сумела отстоять и реализовать социально ориентированную модель перехода. Четвертая политическая сила – Движение за права и свободы (ДПС, партия этнических турок) – получила 21 мандат. 24 июля 2001 г. Народное Собрание утвердило состав нового кабинета во главе с С. Саксен-Кобург-Готским. Из 16 министерских портфелей по два получили представители ДПС и БСП (хотя последняя оставалась в оппозиции).

Своим появлением на политической арене НДСВ разрушило сложившуюся в Болгарии в переходный период двухполюсную модель и заполнило нишу в либеральном центре. Как справедливо пишет болгарский историк И. Баева, восхождение НДСВ явилось следствием отхода избирателей от абсолютно всех

партий и коалиций, он свидетельствовал об огромном разочаровании болгар результатами реформ, демократизации, реструктурирования, которые не улучшили, а ухудшили условия жизни большинства граждан¹.

Приоритетами своего правительства Симеон провозгласил обеспечение необходимых условий для скорейшего вступления в Евросоюз и НАТО, развитие функциональной рыночной экономики и быстрый экономический рост, смягчение трудностей переходного периода в социальной сфере и непримиримую борьбу с коррупцией. В правительство вошли молодые, хорошо образованные бизнесмены, прекрасно знакомые с западными моделями демократии, но не имевшие представления о Болгарии как объекте управления и реформирования. С 1 января 2002 г. правительство начало радикальную налоговую реформу, освободив от налогов все малоимущие (месячный доход ниже 110 левов, т.е. 51 долл.) слои населения и уменьшив в среднем на 10% ставки налогов на остальные доходы. Эти меры были призваны улучшить инвестиционный климат в стране, ускорить экономический рост и создать новые рабочие места. При этом правительство решилось на такую непопулярную меру, как повышение на 10% цен на электричество и тепловую энергию с 1 октября 2001 г. Чтобы подсластить пилюлю, премьер объявил об одновременном повышении минимальной зарплаты с 85 до 100 левов (примерно с 43 до 51 долл.) и об увеличении в два раза размера детских пособий². Многие болгары встретили новое правительство с большим энтузиазмом, однако уже вскоре испытали первые разочарования, поскольку их надежды на быстрое улучшение жизни в очередной раз не оправдались.

Президентские выборы, проводившиеся в два тура 11 и 18 ноября 2001 г., проходили при небывало низкой активности избирателей. За кандидата от СДС Петра Стоянова выступили премьер-министр и его НДСВ. БСП выдвинула председателя Высшего совета своей партии Георгия Пырванова, которого поддержало и ДПС. Опровергнув прогнозы социологов, убедительную победу во втором туре одержал Г. Пырванов, получив 54 % голосов избирателей. Выступая на митинге своих соратников и приверженцев в Софии, новый президент объявил о преемственности в отношении внешнеполитического курса и подчеркнул, что страна будет еще более настойчиво добиваться членства в Евросоюзе и НАТО³.

Таким образом, в первый год нового тысячелетия Болгария дважды удивила мир неожиданными поворотами во внутренней политике, а от журналистов получила следующую эффектную характеристику: трансформирующееся государство, где премьер-министр – бывший царь, а президент – бывший коммунистический лидер⁴.

В октябре 2001 г. кабинет представил свою программу действий с многообещающим названием «Народ – богатство Болгарии». Она содержала намерения обеспечить годовой рост ВВП на 5–7 %, снизить прямые налоги, привлечь иностранные инвестиции, уменьшить число безработных. Но уже вскоре правительству, зависевшему от режима валютного совета и от международных финансовых организаций, пришлось отказаться от некоторых своих

обещаний. Бюджет на 2002 год, предусматривавший двукратное увеличение зарплат на 5 % и однократное повышение пенсий при инфляции в 3,5 %, явно не предполагал существенного улучшения уровня жизни народа. Когда в начале 2002 г. пришло время платить налоги, то оказалось, что большинство их повышено, причем в разы. Согласно докладу Всемирного банка, доходы на душу населения в Болгарии в 2001 г. составили 1560 долл., что представляло 31% от доходов в среднем по ЕС⁵. Недовольство правительством, наметившееся уже осенью 2001 г., стремительно возросло, профсоюзы стали организовывать акции протеста. За считанные месяцы доверие населения к НДСВ резко упало.

Тем не менее, несмотря на серьезные проблемы в социальной сфере, правительство могло записать себе в актив экономический рост в условиях макроэкономической стабильности. В отраслевом плане динамика ВВП поддерживалась главным образом ростом промышленного производства, хотя промышленности не удалось преодолеть трансформационного спада и структурного кризиса⁶. В докладе Европейской комиссии (9 октября 2002 г.) Болгарию признали страной с «функционирующей рыночной экономикой», этот же вывод был подтвержден и в 2003 г. Однако в ЕС считали, что государство предпринимает пока недостаточно усилий для поворота на инновационный путь развития страны. Во внешнеэкономической сфере в 2001-2005 гг. продолжалось развитие интеграции Болгарии с Евросоюзом. В 2005 г. на страны ЕС приходилось 55% внешнеторгового оборота страны. В болгарском экспорте доля стран ЕС была еще больше – 56,5%. Переориентирован на Евросоюз экономические интересы, открыв для его стран свой внутренний рынок, Болгария оказалась неспособной увеличить экспорт в эти страны из-за слабости своей экспортной базы.

Сферой, в которой правительство С. Саксен-Кобург-Готского добилось наиболее значимых успехов, являлась внешняя политика. За время его мандата Болгария стала полноправным членом НАТО (2004 г.). Завершился и переговорный процесс о присоединении Болгарии к Европейскому Союзу, длившийся с 2001 по 2004 гг. Ежегодно пролонгируемые среднесрочные рамочные предприсоединительные программы служили инструментом для наблюдения за реализацией намеченной экономической политики⁷. Европейская комиссия в своих мониторинговых докладах давала оценку выполнения Болгарией поставленных задач. Договор о присоединении Болгарии к Евросоюзу был подписан 25 апреля 2005 г., датой вступления определили 2007 год, но до этого стране предстояло провести целый ряд реформ, чтобы отвечать необходимым политическим и экономическим критериям.

Что касается болгаро-российского сотрудничества, то весь период трансформации в Болгарии характеризовался спадом в сфере политических, экономических и культурных связей. Дисбаланс в торговых отношениях Болгарии с Россией составляет значительную долю ее внешнеторгового дефицита. В ходе государственного визита в Болгарию В.В. Путина в начале марта 2003 г. президенты двух стран подписали декларацию «О дальнейшем углублении дружественных отношений и партнерства между РФ и Болгарией»⁸. Казалось,

были урегулированы многие спорные вопросы, в частности проблема советского (российского) долга Болгарии, найдены подходы к решению вопросов в сфере военно-промышленного и топливно-энергетического комплексов. Однако многое из намеченного так и не удалось реализовать как по объективным, так и по субъективным причинам. Проблема активизации экономического сотрудничества стала основой переговоров на высшем уровне во время визита в Москву Г. Пырванова в июле 2004 г., где главное внимание уделялось участию российской стороны в приватизации крупных объектов болгарской энергетики, увеличению поставок российского газа в Болгарию, а также его транзиту в третьи страны. После вступления Болгарии в ЕС в 2007 г. наблюдалось повышение интереса российского бизнеса к инвестициям в различные производства в Болгарии. Российский экспорт в эту страну составил в 2007 г. 4 млрд. долл. и в 19 раз превысил болгарский экспорт в Россию⁹, еще более увеличив дисбаланс в торговле в пользу Москвы. Почти 90% российского импорта составляют энергоносители, из них 80% – это нефть. Около трети болгарского экспорта в Россию – машины и оборудование, 17% – безалкогольные и алкогольные напитки, около 15% – фармацевтические товары¹⁰. Весьма остро стоит вопрос проникновения болгарских товаров на российский рынок.

В начале нового тысячелетия российско-болгарские отношения стали основываться на реализме и прагматизме, они не обременены идеологическими парадигмами. Это подтвердил состоявшийся 17–18 января 2008 г. визит В.В. Путина и Д.А. Медведева в Софию, в ходе которого стороны подписали ряд важных соглашений в экономической и культурной областях. Важнейшими документами, которые станут основой развития болгаро-российских отношений на десятилетия вперед, являются соглашения в сфере энергетики: о строительстве «Атомстройэкспортом» АЭС «Белене», о прокладке 155 км нефтепровода Бургас-Александрополис по территории Болгарии и о строительстве и эксплуатации газопровода из России в Европу «Южный поток»¹¹. Таким образом, интересы российских инвесторов в Болгарии сосредоточены прежде всего в топливно-энергетической сфере.

Сдвиги в расстановке основных политических сил в Болгарии отчетливо выявили итоги выборов в местные органы власти осенью 2003 г. Наибольшее число мандатов в советах общин получили представители БСП (17,6 %), на втором месте оказалось ДПС (13,2 %), на третьем – СДС (10,2 %). Правящая правоцентристская партия НДСВ получила лишь 6,5 % мест, продемонстрировав глубочайший кризис доверия к ней избирателей. Любопытно, что более половины мандатов в местные органы власти завоевали независимые кандидаты и представители партий, не входящих в нынешний парламент. Это свидетельствовало о недовольстве населения правительством, о том, что в болгарском обществе нарастала потребность в очередной альтернативе утвердившейся политической элите.

Шестые после ноября 1989 г. парламентские выборы состоялись в положенный срок, 25 июня 2005 г., хотя оппозиционные СДС и БСП неоднократно поднимали вопрос о недоверии правительству С. Саксен-Кобург-Готского

и о проведении досрочных выборов. Социалисты набрали большинство голосов и после четырехлетнего перерыва вновь вернулись к власти. Возглавляемая ими «Коалиция за Болгарию» получила 31% голосов и 82 мандата вместо 48 в предыдущем Народном Собрании. Более 4% голосов, необходимых для получения места в парламенте, набрали следующие партии: НДСВ – 19,88 % (соответственно, 53 места вместо прежних 120), ДПС – 12,68 % (34 места), ультранационалистическая Коалиция «Атака» – 8,93% (21 мандат), ОДС – 7,70 % (20 мандатов), партия бывшего премьер-министра И. Костова «Демократы за сильную Болгарию» (ДСБ) – 6,45 % (17 мест) и коалиция Болгарский народный союз (БНС) – 5,20 % (13 мандатов)¹².

Таким образом, результаты региональных и парламентских выборов показали, с одной стороны, резкое падение доверия к бывшей правящей партии НДСВ и ее лидеру, а с другой – упрочение позиций социалистов. Кроме того, стало очевидным значительное усиление позиций партии турецкого меньшинства – ДПС, которая стала третьей по численности партией в Народном Собрании и фактически играла роль балансира между БСП и СДС. Большой неожиданностью стал прорыв в парламент Коалиции «Атака»¹³. Аналитики объясняют этот феномен кризисом доверия к традиционным партиям всего политического спектра. Именно нараставшие протестные настроения в обществе вылились в формирование новой политической силы. «Атака» привлекла к себе внимание тем, что поднимала важные и крайне болезненные для болгарского общества проблемы, о которых другие партии и политики не решались открыто говорить, и при помощи демагогии и популизма создавала обманчивое представление о возможности их легкого и быстрого решения. Так, «Атака» выступила против невыгодного для Болгарии закрытия реакторов АЭС «Козлодуй», против покупки болгарских земель иностранцами, против вступления в НАТО и ЕС, против «колониальных» отношений с МВФ. При этом она использовала национал-патриотические и ксенофобские настроения части населения, которой импонирует ее риторика против ДПС, турок и цыган.¹⁴

Поскольку ни одна политическая партия не получила абсолютного большинства в Народном Собрании, назначить правительство можно было только на основе коалиции различных политических сил. Начавшиеся в июле переговоры между БСП, НДСВ и ДПС о тройственной коалиции шли долго и трудно, часто заходя в тупик. В течение семи недель политическая жизнь Болгарии фактически была парализована. Обострение парламентского кризиса вызвало предупреждения со стороны Евросоюза о возможности отсрочки приема Болгарии в ЕС из-за политической нестабильности. Наконец, 16 августа Народное Собрание утвердило состав левоцентристского правительства во главе с социалистом Сергеем Станишевым (167 голосов «за» и 67 «против»). Министерские портфели распределились следующим образом: БСП – 8, НДСВ – 5, ДПС – 3. Отметим, что партия Ахмеда Догана раз от раза требовала и получала все большую долю власти (в 2001 г. ДПС в правительстве С. Саксен-Кобург-Готского имело лишь министерство земледелия). Политический вес этой партии рос, что вызывало негативные эмоции болгарского населения страны.

С большим трудом образованная тройная коалиция с самого начала несла печать политической нестабильности и была чревата будущими внутренними конфликтами. Перед новым кабинетом стояли непростые задачи – проведение реформ, необходимых для вступления страны в Европейский Союз. Премьер-министр Станишев заявил, что главными задачами новой коалиции будут решение социальных проблем граждан, сокращение отставания от ЕС по уровню жизни населения и рост экономики. Пока же приближение Болгарии к Европе происходило (и продолжает происходить) такими медленными темпами, что огромное число способных молодых людей предпочитало пройти этот путь не вместе со своей страной, а самостоятельно – из страны усилилась эмиграция.

22–29 октября 2006 г. в Болгарии состоялись очередные президентские выборы, в ходе которых на пост главы государства претендовали семь кандидатов, в том числе действовавший президент Г. Пырванов. Глава государства с 2001 г. лидировал в рейтинге ведущих болгарских политиков, снискав популярность среди населения вступлением страны в НАТО в 2004 г. и договоренностью о вхождении 1 января 2007 г. в Евросоюз. Он зарекомендовал себя как политик, который в самые трудные моменты проявлял политическое спокойствие и предсказуемость. Пырванов одержал убедительную победу во втором туре, набрав более 76% голосов и став первым президентом Республики Болгария, переизбранным на второй срок. По мнению наблюдателей, победа Пырванова означала продолжение взятого курса в отношениях с Европой, НАТО, США и Россией.

В начале XXI в. Болгария вступила в полосу ответственных и судьбоносных решений, касавшихся ее статуса и положения в Европе и мире. Членство Болгарии в НАТО и Европейском Союзе являлись основным внешнеполитическим приоритетом, по которому был достигнут консенсус в обществе и среди большинства политиков.

С начала 2000 г. и до середины 2004 г. между Болгарией и ЕС шел переговорный процесс по вопросам, связанным с присоединением. В октябре Европейская комиссия в докладе о готовности Болгарии подтвердила, что она может стать членом ЕС в намеченный ранее срок – 1 января 2007 г. при условии успешного выполнения всех договоренностей. Однако уже в июне 2005 г. ЕК направила Болгарии письмо, в котором говорилось о замедлении темпов реформ в стране в пяти сферах. Среди претензий Евросоюза к Болгарии назывались чрезвычайно разветвленная коррупция, слабый уровень судебно-правовой системы, дискриминация цыган, низкая инвестиционная активность, сохраняющееся сильное давление госаппарата на развитие экономики. В своем интервью в марте 2004 г. комиссар по расширению ЕС Г. Ферхойген прямо сказал, что «не предприняв серьезных реформ в судебной системе, Болгария не сможет вступить в ЕС»¹⁵. Поэтому интеграция в Евросоюз предполагала значительную структурную перестройку: административную реформу, реформы в сферах социального обеспечения, здравоохранения, образования, а также сближение болгарской законодательной базы с системой законов, принятых в странах ЕС.

25 апреля 2005 г. на торжественной церемонии в Люксембурге Болгария и Румыния подписали Договоры о присоединении к Европейскому Союзу с 1 января 2007 г. В мае Народное Собрание ратифицировало подписанный договор. Однако Европейская комиссия в своих регулярных мониторинговых докладах продолжала строго следить за выполнением обеими странами согласованных реформ и мероприятий и в случае сбоя могла рекомендовать отсрочку приема на один год. В конце сентября 2006 г. ЕК, к великому облегчению болгарских политиков, признала, что Болгария отвечает необходимым условиям членства в ЕС.

Итак, 1 января 2007 г. исторический акт свершился – страна стала полноправным членом Евросоюза. Уже через неделю правительство приняло План действий на 2007 г. с мероприятиями, вытекающими из членства в ЕС. 10 января Европейская комиссия впервые заседала в составе 27 человек: как полноправный еврокомиссар от Болгарии в этом заседании участвовала Меглена Кунева.

1 марта 2007 г. правительство приняло Национальную программу реформ в Болгарии на период 2007–2009 гг. под девизом «За более высокий рост и большее число рабочих мест». Одновременно оно одобрило семь оперативных программ, которые предстояло представить Европейской комиссии: «Транспорт», «Региональное развитие», «Окружающая среда», «Развитие конкурентоспособности болгарской экономики», «Развитие человеческих ресурсов», «Административный потенциал» и «Техническая помощь». Они предусмотрены на период 2007–2013 гг. и в предстоящие годы должны финансироваться из различных фондов ЕС и национального бюджета¹⁶.

Болгарская дипломатия и администрация приложили огромные усилия для того, чтобы убедить Еврокомиссию в том, что Болгария подготовлена к вступлению не хуже, чем участницы предыдущего расширения ЕС. При этом все – и в Софии, и в Брюсселе – хорошо понимали, что страна весьма далека от средних европейских стандартов. По оценкам экспертов ЕК, жизненный уровень в Болгарии накануне вступления был втрое ниже этого показателя в странах ЕС. Наряду с Албанией она являлась беднейшей страной Европы и занимала последние места в европейских статистиках по всем основным экономическим, социальным и другим показателям. Аналитики подчеркивали, что прием в ЕС Болгарии (как и Румынии) имел политический оттенок, поскольку без этих стран «не мог завершиться европейский процесс на Балканах»¹⁷. Иными словами, эти страны оказались нужны Евросоюзу так же, как и он им.

С вступлением в ЕС оптимистические ожидания большей части общества не оправдались, «молочные реки с кисельными берегами» не потекли в Болгарию. Вполне естественно, что среди болгар стал нарастать «евроскептицизм», тем более что в 2007 г. страна являлась скорее донором, чем реципиентом (один только членский взнос в ЕС составил 640 миллионов левов). В двух областях предстояло приложить особенно много усилий – в борьбе с коррупцией, особенно в высших эшелонах власти, и с оргпреступностью. К сожалению,

коррупция в стране продолжает оставаться на уровне, значительно превышающим средний по ЕС, о чем свидетельствуют данные исследования «Коррупционный индекс в 2007 году» международной ассоциации «Прозрачность без границ». Усиленно декларированная Софией борьба с коррупцией пока явно не дала результатов.

Социологический опрос агентства «Альфа Рисерч», проведенный с 22 ноября по 3 декабря 2007 г., показал, что болгарское общество продолжает оказывать высокую поддержку членству страны в ЕС. Год спустя после присоединения Болгарии к Евросоюзу 79% болгар считало, что этот путь – правильный, хотя они не ожидают быстрого повышения жизненного статуса в связи с ним. Любопытно, что это один из самых высоких уровней поддержки евроинтеграции среди присоединившихся недавно стран-членов ЕС¹⁸.

В первый год после приема Болгарии в Евросоюз стало очевидно, что политическая ситуация в ней отнюдь не стабилизировалась, как прогнозировали многие политики и СМИ. Напротив, пропасть между основной массой населения и политическими и экономическими элитами углубилась, обострились и конфликты внутри самих элит. Схема управления тройной коалиции подвергалась постоянной критике в результате усиливавшегося натиска общественного недовольства, порожденного адаптацией к членству в Европейском Союзе. Новые условия создавали напряжение, которым воспользовались новые политические субъекты.

Здесь следует остановиться на таком факторе в болгарской политике, как партия «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ), созданная ее неформальным лидером Бойко Борисовым в декабре 2006 г. На выборах в Европарламент в мае 2007 г. и в местные органы власти в октябре 2007 г. она стала ведущей политической силой страны. ГЕРБ «оттянул на себя» часть электората БСП, НДСВ и «Атаки», то есть привлек много разочарованных из других партий, прежде всего своей критикой в адрес правительства и заявлениями о намерениях побороть преступность¹⁹. ГЕРБ использовал растущее недовольство населения социалистической и «царской» партиями, а также различными объединениями консервативных «демократов», которые почти за 20 лет своего правления не смогли вывести страну из нищеты.

В конце августа 2007 г. премьер-министр С. Станишев подвел итоги двухлетней работы правительства. По его словам, за последние два года в болгарской экономике отмечается высокий и устойчивый рост. Реальный рост ВВП за 2005 и 2006 гг. превысил 6%, а за первый квартал 2007 г. он стал еще выше. Уровень безработицы в стране составил менее 8%. В бюджетном секторе средняя заработная плата повысилась до 250 евро, средняя пенсия повысилась с 68 евро в 2005 г. до 84 евро в июле 2007 г.²⁰

Однако в ходе парламентских выборов 5 июля 2009 г. болгарское население дало собственную оценку управления за последние годы. Уже за несколько месяцев до выборов социологи отмечали усиление оппозиционных настроений в обществе и радикализацию политически активных избирателей. Причиной появления этих тенденций стал мировой финансовый кризис, который не

обошел стороной и Болгарию, а также газовый кризис зимы 2009 г. Сложившаяся политическая модель уже давно не представляла интересов граждан, они в очередной раз искали альтернативу. В итоге большинство поддержало правоцентристскую партию ГЕРБ (39,7% голосов), выразив тем самым свое желание радикально изменить сложившуюся ситуацию. Более чем в два раза меньше голосов получили стоявшие у власти социалисты (их «Коалиция за Болгарию» получила 17,7%) и ДПС (14,5%), а партия НДСВ после 8 лет участия в управлении страной даже не прошла в парламент. Четвертую позицию на выборах заняла «Атака» (9,4% голосов); правоцентристская «Синяя коалиция» (СДС и ДСБ) также вошла в состав нового парламента (6,8%). Шестой политической формацией в Народном Собрании стала партия крайних консерваторов «Порядок, законность, справедливость» (4,1%).

Партии ГЕРБ не хватило всего лишь пяти голосов, чтобы располагать полным большинством в парламенте, но в него вошли еще три формации с желанием изменить статус-кво и заявившие о своей поддержке будущего кабинета – «Синяя коалиция», «Порядок, законность и справедливость» и «Атака». Остальные две партии в новом парламенте, правившие прежде «Коалиция за Болгарию» и ДПС, составили оппозицию.

Правоцентристский однопартийный кабинет Б. Борисова был сформирован в конце июля 2009 г. Среди первоочередных задач новое правительство назвало необходимым ликвидировать политическую коррупцию, что способствовало бы восстановлению доверия к Болгарии европейских институтов, Евросоюза в целом и, в результате, разблокированию замороженных средств из еврофондов²¹. Не менее важным приоритетом стали поиски механизмов для ограничения последствий экономического кризиса. Это означало борьбу с безработицей и оказание помощи бизнесу, а также пересмотр бюджета. Именно в балансировании между поддержкой бизнеса и социальными расходами состоял один из главных вызовов новому правительству²².

Быстрыми и конкретными действиями Б. Борисов принялся доказывать, что «Болгария может» – девиз, которым ГЕРБ завоевал симпатию и болгар, и партнеров по Евросоюзу. Уже во время своего первого официального визита в Брюссель в сентябре 2009 г. он представил пакет неотложных мер против организованной преступности и коррупции в высших эшелонах власти, принятый его кабинетом в ответ на рекомендации Европейской комиссии. С целью овладения кризисом, борьбы с коррупцией и восстановления доверия Брюсселя были осуществлены первые шаги – ревизия управления «тройной коалиции» БСП–НДСВ–ДПС, сокращение бюджетных расходов на 15%, смена руководящих кадров в государственных структурах, подозреваемых в злоупотреблении служебным положением²³. К заметному улучшению экономической и социально-политической ситуации в стране это не привело, зато вызвало резкую критику со стороны оппозиции.

Результаты исследования Gallup International-Bulgaria, проведенного в январе-феврале 2011 г., свидетельствовали о тенденции спада доверия к власти, то есть к правящей партии ГЕРБ, хотя процессы осмысления происходящего

в стране не завершены: от 30% до 45% опрошенных не имели четкой позиции. Поддержка ГЕРБ сократилась в январе с 31% до 27%. В то же время 53% опрошенных категорически уверены, что на данный момент у руководящей партии нет альтернативы: всего 18% считают, что другая партия или коалиция справилась бы с этой задачей лучше²⁴.

В 2011 г. в Болгарии предстоят очередные президентские и региональные выборы. И хотя они намечены на осень, уже в начале года наблюдалась сильная поляризация основных политических сил. В январе премьер-министр Б. Борисов предпринял опережающий ход против дискредитации правления своей партии, потребовав и получив вотум доверия в парламенте²⁵. Успех вотума доверия обеспечила прежде всего поддержка «Атаки», которая на тот момент являлась твердым сторонником правительства. По словам ее лидера В. Сидерова, «Атака» поддерживает кабинет, потому что альтернатива – это реванш уже правивших прежде партий, которые продемонстрировали свою негодность. Против вотума доверия выступили депутаты от оппозиционных «Коалиции за Болгарию» и ДПС. Лидер социалистов С. Станишев заявил, что управление – плохое, и что правительство должно подать в отставку²⁶.

Это же требование было выдвинуто на национальном митинге протеста под лозунгом «Красная карточка правящим», организованном БСП 26 марта 2011 г. в Софии. Митингующие выразили несогласие с растущей бедностью, повышением цен, коррупцией и организованной преступностью, управленческой некомпетентностью. По данным организаторов, участниками митинга стали около 16 тысяч сторонников «левых», прибывших в столицу со всей страны²⁷.

После двадцатилетнего периода системной трансформации (которая, судя по всему, не закончена до сих пор), испробовав в управлении различные политические силы и их комбинации, пережив очередные надежды и разочарования, Болгария по-прежнему стоит перед масштабными задачами. Это преодоление бедности, модернизация страны, достижение европейских показателей развития, построение демократического правового государства и гражданского общества, все еще находящихся в стадии становления.

Примечания

¹ Калинова Е., Баева И. Българските преходи 1939-2005. София, 2006. С. 335.

² «Независимая газета». 2001. 23 августа.

³ «Независимая газета». 2001. 20 ноября.

⁴ После победы на выборах Г. Пырванов вышел из состава БСП, а председателем Высшего совета партии был избран С. Станишев, сын бывшего члена Политбюро ЦК БКП Д. Станишева.

⁵ Калинова Е., Баева И. Българските преходи... С. 351.

⁶ См.: Страны Центральной и Восточной Европы в 2003 году: результаты социально-экономического и политического развития. М., 2004. С. 28.

⁷ См.: Страны Центральной и Восточной Европы в период подготовки к вступлению и в первые годы членства в Европейском Союзе (2000 – 2005). М., 2006. С. 41.

⁸ «Независимая газета». 2003. 3 марта.

⁹ <http://www.capital.bg/show.php?storyid=449597>.

- ¹⁰ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Ikonomika/Material/bg_rus_150108.htm.
- ¹¹ «Сегодня». 2008. 21 января; «Коммерсантъ». 2008. 19 января.
- ¹² <http://www.parlament.bg> от 17 июля 2005.
- ¹³ Партия «Атака» была учреждена в апреле 2005 г., ее председателем стал известный болгарский журналист Волен Сидеров.
- ¹⁴ «Нова зора». 2006. 26 сентября.
- ¹⁵ Евроинтеграция Болгарии: проблемы и перспективы. София, 2005. С. 106–107.
- ¹⁶ Подробнее о присоединении Болгарии к Евросоюзу и членстве в нем см.: Валева Е.Л. Евроинтеграция Болгарии: проблемы и перспективы // Трансформационные процессы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на рубеже веков: двадцатилетний (1989–2009 гг.) исторический опыт. М., 2011.
- ¹⁷ См.: Писарев П. Болгария пред вратите на рая // «Ново време». 2006. № 10. С. 8–10.
- ¹⁸ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Bulgaria_EU/Material/eubg_201207.htm.
- ¹⁹ «Сега». 2006. 30 декабря.
- ²⁰ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Monitor/Material/doklad_190907.htm.
- ²¹ Болгария заняла в 2009 г. первое место в самом позорном рейтинге Европейского бюро по борьбе с мошенничеством (ОЛАФ) – о злоупотреблениях с еврофондами. Больше всего злоупотреблений раскрыли в секторе сельского хозяйства, в результате чего Еврокомиссия заморозила 140 млн. евро по программе САПАРД. По другим программам также была заблокирована значительная часть средств Евросоюза.
- ²² «Капитал». №27. 2006. 10 июля.
- ²³ http://bnr.bg/sites/radiobulgaria/Lifestyle/Politics/Pages/2409_antikrizisni_merki.aspx.
- ²⁴ <http://bnr.bg/sites/ru/Lifestyle/Politics/Pages/150211-spad.aspx>.
- ²⁵ Согласно болгарскому законодательству, оппозиция не может требовать вотума недоверия в течение следующих шести месяцев.
- ²⁶ <http://bnr.bg/sites/ru/Lifestyle/Politics/Pages/200111-votum.aspx>.
- ²⁷ <http://bnr.bg/sites/radiobulgaria/Lifestyle/News/Pages/26.03.11-1.aspx>.

Социально-политические преобразования в Польше в период правления левых (2001–2005)

Abstract:

Mayorova O. N. *Socio-political changes in Poland during the reign of the Left (2001–2005)*

The article reviews the prerequisites for the Left coming to power in Poland in 2001 and the achievements and failures of L. Miller and M. Belka's governments. It also analyzes the causes of inhibition of Polish system transformation, and characterizes the state of the society in general.

Ключевые слова: Польша, левые, общественно-политическая трансформация, демократия, Евросоюз, НАТО.

Крупнейшим успехом десятилетия 1990-х годов явилось построение фундамента демократических порядков. Основные направления процесса формирования демократической политической системы – становление правового государства, развитие парламентской демократии, принципов политического плюрализма, эволюция партийной системы. Процесс демократизации проявился, в частности, в достигнутом прогрессе в формировании многопартийной системы. Произошло известное упорядочение политической системы, которая сначала характеризовалась большим распылением. Конец десятилетия принес консолидацию политических сил и зарождение системы с двумя доминирующими полюсами – Избирательная акция «Солидарность» (ИАС) и Союз демократических левых сил (СДЛС), а также с относительно сильными партиями, выражавшими конкретные интересы различных слоев общества (Польская крестьянская партия и Союз свободы).

Период с октября 1997 г. по октябрь 2001 г. характеризовался приходом к власти правых: Избирательная акция «Солидарность» (национал-католики от умеренных до крайних) вступила в коалицию с либеральным Союзом свободы Л.Бальцеровича. Премьер-министром стал умеренный политик Е.Бузек. Незавершенность системных преобразований, накопившиеся негативные последствия допущенных ранее ошибок, возрастающая податливость польской экономики к внешним воздействиям, проблемы, возникавшие в связи со вступлением в НАТО и ЕС, и др. – все это требовало перехода ко второму этапу системных реформ. Основные направления деятельности кабинета Бузека – это завершение реформы государственного устройства, углубление и динамизация процессов приватизации, прежде всего приватизации базовых отраслей промышленности, комплексные преобразования аграрного сектора, включение страны в систему ЕС. Здесь далеко не последнее и, пожалуй, самое сложное – финансовая реформа в целом и государственного бюджета в частности, т.е. приспособление к рыночным отношениям налоговой, пенсионной системы, здравоохранения и социального обеспечения, образования.

Реформы реализовывались с трудом, их неудачи в конце 90-х гг. во многом объясняются тем, что они проводились на фоне ухудшения материального положения многих поляков. К тому же почти одновременное осуществление на этом неблагоприятном фоне четырех глобальных реформ создало вначале определенную неразбериху в функционировании пенсионного обеспечения и системы здравоохранения, породило недовольство среди населения. Рейтинг правительства пошел вниз. Внутри фракции Избирательной акции «Солидарность» возникли многочисленные конфликты. Временами наблюдалась напряженность в отношениях между ИАС и Союзом свободы. Бальцерович неоднократно грозил своей отставкой с поста вице-премьера и министра финансов.

Шагом к значительным изменениям на политической сцене, а впоследствии и к смене правительства стали *президентские выборы 8 октября 2000 г.* В преддверии выборов ситуация внешне напоминала обстоятельства 1995 г., когда президент и правительство представляли противоположные полюсы политической сцены. Однако если в начале избирательной кампании 1995 г. популярность действовавшего президента была относительно низкой, то в 2000 г. А.Квасьневский имел решительное преобладание во всех опросах (55–65%), в то время как поддержка других кандидатов не превышала нескольких процентов. Избирательная кампания на этот раз проходила спокойно. С одной стороны, большая популярность Квасьневского позволяла ему вести кампанию, посвященную главным образом достижениям его президентуры (принятие новой конституции, вступление в НАТО), а с другой – сдерживала остальных кандидатов от атак на действовавшего президента. Вызовом стало не столько получить этот высокий пост, сколько само участие, желание создать новые политические объединения. А.Квасьневский выиграл уже в первом туре, получив 54,5% голосов. С большим отрывом от него шли А.Олеховский (17,4%) и лидер «Солидарности» М.Кшаклевский (15,2%), Л.Валенса же набрал менее 1%. Выборы свидетельствовали о завершении поляризации общества. Успех Квасьневского, практически «нокаутировавшего» конкурентов, не имел прецедента. Беспрецедентным явилось и поражение М.Кшаклевского, считавшего себя главным наследником солидаристского лагеря, который еще недавно, в 1997 г., привел ИАС к победе на парламентских выборах. Оказалось, что одних лозунгов «Солидарности» для получения хорошего результата недостаточно. Усилившийся пессимизм поляков, боязнь за будущее и недовольство растущим социальным расслоением, увеличивавшейся коррупцией оказали гораздо большее влияние на избирателей, чем идеологические разногласия. Именно это недооценили правые группировки¹.

Выборы 2000 г. стали вехой глубокой перестройки, охватившей практически все политические силы справа от СДЛС. Вскоре после президентских началась кампания *парламентских выборов 2001 г.* С поражения Кшаклевского стал нарастать процесс распада ИАС (Если в 1991 г. «С» насчитывала 2,5 млн. человек, то в 2000 г. – около 900 тыс. В июне 1998 г. ее деятельность позитивно оценивали 34% анкетированных, а в июне 2002 г. – только 13%)². Возникла

Гражданская платформа (ГП), дававшая надежду на строительство широкого либерально-консервативного политического объединения. Она потеснила Союз свободы (СС), наиболее стабильную группировку, неизменно имевшую парламентское представительство (60 чел.) и объединявшую видных деятелей прежней оппозиции. Затем на основе Соглашения центристских сил была создана партия «Право и справедливость» (ПиС) братьев Качиньских, искавшая своего шанса под лозунгом строительства новой польской правицы. Крайняя правица, которая прежде не достигала заметных результатов на выборах, хотя ее взгляды разделяет значительная часть общества (неодобрительное отношение к ЕС, полное отрицание направления польских перемен), стартовала теперь как Лига польских семей (ЛПС) и «Самооборона». СДЛС уже за несколько месяцев до выборов лидировал в зондажах, значительно опережая другие объединения. Такой ситуации на прежних выборах не было. Кампания 2001 г. отличалась от предыдущих также отсутствием серьезных идеологических споров, дискуссий о прошлом и даже о будущем. Следовательно, на выборах 2001 г. действовал сплоченный левоцентристский блок, которому противостояли находившиеся в стадии формирования группировки.

Выборы в Сейм проходили по измененному закону о выборах (Sainte-League). Этому предшествовали распад правившей коалиции Избирательная акция «Солидарность» – Союз свободы, систематическое снижение популярности кабинета Е.Бузека и возрастающая поддержка электоратом СДЛС. Это мобилизовало правые группировки на действия по принятию закона, более выгодного для слабых партий (которыми можно было считать все, кроме СДЛС). Однако в целом польская избирательная система, хотя и подвергавшаяся частым и достаточно радикальным преобразованиям, успешно противодействовала после 1993 г. чрезмерному дроблению парламента. Количество партий, представленных в Сейме после этого года, колеблется от 5 до 6, что является умеренной величиной и не угрожает политической стабильности³.

На парламентских выборах 23 сентября 2001 г. убедительную победу одержала левая коалиция: за блок СДЛС – Союз труда (СТ) проголосовали 41% пришедших к урнам поляков (216 мандатов). Партии, правившие в предыдущий период, потерпели сокрушительное поражение: ИАС и его соратник по правительственной коалиции Союз свободы не смогли даже преодолеть избирательный порог для вхождения в Сейм. 13% голосов (65 мандатов) получили либералы из правоцентристской Гражданской платформы, сгруппировавшейся вокруг А.Олеховского, который занял второе место на президентских выборах 2000 г. Эта платформа была призвана подорвать позиции левых, но одновременно отняла голоса у правоцентристов ИАС. В парламенте появились радикалы: крайне левая партия «Самооборона» (10% голосов, 53 мандата), созданная на базе сельского профсоюза, и крайне правая Лига польских семей с ее откровенно антиевропейской и клерикальной идеологией (7%, 38 мандатов). За центристское «Право и справедливость» и Польскую крестьянскую партию (ПКП) проголосовали по 9% избирателей (44 и 42 мандата). Явка составила 46% (участие граждан начиная с 1993 г. снижалось). Как

и прежде, более активными были жители крупных городов, главным образом регионов Великой Польши и Малой Польши. Как обычно, активны оказались избиратели с высшим образованием, наименее активны – безработные. Весьма пассивно вела себя молодежь – лишь 40% приняла участие в голосовании⁴. По данным ЦИОМ, среди поляков уменьшилось число сторонников либеральной экономической модели (с 30% в 1997 г. до 13–15% в 2001 г.), росло число сторонников увеличения роли государства и более активной социальной политики (обратный порядок цифр)⁵.

Столь убедительная победа левых связывалась прежде всего с последствиями поражения на президентских выборах 2000 г. правых, когда они фактически перессорились между собой. Польские аналитики подчеркивали, что объективным союзником левых была экономическая и политическая ситуация: замедление темпов экономического роста, бюджетный дефицит, приведший к серьезному финансовому кризису, высокий уровень безработицы, несовершенство реформы здравоохранения, многочисленные забастовки.

О причинах усиления радикальных группировок – популистского, антиевропейского, антирыночного направления – неоднократно писали польские политики и исследователи. Так, президент Квасьневский в 2004 г. отмечал, что с 1989 г. до середины 1990-х гг. Польше «удавалось сохранять численный перевес группы, черпавшей выгоды из преобразований, над группой разочарованных. После спада конъюнктуры число тех, кто чувствовал себя проигравшим, стало увеличиваться. После 2001 г. проигравшие возобладали, что привело к развитию популистских движений»⁶. Исследователь Я.Майхерек отмечал, что «все больше поляков приходят к убеждению, что на честную и эффективную власть им рассчитывать не приходится, в результате чего нарастает разочарование». Директор Института общественных проблем Л.Коллярская-Бобиньская подчеркивала, что за последние годы поляки все меньше доверяют Сейму, правительству, органам местного самоуправления и правосудию. При столь большом потенциале недоверия очень легко пускают корни популистские движения. Поляки ценят демократию, но считают, что она плохо функционирует, ее институты неэффективны, враждебны человеку, а политическая элита обособлена и руководствуется собственной выгодой»⁷.

Уже через год после парламентских выборов на политической карте Польше произошли большие перемены. Позиции СДЛС явно пошатнулись: за этот период он потерял наибольшее число избирателей (неполные 25% на выборах в сеймики против 41% голосов на парламентских выборах). Распад электората СДЛС привел к усилению прежде всего радикальных группировок: «Самооборона» и Лига польских семей (по результатам выборов в местное самоуправление в ноябре 2002 г., в воеводских сеймиках они получили в сумме 33% голосов, т.е. больше, чем СДЛС) решительно обогнали ПКП (9,5%). Слабее стали правоцентристы (коалиция ГП-ПиС получила почти 18% мандатов), совсем исчез политический центр⁸.

Курс правительства Л. Миллера (сентябрь 2001 г. – май 2004 г.). Состояние экономики на заключительном этапе деятельности правительства Е.Бузека

было сложным. Триумфальный полет «польского орла» к вершинам экономического развития в конце 1990-х гг. серьезно осложнился. В 2000 г. темпы экономического роста Польши резко упали (до 1%). Это был самый низкий показатель среди стран, стремившихся вступить в ЕС. По мнению многих специалистов, причина трудностей заключалась в низкой конкурентоспособности, обусловленной незавершенностью экономических реформ и структурной перестройки. Они усугублялись слабым развитием рыночных отношений в сельском хозяйстве, где 80% бюджетных дотаций шло на выплату пенсий и пособий⁹.

Новое правительство предложило свои меры по выходу из кризиса. Миллер заявлял: «...социальная рыночная экономика требует присутствия государства. Мы отвергаем либеральную концепцию государства, сводящую его роль к функциям ночного сторожа»¹⁰. Совет министров принял стратегический план социально-экономического развития государства, рационализации системы социального обеспечения, ограничения всевластия профсоюзов – то, что не вписывается в рамки программы левых.

Попытки реализации реформы здравоохранения, начатой правительством Бузека, еще больше запутали сложную систему здравоохранения, и в 2004 г. только 4% поляков оценивали ее положительно. Не совсем удачно проходила и реформа образования. В 2002 г. после попыток применения новых правил сдачи экзаменов на аттестат зрелости, введение этих правил приостановили, что многими в Польше было расценено как победа «слабых учителей», боявшихся внешнего контроля. Не удалось Миллеру достичь реальных сдвигов и в решении одной из самых болезненных польских проблем – модернизации горнодобывающей отрасли. Накануне референдума о вступлении Польши в ЕС (июнь 2003 г.) работу над многими непопулярными законами затормозили из-за опасения снижения популярности правительства¹¹.

Президент Квасьневский, говоря о причинах падения популярности правительства Миллера, отмечал: «Ни с одним правительством не связывали столько надежд, ни одно политическое объединение после 1989 г. не получало такой поддержки – свыше 40% на выборах. Это первый, несколько недооцененный Союзом ДЛС элемент. Чем больше ожидания, тем глубже разочарование. Во-вторых, спасая общественные финансы, правительство должно было принять много трудных решений... В-третьих, в ожидании импульса развития нарастает нетерпение. Макроэкономические показатели неплохие, но люди ощущают по-иному... В-четвертых, СДЛС обещал строгую мораль в политике, а ее недостает даже в отношении собственной среды». Трудное положение правительства подчеркивала политический обозреватель Я.Станишкис: «У кабинета Лешка Миллера слишком узкое поле для маневра. С одной стороны, ситуация требует решительных реформ либерального толка, а с другой – такое направление означает дальнейшее падение популярности СДЛС»¹². Следует заметить, что этот процесс шел неуклонно: в начале 2004 г. рейтинг социал-демократов едва достигал 17%, Л.Миллер стал самым непопулярным премьером за весь период общественной трансформации. Неудачи команды Миллера вернули надежду раздробленной правнице – политикам прежней ИАС¹³.

Рассматривая причины падения правительства Миллера, следует обращать внимание, как подчеркивал варшавский социолог Я. Рачиборский, на контекст этого события. Тогда навязывались такие критерии оценок, в свете которых достижения правительства квалифицировались как малозначительные. Нельзя отрицать значения вступления в ЕС, выход из финансового кризиса и экономический рост. Если в 2001 г. этот показатель составлял 1%, то в 2002 г. – 3–5%. После трехлетнего зстоя польская экономика обрела второе дыхание: в 2003 г. ВВП рос в три раза быстрее, чем в 2002 г., уменьшилась инфляция (с начала 1998 г. с 14,2% до 1,7% в год), снизились налоги (с 27% до 19%)¹⁴. Однако несмотря на все указанные успехи, деятельность правительства оценивалась в совершенно ином, созданном средствами массовой информации контексте, где главная роль отводилась аферам, коррупции и т.д.¹⁵

После вступления Польши в Евросоюз в мае 2004 г. премьер-министр Л. Миллер подал в отставку. Президент А. Квасьневский предложил занять освободившийся пост *М. Бельке (премьер с мая 2004 г. по сентябрь 2005 г.)*, который был экономическим советником президента, министром финансов в правительстве В. Чимошевича, вице-премьером и министром финансов в правительстве Л. Миллера (с этого поста он вскоре ушел в отставку), а также директором по вопросам экономической политики во временной коалиционной администрации Ирака. М. Белька демонстративно подчеркивал свою независимость от политиков и отрицательное отношение к их вмешательству в хозяйственные дела: «Я не намерен разрушать экономику ради кратковременных выгод политиков правящих партий»¹⁶.

Анализируя деятельность польских правительств до вступления Польши в ЕС, следует отметить, что генератором проводимых ими реформ являлась идея включения страны в процесс европейской интеграции. Еще в июле 1989 г. на встрече руководителей наиболее развитых стран (семерки) в Париже было принято решение об оказании Польше и Венгрии помощи для осуществления политической и экономической трансформации. Предусмотренная соответствующей программой существенная материальная поддержка воспринималась в Польше как гарантия реализации ее новой национальной идеи – превращения страны в составную часть Запада с его гражданскими свободами и высоким уровнем жизни. Развернувшиеся в стране преобразования, их содержание и темпы стали восприниматься в прямой связи с подготовкой страны к вхождению в Евросоюз. Подобный подход стал свойствен не только элите, но и широкой публике. То, что Евросоюз – орудие реализации политических целей, дающее полякам шанс выйти на новый цивилизационный уровень, а не некая мистическая самоцель, подчеркивалось и в годы правления правых¹⁷. Точно так же ранее, решая проблему обеспечения безопасности Польши, пятилетний путь в НАТО стал, по словам тогдашнего министра иностранных дел Б. Геремека, «предметом консенсуса всех значимых политических сил страны, предметом консенсуса всех институтов общественной жизни и, что еще важнее, – предметом национального согласия редко встречающихся масштабов и силы»¹⁸.

М.Белька высоко оценивал перемены в Польше, подчеркивая, что медленный, как представлялось полякам, темп реформ в несколько раз превышал мировые стандарты. «Огромное цивилизационное отставание, – отметил он, – ставит перед нашим обществом задачи совершенно иного масштаба – в десять раз более сложные, чем в странах Западной Европы. Мы даже не отдаем себе отчета в том, сколь стремительны перемены, происходящие в нашей стране, и сколь велико давление на общество, которое, впрочем, проявляет исключительное терпение и понимание»¹⁹.

Однако несмотря на отмеченные выше успехи левых, их влияние после четырех лет правления заметно снизилось. В чем же причина? Многие в Польше сомневаются в правильности избранного экономического курса, основанного на приватизации и рыночной экономике. По опубликованным в августе 2005 г. ЦИОМ данным, 75% поляков считали, что приватизацию надо проводить медленными темпами и касаться она должна была отнюдь не всей экономики, 86% настаивали на сохранении за государством функций социальной защиты, что вполне соответствует лозунгу «Социализм – да, искажения – нет»²⁰.

Социальная политика левых не оправдала ожидания поляков: безработица достигла самого высокого в Европе уровня (около 19%), несколько снизились социальные выплаты. Оказавшись у власти, социал-демократы проявили себя скорее как либералы, следуя при этом логике развития экономики, но изменив своим идейным лозунгам. Одной из причин этого можно считать раздробленность, разобщенность левицы, несмотря на ее попытки сплочения. Это стремление к единству парадоксально сочеталось со стремлением лидеров левицы (М.Боровский, Ю.Олексы, А.Фрасынюк и др.) возглавить свою, «истинно левую» партию. Значительную роль сыграла и их неспособность справиться с коррупцией, борьбу с которой 86% поляков поставили в 2005 г. на первое место среди насущных задач²¹. Все это предопределило победу правых на парламентских выборах в сентябре 2005 г. Закреплением их результатов явились президентские выборы 10 и 23 октября того же года, когда уверенную победу во втором туре одержал лидер движения Пис Лех Качиньский.

Четырехлетний период, когда у власти находились левые (2001–2005), характеризовался торможением польской системной трансформации, ограничением экономической свободы. Очень жестко об этом пишет польский исследователь Т.Лелен: «Торможение процесса системной трансформации... затрудняет деятельность наиболее предприимчивых поляков..., произошло замедление численного прироста новых частных фирм, что означало ограничение развития польского среднего класса на долгие годы»²². Снижение с 2001 г. темпов приватизации было связано как с исчерпанием ее потенциала, снижением заинтересованности иностранных инвесторов, так и с отсутствием у правительства политической воли продолжать активную приватизацию. По оценкам экспертов, развитию приватизации в тот период препятствовала, с одной стороны, высокая политизация этого процесса, обусловленная борьбой сильных групп интересов, а с другой – отсутствие ощутимых импульсов

со стороны власти к завершению начатых приватизационных процедур и инициированию новых²³.

О состоянии общества в целом в рассматриваемый период дает представление масштабное социологическое исследование «Социальный диагноз-2005». По этим данным, свыше 2/3 поляков (69%) довольны своей жизнью, в то время как в начале 1990-х гг. таких людей было лишь немногим более половины (57%). В 2000 г. 31% польских семей жили ниже уровня бедности, в 2005 г. – 22%, т.е. польская «зона бедности» уменьшилась почти на одну треть. Благодаря дотациям Евросоюза улучшалась ситуация в сельском хозяйстве, и крестьянам эта связь была хорошо видна. Более того, в 2004 г. 86% крестьян подали заявления о выделении дотаций, и только 5% этих дотаций не получили²⁴. Таким образом, из «диагноза-2005» складывался положительный баланс. Однако проблем имелось предостаточно, и одна из важнейших связана с безработицей, достигавшей в 2002 г. 18% – самого высокого уровня в Европе (с 2,2 до 6,4% увеличилось число безработных с высшим образованием). Особенно социально опасна безработица среди молодежи в возрасте до 24 лет, составлявшая в 2003 г. почти 45%. По мнению социального психолога Я. Чапиньского, наблюдалось снижение уровня жизненного стресса. Это было вызвано тем, что воспользовавшись в середине 1990-х гг. благоприятной ситуацией, поляки довольно быстро улучшили свои экономические условия. Однако отрицательным моментом он считает то, что поляки мало сделали для построения гражданского общества: 90% не доверяют никому, кроме семьи и великих людей, символизирующих народ, таких как Иоанн Павел II²⁵. В Польше наблюдается самый низкий в Европе коэффициент общественного доверия, поэтому следует помнить, что «решающим условием строительства гражданского общества являются не деньги или поддержка СМИ, а люди», что «универсальными и ключевыми представляются две ценности, благодаря которым 30 лет назад КОР (Комитет защиты рабочих – *О.М.*) добился успеха – лояльность и доверие», объединившие столь различных лидеров этих кругов и сделавшие возможной их деятельность²⁶. Что касается внешнеполитических вопросов, то согласно опросу Евробарометра, 60% жителей Польши считали, что вступление в ЕС принесло стране пользу, они положительно оценивали преимущества, вытекающие из членства в ЕС, прежде всего свободу передвижения и шансы работать или учиться за границей. Инвестиции НАТО в Польше в 2005 г. впервые превысили польский взнос на развитие общей оборонной инфраструктуры²⁷.

При обобщении истории Польши постсоциалистического периода вырисовывается любопытная закономерность. Правительства, связанные с «Солидарностью» в 1990–1993 гг. и в конце 1990-х гг., вели к ограничению помощи со стороны государства и, следовательно, вызывали негативную реакцию наименее защищенных слоев населения. На волне нестабильности побеждали социал-демократы, но со временем ощущение стабильности перерождалось в ощущение застоя, т.е. с приходом к власти посткоммунистических сил рыночные настроения усиливались. Уже упоминавшийся социолог Я. Чапинь-

ский, комментируя «Социальный диагноз-2005», выделил две основные психологические причины недовольства реформами. Одна из них заключается в том, что в восприятии людей проигрыш имеет большее значение, чем равный ему выигрыш; вторая – в том, что люди обнаруживают склонность усматривать причины неудач во внешней среде, а причины успехов считать собственной заслугой. Он также обращает внимание на феномен общественной неблагодарности: «В Польше каждые четыре года происходит полная смена власти. Что бы власть ни сделала, никакой благодарности от поляков не дождется. Люди в основном уверены, что всего добились сами. А если не добились, то считают, что это власть им помешала. И даже те, кто признает, что все у них хорошо благодаря власти, в основной своей массе не хотят за нее голосовать»²⁸. Ничего удивительного в настроениях недовольства в обществе не видит и Л.Бальцерович. «Когда меняется общественный строй, – пишет он, – меняется и рейтинг зарплат и престижных профессий... Люди, относительно социальное и материальное положение которых ухудшается, вовсе не обязаны быть энтузиастами перемен. Но разве это достаточная причина, чтобы не реформировать страну?»²⁹.

Хотя для партийной системы последних лет по-прежнему характерна определенная нестабильность, удавшиеся дебюты рассматриваемого периода (Гражданская платформа в 2000 г. и Право и Справедливость в 2001 г.) можно назвать достаточно прочными. Именно эти политические образования заняли два первых места в досрочных парламентских выборах 2007 г., скорее всего такое положение повторится и в 2011 г. Это может быть способствовать устойчивости политической сцены в будущем. Однако пока для польской политической сцены характерна нестабильность взглядов электората. Так, в период 2001–2005 гг. 63% польского электората изменили свои предпочтения. Например, голосовавшие в 2001 г. за СДЛС четыре года спустя выбрали ПиС.

Таким образом, останавливаясь на плюсах и минусах социально-политических преобразований последних лет, следует отметить, что в этом вопросе не может быть всеобщего согласия. Крупнейшими достижениями польских преобразований поляки в 2004 г. считали: вступление в Евросоюз, свободу слова и передвижения (по 45%), вступление в НАТО (36%) и переход к демократии (27%)³⁰. В числе самых крупных неудач они чаще всего называли безработицу и коррупцию.

Примечания

¹ Polityka. 2000. NN 41, 42; Alberski R. Wybory prezydenckie w Polsce w latach 1989–2000 i ich funkcje polityczne // *Demokratyzacja w III Rzeczypospolitej*. Wrocław, 2002. S. 110–113.

² Polityka. 2001. N 38.

³ Antoszewski A. Ewolucja polskiego systemu partyjnego // *Demokratyzacja...* S. 70–71.

⁴ Jednaka W. Proces tworzenia gabinetów koalicyjnych w Polsce w latach 1989–2001 // *Demokratyzacja...* S. 93–94.

⁵ Rakowski F.M. *Przyźmiona radość* // *Trybuna*. 2000. 29-30.09.

⁶ *Gazeta Wyborcza*. 2004. 30.04–03.05.

- ⁷ Rzeczpospolita. 2002. 10–11.08; 2–3.11.
- ⁸ Polityka. 2002. NN 45, 48.
- ⁹ Подробнее см.: Balicka M. Ogon, dawniej tygrys // Polityka. 2002. N 3.
- ¹⁰ Miller L. Po pierwsze przedsiębiorczość // Trybuna. 2002. 25.02.
- ¹¹ Gottesman K. Zmierzc ery Millera // Rzeczpospolita. 2003. 30.10.
- ¹² Rozmowa z prezydentem Kwaśniewskim. Wybiegamy na duże boisko // Polityka. 2003. N 22. 31.05; Ньюсуик-Польша. 2002. 07.07.
- ¹³ Подробнее см.: Rybak A. Sieroty po AWS // Polityka. 2003. N 28. 12.07.
- ¹⁴ Gazeta Wyborcza. 2004. 02.01; Rzeczpospolita. 2004. 07.01.
- ¹⁵ Rozmowa z prof. J.Raciborskim. Kaczyński przegra z elitami // Przegląd. 2006. 18.04.
- ¹⁶ Gazeta Wyborcza. 2004. 30.03.
- ¹⁷ Подробнее см.: Яжборовская И.С. Эволюция национальной идеи в Польше // Форум. 2004. Нация и мир. М., 2004. С. 218; Wprost. 2006. 26.02.
- ¹⁸ www.msg.gov.pl
- ¹⁹ Rzeczpospolita. 2002. 10.09.
- ²⁰ Tarnowski P. Jazda obowiązkowa // Polityka. 2005. N 35.
- ²¹ Solska J. Chleb na igryskach // Polityka. 2005. N 36.
- ²² Lelen T. Nieukończona transformacja. Przemiany klasy średniej w Polsce: od dynamicznego powstania do roli balastu politycznego // Studia Polityczne. 2005. N 17. S. 70.
- ²³ Синицина И.С., Чудакова Н.А. Кардинальные реформы: польский опыт // Свободная мысль-XXI. М., 2004. № 9. С. 47–62.
- ²⁴ Беседу с проф. Я.Чапиньским вел Я.Жаковский // Новая Польша. 2005. № 11. С. 17–23.
- ²⁵ Ньюсуик-Польша. 2006. 12.11.
- ²⁶ Sowiński S. Lekcja KOR. 3 portrety // Więź. 2006. 11.10.
- ²⁷ Tygodnik Powszechny. 2006. 03.12; Сикорский Р. Не принимайте Польшу как должное // Демографический еженедельник. Демоскоп Weekly. 2007. 02.03.
- ²⁸ Беседу с проф. Я.Чапиньским вел Я.Жаковский...
- ²⁹ Л.Бальцеревич // Новая Польша. 2004. № 12. С. 3–9.
- ³⁰ Rzeczpospolita. 2004. 13.09.

Чехи в начале третьего тысячелетия

Abstract:

Korovitsyna N.V. *Czechs at the beginning of the third millennium*

The article defines the terms of the specific features of the modern Czech society, formed as a result of two decades of transformation and post-transformation. One of the main results is discussed: the formation of two poles of sociocultural structure – people with high and with low estimations on their standards of living, or, otherwise – people who adapted to the changes and those who didn't.

Ключевые слова: уровень жизни, чешское общество, общественное сознание, социальная структура, первое десятилетие 2000-х годов, посттрансформация.

Модель постпереходной социокультурной структуры, которую можно сконструировать на чешском материале периода относительной стабилизации общества в первом десятилетии 2000-х гг., применима для других стран, образующих славянский мир, в том числе России. Общего в этой модели больше, чем особенного.

Как оказалось, в Чехии в первую декаду, открывающую новый, XXI век, предопределяло важнейшие параметры общественного сознания, т.е. формировало взгляды и ожидания людей – экономические и политические, их мировоззрение и систему ценностей, не что иное, как субъективное восприятие уровня жизни своего домохозяйства. Оценки своего уровня жизни были фактически детерминантой социальной дифференциации. Этот показатель выполнял тогда ту же функцию, что и показатель уровня образования в период социализма, прежде всего в период его быстрого роста в 60-70-е гг. После либерально-демократических реформ 1990-х гг. развитие общества и составляющих его домохозяйств предопределяла уже не сфера политики, а сфера экономики.

Новый социальный барьер, скорее даже пропасть возникла внутри, а не вне общества. Граница проходила не между двумя общественными системами, социалистической и капиталистической, Востоком и Западом, и не по Бугу, отделяя бывшие социалистические (центральноевропейские) страны от России и постсоветских республик. Вся Восточная Европа как геополитический регион оказалась *внутренне разделенной* на два «лагеря» – обладателей высокого и низкого уровня жизни – с характерными и во многом противостоящими социокультурными характеристиками. Или иначе в лагери — «адаптировавшихся» к радикально изменившейся в 1990-е гг. вестернизированной общественной системе и по тем или иным причинам «неадаптировавшихся».

Исследования Центра изучения общественного мнения Института социологии Академии наук Чешской республики (ЦИОМ ИС АН ЧР – CVVM SÚ ČR), составляющие основу данной работы (см.: www.cvvm.cas.cz), показали, что субъективное восприятие уровня жизни чехов (2006 г.) оценивалось как положительное 37,8% опрошенных, отрицательное – 19,3% (в том числе

3% как очень плохое), 42,6% определяли его как «ни плохое, ни хорошее». Эти три группы отражали новую, посттрансформационную социальную структуру чешского, как и всего восточноевропейского общества, конечно, при сохранении исторически сложившихся между отдельными обществами различиях. На наших глазах чешское общество разделилось на две больших группы по уровню жизни с совокупностью материальных и духовных параметров.

Согласно имеющимся социозмпирическим данным, восприятие уровня жизни мужчинами и женщинами различается мало, хотя реальные доходы женщин в среднем стабильно ниже доходов мужчин. Гораздо больше различия в уровне жизни возрастных групп населения. Традиционно оптимистически настроена самая младшая группа – 15-19-летние, которых, как правило, материально обеспечивают родители. Напротив, неблагоприятны показатели самой старшей возрастной группы – свыше 60 лет, экономически неактивных. С точки зрения места жительства особо выделяется Прага – столица и единственный город в ЧР с населением свыше 1 млн. человек. Ее жителей отличает высокий уровень образования и значительно более высокий, по сравнению со средними значениями, уровень доходов людей. Население небольших поселений (менее 800 чел.), занятое в малооплачиваемых отраслях сельского хозяйства, имеет самый низкий уровень жизни.

Образование – важнейший фактор дифференциации доходов, с его ростом увеличивается оценка уровня жизни. Вид занятости также тесно взаимосвязан с субъективным восприятием уровня жизни. Высокая оценка характерна для предпринимателей с наемными работниками, самостоятельных трудящихся и высококвалифицированных специалистов, а также высокопоставленных служащих. На другом полюсе – представители рабочих профессий, прежде всего неквалифицированных, и сельскохозяйственные рабочие.

Общие доходы домохозяйства в период посттрансформации зависят от количества экономически активных членов семьи, их положения, типа и структуры семьи. Так, лучшая ситуация отмечается в бездетных супружеских парах. С ростом количества детей возрастает и доля домохозяйств с неблагоприятной оценкой уровня жизни. Чем больше число экономически активных членов семьи, тем выше оценка. Для не состоящих в браке она выше, чем для разведенных и овдовевших.

Люди с высоким уровнем жизни обычно принадлежат к правым, либерально ориентированным. Те, кто считает свой уровень жизни низким, чаще выбирают центр или позиции слева от него: они более социалистически ориентированы. Опрошенные с уровнем жизни «ни плохим, ни хорошим» располагаются симметрично справа и слева от центра.

Важный дифференцирующий фактор – партийные предпочтения людей. Очень сильное влияние уровня жизни характерно в ЧР только для двух партий – Гражданской демократической (ГДП) и Коммунистической (КПЧМ). Приверженцы ГДП – люди с «очень хорошим», как и «скорее хорошим» уровнем жизни. Напротив, ориентация на КПЧМ, декларирующая хороший уровень жизни, больше всего характерна для людей с очень низким уровнем жизни. Именно КПЧМ «защищает» социально слабые слои населения. Со

снижением уровня жизни растет и доля неголосующих, а также затрудняющихся с выбором партийной ориентации.

Таковы общие контуры социокультурной дифференциации чешского общества в первое десятилетие 2000-х годов.

Отметим, что формирование уровня жизни (не уровня образования и социально-классовой принадлежности, как в предшествующий период 1948–1989 гг.) как основного дифференцирующего фактора чешского – и не только чешского – общества стало главным результатом смены систем – с социалистической на капиталистическую, а также дальнейшей экономической трансформации 90-х годов. Сам ход трансформации оценивался чехами умеренно критически: 28% считало его неуспешным, 37% – успешным «наполовину», 18% – менее пятой части опрошенных – было удовлетворено.

Лучше оценивают результаты экономической трансформации опрошенные с высшим образованием (32% в 2007 г.), люди в возрасте 15–29 лет (29%), пражане (32%), с хорошим уровнем жизни (33%) и сторонники ГДП (42%). Критичны экономически неактивные (41%), пенсионеры (50%), люди старше 60 лет (49%), неквалифицированные рабочие (43%), а также безработные, имеющие низкий уровень жизни и голосующие за КПЧМ (76%) и ЧСДП (40%).

В ответах на вопрос – в чем они видят неуспешность трансформации – часто ее связывали с усилением экономической преступности, коррупции (20%), снижением производства, высокой безработицей, негативной социальной ситуацией, значительными имущественными различиями, неблагоприятным положением простых людей (19%); говорили об ошибочной концепции, хаотизме, стихийности, неправильной экономической политике, плохо реализованной, непоследовательной, неподготовленной приватизации (13%). Успешность трансформации обосновывалась экономическим развитием, ростом благосостояния страны, свободой предпринимательства, широким предложением товаров и услуг, иностранными инвестициями, высокими зарплатами.

Итак, период с середины первого десятилетия 2000-х гг. – время относительной стабилизации показателей удовлетворенности населения своей жизнью после кризисных процессов конца 1990-х гг. Стабилизируется и социальная структура общества, разделенного на либеральную интеллигенцию как группу свободную от посткоммунистических «деформаций» ментальности и личности, единственного компетентного проводника перемен и связующего звена между Западом, и «цивилизационно некомпетентным» населением. Либеральная интеллигенция завершает выполнение своей миссии «европеизации» посткоммунистической элиты.

Высокообразованные и жители крупных городов, руководящие работники, сторонники демократических сил, правые образовывали один полюс общества, другой – низкообразованные, занятые физическим трудом или экономически неактивные, пенсионеры, сельские жители, ориентированные на левые политические силы, прежде всего КПЧМ, и неголосующие, неудовлетворенные и ожидающие перемен в обществе. Формирование этих двух социальных слоев – главный итог либеральной трансформации 1990-х – начала 2000-х годов, процессов преимущественно нисходящей социальной мобильности, кос-

нувшейся и части интеллигенции, созданной предшествующим строем и сыгравшей ключевую роль в смене систем. Показанный чешскими социологами эмпирически, этот процесс общественного развития характеризовал все народы славянского мира, о чем свидетельствуют работы последних лет польских и венгерских социологов и антропологов¹.

Таким образом, 1990-е гг. трансформировали социальную структуру общества, превратив наиболее успешных в материальном плане в основу политического режима. Экономическая, материальная составляющая социогуманитарного процесса стала в бывшем социалгере, совершавшем переход к капитализму, ведущей по отношению к политической и культурной составляющим. Подавляющее большинство связывает удовлетворенность жизнью именно с высоким доходом. Такое положение складывается к 2001 г. и сохраняется до 2010 г.

Анализ материалов Центра изучения общественного мнения Института социологии АН ЧР позволяет выявить не только черты современного развития Чехии, относящиеся к общим закономерностям развития в рассматриваемый период, но и *специфику* портрета чешского общества к концу первого десятилетия 2000-х годов.

Чехи, для которых самое главное – чувство уверенности, надежность, гарантированность труда, отдают предпочтение положению наемного работника с полным рабочим днем на государственном предприятии. По состоянию на середину первого десятилетия 2000-х годов большинство экономически активного населения удовлетворено своим трудом, довольно и оплатой труда. Более того, удовлетворенность всеми сторонами труда приобрела тенденцию роста.

Для Чехии, даже после вступления в ЕС, не характерна трудовая миграция, которая интересует главным образом молодых людей, 90% из них мотивирует отъезд из страны познавательным фактором. Профессиональная мобильность чехов также низкая. Большинство меняло работу только однажды – после революции 1989 г. Это были молодые и активные слои населения.

Высшие позиции в списке профессий занимают виды деятельности, требующие не только высокой квалификации, но и подразумевающие служение обществу, миссию. Причем ученого и вузовского преподавателя опережает в этой иерархии врач, несущий практическую ответственность за жизнь человека. Предпоследнее место занимает депутат, «понижены» профессии, олицетворяющие государственную и церковную власть, – мэр, министр, полицейский, военнослужащий, священнослужитель. Это отражает негативное отношение к «высокой» политике. Относительно высоко положение сельхозпроизводителя и квалифицированных рабочих профессий. Рабочие малоквалифицированных профессий (шахтеры, землекопы), бедные вызывают наибольшие симпатии общества. Особо симпатизируют мелким предпринимателям – электрикам, истопникам, портнихам, лавочникам. Чехи испытывают неприязнь к богачам (миллиардерам) и высокопоставленным политикам, что отражает эгалитарный, левый настрой чешского общества, психологию маленького человека.

Основным негативным итогом социальной трансформации и главной неотложной проблемой современного чешского общества стала безработица, на-

чавшаяся в кризис конца 1990-х гг. и неизвестная здесь до 1989 г. Адаптация к этому социальному явлению происходит в середине первого десятилетия 2000-х гг., когда наступает «нормализация» ее уровня в условиях улучшения оценки экономической ситуации.

Но и спустя десятилетия со времени начала радикальных реформ взгляды чешского общества на соотношение роли рынка и государства остаются несформированными. Период с 1990-х гг. был временем приобретения отсутствовавшего в ситуации революционной эйфории и проведения приватизации практического опыта жизни в условиях рыночной экономики. Некритическое представление о правительственной политике как чрезвычайно успешной, когда Чешская республика рассматривалась как центральноевропейский «экономический тигр», «экономическое чудо» и чему верило большинство, обернулось разочарованием.

В переломный момент 1997–1998 гг. принципиально изменились оценки конкретных аспектов развития после 1989 г., особенно восприятие политической ситуации. Оно стало резко критическое. Этот настрой сохранился и в течение относительно благоприятного социально-экономического развития после 1999 г.

Состояние гражданской культуры после 1989 г. характеризуется падением политической активности населения под влиянием социально-экономического и политического развития, политики партий и их субъектов на основе решений большинства и конфликтной политической культуры. Именно на рубеже 1990–2000-х гг. взгляды претерпели дифференциацию в зависимости от социально-экономического положения людей. Те, на ком экономические перемены отразились негативно, превратились в критиков и примкнули к оппозиции. Одновременно с начала 1990-х гг. доля членов партии к численности избирателей становилась меньше, и ныне лишь каждый 50-й заявляет о своей партийной принадлежности. Уменьшалась также и доля состоящих в профсоюзе – до 8% населения. Сформировался низкий уровень доверия к государственным и общественным институтам, в несколько раз возрос уровень преступности. Возобладало мнение, что страна управляется в пользу влиятельных групп интересов.

К концу 1990-х гг. в основном завершилось формирование структуры чешской партийной системы, ее доминирующих правых и левых партий. Вместе с тем, свыше половины избирателей декларировало ослабление связи со «своей» партией. Доля избравших партию только по той причине, что она вызывала у них меньше всего возражений, резко возросла после переломного 1998 г. Самая слабая связь с членами партии, что допускает беспроблемное перемещение в левое или правое политическое крыло, характерна для Чешской социал-демократической партии; напротив, самая сильная по всем позициям идентификация с партией наблюдается у КПЧМ. С 1998 г. прямое участие в партийной жизни имеет тенденцию снижения, удерживаясь на 10-процентном уровне и ниже.

Партийно-политическая ориентация формируется не столько на основе социально-классовой и образовательной структуры, рода деятельности, сколь-

ко на основе семейных ценностей, т.е. поколенческой ценностной преемственности. Единственное исключение – электорат социальной демократии, со всех точек зрения повторяющий социальную структуру общества в целом.

КПЧМ практически не трансформировалась. Она не пошла по пути социал-демократизации западного типа, но сохранила свои политические позиции. С 1996 по 1998 г. доля голосов, поданных за левых и правых, выровнялась. Наблюдается рост популярности ныне 100-тысячной КПЧМ. Она превратилась в легитимного, системного партнера и составную часть партийной системы. Однако почти половина опрошенных выступает за исключение КПЧМ из обсуждения важнейших общественных проблем. По сравнению с исследованием 10-летней давности доля противников диалога возросла на 10%. Прирост произошел за счет людей с полным средним и высшим образованием, предпринимателей, высококвалифицированных и руководящих работников, 30-44-летних, сторонников правых партий.

Выше всего чехами оценивается политическая система 1990-х гг. Нынешнюю хорошую считают 22%, плохой – вдвое больше, 41%, т.е. она оценивается хуже системы, существовавшей сразу после 1989 г., но лучше той, что существовала до ноября 1989 г. Ровно по 50% назвали плохими общественные системы до 1989 г. и 2000-х годов. Со снижением уровня жизни проявляется рост критицизма по всем предпринятым властью политическим шагам. Позитивно оценивают современную политическую систему правые и партии политического центра.

Исследование причин социальных напряжений в чешском обществе показало, что наиболее проблематичными стали различия между политиками и остальными гражданами. Затем следуют различия имущественные. Интерес к политической жизни сегодня в чешском обществе ниже, чем 5 лет назад. Тем не менее, отмечается улучшение по всем позициям, за исключением возможности влиять на решение проблем на общегосударственном уровне.

Низко оценена политическая культура элит. Почти 90% отрицательно оценили политкультуру депутатов. Растет неудовлетворенность культурой политиков ГДП и ПЗ, сенаторов.

Наименьшее доверие опрошенных вызывают политические партии – им не доверяют 4/5 опрошенных. Около 2/3 выразило недоверие церквям. Наибольшее доверие встречает местная власть. Доля удовлетворенных политической ситуацией не выходит за пределы 10-15%. Удовлетворенность политической ситуацией отражает общую удовлетворенность респондентов своей жизнью, которая, в свою очередь, определяется уровнем жизни и образованием, а также связана с мерой интереса к ней. Наиболее удовлетворены те, кто относится безразлично к политической ситуации.

Интенсивный интерес к проблематике Евросоюза особенно отличает высокообразованных от тех, кто не имеет аттестата о полном среднем образовании. Люди с хорошим уровнем жизни больше уверены, что решения ЕС принимаются в интересах его страны. До 2007 г. большинство чехов было за введение евро. Позже приоритет получили противники новой валюты. В последнем исследовании различие между ними достигло 17 процентных пунктов.

Доверяют ЕС и НАТО, как правило, люди с декларируемым хорошим уровнем жизни. Высокообразованные чаще расположены к ЕС и НАТО. Потенциальные избиратели КПЧМ проявляют недоверие к этим международным организациям. В целом удовлетворенность членством в НАТО растет, а неудовлетворенность падает слева направо по шкале политических ориентаций.

О необходимости НАТО как военно-политической организации говорят чаще всего люди, удовлетворенные членством в нем ЧР. Это прежде всего мужчины, люди с полным средним и высшим образованием, с хорошим уровнем жизни, правые по политическим убеждениям. Мнение удовлетворенных и неудовлетворенных членством в НАТО отчетливо разделилось надвое по всем вопросам существования альянса, мира и безопасности. Оценка внешней политики США более благоприятна в правой части политического спектра. Возведение американского радара поддержали приверженцы ГДП (так же как в Польше строительство американской базы поддержали только сторонники либеральной гражданской платформы). Против размещения радара были избиратели КПЧМ.

Позитивно оценивается современное положение благодаря появившейся возможности путешествовать, свободно выражать свои взгляды, доступу к информации, культуре, заботе о здоровье, чувству личной перспективы и трудовой востребованности. Негативно воспринимается современность с точки зрения чувства безопасности, социальной уверенности и обеспечения в старости.

Только 2/3 опрошенных в настоящее время, вспоминая о событиях 1989 г., опираются на личный опыт, большинство – на СМИ (особенно люди с хорошим уровнем жизни), художественные произведения, рассказы очевидцев. Политической революцией 1989 год считают скорее люди с хорошим уровнем жизни, потенциальные избиратели ГДП, а экономической – приверженцы КПЧМ и опрошенные с низким уровнем жизни. Первые воспринимали события как общенародное движение, вторые отрицали наличие социальной основы «бархатной» революции. Помнят и отмечают ее годовщину в основном люди с высшим образованием.

В середине первого десятилетия 2000-х гг. отмечено развитие некоторых сфер общественной жизни: доля удовлетворенных стала преобладать в оценках образования, экономики, правового пространства, безработицы. Единственная сфера, которую все возрастающее число людей воспринимает негативно, — коррупция. Вместе с экономической преступностью и безработицей она входит в число наиболее низко оцениваемых сфер общественной жизни. В последние годы безработица заняла первую строчку как наиболее важная проблема, опередив здравоохранение.

Очень низко в ЧР оцениваются межлические отношения. Наибольшее доверие чехи испытывают к людям, которых хорошо знают, и к своему президенту. Половина чехов придерживается мнения, что в обществе преобладает зависть, недоброжелательность, конфликтность, редко торжествует разум и принятые решения людям внушаются. Лишь 6% охарактеризовало ситуацию как преимущественно толерантную, где господствует стремление к взаимопониманию и согласию.

В иерархии ценностей последние места занимают (по убыванию): помощь развитию демократии в обществе; достижение высокого положения в обществе; обладание собственной фирмой; приобретение красивых эксклюзивных вещей; наличие работы, которая позволяет управлять деятельностью других; жизнь по религиозным принципам; проведение политики своей партии.

Ценность труда в условиях безработицы в 2000-е гг. выросла по сравнению с 1990-ми с характерным для них падением. Но постоянный рост отмечается и для гедонистических ценностей (жить с удовольствием, наслаждаться). Достижение высокого уровня образования представляется большинству менее значимым, чем постоянное партнерское отношение, брак, потомство и трудовые успехи. Семья, друзья, здоровая жизнь в здоровой и приятной среде оставались предпочтительными ценностями, как в 1990 г., так и в первое десятилетие 2000-х. Возросло значение потребительских ценностей, «полезных» друзей, зарабатывания денег, достижения общественного положения. Трансформация принесла небывалые возможности использования свободного времени и стремление жить в комфорте и материальном достатке.

Повысился интерес к «предпринимательско-управленческой жизни», хотя уменьшилось стремление «быть хорошо информированным о жизни в стране и мире». Большее значение люди стали придавать активному участию в благоустройстве места проживания и охране окружающей среды.

Таким образом, в середине 2000-х годов в чешском обществе рост демонстрировали прежде всего ценности индивидуалистические и материальные, как и в 90-е годы прошлого века. Ориентация на общественную и политическую сферу — исключительные случаи.

В свободное время по сравнению с 90-ми годами сократился «вес» домашней работы (возможно, пересмотрено значение этого понятия), а также снизилась интенсивность контактов с друзьями, соседями, знакомыми, интерес к чтению журналов.

Отметим, что на вопросы о супружестве и браке опрошенные дают либеральные ответы, о родителстве — консервативные. В начале 2000-х гг. особо высока важность оценки успешности женщин и мужчин в зависимости от служебного положения. Одновременно уменьшается важность создания гармоничной семьи и сочетания домашних и служебных обязанностей как показатель успешности мужчин и женщин для окружающих.

В разделении труда в семье произошли перемены: изменилось мнение, кто в семье занимается покупкой продуктов (доля женского участия сокращается, а совместного возрастает); представление о том, что приготовление пищи — женская забота (стала больше доля совместного участия). Также значительно повысился процент совместного решения других домашних задач. В семьях родителей решающее слово принадлежало мужчинам, в нынешних — влияние обоих полов примерно одинаково. Повысился брачный возраст мужчин и женщин, меньше людей вступало в брак. Люди, декларирующие хороший уровень жизни, чаще планируют заключение брака, напротив, плохой — возможность брака отрицают. Вступлению в брак и созданию семьи предшествует решение финансового и квартирного вопросов, в отличие от периода до

1989 г. Возросла толерантность к различным формам партнерской жизни, составляющим альтернативу традиционному браку. Кроме того, изменения в ценностных ориентациях у послереволюционной генерации привели к откладыванию обзаведения детьми, что копирует процессы, начавшиеся в Западной Европе в 60-е годы.

Женщины выбирают прежде всего семейные ценности (дети, замужество) и образование, мужчины – неформальные партнерские отношения и производственные успехи. У молодежи 15–29 лет дети занимают 3–4 места в иерархии ценностей вслед за работой, образованием, постоянным партнером. Эта возрастная группа по взглядам существенно отличается от остального населения. Они считают 30 и более лет идеальным возрастом для новобрачных и матерей первого ребенка. В целом в 2000-е годы изменилось представление об идеальном возрасте рождения первого ребенка: в 2004 г. половина, а в 2009 г. всего треть считали, что женщина должна родить первого ребенка до 25 лет.

Больше гордятся своей страной обладатели хорошего уровня жизни. Однако во второй половине первого десятилетия 2000-х гг. доля испытывающих гордость за ЧР несколько сократилась. Это было связано с внутренней и внешней политикой, поведением политиков и политическими скандалами.

Люди с хорошим уровнем жизни позитивно настроены по отношению к иностранцам, проживающим в ЧР длительное время, и трудовым мигрантам. Левые партии выступают за большую их адаптацию и интеграцию. В настоящее время отмечено критическое отношение к цыганскому населению. Люди с плохим уровнем жизни менее толерантны в национальном вопросе. Характерно для чехов то, что они чаще выражают свое нежелание жить по соседству с богатыми людьми, а также отличающимися от них по политическим убеждениям.

Анализ соотношения общего и особенного на основе материалов Центра изучения общественного мнения Института социологии АН ЧР послужит основой последующих компаративных историко-социологических исследований социокультурной динамики Чехии, всего славянского мира.

Примечания

¹ См.: *Böröcz J.* Goodness is elsewhere: The rule of European difference // *Comparative studies in society and history.* 2006. V. 48; N 1; *Buchowski M.* The specter of orientalism in Europe: from exotic other to stigmatized brother // *Anthropological Quarterly.* 2006. V. 79. N 3; *Sosnowska A.* Models of Eastern European backwardness in post-1945 Polish historiography // *East Central Europe.* 2005. V. 32. N 1–2; *Zarycki T.* Orientalism and images of Eastern Poland / M.Stefański (ed.) Lublin, 2010; *Zarycki T.* The power of the intelligentsia The Rywin affair and the challenge of applying the concept of cultural capital to analyze Polands elites // *Theory and society.* 2009. V. 38. N 2 2009 и др.

II. Из истории славистики

М.Ю. Досталь

(Институт славяноведения РАН, Москва)

С.Б. Бернштейн как историк славистики (К столетию со дня рождения ученого)

Abstract:

Dostal M.Y. S.B. Bernstein as a historian of Slavic Studies (for the hundredth anniversary of the scientist)

The article highlights the question of the contribution of the “patriarch of the Russian Slavic studies”, an outstanding philologist-slavist S.B. Bernstein, to the research on the native Slavic studies history, as one of its founders.

Ключевые слова: С.Б. Бернштейн, славянская филология, история отечественного славяноведения.

Самуил Борисович Бернштейн (1911–1997) вошел в историю отечественной науки, прежде всего, как авторитетнейший филолог-славист, болгарист, балканист, ведущий специалист в области истории болгарского языка, болгарской диалектологии, лингвострановедения, сравнительного славянского языкознания и пр. Родился он в семье политических ссыльных в Баргузине. Среднюю школу окончил на Сахалине. Стремясь к знаниям, совершил нелегкий путь в Москву, поступил в МГУ, решив изучать философию, но после некоторых колебаний, определился на этнологическое отделение (1928). Прошел там цикл южных и западных славян у выдающегося слависта-балканиста А.М. Селищева и по-настоящему увлекся славяноведением. После окончания МГУ (1932) закончил в 1933 г. аспирантуру ленинградского Гос. института речевой культуры, защитив кандидатскую диссертацию «Турецкие элементы в языке дамаскинов XVII – XVIII веков» под руководством профессора М.Г. Долобо. Был направлен в Одессу, где в 1934 – 1939 гг. преподавал и заведовал кафедрой болгарского языка и литературы в Одесском пед. институте, а также в Одесском университете (с 1938 г.). После закрытия кафедры он был приглашен в сентябре 1939 г. В.Н. Ушаковым на место ушедшего А.М. Селищева в Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ) на кафедру славяно-русского языкознания. В 1941 г. Бернштейн был эвакуирован с институтом в Ашхабад. После слияния филфака МИФЛИ с МГУ в декабре 1941 г. исполнял обязанности декана нового факультета и надеялся на восстановление там кафедры славянской филологии, которое произошло в 1943 г. И с этого времени по 1970 гг. он преподавал и фактически заведовал кафедрой славянской филологии в МГУ. В конце 1946 г. С.Б. Бернштейн успешно защитил докторскую диссертацию «Язык валашских грамот XIV–XV вв.». Как блестя-

ший организатор науки, он является также одним из основателей Института славяноведения АН СССР (с 1947 г.), теперь РАН, состоял в его штате в разных должностях (заведовал разными структурными подразделениями) до самой смерти. Впоследствии был избран иностранным членом Болгарской (с 1963 г.) и Македонской (с 1969 г.) академий наук, не раз баллотировался в АН СССР. Его перу принадлежит более 400 трудов, включая монографии, статьи, учебные пособия и пр. Он воспитал на кафедре и в аспирантуре не одно поколение филологов-славистов. Его ученики: Н.И. Толстой, В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев были избраны академиками; В.М. Иллич-Свитыч основал ностратическое направление в языкознании; Е.И. Демина, Т.В. Попова, В.К. Журавлев, Е.В. Чешко, Р. Эккерт и др. стали ведущими докторами наук. Ученики и коллеги часто называли Самуила Борисовича «патриархом славистики»¹.

Менее известно, что С.Б. Бернштейн выступил одним из зачинателей в СССР во второй половине XX в. особой отрасли науки – *истории славяноведения*.

С молодости ученый проявлял вкус к историографическим разысканиям и не ограничивался оценкой трудов своих предшественников по конкретным исследуемым ими проблемам, как это делает большинство его коллег. Он относился к тому более узкому кругу исследователей, которые рассматривают интересующую их проблематику на широком историографическом фоне, с экскурсами в историю славяноведения, с подробным анализом достижений предшествующих поколений ученых.

Историзмом проникнуты диалектологические и лингвогеографические работы Самуила Борисовича². То же можно сказать о других трудах ученого. Но С.Б. Бернштейн не ограничивался историографическими экскурсами в своих лингвистических исследованиях. Он – автор свыше 50 трудов, специально посвященных истории славистики. Как признанному лидеру лингвистической части российского славяноведения ему довелось выступать с работами, подводщими итоги и определяющими направление развития разных отраслей славянской филологии³. Но особенно большое место в его историографическом творчестве занимают очерки о деятельности крупных отечественных и зарубежных славистов. Такой акцент не случаен – в истории славяноведения С.Б. Бернштейн считал наиболее плодотворным именно биографический метод исследования.

Накануне Второй мировой войны Самуил Борисович выступил со статьями о научной деятельности И.В. Ягича и А.И. Томсона⁴. Уже в этих ранних работах он показал себя знатоком источников и мастером психологического портрета. Основная часть статьи о Ягиче посвящена истории приглашения ученого в Новороссийский университет и его взаимоотношениям с одесскими профессорами. В ней использованы частично утраченные впоследствии во время войны данные одесских архивов, рукописи и письма Ягича. Много нового содержится и в очерке о компаративисте и фонетисте А.И. Томсоне.

В первое послевоенное десятилетие появились статьи Самуила Борисовича, посвященные его учителям и современникам, – А.М. Селищеву и Н.С. Державину⁵. С.Б. Бернштейн писал о научном значении их трудов, пытался пока-

зять то новое, что было внесено ими в науку. (Приверженность Державина к марризму он тогда не акцентировал). То же относится и к книге С.Б. Бернштейна о выдающемся отечественном слависте конца XIX – начала XX вв. Вячеславе Николаевиче Щепкине, вышедшей в 1955 г. в серии «Замечательные ученые Московского университета». Надо сказать, что Самуил Борисович принимал активное участие в создании этой серии и на протяжении ряда лет входил в состав ее редакции.

С.Б. Бернштейн по существу первым из советских филологов попытался определить и обобщить основные тенденции и направления развития славянской филологии в России и СССР в области изучения южнославянских языков и шире⁶. Эта серия работ является классическим образцом глубокого владения предметом исследования, на нее опирались все, кто обращался к истории отечественного славяноведения. Но представлял он эту историю в живых характеристиках ее создателей и исследователей, через анализ их научных достижений. По справедливому замечанию Н.И. Толстого, относящемуся к работе Самуила Борисовича «Из истории изучения южных славянских языков в России и СССР», он прослеживал «последовательный путь развития исследований языкового южнославянского мира от А.Х. Востокова, К.Ф. Калайдовича, М.Т. Каченовского и Ю.И. Венелина до А.М. Селищева, Н.С. Державина и Л.А. Булаховского»⁷.

Со второй половины 1960-х годов С.Б. Бернштейн обращается к творчеству дореволюционных славистов и ученых «старой школы», действовавших в 1920-х и 1930-х гг. Он пишет о В.И. Григоровиче, П.С. Билярском, П.И. Кёппене и других ученых⁸, ранее публикует статью о Б.М. Ляпунове⁹, с которым ряд лет состоял в переписке. В 1960-е и последующие годы появляются работы Самуила Борисовича о советских коллегам – Р.И. Аванесове, Л.А. Булаховском, В.М. Илличе-Свитгыче, О.Н. Трубачеве¹⁰; он откликается на памятные даты и подводит в некрологах итоги научной деятельности ряда зарубежных славистов, пишет о М. Фасмере, Т. Лер-Сплавинском, А. Беличе, В. Дорошевском¹¹, о филологах из любимой им Болгарии – Л. Милетиче, А. Теодорове-Балане, С. Стойкове, И. Лекове¹². Все эти статьи по богатству оригинального фактического материала стали «нитью Ариадны» для начинающих историков науки, изучающих творчество отдельных ученых. Блестящим образцом популярного и вместе с тем строго научного изложения, характерного для многих трудов С.Б. Бернштейна, стала его книга «А.М. Селищев – славист-балканист» (М., 1987). Познакомив читателей с неординарной биографией ученого и отметив его выдающийся вклад в славяноведение и балканистику, Самуил Борисович подробно охарактеризовал те теоретические и методические принципы, которые лежат в основе многочисленных исследований Селищева, показал значение его трудов для развития в первой половине XX века ряда важных теоретических положений мировой славистики и балканистики. Вся книга Самуила Борисовича проникнута любовью и уважением к Селищеву, который впервые приобщил его к славяноведению и на протяжении многих лет следил за развитием молодого ученого. С огромной теплотой и подлинным талантом

рассказчика восстанавливает С.Б. Бернштейн жизненный путь Селищева, хотя, как теперь выясняется, далеко не все было безоблачно в их отношениях¹³.

Вот немногие строки из первой главы книги, в которых – и подлинно художественный портрет его «героя», и кредо Самуила Борисовича при работе над книгой. «Перед глазами стоит мощная фигура учителя, – писал Бернштейн. – Он внимательно, чуть насмешливо смотрит через дымчатые очки. Знаю, что его взгляд будет сопровождать меня все время, пока работаю я над книгой. Это поможет мне не отдаляться от подлинных фактов, поможет избежать преувеличений, столь характерных для подобного рода сочинений»¹⁴. Вместе с тем С.Б. Бернштейну удавались краткие и емкие по содержанию, запоминающиеся характеристики ученых. Вот что он писал в другом месте об учителе: «Человек необыкновенной работоспособности, большой силы воли, наделенный незаурядными способностями организатора, А.М. Селищев был глубоко предан избранной им науке. Он был убежден, что славяноведение имеет большое значение для развития всех общественных наук. Он часто повторял, что нельзя глубоко изучить проблемы формирования русского народа, его языка, древней культуры без всестороннего учета данных древнейшей истории родственных славянских народов, их языков и культур. А.М. Селищев скоро стал заметной фигурой на факультете общественных наук МГУ. Его лекции по старославянскому языку, по сравнительной грамматике славянских языков, по введению в славяноведение привлекали многих студентов. Их покорила страстность профессора, его глубокая вера в необыкновенную важность той науки, которой он служил»¹⁵.

Книга о Селищеве в значительной степени основана на личных воспоминаниях. О мемуарном жанре в творчестве Самуила Борисовича следует сказать особо. Он любил и умел вспоминать о прошлом, был мастером психологического портрета. Самуил Борисович оставил воспоминания, сообщающие о многих важных фактах и интереснейших подробностях научной жизни, воссоздал атмосферу эпохи, дал яркие и зачастую нелицеприятные характеристики современников, отечественных и зарубежных ученых. Эти мемуары нам удалось обнаружить весной 1997 г. при подготовке личного архива ученого к сдаче в Центральный московский архив – Музей личных собраний. Вместе с коллегами (А.Н. Горяиновым, Г.К. Венедиктовым, В.П. Гудковым и др.) первая часть мемуаров (1943 – 1961) была тщательно прокомментирована и снабжена аннотированным именованным указателем. Из «Зигзагов памяти»¹⁶, как назвал свои воспоминания ученый, удалось выяснить, что С.Б. Бернштейн задумал создать книгу «Портреты моих современников», в которой предполагал через призму собственного восприятия написать о таких разных деятелях науки и культуры, как А.М. Селищев, Н.С. и К.Н. Державины, Г.О. Винокур, Н.К. Дмитриев, Н.К. Гудзий, Л.П. Гроссман, В.П. Волгин и многие другие. Началом реализации замысла стали напечатанные в научных изданиях очерки о М.Г. Долобо, П.С. Кузнецове и А.В. Луначарском¹⁷. При этом в процессе работы у Самуила Борисовича появлялись сомнения в плодотворности своих намерений. Как видно из одной записи в «Зигзагах памяти», он опасался, что ученым

не будут интересны особенности поведения деятелей науки, которые не оказывают непосредственного влияния на ход их исследований. Он писал в дневнике 20 февраля 1982 г.: «Ученых интересуют результаты труда исследователя, но зачем нужно знать о тех особенностях его поведения, интеллекта, которые не могли оказать влияния на ход научных исследований? Прежде я думал, что всё это очень важно. Однако моя уверенность теперь поколеблена». (Дневник в архиве автора). Примечательно, что колебания Самуила Борисовича возникли после «презентации» в Институте славяноведения его очерка о П.С. Кузнецове, при обсуждении которого он не получил ожидаемой поддержки. Однако, как колоритен и емок, например, (хотя и крайне субъективен), нарисованный им в мемуарах образ этнографа и археолога, члена-корреспондента АН СССР С.П. Толстова: «Сергея Павловича [Толстова] помню еще со студенческих времен. Он ходил всегда в длинной шинели, в кубанке, носил усы, непрерывно курил страшно вонючий табак и громко грошил всяческих врагов. От него шел тошнотворный запах грязного белья. Пальцы рук были желтого цвета от курева. Он поставил перед собой задачу уничтожения этнографии и, в конце концов, заняв должность директора Института этнографии, успешно ее осуществил. Практически этнографии у нас сейчас уже нет. Сам он теперь занимается археологией»¹⁸. Ныне, когда внимание к психологическим аспектам творчества стало востребованным и вошло в инструментарий современной науки, эти приемы широко используются в популярной ныне биографистике. Таким образом, можно сказать, что С.Б. Бернштейн был одним из зачинателей нового жанра, получившего распространение в нашем отечестве лишь в самом конце XX в.

Одной из важных сторон биографического метода Самуила Борисовича было повышенное внимание к нравственным качествам ученых. Особенно резко он осуждал процветавшие в период тоталитаризма в научной среде конформизм и приспособленчество¹⁹. Не пощадил он и себя, нелюбезно осуждая и раскаиваясь за свое временное вынужденное отступление от принципов в пользу марризма²⁰. Не без основания считая эти пороки характерными продуктами эпохи тоталитаризма, С.Б. Бернштейн даже намеревался создать сборник памфлетов, в котором предполагал открыто и «с перцем» показать истинное лицо конкретных работников науки, которые, по его мнению, не отвечали высоким моральным требованиям, необходимым ученому. Он придумал для своих «героев» едкие, но очень выразительные псевдонимы: «Академик Нахрапов», «Академик Апельсинов», «Директор Кукушкин», «Вундеркинд Запятая»...

Осуждая характерные для его времени пороки, Самуил Борисович был, тем не менее, человеком своей эпохи. В соответствии с господствующей идеологией он сам, как, впрочем, и все ученые того времени, вопреки истине излагал историю дореволюционной и особенно советской славистики как поступательное и прогрессирующее развитие науки, не знавшее тупиков, провалов и отступлений. В период «перестройки», он, будучи осведомленным о репрессиях в стане славистов, пересмотрел эту ошибочную позицию. Откровением

стала его статья мемуарного характера «Трагическая страница из истории славянской филологии», опубликованная в начале 1989 г.²¹ В ней С.Б. Бернштейн впервые сделал достоянием гласности факты преследования славяноведов, подробности фабрикации ОГПУ политического «Дела славистов» и попытки искоренения славистики, объявленной «лженаукой, глубоко враждебной советскому строю». Он убедительно показал, какой огромный урон был нанесен невежественными следователями «органов» и высокими вдохновителями их усилий научной дисциплине, призванной решать актуальнейшие задачи, вставшие перед страной в годы Отечественной войны и в период после ее окончания.

В биографических очерках Самуил Борисович учитывал общественно-политический фон, неизбежно накладывавший отпечаток на деятельность того или иного ученого, ему был присущ критический подход к оценке их творчества. Приходится признать, что при этом ученый проявлял известный субъективизм и излишнюю пристрастность. Например, трудно понять, почему идеалом дореволюционного ученого он считал П.С. Билярского, а академик И.И. Срезневский вызывал у него стойкую неприязнь. Это прослеживается, в частности, в статьях С.Б. Бернштейна «О некоторых вопросах изучения русского славяноведения», «Еще раз о Срезневском»²². Самуил Борисович опирался в своих заключениях не на известные ему факты биографии Срезневского, а на язвительные характеристики И.В. Ягича²³ и обличительные выпады близкого к народникам литературного критика А.М. Скабичевского, озвучившего мнение революционно настроенных студентов о «бесполезности» таких «антикварных» дисциплин, как лексикография, палеография и археография с точки зрения современной общественной борьбы²⁴. А именно в них И.И. Срезневскому принадлежал научный приоритет и существенные достижения в российской науке.

В свое время нам пришлось даже защищать доброе имя Измаила Ивановича, пользуясь материалами своей диссертации²⁵. В результате достигнутого с помощью главного редактора компромисса появилась совместная статья С.Б. Бернштейна и М.Ю. Досталь в библиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России»²⁶, но и после этого полемика продолжалась в журнале «Советское славяноведение»²⁷.

Вспоминаются научные споры, развернувшиеся при подготовке коллективной монографии «Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян» (М., 1988), в которой были обобщены исследования по истории отечественного славяноведения до 1917 г. Они велись преимущественно основным автором языковедческих разделов С.Б. Бернштейном и ответственным редактором монографии В.А. Дьяковым, сторонником широких методологических обобщений. Самуил Борисович отстаивал в этих спорах свой метод изложения материала «по биографиям» в разделах, посвященных изучению славянских языков. Ему удалось настоять на своем, и написанные ученым вместе с В.П. Гудковым и С.В. Смирновым разделы представляют собой, по существу, совокупность кратких очерков о языковедах-славистах, чем отличаются, например, от разделов В.А. Дьякова и А.С. Мыльникова, рас-

смаатривавших изучение истории славян в соответствии с существовавшими в России научными направлениями.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что Самуил Борисович Бернштейн внес своими трудами существенный вклад в разработку истории славянской филологии, в определение тенденций ее развития, в создание жанра славистической биографистики. Его труды, хотя и носят определенный отпечаток эпохи, в которую были написаны, но не потеряли своего научного значения. Написанные живым и образным литературным языком, они и сегодня вызывают читательский интерес и представляют ценность для истории науки.

К 100-летию со дня рождения ученого в Институте славяноведения РАН подготовлен к печати сборник трудов С.Б. Бернштейна по истории науки. Главные исполнители проекта – М.Ю. Досталь (отв. редактор), А.Н. Горяинов, Г.К. Венедиктов, М.Ю. Дронов и др.. В нем публикуются почти все его статьи по этому предмету исследований, разбросанные по разным изданиям. Они представляют собой как обобщающие очерки по истории изучения в России и СССР болгаристики, сорабистики, славянской филологии в целом, кирилло-мефодианы и пр. «в лицах» исследователей, так и запоминающиеся портреты отдельных дореволюционных и современных славистов и балканистов России, Болгарии, Польши, Германии, Югославии. В книге раскрывается его приоритет в изучении проблем «репрессированной» славистики. Написанные прекрасным литературным языком, эти статьи до сих пор не потеряли своего научного значения. Собранные вместе они являются ярким свидетельством неопределимого вклада ученого в историю отечественного славяноведения и творческим образцом для молодого поколения ученых.

Примечания

¹ *Аванесов Р.И.* Сорок лет в славистике // Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия профессора С.Б. Бернштейна. М., 1971. С. 18–27; *Толстой Н.И.* 60 лет служения славистике // *Studia slavica*: Языкознание. Литературоведение. История. История науки: К 80-летию Самуила Борисовича Бернштейна. М., 1991. С. 19–26; Филологический сборник памяти профессора Самуила Борисовича Бернштейна: К 5-летию со дня кончины. М., 2002 и др.

² *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* С точки зрения историков науки (О посмертном сборнике статей С.Б. Бернштейна) // *Славяноведение*. 2002. № 1. С. 79–81.

³ *Бернштейн С.Б.* Задачи изучения болгарских говоров СССР // Ученые записки / Институт славяноведения АН СССР. М., 1950. Т. 2. С. 219–224; *Он же.* Задачи изучения современного болгарского литературного языка // Краткие сообщения / АН СССР. Институт славяноведения. М., 1953. Вып. 10. С. 9–22; *Он же.* Основные задачи, методы и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков» // Вопросы языкознания. 1954. № 2. С. 49–67; *Он же.* Задачите на картографирането на българските народни говори (по материалите на «Атлас на българските говори на територията на СССР») // *Български език*. София, 1955. Кн. 4. С. 297–307; *Он же.* Изучение македонского языка в Народной Республике Македонии // Вопросы языкознания. М., 1956. № 2. С. 136–138; *Он же.* Методы и задачи изучения истории значений и функций падежей в славянских языках // Творительный падеж в славянских языках. М., 1958. С. 5–40; *Он же.* Актуальные проблемы изучения истории болгарского языка // *Вестник МГУ. Филология*. 1983. № 4. С. 3–13; *Он же.* О некоторых итогах и перспективах лингвистических исследований Карпато-Дунайского региона // *Carpatobalcanica*. Bratislava, 1985. Т. 14. № 1/2. С. 79–102.

- ⁴ Бернштейн С.Б. К истории языковедения в Одессе: Материалы для биографии В. Ягича // Труды Одесского университета. Одесса, 1940. Т. 1. С. 41–56; *Он же*. А.И. Томсон: (К пятилетию со дня смерти) // Русский язык в школе. 1941. № 1. С. 80–84.
- ⁵ Бернштейн С.Б. Селищев – балканист // Доклады и сообщения филологического факультета / МГУ. М., 1947. Вып. 4. С. 11–30; *Он же*. Академик Н.С. Державин (К 70-летию со дня рождения) // Там же. М., 1948. Вып. 4. С. 79–80.
- ⁶ Бернштейн С.Б. Из истории изучения южных славянских языков в России и СССР // Вопросы славянского языковедения. М., 1957. Вып. 2. С. 123–152; *Он же*. Вклад ученых Московского университета в изучение болгарского языка // Известия на Института за български език. 1957. Кн. 5. С. 383–392; *Он же*. Советской славянской филологии 50 лет // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 77–93; *Он же*. Русское славяноведение о серболужицких языках // Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 5–22; *Он же*. Константин-философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984; Бернштейн С.Б. Cyrillo-methodiana в России // Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1983. Вып. 649. С. 22–29.
- ⁷ Толстой Н.И. 60 лет служения славистике... С. 25.
- ⁸ Бернштейн С.Б. Памяти В.И. Григоровича (К 150-летию со дня рождения) // Известия / Академия наук СССР. Отделение литературы и языка. 1965. Вып. 4. С. 359–362; *Он же*. Из истории русского славяноведения: Виктор Иванович Григорович // Известия. Отделение литературы и языка. 1976. № 6. С. 533–538; *Он же*. Академик П.С. Биллярский и его вклад в изучение языка среднеболгарской письменности // Языки и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 131–144; *Он же*. «Библиографические листы» П.И. Кёппена // Известия / Академия наук СССР. Отделение литературы и языка. 1982. Вып. 1. С. 47–58.
- ⁹ Бернштейн С.Б. Борис Михайлович Ляпунов // Вопросы языковедения. 1958. № 2. С. 67–75.
- ¹⁰ Бернштейн С.Б. Р.И. Аванесов (1902–1982) // Общеславянский лингвистический атлас, 1981. М., 1984. С. 362–364; *Он же*. Памяти Л.А. Булаховского // Краткие сообщения / Академия наук СССР. Институт славяноведения. М., 1963. Вып. 38. С. 98–99; *Он же*. В.М. Иллич-Свитыч // Slavia. Praha, 1967. Seš. 2. S. 341–342; Бернштейн С.Б. Олег Николаевич Трубачев (К пятидесятилетию со дня рождения) // Известия / Академия наук СССР. Отделение литературы и языка. 1981. № 1. С. 85–88.
- ¹¹ Бернштейн С.Б. М. Фасмер // Краткие сообщения / Академия наук СССР. Институт славяноведения. М., 1964. Вып. 41. С. 102–103; *Он же*. Тадеуш Лер-Сплавинский // Советское славяноведение. 1965. № 3. С. 139–140; *Он же*. Памяти академика Александра Белича // Сборник радова о Александру Белићу. Београд, 1976. С. 61–65; *Он же*. Витольд Дорошевский // Советское славяноведение. 1976. № 6. С. 113–115.
- ¹² Бернштейн С.Б. Любомир Милетич (К столетию со дня рождения) // Краткие сообщения / Академия наук СССР. Институт славяноведения. М., 1963. Вып. 38. С. 68–70; *Он же*. Академик А. Теодоров-Балан // Известия / Академия наук СССР. Отделение литературы и языка. 1959. Вып. 4. С. 391–392; *Он же*. Памяти профессора Стойко Стойкова // Советское славяноведение. М., 1970. № 3. С. 125–127; Семидесятилетие Ивана Лёкова // Советское славяноведение. 1974. № 3. С. 141–142.
- ¹³ Подробнее см.: Досталь М.Ю. Письма Р.И. Аванесова С.Б. Бернштейну в 30 – 40-е гг. XX в. // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 2003–2005. М., 2006. С. 229–249.
- ¹⁴ Бернштейн С.Б. А.М. Селищев – славист-балканист. М., 1987. С. 5.
- ¹⁵ Бернштейн С.Б. Советской славянской филологии 50 лет // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 82–83.
- ¹⁶ Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записки / Отв. редактор академик В.Н. Топоров. Составители М.Ю. Досталь и А.Н. Горяинов. М., 2002.
- ¹⁷ Бернштейн С.Б. Портреты моих современников: Милий Герасимович Долобо // Сборник за филологију и лингвистику. Нови сад, 1988. Т. 31/1. С. 7–22; *Он же*. Петр Саввич Кузнецов (К 15-летию со дня смерти) // Slavia. Praha, 1984. № 2. S. 164–171; *Он же*. О Луначарском (По данным дневниковых записей) // Славяноведение. 1993. № 1. С. 79–85.
- ¹⁸ Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти... С. 53.

- ¹⁹ Горяинов А.Н., Досталь М.Ю. Проблема научной этики в воспоминаниях С.Б. Бернштейна о 1930-1950-х годах // Славянский альманах. 2000. М., 2001. С. 349-358. Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. С. 21, 124-125.
- ²⁰ Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти... С. 147.
- ²¹ Бернштейн С.Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. М., 1989. № 1. С. 77-82.
- ²² Бернштейн С.Б. О некоторых вопросах изучения русского славяноведения // Вестник МГУ. Филология. 1979. № 4. С. 3-18; Он же. Еще раз о Срезневском // Советское славяноведение. 1984. № 2. С. 87-93.
- ²³ Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 467-468.
- ²⁴ Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 77.
- ²⁵ Ныне это книга. См.: Досталь М.Ю. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003.
- ²⁶ Бернштейн С.Б., Досталь М.Ю. Срезневский И.И. // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 318-321.
- ²⁷ Бернштейн С.Б. Еще раз о Срезневском // Советское славяноведение. 1984. № 2. С. 87-93; Досталь М.Ю. О некоторых спорных моментах научной биографии И.И. Срезневского // Советское славяноведение. 1992. № 2. С. 92-101.

С.А.Никитин и его научная школа
историков-славистов
(К 110-летию со дня рождения)

Abstract:

**Danchenko S. I., Churkina I. V. S.A. Nikitin and his scientific school of historian-slavists
(for the 110-th anniversary)**

The article reviews the contribution of a well-known scientist, educator and creator of the national school of historian-slavists Professor Sergei Alexandrovich Nikitin to the development of Russian Slavic studies and international scientific relations in the second half of the twentieth century, in regard to his 110-th anniversary. The authors present new biographical information about S.A. Nikitin, analyze his scientific heritage and write about the methods and principles of his research work.

Ключевые слова: С.А.Никитин, славяноведение, славяне, средневековая Болгария, славянские просветители, русско-славянские связи, балканская политика России, славянофилы, панславизм

Профессор С.А. Никитин принадлежит к тому поколению советских ученых, которое было призвано в изменяющемся мире направлять славяноведение по новому пути.

Н.Тодоров

Известный ученый-славист, внесший весомый вклад в становление советского и российского славяноведения, профессор Сергей Александрович Никитин (1901–1979) был учителем для целого поколения ученых, чьи достижения стали гордостью отечественной науки. Его труды высоко оценены не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Научной и педагогической деятельности С.А.Никитина посвящены многие работы его коллег. О нем писали академики АН СССР В.М.Хвостов, А.Л.Нарочницкий, Ю.А.Писарев, академик Боснийско-герцеговинской, Сербской и Черногорской академий наук и искусств М.Экмечич. Творчество ученого исследовали его многочисленные ученики и ученики его учеников, отечественные и зарубежные: В.Г.Карасев, И.В.Чуркина, С.И.Данченко, В.И.Фрейдзон, Л.В.Горина, Б.Н.Билунов, В.М.Хевролина, С.П.Боброва, Н.П.Данилова, А.Н.Горяинов, Л.В.Кузьмичева, словацкий ученый В.Матула, академик Болгарской академии наук Н.Тодоров и другие.¹ Уже сам интерес такого большого числа серьезных ученых к научной деятельности С.А.Никитина указывает на то, какое важное место в развитии отечественного славяноведения второй половины XX в. она занимает.

Сергей Александрович Никитин происходил из небогатой, но образованной семьи. Его дед, отец Василий, был приходским священником в селе Дми-

тровский погост Егорьевского уезда Рязанской губернии. Один из его сыновей, Дмитрий Васильевич Никитин, в 1902-1903 гг. являлся домашним врачом Л.Н.Толстого. После ухода от великого писателя он сохранил хорошие отношения со всей семьей Толстых. По воспоминаниям Сергея Львовича Толстого, Дмитрий Васильевич вместе с Душаном Маковицким, сменившим его на посту врача Толстого, находился у постели Льва Николаевича до его последнего вздоха.² Другой сын отца Василия, Александр Васильевич, пошел по стопам отца. Он стал магистром богословия, принял священнический сан (был протоиереем) и долгие годы преподавал в Николаевском сиротском институте в Москве, одновременно являясь настоятелем церкви св. Екатерины при нем. В семье Александра Васильевича и родился 25 июня 1901 г. Сергей Александрович Никитин. Он учился в 4-й московской гимназии, воспоминания о демократических порядках в которой, о духе товарищества, царившем там, он сохранил до конца своих дней.³ В гимназические годы Сергей Александрович с увлечением читал исторические сочинения В.О.Ключевского, А.Н.Пыпина и др., закладывая фундамент той энциклопедичности, которая всегда поражала в нем его коллег разных поколений.

В 1918 г., после окончания гимназии, С.А.Никитин поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который годом позже был преобразован в факультет общественных наук. Здесь изучалось множество предметов из области философии, психологии, логики, права, экономики и, конечно, истории, которую преподавали лучшие отечественные ученые и педагоги. Так, историю России Никитин изучал под руководством С.В.Бахрушина, М.М.Богословского, Ю.В.Готье, А.И.Яковлева, а всеобщую историю – Р.Ю.Виппера, В.П.Волгина, В.М.Лавровского, Д.М.Петрушевского, С.Д.Сказкина.

Учебу Никитину приходилось совмещать с военной службой, которую он проходил с 1919 г. до 1924 г. сначала как курсант отделения русского языка Военно-педагогического института, а затем в качестве преподавателя командной артиллерийской школы.

В 1922 г. Сергей Александрович окончил факультет общественных наук Московского университета и наряду с преподаванием стал заниматься профсоюзной работой – заведовал профсоюзными курсами, был лектором Московского совета профсоюзов. К этому периоду относится появление первых научных статей будущего ученого о профсоюзной печати в России в 1905–1906 гг.⁴

В 1924 г. Сергей Александрович стал аспирантом Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов (РАНИОН) и начал вести самостоятельные научные исследования. В годы учебы в аспирантуре, а именно в 1927 г., в Большой Советской Энциклопедии была опубликована первая славистическая работа С.А.Никитина, посвященная богومیлам. В 1928–1929 гг. он ассистировал проф. С.Д.Сказкину в МГУ в семинаре по истории связей славянских народов с Россией.

Внимание Никитина привлекла тема «Русско-турецкая война и русская политика на Балканах в 70-е годы XIX в.» На этот выбор, а также на пробуж-

дение у молодого ученого интереса к славяноведению повлияли известные ученые С.Д.Сказкин и А.М.Селищев.⁵ Именно они, высоко оценив эту первую серьезную работу С.А.Никитина, посоветовали ему обратиться в его дальнейших изысканиях к архивным материалам.

С 1928 г. по сентябрь 1930 г. Сергей Александрович работал в библиотеке Высшего совета народного хозяйства, где занимался библиографической деятельностью в должности помощника редактора Технической библиотеки. По мнению Л.П.Петровского и А.Н.Горяинова, изучавших жизненный путь С.А.Никитина, то обстоятельство, что он не работал по специальности, было связано с его пребыванием в аспирантские годы в семинаре известного историка Н.А.Рожкова, который в конце 1920-х годов полемизировал с М.Н.Покровским и обвинялся властями в меньшевистской интерпретации исторического процесса.

14 сентября 1930 г. С.А.Никитин был арестован. По этому «академическому» делу, которое часто именуют «делом академика С.Ф.Платонова», проходили такие крупные историки, как М.К.Любавский, Ю.В.Готье, Д.Н.Егоров, В.И.Пичета и др. Сергею Александровичу инкриминировалась не только связь с группой историков, арестованных по делу «Всенародного Союза за возрождение свободной России», сфабрикованному ОГПУ с целью обвинения в контрреволюционной деятельности большой группы членов АН СССР, но и «участие в антимарксистском кружке Рожкова», а также выступления против Общества историков-марксистов.⁶ Под следствием Сергей Александрович пробыл около 2,5 месяцев и содержался в Бутырской тюрьме. Во время допросов на Лубянке он заявил, что считает себя «близко стоящим к марксизму», однако подчеркнул и свои расхождения с ним: «Воспринимаю только одну часть марксова учения – учение о критике основ капиталистического способа производства», но философской концепции марксизма он не разделял и стоял «на позициях христианства». Следователь Н.Н.Соловьев в своем заключении по делу № 103591 назвал Никитина элементом «условно социально опасным». Кроме того в этом документе, ставшем известным благодаря изысканиям в архиве КГБ Л.П.Петровского, содержалась оценка профессиональных качеств молодого ученого с точки зрения полуграмотного следователя, который уверенно констатировал, что подследственный Никитин – «исключительный путаник и ценности как историк никакой не представляет» (!). А в документе от 31 декабря 1930 г., вышедшем из кабинетов той же организации, говорилось о недопустимости использовать С.А.Никитина как историка, поскольку он, «трактуя научно-исторические проблемы, преломляет их через призму христианского вероучения».⁷

Сосланный на Урал в январе 1931 г. сроком на три года, С.А.Никитин оказался в Свердловске, благодаря ходатайствам своей матери Глафиры Северьяновны и поддержке первой жены А.М.Горького Е.П.Пешковой, возглавлявшей существовавший до 1937 г. в Москве политический Красный Крест. Там он устроился на работу в трест «Восток-сталь» на должность старшего экономиста. В июле 1932 г. Сергей Александрович был досрочно освобожден и вер-

нулся в Москву. В первые два года он работал главным редактором организации «Союзоргучет» и лишь в 1935 г. вошел в состав группы, образованной в Историко-археографическом институте с целью публикации документов по истории Средней Азии.

Забегая вперед, следует отметить, что при жизни Сергея Александровича с него так и не были сняты обвинения в «контрреволюционной деятельности». Лишь 3 марта 1989 г., т.е. спустя почти 10 лет после его смерти, «дело академика Платонова» было официально признано незаконным, а С.А.Никитин был реабилитирован.⁸

С 1937 г. началась преподавательская деятельность Сергея Александровича. М.Н.Тихомиров привлек его к чтению курса источниковедения России XIX в. в Историко-архивном институте. В своих лекциях молодой ученый с присущими ему тщательностью, скрупулезностью и эрудицией представил классификацию источников по русской истории XIX в., раскрыл их значение, охарактеризовал научные приемы их исследования. Впоследствии этот курс был выпущен отдельной книгой⁹, которую Никитин в 1941 г. защитил как кандидатскую диссертацию. Этот труд был высоко оценен научной общественностью и стал учебником для студентов и аспирантов, которым они пользовались более 20 лет.

В 1941 г. С.А.Никитин был принят на работу в МГУ им. М.В.Ломоносова в качестве преподавателя исторического факультета. Здесь он трудился до 1961 г., а с 1947 по 1961 гг. являлся заведующим кафедрой истории южных и западных славян. Наряду с этим в 1947 г. Сергей Александрович стал одним из основателей Института славяноведения АН СССР, в котором возглавил сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма.

Конец 1940-х годов ознаменовался новыми серьезными неприятностями для Никитина. В 1949 г. в стране развернулась кампания против космополитизма. В конце марта 1949 г. на расширенном заседании Ученого Совета истфака МГУ рассматривался вопрос о борьбе с космополитизмом в исторической науке. В принятой резолюции указывалось на необходимость вести непримиримую борьбу «с малейшими проявлениями безродного космополитизма, низкопоклонства и буржуазного объективизма, являющихся питательной средой для любых космополитических тенденций». Эта резолюция стала сигналом к осуждению многих историков. 9 апреля 1949 г. произошло заседание на кафедре истории южных и западных славян, на котором часть преподавателей, а также аспиранты и студенты критиковали и даже клеймили работу кафедры, которой руководил С.А.Никитин. И.М.Белявская подчеркивала, что «ошибки кафедры ведут к космополитизму», что общий курс истории славян Никитина характеризуют «фактологизм, отсутствие точных политических формулировок». В том же плане выступала и В.И.Владимирская. Сергея Александровича упрекали в том, что он положительно оценивал славянское движение в России, хотя и указывал на консервативные и монархические взгляды славянофилов, а также за то, что он признавал преемственность дореволюционного и со-

ветского славяноведения. Декан истфака Г.А.Новицкий выступил в примирительном плане, сам Никитин признал свои ошибки.¹⁰ Все эти события нанесли ученому еще одну глубокую моральную травму, заставили его еще больше замкнуться в себе. Хорошо еще, что заседание 9 апреля не имело серьезных административных последствий ни для кафедры, ни для самого Сергея Александровича. Партбюро истфака постановило снять с него все обвинения в космополитизме, как «обвиненного неправильно». По мнению М.Ю.Досталь, скрупулезно изучившей материалы по данному вопросу, такая относительно счастливая концовка была связана с тем, что в конце апреля 1949 г. общесоюзная кампания по борьбе с космополитизмом была свернута по указанию И.В.Сталина.¹¹

После окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. научные интересы С.А.Никитина сосредоточились вокруг проблем истории балканской политики России и русско-славянских связей 50–70-х годов XIX в. Изыскания по данной проблематике в отечественных архивах, детальное изучение многочисленных периодических изданий этого периода позволили ученому создать ряд ценнейших исследований и публикаций документов, появившихся в 40–60-е годы XX в. в «Литературном наследстве», «Славянском сборнике», «Славянском архиве».¹² Последнее издание было учреждено в Институте славяноведения АН СССР по инициативе Сергея Александровича в 1958 г. (он же стал его редактором) и до появления многотомных публикаций по истории связей России с южными славянами было одним из немногих изданий, в которых публиковались вновь открытые источники по указанной проблематике.

В 1940-е годы С.А.Никитин в качестве главной определил для себя тему русско-балканских отношений, в частности, вопросы балканской политики России и отношения русского общества к событиям на Балканах в период от Крымской войны до Берлинского конгресса 1878 г. В 1947 г. Никитин защитил докторскую диссертацию по теме «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1876 гг.». Защита прошла успешно, о чем свидетельствовали положительные отзывы крупных отечественных историков, выступивших в качестве официальных оппонентов: славистов Н.М.Дружинина, В.И.Пичеты и турколога А.Ф.Миллера. Вскоре после защиты Сергей Александрович подготовил свой труд к публикации отдельной книгой в издательстве АН СССР, однако цензура сочла невозможным его напечатать, и набор был рассыпан.¹³ В этой работе, как и в последующих, С.А.Никитину по методологии ближе всего был позитивизм с его обстоятельностью в подборе фактов, со стремлением любой вывод базировать именно на них.

Фундированность вышеуказанного труда просто поражает. Он основан на уникальных документах из 12 московских и ленинградских архивов, на материалах центральной и провинциальной прессы, автором были широко использованы многочисленные опубликованные источники, а также обширная литература на многих языках. Впоследствии часть материалов неопубликованной книги с небольшими изменениями вошла в монографию С.А.Никитина «Славянские комитеты в России. 1858–1876 гг.», а некоторые разделы были опу-

бликованы в «Очерках по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в.» Неопубликованные разделы объединялись единой проблематикой – развитие панславистских идей в русской общественной мысли в 40-70-е годы XIX в. По-видимому, власти не устраивал тот факт, что при сравнении планов русских панславистов с тем, чего достиг СССР в 1945 г., у читателя могли возникнуть нежелательные ассоциации.

Главным научным трудом Сергея Александровича, по признанию большинства ученых, его учеников и коллег в различных странах, является монография «Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах.» (М., 1960). В послевоенные годы вокруг этих общественных организаций среди политиков, публицистов и ученых на Западе ходило немало нелепых легенд, проистекавших оттого, что эта тема была совершенно не изучена, а также из-за неприязненного отношения многих из них к России, а затем к СССР. Славянские комитеты, действовавшие в России в 60-70-е гг. XIX в., представлялись секретными организациями, созданными русским правительством для сбора агентурной информации в балканских странах. Особенно часто поминались они в связи с приписываемой России политикой панславизма. Взявшись за исследование этой проблемы, С.А.Никитин шел от архивных источников. Наряду с ними он впервые в отечественной славистике широко привлек прессу различных направлений, в том числе и провинциальные издания, а также обширную мемуарную литературу. Отдав дань уважения своим предшественникам в изучении этой сложной темы, С.А.Никитин по-новому рассмотрел деятельность славянских комитетов в России. Прежде всего, он показал, что славянофилы вовсе не были ретроgrадами, которыми их пыталась представить советская историография, а являлись деятелями умеренно либеральных взглядов, выступавшими за проведение постепенных буржуазных реформ. Проследив двадцатилетнюю историю существования славянских комитетов, ученый сделал ряд ценных наблюдений, в том числе и тех, которые не вписывались в существовавшую в то время официальную концепцию. Со страниц монографии С.А.Никитина славянские комитеты предстают своеобразной общественной благотворительной организацией с политическими тенденциями, довольно многочисленной и пестрой по своему составу. Действовали они легально и были единственной организацией в России, которая оказывала разнообразную помощь южным и западным славянам. Комитеты располагали небольшими денежными средствами, которые в основном поступали от благотворителей, но иногда пользовались некоторыми государственными субсидиями и церковными пожертвованиями. Вместе с тем, как показал Сергей Александрович в своем труде, их помощь в деле формирования национальной интеллигенции в балканских странах, развитии там образования, науки и культуры, была бесценна. Ее значение в тот непростой период истории этих народов трудно переоценить.

Книга С.А.Никитина по праву может считаться первой в ряду серьезных трудов по данной проблематике. Ее появление в значительной мере стимулировало научные поиски в этом направлении. Современные исследователи, яв-

ляющиеся в большинстве своем учениками и последователями профессора Никитина или учениками его учеников, к настоящему времени опубликовали множество новых, уникальных документов, создав таким образом прекрасную источниковедческую базу для исследователей нынешнего XXI века. После появления труда С.А.Никитина вклад славянских комитетов в расширение связей России с народами Балкан уже не мог быть оспорен. Собранные воедино уникальные архивные документы, публикации в российской периодике, выдержки из мемуаров деятелей того времени позволили ученому сделать обоснованные выводы и, отделив зерна от плевел, показать место и действительную историческую роль славянских комитетов в развитии русской политики в балканском регионе. Неслучайно эта книга Сергея Александровича получила такую высокую оценку как в нашей стране, так и за рубежом. «Этим своим научным трудом он по праву завоевал большой авторитет в мировой науке», – писал известный сербский историк М.Экмечич.¹⁴ «Тот, кого интересуют такие проблемы, как славянское единство и славянская взаимность, освободительная роль России и различные ее интерпретации, расхождения между русскими славянофилами и славянофилами других стран, должны непременно обратиться к этой работе С.А.Никитина», – подчеркивал тогдашний директор Института балканистики Болгарской Академии наук Н.Тодоров.¹⁵

Национально-освободительное движение на Балканах в 50-70-е годы XIX в. находило широкий резонанс в русской периодической печати – центральной и провинциальной. Отклики газет и журналов, выходивших в России, на главные события этого движения способствовали формированию общественного мнения в защиту прав угнетенных народов. Среди советских ученых Сергей Александрович первым обратился к этим источникам, показав, что русская периодика представляет большой интерес для историка-слависта как в плане выяснения позиций различных общественно-политических течений в тогдашнем российском обществе по славянскому вопросу, так и в плане ее связей с зарубежными славянскими народами.

Уже в 1950-е годы С.А.Никитин начал публиковать статьи по данной проблематике, а в 1970 г. издал монографию «Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в.»¹⁶ Как уже отмечалось выше, в ней были собраны некоторые уже опубликованные, а также подготовленные заново исследования по указанной тематике. Центральной проблемой, рассматриваемой в этом труде, стало отношение ведущих органов русской периодической печати к целому ряду важнейших событий в истории южнославянских народов, а именно: национально-освободительная борьба в Боснии и Герцеговине, черногорско-турецкие конфликты, создание Балканского союза 60-х гг. XIX в., борьба за церковную самостоятельность Болгарии и переселение болгар в Россию, а также Восточный вопрос во всех его проявлениях. Здесь же был помещен обширный очерк об экономическом облике болгарского города в момент освобождения Болгарии от османского ига. Впервые введенные в научный оборот данные русской переписи в Болгарии в 1879 г. дали возможность расширить и скорректировать существовавшие ранее представ-

ления о социально-экономической структуре болгарского города. Однако эти, безусловно, важными сюжетами исследование Сергея Александровича не ограничивалось. В нем также был рассмотрен ряд вопросов другой темы, которую он разрабатывал на протяжении всей своей творческой жизни. Речь идет о балканской политике России, которая, как отмечал ученый, видела в славянских народах Балканского полуострова, вставших на путь национально-освободительной борьбы, союзную силу, способную сформировать более благоприятную для русских интересов ситуацию в регионе, что, в свою очередь, создавало почву для ответного тяготения к России со стороны южных славян. Этот и другие новаторские труды С.А.Никитина дали толчок дальнейшим исследованиям в отечественной науке русской периодической печати как важного источника по истории русско-славянских связей. И в этом отношении он стал примером для своих последователей.

Широта научных интересов Сергея Александровича поражает. Он исследовал самые разнообразные темы по истории славянских народов начиная от раннего средневековья. Особое внимание он уделял средневековой истории Болгарии. Поставленные им проблемы и сделанные выводы сохраняют свое значение и по сей день, например, вывод о том, что вторжение славян на Балканы значило «ничуть не меньше, чем вторжение на территорию Западно-Римской империи германских и других племен».¹⁷ В период, когда македонская историография активно стремилась доказать, что македонская нация существовала уже в раннем средневековье, профессор Никитин осторожно, но твердо выступил против этой точки зрения. Он указывал, что со второй четверти IX в. македонские славяне развивались в рамках Болгарского государства.¹⁸ Начало формирования македонской нации, ее выделение из болгарской Сергей Александрович относил к 1878 г., когда после Берлинского конгресса македонские земли оказались отрезанными от Болгарского государства. Этой точки зрения придерживается современная отечественная наука.

Кроме болгарского средневековья С.А.Никитин интересовался средневековой Боснией, особенно богомильским учением, имевшим в ней широкое распространение до турецкого завоевания, а также классовой борьбой в Чехии и Моравии в XIV – начале XV вв., как раз накануне развернувшегося там гуситского движения.

Однако наибольший интерес Сергей Александрович проявил к проблемам славянского возрождения. Он написал ряд статей о крупных деятелях славянской культуры: о болгарах Паисии Хилендарском, Любене Каравелове, Марине Дринове; о словаке Людовите Штуре и его знаменитом трактате «Славянство и мир будущего». Несколько работ он посвятил реформатору сербского литературного языка Вуку Караджичу, в которых нашли отражение биография ученого и его отношения с властями Сербии, Австрии и России. С.А.Никитин подчеркивал уважение и благодарность Караджича к России. «Во всех моих исторических трудах, – писал сербский ученый, – я с чрезвычайной заботливостью охранял имя России от всякой черной тени»¹⁹.

Никитин исследовал также один из самых спорных и сложных вопросов сербской истории – роль воеводинских сербов в революции 1848–1849 гг. И хотя он вынужден был придерживаться отрицательной оценки, данной К.Марксом и Ф.Энгельсом славянскому национальному движению, он тем не менее, выделил первый период сербского движения как прогрессивный, сделав тем самым шаг вперед к отказу от привычных штампов. В последние годы жизни Сергей Александрович особое внимание проявлял к Первому (1804–1813) и Второму (1815) сербским восстаниям, заложившим основу сербской независимости и новой сербской государственности.

Следует отметить, что господствовавшая в советское время в историографии марксистская методология не могла не оказывать влияния на С.А.Никитина. И дело здесь не только в цитатах из трудов классиков – их сравнительно немного в его книгах и статьях, и они, как правило, носят нейтральный характер. Главное заключалось в попытке каждый раз дать классовую характеристику тому или иному лицу, оценить именно с классовых позиций многие события и явления. Вместе с тем нужно отметить, анализируя научное наследие Сергея Александровича, что в большинстве случаев исследование конкретного материала заставляло его отходить от принятых в марксистской историографии оценок и приходило к оригинальным самостоятельным выводам.

Одним из главных направлений научной деятельности С.А.Никитина являлось его участие в подготовке публикаций документов по истории балканской политики России и русско-славянских связей в XIX веке.

Уже в период работы над докторской диссертацией Сергей Александрович вскрыл громадные пласты в большинстве своем неизвестных ранее документов. Познакомившись с их содержанием, он пришел к выводу, что выявление, издание и обстоятельное их изучение – важнейшая задача отечественной науки. Новые документы были необходимы для углубленных исследований в области недостаточно и односторонне трактуемой в те годы балканской политики России. Следует подчеркнуть, что Сергей Александрович рассматривал этот вид работы как особую форму научно-исследовательского труда, где исторические проблемы, в отличие от монографических исследований, освещаются языком снабженных комментариями и справочным аппаратом документов.

Первой фундаментальной публикацией, организатором которой был С.А.Никитин, стала публикация «Освобождение Болгарии от турецкого ига», изданная в трех томах.²⁰ В ее подготовке наряду с учеными, архивными и библиотечными работниками Советского Союза приняли участие болгарские коллеги: А.К.Бурмов, Н. и Г.Тодоровы, К.Н.Каратеодорова и др. С конца 1950-х годов под руководством Сергея Александровича в нашей стране впервые были проведены масштабные работы по выявлению архивных документов, осуществленные не только в хранилищах столичных городов СССР, но и в регионах – на Кавказе, европейской части России, в бывших советских республиках (Украина, Молдавия), а также за границей.

В период подготовки «Освобождения Болгарии...» был сделан решающий шаг в деле формирования научной школы профессора Никитина. Молодые в ту пору ученые, которых он привлек к выявлению и комментированию документов (А.А.Улунян, Н.В.Зуева, Е.М.Шатохина, К.Л.Струкова, И.В.Чуркина, Д.Ф.Поплыко, В.Г.Карасев, И.В.Козьменко, Н.И.Хитрова, В.Д.Конобеев, Н.П.Данилова и др.) являлись не только его учениками, но и единомышленниками. Ведя научный поиск под его руководством, перенимая мастерство учителя, приобретая опыт и знания, они постепенно превратились в высокопрофессиональных специалистов в области балканской политики России и русско-балканских связей. Все это они впоследствии широко использовали в своей работе и щедро передавали своим ученикам, обеспечивая таким образом преемственность научных исследований. Следует отметить личное участие Сергея Александровича в подготовке публикации «Освобождение Болгарии...» в качестве ответственного редактора, прежде всего при отборе и комментировании документов.

Несомненной заслугой создателей этого труда является публикация многочисленных документов, отражающих общественные связи между Россией и южными славянами в период Восточного кризиса 1870-х годов.

Материалы первого тома освещают отношение различных слоев русского общества к восстанию 1875 г. в Боснии и Герцеговине, к национально-освободительной борьбе других южных славян. Большой интерес представляют документы о русском добровольческом движении в Сербию, которая в 1876 г. вступила в войну с Турцией.

Основным содержанием второго тома являются документы, раскрывающие важнейшие стороны дипломатической истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг., освещающие переговоры России с Турцией и международную обстановку в период заключения Сан-Стефанского прелиминарного договора, а также такие вопросы, как деятельность русского Гражданского управления в Болгарии; национально-освободительное движение болгарского народа; русско-болгарское боевое содружество и др.

Документы третьего тома публикации касаются многих вопросов независимого существования освобожденной Болгарии на начальном этапе формирования ее государственности. Здесь представлены также неопубликованные документы о переговорах Е.П.Новикова и Н.П.Игнатьева в Вене и П.А.Шувалова в Лондоне, предшествовавших Берлинскому конгрессу 1878 г., а также впервые полностью приводятся инструкции русским уполномоченным на конгрессе, раскрывающие отношение правящей элиты России к различным вариантам решения вопроса о создании болгарского государства.

После выхода в свет публикация «Освобождение Болгарии...» получила очень высокую оценку научной общественности в нашей стране и за рубежом. По признанию многих, это издание стало непревзойденным, классическим образцом советского академического документального издания.

Впоследствии под руководством С.А.Никитина было подготовлено еще два издания документов: «Зарубежные славяне и Россия»²¹ и двухтомник

«Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия».²² Выход в свет последней публикации Сергею Александровичу уже не удалось увидеть.

Сборник документов «Зарубежные славяне и Россия» явился совместной публикацией Института славяноведения и балканистики АН СССР (С.А. Никитин, И.В. Чуркина, С.И. Бочкарева-Данченко), Института истории в Белграде (Н.Петрович), Института истории Словацкой академии наук (В.Матула), Чехословацко-советского института Чехословацкой академии наук (Й.Кочи). Выявление и первый их отбор для публикации был сделан В.Матулой и И.В. Чуркиной. Сборник содержит впервые опубликованные письма настоятелю русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевскому (1811–1884) русских и зарубежных славянских государственных, политических и общественных деятелей, представителей культуры, освещающие вопросы отношений русской научной и политической общественности и славянских народов Габсбургской и Османской империй. Эти документы касаются многих аспектов национально-политического, социального и культурного развития зарубежных славян, а также отношения участников национального движения этих народов к официальной России, их связей с представителями русской общественности, главным образом со славянофилами, с русскими учеными-славистами. Издание содержит большое число новых фактов о помощи русской общественности национальным движениям угнетенных народов, о роли М.Ф. Раевского и его корреспондентов в установлении и расширении российско-славянских контактов. Большое научное значение имела публикация не известных ранее писем ряда выдающихся деятелей: черногорского митрополита и замечательного сербского поэта Петра II Петровича Негоша, В.С. Караджича, чешского политика и историка Ф. Палацкога, словацкого ученого-слависта П.Й. Шафарика, хорватского историка и политического деятеля Й. Кукулевича и многих других. Сергей Александрович являлся не только ответственным редактором этого издания, но также комментатором и главным консультантом по всем вопросам.

Уже в процессе подготовки сборника ученики С.А. Никитина – И.В. Чуркина и В. Матула опубликовали ряд интересных статей, в которых использовались материалы архива М.Ф. Раевского. После кончины Сергея Александровича работа над этим изданием была продолжена на тех же принципах, которые были установлены при его жизни. В 1989 г. в Белграде была издана первая книга второго тома документов – «Югославяне и Россия», (Југословени и Русија), в которой были опубликованы письма русских и югославянских корреспондентов М.Ф. Раевского.²³ Над этим томом работали И.В. Чуркина, С.И. Данченко, М.Экметич, В.Крестич, В.Мелик, Н.Петрович, Н.Станчич, Д.Петрович-Милоевич. К сожалению, в 90-е годы в силу причин, связанных с изменением политической ситуации в России и славянских странах, это научное сотрудничество, установлению которого столько сил отдал С.А. Никитин, было прервано. Неизданной осталась вторая книга труда «Югославяне и Россия», уже подготовленная к печати. В настоящее время к 200-летию со дня рождения Раевского готовится к изданию книга, содержащая письма к нему

словаков. В ее подготовке принимали участие В. Матула и М. Даниш. В 2006 г. в Праге вышла в свет публикация «Дорога на восток. Чехи в корреспонденции М.Ф. Раевского» (*Cesty na vychod. Češi v korespondenci M.F. Rajevskeho*) под редакцией В. Дойбека.²⁴

Под научным руководством Сергея Александровича в 1970-е годы осуществлялась подготовка к изданию дипломатических документов по истории Первого сербского восстания из архивов тогдашнего Советского Союза (совместный проект Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института балканистики Сербской академии наук и искусств). Хотя Никитину уже не пришлось увидеть изданной эту фундаментальную работу, но он, тем не менее, вложил в нее немало своего труда, знаний и таланта. Двухтомная публикация содержит материалы, которые впервые систематически освещают политику России в сербском вопросе в начале XIX в. В ней широко представлены документы об отношении русских правящих кругов к повстанцам, о русской военной помощи. Эти материалы позволяют сделать вывод о том, что Россия на протяжении всего хода национально-освободительной борьбы сербов оказывала им всестороннюю дипломатическую, военную и материальную помощь, сыграв тем самым значительную роль в деле создания национального Сербского государства.

В.М. Хевролина подчитала, что под руководством С.А. Никитина в 1960-е – 1970-е годы было подготовлено и частично издано около 300 печатных листов исторических документов.²⁵

Говоря в целом о публикаторской работе профессора Никитина как составной части его научной деятельности, следует подчеркнуть ее новаторство. По его настоянию в вышеуказанные сборники в научный оборот вводились материалы различного характера: дипломатическая переписка, официальные записки, а также документы личного происхождения – письма, дневники, прошения, принадлежащие как известным деятелям, так и рядовым свидетелям той эпохи. Подобный отбор исторических свидетельств, наряду с другими достоинствами публикаций, выполненных под руководством Сергея Александровича, а именно – тщательной археографической подготовкой документов, развернутым справочным аппаратом, серьезными предисловиями и комментариями, содержащими большой объем научной информации и часто являющимися небольшими исследованиями, выделяет их из других подобных трудов, издававшихся в СССР. По-прежнему, спустя годы, эти публикации вызывают большой интерес ученых.

Значительную роль Сергей Александрович Никитин сыграл в расширении тематики Международных съездов славистов и включении в их программу докладов с исторической тематикой. Инициатором этого новшества был академик М.П. Алексеев, который в декабре 1955 г. обратился с письмами к ряду историков-славистов с предложением обсудить вопрос об участии историков в Московском съезде славистов 1958 г. В частности, он писал воронежскому профессору И.Н. Бороздину: «Хотя это будет съезд филологов, но и участие историков-славистов в нем очень желательно».²⁶ Однако съезд 1958 г. был еще

чисто филологическим. В восстановлении давней традиции понимания славистики как комплекса гуманитарных дисциплин, неотъемлемой частью которого является история, большую роль сыграло координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения, которое состоялось в конце января 1961 г. в Москве. На нем С.А.Никитин выступил с докладом «Задачи в организации работы по проблеме «Генезис капитализма, национально-освободительные движения, формирование национальной культуры в зарубежных славянских странах»». Ключевой в его выступлении стала мысль о том, что политическая и социальная история и история культуры должны дополнять друг друга. Задача, поставленная Никитиным, требовала объединения усилий историков, культурологов, литературоведов, лингвистов. В 1963 г. на V Международном съезде славистов Сергей Александрович одним из первых выступил с докладом на историческую тему: «Русская дипломатия и национально-освободительное движение южных славян в 50-70-е гг. XIX в.». На следующем, VI Международном съезде славистов он сделал доклад «Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в.». С.А.Никитин участвовал в работе XII Международного конгресса исторических наук в Вене, коллоквиума Международной славянской комиссии в Париже и др. Широкое международное признание научных заслуг С.А. Никитина выразилось в том, что на Венском конгрессе историков он был избран вице-президентом Славянской комиссии при Международном комитете исторических наук, а на Московском конгрессе историков в августе 1970 г. – президентом этой комиссии. Сергей Александрович являлся членом Комиссии историков СССР и Болгарии. За заслуги в укреплении советско-болгарского сотрудничества он был награжден болгарским орденом Кирилла и Мефодия I степени.

Еще одним аспектом научной и научно-организационной деятельности С.А.Никитина являлось его активное участие в объединении историков-славистов Советского Союза и налаживании их сотрудничества с учеными славянских стран. Он был одним из инициаторов и организаторов Всесоюзных межвузовских научных конференций историков-славистов, проводившихся в СССР с целью развития и координации славяноведческих исследований, улучшения учебно-методической работы и подготовки кадров славистов. Всесоюзные межвузовские научные конференции историков-славистов способствовали росту профессионализма ученых в периферийных научных учреждениях, возникновению и развитию в них славистических центров.

Особое внимание Сергей Александрович уделял Воронежскому государственному университету, где с 1949 г. кафедре всеобщей истории возглавлял проф. И.Н.Бороздин, археолог, медиевист. Бороздин отправлял своих аспирантов, желавших заниматься историей южных и западных славян, на консультации в Москву к С.А.Никитину. Последний не только их консультировал, но и был оппонентом на защите их кандидатских диссертаций. Это были: Н.Т.Сапронова, написавшая диссертацию о болгарском национальном и культурном деятеле Захарии Стоянове (теперь она доктор исторических наук), С.П.Боброва, исследовавшая социально-экономическую историю средневеко-

вой Сербии, Н.П.Мананчикова, чья диссертация была посвящена истории Дубровника XIII–XIV вв. В дружеских отношениях С.А.Никитин был и с заведующим кафедрой истории средних веков и зарубежных славян ВГУ А.Е.Москаленко, которому он передал часть своего архива.²⁷

Доктор исторических наук Д.Г.Песчаный, более 20 лет заведовавший кафедрой новой и новейшей истории Кубанского университета, также являлся учеником С.А.Никитина. Последний не только помог ему выбрать тему кандидатской диссертации («Россия и национально-культурное возрождение болгарского народа. 30-40-е гг. XIX в.»), но и выступил оппонентом на ее защите. Сергей Александрович оказал поддержку молодому ученому в создании в Краснодаре Центра исторической болгаристики. Сотрудники этого центра к 1991 г. опубликовали в советской и болгарской печати 185 трудов по указанной тематике.²⁸

Доктор исторических наук А.З.Нюркаева, в качестве аспирантки Никитина, защитила диссертацию «Положение сербского крестьянства в XIII–XIV вв.», а затем возглавила в Пермском государственном университете небольшой круг историков, занимающихся историей южных и западных славян.

С.А.Никитин помогал, чем мог, славистическим центрам, уже существовавшим в СССР. Тесные отношения сложились у него с доцентом В.П.Чорним, заведующим кафедрой истории славян во Львовском университете, с профессором С.И.Сидельниковым, заведующим кафедрой новой и новейшей истории Харьковского университета. И тот, и другой исследовали историю Болгарии 60-80-х гг. XIX в., и тот, и другой не раз участвовали в межвузовских конференциях историков-славистов. С.А.Никитин помог защитить докторские диссертации профессору Киевского университета В.А.Жебокрицкому («Болгария накануне и во время Балканских войн») и профессору Тбилисского университета К.С.Лилуашвили («Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия»).²⁹ В межвузовских конференциях принимали активное участие д.и.н. А.С.Бейлис из Львова, профессор Куйбышевского пединститута Н.Н.Яковлев, д.и.н. А.С.Мыльников из Ленинграда и многие другие ученые.

Сергей Александрович Никитин вообще проявлял большое внимание к ученым, работавшим на периферии. И они высоко ценили это. «В конечном счете для С.А.Никитина, – пишет С.П.Боброва, – не было науки центра и периферии, была единая Наука, которой он отдавал талант – Ученого, силы – Учителя, способности – Организатора». ³⁰ С большой теплотой вспоминает о встречах с С.А.Никитиным украинский ученый из Дрогобыча доктор филологических наук М.А.Гольберг. «Сергей Александрович, – подчеркивает он, – заставил меня серьезно задуматься над многими вопросами, в первую очередь, над проблемой взаимодействия наук в славистическом комплексе... В моей памяти С.А.Никитин остался как воплощение подлинной интеллигентности, духовности, честного служения науке». ³¹

Активное участие принимал С.А.Никитин в общественной жизни нашей страны. В 1947–1957 гг. он входил в состав редколлегии издававшегося Сла-

вянским комитетом в СССР журнала «Славяне», являлся членом комиссии ученых по содействию Комитету борьбы за мир. В течение ряда лет он отдавал много сил и времени работе в Обществе советско-болгарской дружбы, являлся членом его Центрального правления.

Несомненной заслугой С.А.Никитина явилось то, что он сумел не только сохранить, но и передать своим ученикам лучшие традиции российского дореволюционного славяноведения: научную добросовестность, использование сравнительно-исторического метода, опору при выводах прежде всего на факты. Он стал как бы связующим звеном между дореволюционной и современной отечественной славистикой.

Сергей Александрович создал свою школу историков-славистов. Она стала складываться в 50-70-е годы XX в.. В те годы ее представителями были аспиранты, молодые сотрудники и начинающие преподаватели. В своем руководстве учениками Сергей Александрович исходил из двух важных принципов: научной значимости решаемых проблем и учета индивидуальных способностей и творческих интересов каждого.

К изучению Болгарии и русско-болгарских связей приступили в тот период ученики профессора Никитина – Н.В.Зуева, Е.М.Шатохина, А.А.Улунян, В.Д.Конобеев, И.В.Козьменко. Все они стали высокопрофессиональными учеными, чьи работы признаны и оценены не только в России, но и за рубежом. Н.В.Зуева и Е.М.Шатохина создали серию статей об отношении России к турецким реформам в европейских провинциях в 60-70-е гг. XIX в. с привлечением нового архивного материала, а также вели большую публикаторскую работу. А.А.Улунян стал автором нескольких монографий, освещающих историю Болгарии конца 70-х годов XIX в. и русско-болгарские связи, в том числе книги «Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия» (М., 1976). В последние годы своей жизни он плодотворно работал по созданию биобиблиографических словарей участников болгарского Возрождения, а также видных деятелей Болгарии от обретения ею независимости до Первой мировой войны. В.Д.Конобеев защитил докторскую диссертацию, посвященную болгарскому национально-освободительному движению в XIX в., а также стал автором ряда трудов о русско-болгарском военном сотрудничестве в 1877–1878 гг. и роли России в становлении независимого Болгарского государства. Свои многолетние изыскания по болгарской истории XIX в. И.В.Козьменко обобщила в монографии «Русская дипломатия и формирование болгарской государственности после освобождения» (София, 1983).

В начале 1960-х годов аспиранткой С.А.Никитина стала Л.В.Горина, ныне профессор кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, автор более 100 научных работ. Тринадцать ее учеников уже стали кандидатами, а трое защитили докторские диссертации. Начав с исследования социально-экономических отношений во Втором Болгарском царстве, Л.В.Горина впоследствии приступила к изучению жизни и деятельности видного историка Марина Дринова и написала о нем монографию. Среди учеников С.А.Никитина был и молдавский историк-славист К.А.Поглубко. Он

много работал в архивах, и результатом его деятельности стали многочисленные статьи, монографии, публикации – об обучении болгар в России, участии выходцев из Болгарии в русском революционном движении и др.

Наряду с подготовкой историков-болгаристов С.А.Никитин сыграл большую роль в становлении отечественной югославистики. По этому поводу югославский историк М.Экмечич писал: «С.А.Никитин был духовным отцом многочисленного московского центра по изучению югославистических проблем, в составе которого более 50 ученых своими научными исследованиями оказывают влияние на формирование представлений об истории югославянских народов во всей Восточной Европе и значительной части остального мира». ³² Под руководством Сергея Александровича начали свой путь в науке многие видные ученые-югослависты. К их числу относится В.Г.Карасев, по мнению многих, любимый ученик профессора Никитина. Он вошел в историю отечественного славяноведения как автор целого ряда работ о сербских революционных демократах С.Марковиче и Ж.Жуевиче, о русско-сербских связях, разделов в коллективных трудах по истории Югославии. Как и его учитель, В.Г.Карасев стал профессором, заведующим кафедрой истории южных и западных славян истфака МГУ, создал свою школу историков-югославистов, подготовив 16 кандидатов и 8 докторов наук.

Под научным руководством Никитина окончила аспирантуру д.и.н.Н.И.Хитрова, специалист по истории Черногории и русско-черногорских связей в XIX – начале XX вв., автор многочисленных статей, публикаций документов, разделов в коллективных трудах и двух монографий по этой проблематике. К.Л.Струкова, также аспирантка Сергея Александровича, сначала занималась историей Болгарии, затем перешла к изучению македонских земель во второй половине XIX в. и написала об этом монографию. Из школы С.А.Никитина вышла В.М.Хеволина, специалист по истории русско-балканских связей второй половины XIX в. В ее статьях и монографиях освещаются важнейшие проблемы: участие русских народников в национально-освободительной борьбе на Балканах, Восточный кризис 70-х годов XIX в., отношение различных слоев русского общества к балканскому вопросу, роль русских дипломатов (Н.П.Игнатьева и др.) в проведении внешнеполитического курса России.

Среди учеников-югославистов С.А.Никитина были также доктора наук Е.П.Наумов и В.П.Грачев. В своих кандидатских диссертациях они исследовали социальные отношения и государственный строй Сербии в средние века. Впоследствии Е.П.Наумов продолжил свои изыскания в данной области, а В.П.Грачев стал исследователем Первого сербского восстания 1804–1813 гг.: его предыстории, причин, хода военных действий, русской помощи сербским повстанцам. Он написал несколько монографий на эту тему. Ученица С.А.Никитина д.и.н. И.В.Чуркина стала специалистом по истории южных славян в средние века и в XIX в. Особое внимание она уделяла исследованию истории и истории культуры словенцев, о чем ею написаны пять монографий и более 200 статей.

Профессор МГУ Л.П.Лаптева не была ни студенткой, ни аспиранткой С.А.Никитина, однако, по ее собственному признанию, именно его она считает своим учителем. Работы Сергея Александровича, общение с ним стали лучшей научной школой для Л.П.Лаптевой, автора более 650 трудов, в том числе 25 монографий. Среди них исследования по средневековой истории Чехии, истории лужицких сербов, русско-славянским научным связям, истории российского славяноведения. 25 учеников Л.П.Лаптевой защитили кандидатские и 8 учеников – докторские диссертации.

В год смерти (1979) С.А.Никитина среди его учеников было 9 докторов и 25 кандидатов исторических наук.³³ Его роль как учителя очень емко охарактеризовал Н.Тодоров: «Благодаря его поощрению и поддержке несколько десятков советских исследователей смогли утвердиться как талантливые слависты и посвятить себя изучению истории славянских народов. Среди его учеников немало болгарских, чехословацких, польских и румынских исследователей».³⁴

Как учитель С.А.Никитин отличался строгостью. По воспоминаниям д.и.н. И.В.Чуркиной, ему было достаточно взглянуть на провинившегося или сказать всего несколько слов, чтобы человек осознал свою ошибку – будь то неточное приведение исторического факта в работе, или же недостаточно обоснованный вывод. «Страх перед оценкой учителя всегда незримо присутствовал у меня вплоть до его кончины», – добавляет исследовательница. Хвальные оценки С.А.Никитина отличались лаконичностью: «это пойдет», «приемлемо», «занимательно». Особенно раздражала Сергея Александровича неряшливость в приведении и интерпретации фактов, которые он считал основой исторического исследования. Из учеников наибольшим доверием у С.А.Никитина пользовался Виктор Георгиевич Карасев. Именно он посоветовал Сергею Александровичу, когда об этом встал вопрос, остаться не в МГУ, а в Институте славяноведения, и Никитин к нему прислушался и поступил именно таким образом. Иногда Сергея Александровича упрекали в равнодушии к своим ученикам, в том, что он не помог некоторым из них написать диссертации. Однако у профессора Никитина был принцип: к вершинам науки нельзя доставлять на фуникулере, и каждый, избравший научную стезю, должен очень много трудиться, даже если у него выдающиеся способности, иначе из него никогда не получится настоящий ученый.

«Я не была ни студенткой, ни аспиранткой С.А.Никитина, – вспоминает д.и.н. С.И.Данченко, – но мне посчастливилось работать с ним в одной «команде» в последние 8 лет его жизни – с 1971 г. по 1979 г., когда я пришла на работу в Институт славяноведения и балканистики. В 70-е годы под руководством профессора Никитина интенсивно трудился сплоченный интернациональный коллектив ученых из СССР, Чехословакии и Югославии, задачей которого была публикация архива протоиерея М.Ф.Раевского, имевшего обширные связи среди зарубежных славянских народов. В связи с подготовкой к печати первого тома этого издания – «Зарубежные славяне и Россия» – мне, младшему члену рабочей группы, довольно часто приходилось встречаться с Сергеем Александровичем, выполнять его задания как ответственного редактора и даже бывать

у него дома. Особенно мне запомнилась одна наша встреча, когда я принесла ему какие-то материалы для комментирования, а также выделенную для него профкомом Института путевку в пансионат «Звенигородский». Встретил он меня радушно, напоил чаем с шоколадными конфетами, а затем вдруг предложил обсудить с ним мои первые немногочисленные статьи. Я была потрясена, что при своей занятости профессор Никитин нашел время их прочитать. Да, это обсуждение и этого рецензента я запомнила на всю жизнь! Не думая о моем самолюбии, тихим голосом, но твердо и очень аргументировано, Сергей Александрович говорил о сильных и слабых сторонах моих статей. При этом он несколько раз повторил, что ни один вывод ученого не должен быть голословным, и что уже в начале научного пути каждый историк должен вырабатывать свой собственный стиль изложения материала. А для этого, по убеждению Сергея Александровича, необходимо как можно больше читать – не менее 300 страниц текста в день! – и внимательно изучать стиль ученых девятнадцатого века – Ключевского, Соловьева, Нила Попова. Помню, как меня тогда поразила эта цифра, казавшаяся мне запредельной. Скажу честно, мне редко удавалось выполнить эту «рекомендацию», но всякий раз, когда число прочитанных мною за день страниц приближалось к этой цифре, я вспоминала Сергея Александровича, его исключительно правильную речь, сдержанную манеру общения, весь его облик «русского профессора из девятнадцатого века», всецело преданного науке».

Завершая рассмотрение научной деятельности профессора Никитина, следует подчеркнуть, что его вклад в развитие отечественного славяноведения трудно переоценить, ибо во многих его областях он был первопроходцем. Научное наследие С.А.Никитина насчитывает около 300 больших и малых работ. И главное их значение в том, что они и сейчас востребованы, к ним обращаются молодые исследователи и студенты. Его труды – это классика, они по-прежнему поражают своей документальной базой и захватывающим повествованием о далекой эпохе, богатой событиями и личностями.

Благодаря активной научной и преподавательской деятельности Сергея Александровича в отечественном славяноведении сложилось научное направление по изучению связей народов России и балканских стран. Опосредованное влияние С.А.Никитина на историческую науку продолжается и сегодня, так как его мысли, идеи, концепции, методы исследования материала продолжают развивать его ученики, ученики его учеников и совсем молодые историки-слависты, представители научного поколения уже XXI в. И это, безусловно, свидетельствует о большом значении научного наследия профессора Никитина.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА С.А.НИКИТИНА

1. Источниковедение истории СССР. Т.2. XIX в. М., 1940.
2. К вопросу о политическом движении сербов Воеводины в 1848 г.// Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т.1. М., 1949.

3. Борьба народов Балканского полуострова за национальную независимость // Новая история. Т.2. 1789–1878. М., 1958.
4. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960.
5. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т.1. Освободительная борьба южных славян и Россия: 1875–1877. М., 1961; Т.2. Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны: 1877–1878. М., 1964; Т.3. Борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства: 1878–1879. М., 1967.
6. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., 1970.
7. Зарубежные славяне и Россия. Документы из архива М.Ф.Раевского. М., 1975.

Примечания

- ¹ Хвостов В.М., Нарочницкий А.Л., Валсв Л.Б., Писарев Ю.А., Карасев В.Г. Профессор Сергей Александрович Никитин // Славяне и Россия. М. 1972. С. 3–11; Зуева Н.В., Данилова Н.П. Юбилей видного советского ученого С.А.Никитина // Советское славяноведение. 1971. № 6. С. 112–113; Хвостов В.М., Нарочницкий А.Л., Писарев Ю.А. Профессор Сергей Александрович Никитин // Новая и новейшая история. 1971. № 6. С. 199–203; Matula V. S.A.Nikitin 70-ročny // Historicky časopis. Bratislava, 1971. N 2. S. 312; Todorov N. Le professeur S.A. // Etudes balkaniques. Sofija. 1971. N 1. P. 150–153; Боброва С.П. Сергей Александрович Никитин (из истории советского славяноведения) // Вопросы истории славян. Воронеж, 1972. С. 97–112; Фрейдзон В.И., Чуркина И.В. Исследования С.А.Никитина в области русско-славянских отношений в 50-70-х годах XIX в. // Славяне и Россия. М., 1972. С. 11–19; Боброва С.П. Об исследовательской методике С.А.Никитина. // Славяне и Россия. С. 20–26; Ekmečić M. Sergej Aleksandrović Nikitin // Jugoslovenski časopis. Beograd, 1980. N 1-2. S. 230–231; Чуркина И.В. Сергей Александрович Никитин // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 46–56; Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А.Никитина. Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992. Статьи: а) Горина Л.В., Чуркина И.В. С.А.Никитин; б) Горяинов А.Н., Петровский Л.П. Неизвестная страница биографии С.А.Никитина (По материалам ОГПУ начала 1930-х годов); в) Чуркина И.В. Неизданная книга С.А.Никитина; г) Горина Л.В. Средневековая Болгария в творчестве профессора С.А.Никитина; д) Билунов Б.Н. Болгарское возрождение в трудах С.А.Никитина; е) Кузьмичева Л.В. Сербская проблематика в трудах С.А.Никитина; ж) Боброва С.П., Таранова В.Г. С.А.Никитин и историческая славистика в Воронежском университете; з) Хевролина В.М. С.А.Никитин и издание документов; и) Вартанян Э.Г. С.А.Никитин и развитие исторической славистики на Кавказе; к) Тодоров Н. (Болгария) Профессор С.А.Никитин; л) Экмечич М. (Югославия) Сергей Александрович Никитин (1901–1979); Данченко С.И., Чуркина И.В. Сергей Александрович Никитин (1901–1979) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история. М., 2004. С. 323–337; Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. Статьи: а) Данченко С.И., Чуркина И.В. Научная деятельность С.А.Никитина; б) Горина Л.В. С.А.Никитин – заведующий кафедрой истории южных и западных славян (1947–1961); в) Досталь М.Ю. С.А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на историческом факультете МГУ; г) Карасев А.В. Профессор С.А.Никитин и В.Г.Карасев – учитель и ученик; д) Воробьева И.Г. С.А.Никитин о деятельности историка-слависта Н.А.Попова; е) Гольберг М.А. «Со свиданьем».
- ² Толстой С.Л. В Астапове // Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1978. С. 444, 447, 449.
- ³ Никитин С.А. Воспоминания о гимназических годах (публикация А.Е.Москаленко) // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 120–142.
- ⁴ Никитин С.А. Очерки по истории профессиональной печати в России. // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 2. С. 141–158; М., 1925. Сб. 3. С. 43–59.
- ⁵ Билунов Б.Н. Болгарское возрождение... С. 49.
- ⁶ Горяинов А.Н., Петровский Л.П. Неизвестная страница... С. 13.
- ⁷ Горяинов А.Н., Петровский Л.П. Неизвестная страница... С. 16–18.
- ⁸ Горяинов А.Н., Петровский Л.П. Неизвестная страница... С. 19.

- ⁹ Источниковедение истории СССР. XIX век (до начала 90-х годов). Курс источниковедения истории СССР. М., 1940. Т. 2.
- ¹⁰ Досталь М.Ю. С.А.Никитин и кампания борьбы с космополитизмом...С.30–45; Досталь М.Ю. Как феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. С. 104-112.
- ¹¹ Досталь М.Ю. Как феникс из пепла...С. 112.
- ¹² Никитин С.А. Письма и записки Н.А.Киреева о балканских событиях 1876 года. // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах; Он же. Письмо Огарева Бакунину // Литературное наследство. М. 1956. Т. 63; Он же. Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии / Славянский архив. М. 1959. и др.
- ¹³ Чуркина И.В. Неизданная книга С.А. Никитина. С. 22–23.
- ¹⁴ Экмечич М. Сергей Александрович Никитин. С. 93.
- ¹⁵ Тодоров Н. Профессор С.А.Никитин. С. 91.
- ¹⁶ Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., 1970.
- ¹⁷ Никитин С.А. Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства // Вестник Московского университета. Серия общественных наук. 1952. №.1. С. 134.
- ¹⁸ История Югославии. М., 1963. Т. I. С. 70.
- ¹⁹ Никитин С.А. Очерки по истории южных славян...С. 318.
- ²⁰ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3-х томах. М., 1961–1967.
- ²¹ Зарубежные славяне и Россия. Документы из архива М.Ф.Раевского. М. 1975.
- ²² Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия. М., 1980–1983. Т. 1-2.
- ²³ Югословени и Русија. Документи из архива М.Ф.Рајевог. 40-80. година XIX века. Београд, 1989. Т. II. Књ. 1.
- ²⁴ Cesty na východ. Češi v korespondenci M.F.Rajevského. Praga, 2006.
- ²⁵ Хевролина В.М. С.А.Никитин и издание документов.. С. 68.
- ²⁶ Боброва С.П., Таранова В.Г. С.А.Никитин и историческая славистика...С. 77.
- ²⁷ Боброва С.П., Таранова В.Г. С.А.Никитин и историческая славистика...С. 72-75.
- ²⁸ Вартанян Э.Г. С.А.Никитин и развитие исторической славистики...С. 82-83.
- ²⁹ Вартанян Э.Г. С.А.Никитин и развитие исторической славистики...С. 84.
- ³⁰ Боброва С.П. Об исследовательской методике С.А.Никитина... С. 80.
- ³¹ Гольберг М.А. «Со свиданьем!». С. 83.
- ³² Экмечич М. Сергей Александрович Никитин. С. 94.
- ³³ Горина Л.В., Чуркина И.В. С.А.Никитин. С. 9.
- ³⁴ Тодоров Н. Профессор С.А.Никитин. С. 91.

Связи Вацлава Ганки с Россией в освещении В.А. Францева

Abstract:

Лаптева Л.П. *Vaclav Hanka's relations with Russia from the perspective of V.A. Frantsev.*

The article highlights the studies of a Russian slavist, V.A. Frantsev, on the scientific contacts of a representative of the Czech revival, russophile V. Hanka, with Russia in the first half of the XIX century. Based on the found, studied and partially published sources, V.A. Frantsev explores Czech scientist's multi-faceted work on the development of the ties with the Russian slavists and slavophiles. This relationship was expressed in several ways, by helping young scientists who travelled to Prague for acquaintance in the field of Slavic studies in the process of learning Czech language, reading the manuscripts and books on Slavonic issues, choosing the topics of research, etc. In addition, V. Hanka exchanged special literature with Russian slavists, Russian Academy and Moscow State University and assisted in acquiring it. Russian experts wrote reviews for Hanka's publications, and he, in turn, informed the scientific community about the state of the Slavic studies in Russia on the pages of Czech journals.

Ключевые слова: Ганка; Францев; чешско-русские связи в XIX в.; результативность и польза от контактов; письма – основной источник изучения.

Вацлав Ганка (1791 – 1861) является одним из крупнейших представителей чешского культурного и национального возрождения первой половины XIX в. Литератор, поэт, переводчик, открыватель и издатель древних памятников чешской письменности, большую часть своей жизни В. Ганка официально занимал должность библиотекаря Чешского народного музея. На этом поприще он сумел превратить библиотеку музея в научный центр, где хранились древние рукописи и издания, а также вся современная литература о славянских народах, как созданная самими славянами, так и представителями других, не славянских, стран. В связи с этим, а так же ввиду научных и литературных успехов чехов, Прага и Чешский народный музей стали центром притяжения каждого, кто интересовался прошлым и настоящим славянских народов. Многие славянские национальные культурные деятели проходили здесь обучение славянским языкам, знакомились со славянскими письменными древностями и литературой в атмосфере, так называемой литературной славянской взаимности. Они усваивали эту идею и несли ее к себе на родину.

Ганка был большим русофилом. Он был сторонником того варианта теории славянской взаимности, который предполагал, что славянам следует объединиться под эгидой России, как единственного независимого славянского государства, и признать русский язык в качестве общего литературного языка славян. Славянским деятелям, разделявшим эту идею, казалось, что освобождения славян от иностранного господства можно ждать только от России.

Но в еще большей степени, чем русофилом, В. Ганка был чешским патриотом. Во имя воскрешения былого величия своей родины, освобождения ее от немецкого господства и влияния, он не брезговал никакими средствами, в том числе и подделками исторических документов, которые якобы могли поддержать представление о древности и зрелости чешского языка и литературы, о более совершенном устройстве чешского общества. Этим способом патриот В. Ганка хотел призвать чехов к исправлению исторической несправедливости, постигшей культурный, талантливый, доблестный и миролюбивый народ. С этой целью он сочинил два фальсификата – Краледворскую и Зеленогорскую рукописи (РКЗ), которые и удовлетворяли представления Ганки и других патриотов о прошлом и будущем чехов, мечтавших о независимом существовании, самобытном культурном развитии в рамках демократически устроенного общества. В первой половине XIX в., т.е. в период наиболее интенсивных контактов Ганки с русскими славистами и другими представителями образованного российского общества, его сочинения, т.е. РКЗ, переживали триумф как памятники славянской культуры глубокой древности. Сам В. Ганка был на вершине общеславянской славы как открыватель драгоценной жемчужины славянской письменности. Но со второй половины XIX в. началось разоблачение поддельных сочинений и к концу XIX – началу XX вучеными многих специальностей было доказано, что РКЗ представляют собой фальсификат начала XIX в., созданный Ганкой и помогавшими ему единомышленниками. Вера в подлинность РКЗ нанесла большой урон чешской гуманитарной науке. На сведениях, содержащихся в фальсификатах, основывалась романтическая чешская историография, не исключая трудов Ф. Палацкого по чешской истории и Й. Шафарика по славянским древностям. Восстановление престижа чешской науки представляло продолжительный процесс, ибо враждебная (преимущественно немецкая) публицистика долго муссировала вопрос на тему о том, что чешская историография основана на ложных источниках. В обстановке борьбы за подлинность или подложность РКЗ вопрос из научных кругов перешел в политическую плоскость. В. Ганка нередко был обвиняемой стороной и в печати характеризовался отрицательно. В пылу этой борьбы забывалась та большая работа, которую Ганка выполнял во имя возрождения чешской культуры в начале XIX в. Поэтому оценки его деятельности в чешской литературе отличаются некоторой односторонностью. Что касается русской литературы, то в ней В. Ганка характеризуется в основном положительно. Этот факт объясняется тем, что подавляющее большинство русских славистов XIX в., а частично и XX в. верили в подлинность РКЗ и плохо представляли себе ход полемики по этому вопросу. Кроме того, многие русские слависты XIX в. разделяли идею «славянской взаимности». И только развитие науки: языкознания, истории, палеографии, филологии и т.п., более глубокое изучение быта и культуры славян, способствовало, освобождению от романтических представлений о славянстве и выработке трезвой оценки.

Русские слависты, которых Ганка принимал в Праге, помогал им адаптироваться за границей, имели о нем самые положительные впечатления, что от-

разилось и в литературе, написанной в России. И хотя некоторые издания славянских памятников, осуществленные Ганкой, вызвали полемику, а подчас и острую критику, в целом признавалась полезная для славяноведения деятельность чешского возрожденца.

О нем писали: И.И. Срезневский¹, П.А. Лавровский², П.П. Дубровский³, А.Н. Пыпин⁴. В том или ином контексте имя Ганки упоминается в русской литературе об РКЗ⁵, а также в общих очерках по истории чешской литературы. На смерть Ганки в 1861 г. откликнулись некрологами ряд русских журналов и газет⁶. Наиболее основательно, не по воспоминаниям, а по архивным документам, творчество В. Ганки вообще и его связи с Россией, в частности, изучил В.А. Францев, опубликовавший огромное эпистолярное наследие чешского слависта⁷ и написавший о нем ряд статей⁸. Наиболее подробно отношение Ганки к России и его связи с русской средой, интересовавшейся славянским вопросом в первой половине XIX в., В.А. Францев изложил в монографии «Очерки по истории чешского возрождения»⁹.

Владимир Андреевич Францев (1867–1942) принадлежит к числу крупнейших русских славистов и лучших знатоков межславянских культурных связей в период возрождения славян¹⁰. Большую часть жизни он являлся профессором Варшавского университета, но в период Первой мировой войны университет был переведен в Ростов-на-Дону, а В.А. Францев, как гражданин выделившейся из Российской империи независимой Польши, покинул ее пределы и стал профессором Карлова университета в Праге, в Чехословакии. И хотя пражский период жизни ученого был научно плодотворен, главные работы о чешско-русских и вообще межславянских научных и культурных связях им были созданы до эмиграции. За большие достижения в науке В.А. Францев в 1921 г. был избран академиком РАН, но от этого звания отказался.

Изучением жизни и творчества В. Ганки В.А. Францев занимался с раннего периода научной работы. Несколько лет он разыскивал и переписывал документы, преимущественно письма, чешского деятеля к славянским ученым и последним к нему в архивах Праги, Москвы и Петербурга, в культурных центрах южных славян и других хранилищах Австро-Венгрии.

В 1905 г. он издал корреспонденцию В. Ганки под названием «Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель»¹¹. Обширный том в 1300 стр. содержит письма более 170 адресатов-филологов, историков, публицистов и политиков – русских, польских и югославянских. Издание представляет собой публикацию первоначального материала, который является ценным источником для истории славяноведения. В книге нет подробного введения, письма расположены в алфавитном порядке, отсутствуют какая-либо классификация и оценки. Научный аппарат минимальный, нет именного и других указателей, что представляется обязательным условием в такого рода изданиях. Критика этого издания В.А. Францева была суровой. Но, несмотря на недостатки, книга остается до сих пор одним из ценнейших собраний источников по славяноведению. Она документально показывает широкое разветвление межславянских связей в 30–40-е гг. XIX в., несомненную организаторскую роль и инициативу

Ганки в развитии межславянских контактов. Издание В.А. Францева оказало неоценимую услугу не одному поколению исследователей, по разным причинам не имевшим возможности осуществить лично поиски документов в заграничных архивах, особенно в обстановке бурных политических и других событий, которыми для Европы был так богат XX век.

Первым основательным исследователем, использовавшим корреспонденцию к Ганке для освещения чешско-русских связей, был сам В.А. Францев. В 1902 г. вышла его вышеупомянутая книга «Очерки по истории чешского возрождения», основанная на этой корреспонденции и др. источниках. В.А. Францев останавливается, в основном, на трех аспектах связей Ганки с Россией. Первый – это знакомство с русской армией, проходившей по территории Чехии в период наполеоновских войн, затем – с русской народной песней и переводами некоторых из них на чешский язык.

В 1819 г. Ганка издает сборник своих оригинальных стихотворений, которые представляют собой или подражание русской народной песне, или же ее вольную парафразу. В этот период у чешских возрожденцев в области их литературного творчества наблюдаются заимствования из русского языка или новообразования на основе церковнославянского, и Ганка относится к числу таких литераторов. Еще до него русские слова в чешской письменности ревностно насаждали Й. Юнгманн, А. Пухмайер, А. Марек и др. Открытие Ганкой в 1817 г. Краледворской рукописи немедленно становится известным русским славянолюбам. Экземпляр получает и А.С. Шишков, который в 1820 г. осуществляет ее перевод на русский язык. Переводчик находит, что в Краледворской рукописи язык «совершенно русский, какой в церковных книгах». Перевод Шишкова был такого качества, что не мог иметь успеха в широком кругу читателей, но Ганка был счастлив вниманием, оказанным в России открытому им памятнику, а Российская академия наук наградила Ганку серебряной медалью. Вслед за Краледворской появилась рукопись Зеленогорская, и она тоже быстро дошла до русских славянолюбов, о чем постарался сам Ганка, и тоже была напечатана в «известиях Российской академии».

В то время как в России усердно занимались чешскими рукописями, Ганка в Праге приступил к изданию «Слова о полку Игореве» в своем переводе. Желая, чтобы с этим великолепным памятником познакомилась вся славянская, Ганка напечатал его латинским письмом, что не могло вызвать сочувственного отзыва у русских. Кроме вычурной транскрипции, «Слово» производило странное впечатление и мниморусским языком предисловия. Журнал «Вестник Европы» в заметке об издании Ганки высмеял предисловие, «поблагодарив» почтенного г. Ганку за преподанное собственным примером наставление, что никогда не должно писать на таком языке, которому не учился с малолетства... которого не можешь назвать своим природным»¹². Не лучшее впечатление произвело издание «Слова» и в Чехии. И только верный друг В. Ганки И.И. Срезневский, позднее вспоминая его, оправдывал плохой перевод неразвитостью языковедческой науки того времени и отсутствием соответствующих пособий. «От Ганки нельзя было в то время ожидать ни вполне пра-

вильного понимания подлинника, ни счастливого перевода, ни богатых пояснительных примечаний», – писал И.И. Срезневский¹³.

Второй аспект связей Ганки с русскими учеными кругами, на котором подробно останавливается В.А. Францев, относится к вопросу о приглашении чешских ученых в Россию для расширения изучения славянства. В 1826 г. министром народного просвещения Российской империи стал известный государственный деятель – славянолюб А.С. Шишков. Занимаясь вопросами реформы учебных заведений, министр с единомышленниками выдвинул идею открытия славянских кафедр в только что основанном Педагогическом институте в Петербурге и во всех российских университетах. За отсутствием собственных кадров практика приглашения иностранных специалистов для развития науки и просвещения в России была явлением обычным. Достаточно сказать, что все университеты, основанные в начале XIX в. в Российской империи, почти полностью были укомплектованы профессорами, приглашенными из-за границы. Как правило, это были крупные специалисты в своей области, которые (при всех материальных и моральных издержках) сумели поднять уровень знаний в области многих отраслей науки и воспитать кадры специалистов «из туземцев»¹⁴.

В середине 20-х гг. XIX в. соответствующие ученые круги в Петербурге пришли к мысли, что пора пересадить европейскую славянскую науку на русскую почву и призвать ее представителей из-за границы. Выбор пал на чешских ученых, как наиболее известных славянских деятелей просвещения и науки, чешских патриотов, славянски ориентированных и симпатизирующих России. Предполагалось пригласить В. Ганку, П.И. Шафарика и Ф.Л. Челаковского для занятия организуемых в российских университетах кафедр славянской литературы и наречий. Посредником в переговорах стал П.И. Кеппен, немец русского происхождения, лучший знаток современного состояния науки о славянах в то время, современник А.С. Шишкова.

«Ганка был в восторге от приглашения Шишкова, – пишет В.А. Францев, – ответил пространном письмом и изложил свои условия переселения в Россию»¹⁵. Он желал стать профессором кафедры только в Петербурге или в Москве, требовал больших материальных гарантий, в том числе, полной пенсии после истечения 15 лет службы (русские профессора должны были служить 25 лет) и возвращения ему жалования и др. материальных льгот, которые он имел в Праге, если его служба в России прервется не по его вине. Шишков предполагал назначить Ганку в ординарные профессора Педагогического института в Петербурге.

Ф. Челаковский также выразил согласие переселиться в Россию, где ему намечалась должность экстраординарного профессора в Москве. Что касается П.И. Шафарика, то он колебался в решении вопроса, хотя намечался в Харьков в качестве ординарного профессора кафедры славянских литератур. Отноительно языка преподавания, то П.И. Кеппен сообщал, что лекции могли бы читаться на латинском или немецком языке, пока новые профессора не освоились бы вполне с русским языком, на что Ганка отвечал за себя и за Челаков-

ского, что после непродолжительной подготовки они могли бы читать лекции на русском языке¹⁶.

Однако учреждение кафедр литератур в российских университетах не состоялось. В.А. Францев считает, что виной тому стали бюрократические проволочки в российских кругах, где решение вопроса затянулось на два года. В 1828 г. А.С. Шишков был уволен в отставку, и новым министром просвещения стал К.А. Ливен. Хорошо известно, что русская бюрократическая машина всегда демонстрировала большие способности погубить любую позитивную идею, но представляется, что в данном случае мнение В.А. Францева едва ли полностью оправдано. На наш взгляд, сама мысль об учреждении кафедр славянской литературы была неосуществимой в конце 20-х годов XIX в. Для создания специального учреждения по славистике в России не было научной базы. Славяноведение являлось еще уделом небольшого числа энтузиастов типа П.И. Кеппена, А.С. Шишкова и некоторых других, и не пользовалось поддержкой достаточно широкого круга русских образованных людей. Само представление о славянах в русском обществе было смутным. Не случайно даже в 1830-е годы сочинения, касающиеся славянских вопросов, подвергались не только критике, но и осмеянию, воспринимались иронически. Ретивые рецензенты тренировали свое остроумие, издеваясь, например, над работой О.М. Бодянского «О народной поэзии славянских племен» (1837). Весьма недружелюбно были встречены критикой также «Славянские древности» П.И. Шафарика в переводе на русский язык и т.п. В конце 20-х годов не было материальной базы для славянских кафедр в смысле упорядоченной библиотеки славянской литературы, не говоря уже о других пособиях. Учащаяся молодежь по незнакомству с предметом едва ли могла бы заполнить аудитории приглашаемых из Чехии профессоров по славянским литературам. В целом идея создания кафедр, зародившаяся в головах энтузиастов-славянолюбов, на деле оказалась утопической.

Новый министр просвещения России К.А. Ливен не отказался от мысли «о важности славянских изучений в отношении политическом» и представил другой план – «О заведениях для споспешествования славянскому учению». План был более реальным, т.к. предполагал основать в Российской академии Большую Славянскую библиотеку по всем наречиям. Книгохранителями этой библиотеки министр предлагал определить Ганку, Шафарика и Челаковского. Ганку и Шафарика было решено пригласить на правах ординарных профессоров, а Челаковского – экстраординарного. В начале 1830 г. по этому вопросу было принято положительное решение. Задачей приглашенных славистов было «сопоставление всех славянских наречий в одном словаре, вроде словаря Линде»¹⁷.

Связи с чешскими учеными осуществлял с помощью переписки П.И. Кеппен, что хорошо отражено в его письмах к Ганке. Последний, как и Ф.Л. Челаковский, был согласен поехать в Россию на предложенных условиях, материальную сторону которых Ганке удалось еще улучшить. Однако Шафарик заявил, что у него окончательно пропало желание для переселения в Россию. Доводом

была ссылка на дороговизну проживания в Петербурге и холодный климат, непереносимый для его жены. Действительную же причину отказа П.И. Шафарика В.А. Францев видит в другом. По его мнению, Шафарик желал найти себе место профессора в Австрии или Германии и одновременно зондировал почву о возможности перемещения в Прагу. Поэтому, не посылая официального отказа Российской академии, он предъявлял дополнительные материальные требования и придумывал другие поводы для откладываний и проволочек с отъездом. Такое поведение Шафарика не могло не насторожить руководство Российской академии. П. И. Шафарик в этом вопросе придерживался двойственной линии. С одной стороны, он не сообщал в Россию своего окончательного решения о поездке, а с другой – лихорадочно искал место службы в границах Австрии или Германии. Поэтому он панически боялся огласки сведений о его связях с Россией и приглашения его туда на службу. В письмах Я. Коллару, которые, разумеется, стали известны общественности после их публикации через несколько десятков лет, Шафарик умоляет друга опровергать слухи о приглашении его в Россию и утверждать, что у Шафарика нет ни малейшего желания покинуть Австрию, что, напротив, он страстно желает вечно пребывать в ней¹⁸. Дело о переговорах с Петербургом Шафарик желал сохранить в тайне, чтобы не вызвать подозрений и не повредить себе в отыскании места и покинуть Нови-Сад (Воеводина), где он в это время служил.

Восстание поляков против России в 1831 г. ясно показало антирусские симпатии Шафарика и нерасположение к русскому правительству, которое он называл не славянским, а «немецко-скандинавско-монгольским». Оказалось, что будущий крупнейший чешский славист лукавил в своей переписке с русскими учеными и официальными лицами, уверяя их в искренней любви к России. В отличие от В. Ганки, Шафарик не был русофилом, и его отношения к русским деятелям определялись деловым расчетом. Действительное его отношение к русским современникам 30-х годов XIX в. иллюстрируется откровенными письмами к Я. Коллару. 18 января 1831 г. он писал, что славянское единение с русскими невозможно, т.к. этот народ – «наполовину онемеченные и наполовину отатаренные северяне плохо поняли это соединение, полагая, что заговором Екатерины и союзом с предателями и естественными, главными и кровожадными врагами славянского народа, и затем, расчленением благороднейшего и воистину рыцарского славянского племени (т.е. поляков – *Л.Л.*), может быть положено основание будущему соединению славян». И далее: «Если Вы полагаете, что под шестидесятым градусом когда-либо разовьется и расцветет истинная славянская жизнь, тогда я не могу и не хочу спорить с Вами, – я к этому мнению никогда не присоединюсь. Величие, которому мы все удивляемся, есть в действительности ужаснейший военный деспотизм, только формой своей отличающийся сильно от римского деспотизма времен Нерона и др. или нынешнего турецкого, но по существу своему мало от них отличающийся. Вы сами хорошо знаете, что во многих отношениях (что касается свободы мысли и слова) турецкое правительство гораздо либеральнее, нежели правительство северное». Шафарик не признает очевидных достиже-

ний русской культуры. «Роскошные плоды ума Батюшкова, Жуковского, Пушкина и пр. и пр., – пишет он, – суть цветы дилетантизма; сад, в коем они выросли, – не народ славянский. Без политической жизни народы – нули; на севере народ – ничто, решительно ничто, и даже еще меньше, чем ничто. Под 60 градусом никогда не возникнут славянские Афины, ибо без свободы нет Афин»¹⁹. Эта антирусская исповедь Шафарика, на наш взгляд, объясняет истинные корни поведения будущего чешского корифея славистики в его отношениях к вопросу о предложении ему принять место службы в России на пользу развития славяноведения. Что же касается его скептического отношения к русской литературе, возросшей не на славянской почве, то, к примеру, чешские «цветы» тоже расцвели не на славянской, а на германской почве, ибо во время, о котором идет речь, чешский славянский народ не поддерживал увлечений группы интеллигентов славянской идеей и вообще идеей славянского возрождения. История показала, что «дилетант» А.С. Пушкин живет в мировой культуре и в XXI в., тогда как о П.И. Шафарике уже в конце XIX в. знали лишь специалисты.

В. Ганка, на наш взгляд, также не жаждал поступать на службу в России, хотя, в отличие от Шафарика, уверял всех в обратном. Его письма русским ученым, Российской академии наук, П.И. Кеппену и т.п. полны лестных и льстивых оценок задуманного Академией предприятия и надежд на расцвет славяноведения в России с помощью чехов. Однако он долго торговался по вопросу материального обеспечения, стремился повыгоднее продать Академии библиотеку графа Штернберка, указывал на трудности оформления отъезда из Австрии и т.д. В то же время он понимал, что его положение в Чехии с его славянскими связями, знакомствами и главное – известностью в виду «открытия» РКЗ, которая увеличилась со смертью Й. Добровского и признанием их великими памятниками древней письменности «великими» немцами – В. Гёте и Я. Гримма, обещает ему большую славу. В России же в должности библиотекаря подобная перспектива была сомнительна. В.А. Францев считал, что позиция Ганки была искренней. На наш взгляд, русский ученый ошибался в этом вопросе – просто изворотливый Ганка вел свою «политику» искуснее Шафарика.

А вот в желании Ф. Челаковского переселиться в Россию нет сомнений, во всяком случае, они не подтверждаются у Францева документально.

Сомнения колеблющихся чешских ученых разрешила Российская Академия, оповестив их о том, что Академия не смеет больше их беспокоить и желает им успехов на поприще славяноведения у себя дома. В это время Комитет устройства учебных заведений пришел к выводу, что профессоров по славяноведению нужно готовить из русских путем отправления кандидатов за границу в ученое путешествие по славянским землям.

Университетским уставом 1835 г. создавалась кафедра истории и литературы славянских наречий в 4-х университетах Российской империи. Первыми кандидатами стали О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, П.И. Прейс и В.И. Григорович. Кроме них за границу были командированы воспитанники Петер-

бургского Педагогического института М. Касторский и Н.Д. Иванишев. Молодые русские ученые, как правило, свои путешествия начинали с германских университетов, где знакомы с достижениями немецкой науки, а затем прибывали в Прагу для изучения славянских языков и знакомства с литературными материалами о славянах. Здесь они попадали в среду чешских славистов, среди которых большое значение имел В. Ганка. С этого времени начинается третий аспект связей Ганки с Россией.

Касторский занимался в Праге под руководством Ганки изучением славянских языков и литературы, но в славяноведении он не оставил значительных результатов. Более успешно проходила работа в Праге Н.Д. Иванишева – юриста и историка. Этот молодой русский ученый стал преданным учеником Ганки. Н.Д. Иванишев под его руководством изучал чешский язык, которым вполне овладел. Ганка сумел направить Иванишева на изучение памятников славянского права. Кроме работы в Праге Иванишев разыскивал рукописи в других хранилищах. Так, в библиотеке князя Лобковица в Роуднице он обнаружил около десяти юридических рукописей. «Замечательны две рукописи – Викторина из Вшегорд, отличная рукопись книги Товачовской и еще отличнейшее горных прав Вячеслава, – пишет он Ганке. – Обо всем я дам Вам подробный отчет. Ни одного нет экземпляра ни права Розенбергского, ни Rad zemského práwa, ни Андрея из Дубе – это мне кажется очень странным»²⁰. В.А. Францев пишет, что результатом изучения Иванишевым памятников чешского законодательства явились две его статьи – «Древнее право чехов» (1841) и «Об идее личности в древних правах богемском и скандинавском» (1842). В.А. Францев излагает их содержание и указывает, что последняя из них напечатана и на чешском языке²¹. К оценке этих статей Францевым можно добавить, что хотя они явились первыми и в течение долгого времени единственными сочинениями в России о чешском праве, их научное значение обесценивалось ввиду использования данных подложных произведений Ганки – Любушина суда и Краледворской рукописи.

Кроме чешских рукописей Иванишев, по инициативе Ганки, разыскивал памятники славянского права в библиотеках Германии. 20 июня 1838 г. из Берлина русский ученый извещал Ганку: «Я нашел здесь работы гораздо более, чем ожидал. В известном Вам кодексе Статута Литовского я нашел небольшое уложение о судопроизводстве в Литве, получившее законную силу 1581 года, на белорусском языке, всего 6 листов. Я переписываю этот памятник и потом напечатать в нашем собрании. Другой кодекс около 400 листов содержит акты из XVII века, тоже на белорусском языке, русским курсивом весьма оригинальным и нечетким. Это же для литовского права, что судебные dski для чешского, и особенно могли бы служить к объяснению статута литовского»²². Из этого сообщения Иванишева, а также из письма Ганки к М.М. Сперанскому, содержание которого излагает В.А. Францев, видно, что Ганка планировал издать сборник памятников древних славянских законодательств и привлечь к активному участию в этой акции Н.Д. Иванишева²³. Это намерение осуществлено не было.

Наиболее важные находки Иванишева в немецких библиотеках Ганка освещал в чешской печати. Так, в 1838 г. в «Часописе Ческого Музея» Ганка в чешском переводе напечатал извлечение из письма Иванишева, который сделал выписку из одной чешской рукописи, хранящейся в Вольфенбюттельской библиотеке²⁴. Вообще у Ганки было правилом публиковать в чешских журналах сведения о находках материалов о славянах, о которых извещали его в своих письмах русские корреспонденты. Приведенный здесь и другой материал, содержащийся в работах В.А. Францева о Ганке и его связях с Россией, показывает, что Иванишева с полным основанием можно назвать учеником Ганки. Однако ученик и учитель в определенных вопросах были партнерами в изучении источниковой базы славянства, что принесло определенную пользу славяноведению. Как указывает В.А. Францев, в альбоме В. Ганки в 1838 г. Иванишев написал: «Никогда не забуду своего доброго наставника и его уроков. Как я любил его в прекрасной, приветливой Праге, так и на великолепных берегах Невы буду любить вечною любовью»²⁵. В своих письмах русский славист неизменно подписывался не иначе как «Ваш верный ученик»²⁶.

В донесении министру народного просвещения С.С. Уварову 6 ноября 1838 г. Н.Д. Иванишев писал: «Едва ли кто-нибудь был и может быть так полезным для русских, посещавших Прагу, как В. Ганка. С невыразимым усердием и любовью готов он жертвовать временем, чтобы услышать звуки русского языка и показать гостю все, что еще осталось чехам драгоценного. Это усердие я испытал на себе. Каждый день Ганка посвящал для меня несколько часов, сообщая мне свои сведения в славянских законодательствах, языках и палеографии, посещал со мною библиотеки и архивы, кланялся австрийским вельможам, чтобы только достать для меня какую-нибудь редкую рукопись, и за все это он не брал никакой платы, уверяя, что славяне гостей своих угощают даром»²⁷. По возвращении в Россию Н.Д. Иванишев по сложившимся обстоятельствам не мог продолжать интенсивные занятия по славянскому праву. В его письмах к Ганке из Киева, где Иванишев стал профессором, содержатся сожаления о невозможности продолжать исследования проблематики, которой они занимались с В. Ганкой. Постепенно связи прекратились. Последнее письмо Иванишева, обнаруженное Францевым в архиве Ганки, датировано 1841 г.

Значительно более продолжительными и продуктивными были отношения между В. Ганкой и русским стипендиатом, кандидатом на замещение кафедры истории и литературы славянских наречий, командированным от Харьковского университета, И.И. Срезневским. Впоследствии Срезневский стал крупнейшим русским ученым славистом, но свои связи с Ганкой и преданность его личности сохранил до конца жизни чешского деятеля в 1861 г.

В Прагу Срезневский прибыл в феврале 1840 г. Как свидетельствует Францев, раньше всего он обратился к Шафартику, но вскоре у него завязалась самая искренняя дружба с Ганкой²⁸. В.А. Францев приводит запись И. Срезневского от 3/(15) января 1841 г., сделанную в альбоме Ганки: «Пятимесячное пребывание в Праге родственно сблизило нас друг с другом. Увижу ли Вас, наслажусь

ли беседую с Вами еще когда-нибудь – Бог знает; по крайней мере навсегда сохранию в душе глубокое уважение к Вашим заслугам и благодарность за расположение Ваше ко мне, за помощь Вашу в моем изучении Вашего прекрасного языка»²⁹.

С первых месяцев пребывания в Праге Срезневский стал пользоваться в своих занятиях руководством Ганки. В частности, чешский ученый обучал Срезневского методам обследования древних рукописей, их палеографии. Так, в письме из Райградского монастыря, где Срезневский знакомился с рукописью *Martyrologium Odonis* и приписками в ней, русский ученый упоминает правило, Ганкой ему «внушенное и столь блестяще оправданное, – не пропускать без внимания и кусочков пергамента на переплете книг»³⁰. Исследование «Мартирология» данным методом не подтвердило мнения, что этот памятник заключает важные сведения для подкрепления известия Храбра об употреблении славянами после принятия христианства греческих письмен.

Окончив свои занятия в Праге, И.И. Срезневский начал свое путешествие по славянским странам. Он побывал во всех землях славян, за исключением тех, которые находились в составе Османской империи и въезд в которые был запрещен. Большинство доступных Срезневскому территорий он обошел пешком, посетил все культурные центры славян, монастыри, хорошо изучил этнографию славян, места их расселения, определил языковые границы, познакомился с диалектами славянских языков, памятниками их письменности, археологией и т.п. Обо всех своих находках, впечатлениях, встречах с учеными и простыми людьми Срезневский сообщал в письмах Ганке, которые таким образом стали ценным источником сведений о жизни и деятельности западных и южных славян в первой половине XIX в. В. Ганка часто публиковал фрагменты писем Срезневского в журнале Чешского музея, печатал статьи русского ученого-путешественника и сообщал о наиболее важных его находках и открытиях. Сведения Срезневского значительно расширили знания о славянах – их языке, образе жизни, обычаях и правах, культуре и религии. Теперь русский славист был уже не ученик, а полноправный партнер Ганки, и по уровню знаний о славянстве серьезно превосходил Ганку и других чешских ученых, которых снабжал сведениями для их сочинений по славянским древностям, языкам, этнографии и пр. Так, в рецензии на книгу Шафарика «Славянская этнография» Срезневский внес существенные коррективы в факты, выводы и заключения чешского ученого. В историографии остался загадкой вопрос о том, почему И.И. Срезневский до конца своей жизни признавал подлинность ганковских фальсификатов, т.е. РКЗ. Критичный и язвительный, он не пропускал никаких промахов в рецензируемых трудах, но упорно отстаивал подлинность РКЗ и в то время, когда их подложность стала очевидна. На наш взгляд, русский ученый, понимая мотивы Ганки при сочинении подделок и сохранив в памяти расположение и доброжелательность, оказанные ему Ганкой в молодости, благородно не хотел «предать» учителя, хотя уже во многом перерос своего бывшего наставника. Даже после смерти Ганки в своих «Воспоминаниях» (1861) Срезневский не упомянул о литературном «грехе» своего друга.

Приведенными в настоящей статье примерами «учительская» роль Ганки в отношении русских посланцев на обучение в Прагу не ограничивается. В.А. Францев освещает вопрос об отношениях Ганки с П.П. Дубровским; о том, как под руководством В. Ганки изучал чешский язык и древние памятники А.С. Жихарев, после возвращения в Россию получивший назначение в Дерпт на кафедру русского права. В 40-х годах XIX в. под руководством Ганки А.Н. Попов написал статью «О древней чешской живописи» и посвятил ее своему чешскому учителю, т.е. Ганке³¹. Приводит автор «Очерков» и другие примеры.

Связи чешского деятеля с Россией проявлялись и в иных формах. Так, образование первых славянских библиотек при Московском и Петербургском университетах тесно связано с именем Ганки. Обмен книгами у Ганки шел со многими русскими учеными: он подыскивал и закупал, а потом пересылал в Россию разную литературу, которую заказывали ему русские профессора и другие лица, интересовавшиеся славянством. Контакты Ганки с русским обществом не ограничивались учеными-славистами. С их помощью он «проник» и в правительственные круги, представители которых по должности или по личному интересу к славянским проблемам покровительствовали чешскому «другу России». Практичный Ганка успешно пользовался этим расположением власть имущих в России. В.А. Францев приводит материалы, свидетельствующие о его переписке с министром народного просвещения С.С. Уваровым о преподнесении последним ганковских изданий русскому императору, о наградах, «высочайше» пожалованных ему русским монархом. Так, представляя Николаю I экземпляр издания Реймского славянского Евангелия, осуществленного Ганкой в 1846 г., С.С. Уваров писал: «Ганка, столь известный своими заслугами по славянской филологии и любовью к России, составил этим изданием некоторого рода хрестоматию древнейших памятников славянской письменности. Министерство народного просвещения всегда находило в Ганке самое усердное содействие в разных ученых предприятиях по части славянской филологии; почти все молодые люди, которые были отправляемы в славянские земли для изучения тамошних наречий, обязаны ревностному руководству и назиданию Ганки успехами своими в образовании и приготовлении себя по этой части знаний». В заключении «Представления» С.С. Уваров просит Николая I пожаловать Ганке орден св. Анны 2-й степени. «Ганка имеет уже в течение многих лет орден св. Владимира 4-й степени», – говорится в заключении документа³².

Подводя итог изложению истории чешского возрождения в первой половине XIX в. и освещению в ней роли В. Ганки, В.А. Францев приходит к выводу, что связи первых русских представителей славяноведения в России с чешской наукой дали сильные и богатые плоды. Ганке, столь много и бескорыстно потрудившемуся на пользу славянской науки, принадлежит, по мнению Францева, одна из главных ролей. С конца 40-х годов эти связи ослабли, в чем немаловажное значение имели события 1848 г. в жизни австрийского славянства, после которых в их истории наступил новый этап. Кроме того,

«наши первые насадители славянских студий постепенно крепили в своих знаниях, становились все более и более самостоятельными в области своих изучений, меньше и меньше нуждались в руководительстве и указаниях своих бывших учителей, а зачастую становились выше их в разработке отдельных вопросов, взглядов на главнейшие задачи своей науки, методах разработки ее», – констатирует В.А. Францев³³.

В целом, указывая на недостатки научных сочинений Ганки, на его некоторую «лукавость» в отношениях с русскими представителями власти и деятелями в области славяноведения, Францев вместе с тем показал его позитивную роль в развитии русского славяноведения в первой половине XIX в. Как никто другой, Францев изучил источники, свидетельствующие о связях Ганки с Россией, что позволило ему более объективно и разносторонне оценить деятельность этой личности, с человеческими слабостями и научными ошибками, но, безусловно, заслуживающей благодарной памяти. С этими заключениями В.А. Францева нельзя не согласиться.

Примечания

¹ Срезневский И.И. Воспоминания о Ганке // Известия второго отделения имп. Академии наук. 1861. Т. IX. С. 215–229.

² Лавровский П.А. В воспоминание о В.В. Ганке и П.И. Шафарике // Годичный акт Харьковского университета. 30 августа 1861 г.

³ Дубровский П.П. Воспоминание о В.В. Ганке // Отечественные записки. СПб., 1861.

⁴ Пыпин А.Н. Вячеслав Ганка // Пыпин А.Н. Мои заметки. М., 1910. Эта часть книги впервые опубликована в 1861 г. в журнале «Современник».

⁵ Обзор русской литературы об РКЗ см.: Лаптева Л.П. Краледворская и Зеленогорская рукописи в освещении русской литературы XIX – XX веков // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. М., 2002. С. 57–119.

⁶ В.В. Ганка // ЖМНП. СПб., 1861. Ч. СЛХ; В.В. Ганка // Новое время. СПб., 1861. № 2; В.В. Ганка // Иллюстрация. СПб., 1861. № 166.

⁷ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Издал В.А. Францев. Материалы для истории славянской филологии. Варшава, 1905.

⁸ Francov V.A. Z «albuma» Vaclava Hanky // Slovianské pohľady 18. Martín 1898. Č. 8. S. 502–504; Он же. Ku poměru Fr. L. Čela Kovského k V. Hankovi // ČČM 73. 1899. S. 44–48; Он же. K otárece taustovské (Faust – Twardowski). Z dopisu V.A. Macievského V. Hankovi Vybíra V. Francov // Český Lid. 8. 1899. S. 146; Он же. Pamětní listek V. Uanky I. Srezněvské 1842 // ČČM 85. 1911. S. 472; Он же. Hanka posílá české knihy A.S. Puškinovi // ČČM 86. 1912. S. 170; Он же. «Gessnerovy Idýlly» v překlade Hankově // Sborník prof. dr. V. Tillovi k 60 narozeninám (1867–1927). Praha, 1927. S. 70–75.

⁹ Францев В.А. Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX столетия. Варшава, 1902.

¹⁰ О жизни и творчестве В.А. Францева имеется достаточно большая литература. При жизни ученого она состояла из рецензий на его труды, юбилейные статьи и энциклопедические заметки. В 1977 г. опубликована библиография трудов В.А. Францева и основных работ о нем. // См.: V.A. Francov. Bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho činnosti Praha, 1927 (составил Theodor Sylabo). Архив Францева в LAPNP (Прага) был открыт для пользования в 1962 г. (по завещанию ученого). Автор этих строк стала первым его исследователем. На основании архивных и других документов его опубликовано около 20 работ, посвященных разным сторонам творчества ученого. // См. об этом: Профессор Людмила Павловна Лаптева. Библиография опубликованных трудов (1952–1998). М.: МГУ, 1999. (По указателю).

- ¹⁴ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Издал В.А. Францев. Варшава, 1905. Материалы для истории славянской филологии.
- ¹⁵ Цит. по: Францев В.А. Очерки по истории чешского возрождения. С. 83.
- ¹⁶ Там же. С. 84.
- ¹⁷ Об этом напр. см.: Петров Ф.А. Немецкие профессора в Московском университете. М., 1977.
- ¹⁸ Францев В.А. Очерки... С. 132.
- ¹⁹ Там же. С. 134.
- ²⁰ Там же. С. 142.
- ²¹ Там же. С. 163.
- ²² Там же. С. 165–166.
- ²³ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Издал В.А. Францев. Варшава, 1905. Материалы для истории славянской филологии. С. 393.
- ²⁴ Францев В.А. Очерки по истории чешского возрождения... С. 238.
- ²⁵ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. С. 393.
- ²⁶ Францев В.А. Очерки... С. 242–243.
- ²⁷ Письма к Вячеславу Ганке... С. 397–398.
- ²⁸ Там же. С. 392.
- ²⁹ Там же. С. 393.
- ³⁰ Донесение И.Д. Иванишева опубликовано в приложении к книге В.А. Францева: «Очерки по истории чешского возрождения». (С. XXV–XXVI).
- ³¹ Францев В.А. Очерки... С. 256.
- ³² Письма к Вячеславу Ганке. С. 945.
- ³³ Там же. С. 947.
- ³⁴ Францев В.А. Очерки... С. 283–284.
- ³⁵ Документ опубликован В.А. Францевым в Приложении к его книге «Очерки по истории чешского возрождения». (С. LXX–LXXI).
- ³⁶ Францев В.А. Очерки... С. 384.

А. Н. Пыпин о В. Ганке

Abstract:

Aksenova E.P. *A.N. Pypin about V. Hanka.*

The article reviews the attitude of the famous Russian scientist of the second half of XIX century, A.N. Pypin, toward an outstanding Czech public figure, V. Hanka, and his role in the national rebirth of the country and in the development of the idea of the Slavic reciprocity.

Ключевые слова: А. Н. Пыпин, В. Ганка, славянское возрождение, чешское национальное возрождение, славянская взаимность, панславизм, Краледворская и Зеленогорская рукописи, чешско-русские научные связи.

В 2011 г. отмечается 220-летие со дня рождения и 150-летие со дня смерти выдающегося деятеля чешского национального возрождения Вацлава (Вячеслава) Ганки (1791–1861). Его деятельность в общественной, научной и культурной сферах широко известна и являлась предметом многочисленных исследований как на родине Ганки, так и за ее пределами, в том числе в России. Ганка поддерживал связи со многими русскими учеными, литераторами и общественными деятелями, встречаясь с ними лично и ведя переписку¹. Он был избран членом-корреспондентом императорской Академии наук в С.-Петербурге. Ученый немало делал для популяризации русской культуры, с которой в Чехии были знакомы очень слабо и односторонне. С 1848 г. Ганка преподавал в Карловом университете старославянский и русский языки. В круг его общения в России входили лица, настроенные преимущественно славянофильски, но были и те, кто не разделял славянофильских взглядов. Среди последних можно назвать А. Н. Пыпина, видного русского ученого второй половины XIX в., слависта, сторонника позитивизма и культурно-исторического (точнее – общественно-исторического) направления в науке.

Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) с большим уважением относился к В. Ганке и посвятил ему и его трудам многие страницы своих исследований, а в конце жизни – и воспоминаний, неизменно высоко оценивая деятельность чешского ученого, рассматривая ее в контексте эпохи национального возрождения. Славистическую подготовку А. Н. Пыпин начал получать во время учебы в Казанском университете у профессора-слависта В. И. Григоровича, затем продолжил в Петербургском университете у другого известного ученого-слависта И. И. Срезневского. Профессор не ограничивался чтением лекций, он организовал кружок, в который входили, наряду с Пыпиным, В. И. Ламанский и Д. Л. Мордовцев. Научные интересы Пыпина, по его собственному признанию, складывались в разных, но тесно связанных друг с другом направлениях, одним из которых была славянская литература². В начале 1850-х гг., когда Пыпин и его товарищи были студентами, специальных исследований по этому предмету насчитывалось немного, и, как вспоминал ученый, им хорошо были известны работы Востокова, Калайдовича, Строева,

Бодянского, Буслаева. Книги западнославянские были редки и их читали меньше, тем не менее, ученики Срезневского «хорошо знали имена Добровского, Шафарика, Копитара, Ганки, Палацкого, Коллара, Челяковского, Вука Караджича, Мацеевского; иногда прямо по рассказам Срезневского, который в своих путешествиях близко знал всех главнейших деятелей тогдашнего славянского возрождения»³. Следовательно, уже в студенческие годы Пыпин был наслышан о Ганке.

Окончив университет, Пыпин через несколько лет (в 1857 г.) защитил диссертацию и стал магистром русской словесности (его работа была удостоена половинной Демидовской премии). В университете предполагалось основать кафедру западноевропейских литератур, в связи с чем Пыпин был командирован в Европу для приготовления к профессорскому званию и занятию новой кафедры. В период своих зарубежных поездок (1858–1860) Пыпин дважды побывал в славянских землях, большую часть времени проводя в Праге (ноябрь 1858 г. – январь 1859 г., декабрь 1859 г. – январь 1860 г.) и изучая славянский мир. Это помогло ему углубить свой «интерес к литературе и общественному быту славянства»⁴. Пребывание в Праге Пыпин («использовал на то, чтобы освоиться ближе с чешским языком, литературой», пристальнее изучить славянское национальное движение, прежде всего – чешское⁵. И в этом неоценимую помощь оказал ему В. Ганка.

Приехав в Прагу, молодой русский ученый прежде всего посетил Чешский музей «в его тогдашнем скромном помещении на Коловратской улице, где имел также небольшую квартирку и главный библиотекарь музея Ганка. Этот библиотекарь бывал обыкновенно всегда на своем посту». Пыпин вспоминал, что его «жилище обставлено было очень скромно, и бережливость доходила до того, что он зажигал огонь только когда было совсем необходимо», – чаще всего по вечерам Пыпин заставал хозяина квартиры «в полупотьмах»⁶.

Неприхотливостью в собственном быту объяснял Пыпин старания Ганки по устройству гостя. Пыпин намеревался «остаться в Праге довольно долго» и поселился в гостинице. Ганка взялся найти ««недорогую» комнату в “хорошем” чешском семействе» (имея в виду не только экономию средств Пыпина, но и возможность для него совершенствовать разговорный чешский язык). Через два-три дня комната была найдена, и они пошли смотреть ее. Видимо, Ганка ориентировался на такую же непритязательность молодого русского ученого, какой отличались его молодые чешские знакомые, жившие попросту бедно. Пыпин вспоминал позже, что «комната у “хороших” чехов была действительно недорогая, но оказалась такой патристической конурой, поселиться в которой я не решился. Ганка только удивился, почему я отказался поселиться у таких хороших людей?»⁷.

В Праге Пыпин познакомился лично со многими литературными и общественными деятелями, имена которых прежде знал лишь от Срезневского. В этом ему помог Ганка, который жил «интересами национального дела» и потому хотел ввести своего русского гостя «в круг патристических деятелей, познакомить со старыми и молодыми, быть может, еще ничего особенного не

совершившими, но обещающими совершить». Главным центром, где собирались патриоты, был клуб «Чешская беседа», куда Ганка ввел Пыпина. Другими «сборными пунктами» были музыкальные концерты и чешский театр. Позже Пыпин вспоминал: «Посещение чешского театра бывало почти патриотической обязанностью. Ганка, очевидно, считал своим долгом просвещать меня по чешским национальным делам, и билет для меня всегда был заранее взят в чешский театр рядом с его местом, в первых рядах...». В театре «давались частью бытовые пьесы, комедии... но давались и драмы и трагедии на темы из чешской истории...»⁸.

Пребывание в Праге, знакомство с лучшими представителями чешской интеллигенции побудили Пыпина поделиться впечатлениями с русской публикой – в результате в журнале «Современник» были опубликованы две его статьи под общим заглавием «Два месяца в Праге»⁹ (написанные в Берлине в феврале-марте 1859 г. после первого посещения Чехии). Они посвящены чешскому национальному возрождению. Среди деятелей этого движения Пыпин называет Ганку, внесшего вклад в изучение родного языка и издание древних рукописных памятников и имевшего обширные связи с учеными других стран¹⁰. Пыпин упоминает о том, что именно Ганка нашел знаменитую Краледворскую рукопись, изданную в 1819 г. и переведенную на другие языки, в том числе – на русский. Автор статьи сообщает также, что в Чешский музей, обладавший собранием древних рукописей и обширной библиотекой по славянским литературам (где библиотекарем был Ганка), анонимно прислали «Суд Любуши», относящийся предположительно к IX в. Пыпин не мог не отметить, что подлинность рукописей вызвала сомнение Й. Добровского, затем Е. Копитара и других ученых и привела к научной полемике¹¹ (заметим – довольно продолжительной). Однако сам Пыпин в то время безоговорочно верил в подлинность рукописей. Так, о «Суде Любуши» он писал: «Мы теперь нисколько не сомневаемся в памятнике, пользуемся им как драгоценным остатком славянской древности»¹².

В той же статье, говоря о развитии чешской национальной литературы, Пыпин подчеркивал ее народный характер, в том числе имея в виду тот факт, что многие ее представители вышли из народа, в том числе и Ганка¹³.

Через год после второго посещения Пыпиным Праги, 12 января 1861 г. умер Ганка. Пыпин сразу же откликнулся на это печальное событие и написал большой очерк о его жизни и деятельности¹⁴. Это не был обычный некролог с восхвалением покойного – автор постарался дать объективную и всестороннюю оценку деятельности Ганки. Очерк явился одним из первых исследований¹⁵ в русской историографии, посвященных видному деятелю чешского возрождения, из плеяды «видевших его начало и отдавших ему весь свой труд и всю силу патриотического стремления». Лично знавший Ганку и высоко ценивший деятельность чешского ученого, Пыпин писал: «Имя Ганки останется неразрывно связано с историей обновления чешской национальности, которое представляет один из главных фактов славянского движения нашего времени и так называемого панславизма». Несомненно «его нравственное влияние сре-

ди нескольких поколений молодежи, которую учил он славянским языкам и которой передавал свои славянские симпатии»¹⁶. При этом, подчеркивал Пыпин, любовь «к своей чешской родине соединялась у него всегда с любовью ко всему славянству», что нашло отражение в его усилиях в направлении «литературной взаимности славянских племен»¹⁷. Вместе с тем, существенной задачей деятельности чешского патриота была защита прав своего народа¹⁸.

В статье о Ганке Пыпин не ограничился изложением фактов его биографии, а дал краткий очерк развития чешского национального возрождения. Фигура Ганки представлена не как нечто обособленное, а как неотъемлемое звено общего национального процесса. Пыпин относит Ганку ко второму поколению чешских «будителей», на долю которого досталось расширить «национальное чувство до идеи о целом славянстве, сделать попытку к соединению всего славянского мира в одно нравственное целое...». Основным полем деятельности Ганки и других чешских патриотов оставалась литература как наиболее действенное «средство для развития национальных стремлений» и споров относительно общего славянского движения. Что касается неудачи революции 1848 г., Пыпин полагал, что «политическая деятельность требует людей другого рода», но большая заслуга литературной пропаганды «панславизма» состоит в том, что она способствовала выработке определенных «политических убеждений»¹⁹.

Биографию Ганки Пыпин представляет в основном в виде «литературных фактов», то есть в контексте его общественно-культурной деятельности. Еще в юности встреча с сербскими солдатами и знакомство с сербским языком заставили Ганку задуматься о славянских единоплеменниках. В годы учебы в Карловом университете он знал уже многие славянские языки. Он организовал там кружок защиты чешского языка, привлечший внимание не только студентов, но и пражской общественности. Ганка стал преподавателем чешского языка. В 1813 г. он едет в Вену изучать юридические науки. Он много пишет для основанной там же чешской газеты «Videnské listy». В том же году он познакомился с Й. Добровским, стал его учеником, у которого учитель находил большие способности к славянской лингвистике. Тогда же, утверждает Пыпин, Ганка понял «политический смысл своего дела; защита языка стала защитой народности»²⁰.

Вернувшись через год в Прагу, Ганка занялся литературно-научной деятельностью: писал стихи, песни, издал книжку о чешском правописании (1817), небольшое «Описание России и ее войска» (1815; написано на основе сведений, полученных от русских воинов, возвращавшихся из наполеоновского похода через Богемию домой)²¹. Ганку интересовал славянский мир. В 1817 г. он издал в переводе на чешский язык собрание сербских песен. В то же время, продолжая дело пробуждения собственной нации, он начал издание старинных чешских рукописей – «Starobylà skládánic» (1817–1826. Т. 1–5), полагая, что новая литература нуждается в старинных памятниках как в опоре, как в связующей нити со своей древней историей²². В это время (1818 г.) Ганка открыл так называемую «Краледворскую рукопись» – сборник поэм и песен

XIII–XIV вв. (впервые опубликованную в Праге в следующем году). Не сомневаясь в подлинности открытия, Пыпин пишет, что сохранившиеся отрывки представляют «славные национальные предания», повествующие о героическом периоде истории чехов, о борьбе с немцами, поляками, монголами. В тексте выражалось твердое сознание национальной свободы. Это поддерживало у чехов стремление восстановить былую независимость народности²³. «Краледворскую рукопись» Ганка передал в только что открывшийся Чешский музей, первым библиотекарем которого он оставался до своей смерти²⁴.

«Ученая деятельность Ганки, – отмечал Пыпин, – не представила больших капитальных трудов», она выразилась во множестве небольших статей, исследований, изданий и переводов. Ганка участвовал в составлении словарей, грамматик, написал для народа «коротенький, но патриотический “Обзор чешской истории”», издал «Чешские исторические песни», а также «один из нравственных трактатов» Гуса, помогал Ф. Л. Челаковскому собирать славянские народные песни, опубликовал параллельно русский и чешский тексты «Слова о полку Игореве» (с предисловием на русском, чешском, сербском и польском языках – как пример литературного «панславизма»), предпринимал попытки создания общеславянского языка (в основе которого был бы русский) и алфавита («в котором к славянским буквам прибавлены еще новые выдуманные буквы»)²⁵. Во многих трудах Ганки говорилось о взаимной связи славянских литератур, которая должна была подготовить сближение славянских народов²⁶.

Как и прежде, Пыпин встает на сторону Ганки, выдержавшего «ожесточенные нападения» из-за рукописи «Суда Любуши», к которой, как с уверенностью утверждал Пыпин, тот «был непричастен». В научной полемике с одной стороны выступили Ф. Палацкий и П. Шафарик, защищавшие «памятник», с другой – Й. Добровский и Е. Копитар, доказывавшие его подложность (по мнению Добровского, автором мог быть Ганка или Юнгман – «слишком усердные патриоты»). Копитар усомнился также подлинности и «Краледворской рукописи»²⁷.

Пыпин не раз обращал внимание на русофильские взгляды Ганки, которые были присущи многим деятелям славянского возрождения. В России Ганка видел «ручательство за судьбу целого племени», то есть всего славянства, он до конца верил в мессианиззм России. Напоминая, что среди русских Ганка преимущественно общался с людьми «того оттенка мнений, который известен под именем славянофильского», Пыпин объяснял, что у него появились надежды, связанные с Россией, не всегда обоснованные, но «приятные патриотическому сердцу»²⁸.

Связи с Россией у Ганки были довольно обширные. Он переписывался со многими русскими деятелями. «Краледворская рукопись» была переведена в России сначала А. С. Шишковым (с которым Ганка вел длительную «переписку о словопроизводстве») в Петербурге, затем А. И. Соколовым в Казани, Н. В. Бергом в Москве. Пыпин напоминал, что Ганка предлагал усилить изучение славянства в России, для чего разработал план устройства славянских

кафедр в российских университетах. Другой его план касался основания славянской библиотеки при Российской академии – план был одобрен в верхах (1830 г.), Ганке предложили должность библиотекаря на хороших условиях, но он отказался покинуть Прагу. Пыпин не сомневается в том, что причиной отказа «был, конечно, патриотизм». За заслуги в области литературы и славянских древностей Ганка получил от русского правительства орден Владимира 4-й степени, от Российской академии в 1836 г. – большую золотую медаль²⁹.

В Праге, отмечал Пыпин, Ганка встречался с теми молодыми учеными из России, которые были командированы в славянские земли с тем, чтобы потом занять вновь образованные славянские кафедры (1835 г.) в университетах. Считая русских единственным сильным и свободным народом, способным продвинуть вперед дело славянского возрождения, а русский язык – средством для достижения славянской взаимности, Ганка полагал, что Российской академии стоило бы принять в свои члены представителей всех славянских народностей, которые занялись бы составлением словарей и грамматик своих языков, географических книг с местной, народной топографией. Все это, по мнению Ганки, посянял Пыпин, должно было бы поднять объединительную («панславистическую») роль России и русского языка в процессе возрождения славянских народов³⁰. Пыпин отмечал также, что Ганка заботился о распространении русского языка среди чехов, переписывался со многими русскими и посылал книги в Россию. Это не нравилось части чешских патриотов и австрийской полиции, пристальное внимание обращавшей на «русские связи» Ганки (Пыпин приводит сведения о том, что и русские, посещавшие в Праге Ганку, – О. М. Бодянский, И. И. Срезневский, В. И. Григорович, Н. И. Надеждин, Ф. В. Чижов и др. – находились под наблюдением полиции)³¹.

Пыпин отразил в своей статье и участие Ганки в спорах о Реймском евангелии – древнем церковнославянском памятнике. Некоторые записи в нем убеждали Ганку в том, что этот памятник имеет отношение к древнему чешскому православию и доказывает религиозное единство чехов с восточными и южными славянами. История рукописи и ее характер, комментирует Пыпин, весьма загадочны; среди ученых не было единства: в то время как Ганка и Шафарик относили рукопись к XI в., Копитар и Миклошич склонялись к более позднему ее происхождению (XIV в.)³². Вскоре после того, как Ганка издал рукопись³³, русский филолог, академик П. С. Билярский³⁴ подверг ее строгой научной критике и выступил против защитников ее раннего происхождения.

Настал 1848 год, который, как отмечал Пыпин, потребовал «иной деятельности», нежели «литературное братство». Ганка принимал участие в подготовке славянского съезда в Праге, был среди основателей чешского политического клуба «Славянская липа», избравшего его своим «старостой». Но, как известно, съезд не закончил свою работу, «труды его остались без последствий», Чешский музей, где работал Ганка, был обстрелян и обыскан. Политической деятельностью Ганка заниматься не хотел (он был избран в венский сейм – рейхсрат, но отказался от депутатских полномочий) и сосредоточился на музейной работе и преподавании в университете³⁵.

В годы реакции, напоминал Пыпин, Ганка продолжал заниматься научной и публикаторской деятельностью – он нашел отрывки старых кириллических и глаголических рукописей и издал их в 1859 г. («Остатки славянского богослужения у чехов»). В последние годы жизни Ганки возобновилась полемика (в которой он, по словам Пыпина, не принимал участия) о «Суде Любуши» и «Краледворской рукописи». Пыпин считал, что цель полемики в данном случае была не научной, а политической – Ганку обвинили не только в подделках, но и в продаже отечественных памятников в Петербург, однако в ходе судебного разбирательства эти обвинения не были доказаны³⁶. Эта полемика, по утверждению Пыпина, подорвала силы и здоровье Ганки и ускорила его кончину³⁷.

Упоминая, что был лично знаком с Ганкой в последний период его жизни, Пыпин обращал внимание на некоторые черты, характеризующие Ганку с разных сторон, – и как ученого, и как человека. Автор очерка сообщал, что библиотека Ганки содержала самое большое и богатое собрание славянских книг, что он всегда был открыт для прямого общения с молодежью. Он очень любил и высоко ценил народные песни. Вечерами часы досуга часто проводил в чешском клубе «Беседа». Деятельность Ганки носила весьма разнообразный характер, что, по мнению Пыпина, «составляет вообще типическую черту того поколения славянских писателей, которым пришлось начинать народную литературу», – выпуск популярных книг, изучение и публикация старинных рукописей, археология, нумизматика, библиография и др. В дальнейшем многие сосредоточились на чем-то одном, главном, а Ганка продолжал заниматься всем, включая педагогику³⁸.

Пыпин не скрывал, что Ганка не любил немцев, однако не испытывал к ним ненависти – он лишь хотел, чтобы чешская народность имела такие же права, как и немецкая (в Австрийской империи). Его взгляд на славянский мир стал, по определению Пыпина, характерным и господствующим в чешской литературе. Надежда на Россию в решении славянского вопроса поддерживалась его искренней верой в «излияния славянского сочувствия, которыми переполняли его альбомы русские путешественники»; многие из них до свидания с Ганкой и не думали о славянах и потом вскоре забывали об их проблемах. А Ганка до конца верил в мессианизм России, симпатии к которой поддерживали его исторические взгляды и сочувствие православию³⁹.

Отмечая, что Ганке не хватало эрудиции и специальных филологических знаний, Пыпин в то же время подчеркивал, что он «употребил весь свой труд для народного дела». Погребение выдающегося национального деятеля «походило на политическую демонстрацию». «В Праге одним честным патриотом стало меньше», – подвел печальный итог Пыпин⁴⁰. Набросав портрет Ганки, Пыпин в конце очерка добавил еще один штрих – он привел выдержки из последнего письма к нему Вацлава Ганки, который писал, что хотел бы найти у русских больше сочувствия к славянскому делу. «Не забывайте нас, – писал Ганка, – так же, как мы льнем к вам, – чтобы нас враги не проглотили»⁴¹.

Несколькими годами позже, в статье «Вопрос о национальности и панславизм» Пыпин, рассматривая проблемы славянского национального движения, вновь коснулся вопроса об общеславянской идее, вспомнив чешских деятелей, сторонников этой идеи, среди которых называет и Ганку⁴². В большой работе «Панславизм в прошлом и настоящем», написанной в 1878 г., Пыпин, обращаясь к периоду чешского национального возрождения, вновь вспоминает Ганку в ряду других деятелей науки, одушевленных идеей славянского единства, – это были «замечательные ученые силы, работавшие не только для своей народности, но и для самосознания целого славянства»⁴³.

В 1879–1881 гг. вышла двухтомная «История славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича (которому принадлежали главы о польской литературе). Во втором томе, в главе, посвященной чехам и чешской литературе, Пыпин посвятил краткие очерки (напоминающие энциклопедические статьи) всем наиболее известным деятелям, внесшим вклад в развитие культуры и национального самосознания, в том числе и Ганке. На нескольких страницах в сжатой форме автор попытался представить жизненный и творческий путь видного деятеля чешского возрождения. Читатель узнает, что Ганка происходил из простого народа, был сыном «селянина». В доме отца бывали славянские торговцы и солдаты – от них мальчик научился разным славянским языкам. Затем учеба в гимназии и университете, занятия под руководством Й. Добровского (который высоко ценил способности ученика). Однако, констатировал Пыпин, ученого из Ганки не вышло, но он много сделал для поисков и публикации старинных памятников⁴⁴. Повторяя основные биографические вехи, отмеченные двумя десятилетиями ранее в очерке «Вячеслав Ганка», автор изменил отношение к некоторым опубликованным Ганкой рукописям, признавая под давлением неоспоримых научных фактов, что в пятитомном издании нашли место и поддельные произведения⁴⁵. Тем не менее, Пыпин еще не до конца уверен в этом, хотя и сообщает, что некоторые исследователи не сомневаются «в ревностном фальсификаторстве Ганки», но сам он смягчает это безапелляционное суждение, оговариваясь: «История подделок еще не разъяснена»⁴⁶. Пыпин усматривал источник «открытия» рукописей в чешском патриотизме, который искал «пищи для национальной гордости»⁴⁷. В любом случае, полагал Пыпин, польза от «находки» рукописей очевидна – они «оказали сильное действие на ход чешского возрождения», стимулировав изучение истории, литературы, языка⁴⁸.

Кроме деятельности на благо своей нации Ганка думал о единстве славян, он, по определению Пыпина, был «ревнитель славянской взаимности» и даже более того – самый «ревностный панславист». И хотя сторонники этой идеи «еще не отдавали себе ясного отчета», в чем должна состоять взаимность, «но считали необходимым, кроме ближайшего отечества – Чехии, напомнить о великом отечестве – Славянстве». Такое «отечество» предполагало «необходимость общего литературного языка», в качестве которого Ганка рассматривал русский, принявший «в себя славянские стихии», как язык «самого многочисленного и сильного славянского племени». Однако его русофильские «надеж-

ды на спасение Россией славянства» были сильно «преувеличенными» и не соответствовали ни «славянским настроениям» в обществе, ни «планам русской политики» в то время⁴⁹.

Прошло еще два десятилетия, и незадолго до смерти Пыпин в своих мемуарах вновь оживил воспоминания о Ганке, о своих встречах с ним в Праге, о той роли, которую он сыграл в национальном возрождении чешского народа в первой половине XIX в. К сожалению, Пыпин не успел закончить мемуары — они обрываются как раз на впечатлениях, полученных им в Праге. Поэтому вполне логично, что для завершения этой темы в первом издании «Моих заметок» (1910) в качестве приложений были использованы опубликованные ранее в «Современнике» его статьи «Два месяца в Праге» и «Вячеслав Ганка». Таким образом, и в начале XX в., по прошествии 50 лет после кончины В. Ганки, со страниц своих воспоминаний Пыпин вновь напомнил русскому обществу о значительном вкладе выдающегося деятеля чешского и общеславянского возрождения.

Примечания

¹ См.: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / Изд. В. А. Францев. Варшава, 1905; Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835–1861). М., 1879–1880. Вып. 1–3; Письма Вячеслава Ганки к О. М. Бодянскому / Сообщил А. А. Титов. М., 1887; и др.

² Пыпин А. Н. Мои заметки. Саратов, 1996. С. 112.

³ Там же. С. 112–113.

⁴ Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. IX.

⁵ А. Р. [Пыпин А. Н.] Два месяца в Праге // Современник. 1859. № 3. С. 127.

⁶ Пыпин А. Н. Мои заметки. С. 202, 205.

⁷ Там же. С. 204–205.

⁸ Там же. С. 202–203, 206.

⁹ А. Р. [Пыпин А. Н.] Два месяца в Праге // Современник. 1859. № 3–4.

¹⁰ Там же. № 3. С. 141.

¹¹ Там же. С. 137–138.

¹² Там же. С. 138–139. Позже он вспоминал: «Мы, недавние ученики Срезневского (впоследствии с немалым, но лукавым искусством защищавшего подобные подделки), в то время склонны были вполне верить в подлинность этой старины, но в немецко-австрийской литературе уже высказывались подозрения и обвинения...» (Пыпин А. Н. Мои заметки. С. 207).

¹³ А. Р. [Пыпин А. Н.] Два месяца в Праге. № 4. С. 354.

¹⁴ Пыпин А. Вячеслав Ганка // Современник. 1861. № 3. С. 1–40.

¹⁵ Вскоре после смерти В. Ганки вышло в свет несколько воспоминаний о нем: Срезневский И. И. Воспоминания о Ганке. СПб., 1861; Лавровский П. В воспоминание о Ганке и Шафарике. Харьков, 1861; Дубровский П. Воспоминания о Ганке // Отечественные записки. 1861. Т. 134.

¹⁶ Пыпин А. Вячеслав Ганка // Современник. 1861. № 3. С. 1.

¹⁷ Там же. С. 1–2.

¹⁸ Там же. С. 2.

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ Там же. С. 8–9.

²¹ Там же. С. 11.

²² Там же. С. 11–12.

²³ Там же. С. 12–13.

²⁴ Там же. С. 14.

²⁵ Там же. С. 14–16.

²⁶ Там же. С. 19.

²⁷ Там же. С. 16–17.

²⁸ Там же. С. 20, 22, 38.

²⁹ Там же. С. 20–22, 36.

³⁰ Там же. С. 22–23.

³¹ Там же. С. 24.

³² Там же. С. 25–26.

³³ Ганка В. Сазаво-Эммаусское святое благовестование, ныне же Реймское. Прага, 1846.

³⁴ Билярский П. С. Судьбы церковного языка. Историко-филологические исследования. СПб., 1848. Вып. 2. О кирилловской части Реймского евангелия. 283 с.

³⁵ Пыпин А. Вячеслав Ганка. С. 27–28.

³⁶ Там же. С. 30.

³⁷ Там же. С. 39.

³⁸ Там же. С. 32–34.

³⁹ Там же. С. 34–35, 38.

⁴⁰ Там же. С. 39–40.

⁴¹ Там же. С. 40.

⁴² А- [Пыпин А. Н.] Вопрос о национальности и панславизм // Современник. 1864. № 2. С. 496.

⁴³ Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. (1878). СПб., 1913. С. 35.

⁴⁴ Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. 938.

⁴⁵ Там же. С. 939.

⁴⁶ Там же. С. 940.

⁴⁷ Там же. С. 932.

⁴⁸ Там же. С. 932–933.

⁴⁹ Там же. С. 939–940.

Две жизни Карла Гинека Махи

Abstract:

Budagova L.N. *Two Lives of Karel Hynek Macha*

In the Article written in connection with 200 years jubilee of Karel Hynek Macha there were shown the specific of a confessional-lyric Macha's romanticism embodied in the "May" poem, perception of his creation in Czech at poet life and after his death, his gradual and more deep penetration into the national culture and behind its limit, into Russia. At first nonunderstood the Macha's creation gradually obtained more wider resonance, making influence on the followers of different concepts: from realism to surrealism.

Ключевые слова: романтизм, Маха, «Май», исповедальность, лиризм, восприятие, эволюция, реализм, сюрреализм, Россия.

На его долю выпали две жизни, две судьбы. Первая – короткая, ограниченная неполными 26-ю годами. Другая – долгая, недавно вступившая в третье столетие. Можно надеяться, что ей не будет конца, пока живет и здравствует мировая культура, пока не переведутся читатели (которых, правда, становится меньше, чем писателей), а вкус людей не испортят массмедиа, порой утверждающие не столько подлинные, сколько «раскрученные» и откровенно пошловатые культурные «ценности».

Сначала – о первой жизни поэта.

Она началась 16 ноября 1810 г. в Праге, в семье мельника, выходца из Южной Чехии, и дочери известного пражского музыканта Йозефа Кирхнера, органиста собора Святого Микулаша на Малой Стране. При крещении первенцу дали имя Игнац, которые его носитель заменит на чешское Гинец, добавив к нему еще одно, – Карел. В 1812 г. у Игнаца появился младший брат Михал. Жила семья небогато. Сначала – в доме на Уезде (Малая Страна), где и родился будущий поэт. Однако материальные трудности вынуждали семью переселяться в более бедные районы Праги. Одно время Махи ютились недалеко от Анежского монастыря, в местах, описанных в рассказе поэта «Маринка». Позднее семья переехала на Скотный рынок (Dobytčí trh, теперь Карлова площадь), где отец, оставив ремесло мельника, добился разрешения открыть бакалейную («крупяную») лавочку. Место это сохранилось, хотя дом Махи – нет. Но вам могут показать, где он приблизительно находился.

Сын простолюдина проявлял удивительную тягу к знаниям, был прилежным учеником сначала приходской школы (у собора Св. Петра), потом средней в Панской улице (1821–1836), наконец пиаристской гимназии на Пршикопех (1824–1830). Поступив в Пражский университет, Маха два года учился на философском факультете, умудряясь по воскресеньям ходить на лекции известного филолога Й. Юнгманна, а с 1832 г. перешел к изучению юриспруденции. Глотая книгу за книгу, делал выписки из Байрона, Ирвинга, Клопштока, Вальтера Скотта, Новалиса и т.д. Польское восстание

1830 г. пробудило его интерес к польской литературе – прежде всего к Мицкевичу и Словацкому. Он стал изучать польский язык и вместе со своими друзьями старался материально помогать преследуемым повстанцам. Примечательно, что в его романе «Цыгане» каждая глава станет эпиграфом из произведений самых разных польских поэтов. Можно предположить, что Маха имел представление и о русском языке. 16 сентября 1835 г. в своем Дневнике он делает запись о посещении Новоместского кладбища, где его внимание привлекло среди других «надгробье Елены Телепневой» с надписью: «Знаем, что земля не способна чувствовать вместе с нами, и все же грустно осознавать, что когда-нибудь чужая земля примет прах наш». «Я прочитал надпись по-русски», – записал Маха¹, приведя ее по-чешски.

В студенческие годы общительный молодой человек, увлекавшийся театром, любивший петь под гитару душевную песню «Где родина моя» на музыку Шкroupы из пьесы Й. К. Тыла «Фидловачка», ставшую менее чем через сто лет государственным гимном Чехословацкой республики, оброс друзьями. Самым известным среди них был Карел Сабина (1813–1877) – прозаик, поэт, критик, журналист левых взглядов, один из зачинателей реалистического направления, которым он проявит себя уже после смерти Махи. Сабина сочувствовал революции 1848 г., и в годы реакции отсидел за свои взгляды в тюрьме. Нам же он интересен как друг Махи, как один из немногих сторонников его творчества (при жизни поэта они были наперечет) и один из первых издателей его произведений.

В 1833–1835 гг. Карел Гинека играл в чешских спектаклях Ставовского театра, участвовал в любительской труппе Йозефа Каетана Тыла. Чаще всего она репетировала и выступала в крошечном – на несколько десятков зрителей – зале бывшего Каетанского монастыря на Малой Стране, чье здание до сих пор стоит на Нерудовой улице. Зимой 1833–1834 г. Маха встретил среди любителей семнадцатилетнюю Элеонору Шомкову, дочь пражского переплетчика, которая стала его возлюбленной. После чего Маха запретил ей играть на сцене. Интимные отношения с Лори он описал, зашифровав, в дневнике 1835 г. Маховскую тайнопись разгадал в 80-х гг. XIX в. Якуб Арбес, тянувшийся, как основоположник детективных жанров в чешской литературе, ко всему загадочному. Дневник 1835 г. в полном виде был опубликован через сто лет, сначала в Мюнхене (1986), а затем в Праге (1993). В 2002-г. он вышел и на русском языке (в переводе автора этих строк) в сборнике «Национальный Эрос и культура» издательства Ладомир.

Всю жизнь, за исключением последних двух месяцев, Маха провел в Праге, но его впечатления не ограничивались тем, что он видел и переживал в этом городе. Маха очень любил путешествовать, именно *шествуя* пешком по *путям* – дорогам и бездорожьям родной земли. Летом, школьником, отправлялся в деревню, к отцовской родне. Повзрослев, Маха усложнил маршруты. В 1829 г. побывал на развалинах замка-крепости IV в. Звержинец, потом – в других местах, влюбляясь в крепостные руины, дававшие пищу воображению и становившиеся частью его текстов. В 1833 г. Маха отправился в Крко-

ноши, горный массив на севере Чехии, чтобы навестить университетского друга Й. Бенеша (1809–1834), лечившегося недалеко от Ичина, чьи окрестности украшали развалины двух старинных крепостей – знаменитые Троски, замок Кост и многое другое. Детали чешского пейзажа и памятники старины не только проникали в его стихи и прозу, но и зарисовывались Махой, породив целый цикл рисунков под общим названием «увиденные крепости» (hrady spatřené). В бумагах Махи их отмечено около девяти десятков.

Маха исходил не только Чехию. В 1834 г. вместе со своим другом А. Стробахом он отправился пешком через Иннсбрук в Венецию, возвратившись в Прагу через Любляну и Вену. В Любляне он прокутил всю ночь со словенским поэтом-романтиком Франце Прешерном (1800–1849), о чем тоже оставил запись в дневнике.

Маха начал сочинять стихи еще в гимназии, сначала по-немецки. Его вирши 1829 г. (*Versuche des Ignaz Mácha*) были изданы под названием *Okusy Ignáce Máchy* в 1956 г. Потом он перешел на чешский, написал на нем поэму «Святой Иван» – легенду об умирающем отшельнике. Прочел ее вслух на одной из лекций Й. Юнгмана. Она получила одобрение и была опубликована в журнале «Вечерни выражени» (Вечерние развлечения, 1831), став дебютом поэта. Точность его первых произведений, публиковавшихся в журнале «Кветы» Тыла, «Ческе вчеле» и других периодических изданиях, – по преимуществу эгегическая. Проблематика – достаточно типичная для поэзии чешского преромантизма. Автор обращается к патриотическим мотивам, оплакивая минувшую славу Чехии, восхищаясь героизмом отцов («Чех») и осуждая слабость сыновей («В храме»). Он лелеет мечту отомстить врагам за разгром чехов в битве у Белой горы, выбирая для развития традиционной темы необычный ракурс, – показывая юношу с арфой, который собирается, отбросив ее, взять в руки меч, чтобы смыть кровью вину за поражение и вернуть в жизнь своего народа радость («Баллада», отдаленно напоминающая «Лорелею» Гёте). Поэт любит красоту родной земли, особенно прекрасной перед расставанием («Дорога из Чехии»), собирается в ожидании борьбы за освобождение родины не изменять своей миссии певца («Посвящение в стихах»). Молодой поэт часто задумывается о смерти. Она означает для него то покой («Сердце, успокойся и усни, – там в могиле все покой получат, – «Моему сердцу»). Пер. Л. Мартынова.), то мрачную неизбежность («Слышен тихий шелест бора, Но меня могила ждет», – «Серенада». Пер. Н. Стефановича), то – естественную, но трагическую часть жизни, в которой люди то и дело теряют любимых. Девушка получает от ворона весть, что ее милый пал в битве с турками («Пряха»). Ребенок плывет в челне по бушующему морю, тоскуя и пытаясь найти дорогу к отцу, скрытому в морской пучине («Дитя»). Люди казнят друг друга («На эшафот»), безжалостно истребляют зверей («Песня охотников»). Формально Маха часто опирался на народную поэзию и ее модификацию в Краледворской рукописи и творчестве Ф. Л. Челаковского, присоединив к его «Эху» чешских и русских песен свое собственное «Эхо народных песен». Если в его ранних вещах, как считают исследователи, просматривается религиозная концепция бытия, по ко-

торой земная жизнь – отголосок неземного мира, объекта человеческих мечтаний, то позднее в его взглядах и творчестве наступает перелом: утрата юношеских иллюзий и веры в загробную жизнь. Он начинает воспринимать смерть как конец всему, после которого – лишь мрак и пустота, что заставляет человека страдать от ощущения своего бессилия и дисгармонии между кратковременным «чувственным» миром и вечным небытием.

Карел Гинек Маха писал не только стихи. На его счету – уже упоминавшийся роман «Цыгане» (завершенный осенью 1835 г., изданный в 1857 г.) с запутанной интригой, где имеют место тайна, пророчества, чувства любви и месть. Героя романа ребенком удалил из родного дома отец, граф Ломецкий. Мальчика подобрала цыгане, его воспитал примкнувший к ним итальянец. Возвратившись на родину, юноша узнает, что он законный наследник графа. Но потрясенный гибелью дорогих ему людей, в которой виноват и его отец, отказывается от наследства и уходит в неизвестность. Бушующим в романе страстям и событиям, бурным выражениям чувств «подыгрывает» природа, вспышки молний, раскаты грома. На этом романтическом фоне выделяется своей заземленностью и здравым смыслом человек из народа, завсегдагдаты деревенского трактира, отставной солдат Барта Флаконе, которого Маха списывал со своего дяди по отцу, предвосхищая этим образом грядущее рождение реализма. О зарницах нового направления, занимающегося на литературном горизонте, свидетельствовал и цикл Махи «Картины моей жизни», созданный с явной опорой на автобиографический материал.

Он успел написать для него лишь рассказ, по композиции напоминающий пьесу со стихотворными вставками – «Маринка», о чувствах к смертельно больной девушке и лирико-философский очерк «Вечер на Бездезе» с размышлениями о вехах человеческой жизни и зарисовкой вечернего пейзажа с трагическим штрихом – образом молодой женщины с мертвым младенцем. Как представитель романтизма Маха не проходил мимо собственных снов и видений (прозаические этюды «Паломничество в Крконоши», «Возвращение»). Как современник Национального возрождения обращался к отечественной истории, задумав роман «Палач» об эпохе Вацлава IV, от которого сохранились лишь наброски и часть, оформленная в рассказ «Кршивовклад».

Лучшее произведение Махи – поэма «Май». Он писал ее на протяжении 1835 г., издав на собственные средства как Первый том своих сочинений в апреле 1836. Эпическая канва «Мая» – история Вилема, которого еще в детстве проклял и изгнал из дома отец. Вилем стал разбойником, «лесным паном». В один прекрасный день он убивает соблазнителя своей возлюбленной, не узнав в нем родителя. За отцеубийство Вилема приговаривают к смерти и казнят. Поэма начинается с картины майского вечера на берегу озера, когда ни о чем не подозревающая Ярмила ждет своего любимого, а вместо него со страшной вестью появляется гонец; далее описываются последние часы и казнь Вилема; завершается она эпилогом, когда годы спустя, но тоже в первый день мая, поэт приходит на место гибели Вилема, отождествляя себя с ним и сочувствуя ему.

В поэме были и до сих пор остаются некоторые неясности, связанные с ее сюжетом. В одной из своих статей Я. Мукаржовский приводит рассуждение чешского литературоведа Й. Кампра, взятое из его истории «Чешской литературы XIX века» (Том III. Часть первая. Прага, 1905. С. 26), которое показывает, сколько вопросов могло возникнуть у вездливого читателя по поводу сюжетной основы «Мая»: «“Все здесь неясно, туманно, все повисло в воздухе где-то между небом и землей. Непонятно, имела ли девушка, сидящая на берегу реки (у Махи на берегу озера – Л.Б.), которой друг Вилема приносит известие, что завтра Вилема казнят за убийство ее соблазителя, его родного отца, – какие-то интимные отношения с отцом Вилема, или она просто стала жертвой роковой ошибки, случая или коварного обмана? Странно, что Ярмила и не подозревает, что возлюбленный убил ее соблазителя [...] Только из уст незнакомого человека [...] она узнает о катастрофе. В образе Вилема тоже много загадочного”. Число неясностей, нарушающих смысловое единство темы, этим критик не исчерпывает», – констатирует Мукаржовский.²

Упреки справедливы, но они говорят не о слабостях, а о замыслах автора, о том, что сюжет не был чем-то важным для него, не нес в поэме особой нагрузки, а играл чисто служебную, вспомогательную роль. Он нужен был, чтобы организовать и скрепить главное – помочь раскрыть душу и настроения автора через изумительные по красоте и мелодичности картины майской природы, наполненной предчувствием и торжеством любви, охватывающей все живое, но бессильной помочь человеку. Он нужен был, чтобы ярко, но без пафоса, используя простые слова, созвучия, мелодию языка, выразить привязанность к родной земле, к жизни, к давно исчезнувшему детству, к тому, что дорого людям. В этом были смысл и «соль» поэмы, носившей ярко выраженный исповедально-лирический характер. Эпическая канва лишь помогала собрать и дать выход накопившемуся в душе.

Возможно поэтому, обратившись к «тривиальной разбойничьей историйке» (так определил сюжет «Мая» Ян Петрмихль)³, Маха и отнесся к ней довольно формально, никак особенно не прояснив. Некоторые прояснения попытались сделать в XX веке исследователи его творчества. Внести ясность в образ Вилема отважилась советская богемистка В. Мартемьянова, превратив просто «разбойника» в «благородного разбойника»⁴, способного вызвать ассоциации с Робин Гудом, Яношиком или Николой Шугем, который «у богатых брал и бедным давал». Чешский теоретик литературы Д.Годрова пошла еще дальше, увидев в конфликте Вилема со своим неузнанным отцом «аллегоричность конфликта отцов и детей, а его убийство как знак отрицания старых норм, привычек, традиций, политических взглядов и поэтик, как бунт против них»⁵.

Но поэма Махи не нуждалась ни в каких прояснениях событий и поступков персонажей. Их туманность оправдана жанром. «Май» представлял собой редкий для своего времени тип лирико-исповедального романтизма, что отличало его от произведений других поэтов-романтиков (Байрона, Мицкевича, Прешерна, Лермонтова и т.д.), в чьем творчестве нарративно-эпическое нача-

ло играло важную семантическую роль, а сюжетная канва недоуменных вопросов не вызывала.

Однако вернемся в год издания «Мая». Поэма выбивалась из литературных канонов своего времени. Несмотря на патриотическое вступление к поэме, в котором автор славил свой народ, на воспевание родной земли – «колыбели и могилы» человека, «Май» показал, что ее автора больше интересует не национально-патриотическая, а экзистенциальная проблематика, вопросы жизни и смерти, отношений человека с природой, поведения в кризисной ситуации и т.п. Значение «Мая», открывшего перед чешской поэзией новые горизонты, путь на мировой Олимп, поняли в то время немногие. У автора поэмы было больше недоброжелателей, чем поклонников. Приведу лишь два отзыва – в частной переписке и в официальной прессе. « Дорогой друг! – писал Ф.Л. Челаковский своему приятелю Й.К. Хмеленскому 13 мая 1836 г. – ... Какой бессовестный выдался май! Топим как на Рождество, а во вторник [...], проснувшись утром, увидел, что крыши белы от снега, будто еще зима... Мне все кажется, что нынешний май мстит нам за то, что мы воспели его, словно висельники. (Здесь и далее выделения оригинала, – Л.Б.). Несчастный поэт со всей своей романтикой! Так и хочется назвать его козлом, когда слышишь, что фруктовые деревья и виноградники – утеха поэтов – всюду померзли. И огурчики – все туда же!»⁶. А вот как высказался об авторе «Мая» Й.К. Тыл в журнале «Кветы»: «Пан Маха – поэт – этого у него не отнимешь; каждая его строка – глубокий затаенный вздох больной страдающей души. Но мне хотелось бы слышать, что темные звуки его арфы звучат по-другому, иначе, не столь нечешски [...] Не место здесь писать, что мы, как никто, нуждаемся в том, чтобы возникающая поэзия обретала национальный характер»⁷.

Свою поэму Маха опубликовал, как уже было сказано, на собственные средства. Книжных изданий других своих вещей он уже в руках не держал. Все они вышли после его смерти – в расцвете лет – трагической, но овечьей романтикой. Это произошло так.

В августе 1836 г. Маха закончил изучать юриспруденцию в университете, а 17 сентября, незадолго до рождения внебрачного сына Людвиг, отправился пешком, с тремя монетами в кармане, дарованными отцом с матерью, на адвокатскую практику в Литомнержицы, куда ему помог устроиться друг. Однажды, 23 октября, отправившись на прогулку за город, чтобы доработать на природе стихотворение «Дорога из Чехии», он увидел пожар. Горели скирды сена. Маха, очертя голову, бросился, рискуя жизнью, помогать пожарным. Во время коротких передышек пил воду из ведра, обливал себя (или, его обливали) водой. Огонь потушили. Потом вроде все, не считая нехватки средств даже на еду, было в порядке. Он посылал письма в Прагу, беспокоясь о здоровье Лори и новорожденного Людвиг, советовал, что привезти в Литомнержицы, где они собирались жить вместе после свадьбы. Но уже 1 ноября он почувствовал себя плохо, хотя продолжал ходить на службу. Утром 5 ноября попросил хозяев, у которых снимал комнату, позвать лекаря. Потом, собрав все силы, пошел

в контору, чтобы предупредить о своей болезни. Но вернулся с дороги. В ночь на 6 ноября, не дожив десяти дней до своего 26-летия, Карел Гинек Маха умер – то ли от простуды, то ли от холеры. К умирающему спешил из Праги его брат Михал. Когда приближался к домику, где жил Гинек, увидел раскрытые окна и понял, что того уже нет в живых. А 7-го ноября Маха собирался в Прагу на свадьбу с Лори, которая была назначена на 8 ноября. Но 8 ноября вместо свадьбы состоялись похороны поэта, которого провожали лишь квартирные хозяева да брат Михал...

После этого началась вторая, посмертная жизнь Махи. Он не просто избежал забвения, а постепенно становился «живее всех живых». Интерес к его творчеству с течением времени лишь нарастал. Все происходило так, как об этом говорил В. Незвал. «Сначала – пара поклонников его необычного произведения, потом – небольшая секта, какая-то часть поколения и, наконец, большинство нации. Таковую судьбу имел «Май» Махи, и судьба эта довольно типичная, в которой нет ничего исключительного. ...»⁸.

В последнем (насчет «ничего исключительного») Незвал слегка ошибся, хотя новая жизнь Махи проходила по его сценарию.

Первым знаком общественного признания Махи стал, как известно, «Весенний альманах Май на 1858 г.» (Praha, 1858), а «небольшой сектой» поклонников – группа писателей нового поколения, называвших себя «маевцы» (májovci) (Я.Неруда, В.Галек, Й. Varák, редактор альманаха). Они привлекли к сотрудничеству ровесников – А. Гейдука, Р.Майера, К. Светлую, ее сестру С. Подлипскую, а также современников Махи – К.Сабину, К. Я. Эрбена и Б. Немцову.⁹

Постепенно Маха становится культовой фигурой своего народа, объектом обожания и сакрализации, человеком-легендой. Легендарности Махи способствовали не только его выдающийся талант, не только все то, что знали о нем и сообщили его современники потомкам, но и то, что они передать не сумели, например, как выглядел Маха. Нет ни одного изображения облика поэта. К чему было рисовать лицо простого пражанина? Кто мог разглядеть в нем славу и гордость чешской поэзии? Короче говоря, как выглядел Маха, мы не знаем. Каждый представляет его по-своему. Появлявшиеся с ростом его посмертной популярности портреты (среди которых есть и написанный Максом Швабинским) – плод фантазии живописцев. Большинство старят его лет на 20–30. Он выглядит на них мрачным и хмурым «представителем», а точнее, манекеном европейского романтизма, лицом без индивидуальности. Основанные лишь на некоторых сторонах творчества поэта, его изображения мало вяжутся с личностью Махи, часто думавшего о смерти, но горячо любившего жизнь, Лори, Прагу, ландшафты родной земли, большие и маленькие радости бытия... Надо отметить, что и в XX веке были писатели, которые придерживались скептического отношения к автору «Мая». Среди них – не только enfant terrible чешской литературы Ладислав Клима, автор эпатирующей фантастической прозы рубежа 1920-1930-х гг., но и вполне рассудительный Отокар Бржезина, номинант на Нобелевскую премию 1928 года. Л. Клима в своей книге «Секунда

и вечность» отозвался о Махе, как о «безмозглом и обрюзгшем отце безмозглой туманности в поэзии». О. Бржезина считал, что Маху переоценивают, носятся с ним больше, чем он заслуживает, что он занимает в чешской литературе всего лишь второразрядное или даже третьеразрядное место¹⁰. Но этих голосов практически не было слышно, их заглушала волна восторженного отношения к поэту со стороны авторов, олицетворявших прошлое, настоящее и будущее чешской литературы. Он притягивал к себе представителей полярных направлений – от реализма, который утверждали «майевцы», до сюрреалистов, которые считали реализм вчерашним днем литературы. Иными словами, люди, расхоdivшиеся во взглядах на искусство, сходились в чувствах восхищения, любви к Махе.

Но каждый его любил по-своему. «Каждый видит, что хочет увидеть, понимает, что может понять», – сказал один мой любимый поэт. Маха, который шел против течения, вдохновлял на поиски новых путей в творчестве, на преодоление устоявшихся норм, на то, чтобы по-новому и по-своему выражать свое. Майевцам он помогал утверждать реализм, пробиваться к неприкрашенной правде жизни. Недаром Шальда считал, что Маха одержим «стремлением к правде». Сюрреалистов же он притягивал раскованностью сознания и слога, богатством воображения, смелостью ассоциаций, интенсивным лиризмом, в котором они видели средство модернизации поэзии.

Остановимся на отношении к нему Незвала. Исповедуя в 1930-е гг. сюрреализм как олицетворение социального и эстетического нонконформизма, Незвал все, что нравилось ему в искусстве, объявлял сюрреализмом, по сути дела создавая концепцию «сюрреализма без берегов». (Так позже Роже Гароди выступит в защиту «реализма без берегов», а еще позже Д. Ф. Марков создаст теорию безбрежного социалистического реализма). В своей книге «Современные поэтические направления» (1937) Незвал и романтика Маху зачисляет в сюрреалисты, считая сюрреализм не столько направлением XX в., сколько давно существовавшим типом творчества. «Еще задолго до сюрреализма 20-х годов были писатели и поэты, тяготевшие к реализму, или к сюрреализму[...] Реалист преклоняется перед тем, что признано достойным почитания, сюрреалист же во всех случаях бунтует и в большей степени, чем реалист, прислушивается к своим инстинктам и неосознанным стремлениям. Реалист в сущности – конформист (соглашатель – Л.Б.), сюрреалист – нонконформист. Сюрреалист – типичный мятежник»¹¹. Сама жизнь Махи, по мнению Незвала, настраивала его против традиций: был «ревнивым любовником», «отцом внебрачного ребенка», бросился себе на погибель в огонь, рано погиб. Ему он противопоставил Св. Чеха, который «своим уважением к порядку прямо-таки был рожден для реализма». Но, не довольствуясь этой общей и весьма спорной характеристикой двух классиков, Незвал, как проницательный аналитик, разглядел в их творчестве разные виды «образотворности» – традиционное сравнение (у Чеха) и нетрадиционное (у Махи), показав преимущества и перспективность последнего. В отличие от сравнения традиционного, в котором слово, которое сравнивается, важнее того, с которым оно сопоставляется,

в нетрадиционной фигуре, как показывает Незвал, обе ее составляющие равноправны, одинаково важны. В качестве доказательства Незвал цитирует отрывок из поэмы Чеха «В тени липы», где вертлявый портной, местный политический функционер, сравняется с кузничком, не оставляя никаких сомнений, какой же из этих образов главный, а какой второстепенный. И тут же он приводит россыпь ассоциаций, которые вызывают в сознании автора «Мая» давно прошедшие детские годы:

...Neb můj též krásný věk, dětinství mého věk,
daleko odnesl divoký čas vztek.
Dalekoť jeho sen, umrlý jako stín,
Obraz co bílých měst u vody stopen klín...

...Ведь детство отошло – счастливый минул век –
Умчалось навсегда, как воды сонных рек,
Как давний дивный сон и как последний день,
Как белых городов мерцающая тень,
Как с уст слетевшее предсмертное желанье,
Как шум былых боев, как звук былых имен,
Как северный мираж, как прошлое страданье,
Звук порванной струны, разбитой лютни стон,
Угасший жар любви, звезды упавшей свет,
Заброшенный погост, след умерших комет,
Забутые дела – деянья давних лет,
Песнь мертвой лебеди, зарытой меди глас,
Последний дым костра, людьми забытый рай...
(Перевод Д. Самойлова)

Сопоставив Чеха с Махой, который сравнивает детство с потонувшими городами, гулом оттремевших боев, звуком порванной струны, дымом угасшего костра и т.д., и т.п., Незвал приходит к выводу, что Маха прибегает к сравнениям, основанным не на внешних сходствах, как Чех, а на свободных ассоциациях, которые могут далеко отстоять от исходного мотива. В результате, считает Незвал, происходит суверенизация образов, устанавливается равноправие сравниваемого и сравнивающего. И хотя понятия «следуют одно за другим, мы воспринимаем их так, как если бы они звучали одновременно, как музыкальный аккорд, где одновременно слышатся несколько нот». Таким образом, «возникает стихотворение в стихотворении, которое не имеет одного ведущего мотива, а является многотематическим»¹². В маховском типе сравнений Незвал увидел предвесья своей любимой политематической поэзии. Укоренившись в чешском авангарде под влиянием «Зоны» Аполлинера, она, как показал Незвал, имела и автохтонные корни, своих чешских предшественников, во главе которых стоял Маха.

Надо сказать, что Маху любили и помнили всегда, но были периоды, когда интерес к нему возрастал. Это случалось в юбилейные годы и в критические моменты национальной истории. Так, в мае 1931 г., (когда только что прошло 120-летие со дня рождения и приближалось 95-летие со дня кончины поэта)

газета «Литерарни новины» опубликовала составленную Й. Горой анкету об отношении молодых авторов к творчеству Махи. На нее ответили Й. Горжейский, Я. Сейферт, В. Голан, К. Библ, Ф. Галас Ян Заградничек. Этот католический поэт, до недавнего времени у нас замалчиваемый, нарисовал прекрасный словесный портрет поэзии Махи: «Я полюбил Маху с тех пор, как первый раз прочел «Май» [...] Но даже забыв об этом, я бы не избежал его чар. Как каждый великий поэт, он наложил свою неизгладимую печать на чешский язык. Она в том, как он перетасовывал слова и как тонко и по-новому их соединял, всегда оставляя между ними просветы, из которых струились пары иррационального. Отпечатки пальцев этого грабителя красоты навсегда останутся на ряде выражений, извлеченных из недр чешского языка и до сих пор сохранивших теплоту его касаний. А над ними царит та атмосфера нежности и печали, которую, может быть, и не заподозрят в том, что она идет от Махи и что поэты будут дышать ею, пока будет жить чешский язык»¹³ (май 1931).

В год столетия смерти поэта сюрреалисты выпустили посвященный ему сборник статей и иллюстраций, озаглавленный «Ни лебедь, ни Луна» – строкой из маховского стихотворения. В издании приняли участие К. Тейге, В. Незвал, Б. Броук, а также Я. Мукаржовский, лидер чешского литературоведческого структурализма и автор многих работ о Махе.

Державшийся в то время в стороне от сюрреализма и любых других течений Й. Гора выпустил сборник стихов «Маховские вариации» (1936).

Поэт вновь приковал к себе внимание после Мюнхенского соглашения (29-30 сентября 1938 г.) и после захвата Чехии и Моравии третьим рейхом (15 марта 1939 г.). В результате навязанного Чехословакии сговора между Францией, Англией, Италией и Германией, развязавшего руки Гитлеру, Чехословакия потеряла Судеты и часть других пограничных территорий. Литомнержицы отошли немцам. Чехи не захотели оставить Маху за пределами своей страны. Поэтому той же осенью его останки были перевезены в Прагу. А 7 мая 1939 г., когда чешские и моравские земли уже были оккупированы Гитлером и объявлены Протекторатом Германии (Словакия получила из рук Гитлера «свободу», которую язвительный Янко Есенский сравнил со «свободой птенца в когтях у хищника»), состоялось торжественное захоронение останков Махи на Вышеградском кладбище. Если 8 ноября 1836 г. в Литомнержицах за его гробом шло всего несколько человек, то на Вышеград его провожали толпы пражан. Воздаяние почестей кумиру было не только знаком любви и уважения к его творчеству. Нет, это был и акт самоутверждения народа, не просто захваченного врагом, а народа униженного, сланного врагу без боя. Неслучайно Марина Цветаева, полюбившая Прагу и «чешские деревни» за годы эмиграции, писала в «Стихах к Чехии»:

Брали много и брали щедро,
Горы брали и брали недра.
Но дороже, чем рай земной,
Быту взяли за край родной...

Страну сдали без боя, но народ поднялся на борьбу, развернув подпольное Сопротивление и используя любую легальную возможность, чтобы продемонстрировать гордость, достоинство и силу духа нации. Маха и другие чешские классики воспринимались в тяжелые моменты истории как олицетворение именно этих свойств. Но случилось так, что именно он дал возможность своему народу открыто продемонстрировать любовь к отечеству и ненависть к врагу.

Его образ, его последний путь на Вышеград породили целый цикл патриотических произведений, в том числе Витезслава Незвала, разразившегося объемной и торжественной «Одой на возвращение Карела Гинека Махи».

В своей второй жизни Маха получил известность и в России. Правда, произошло это не сразу. В предисловии к чешскому разделу антологии «Поэзия славян», под редакцией Н.В. Гербеля (СПб, 1871) перечислялись те, кого составители считали самыми крупными чешскими писателями. В этом списке были Коллар, Челаковский, Гавличек-Боровский, что понятно, но был еще Болеслав Яблонский (Карел Евген Тупый), поэт-священник патриотической и дидактической направленности, очень популярный в России XIX в., но теперь фактически забытый и у нас, и у себя на родине. Кстати, Яблонский, тогда еще Тупый, участвовал вместе с Махой в любительском театре Тыла. Но Махи в списке самых крупных чешских писателей еще не было, а в гербелевскую антологию вошли только 36 строк из первой песни «Мая».

Одним из первых русских поэтов, кто заметил и оценил Маху, был Константин Бальмонт. Больше всех чешских писателей ему нравился Ярослав Врхлицкий. Ради него он даже изучил чешский язык. Но не прошел он и мимо Махи, попросив в письме к Е. Ляцкому от 9.12.1926 г. прислать ему все его произведения. В предисловии к своим переводам Врхлицкого, изданным в Праге в 1928 г., он процитировал строки из «Мая», где была выражена любовь героя к родной земле (т.е. там, где звучали патриотические мотивы, не замеченные Тылом). Это отрывок из прощальной просьбы Вилема, обращенной к облакам:

(...)

tam na své pouti pozdravujte zemi.
Ach zemi krásnou, zemi milovanou,
kolébku mou i hrob můj, matku mou,
vlast' jedinou i v dědictví mi danou,
širou tu zemi, zemi jedinou! -

В далеко не совершенном переводе К. Бальмонта они звучат так:

Вы в своем богомолье поклонитесь земле.
Ах, красивой земле, той любимой земле,
Колыбели моей и могиле моей,
То родимая мать, все владенье мое,
Все наследство мое, ширь единой земли.

Этот отрывок, вероятно, был особенно близок оторванному от родины эмигранту¹⁴.

Настоящее открытие Махи в нашей стране произошло после войны, после создания Института славяноведения (1947), где среди других направлений развертывается изучение и популяризация чешской литературы.

Впервые поэзия Махи довольно полно была представлена русскому читателю в трехтомной «Антологии чешской поэзии XIX-XX вв.» (М., 1959), которую подготовили Л. С. Кишкин, А. П. Соловьева, С. А. Шерлаимова. Предисловие к ней написал С. В. Никольский. В «Антологии...» был полностью опубликован «Май» (в переводе В. Луговского и А. Голембы) и двенадцать стихотворений, переводчиками которых выступали А. Ахматова, Л. Мартынов, Н. Стефанович. Вскоре вышла целая книга «Карел Гинек Маха. Избранное». (Составление и предисловие В. Мартемьяновой, М., 1960). В нее вошли «Май» в переводе Д. Самойлова, 24 стихотворения, три сонета, проза из цикла «Картины моей жизни» («Маринка», «Вечер на Бездезе»), «Возвращение» и роман «Цыгане». Прозу переводили В. Мартемьянова, Е. Аникст, Е. Элькинд, стихи – поэты, которые участвовали и в «Антологии...».

Когда сейчас перечитываешь в целом хорошее предисловие составительницы, обращаешь внимание на «родимые пятна» советского литературоведения. Они проступают в характеристике общественной позиции поэта, в упоре на его революционность, что было вполне в духе времени и наших убеждений. Революционность, как знак качества любого писателя, всячески раздувалась и гиперболизировалась. Это сказалось, в частности, на некоторых экспрессивных тропах автора предисловия, не отвечавших реальности. Помимо произвольного превращения разбойника Вилема из «Мая» в «благородного разбойника», (о чем уже упоминалось), автор мотивирует устройство Махи на юридическую практику в Литомнержицах его протестом против действительности, стремлением убежать «из опостылевшей Праги»¹⁵.

Впрочем, здесь у советских богемистов были предшественники – левориентированные чешские сюрреалисты – В. Незвал, К. Тейге и др. И они, преувеличивая революционность Махи, порой прибегали к искажению некоторых ситуаций в жизни поэта.

Стараясь показать негативное отношение Махи к царизму, Тейге в сборнике «Ни лебедь, ни Луна» отмечает, что поэт в своем «Дневнике» «с отвращением описывает праздничный церемониал австрийского императора и русского царя в Праге на Инвалидовне»¹⁶. На самом же деле никаких негативных чувств ни к этим торжествам, ни ко всему проезду царских особ по Праге после их возвращения из Теплиц, где состоялась какая-то дипломатическая акция, Маха не испытывал. Он подробно описал в дневнике, как они вместе с Лори перебегали с улицы на улицу, как искали места, откуда было лучше видно царскую процессию, как была украшена и освещена Прага. Свое «отвращение» Маха проявил лишь к некоему Штульцу, который собирался «писать оду» в честь русского царя, хотя он перед этим его «клял за польский народ»¹⁷. При этом сам Маха, не колеблясь, сочинил «по заказу и призыву... Палацкого» стихотворение «На приход короля», которое, правда, граф Хотек «исключил вместе с рядом других из сборника, посвященного императорскому визиту»¹⁸.

По нашему мнению, Маха хоть и принадлежал к левому крылу романтизма, хоть и симпатизировал польским повстанцам, революционером не был, о чем свидетельствуют хотя бы его дневники. Он мечтал о спокойной размеренной жизни с Лорой и сыном Людвигом, чему помешала преждевременная смерть. Революционные, мятежные мотивы в его творчестве были скорее знаком направления, к которому он принадлежал, проявлением стереотипов романтизма, чем его жизненной позиции. «Отношение к переживаемой реальности зависит, как правило, не только от личных склонностей поэта, но и от современного направления литературы; подчас не удастся точно отделить то, что проникло в произведение из реальности, от того, что идет от *литературной традиции сюжета*» (Я. Мукаржовский)¹⁹.

Против отождествления творчества Махи с его личностью Мукаржовский выступил и в статье «Индивидуальность и развитие литературы» (1943-1945), где писал, что «личность художника шире личности автора», и что Маха «в жизни занимал другие позиции, чем в своем творчестве»²⁰.

В минувший год 200-летия Карела Гинека Махи ему посвящались разные по масштабу мероприятия. На 4 конгрессе литературоведческой богемистики в Праге (29 июня – 3 июля 2010 г.) докладам о Махе была отведена целая секция. Очередной фестиваль чешской литературы и языка «Шрамкова Сobotка», который каждый год проводится для учителей и студентов в маленьком городке северо-восточной Чехии, недалеко от Тросек и Бездеза, проходил на этот раз (с 3 по 10 июля) под лозунгом «Маховские вариации». В Москве, в Чешском культурном центре, на заседании Общества братьев Чапек 21 марта 2011 г. была прочитана лекция, посвященная творчеству Махи, которую аудитория выслушала, не шелохнувшись, и показан чешский фильм, созданный по мотивам его знаменитой поэмы.

Одним словом, вторая жизнь Карела Гинека Махи продолжается...

Примечания

¹ Дневник К.Г. Махи 1835 года. Приложение к статье: Л.Н. Будагова. Целомудренный Эрос // Национальный Эрос и культура. В двух томах. Том первый. Составители Г.Д. Гачев, Л. Н. Титова. М., 2002. С.306-307.

² Mukařovský Jan. Studie z estetiky. Odeon. Praha, 1966. S. 102.

³ Petrmichl J. Doslov// Karel Hynek Mácha. Máj. Mladá fronta. Praha, 1957. S.67).

⁴ Мартемьянова В. Карел Гинек Маха//Карел Гинек Маха. Избранное.М.,1960. С.18.

⁵ Hodrová D. Karel Hynek Mácha // M. Zeman a kolektiv.Rozumět literatuře. Praha, 1986. S.68.

⁶ Цит. по: Literární noviny. Ročník V. (č. 8). Květen 1931. S. 2.

⁷ Там же.

⁸ Nezval V. Cesta literatury k lidu// V.Nezval. Dílo. Sv.XXVI. Praha, 1976. S. 22.

⁹ См. подробнее: Janáčková Jaroslava. Dědství Máje v náporech všednosti // Česká literatura od počátku k dnešku. Praha 1998. S. 262.

¹⁰ См. Literární noviny. Ročník V (č.8). Květen 1931. S. 2.

¹¹ Nezval V. Dílo XXV. Praha, 1974. S.316, 317.

¹² Ibidem. S.312.

¹³ Literární noviny. Ročník V (č.8). Květen 1931. Str. 2.

¹⁴ См. подробнее: Будагова Л.Н. Восприятие чешской поэзии в России. XIX-XX вв. // Славянский мир в глазах России. В печати.

¹⁵ Карел Гинек Маха. Избранное. С.23.

¹⁶ Aní labut' aní Lúna. Sborník k stému výročí smrti Karla Hynka Máchy. Přetisk 1. vydání z roku 1936. Praha, 1995. S.27.

¹⁷ Intimní Karel Hynek Mácha. Editor Miloš Pohorský. Český spisovatel. Praha, 1993. S.83.

¹⁸ Otruba M. Máchovský letopis // Karel Hynek Mácha. Daleká pout'. Československý spisovatel. Praha, 1967. S.180.

¹⁹ Mukařovský Jan. Básník // J.M. Studie z estetiky. Odeon. Praha, 1966, str.144.

²⁰ J.M. Studie z estetiky. S. 227-228.

Проблемы хорватской истории и культуры в творчестве малороссийских славистов (А.С. Будилович, Р.Ф. Брандт, Т.Д. Флоринский)

Abstract:

Vashchenko M.S. Problems of the Croatian history and culture in the work of Little Russian slavists (A.S. Budilovich, R. F. Brandt, T. D. Florinskij)

This article deals with researches in the field of Croatian history and culture conducted by A.S. Budilovich, R.F. Brandt and T.D. Florinsky, the slavists from Kiev St. Vladimir University and Nezhin institute of history and filology. There were common problems which were researched by all these slavists, for example, the Dalmatia-Dubrovnik poetry or Illyrian movement. They criticized this poetry because of its "imitation" but tried to find the influence of Slavic mutuality idea in the works of Dubrovnik poets as well as in the Illyrian movement. Despite all the contradictions inherent the works of Malorossia's slavists, A.S. Budilovich, R.F. Brandt and T.D. Florinskiy made a notable contribution to the development of domestic Croatian studies.

Ключевые слова: кроатистика, иллирийское движение, славяноведение, славянская взаимность, Дубровник, хорватско-русские связи, А.С. Будилович, Р.Ф. Брандт, Т.Д. Флоринский.

Ко второй половине XIX в. в России уже сформировались крупные славистические центры. Среди них, в первую очередь, следует назвать Московский, Петербургский и Варшавский университеты, в которых работали такие выдающиеся ученые как И.И. Срезневский, Н.А. Попов, К.Я. Грот. Но славистика развивалась и в других городах, в частности, в малороссийских. Среди них следует особо отметить Киевский университет Св. Владимира и Нежинский историко-филологический институт им. князя А.А. Безбородко, с которыми связаны имена А.С. Будиловича, Р.Ф. Брандта и Т.Д. Флоринского. Кроме принадлежности к школе В.И. Ламанского, чьими учениками они являлись, их объединял еще и интерес к хорватской истории и культуре. Деятельности этих ученых на ниве отечественной кроатистики и посвящена данная статья.

Историк, филолог и публицист Антон Семенович Будилович (1846–1908) некоторое время работал в Петербургском, Юрьевском и Варшавском университетах, но большая часть его научной деятельности именно как слависта¹ (1875–1881 гг.) связана именно с Нежинским институтом. Хорватская тема занимала Будиловича еще с конца 1860-х гг. В «Журнале министерства народного просвещения» он публиковал обзоры новых славянских книг под заголовком «Славянская библиография», в которых пересказывалось содержание и некоторых хорватских научных трудов, к примеру, И. Кукульевича-Сакцинского и Ф. Рачки². Так, в статье, посвященной научным обществам в славян-

ских землях, Будилович особо отметил роль Югославянской академии^{3*}, «юную возрастом (статья была опубликована в 1869 г. – *М.В.*), но не отношением к научным требованиям». Автор высоко оценивает уровень развития науки у хорватов и сам народ в целом, сравнивая его с сербами: «Хорваты давно уже прошли эпическую ступень народного развития, на которой стоят еще сербы. Как ни многим обязаны хорваты своим учителям – итальянцам и немцам, все же их наука имеет некоторые предания и солидных представителей... В продолжение каких-нибудь двух лет академия проявила свою деятельность изданием 5-ти томов своих трудов, в которых помещены капитальные статьи по истории и археологии, филологии и народному праву и очень ценные критические заметки и рецензии, изданы на счет академии хорватская медицинская терминология (Дезмана) и обширное исследование хорватской флоры»³.

Обращался Будилович и к событиям хорватской истории. Так, для вышедшего в 1871 г. сборника поэтических произведений славянских народов, переведенных на русский язык, славист написал краткий очерк «Сербо-хорватская литература», в котором вкратце представил не только литературное, но и общесторическое развитие «сербо-хорватской народности» (отметим, что собственно хорватам автор уделил меньше места, чем сербам). По сравнению со своими современниками и предшественниками, для которых эта народность разделялась на приверженцев католицизма и на православных, у Будиловича она состояла из трех частей – к вышеназванным «ветвям» добавились еще и мусульмане⁴. У Будиловича совершенно особый (и при этом очень запутанный) взгляд на историю «сербо-хорватского племени». Если многие русские слависты считали, что «сербо-хорваты» всегда составляли и составляют один народ и лишь в ходе исторического процесса внутри него обнаруживались культурные различия, то в интерпретации Будиловича все гораздо сложнее. Он пишет следующее: «Названия „серб“ и „хорват“, быть может, отличали некогда две особые народности, но теперь они отличают две культуры, то есть имеют смысл более исторический, нежели этнографический»⁵. Выходит, что «сербо-хорваты» («две ветви одного и того же племени», как пишет исследователь), возможно, на протяжении своей истории, даже и составляли два отдельных народа, но в настоящее время это все равно единый народ, а имена «серб» и «хорват» – это всего лишь показатели тех самых внутренних культурных различий внутри этого народа. Будилович высоко оценивает степень политического развития хорватов, и в качестве главной причины того, что они проявили себя на исторической сцене раньше сербов, которые еще долго, по его словам, «протянулись в неподвижной тишине патриархального быта, прерываемой лишь междоусобиями отдельных общин и жупаний», он называет близость далматинских городов к Италии и влияние римской культуры. О роли культурного влияния Италии на развитие хорватской народности писал

* Югославянская (с 1991 г. – Хорватская) академия наук и искусств – высшее научное учреждение Хорватии, основанное в 1866 г. епископом Й.Ю. Штроссмайером.

и К.Я. Грот, также называя это влияние одной из главных причин преимущества хорватов перед сербами. В то же время Будилович резко негативно пишет о католическом Риме как о враге православия и славян, о борьбе его со славянским богослужением. По его мнению, влияние Рима на хорватов было гораздо «непосредственнее и прямее», чем Византии на Сербию, и именно «отдаление от востока и подчинение западу в отношении политическом и религиозном рано задержали духовное развитие хорватской народности»⁶.

Что же касается литературной жизни как таковой, то ей (по крайней мере, собственно хорватской) внимания в очерке уделено едва ли не меньше, чем политическим и церковным событиям. Конечно, автор не мог обойтись без упоминания Дубровника, в котором процветала «богатая и блестящая» литература, которая, тем не менее, является лишь «отрывочным эпизодом, вне всякой связи с предыдущим и последующим в истории *сербской* (курсив мой – М.В.) и общеславянской»⁷. Будилович считал дубровницкую литературу всего лишь «звонким эхом» литературы итальянского Возрождения. Важно, что автор упоминает, хотя и вскользь, о развитии литературной жизни в собственно Хорватии и Славонии, точнее, о распространении там книгопечатания. Совсем мало пишет Будилович и об иллирийском движении. Главной заслугой Л. Гая* он считает то, что благодаря ему хорваты приняли «сербскую штокавщину» и примкнули к «литературному единству» с сербами. «Разница осталась лишь в азбуке, – отмечает автор, – католики пишут латинским алфавитом, а православные кириллицей. *И это обстоятельство со временем должно быть устранено...*»⁸. Каким образом устранено, Будилович не уточняет. Но, учитывая то, что собственно сербской литературе он уделил больше места, чем собственно хорватской, при том, что очерк называется «Сербо-хорватская литература», вряд ли автор склонен делать выбор в пользу латинского письма в данной ситуации.

Одному из далматинских авторов Будилович посвятил отдельную статью, опубликованную в 1883 г. Речь идет о Иерониме Каваньине (Кабаллини) (1640–1714), итальянце по происхождению, автору поэмы «Богатство и убожество». В статье Будилович более определенно высказывается по поводу далматинско-дубровницкой литературы – он не называет ее хорватской, но уже отделяет от сербской, о чем свидетельствуют его слова о связи далматинской литературы с «соседней сербской». Будилович чуть более определенно высказывается и относительно самих «далматинцев», которые для него (как и для Каваньина) являются «одним из побегов иллирской ветви великого славянского дерева», принадлежащие к «сербо-хорватской отрасли»⁹. Из этих слов можно предварительно заключить, что ученый выделял далматинцев

* *Гай Людевит* (1809–1872) – хорватский общественный деятель, лингвист, историк, поэт, создатель литературного хорватского языка. Издавал газету «Иллирске народне новине» и журнал «Даница». Лидер иллирийского движения в Хорватии, главной целью которого было развитие хорватской национальной культуры и сближени южных славян. Дважды (в 1840 и 1867 гг.) посещал Россию.

в качестве какой-то особой группы населения, тем более, что в тексте вскользь упоминается «хорватский единомышленник» Каваньина Юрий Крижанич.

Ученый посчитал своим долгом уделить внимание творчеству именно этого поэта, поскольку хорватские авторы, по его словам, именно из-за панславистических воззрений Каваньина, не пишут о нем, «но отчего бы не заняться русским славистам этим замечательным далматинцем, который с таким воодушевлением писал о славянстве, особенно же о России?»¹⁰. Каваньин и в самом деле посвятил России немало строк, в том числе ее правителям, начиная с некоего «древнего Руса» и княгини Ольги и заканчивая Петром Великим. Будилович пишет: «...по представлениям Каваньина, в отдаленной Москве развивалась мало-помалу такая сила, перед которой должна поникнуть величаява прежде сила польская (Каваньин, помимо русских, восторженно писал и о поляках, об их борьбе с турками в XVII в. – *М.В.*) и на которую югославянство может и должно перенести свои надежды на более или менее близкое освобождение от турецкого ига. В царях Москвы Каваньин видит прямых и законных потомков императоров византийских»¹¹. Как видно, не какие-либо художественные достоинства поэмы далматинского автора привлекли внимание Будиловича, а именно его «панславистические» воззрения.

Обращался славист и к собственно хорватской истории, к одной из самых ярких ее страниц – заговору Зринских-Франкопана. В речи, опубликованной в «Известиях» Нежинского института Будилович дал краткую характеристику хорватской истории и хорватскому народу в целом. Он по-прежнему считает его частью «сербо-хорватского народа», который распался на две части. «Материальные и нравственные силы последнего народа, – пишет он, – были недостаточны для того, чтобы занять независимое положение между двумя противоположными течениями (римским и византийским – *М.В.*): он должен был распасться на две части: восточную – сербскую и западную – хорватскую. Это распадение совершилось очень рано: его зародыши существовали еще в X веке...»¹².

По мнению Будиловича, после заключения с венграми личной унии, Хорватское королевство сохраняло самостоятельность лишь на бумаге, пользуясь только некоторыми свободами в делах внутреннего управления, а сами хорваты «усердно служили интересам и целям» Венгерского королевства. Автор пытается представить хорватов усердными исполнителями воли или венгров, или Габсбургов, но особенно Рима, которому «удалось разогреть в хорватах религиозный фанатизм и утвердить в них, подобно как в поляках, мысль, что единственная историческая задача их состоит в защите христианской, или, вернее, латинской Европы от восточных схизматиков и неверных»¹³.

Дав такую нелестную характеристику хорватам, изобразив их прислужниками Запада (к которым, по его мнению, и на самом Западе относились пренебрежительно), Будилович отмечает, что в хорватской истории был лишь один случай протеста против своих «хозяев», точнее, против Габсбургов – заговор Зринских-Франкопана. И даже оценивая положительно само стремление к борьбе против Габсбургов, славист считает, что, к примеру, Петр Зринский

не обладал теми способностями, которые необходимы вождю антигабсбургского движения.

Впрочем, несмотря на то, что Будилович назвал эти события второй половиной XVII в. едва ли не единственным достойным эпизодом хорватской истории, он впоследствии сам себе противоречил, повествуя о событиях новейшей для него истории – об участии хорватов в революции 1848–1849 гг. в статье «О значении угорского похода 1848 г. для австро-угорских народов». Для автора представляет особую важность то, что именно «сербы и хорваты положили начало вооруженному протесту против мадьяризаторских притязаний Кошута и его партизан» (к самим венграм Будилович относится более чем пренебрежительно, называя их «мелкой финской народностью» с «манией мнимого величия»)¹⁴. Он подчеркивает роль бана Елачича, который был «действенным соратником русских войск» во время их похода в Венгрию в 1849 г. Будилович считает, что положение хорватов после окончания революции улучшилось, т.к. для них «был сохранен особый бан, поставленный во главе автономных учреждений, в лице сначала Елачича, а после известного хорватского поэта Мажуранича»¹⁵. Пожалуй, в этой статье отношении Будиловича к хорватам, как к союзникам русских войск и участниками подавления революции, наиболее позитивное – видимо, на контрасте с венграми, которых он пренебрежительно называл «мелкой финской народностью».

Еще одним исследователем славянства, работавшим в Нежинском институте, был Роман Федорович Брандт (1853–1920), историк литературы, поэт и переводчик. Хотя сферой его интересов было в основном языкознание, но первым его научным трудом стало литературоведческое исследование, посвященное поэме «Осман» дубровницкого поэта Ивана Гундулича, опубликованное в 1879 г. «Разбор» Брандта получился весьма подробным и обстоятельным: он привел все сведения о самом Гундуличе, об исторических событиях, описанных в поэме (речь идет о Хотинской битве, произошедшей в 1621 г. между войсками польского короля Владислава IV и турецкого султана Османа II) не просто изложил содержание по главам, исторической и эстетической точек зрения, но и высказал ценные замечания географического и этнографического характера. Отдельную главу автор посвятил «панславистским идеям» Гундулича. Брандт, впрочем, отмечает, что Гундулича нельзя назвать «политическим панславистом», т.к. он не мечтал о союзе славян и объединении их в одном государстве. «...Поэт из славянских племен говорит только о сербах, болгарях, поляках и русских, причем на последних не только не возлагается никаких упований, но даже, в числе Владиславовых подвигов, восхваляется победа его над этим соплеменным царством (курсив мой – М.В.)»¹⁶. Достаточно смелое заявление исследователя, который решился на то, чтобы написать (причем, «без гнева и пристрастия») не об отсутствии русофильских настроений в поэме Гундулича, но и о восхвалении противника России, Владислава IV, игравшего не последнюю роль в событиях Смутного времени. Впрочем, это не отменяет того факта, что Брандт пытался найти панславистские идеи там, где их просто не было, и противоречил, таким образом, самому себе. Тем

не менее, работа Брандта представляет собой исследование, позволяющее оценить произведение Гундулича как с эстетической, так и с исторической точки зрения.

Одним из крупнейших отечественных славистов, чья деятельность пришла уже на последнюю треть XIX – начало XX вв., был Тимофей Дмитриевич Флоринский (1854–1919), большую часть жизни проработавший в Киевском университете, деканом историко-филологического факультета которого он являлся. Интересовался он в основном историей славяно-византийских отношений, которым посвятил свою магистерскую диссертацию, но известны и его труды по славянскому языкознанию (Флоринский, согласно уставу факультета, должен был читать и лингвистические курсы). Две его работы – «Лекции по славянскому языкознанию» и особенно «История сербо-хорватской литературы» – представляют для нас особый интерес, поскольку именно в них ученый затрагивает хорватскую тематику. Следует, правда, отметить, что эти труды в целом носят компилятивный и фактологический характер, что, впрочем, объясняется целью их создания – для Флоринского написание и издание этих лекций было скорее необходимым условием преподавательской деятельности, чем желанием исследовать конкретную хорватскую проблематику, которая в них занимает пусть не последнее, но далеко не первое место. Следует, впрочем, упомянуть небольшую заметку киевского слависта «Рабство и торговля рабами в Дубровнике по данным статута 1272 г. и его продолжений», которая все же свидетельствует о его интересе к отдельным эпизодам хорватской истории.

Флоринский придерживался стандартного для большинства русских славистов воззрения на сербов и хорватов как на один народ. Вот что он пишет: «Сербо-хорватский народ разделин не только в политическом отношении, но и культурном. Одна часть его (большая) принадлежит православному миру, другая – католическому, третья исповедует магометанство. В одних частях сербо-хорватской территории господствует западная образованность, в других – славянская первобытная простота, в третьих заметно турецкое влияние... Но все они говорят одним языком... Язык этот удобнее назвать сербо-хорватским, так как наименования *сербов* и *хорватов* служат общеупотребительными обозначениями всего народа, первое – восточной его части, второе – западной»¹⁷. Помимо выделения в третью ветвь сербо-хорватского народа мусульман, ничего нового киевский славист в понимание этнических различий между сербами и хорватами не внес.

Что касается собственно литературных достижений хорватов, то Флоринский первоочередное внимание уделяет, конечно же, далматинско-дубровницкой литературе. Славист показывает хорошее знание трудов своих предшественников, занимавшихся этой тематикой, – В.И. Ламанского, П.А. Кулаковского, В.В. Макушева, В.В. Качановского, Р.Ф. Брандта, а также хорватских изданий, таких, как, например, «Архив славянской филологии» И.В. Ягича. Интересна характеристика, которую Флоринский дает Дубровнику: «Это не славянский город, однако развитие в нем богатой литературы на народном славянском

языке указывает, насколько в нем была сильна славянская стихия»¹⁸. Примечательно то, что Флоринский едва ли не первый среди отечественных исследователей (пусть и косвенным образом, основываясь на конкретном примере), признает, что дубровницкие поэты принадлежат хорватской литературе. Упомянув о М. Маруличе и его ранних трудах, написанных на латинском языке, он отмечает: «...не эти труды составили славу Марулича, не это главная его заслуга в области хорватской литературы (курсив мой – М.В.). Он первый из далматинских писателей обратился к народному языку, и сохранилось довольно много его произведений на родном языке...»¹⁹. Впрочем, это единственная ремарка такого рода, и в последующих лекциях автор будет высказывать едва ли не противоположные суждения.

Помимо Марулича, ученый особо выделяет Гундулича за поэму «Осман». Флоринский, как и Брандт, акцентирует внимание на идее славянского объединения, которая не просто присутствует в поэме, но и является объединяющей в произведении. Только киевский славист, в отличие от Брандта, усмотрел выражение этой объединительной идеи в описании турецких зверств, повествуя о которых автор как бы призывает к единому славянскому отпору притеснителям²⁰. Таких неосторожностей, как упоминание об отношениях короля Владислава с Россией, заставляющих усомниться в панславистских воззрениях Гундулича, Флоринский себе не позволяет.

Помимо литературы Дубровника, киевский исследователь интересовался и социально-экономической стороной жизни этой, по его выражению, «полуславянской-полуитальянской» республики. В уже упомянутой заметке о дубровницком статуте 1272 г., автор осуждает превращение города в один из главных рынков торговли живым товаром на Адриатике²¹.

Возвращаясь к хорватской литературе, отметим, что в лекциях, посвященных илирийскому движению, автор выказывает несколько большую заинтересованность в излагаемом предмете, т.е. не просто приводит фактический материал, но и дает ему свою оценку. Исследователь отмечает, что хорваты до начала XIX в. не показали ничего замечательного в литературном плане, а «дубровницкое движение нашло у них только слабый отголосок»²², что в какой-то степени противоречит его же высказыванию о Маруличе как о хорватском поэте. Что касается самого илиризма, то Флоринский рассматривал его прежде всего как явление не просто югославянского, а общеславянского характера, а не только чисто хорватского: «Значение илиризма... состоит в том, что эта историческо-литературная теория вносила или пыталась внести известную поправку в историческую жизнь славян, сложившуюся так неправильно, вследствие коренного их недостатка – отсутствие стремления к объединению...»²³. Кроме того, он считает, что принятие илирами «сербского языка» было вызвано обстоятельствами политического и религиозного характера²⁴, правда, не уточняя, какими именно. И если под политическими обстоятельствами можно понимать желание лидеров илиров привлечь на свою сторону словенцев и сербов, то какого рода религиозные обстоятельства способствовали принятию штокавского диалекта, остается непонятным. Инте-

ресно, что, повествуя об иллирах и иллиризме, Флоринский ссылается на работу П.А. Кулаковского²⁵, посвященной данной тематике, рекомендуя ее своим читателям, что неудивительно – взгляды Флоринского и Кулаковского на иллирийское движение во многом схожи, к примеру, в вопросе об объединительном характере этого движения. Правда, если Кулаковский видел в иллиризме одну из первых попыток в основном югославянского (сербо-хорватского) сближения, то Флоринский придавал иллирской идее более широкое, общеславянское значение.

Впрочем, киевский славист не отрицал, что иллиризм был не только объединительной, но и национальной идеей, имевшей и общехорватское значение. Он упоминает об этом в своей речи «Западные славяне в начале и конце XIX столетия», произнесенной им в 1894 г. в Киевском славянском благотворительном обществе. Хотя в его общей характеристике хорватов и присутствуют спорные утверждения (к примеру о том, что после заключения унии с венграми хорваты «ничем не заявляют о своем существовании в национальном отношении»²⁶), он связывает между собой появление иллирийского движения и пробуждение у хорватов национального чувства. Более того, Флоринский восхищается тем, какие «удивительные успехи сделала эта ветвь южного славянства в борьбе за национальные права»²⁷. Интересно и следующее: хорватов исследователь называет *соседями сербов, близких к ним по языку, но разделенных религией и культурой*²⁸. То есть, речь идет уже не о «сербо-хорватском племени», не о «сербах» и «хорватах» как о двух наименованиях одного народа, а о соседних, т.е. хотя и родственных, но отдельных народах. Этот факт в очередной раз подтверждает противоречивость суждений Флоринского о хорватах, но свидетельствует и том, что к концу XIX в. в отечественной славистике все чаще стало встречаться восприятие хорватов как отдельного народа, хотя и родственного сербам, но не составляющего один «народ», разделяемый культурными и религиозными противоречиями.

Таким образом, можно сказать, что в работах ученых-представителей как Киевского университета, так и Нежинского историко-филологического института, хорватская тема занимала определенное место. Исследователи расходились во взглядах на некоторые вопросы: если Будилович считал далматинско-дубровницкую литературу «отрывочным эпизодом» и критиковал ее за подражательность, то Флоринский, напротив, высоко оценивал творчество поэтов далматинского Возрождения, особо подчеркивая заслуги М. Марулича и И. Гундулича перед хорватской литературой. Объединяло исследователей стремление найти в творчестве как дубровницких поэтов, так и, например, деятелей иллирийского возрождения идею югославянского и общеславянского объединения. Еще одна общая черта, свойственная всем трем ученым – отсутствие единообразия в терминологии, когда речь идет об этнонимах «серб» и «хорват». Это встречалось у всех отечественных славистов XIX в., то писавших о сербах и хорватах как об одном народе, то выделявших хорватов на общем югославянском фоне. Работы исследователей объединяют и критические высказывания в адрес хорватов за их прозападную ориентацию и «рели-

гиозный фанатизм». В то же время ученые отмечали заслуги хорватского народа в культурном и отчасти политическом отношении, высоко оценивая их борьбу за национальные права. Несмотря на некоторую противоречивость, свойственную работам малороссийских славистов о Хорватии, и Будилович, и Брандт, и Флоринский внесли заметный вклад в развитие отечественной кротики.

Примечания

- ¹ Дольше, чем в Нежинском институте, Будилович работал в Варшавском университете (1881–1892), но там он числился на кафедре русского и церковнославянского языков.
- ² См., например: Будилович А.С. Славянская библиография за 1868 год // Журнал министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). Ч. CXLIII. 1868. №5–6. С. 419–436; *Он же*. Славянская библиография // ЖМНП. Ч. CLVII. 1871. №9–10. С. 352–378.
- ³ *Он же*. Славянские матицы и ученые дружства // ЖМНП. Ч. CXXI. 1869. №12. С. 470.
- ⁴ *Он же*. Сербо-хорватская литература // Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей. СПб., 1871. С. 223.
- ⁵ *Он же*. Сербо-хорватская литература... С. 223.
- ⁶ Там же. С. 225.
- ⁷ Там же. С. 227.
- ⁸ Там же. С. 232.
- ⁹ *Он же*. Иероним Каваньин, полузабытый далматинский панславист начала XVIII века // Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883. С. 160–162.
- ¹⁰ Там же. С. 170.
- ¹¹ Там же. С. 175.
- ¹² *Он же*. Заговор графов Петра Зринского и Франца Франкопана. Эпизод из хорватской истории // Известия историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Т. IV. Вып. I. Киев, 1879. С. 1.
- ¹³ Там же. С. 2.
- ¹⁴ *Он же*. О значении угорского похода 1848 г. для австро-угорских народов // Русская беседа. 1895. № 12. С. 148, 150.
- ¹⁵ Там же. С. 148.
- ¹⁶ Брандт Р.Ф. Историко-литературный разбор поэмы Ивана Гундулича «Осман» // Известия историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Т. IV. Вып. I. Киев, 1879. С. 73.
- ¹⁷ Флоринский Т.Д. Лекции по славянскому языкознанию. Часть I. Киев, 1895. С. 219.
- ¹⁸ *Он же*. История сербо-хорватской литературы. Киев, 1909. С. 27.
- ¹⁹ Там же. С. 30.
- ²⁰ Там же. С. 41.
- ²¹ *Он же*. Рабство и торговля рабами в Дубровнике по данным статута 1272 г. и его продолжений. Киев, 1910. С. 5.
- ²² Флоринский Т.Д. История сербо-хорватской литературы... С. 55.
- ²³ Там же. С. 58.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Кулаковский П.А. Иллиризм: исследование по истории хорватского национального возрождения. Варшава, 1894.
- ²⁶ Флоринский Т.Д. Западные славяне в начале и конце XIX столетия. Киев, 1895. С. 8.
- ²⁷ Там же. С. 9.
- ²⁸ Там же. С. 8.

Юбилей Ярославы Яначковой

Abstract:**Budagova L.N.** *The anniversary of Yaroslava Yanachkova*

In the article is shortly illuminated the life and activity of the known czech literature expert professor J.Janachkova, the author of works on the Czech literature, researcher of the creation of A.Irasek, J.Arbes, B.Nemtsova, G.Prejssova and others, standing out for the returning back to science on literature of the attention to the writers personality and of the synthesis of a different approaches to material.

Ключевые слова: Богемистика Ярослава Яначкова исследования чешской литературы XIX в. научно-педагогическая деятельность книга о Б. Немцовой поворот к личности автора

15 декабря минувшего 2010 г. в Праге, в старинном зале заседаний главного здания Национального музея, что венчает Вацлавскую площадь, состоялось чествование замечательного ученого, ведущего специалиста по истории чешской литературы XIX – XX вв., профессора Карлова университета, сотрудника Института чешской литературы Академии наук Чехии, Ярославы Яначковой. Организаторами «встречи», как скромно было названо это торжество, выступили Матица чешская, Общество и Библиотека прославленного музея. Гостями – «коллеги, друзья, сотрудники и ученики» Я. Яначковой. Их круг, разумеется, шире числа собравшихся в тот зимний вечер в конференц-зале музея. Он выходит далеко за пределы родины юбиляра, охватывая и российских богемистов. Профессор Я. Яначкова – автор трудов, мимо которых не может пройти ни один из историков чешской литературы. К тому же, высокий профессионализм сочетается в этом человеке с прекрасными душевными качествами, что всегда ценилось и ценится в любой научной среде.

Ярослава Яначкова (до замужества Мусилова), дочь крестьянина., появилась на свет 24 ноября 1930 г. в местечке Гавличкова Борова, где за сто с небольшим лет до нее родился Карел Гавличек Боровский. В 1989 г. место это удостоится сборника «Семь столетий Гавличковой Боровой», где примет участие и она, землячка знаменитого сатирика.

В студенческие годы Я. Яначкова изучала чешскую и русскую словесность. Дипломную работу на философско-филологическом факультете Карлова университета посвятила «Художественному мастерству романа Терезы Новаковой “Драшар”» (1953). Ее научно-преподавательская деятельность была связана с Педагогическим институтом, кафедрой чешской и словацкой литературы; кафедрой эстетики и истории искусства Карлова университета, с Академией наук. Ученица Феликса Водички, мастерски применявшего структуралистские подходы к изучению истории литературы, она стала не только его соратницей, но и хранителем памяти об этом замечательном ученом, смещенном с поста директора Института чешской литературы в годы подавления «пражской весны».

Среди пострадавших в период «нормализации» оказалась и сама Я. Яначкова и ее супруг, историк Франтишек Яначек, и их дети – сын Павел и дочь Дора. Семья преодолела удары судьбы. После «бархатной революции» 1989 г., означавшей в том числе и смену идеологических ориентиров, именно Франтишек Яначек, как это ни парадоксально, сумел защитить Юлиуса Фучика, героя и жертву антифашистского Сопротивления, от дискредитации, которой подвергались кумиры ЧССР. Впрочем, здесь нет парадокса, а есть позиция ученого, руководимого не конъюнктурой, а стремлением к поискам и защите истины.

Ю. Фучик, тайком, в перерывах между допросами, писавший в фашистской тюрьме Панкрац «Репортаж с петлей на шее», вышедший после его казни и окончания войны, стал культовой фигурой в ЧССР, олицетворением героизма своего народа. Ян Верих в письме Густе Фучиковой от 14 декабря 1945 г. назвал это произведение «лучшей книгой военных лет»¹, собираясь обсудить с ней возможность его экранизации. А уже в 1960-е гг., в преддверьи «пражской весны» и после «бархатной революции» 1989 г. стали раздаваться голоса, ставившие под сомнение то подлинность «Репортажа...», то соответствие оригиналу его печатного варианта, якобы отредактированного и сокращенного в угоду идеализации автора, из которого «сделали героя», каковым он не был². Ф. Яначек, дабы развеять все сомнения в подлинности изданного «Репортажа» и героизме автора, осуществил в 1995 г. полную – без правки и купюр (кстати незначительных) – его публикацию³. В откликах говорилось, что книга разочарует как ярых антикоммунистов, так и ярых коммунистов. Первые увидели, что Фучик не предатель, а герой. На допросах он не молчал, но пускал гестапо по ложному следу, спасая жизнь тех, кому грозила опасность. Последним же не понравилось, что автор ни разу не упомянул ни Ленина, ни Сталина. В подготовке издания, имевшего научное и общественное значение, наряду с рядом известных литературоведов и лингвистов (А. Стихом, В. Мацурой, А. Гайковой и др.) принимала деятельное участие и проф. Я. Яначкова.

Ее имя – и в составе участников еще одного – первого факсимильного издания «Репортажа с петлей на шее» (2008)⁴, осуществленного по стопам, но уже после кончины ее супруга.

Основная сфера интересов Я. Яначковой – чешская проза XIX века, которую она с успехом выводит из тени поэзии, признанного лидера чешской изящной словесности. На ее счету – монографии «Чешский роман конца XIX в.» (1967), «Романетто Арбеса» (1975), «Якуб Арбес – журналист» (1987), «Алоис Ирасек» (1987), которой предшествовала книга «Живые истоки. Возникновение эпопеи Ирасека "У нас"» (1980), где анализ сочетается с публикацией материалов, на которые опирался прозаик. Нельзя не назвать и труд «Роман между модернами. Очерки об исторической поэтике» (1989). Открытие Я. Яначковой такой особенности развития чешской прозы, как возникновение в ней переходных жанров («реалистической идиллии, идиллической эпопеи, импрессионистического романа»), соединивших в себе традиционные начала с новыми формальными достижениями, равно как и ее внимание к проблеме

отношения человека к окружающему миру, что с одной стороны сказывается на степени активности творческого субъекта, а с другой на эволюции романых персонажей, – относятся к общепризнанным достоинствам работ Я. Яначковой, вошедшим в энциклопедию⁵.

Ее учебник «Чешская литература 19 века. От Махи до Бржезины» (1994), говорит о широте кругозора автора. Поэзия, как и другие литературные жанры близка Я. Яначковой не меньше, чем проза, выходить за пределы которой к тому же требует и педагогическая деятельность, которую вела и ведет Я. Яначкова. Вышеназванный труд – ее естественная «производная». Такого типа публикация – не одна на ее счету. Профессор Я. Яначкова – автор целого раздела объемной, более чем в тысячу страниц, книги «Чешская литература от истоков до сегодняшнего дня» (1998), которая может считаться образцовым научно-педагогическим пособием как для средних школ и гимназий (там, где они есть), так и для гуманитарных факультетов и вузов. Написанная несколькими признанными специалистами (в числе авторов помимо Я. Яначковой – Ян Легар, Александр Стих, Иржи Голый), она сочетает объем необходимых сведений, добытых авторами в ходе своих и чужих исследований, указанных в библиографии, с прекрасно подобранным иллюстративным материалом – цитатами из литературных текстов, групповыми и индивидуальными портретами писателей, книжными иллюстрациями. Книгу с интересом и пользой для себя прочтет и богемист (научный сотрудник, преподаватель, издатель, переводчик чешской литературы), и каждый, кто ею интересуется.

Одна из недавних работ Я. Яначковой – книга «Божена Немцова. События – ситуации – портреты» (2007). В ней автор обращается к литературной культуре периода баховского абсолютизма и принадлежности Б. Немцовой к литературному кружку известного либерала Йозефа Вацлава Фрича, затрагивает ее связи с творчеством современников (Жорж Санд, Адальберта Штифтера), с фольклором, по преимуществу словацким, анализирует личную переписку Немцовой. Исследовательница рассматривает ее как особый вид текста – промежуточного между сообщением и литературным творчеством, использующим культурные коды эпохи. Она показывает, « что даже в обсуждении на первый взгляд сугубо личных делах, как, скажем, выбор жениха или ссора с приятельницей, у Б. Немцовой и других творчески активных лиц из ее окружения, проступает неизгладимый фон эпохи» (Из аннотации к книге).

Внимание к творчеству Б. Немцовой и других писательниц из ее современников и потомков, в частности, к наследию Габриелы Прейсовой, которой проф. Яначкова занимается в последнее время, – не дает никаких основания связывать ее с модой на исследование «гендерной литературы», категории, во многом надуманной, извлекающей из всего комплекса подходов к искусству подход по половому признаку, что девальвирует нашу науку ориентацией на нечто малосущественное. Так и хочется сравнить это направление с тупиковой колеей, готовой заржаветь и зарости сорняком, едва ее проложили...

Тему «гендерности» мы с пани Ярославой не обсуждали. Намеков на нее в ее работах не заметила. Могу лишь предположить, что ей близка позиция не

фанатов модных веяний, а мудрой Дины Рубиной, которая считает, что нет ни женской, ни мужской литературы, а есть литература хорошая или плохая. Пани Яначкова занимается хорошей литературой, (которую создавали обе половины человечества). Она ищет в ней белые пятна, выбирает новые аспекты, высказываясь по поводу достаточно или мало изученных проблем, когда ей есть, что сказать. Функцию упомянутой книги о Б. Немцовой трудно переоценить в современной ситуации. Она знаменует возвращение в науку о литературе творческой личности, вытеснявшейся отсюда семиотикой, возвращение фигуры автора, как физического субъекта, человека из плоти и крови, стоящего вне текста, но оставляющего свою печать в «каждой фразе и каждом слове каждого произведения» (Т. Гланц)⁶. «Хорошо осознавая проблемы, связанные с поиском автора "до" и "после" его творения, мы тем не менее не можем не признать наступивший сегодня определенный поворот в этой области. Нахлебавшись недавнего научного скептицизма, мы вновь ищем путь к автору, как определяющей инстанции литературного процесса», – пишет Я. Яначкова, выражая готовность искать путь к личности и в мир Божены Немцовой сквозь призму «событий, ситуаций, портретов», оживших в ее книге⁷.

Высокий профессионализм и исследовательская глубина видны из научных публикаций Я. Яначковой. Редкие душевные качества раскрываются в непосредственном общении с ней. Их много, но не могу не оценить ее доброжелательность, внимание к людям, щедрость на похвалу душевно близким ей коллегам, друзьям, ученикам. А ведь она, редкая гостыя в научной среде, может быть, для человека важнее, чем критика недостатков (хотя и без нее не обойтись). «Настоящее чудо», – так могла сказать о своей ученице из Болгарии, наверное, только Ярослава Яначкова. «Пусть приезжает, сделаю для нее все», – ее слова в адрес российской словакистки. А каким эпистолярным вниманием, приглашением на конференции в качестве самых желанных гостей, передачей в Москву небольших (чтобы не затруднять посылного) коробочек конфет была окружена на моих глазах ее русская подруга и соратница по изучению литературы XIX в Анна Петровна Соловьева. В годы «нормализации», когда семья Яначковых попала в немилость, «наша Ася» оставалась их верным другом, наносила визиты, поддерживала морально. И никто иной, как профессор Яначкова с теплотой откликнулась в нужное время на круглый юбилей А. П. Соловьевой в журнале «Чешская литература»...

Ярослава и Франтишек Яначковы вырастили прекрасных детей. Дочь Зора проявила себя талантливым прозаиком. Сын Павел пошел по стопам родителей, став при этом не только ученым, но и организатором науки. На третьем Международном съезде литературоведческой богемистики (июнь-июль 2005 г.) работая в руководимой им секции, посвященной Божене Немцовой, я, зная до тех пор лишь его научные работы, обратила внимание на блестящие организаторские способности молодого Яначека и предсказала ему высокий административный пост. И, представьте, не ошиблась. Летом 2010 г., на четвертом Съезде названного выше форума, когда пришла пора сложить с себя полномочия директора Института чешской литературой Павлу Яноушеку, воз-

главлявшему его много лет, новым директором был избран опять Павел, только уже Яначек. Думаю, что это стало самым дорогим подарком к юбилею Ярославы Яначковой.

Вижу в этом и восстановление исторической справедливости по отношению к людям, пострадавшим в смутные годы «нормализации».

Профессор Я. Яначкова, помимо научной, педагогической активно занимается и популяризаторской деятельностью, разъезжая своим ходом, на поездах и автобусах по республике, оппонировав диссертации, читая лекции о героях и героинях своих исследований. Одна из мне известных ее поездок состоялась зимой прошлого года в Пардубицы, откуда путешественница вернулась со знаменитым пардубицким remíket (пряником) невиданной красоты в подарок друзьям.

«Наша пани Божена Немцова», – так называли прославленного классика чешской литературы потомки. Мне хотелось бы воспользоваться этой сердечной и уважительной формулой применительно к нашей современнице – классике чешского литературоведения, пожелав многая лета «нашей пани Ярославе Яначковой».

Примечания

¹ Цит. по: Julius Fučík. Reportáž, psaná na oprátce. První vydání faksimile rukopisu. Praha, 2008. S.344.

² См подробнее: Л.Н. Будагова. Литературы западных и южных славян в годы Второй мировой войны. О некоторых новых подходах к проблеме // Опыт истории – опыт литературы. Вторая мировая война. Центральная и Юго-Восточная Европа. Москва, Наука. Сс.10-12.

³ Julius Fučík. Reportáž, psaná na oprátce. První úplné, kritické a komentované vydání. Praha, 1995.

⁴ См. Сноску 1.

⁵ См.: Jedličková Alicc. Janáčková Jaroslava // Slovník českých spisovatelů od roku 1945. Díl I. Praha 1995. Ss.320-321.

⁶ Цит по: Jaroslava Janáčková. Božena Němcová. Příběhy – Situace – Obrazy. Praha, Academie, 2007. S.17

⁷ Jaroslava Janáčková. Božena Němcová. Příběhy – Situace – Obrazy. Ss.17, 18.

III. Актуальные проблемы истории славян

Иоанн-Аурел Поп
(Румыния)

Восприятие восточно-христианского мира трансильванскими румынами в XVII–XVIII вв.

Abstract:

Pop John-Aurel. *Perception of the Eastern Christendom by Transylvanian Romanians in XVII-XVIII centuries.*

This article discusses the issue of perception of the Eastern Christian (Orthodox) world by Transylvanian Romanians. It is known from various sources that population of the Romanian principalities in the Middle Ages used Church Slavonic as the language of religion and culture, which was dictated by the Orthodox faith. The “Eastern” spirit preserved due to the Orthodoxy and Slavic cultural influences coexisted with the Latin origin of the Romanian language and memory of the first Rome. Thus, the Latin West and the Byzantine-Slavic East converged and intersected in this vast territory inhabited by Romanians.

In the 17th and 18th centuries, due to the Ottoman conquest and strengthening of the Russian Empire, the focus of religious attention shifted from Constantinople to Moscow that started to be perceived as a new “Tsargrad”. In addition, Romanians admired Russians not only for their patronage of Orthodoxy, but also for their military valour demonstrated in battles with the Ottoman Empire and the fact that they managed to win autonomy for the Romanian principalities.

Ключевые слова: Румыния, православие, Россия, XVII в., XVIII в., Трансильвания, Валахия, Молдова, Шкий, летопись.

Свидетельства, обнаруженные в последние десятилетия и подкрепленные более ранними данными, несомненно, указывают на то, что румыны Трансильвании (подобно румынам Валахии и Молдовы) в Средние века использовали в качестве языка религии и культуры церковнославянский язык, что было обусловлено их православной верой. Вообще христианский мир Востока во всем его многообразии ценился и пользовался уважением в среде румынской княжеской элиты, которая в XIII–XV вв. украшала свои церкви византийской живописью с соответствующими надписями на кириллице, а также делала кириллические записи на церковнославянском языке на обратной стороне жалованных грамот, составленных на латыни и выдававшихся католическими правителями Венгрии. Весь этот восточно-христианский дух, который сохранялся благодаря православию и славянскому культурному влиянию, сосуществовал с латинским происхождением румынского языка и памятью о Первом Риме, с романским сознанием в определенных слоях средневекового румынского населения, с западным – венгерским и германским (саксонским) – культурным влиянием. Таким образом, латинский Запад

и византийско-славянский Восток сходились и пересекались на том большом пространстве, где жили румыны¹.

В качестве представителя «истинного» христианского мира в средневековой Трансильвании в более узком смысле воспринималась местная церковь (а также церкви двух румынских княжеств за пределами Карпат – т.е. Валашского и Молдавского), а в более широком смысле – Константинопольская патриархия, включая подчиненные ей болгарские и сербские православные центры на Балканах. И только в третью очередь – далекая Россия. Еще в XIV в. митрополит Валахии носил также титул «экзарха всех земель и всей Венгрии», это свидетельствовало о том, что православные Трансильвании и Венгрии подчинялись митрополиту Арджеша (хотя бы с точки зрения Константинопольской патриархии). Как бы там ни было, в качестве важнейшего христианского центра православными Трансильвании воспринималась патриархия «Царьграда». В самой Трансильвании связь с «Царьградом» символизировал монастырь Перии в Марамуреше, в 1391 г. поднятый в своем статусе до ставропигиального. Завоевание Балканского полуострова османами и в особенности то, что Византийская империя оказалась в 1453 г. «в руках язычников» (факт, осмыслявшийся в массовом сознании в течение нескольких столетий), постепенно изменили эту иерархию и ее восприятие. С покорением султанами греков, болгар и сербов в румынском сознании рождается идея «Византийской империи после Византии», о которой с такой пронизательностью говорил и писал великий историк Николае Йорга. Некоторые правители, особенно в XV–XVII вв., – от Стефана III Великого и Нягое Басараба до Василия Лупу и Константина Брынковяну – периодически приходили к мысли, что румынские княжества теперь сами стали новой Византийской империей, продолжательницей давней восточной империи, и в то время как одни правители называли себя «царями», другие считали, что они «обладают более императорским, нежели господарским духом». Однако новым «Царьградом» в конце концов, постепенно, но все яснее для многих, стала видеться Москва (и Россия в целом), носительница православной веры, сильная, далекая и чудесная, нетронутая «жестокими турками», противостоящая католицизму и «новым ересям», в частности протестантизму.

С XVII в. Россия в глазах румын становится оплотом незыблемой веры, старого, традиционного и неискаженного «закона», силы для противостояния атакам врагов. Этот статус, приданный России в массовом воображении, порождает и надежду на помощь, духовную и материальную поддержку для борьбы с этим натиском чужеродного. Румыны Трансильвании имели собственную церковь в ранге митрополии, упоминаемую с XVI в. (см. Антонио Поссевино)². Центр этой митрополии – по настоянию Михая Храброго и с согласия князя Трансильвании находившейся с 1595 г. в канонической зависимости от Митрополии румынских княжеств – располагался в столице княжества, Алба-Юлии. Православную церковь трансильванских румын, как и румынскую нацию, официально не признавали, а только лишь принимали (терпели), пока с этим были согласны жители и князя (*usque ad beneplacitum regnicolarum et*

principum). Кроме того, румыны и их церковь подвергались сначала давлению католицизма, а затем, с середины XVI в., протестантских конфессий (особенно кальвинизма). Им даже навязывалась кальвинистская иерархия, некоторые из митрополитов и епископов стали кальвинистскими церковнослужителями. Притеснение продолжилось и в XVII в., когда все князья Трансильвании (до 1691 г.) были венграми-протестантами, страстно желающими сделать кальвинизм доминирующей или даже единственной религией³.

Один из этих князей – Габор Бетлен (правил в 1613-1629), для которого кальвинизм продолжал оставаться реальной силой, способной гомогенизировать его страну, где большая часть местного населения исповедовала православие. Страдая от давления со стороны княжеского двора, румынский (трансильванский) митрополит Геннадий в 1629 г. просил русского царя принять и облагодетельствовать трех монахов из монастыря Прислопа. Формула обращения была следующей: «Возлюбленный Христа, хранимый Богом и освещенный отцом небесным, коронованный небесным венцом, который сияет перед ликом солнца, оплот незапятнанной православной веры...»⁴. Просьба заключалась в оказании материальной помощи, «чтобы мы могли выкупить святой монастырь из рук венгров». Похожая формула обращения, использованная через несколько лет митрополитом Геннадием и в адрес господаря Валахии Матая Басараба, была «найдена, без сомнения, в какой-нибудь старой церковной книге, где обращались к какому-то византийскому императору»⁵. Этот текст иллюстрирует непрерывность Великой церкви и постепенное смещение надежд от Нового Рима Константина Великого к Новому Царьграду, где теперь правил «непоколебимый столп Господних церквей». Страх и опасения гонений на румынские церкви Трансильвании, о чем говорилось в письме, вовсе не были преувеличенными, если вспомнить известное письмо, написанное в том же 1629 г. константинопольским патриархом Кириллом Лукарисом и адресованное трансильванскому князю Габору Бетлену. Из этого письма видно явное намерение венгерского князя обратить всех румын Трансильвании в кальвинизм через переманивание на свою сторону в первую очередь митрополита Геннадия, для усиления сплоченности страны и достижения большей преданности подданных. Константинопольский патриарх, естественно, не был согласен с переходом трансильванских румын в кальвинизм, но не мог этому противостоять иначе как силой духа, не имея, с одной стороны, других средств для этого противостояния, а с другой – отвергая насилие в принципе, как церковный служитель. Однако патриарх, как явствует из письма, не верит в возможность исполнения этого стремления князя Бетлена по многим причинам: во-первых, говорит Лукарис, сами румыны, тесно связанные с восточной верой, не примут кальвинизацию, а кроме того за трансильванских румын вступятся господари Валахии и Молдовы, потому что румыны всех княжеств держатся вместе⁶.

К сожалению, остановить атаки на церковь было сложно, поскольку ресурсов для этого у трансильванских румын практически не было. Господари Валахии и Молдовы действительно вмешались, но только в форме моральной

поддержки, религиозных даров и, редко, путем предоставления денежных сумм на содержание церкви. То же самое случилось накануне 1700 г., когда румынская церковь Трансильвании была объединена с Римской церковью. В подобных условиях обращение к великому Московскому царству было объяснимо и правомерно. Таким образом, как известно, несколько делегаций от трансильванской церкви, возглавляемых порой непосредственно митрополитами, наряду с другими делегациями, представлявшими митрополии с юга и особенно с востока от Карпат, отправились в Россию, прося о материальной поддержке, денежной помощи, помощи в ремонте, строительстве и поддержании церквей и монастырей. Много раз визиты завершались всего лишь обменом дарами, как это было, например, в мае 1668 г., когда митрополит Савва Бранкович из «Белого града в Ардяле» преподнес «великому государю, царю и великому князю» Алексею Михайловичу «святой лик Троицы, с серебряным окладом, деревянный крест, обрамленный серебром и бриллиантами, панагию, вырезанную из кипариса, с окладом из золота, драгоценных камней и рубинов, а также два кедровых креста», получив взамен «чашу из позолоченного серебра с крышкой», сундук из восточного шелка, а также «сорок соболей, денег 30 рублей»⁷. Румынские делегации добились успеха в XVIII в., когда определили, какие действия могут оказать поддержку трансильванскому православию⁸.

Все это влияло на коллективное сознание, что подтверждают хроники и другие свидетельства эпохи. В этом смысле показательны брашовские хроники⁹, в которых отражены идеи и идеалы городского румынского сообщества (наиболее процветающего сообщества Трансильвании), развивавшегося в соседстве с саксами и имевшего высокий уровень культурной жизни. Здесь, при церкви Св. Николая, процветали архив и библиотека, школа писарей и переводчиков, а также первая румынская школа (в которой преподавали и писали на румынском языке еще с XVI в.) во всех трех княжествах. И здесь же, в Брашове, появилась румынская печать (около 1550 г.) и современная румыноязычная историография Трансильвании, включавшая в себя десятки хроник и записей о прошлом, собиравшихся с XVII до начала XIX в.¹⁰

Румынский Брашов (Шкей) являет собой уникальный случай сообщества, открытого внешнему опыту, обращенного в равной мере к юго-восточному миру и к Западной Европе, но при этом верно хранящего традиции и, в некоторых отношениях, замкнутого в себе. Брашовские румыны не только противостояли натиску Реформации, в ее лютеранском и кальвинистском проявлении, но и остались оплотом православия, отказавшись с самого начала от унии с Римом. Поэтому восточный православный мир вызывал в этой среде особый интерес, а картина этого мира отражалась в общественном сознании. Брашовцы знали о России не только понаслышке и из книг, но и от своих священников, поскольку поп Опря посещал Москву в 1690-1691 гг., священник Киприан в 1694 г., а протопоп Василе Хобан в 1697 г., когда передал прошение царю Петру Великому и письмо с выражением большой признательности от сообщества Шкей¹¹. В XVIII в. брашовское духовенство и миряне продолжили

приезжать в Россию: братья Теодор Корбя (стал «великим писарем и канцлером всемогущей московской империи») и Давид Корбя (гонимец), Влад Мэлэеску (стал секретарем сербского митрополита в Сремских Карловцах, приехал в Россию в 1718 г.), протопоп Евстратий Грид, находившийся в Петербурге и других русских городах в 1743–1744 гг. и вернувшийся домой с суммой в 13 000 флоринов, пущенных на ремонт церкви и башни с часами¹². На фронтисписе церкви затем была сделана памятная надпись золотыми буквами на латыни: «Эта святая обитель была отремонтирована в 1751 г. на благочестивое пожертвование Елизаветы Петровны, непобедимой императрицы, единственной правительницы вся Русии»¹³. Брашовская интеллигенция, некоторые представители которой учились в Киевской академии, обращалась к произведениям русской культуры. Например, псаломщик Раду Дума перевел на румынский язык и переработал труд Антония Катифороса «Жизнь Петра Великого», назвав его «История русского народа и жизнь Петра Великого, русского правителя, и его доблести» и дополнив данными из Лже-Николая Костина и Аксинте Урикарю. Рукопись Раду Дума, с акцентами на Полтавской битве, переписке Петра I с султаном Ахметом III и Прутском походе 1711 г., сохранилась в копиях Иоанна Зачиона (1783–1784) и Замфира Марку (1788) – оба они были из Брашова¹⁴. Кроме того, Раду Дума перевел и «Историю великого князя Дмитрия Донского», вошедшую в ряды литературы, описывающей борьбу с турками, очень популярной в те времена в Румынских княжествах¹⁵. Его же перу, вероятно, в сборнике «Кодекс Крецулеску» принадлежит содержательная глава под названием «История русской монархии и правления».

Таким образом, в брашовских хрониках появляются многочисленные сведения о России, визитах священнослужителей, русских завоеваниях и победах, и иногда даже портреты некоторых императоров. Так, «Хроника протопопа Василия» повествует: «В это время заботы и необходимость заставили попа Опря отправиться в Москву, в столицу. И, войдя в его положение, православный император Московский передал через попа Опря дары святой церкви»¹⁶.

О войнах в летописях писали подробно, потому что они нарушали обычный ход жизни и имели тяжелые последствия. Русско-австро-турецкая война 1736–1739 гг. описывается сквозь призму интегрирования некоторых элементов местной истории во всеобщую историю. Так, летописец указывает, что австрийцы «нарушили мирный договор» (подписанный в Пожареваце в 1718 г.) с турками и потеряли Белград, Крайову и «Рошаву», после чего снова заключили мир (в Белграде)¹⁷. На этом общем фоне «смуты» рассказывается, что «многие из бояр и купцов Валахии приехали в Брашов и оставались там до заключения мира из-за беспорядков в стране, большого количества ограблений и пролитой крови»¹⁸. В тоне повествования слышится неодобрение и сожаление летописцев по поводу этой «смуты», имевшей место на румынской земле, затруднявшей движение товаров и уносившей жизни людей. Летописцы подчеркивают, что в этих вооруженных противостояниях румыны не были пассивными, они присоединялись к христианам, как полководец Илие Бирд¹⁹ в войне 1736–1739 гг. или братья Мэгурень в войне 1768–1774 гг.

Военный конфликт, разгоревшийся далеко от Румынских княжеств (тоже в первой половине XVIII в.), о котором также повествуют летописи Шкея, – русско-шведская война (Великая Северная война) 1700–1721 гг. В «Кодексе Крецулеску» в связи с выступлением Петра I против Карла XII упоминаются «храбрость» шведского короля, который «ратился» (воевал) с «королем» Польши, Дании, с «курфюрстом» Бранденбурга и т.д., а также две крепости, взятые «шведами раньше, чем русскими». Упоминается битва 1700 г. при Нарве с участием 100-тысячных русских войск, «из которых 12 тысяч кадровых, остальные казаки». Однако сам Петр I не смог руководить сражением, говорит летописец, поскольку ему пришлось уехать из-за «мятежа» в Архангельске, и поэтому «шведский король» победил, напав на «русских» ночью. Затем прослеживается развитие военного конфликта в последующие годы, например, в 1702 г., когда у «шведов» закончился порох, они покинули поле битвы и попутно сожгли 14 сел. Летописец показывает и кульминацию войны: «После всего этого, в конце, состоялась Полтавская битва, на которой присутствовали сами Петр и король. И настолько ужасающим и грозным было сражение, что король был окончательно побежден, и ему не оставалось ничего другого как спасаться, и он скрылся с несколькими офицерами на территории Османской империи в Бендерах, в Молдавском княжестве...»²⁰. Рассказывается также о «рождении российской империи» в ходе завоевания татарских ханств: Казанского, Астраханского, Калмыцкого, Джунгарского, Сибирского и др., непокоренными оставались Крымское и Буджакское ханства, где господствовали турки. Но «в 1768 г. турецкий султан выступил на Россию и заключил мир, и это ханство перешло в зависимость от Российской империи»²¹. Потом были присоединены «другие государства, подчинившиеся России»: речь шла о территориях Закавказья, например, «Джурджул (Грузия), а также Туркестана вплоть до окраин Китайской империи. В летописях прослеживается рождение империи, как правило, с восхищением, потому что это означало укрепление «православной веры» и силы православия в целом.

В летописи рассказывается и о Семилетней войне (1756–1763), бывшей одним из самых масштабных военных конфликтов. Причиной ее названо следующее: «Поскольку король Пруссии усилил влияние своей страны, была заключена тайная коалиция Австрии, России, Франции, Саксонии и Швеции для военного выступления против пруссаков... Однако этот достойный король (Фридрих II – *И.-А.П.*), узнав о создании опасной для него коалиции, объединился с Англией, чтобы получить от нее поддержку...»²². Можно отметить эмоциональное вовлечение летописцев в описываемые ими события. Далее рассказывается о выступлении русских войск (по приказу Елизаветы Петровны) против Пруссии. Но летописец подчеркивает «большую разобщенность в русской армии», из-за чего пруссаки смогли нанести ей большой урон, несмотря на то, что «она завоевала всю Пруссию, то есть Восточную Пруссию, крепость Кольберг, Бранденбург». Смерть императрицы Елизаветы – «странное дело была столь скоростипажная смерть императрицы», говорится в летописи – изменила отношение России к Пруссии, и был заключен

мир. И снова здесь присутствует оценочное суждение, которое проливает свет на отношение летописца к описываемому: «И таким образом ни одна из сторон ничего не выиграла, а только понесла большие расходы и большие потери»²³.

После Семилетней войны фокус внимания переместился на юго-восток Европы, где начался новый этап развития восточного христианства. Увеличение территорий Российской империи и усиление ее военной мощи, связанные с овладением османскими территориями, привели к обострению восточного вопроса, ставшего проблемой равновесия в Европе²⁴, в решение которой были вовлечены, наряду с Россией, Австрия, Франция, Англия. Эта напряженность международной ситуации проявилась, помимо прочего, в русско-турецкой войне 1768–1774, частично развернувшейся на территории Румынских княжеств. Летописи Шкея, особенно «Кодекс Крецулеску», широко освещают развертывание этого конфликта, стараясь уловить его значение и, отступая от чистой описательности, вынести суждения об этом событии. Отмечаются некоторые очевидные причины конфликта, известные факты, которые напрямую привели к объявлению войны, т.е. внутренний кризис в Польше: «После смерти короля Польши страна осталась без правителя. И тогда под давлением России при поддержке Пруссии и Англии королем избирается Станислав Август Понятовский»²⁵. Однако «владыки и бояре страны» не были согласны с попыткой положить конец анархии таким способом, поэтому они «начали волнение в Ляшской стране». Последующие события переданы подробно: интервенция России в Польшу, просьба поляков о помощи, направленная к Папе Римскому, Австрии и Франции, выступление Турции против «русских».

Завязка русско-турецкого конфликта произошла, как сообщает летопись, вследствие дипломатических инцидентов: русский «посланник» (посол) в Константинополе получил «требование» от султана, чтобы русские войска были выведены из Польши, а когда посол попросил время, чтобы передать императрице (Екатерине II) это требование, султан поместил его в заключение и добился в этом поддержки от татарского хана, желавшего напасть на Петрополь (Петербург). Затем, после протеста других дипломатов, он освободил посла, но «отдал приказ о высылении»²⁶. После этих объяснений, показывающих причины развязывания войны (летописец пишет: «по этой причине турецкий император начал нападение на Российскую империю»), идет подробное описание событий.

Сначала указывается длительность конфликта, затем представлены планы сторон, говорится о турецко-татарских попытках перенести театр военных действий на северо-восток от Днестра. Летописец описывает поражение турок, перешедших через Днестр в «Ляшскую страну» и победу русских, которые таким образом проникли в Молдову через Хотин. Успеху действий русских способствовала поддержка румын, спланированная в ходе тайных русско-румынских сношений. Эти политические связи и военное взаимодействие имели место, как говорилось выше, уже с начала XVIII в., опираясь на тесные культурно-религиозные связи румын, особенно ардяльских (трансильванских)

румын, с Россией. Городские православные сообщества на юге Трансильвании (в районе Брашова, Фэгэраша, Сибиу) сохраняли «гордость» в борьбе против «объединения» (церковной унии) и часто отправляли послов в Москву и Петербург. Одно из посольств (упомянутое выше) подробно описывается в «Кодексе Крецулеску»: «В 1744 г. отец протопоп Евстратий Грид отправился в Россию, где воцарилась императрица Елизавета Петровна, которая преподнесла пожертвования этой святой церкви, то есть церкви святого Николая-Чудотворца, и на эти пожертвования была возведена часовая башня»²⁷. Подобные же отношения с Россией поддерживали также жители Мунтении и Молдовы, поскольку Россия считалась защитницей православных на юго-востоке Европы. Это облегчило формирование добровольческих румынских армий, которые, наряду с жителями Бухареста, выдворили турок из города, как сообщают летописцы²⁸.

«Истории» из Шкея рассказывают о сухопутной и морской кампании 1770–1771 гг. Они приводят подробности битвы в Олтении и в Брэиле, победы русских в битве в Мовиле Рыбийей. Возносится хвала командующему русским войском Румянцеву («Румянцеву Задунайскому»). Летописец с восхищением описывает победу русской сухопутной армии: «Некоторым офицерам прусского короля следовало увидеть сражение турок с русскими, и восхититься победой над турками, так как русских было 27 тысяч против 300 тысяч турок, но даже если бы пруссаки направили на турок всю свою мощь, они не смогли бы победить так, как победили русские»²⁹. Румыны всегда изображаются поддерживающими Россию. Во времена конфликта 1768–1774 гг., как только русские перешли Днестр, к ним присоединилось несколько тысяч румынских добровольцев³⁰. Описываются также разрушения на румынской земле в результате этой войны: «После того как русское войско вошло в Молдову и Трансильванию, во многих местах проходили сражения, и пролилось много крови»³¹.

Представляет интерес эпизод сражения трех братьев Мэгурень, в котором прослеживается чувство патриотизма, испытываемое летописцем. Мы знаем, что три брата, видя, что у русских маленькое войско, организовали оборону Бухареста. Они были из рода Кангакузино, «прославленных бояр Валахии, которых отказали в сановой должности и которые жили на доходы от своих имений»³². Усилия этих бояр кажутся летописцу благодатными: «Стараясь уберечь свою страну от опасности, они оказали русским большую помощь. Во-первых, они отдали на пропитание войска пшеницу, которая хранилась в их имениях, во-вторых, свой скот, в-третьих, прислали полк верховых солдат. Другие бояре не оказали поддержки, а покинули свою страну и бежали в Брашов, оставаясь там до заключения мира. А эти три брата, любя христианский народ, пролили свою кровь в битвах»³³. Жертва бояр была принесена во благо их страны, являя собой патриотический и христианский идеал. Им противопоставляются «люди без родины», и пример братьев Мэгурень являлся в этом смысле значимым.

Такое отношение, вероятно, восходит к давней практике румынского боярства: к тому времени, когда земли к северу от Дуная оказываются под турецким

господством (с постоянной конфискацией имений, физическим и экономико-политическим уничтожением хозяев), бояре были готовы воевать с Полумесяцем (вести политику сопротивления), однако в ходе описываемых событий они должны были реально оценивать обстановку и не вмешиваться, чтобы сохранить для себя социально-экономическую и политическую стабильность (политика согласия)³⁴. В XVIII в. ситуация усложнялась тем, что Румынские княжества стали площадкой для вооруженного столкновения и объектом территориальных притязаний России, Австрии и Турции. Решение задач по сохранению боярством своего экономического, социального, политического статуса становится делом все более сложным, если не безнадежным.

В «Истории о русском флоте», включенной в «Кодекс Крецулеску», рассказывается о военной кампании России в Средиземном море, целью которой было ударить по туркам с юга через Дарданеллы и пройти через Гибралтарский пролив, где «с одной стороны стоит крепость англичан, а с другой – французов»³⁵. Летопись повествует о поддержке голландцев и противлении французам проходу русского флота, о победах графа Орлова в битвах с турками.

Описываются и действия европейских дворов, направленные на то, чтобы уравновесить силы: «Французы, будучи врагами русских, как и сейчас, желая оказать туркам помощь в Царьграде, послали 28 кораблей с пулями и порохом для пушек, а также пшеницей. На этих кораблях они также послали 800 артиллеристов»³⁶.

В завершение «Истории» о русско-турецкой войне 1768–1774 гг. летописец приводит пункты Кучук-Кайнарджийского мирного договора, в результате которого Россия получила право прохода через проливы Босфор и Дарданеллы, а Порта обещала твердую защиту христианскому закону и церквям онго на территории Османской империи. Тут же упоминается, что в 1778 г. крымский татарский хан якобы принял христианство усилиями одного «верующего министра» императрицы Екатерины II³⁷. Кроме того, за Россией признается право защиты и покровительства христиан в Румынских княжествах: «Молдова и Мунтения не будут больше облагаться налогом, как раньше»³⁸.

Следует также отметить, что помимо вооруженных конфликтов летописец описывает и правителей, одних подробно, других схематично. О Софии, сестре Петра I, летопись говорит только то, что она была «умной и мудрой», однако плохой, а о самом императоре приводит целое воспоминание. Петр тоже умен и, несмотря на призывы министров, не убивает Софию, а отправляет ее в монастырь. После Азовских кампаний (1695–1696) «император прошел через ворота Европы, чтобы увидеть обычаи других царств, чтобы хорошие обычаи перенять в своей стране»³⁹. Преодолев сопротивление консервативных бояр, Петр направился в Ригу, Кенигсберг (сейчас Калининград), Гамбург, Амстердам, Лондон, Вену. Император хотел доехать и до Италии, но должен был вернуться, так как получил известие о «мятеже»⁴⁰. Летописец, настаивающий на сохранении «православной веры», выказывает понимание и поддержку реформам Петра I и, будучи жителем района, открытого для ремесел, путешествий и иноземных заимствований, косвенно осуждает сопротивление

бояр: «После этого (путешествия на запад и подавления восстания – И.-А. П.) император Петр начал осуществлять хорошие нововведения в сухопутных и морских войсках и в обычаях страны. Это путешествие императора в Европу пошло на пользу всей России»⁴¹.

Другой важный эпизод – встреча в Могилеве в 1780 г. Иосифа II и Екатерины II⁴²; при его описании рассказывается о приготовлениях, о пышных церемониях, о визитах Иосифа в Киев и Петербург, о дипломатических дискуссиях, суть которых – принести радость, по выражению из летописи, «христианскому народу», особенно «православному».

Будучи православными, летописцы защищают традиционную веру, которая связывает народы по разные стороны Карпат. Брашовцы не кажутся сильно задетыми своим статусом «терпимых» в Трансильвании («пока согласны жители»), поскольку они ощущали покровительство властей Валахии и Молдовы. Летописцы чувствуют не только духовную, но и политическую защиту. Политическая основа их взаимоотношений ясно отражена в «Истории» Раду Темпя II, в «Анонимной летописи Брашова...» и «Кодексе Крецулеску»: румын юга Трансильвании поддерживали власти Валахии, а их усилия остаться в духовной зависимости от Бухареста объяснялись страхом перед унией, тогда как принятие господства Епископства Рымнику-Вылча (которое австрийцы склоняли к объединению с Римом) привело бы к утрате их культурной и религиозной идентичности.

Источники, о которых идет речь, связывают культ с традицией и провозглашают важную роль церкви: «А мы, православные христиане, какими нас сделали святые отцы, такими и останемся и сохраним чистую веру»⁴³. Летопись становится манифестом православия, который вырабатывает нормы достойной жизни.

Эти летописцы, особенно в XVIII в., чувствовали себя духовными наставниками общества, вовлеченными в масштабные действия, о чем пишет Раду Темпя II: «Любопытный случай произошел с его святейшеством Захарией Копетенски..., они сделали перевод с древнегреческого на церковнославянский (речь идет о Евангелии – И.-А. П.)... и отдали в печать, а наш пресвятой архипастырь Кир Теодосие, митрополит Венгро-Валахии, увидел большую пользу в переводе на румынский язык, чтобы и наш народ мог причаститься этого света...»⁴⁴.

XVIII в. – это время духовного бурления, когда просветительские настроения пронизывали, казалось, все румынское сообщество Шкея, когда православие вступило на путь критической самооценки и переоценки. Непосредственно перед провозглашением просветительского течения Раду Темпя перевел и напечатал на языке народа святые книги, чтобы их могли понять все христиане, «и особенно» те, кого он называет «наш румынский народ».

Кроме того, летописцы происходили из среднего класса, который стал носителем нового сознания. Они выражают городское сознание купцов и ремесленников, когда, например, описывают наложенные саксонскими властями трансильванских городов экономические ограничения⁴⁵. «Это тексты, кото-

рые вступают в борьбу за права ремесленников, что кажется законным в требованиях румын»⁴⁶. Авторы летописей осуждают отношение мунтянских и молдавских бояр, русских бояр, невосприимчивых к «хорошим обычаям», введенным Петром I, польской знати («в Ляшской стране началось сильное волнение, причиной которому была консервативность ляхов»⁴⁷). Летописцы не понимали и не принимали притязаний господствующего класса, отвергая соперничество и вооруженные конфликты, которые препятствовали общению людей и циркуляции товаров. От коммерческой активности зависело процветание брашовского румынского сообщества, акцентирование внимания на этом отражает купеческое сознание летописцев. В «Кодексе Крецулеску» говорится об ущербе от русско-турецкой войны 1768–1774: «Из-за турецких и русских войск были закрыты все порты на Дунае, и из Турции в Валахию и Молдову нельзя было привезти никакой товар... Тогда много товара пришло в Брашов, а из Брашова он шел в Валахию и Молдову. Многие купцы разбогатели в это время, продавая товар, пользовавшийся спросом. Но после неожиданного заключения мира многие купцы потерпели убытки, потому что у них было много товара, а русские войска ушли из княжеств и были снова открыты порты на Дунае»⁴⁸.

По всем вышеуказанным причинам летописцы осуждают войны, влекущие за собой несчастья и нестабильность, однако делают различие между защитой страны и войнами во имя завоеваний. Так, после рассказа о действиях Австрии по завоеванию Баварии, в которые потом были втянуты многие государства, Симеон Хырс замечает: «О, какое это зло – раздор и зависть, они принесли столько расходов и горя, не стоит того Бавария»⁴⁹.

Брашовские летописцы открыты миру, и западному, и восточному. Их идеи, изложенные в румынской историографии Брашова, выражают сознание городского населения православной веры. Эти летописцы, будучи озабочены процветанием «нашего румынского народа» в век образования современных наций, имеют еще и общеправославное сознание. Они делятся своими знаниями и дают свои оценки великой Восточной империи, оплоту «правильной веры», способному оказать помощь трансильванским румынам, осаждаемым сначала Реформацией, а потом Римской церковью. Кроме того, русские вызывают восхищение румын не только своим покровительством православию, но и воинской доблестью, проявленной в сражениях с Османской империей, а также тем, что они добились автономии румынских княжеств. В последнем случае летописцы с гордостью отмечают роль румынских добровольцев, присоединившихся к императорской армии.

Таким образом, в глазах православных трансильванских румын русский народ предстает великой православной силой, способной дать отпор османам. К сожалению, в то время этот образ существовал лишь в среде заинтересованных интеллектуалов, купцов, которые путешествовали, в среде священнослужителей и монахов. Только в XIX в., с появлением обязательного начального образования и многотиражной прессы, данные о России, к тому моменту сильно измененные, смогли проникнуть в среду простых людей.

Примечания

- ¹ Ioan-Aurel Pop, *Slavonismul cultural la români în Evul Mediu – câteva considerații*, în „Apoziția”, publicație anuală a Societății Culturale Româno-Germane „Apoziția”, München, 2008, p. 285–292.
- ² Итальянский иезуит Антонио Поссевино, находясь в Трансильвании, связывает дискриминацию румын с их православной верой, подчеркивая, что это удивительно – насколько румыны были упорными в своем православии. См. Antonio Possevino, *Transilvania (1584)*, ediție de Andrei Veress, в „Fontes rerum Transilvanicarum”, tom III, Budapesta, 1913, p. 64. Другое издание Вересса появилось в Клуже, в то же время. На румынском языке вышли только фрагменты, самые важные собраны в труде «Иностранные путешественники о румынских княжествах» (*Călători străini despre Țările Române*), vol. II, îngrijit de Maria Holban și alții, București, 1970, p. 527–532.
- ³ См. Ioan-Aurel Pop, Thomas Năgler, Magyari András (coord.), *Istoria Transilvaniei*, vol. I–III, Cluj-Napoca, 2007–2009.
- ⁴ Silviu Dragomir, *Contribuții privitoare la relațiile bisericii românești cu Rusia în veacul XVII*, în „Analele Academiei Române”, Memoriile Secțiunii Istorice, seria a II-a, tom. XXXIV, 1912, p. 79–81.
- ⁵ *Ibidem*, p. 1.
- ⁶ I.-A. Pop, *Patriarhul Kiril Lukaris despre unitatea etno-confesională a românilor*, în „Studii de istorie medievală și premodernă. Omagiu profesorului Nicolae Edroiu, membru corespondent al Academiei Române”, coord. Avram Andea, Cluj-Napoca, 2003, p. 315–322.
- ⁷ S. Dragomir, *op. cit.*, p. 118–119.
- ⁸ Idem, *Relațiile bisericești ale românilor din Ardeal cu Rusia în veacul XVIII*, Sibiu, 1914, *passim*.
- ⁹ Самые важные брашовские летописи XVII–XVIII вв.: «Летопись протопопа Василия» (*Cronica protopopului Vasilie*), «История святой церкви брашовского Шкея» (*Istoria sfintei besereci a Șcheilor Brașovului*) Раду Темпя, «Кодекс Крецулеску» (*Codex Kretzulescus*) (автор Симеон Хыр, с большими фрагментами, приписываемыми Раду Дума), «Летописные заметки» (*Însemnări de cronică*) (приписываются Димитриу Евстратьевичу).
- ¹⁰ См. I.-A. Pop, *Contribuții la istoria culturii românești (cronicile brașovene din secolele XVII–XVIII)*, Cluj-Napoca, 2003, p. 25–78.
- ¹¹ S. Dragomir, *Contribuții...*, p. 65.
- ¹² Idem, *Relațiile...*, p. 4–9.
- ¹³ *Ibidem*, p. 9.
- ¹⁴ I.-A. Pop, *Contribuții...*, p. 101–102, 210.
- ¹⁵ *Ibidem*, p. 210.
- ¹⁶ Radu Tempea, *Istoria sfintei besereci a Șcheilor Brașovului*, ediție de Octavian Șchiau și Livia Bot, București, 1969, p. 71.
- ¹⁷ Nicolae Iorga, *Însemnări de cronică ale clericilor din Șcheii Brașovului*, în “Buletinul Comisiei Istorice a României”, XII, 1933, p. 91. Манускрипт, изученный нами, находится в библиотеке Академии, Бухарест *ms. rom. nr. 1416*, f. 4–87.
- ¹⁸ Em. E. Kretzulescu, *Codex Kretzulescus*, în “Revista pentru Istorie Arheologie și Filologie”, vol. XII, partea I, 1911, p. 57.
- ¹⁹ См. Sterie Stinghe, *Contribuții la cunoașterea trecutului românilor din Șcheii Brașovului. Viața căpitanului Ilie Bird*, București, 1945, p. –37.
- ²⁰ Em. E. Kretzulescu, *op. cit.*, vol. XII, partea I, 1911, p. 69–70 (о северной войне).
- ²¹ *Ibidem*, p. 71.
- ²² *Ibidem*, p. 60.
- ²³ *Ibidem*, p. 60–61.
- ²⁴ Andrei Oțetea, *Chestiunea Orientală*, în “Istoria României” (tratat), vol. III, București, 1964, p. 455.
- ²⁵ Em. E. Kretzulescu, *op. cit.*, vol. XII, partea I, 1911, p. 59.
- ²⁶ *Ibidem*, vol. XI, partea I, 1910, p. 24–25.
- ²⁷ Em. E. Kretzulescu, *op. cit.*, vol. XI, partea a II-a, 1910, p. 269–270.
- ²⁸ *Ibidem*, vol. XI, partea I, 1910, p. 27.
- ²⁹ *Ibidem*, p. 32–33.
- ³⁰ *Ibidem*, p. 27.

³¹ *Ibidem*, p. 30.

³² *Ibidem*.

³³ *Ibidem*.

³⁴ Florin Constantiniu, *De la Mihai Viteazul la fanarioți: observații asupra politicii externe românești*, în "Studii și Materiale de Istorie Medie", vol. XVIII, 1975, p. 103.

³⁵ Em. E. Kretzulescu, *op. cit.*, vol. XII, partea I, 1911, p. 71-73.

³⁶ *Ibidem*.

³⁷ *Ibidem*, p. 73; Nicolae Iorga, *op. cit.*, p. 94-95.

³⁸ Em. E. Kretzulescu, *op. cit.*, vol. XI, partea I, 1910, p. 35-36.

³⁹ *Ibidem*, vol. XII, partea I, 1911, p. 68. Раду Дума перевел на румынский язык «Жизнь Петра Великого» (cf. Nicolae Albu, *Doi cărturari brașoveni din veacul al XVIII-lea, Ion Duma și Radu Duma*, în "Biserica Ortodoxă Română", nr. 9-10, 1963, p. 911). Теодор Корбя тоже возносит стихотворную хвалу Петру Великому в предисловии к свосму «Псалтырю» (***) *Istoria literaturii române, tratat*, vol. I, București, 1964, p. 550).

⁴⁰ Em. E. Kretzulescu, *op. cit.*, vol. XII, partea I, 1911, p. 68.

⁴¹ *Ibidem*, p. 69.

⁴² *Ibidem*, p. 66 și Nicolae Iorga, *op. cit.*, p. 97-99.

⁴³ Em. E. Kretzulescu, *op. cit.*, vol. XII, partea I, 1911, p. 62.

⁴⁴ Radu Tempea, *op. cit.*, p. 183 (în Predoslavie către cititori).

⁴⁵ Em. E. Kretzulescu, *op. cit.*, vol. XI, partea a II-a, 1910, p. 271-274; Nicolae Iorga, *op. cit.*, p. 68; N. N. Stăte, *Înștiințări. Câteva capitole din trecutul românilor din Șcheii Brașovului*, Brașov, 1906, p. 6-7.

⁴⁶ David Prodan, *Supplex Libellus Valachorum*, București, Editura Științifică, 1967, p. 219.

⁴⁷ Em. E. Kretzulescu, *op. cit.*, vol. XI, partea I, 1910, p. 24.

⁴⁸ *Ibidem*, vol. XI, partea I, 1910, p. 35 (note).

⁴⁹ *Ibidem*, vol. XII, partea I, 1911, p. 65.

Перевод с румынского А.В. Усачевой

Ю.И. Венелин и Общество истории и древностей российских

Abstract:

Frolova M.M. *Yu.I. Venelin and the Society of Russian History and Antiquities*

The article investigates the work of a known slavist Yu.I. Venelin in the Society of Russian History and Antiquities, the reasons which induced him to become a full member of the Society in 1832 and the relationship between Venelin and his RHA colleagues, who cherish his memory and praise his contribution to the development of Slavic Studies.

Ключевые слова: Ю.И. Венелин, Общество истории и древностей российских, А.А. Писарев, И.М. Снегирев, А.Ф. Малиновский, граф С.С. Уваров, М.П. Погодин, П.А. Муханов, А.С. Хомяков, А.Д. Чертков, граф С.Г. Строганов, О.М. Бодянский

Юрий Иванович Венелин (1802-1839), зачинатель российской болгаристики, принадлежит к той счастливой плеяде деятелей науки и культуры, интерес к которым с течением времени не иссякает. Даже после появления в 1968 г. фундаментального исследования Т. Байцуры «Юрий Иванович Венелин» (Братислава) поток изысканий о нем не обмелел. Эту огромную литературу российский ученый Г.К. Венедиктов по праву назвал венелианой¹. И, тем не менее, вовлечение в научный оборот новых материалов и скрупулезное изучение известных документов позволяют дополнить прежние сведения о жизненном пути Венелина, раскрыть новые аспекты в его деятельности, например, в Обществе истории и древностей российских.

Венелин был избран в действительные члены Общества на заседании 5 ноября 1832 г. По установившемуся порядку он принес в дар ОИДР сочинение «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (М., 1829) как свидетельство своего вклада в развитие науки. Факт вступления в ОИДР был подтвержден дипломом, за получение которого Венелин внес в кассу Общества положенные 25 руб.: «Общество истории и древностей российских, утвердившее при императорском Московском университете, уважив отличную ревность к отечественной истории и древностям, равно познания и труды в оных господина лекаря Юрия Ивановича Венелина, путешествовавшего от императорской Российской академии по части славянских древностей в Болгарию, Валахию и Молдавию, признает его через сие своим действительным членом, в совершенном удостоверении, что он будет содействовать сему сословию всем, что токмо к успехам онаго способствовать может»².

Но возникает вопрос, почему у Венелина, осенью 1831 г. возвратившегося в Москву из своего знаменитого ученого путешествия по Болгарии, Молдавии и Валахии, только через год возникло желание стать действительным членом ОИДР? Вероятно, ответ следует искать в самой истории Общества, в тех благоприятных переменах, которые имели место в нем с начала 1830-х годов.

В первой четверти XIX в. научная жизнь в Обществе истории и древностей российских, образованном в 1804 г., едва теплилась: заседания проводились «крайне нерегулярно», обсуждению подвергались преимущественно «административно-хозяйственные» вопросы³. Обществу была необходима официальная поддержка, которую оно получило в лице попечителя Московского университета генерал-майора в отставке А.А. Писарева, в 1823 г. изъявившего свое согласие быть выбранным его председателем. Таким же образом действительные члены Общества любителей российской словесности (1811–1930) (которое в отличие от ОИДР прежде процветало, что подтверждают 27 томов его трудов⁴, изданных с 1812 по 1828 гг.) в 1829 г., когда стало заметно явное затухание деятельности ОЛРС, также избрали своим председателем попечителя Московского университета А.А. Писарева, «человека доброго», но не имевшего «основательных сведений в литературе»⁵.

Секретарем ОИДР в 1825 г. стал И.М. Снегирев, профессор Московского университета по кафедре латинского языка и римских древностей, археолог, этнограф, собиратель и исследователь фольклора. Снегирев стремился активизировать работу в Обществе. Ему удалось опубликовать четыре части из серии «Записки и труды ОИДР», при этом название выпусков несколько менялось («Труды и записки ОИДР» (1826. Ч. II, III), «Труды и летописи ОИДР» (1828. Ч. IV; 1830. Ч. V). Но заседания Общества продолжали созываться от случая к случаю: в 1827 г. было 4 заседания, в 1828 г., как и в 1829 г., собирались 3 раза. При этом преобладали торжественные и чрезвычайные заседания. Похоже, что обстановку на заседаниях в ОИДР того периода можно сравнить с обстановкой заседаний Общества любителей российской словесности. По свидетельству поэта и литератора М.А. Дмитриева (1796–1866), при Писареве в ОЛРС «пошли одни парады». Торжественное заседание, проведенное в 1830 г. «с музыкой, с арфою, с пением и чтением актера Мочалова с кафедрой», поглотило все денежные средства Общества, истраченные на свечи и угощение. Собрания в ОЛРС с той поры и прекратились, с горечью констатировал Дмитриев⁶.

Возможность быть избранным в ОИДР у Венелина появилась после выхода в свет летом 1829 г. книги «Древние и нынешние болгаре...». 23 ноября 1829 г. действительные члены ОИДР были приглашены на свое чрезвычайное собрание, третье и последнее в том году. Но помыслы Венелина были направлены на подготовку к путешествию в Болгарию, где все еще стояли русские войска. Известно, что 28 сентября 1829 г. на заседании Российской академии был положительно решен вопрос о его путешествии в Молдавию, Валахию и Болгарию за счет средств Академии, а 14 декабря 1829 г. было получено официальное разрешение. 19 апреля 1830 г. Венелин выехал из Москвы в Одессу⁷.

24 мая 1830 г. в ОИДР состоялось чрезвычайное собрание: в отставку подал Писарев, назначенный сенатором. На должность председателя ОИДР был избран один из учредителей ОИДР, известный историк-архивист А.Ф. Малиновский, начальник главного управления архива Коллегии иностранных дел. Впрочем, из-за холеры в Москве произошел почти годовой перерыв в работе

ОИДР, очередное заседание Общества было проведено только 9 октября 1831 г. Закончилась польская кампания, польское восстание 1830 г., которое поразило русское общество, было подавлено. И с 23 января 1832 г. Малиновский в продолжение 8 заседаний ОИДР (27 февраля, 26 марта, 10 сентября, 5 ноября, 10 декабря 1832 г., 25 февраля и 18 марта 1833 г.) читал свое сочинение «Исторические доказательства о давнем желании польского народа присоединиться к России», отпечатанное затем в «Трудах и летописях ОИДР» (М., 1833. Ч. VI). С этого времени собрания действительных членов ОИДР, которые проходили в зале Университетского Совета Московского университета, становятся регулярнее и чаще, поскольку новый председатель был более деятельным.

По возвращении в Москву осенью 1831 г. Венелин погрузился в обработку привезенных материалов, которые были у него «на лоскутках»⁸. Поскольку Академия отказала ему в стипендии на период подготовки к представлению в ней рукописей, Венелину пришлось искать заработок в виде частных уроков. Однако внимание правительства к деятельности ОИДР, вероятно, повлияло и на появление у Венелина стремления быть избранным в ОИДР.

5 сентября 1832 г. заседание ОИДР почтил своим присутствием президент Академии наук С.С. Уваров (1818-1855), назначенный 1 марта 1832 г. на должность товарища министра народного просвещения. Он прочитал опубликованную им «Речь, произнесенную митрополитом при короновании царя Василия Иоанновича в 1606 г.», а также свои заметки к ней. Уваров подарил Обществу и присутствовавшим членам напечатанные экземпляры. Не просто внимание, а «поощрительное участие в занятиях»⁹ Общества столь высокопоставленного сановника много содействовало к повышению авторитета ОИДР, и уже на следующем заседании 5 ноября 1832 г. его ряды пополнились 8 новыми действительными членами, включая и «г-на лекаря» Ю.И. Венелина¹⁰. Следует подчеркнуть, что предыдущее избрание в действительные члены Общества имело место 8 марта 1829 г.

Вслед за Венелиным в Общество вступили такие инициативные люди, как А.Д. Чертков, А.Ф. Вельтман, князь М.А. Оболенский, М.А. Коркунов, П.А. Муханов, А.С. Хомяков, поэт Ф.Н. Глинка и др. Чертков, Вельтман, Муханов и Хомяков были участниками русско-турецкой войны 1828–1829 гг., и с последними двумя Венелин был хорошо знаком еще до путешествия в Болгарию. В начале 1829 г. Хомяков из действующей армии приезжал в отпуск в Москву. Из дневниковой записи М.П. Погодина от 26 марта 1829 г. узнаем о том, что вечером он отправился на квартиру к Венелину, «чтоб увидеться с Хомяковым, который рассказывал о походе»¹¹. После заключения Адрианопольского мира в Москву в феврале 1830 г. возвратился и Муханов. Он познакомил москвичей с бытом болгар. Погодин предложил Муханову прочитать книгу Венелина, о которой он отзывался: «Болгары описаны верно, что замечу, сообщу»¹².

Как известно, ОИДР долгое время существовало исключительно за счет взносов его членов и добровольных пожертвований, а также содержалось «процентами с капитала, вырученного продажей издаваемых Обществом тру-

дов своих и обращающегося в Московском Опекунском совете»¹³. Недостаток средств ОИДР существенно сдерживал выпуск его печатной продукции. И, тем не менее, новый председатель ОИДР А.Ф. Малиновский был полон благих намерений преодолеть эти трудности. В письме, которое сопровождало диплом ОИДР для Венелина, Малиновский отмечал, что Венелину, как действительному члену ОИДР, надлежало публиковать одну или две статьи в год в изданиях Общества¹⁴.

Благодаря притоку в ОИДР энергичных и деятельных людей эта задача казалась вполне осуществимой. 18 марта 1833 г. был создан Комитет для выяснения финансового положения Общества и его издательских возможностей. В него вошли: археограф П.М. Строев, поэт, историк и этнограф М.Н. Макаров, А.Д. Чертков. Но 30 сентября 1833 г. Строев из-за своей занятости отказался от участия в этом комитете, и вместо него был избран М.П. Погодин. Сумма, которой по расчетам Комитета располагало ОИДР, позволяла не только продолжить, но и активизировать издательскую деятельность Общества. Чтобы ускорить появление новых томов, было предложено отдавать в печать сочинения членов сразу после их прочтения на заседаниях ОИДР, не дожидаясь, пока наберется достаточное для тома количество статей. 10 февраля 1834 г. была представлена VI-я часть «Трудов и летописей ОИДР». 12 мая 1834 г. был заслушан список статей, одобренных к изданию, и было принято постановление: «приступить немедленно к печатанию VII-й части»¹⁵, но она появилась в свет только через три года, в 1837 г.

Вероятно, поэтому за все 6,5 лет своего участия в делах Общества Венелин лишь однажды, 22 февраля 1836 г., читал свой перевод с латинского языка отрывка из путешествия римского посла в Москве Якова Рейтенфельса, где сообщалось о дворе царя Алексея Михайловича. Е.И. Соколов, библиотекарь ОИДР, издавший подробное описание бумаг Венелина, хранившихся в библиотеке Общества, подчеркивал, что перевод Венелина отличался «точностью» и указывал «в переводчике основательное знание латинского языка»¹⁶. Венелин перевел 9 глав из второй книги путешествия, но так и не успел опубликовать свою работу.

Венелин, как и всякий автор, хотел, чтобы его сочинение скорее дошло до читателя, и поэтому отсылал свои труды в периодические журналы Москвы и Петербурга. К тому же, в журналах за статьи платили. В 1837 г. часть опубликованных работ (три книги) Венелин по традиции подарил Обществу, и они поступили в библиотеку ОИДР. В Отчете Общества за 1837 г. сообщалось, что Венелин «печатает вторую часть своих исследований о болгарях и других славянских народах»¹⁷. Таким образом, славянская тема на заседаниях ОИДР и в его изданиях зазвучала в полный голос не с приходом Венелина, а позднее, с возвращением О.М. Бодянского из зарубежной командировки в славянские земли, особенно во время его первого секретарства в ОИДР (1845–1848).

1836 год принес благотворные изменения в жизни ОИДР. 22 февраля 1836 г. пост председателя Общества занял попечитель Московского учебного

округа граф С.Г. Строганов, накануне принятый в почетные члены Общества (21.XII.1835). Временным, а потом и постоянным вице-президентом ОИДР большинством голосов был избран А.Д. Чертков, «призванный замещать председателя Общества, бывавшего по долгу службы в частых отлучках из Москвы». Чуть позже, в 1837 г. С.П. Шевырева, секретаря ОИДР с 1833 г., сменил М.П. Погодин.

Новый председатель решительно взялся за активизацию деятельности Общества. Но необходимо было выяснить материальную базу, на которой следовало строить свою издательскую политику. Буквально на следующем заседании, 7 марта 1836 г., Строганов предложил Обществу «составить особый комитет, который принял бы на себя сообразить занятия Общества с суммами, у него хранящимися, и сказать свое мнение как по сему предмету, так касательно новых ученых занятий, которые могли бы [быть] предприняты сообразно с целью Общества. В члены сего комитета единогласно назначены Погодин, Чертков, Муханов». В него вошли также секретарь и казначей ОИДР. Комитет должен был представить разработанный план издания летописей и других источников¹⁸. Решительно выступая против многолетнего бездействия ОИДР, основной задачей которого было издание материалов по русской истории, члены комитета настаивали на издании летописей даже в тех случаях, когда имелся лишь один их список. На заседании 11 апреля 1836 г. было предложено печатать Киево-Печерский Патерик, свод летописей, составленный историком Н.С. Арцыбашевым (1773–1841), продолжить издание «Русских достопамятностей». В своем отчете Комитет предложил выпускать помимо летописей особый ежемесячный журнал для «скорейшего распространения сведений о действиях Общества... и скорейшего сообщения публике прочтенных статей»¹⁹. Члены Комитета высказались за назначение особой платы за издание летописей и прочих документов, «равно и за переводы с древних и восточных языков по 40 руб. ас. с листа».

Граф Строганов смог показать полезность деятельности ОИДР, представив разработанную Комитетом программу будущих изданий в надлежащем свете, и его авторитетное ходатайство перед Николаем I увенчалось успехом: 12 июня 1837 г. ОИДР получило статус императорского и ежегодное финансирование в 5 тыс. руб. ОИДР приступило к подготовке к изданию сочинения Арцыбашева «Повествование о России» в 2-х частях, которое было представлено еще в 1829 г., и на заседании 23 ноября того же года было определено отпечатать 1-ю часть «этого полезного сочинения» на счет ОИДР, а на 2-ю объявить подписку. Но только спустя 7 лет Общество начало осуществлять свое решение, а назначенное вознаграждение обеспечило охотников и достаточно успешное его выполнение. За подготовку к изданию, корректуру и редакцию первой части взялись А.Ф. Вельтман и Н.Г. Коноплев (доктор-востоковед словесного отделения Московского университета), а 2-й части – Ю.И. Венелин и Ф.Л. Морошкин.

20 февраля 1837 г. Венелин представил «образцовый печатный лист свода летописей Арцыбашева». Действительные члены одобрили формат, шрифт

и бумагу и просили издателей приступить немедленно к печатанию и поручили секретарю Погодину написать в университетскую типографию отношение о нужном содействии²⁰. На заседание 18 октября Венелин принес 19 листов отпечатанной им части. Но не Венелин, а Вельтман первым окончил печатать свою часть, за что ему 18 декабря была изъявлена благодарность. 28 февраля 1838 г. Венелин доложил, что им напечатаны 19-24 лист, Морошкин представил первые 14 листов, а Коноплев из-за болезни успел сделать только 4 листа. Венелин вызвался исполнить вверенную Коноплеву часть, если тот не сможет ее продолжить по состоянию здоровья. 5 декабря 1838 г. все части были окончены, и Общество засвидетельствовало свою благодарность Венелину, Морошкину, Вельтману и секретарю Погодину. 21 февраля 1839 г. на заседании было объявлено, что государь император удостоил благосклонного принятия изданий Общества: «Повествования о России» и Русского исторического сборника, – и повелел объявить высочайшее благоволение как Арцыбашеву за похвальный труд, так и Историческому обществу «за деятельность его на пользу отечественной истории»²¹.

Заседания Общества становились интересными, и ОИДР стало превращаться в серьезный научный исторический центр. Но протоколы заседаний ОИДР не фиксировали весь спектр обсуждений и дискуссий, возникавших между его действительными членами. И в этих неофициальных беседах Венелин не мог не говорить о славянах, в первую очередь о болгарах. В лице Черткова, Вельтмана, Муханова, Хомякова, Макарова он встречал весьма компетентных собеседников. Впрочем, взаимоотношения действительных членов ОИДР продолжались и за стенами зала Университетского Совета.

Москва 30-40-х гг. XIX в. славилась своими литературными салонами и кружками, и действительные члены нередко встречались по понедельникам у Ф.Н. Глинки, по четвергам у А.Ф. Вельтмана, по субботам у А.Д. Черткова, на чтениях у Н.Ф. Павлова, на собраниях у М.П. Погодина. У Черткова на «сходках» достаточно часто обсуждались дела Общества. Венелин, по отзывам его современников, был очень обаятельным человеком и, вероятно, частым посетителем подобных вечеров. Иначе нельзя объяснить его мнение о Черткове, которого он высоко ценил, считая, что он не просто принадлежит к истории славянской филологии, но находится «в ее первой главе»²². А Чертков в это время работал над нумизматическим каталогом русских монет XIV–XV вв., о чем докладывал на заседаниях ОИДР. Откуда как не из частных бесед можно было узнать, что Чертков занимается изысканиями о прошлом славян давно и серьезно? Его работы по истории Болгарии появятся гораздо позднее, в 1842 и 1843 гг. Это книга «О переводе Манассиной летописи на словенский язык, по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар» и книга «Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг.». Причем, в этих сочинениях Чертков специально подчеркивал, что одним из важных стимулов к исследованиям прошлого Болгарии явился тот факт, что после смерти Венелина никто в России не занимался прошлым болгарского народа²³.

Из путешествия по Европе в 1823–1825 гг. Чертков привез этрусские вазы, зеркала с надписями этого древнего народа и всегда с удовольствием показывал их своим многочисленным гостям. Этруски и их загадочное письмо заинтересовали Черткова еще в 1824 г., когда на Сицилии, рассматривая этрусские надписи, он отметил сходство этрусского письма с «руническими буквами, в употреблении бывшими у славян Балтийского моря». Для себя он тогда же записал: «Весьма интересно бы было сравнить те и другие между собой»²⁴. В 1825 г. во Флоренции он познакомился с итальянским ученым С. Чиампи, который предложил попробовать дешифровать этрусский язык, опираясь не на греческий и латинский, а на славянские языки. Но Чиампи едва владел только польским языком и не знал ни церковно-славянского, ни других славянских языков. 18 марта 1833 г. Чиампи, приславший в дар ОИДР 9 книг на латинском и итальянском языках, был избран действительными членами Общества. Идея Чиампи, вкуче с увиденными в доме Черткова этрусскими письмами, не могла не увлечь Ю. Венелина. Впоследствии в разработку этой идеи окунулся и А.Д. Чертков, предпринявший первую в России попытку прочитать этрусские надписи.

М.Н. Макаров так описывал одну из встреч с Венелиным: «Года три тому назад я встретил Юрия Ивановича на даче князя С.М. Голицына. Давно не видевшись, мы очень порадовались друг другу и, чтобы поговорить о любимом, как предложил мне Венелин, тотчас увернувшись из толпы гостей, пошли на волю – по саду. Слово за словом бежало у нас о славянах, и скоро наше дело дотронулось до их южной родины. Я напомнил Юрию Ивановичу о древнейших славянских поселках в Архипелаге, на берегах адриатических и даже в Испании...»²⁵.

В круг общения Венелина входил и Иван Михайлович Снегирев, собиравший и изучавший этнографию и русский фольклор. Его дневник был опубликован еще в начале XX в., но его материал не был вовлечен в исследования о жизненном пути и трудах Венелина. Снегирев имел правило свои научные сочинения, предназначенные для печати, обсуждать со специалистами, спрашивая об их мнении. Венелин был в числе тех ученых, к которым Снегирев нередко обращался за консультациями. В 1836 г. Снегирев готовил к сдаче в типографию 1-ю часть своей 4-томной работы «Русские простонародные праздники и суеверные обряды». 18 октября 1836 г. он приходил к Венелину и с ним «прочел статью в “Русских праздниках” о славянских, на кои сообщил он некоторые замечания», – отметил Иван Михайлович. Эта часть вышла в 1837 г., и ее достоинства были отмечены Венелиным в труде «Древние и нынешние словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам: Историко-критические изыскания», опубликованном уже после смерти автора: «О сходстве славянских празднеств и обычаев с греческими, римскими и других народов см. весьма много прекрасных соображений в соч. И.М. Снегирева»²⁶.

Особо примечательна запись Снегирева от 9 марта 1839 г. Он «пешком ходил» к Венелину, который жил недалеко от него. С ним он прочел 4-й лист

«Сказания о Дмитрие Донском» и введение. Юрий Иванович «нашел то и другое хорошим и дельным», – свидетельствовал Снегирев. «Мы говорили о штилях иконописи Фригийском и Византийском, кои при упадке искусств в Константинополе XI и XII вв. смешались. Первый отличался странностью в изображении: с тонким носом, большими глазами и тонкими губами, большое несоразмерное лицо; другой – благолепием. Греко-Российская церковь приняла тот и другой. Зодчество сообразовалось с обстоятельствами и положением церкви. Венелину я отдал для разобранья, по-видимому, глаголические надписи на иконах Богоматери в московском Успенском соборе и в Смоленском соборе. От него я поехал в Архив старых дел»²⁷, – завершал свою дневную запись Иван Михайлович.

Снегирев был очень внимательным человеком и, как правило, замечал в собеседнике признаки нездоровья. В Венелине в тот день он ничего особенного не заметил, хотя находился у него дома достаточно долго. Поэтому его поразило известие, полученное 28 марта, о «кончине внезапной Ю.И. Венелина в Павловской больнице». 29 марта Снегирев был на похоронах Венелина. В некрологах и заметках о печальной церемонии, появившихся во многих московских и петербургских изданиях, сообщалось, что пришли почтить память члены ОИДР, родственники и знакомые. Запись Снегирева несколько конкретизирует это сообщение, указанием, что Иван Михайлович встретил многих членов Исторического общества, также профессоров Редкина, Крюкова и Морошкина, Н.Ф. Павлова. На похоронах отсутствовали руководители ОИДР: председатель граф Строганов, вице-президент Чертков, секретарь Погодин и Шевырев, которые в то время находились за границей.

Память членов ОИДР и уважение к личности Ю.И. Венелина и его трудам ярко проявились в том, что на страницах журнала «Чтения в Обществе истории и древностей российских» с 1846 г. по 1870 г., т.е. во время секретарства О.М. Бодянского, было напечатано 12 работ ученого, извлеченных из его архива, на что обратила свое внимание Т. Байцура²⁸. «Временник ОИДР», в двух книгах за 1855 г., поместил «Болгарские песни из сборников Венелина, Н.Д. Катранова и других болгар». В 1889 г. в ЧОИДР (кн. 1) была опубликована еще одна статья Венелина. Влияние идей Ю.И. Венелина прослеживается не только в творчестве членов ОИДР, которые были его последователями, – Ф.Л. Морошкина, И.П. Сахарова, Н.В. Савельева-Ростиславича. Многих ученых Венелин побудил заниматься славянами для того, чтобы доказать его правоту или, напротив, его заблуждения.

В архиве Черткова сохранился черновик его речи, предназначенной для торжественного заседания ОИДР в 1840 г. Вице-президент говорил об истории ОИДР, его достижениях и успехах. Имя Венелина он упомянул 7 раз. В заключительной части Чертков назвал 41 имя действительных членов, живых и ушедших из жизни, которые в продолжение 20 лет участвовали в трудах Общества. Этот список начинался с митрополита Киевского и Галицкого Евгения и митрополита Московского Филарета, а завершал его Юрий Иванович

Венелин. «Это имена не только у нас, но и во всех европейских государствах могут составить украшение каждой исторической литературе», – заканчивал Чертков свое выступление²⁹.

Примечания

- ¹ Венедиктов Г.К. О путешествии Ю.И. Венелина в Болгарию // Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830–1831). М., 2005. С. 4.
- ² Цит. по: Байцура Т. Юрій Іванович Венелін. Братіслава, 1968. С. 278–279.
- ³ Иштуин В.В. Славянская проблематика в научных заседаниях Общества истории и древностей российских при Московском университете в первой половине XIX в. // Историкографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 101.
- ⁴ 20 томов «Трудов общества» (1812–1820) и 7 томов «Сочинений в прозе и в стихах» (1822–1828).
- ⁵ Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти // Московские элегии. М., 1985. С. 251.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Никулина М.В. Путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики в России // Ю.И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998. С. 125, 128.
- ⁸ Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию. С. 151.
- ⁹ Труды и летописи ОИДР. М., 1837. Ч. VIII. С. 171.
- ¹⁰ Там же. С. 197.
- ¹¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., Т. 2. 1889. С. 311.
- ¹² Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., Т. 3. 1890. С. 130.
- ¹³ Отчет по ОИДР с 1 ноября 1833 г. по 1 января 1835 г. // Труды и летописи ОИДР. 1837. Ч. VIII. С. 334.
- ¹⁴ Байцура Т. Указ. соч. С. 279.
- ¹⁵ Там же. С. 241.
- ¹⁶ Соколов Е.И. Бумаги Ю.И. Венелина, хранящиеся в библиотеке Императорского Общества истории и древностей российских. М., 1899. С. 18.
- ¹⁷ Русский исторический сборник (далее – РИС). 1837. Т. 1. Кн. 2. С. 128.
- ¹⁸ РИС. 1837. Т. 1. Кн. 1. С. 115, 117.
- ¹⁹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 203. Кн. 5. Л. 367 об.
- ²⁰ РИС. 1840. Т. 3. С. 399.
- ²¹ Там же. С. 404, 408, 412, 413.
- ²² ОР РГБ. Ф.49. Кар. II. Д. 23. Л. 1.
- ²³ Чертков А.Д. Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг. М., 1843. С. 12.
- ²⁴ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 445. Д. 302. Л. 214 об.
- ²⁵ Макаров М. [«Еще мысль Венелина»] // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1839. № 25. С. 539.
- ²⁶ Венелин Ю.И. Древние и нынешние словесы в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам: Историко-критические изыскания. М., 1841. Т. 2. С. 161.
- ²⁷ Снегирев И.М. Дневник. М., 1904. Т. 1. С. 261.
- ²⁸ Байцура Т. Указ. соч. С. 281–282.
- ²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 307. Л. 19–43.

Формирование образа России в хорватском общественном сознании в годы иллиризма (30-40-е годы XIX в.)

Abstract:

Leschilovskaya I.I. *The formation of the image of Russia in the Croatian public consciousness in the years of the Illyrian movement (30-40-ies of the XIX century)*

This article is devoted to the formation of the image of Russia in the Croatian public consciousness in the years of the Illyrian movement and its propaganda in the society. Objective and subjective factors shaping the image of Russia are named. It represented a country of vast expanses with a related to Croats Slavic population, a civilized country with great military power, rich culture and friendly social attitude toward Croatian people.

Ключевые слова: Хорватия, иллиризм, образ России, Л. Гай, И. И. Срезневский, русско-хорватские связи, всеславянство.

Интерес к России хорватских интеллектуалов четко проявился уже с начала XVIII в. Этому способствовали решительная преобразовательная деятельность Петра I в России и особенно его победное сражение под Полтавой в 1709 г. Русский царь стал надеждой поработенных Турцией южных славян в деле освобождения их от власти султана. Ему посвящались панегирические оды, отмечалась рациональная позиция Петра I в отношении церкви. Позднее в поле зрения вошли внешняя политика России в годы правления Елизаветы Петровны и Екатерины II. Но эти высказывания, при всей их значимости, были разбросаны во времени, бессистемны и в основном имели место в рукописях.

В новой обстановке, в годы иллиризма у общественности Хорватии стал складываться образ России – как концентрация устойчивых общественных представлений о стране. Информация о ней поступала из разных источников и разными путями: из австрийской прессы и книг, благодаря накоплению знаний в процессе обучения, даже из слухов.

Формирование образа России в хорватской среде протекало под воздействием комплекса факторов, объективной и субъективной природы. Первым объективным фактором был экономико-географический. В Хорватии грамотные люди знали о пространственной шире России, ее морозах, о величине и блеске ее главных городов – Петербурга и Москвы, о многочисленности и многолюдности российских ярмарок и т.д. Все это не могло не привлекать внимание к России, не воздействовать на сознание людей. Рождался интерес к этой заснеженной и таинственной стране.

Политический фактор состоял в блестящей победе славянской России над Наполеоном, покорившим пол-Европы. Эта победа вызвала гордость за Россию у многих славян, и у хорватов, в частности. А русско-турецкая война, за-

вершившаяся в 1829 г. Адрианопольским миром, усилила надежды балканских славян на Россию как освободительницу от власти Турции. Неотъемлемой частью образа России стала ее воинская слава.

Этнический фактор. С давних времен в исторической памяти славян существовало, то усиливавшееся, то ослабевавшее, сознание генетического родства этих народов. Особенно четко оно проявилось в книге дубровницкого аббата Мавро Орбина, получившей известность как «Славянское царство» (Венеция, 1601 г.). В 1722 г. она была переведена по приказу Петра I с итальянского языка на русский и издана в Петербурге под названием «Книга историография». В оригинале и русской версии труд Орбина был широко распространен в славянском мире. С наступлением национальной поры в хорватской интеллектуальной среде начались поиски национальной идентичности, родилась потребность определить место хорватов в кругу европейских народов, найти ближайше родственные себе этносы. Идейные поиски неизбежно привели к России.

Культурный фактор. В первой половине XIX в. мощь русской культуры была признана в Европе. Культурное влияние России испытывали многие народы. Хорватские писатели, осваивавшие романтическую эстетику и использовавшие опыт европейского романтизма, отдавали при этом должное и русской литературе, следуя в ряде случаев за русскими образцами. Русская культура делала образ России цивилизованным и исключительно привлекательным.

Среди субъективных факторов формирования образа России в годы иллиризма имел место идейный фактор. Это было «всеславянство» – идейное положение о целостности славян на основе генетического и культурного их родства, получившего после выхода исторических и историко-литературных трудов П. Й. Шафарика научное обоснование. Концепция «всеславянства» захватила общественность значительной части славянского мира, в особенности в Австрийской империи. Она получила концентрированное выражение в «учении о славянской взаимности» словацкого пастора, представителя чешского и словацкого Возрождения Яна Коллара. В контексте «всеславянства» Россия прочно вошла в идейную систему иллиризма. Естественно, единственной независимой славянской стране – России – отводилось особое место в славянском мире. Так образ России обрел ореол величия.

Второй субъективный фактор состоял в личностных контактах представителей хорватской и российской общественности. Это произошло впервые в истории двух народов. Встречи сопровождались взаимным расположением и симпатиями друг к другу. В глазах хорватов русские писатели и ученые, поддерживавшие деятельность участников иллиризма, персонифицировали собой Россию. Складывалось представление о России на эмоциональном уровне.

Главную роль в формировании и пропаганде среди хорватов и других южных славян образа России играла печать иллиризма. В первой национальной газете «Новине Хорватске» (с 1836 г. «Илирске народне новине»), основателем и собственником которой был Людевит Гай, публиковались политические

новости о России, почерпнутые из австрийской печати. Разнообразные материалы о России печатались в литературном приложении к газете «Даница хорватска, славонска и далматинска» (с 1836 г. «Даница илирска») и журнале «Коло». При этом целевая установка руководства движением во главе с Л. Гаем состояла в том, чтобы создать у соотечественников и других южных славян, которые входили в круг интересов иллиризма, представления о славянской России как родственной, развитой, пользующейся уважением в Европе и мощной державе, способной стать опорой в их освободительной борьбе.

В 30-е годы XIX в. информацию о жизни России редакция «Даницы» черпала из австрийских и чешских газет. Это придавало помещавшемуся в журнале материалу о России налет случайности. «Даница» не всегда могла фиксировать внимание читателей на важнейших явлениях жизни России и подчас публиковала малосодержательные заметки, почерпнутые из посредственных источников.

В 40-е годы «Даница» по-прежнему брала материал о России в основном из австрийской и чешской прессы. Но кое-что перепечатывалось из русских газет и журналов. Только выдающийся поэт Станко Враз как редактор журнала «Коло» получал сведения непосредственно от редактора варшавского журнала «Денница» П. Дубровского. Но это касалось исключительно литературной русской жизни. Сведения о России расширились, когда Загреб посетили во второй половине 40-х годов первые русские слависты и путешественники.

Получение в Хорватии книг и журналов непосредственно из России было связано с большими трудностями. Книги на продажу шли из Петербурга через Лейпциг и Вену. В самой австрийской столице с трудом можно было достать русскую книгу. Даже в 1847 г. Враз в письме к чешскому деятелю культуры В. Ганке жаловался: «Вообще могу Вам сказать, что мы в отношении русской литературы находимся в страшной темноте, потому что не имеем ни средств, ни путей выбраться на свет».¹ Все это ограничивало возможности хорватских деятелей в ознакомлении соотечественников с Россией.

В «Данице» материалы на русские темы помещались с начала выхода издания, с 1835 г. Первоначально это были нравоучительные сентиментальные рассказы о добродетелях русских царей. Но постепенно «Даница» перешла к систематическому освещению современной жизни России, стала знакомить читательскую публику, конечно, в переводе, с образцами русской публицистики, поэзии, прозы и т. д.

29 августа 1835 г. Гай поместил в «Данице» большую статью «Наш народ». Она была посвящена «славянскому народу», которому он отвел больше половины Европы и третью часть Азии. Автор образно представил его в виде огромного великана, голова которого омывалась лазурным Адриатическим морем, а ноги упирались в китайскую стену. В правой руке он держал Черное море, а в левой – Балтийское. Его головой была средняя Иллирия, грудью – Венгрия и Карпаты, его сердце находилось под Татрами, желудок – в польской равнине, а живот и ноги представляли русские просторы. В этом образе Гай выразил бескрайние размеры России и жизненную важность ее для славян.

Наиболее обстоятельно, насколько это позволяли источники, «Даница» освещала литературную, научную и вообще культурную жизнь России. В 1837 г. была помещена первая в Хорватии статья о А. С. Пушкине, краткий очерк биографии и творческого пути поэта, основанный на сведениях из австрийской печати. В 1838 г. из заметки «Гордость русской литературы» хорватская общественность впервые узнала о русском баснописце И. А. Крылове.²

С 1839 г. в «Данице» помещались обзоры русской литературы.³ В 1841 г. был напечатан «Обзор художественной русской литературы» за подписью «J».⁴ Надо полагать, что автором его был русский славист И. И. Срезневский, живший в это время в Загребе и печатавшийся в указанном журнале. В обзоре впервые были упомянуты имена М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, Д. Давыдова. Почти одновременно в «Данице» была перепечатана из «Северной пчелы» статья, рассказывающая об издательской деятельности А. Ф. Смирдина, много сделавшего для распространения русской литературы.⁵ Во втором и третьем выпусках «Коло» были опубликованы выдержки из писем П. Дубровского с обзором русской журналистики, научной и художественной литературы за 1842 г. Впервые тогда читатели журнала узнали о Н. В. Гоголе и его романе «Мертвые души», о выходе романа Лермонтова «Герой нашего времени». Дубровский сообщал подробные сведения о русских книгах по истории, юриспруденции, географии, этнографии, лингвистике, экономике, медицине, военному делу и т.д.⁶

Русской культуре была посвящена в «Данице» в 1841 г. заметка «Музыка в России», где говорилось о русских композиторах М. И. Глинке, А. Н. Верстовском, Н. А. Львове. В следующем году в разделе «Всеславянские вести» было рассказано о художнике И. К. Айвазовском.⁷

Первые сведения о научной жизни в России содержались в статье Гая «Некоторые славянские общества как средство народного просвещения», помещенной в «Данице» за 1836 г. В ней в числе прочих перечислялись русские научные и культурно-просветительные учреждения и общества.⁸ Той же теме была посвящена статья «Народное просвещение в России», переведенная В. Бабукичем из журнала «Ost und West», и статья «Академия наук в Петербурге».⁹ «Даница» сообщала о новинках научной литературы в России.

Помещались материалы по истории и этнографии России. Таковы были статьи в «Данице», заимствованные или составленные на основе австрийской печати: «Возникновение Петербурга», «Заметки из России», где описывались некоторые русские народные обычаи, «Монголы под Киевом», исторический рассказ «Ярослав и новгородцы».¹⁰

Хозяйственная жизнь России была затронута в 1842 г. в статье «Ямарка в Харькове», представлявшая собой также перевод с немецкого.¹¹

В «Данице» нередко помещались в переводе публицистические и исторические сочинения русских авторов, напечатанные непосредственно в русских изданиях, но также заимствованные из чешской периодики. Это были работы А.С. Шишкова, Н. М. Карамзина, Ф. В. Булгарина.

Хорватские литературные органы печатали в переводе стихотворения и рассказы русских писателей. В 30-е годы они заимствовались из чешских изданий. Но позднее хорватские писатели переводили непосредственно с русского языка. Первым из русских поэтических сочинений было напечатано в 1837 г. в «Данице» стихотворение Карамзина «Отечество» в переводе Топаловича.¹² В том же журнале вышли в переводе Враз и Д. Деметера стихотворения Лермонтова, Хомякова, Веневитинова. Но больше всего хорватские авторы переводили Пушкина. Этому способствовало то обстоятельство, что Гай имел в своей библиотеке «Собрание сочинений» русского поэта издания 1838 г. В «Данице» стихотворения Пушкина печатались в переводе Враз, Деметера и под инициалами М. Д. Во второй книге «Коло» за 1842 г. увидела свет «Пиковая дама», переведенная М. Поповичем. Деметер поместил в альманахе «Искра» за 1844 г. вольный перевод «Метели». А во «Всобщем загребском календаре» на 1846 г., издателем которого был Л. Жупан, а редактором С. Врбанчич, нашла место повесть Пушкина «Выстрел».

В «Данице» были опубликованы в переводе повести Ф. В. Булгарина, М. П. Погодина, второстепенные сочинения Н. М. Карамзина. И. Кукулевич-Сакцинский обработал его повесть «Марфа посадница».

Хорватские поэты, в первую очередь Враз, испытали на себе влияние русских классиков, в особенности Пушкина. В «Коло» Враз в литературно – критической статье писал: «Мы не можем всем тем нашим господам, которые пишут повести, иного рекомендовать, как то, чтобы они читали повести Пушкина, Гоголя и старались стать для нас, иллиров, в нашем духе тем, чем являются два названных писателя в русском духе для русских братьев».¹³ Обращает на себя внимание, что Враз в годы становления романтизма в хорватской литературе подчеркивал общественную значимость двух реалистических русских писателей и связывал их творчество с народностью русской литературы.

В переводах хорватских писателей с русского языка был элемент случайности. Переводились нередко малозначительные авторы, а у видных русских писателей второстепенные произведения. Такое положение могло объясняться тем, что хорватские авторы в своей переводческой деятельности были связаны кругом русских произведений, которые к ним попадали. Но сказывалось в данном случае и недостаточное знание ими русской литературной жизни.

В хорватских периодических изданиях помещались и другие материалы, касающиеся русского общества.

Немалое значение в процессе формирования у хорватов образа России имели также личные контакты хорватских и русских общественных деятелей. В 1840 г. Гай лично посетил Россию, рассчитывая получить здесь материальную помощь. Русские официальные лица воздержались из политических соображений от прямой и открытой поддержки Гая, но сбору средств в его пользу частным путем воспрепятствовано не было. В Петербурге Академия наук выделила ему 1000 руб. В Москве Гай был радушно встречен в кругу славянофилов. А. С. Хомяков писал Н. М. Языкову 28 августа 1840 г.: «Наша Москва входит в славу. Сюда явился Гай, восстановитель Словенства

Иллирийского».¹⁴ Наиболее тесные контакты Гай установил с Погодиным, который еще раньше слышал о хорватском деятеле и одобрял его деятельность. Гай представил русскому ученому ряд записок различного содержания, касавшихся иллиризма и его значения на славянском юге.¹⁵ Подписка в пользу Гая в Москве принесла ему 17 тыс. руб. серебром.¹⁶ Славянофилы познакомили Гая с историческими достопримечательностями Москвы, ее бытом, театром.

На деньги, полученные в России, Гай приобрел собрание рукописей, книг, разных древностей и редкостей для национального музея. В самой России он также собрал значительную коллекцию русских книг и рукописей. В 1842 г. хорватский деятель был избран действительным членом Одесского общества любителей истории и древностей. До 1843 г. между Гаем и Погодиным подерживалась переписка, но затем она прервалась.

В 40-е годы XIX в. Хорватию и Славонию посетили русские ученые и путешественники. Первым в 1840 г. в Загреб приехал О. М. Бодянский, через год в Хорватию побывали И. И. Срезневский и П. И. Прейс, а в 1846 г. – В. И. Григорович. Они проходили за границей подготовку для занятия кафедр славистики в Московском, Харьковском, Петербургском и Казанском университетах. В 1841 г. Загреб посетили в качестве путешественников попечитель Одесского учебного округа, председатель Одесского общества любителей истории и древностей Д. М. Княжевич и журналист Н. И. Надеждин. В 1843 г. в Загребе был литератор В. А. Панов. В 1845 г. в Хорватии и Славонии побывали профессор Петербургского университета Ф. В. Чижов, историк русской литературы А. Д. Галахов, публицист и переводчик Н. А. Ригельман. Посещение русскими Хорватии отражало возрастающий интерес к ней в России.

Русские слависты, ученые, представители русской культуры общались с видными хорватскими общественными деятелями, бывали на национальных вечерах, в Иллирской читальне, в национальном театре. Они ознакомились с историческими памятниками Загреба и других мест Хорватии. Большой интерес был проявлен русскими к народному быту, народным хорватским песням и вообще фольклору.¹⁷

Русские слависты и путешественники были окружены радушием и вниманием в Хорватии. И. И. Срезневский по прибытии в Загреб писал матери: «На другое утро я отправился к Гаю; стоило мне сказать, что я русский и Срезневский, как меня и Гай, и другие, бывшие у него, давай целовать, обнимать. Они меня не ждали: Шафарик писал им, что я буду в Загребе из Далмации».¹⁸ Теплое отношение деятелей иллиризма к русским отмечал и Чижов. «Вообще нас на руках носят, – записывал он в дневнике, – то один с нами, то другой – беспрестанно».¹⁹ «Даница» освещала пребывание русских славистов в Хорватии.²⁰ Все это определялось горячими симпатиями, которые деятели иллиризма питали к русскому народу. В 1841 г. Срезневский писал из Загреба: «Ревность в изучении русского языка страшная... Не только тут, но во всей Кроации, Славонии, отчасти в Далмации и далее все молодое поколение за русских».²¹

Из посетивших Хорватию русских наиболее активное и горячее отношение к хорватскому Возрождению проявил И. И. Срезневский, впоследствии крупный представитель русской славистики. Он приобрел в Хорватии искренних друзей. Чижов записывал в дневнике: «Здесь Срезневский оставил по себе славную память».²²

Особенно теплые отношения установились между Срезневским и Вразом. Они совершили совместное путешествие по хорватскому Загорью и словенским землям. Некоторое время их сопровождал поэт И. Мажураич. Срезневский и Враз длительное время переписывались. Враз поддерживал связь и с Бодянским.²³

Срезневский еще до приезда в Загреб имел представление о литературно-языковой деятельности участников иллиризма и одобрял ее. Русский ученый видел целесообразность духовного сближения южных славян. Вместе с тем он первое время разделял и заблуждения относительно возможности литературно-языкового соединения словенцев с хорватами.²⁴ По приезде в Хорватию Срезневский непосредственно мог наблюдать живую национальную деятельность. Он с большим уважением и одобрением отнесся к литературным и другим национальным начинаниям Гаю и его сподвижников, с удовлетворением писал об оживлении литературной и общественной жизни в Хорватии. «О духе “домородства” я уже не говорю, – замечал он в письме к Ганке, – душа проснулась и хочет жить, и чем больше живет, тем больше хочет жить».²⁵ Срезневский писал об успехах «литературы иллирийской». «Между сими писателями, – замечал он, – первое место, если не по слогу и множеству сочинений, то по духу возбуждения, по влиянию на всех других, бесспорно, принадлежит незабвенному Гаю... Враз, Вукотинович, Деместер, Кукулевич Сакцинский, Раковац, Стоос и некоторые другие, как поэты с душою, заняли бы почетное место во всякой литературе. Особенно мне нравится Враз, как поэт, умеющий понимать дух народный... Бабукич и Мажураич не могут не быть памятны по филологическим трудам...».²⁶ Срезневский подчеркивал интерес хорватской молодежи к славянским языкам. Русский ученый с удовлетворением отмечал успехи национального театра, деятельность читальни в Загребе и пр. Он с чувством удовольствия писал о сближении южных славян.²⁷ Оценивая в целом положительный вклад сторонников иллиризма в культурное развитие хорватского народа, Срезневский вместе с тем не одобрял распространенное среди поэтов подражание в языке дубровницким классикам XVII в. Он поддерживал точку зрения и направление творчества Враза, ориентировавшегося на народную поэзию как основу поэтической культуры. Срезневский считал также искусственным и нежизнеспособным предложенное хорватскими деятелями для южных славян название «иллиры» вместо этнонимов «сербы», «хорваты».²⁸

Одобрительно оценивал деятельность представителей хорватского Возрождения и П. И. Прейс. Он писал М. С. Куторге из Загреба 1 октября 1841 г. следующее: «В Кроации за семь лет ничего не было. Теперь же в одном Аграме работают две типографии без усталы; выходят две газеты (политич. и литературн.) на иллирском (или что все равно на сербском); к новому году число

повременных изданий увеличится вдвое; в каждом несколько значительном городе устроены кабинеты для чтения (читальницы); их теперь уже 6; скоро будет основан в Аграме музей и учено-литературное общество при нем; в Аграме же заведен постоянный театр Иллирский; по городам странствуют труппы. Мысль не отстать от прочих собраний одушевляет всех: мадьяры чрезвычайно как помогают им. Молодежь возбуждена к деятельности живой, патриотической. Если мерить европейским аршином, то, конечно, сделанное не Бог знает что, но – ради Бога, – можно ли более сделать в продолжение 7-ми лет? Не забудь еще, что все это творится усилиями частных людей и большею частью людей не богатых, не без борьбы со старым поколением и с неприятелями разного звания и происхождения».²⁹

Русские слависты сотрудничали в хорватских национальных изданиях. Срезневский писал для «Даницы» и «Коло» небольшие корреспонденции, литературные обозрения, библиографические заметки, помещал записанные им хорватские народные песни. Прейс напечатал во втором выпуске «Коло» за 1842 г. «Старинное открытое письмо» (глаголический памятник 1457 г.). Григорович, будучи в Загребе, предоставил в распоряжение Врза свое богатое собрание болгарских и македонских народных песен. Часть из них была напечатана в «Коло». Между представителями русской и хорватской общности поддерживался книгообмен.

В глазах хорватских деятелей русские литераторы и ученые, столь расположенные к национальным усилиям хорватов, олицетворяли собой Россию. Моральная поддержка с их стороны иллиризма вызывала ответные чувства – благоговейное отношение к России.

В период иллиризма, в 30-40-х годах XIX в., в сознании активных его деятелей сложился многоликий и вместе с тем цельный образ России. В их видении это была огромная, с необозримыми просторами страна, с родственным хорватам славянским населением, страна, обладавшая военной мощью, страна цивилизованная, с богатой культурой и развитой наукой, при этом с благожелательным отношением общества к другим славянам, и хорватам в частности. В общих чертах это был адекватный взгляд на Россию, хотя и существовала тенденция к ее идеализации.

Пропаганда такого образа России в хорватской среде упрочивала уверенность хорватов в жизни, усиливала их веру и надежду на освобождение от иноземной власти и реализацию желаний об улучшении жизни. А в перспективе образ России работал на одну цель: установление и развитие дружественных отношений между русским и хорватским народами.

Примечания

¹ Францев В. А. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905. С. 181.

² Danica. 1837. Br. 22. S. 85, 86; 1838. Br. 13. S. 51, 52.

³ Danica. 1839. Br. 11. S. 43, 44; 1840. Br. 13. S. 52; 1840. Br. 14. S. 54–56.

⁴ Danica. 1841. Br. 37. S. 151.

⁵ Danica. 1841. Br. 36. S. 146–148.

- ⁶ Kolo. 1842. II. S. 91–94; 1843. III. S. 108–116.
- ⁷ Danica. 1841. Br. 47. S. 194–195; 1842. Br. 13. S. 52.
- ⁸ Danica. 1836. Br. 31. S. 123–124.
- ⁹ Danica. 1839. Br. 5. S. 20; Br. 6. S. 24; 1843. Br. 37. S. 147, 148.
- ¹⁰ Danica. 1837. Br. 36. S. 148; Br. 37. S. 149–151; Br. 51. S. 205–207; Br. 52. S. 210, 211; 1847. Br. 26 i sl.; 1845. Br. 41. S. 160–164; Br. 42. S. 166, 167.
- ¹¹ Danica. 1842. Br. 47–49.
- ¹² Danica. 1837. Br. 14. S. 53.
- ¹³ Kolo. 1842. II. S. 106.
- ¹⁴ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Т. V. С. 444.
- ¹⁵ Попов Н. А. Людевит Гай в России в 1840 году // Древняя и новая Россия. СПб., 1879. № 8. С. 280–281.
- ¹⁶ Эту сумму назвал Погодин в речи в 1868 г. Хомяков же писал в 1840 г. о 20 тыс. руб. Барсуков Н. Указ. соч. С. 447.
- ¹⁷ См.: Лещиловская И. И. Иллиризм. М., 1968. С. 300–301.
- ¹⁸ Живая старина. СПб., 1893. Вып. I. С. 32.
- ¹⁹ Славянский архив. М., 1958. С. 150.
- ²⁰ Danica. 1841. Br. 14. S. 56; Br. 28. S. 116; 1840. Br. 11. S. 44.
- ²¹ Живая старина. С. 37.
- ²² Славянский архив. С. 149.
- ²³ Живая старина. СПб., 1895. Вып. I. С. 45–56.
- ²⁴ Францсв В. А. Письма к Вячеславу Ганке... С. 954, 955, 959.
- ²⁵ Там же. С. 963.
- ²⁶ Там же. С. 964, 965.
- ²⁷ Там же. С. 965.
- ²⁸ Там же. С. 993, 994, 1012, 1013.
- ²⁹ Живая старина. СПб., 1891. Вып. III. С. 41.

Болгары и турки в Османской империи: идеологические стереотипы и культурное взаимодействие

Abstract:

Makarova I.F. *Bulgarians and Turks in the Ottoman empire: ideological stereotypes and cultural interaction*

This article is devoted to various aspects of the ethno-cultural interaction between Bulgarians and Turks in the XV–XIX centuries.

Ключевые слова: болгары, турки, этнос, культура, христианство, ислам, ассимиляция.

Проблема ассимиляции была для болгар остро актуальной все пять столетий их пребывания в составе Османской империи. Кроме угрозы прямой исламизации не меньшую опасность для будущего нации представляла весьма высокая вероятность потери народом самобытного этнокультурного облика в процессе постоянного и массового контакта с исламской культурой и тюркским этносом. В современной историографии данный процесс обычно называют естественной или скрытой ассимиляцией. Под этим термином чаще всего понимается такой характер межэтнического взаимодействия, который, не являясь следствием насильственных акций, а лишь результатом специфики развития конкретного общества, приводит, однако, к постепенному вытеснению самобытной культуры одного из контактирующих этносов¹. Данная статья посвящена анализу реакции общественного сознания и культуры болгар на интеграцию в исламскую модель цивилизации. Работа ориентирована на комплексный междисциплинарный подход с использованием наработок различных гуманитарных дисциплин – истории, филологии, культурологии, искусствоведения.

Предварительно анализ показывает, что отличительной особенностью стереотипа турок на страницах болгарской книжности XV–XVIII вв. была исключительно высокая степень его идеологизации². Буквально все книжники (Евфимий Тырновский, Иоасаф Бдинский, Григорий Цамблак, Константин Костенечский, Матвей Грамматик, священник Пейо, Паисий Хилендарский, Софроний Врачанский, составители рукописных сборников XVII–XVIII вв., оставившие на полях записи о современных им событиях) много и эмоционально говорят о турках. Важно при этом отметить, что представления собственно этнического или этнополитического характера фактически вытеснены в их текстах более сложными понятиями, включающими в себя обязательный конфессиональный компонент. Уничжительные конфессионимы – «агаряне» и «исмаилиты» (производные от имени наложницы Авраама Агари или сына ее Измаила) сопутствуют всем понятиям, так или иначе связанным с ними.

Это касается как обозначения новой османской государственности («агаренский/исмаилитский царь»), «страны исмаилитские», «пределы исмаилитский» и т.д.), так и собственно этнических категорий («агаренский/исмаилитский род», «исмаилитский язык», «исмаилитский язык» – в значении народ).

До начала XVIII в. использование турецкого этнонима («турок/турчин») для книжников не характерно. Его употребление носит в текстах разовый характер и по смыслу полностью совпадает с названными конфессионимами. На подчеркивание религиозного антагонизма нацелены и используемые эпитеты – безбожные, нечестивые, неверные, бесчинные, языческие, несправедливые, незаконные, богомерзкие, проклятые, богопротивные, безумные и т.д.

В эмоциональном отношении исключение составляет, пожалуй, лишь «Житие Стефана Лазаревича» (начало XV в.), в котором на позицию автора (Константина Костенечского) прямо влияют перипетии отношений деспота Стефана с турками. Например, описанию дружественных отношений деспота с султаном Баязидом нередко сопутствуют пассажи весьма лояльные по отношению к завоевателям. Однако и в данном случае стереотип их восприятия ограничен конфессиональными рамками.

Необходимо, впрочем, отметить, что узко конфессиональная направленность книжного стереотипа довольно точно отражала жизненные реалии того времени. Вплоть до середины XIX в. османы фактически не пользовались на Балканах турецким этнонимом³. Турками себя называли здесь исключительно турецкие крестьяне и кочевники из числа тюркских колонистов, тогда как все остальные предпочитали термин мусульмане. По этому поводу в 50-х гг. XVI в. один из наиболее внимательных путешественников того времени – Х. Дерншвам, особо отмечал, что «когда кто-либо назовет турка турком, его бьют или ругают. Турки хотят, чтобы их называли мусульманами, что значит верующие. Такие мусульмане считают, что настоящие турки живут в Азии»⁴.

В значительной степени ужесточению конфессионализации общественного сознания болгар способствовала и позиция Константинопольской патриархии. Вынужденная противостоять напору исламской агрессии, православная церковь была озабочена задачей консолидации своей разноплеменной паствы. Один из путей решения этой сложной проблемы лежал в плоскости подавления у прихожан чувства этнической принадлежности и насаждения установок общехристианского характера. Вероятно, не без влияния данного фактора в XVI в. и была развернута кампания по созданию и популяризации новых церковных культов, прославляющих современных мучеников, погибших за веру от рук магометан. Характерной их особенностью стала откровенная космополитическая тональность и тщательное избегание каких-либо этнических привязок. В отличие от аналогичных произведений доосманской эпохи национальная принадлежность героев как бы вообще перестала существовать. Вне зависимости от места событий, будь это Константинополь, Янина или София, мученический венец за православную веру принимали не греки или болгары, а просто христиане.

подавляющее большинство сочинений такого рода было посвящено неомученикам-грекам, но среди них встречаются и болгары – Георгий Новый и Николай Софийский, казненные в 1515 г. и 1550 г. Анализ текстов показывает, что авторы этих мученических житий – священник Пейо и Матвей Грамматик, сумели продемонстрировать яркие образцы актуальной для эпохи внеэтнической идеологии. В частности, оба книжника полностью отказались от использования в тексте болгарского этнонима, последовательно заменяя его конфессионимом («христиане»), «христианский род», «православных сословие» и т.д.). Данная тенденция была характерна в XVI–XVIII вв. и для составителей рукописных сборников. Термин «болгары» употреблялся в них очень редко, а все население болгарских земель именовалось не иначе как «христианами». Например, в приписке от 1716 г. к одной из богослужебных книг говорится о «бунтах среди христиан»⁵. В Минее из Македонии (1725) упоминается об эпидемии среди «христиан и турок»⁶. Даже к концу столетия эта традиция изменилась незначительно. Приписки к рукописям двух последних десятилетий XVIII в. (эпохи разгула кырджалийских банд) буквально переполнены жалобами по поводу несчастий, обрушившихся на головы бедных «христиан», но лишь изредка среди них встречается термин «болгары». Чаще всего этноним, если и употребляется, то параллельно с конфессионимом, как бы слегка конкретизируя его (например, «страдания бедных христиан ... болгар») ⁷.

Говоря о последствиях воздействия церковной пропаганды на самосознание болгарской паствы, большинство специалистов склонны оценивать их как весьма результативные. Например, по мнению Э.А. Ивановой, к XVIII в. осознание своей принадлежности к общехристианской религиозной общности занимало доминирующее место в общей структуре самосознания болгар⁸. Одним из наглядных проявлений данной тенденции явилось, в частности, широкое распространение в болгарских землях культов общеправославных святых в ущерб местным⁹. Записи в афонских монастырях и скитах, регистрировавшие дарителей, также свидетельствуют, что паломники из болгарских провинций щедро одаривали в этот период все обители и скиты, не выделяя особенно болгарские или славянские¹⁰.

Закономерным следствием глубокой конфессионализации массового сознания стало, по-видимому, появление практики, ориентированной на отторжение этносом тех своих членов, которые переставали соответствовать единому религиозному стандарту. В «Житии Николая Софийского» Матвеем Грамматиком довольно подробно описана бытовая ситуация, сопутствовавшая переходу главного героя в ислам. Будущий мученик хотя и был обрезан в бессознательном состоянии своими приятелями-турками (после обильной дружеской попойки), но не имел ни малейшего желания отречься от христианства. Однако все окружающие – и члены семьи, и родственники, и соседи от него отвернулись. Сначала «ридания беху и не точию от ... съжителнице его, но и от всьех сьродникъ и братии и просто рещи всьехъ православныхъ»¹¹, затем начались «оскръбления ... и печалы и различные досады и укоризны»¹². В конечном итоге, не вынеся всеобщего порицания, полностью признавая его справедли-

вость, видя себя «от съродных възненавидену и от братии гнушаему»¹³, главный герой решил избрать «путь истины», т.е. мученичества. Причем, на общественный ostracism ничуть не влияла тайная приверженность Николая православию. Даже лишенный возможности посещать церковь, он, тем не менее, продолжал молиться дома перед иконой Иисуса Христа¹⁴. Однако, по всей видимости, акт формальной смены религии не мог быть смягчен в глазах его соотечественников никакими компромиссными вариантами.

На вопрос относительно влияния акта вероотступничества на сознание новообращенных однозначный ответ дать трудно. Сохранившиеся источники содержат на этот счет весьма скудные сведения. Есть основания полагать, что в первом поколении так называемые новые мусульмане продолжали сохранять четкое осознание своей этнической принадлежности, однако данное обстоятельство уже не имело особого значения. Например, в 1433 г. француз Б. де ла Брокьер имел возможность несколько раз беседовать с мусульманами болгарского происхождения. Один из них был освобожденный раб, возвращавшийся после паломничества в Мекку, другой – бейлербей Адрианополя. Оба не только помнили, но и не считали нужным скрывать свои этнические корни. При этом, однако, желали, чтобы окружающие воспринимали их исключительно в качестве правоверных мусульман¹⁵. Сходным образом характеризует самосознание многочисленных османских сановников – недавних христиан – и чешский дворянин Владислав, вынужденный провести в конце XVI в. долгие годы в турецком плену. Упомянув в своих мемуарах множество чиновников различных рангов, он неизменно указывает их этническое происхождение – греческое, сербское, албанское, болгарское и т.д.¹⁶. Эта деталь лишней раз демонстрирует широкую доступность информации подобного рода, одновременно подчеркивая ее неактуальность для современников.

Не влиял, по-видимому, на характер самосознания новообращенных и факт сохранения ими столь важного признака этнической принадлежности как язык. В середине XVI в. иностранцев, например, очень удивляло то обстоятельство, что янычарская гвардия, сплошь состоявшая именно из потурченцев, пользовалась в своем внутрикorporативном общении не турецким, а славянским языком¹⁷. Сохранились свидетельства, что в период везирства сербского потурченца Мехмеда Соколовича (1555–1579) именно славянский оказался на практике едва ли не основным языком имперской канцелярии¹⁸.

Результаты перехода в ислам в различных областях страны были не одинаковыми. Там, где мусульмане составляли значительную или преобладающую часть населения, вероотступничество обычно приводило к быстрой и полной ассимиляции, включая утрату новообращенными языка и этнокультурного облика. Это касалось не только жителей крупных городов Фракии и Мизии, где, согласно данным налоговой документации, мусульмане начали численно преобладать уже со второй половины XV в.¹⁹, но также долин крупных рек и мест, удобных для разведения скота. Последнее было связано с тем, что, стремясь упрочить свои позиции в недавно завоеванном регионе, османские власти активно переселяли на Балканы из азиатских провинций кочевые племена татар

и юруков. Наиболее активную фазу тюркской колонизации полуострова специалисты относят к последней четверти XIV – второй половине XVI вв.²⁰. Колонизационная волна особенно плотно накрыла черноморскую часть северной Фракии, Добруджу, восточную Фракию, Беломорие и некоторые районы Македонии²¹. По самым приблизительным оценкам, общее число юруков в Мизии и Фракии составляло во второй половине XVI в. не менее 1353 оджаков (приблизительно 135000 человек), а количество татар 66 оджаков²². В отдаленных же, прежде всего, горных районах, где этнические турки были редкостью, перешедшее в мусульманство болгарское население имело возможность веками сохранять свой бытовой уклад, язык, традиции. Так в районе Родоп, Пирина и Малашевских гор возникли поселения помаков – болгар, осознающих свою этническую сущность, но исповедующих ислам.

В условиях конфессиональной стратификации общества помаки оказались в чрезвычайно сложном положении. Приняв мусульманство, в глазах православных болгар они утрачивали статус полноценных соотечественников. Вероятно, не случайно Паисий Хилендарский, повествуя в «Истории славяноболгарской» (1862) о горестях своего народа, ни разу не упоминает о проблемах, связанных с переменной религии. Скорее всего, он неосознанно выразил тем самым общую позицию по отношению к ренегатам. На это же косвенным образом указывает само название «помаки». Этимология этого термина хотя и вызывает споры, однако не выходит, чаще всего, за рамки неслестных и оскорбительных эпитетов, связанных с понятием «измена».

В то же время в глазах турок помаки так и не стали полноценными мусульманами. Сохранились свидетельства, что даже в середине XIX в. в Восточных Родобах турки не использовали по отношению к ним традиционное обращение «дин ислям», а лишь «ерум денлии» (т.е. полуверные), а в качестве наиболее распространенного оскорбления использовали выражение «дйонмета» или «гявурдйонмеси» (изменники веры и своего народа)²³. Не было особого доверия к помакам и в войсках: их предпочитали распялть между другими мусульманами или посылать на подсобные физические работы.

Причины столь подозрительного отношения крылись, по всей видимости, в стойком сохранении в среде помаков многочисленных следов христианской обрядности, обычаев и верований. Этнографический материал из района Родоп (где начало проникновения ислама относится к XV–XVI вв., а массовые насильственные акции к середине XVII в.) свидетельствует, что местные потурченцы продолжали на протяжении веков сохранять верность традиционному жизненному укладу и многим христианским обычаям²⁴. Вплоть до конца XIX в. помаки повсеместно соблюдали основные ритуалы, связанные с православным календарными праздниками, практиковали в быту многие христианские обычаи, зачастую лечили болезни с помощью креста, икон, церковных реликвий и т.д. В отдаленных горных районах женщины пренебрегали даже обязательными для всех мусульманок ограничениями, связанным с ношением головного покрывала, и запрета на присутствие в местах скопления мужчин. И, наконец, что было особенно важно, помаки прекрасно помнили о своем

христианском прошлом, включая информацию о родственных связях с православными семьями²⁵.

Однако, сохранявшиеся черты этнокультурной близости не могли, по всей видимости, компенсировать факт конфессионального размежевания. Особенно наглядно антагонизм между двумя ветвями одной этнической общности проявлялся в периоды политической нестабильности. В последней четверти XVIII в. (в эпоху кырджалийства) жителей Фракии, например, терроризировали банды болгарских горцев-мусульман. Бесконечные набеги, начавшиеся в 1785 г. действиями так называемых хасковских разбойников не прекращались, несмотря на все усилия властей, вплоть до первых десятилетий XIX в. В 90-е гг. XVIII в особенно прославились своими зверствами отряды помаков Мехмеда Синапа и Дертли Мехмеда, наводившие ужас не только на фракийскую равнину, но и на жителей центральных районов. В эпоху национального возрождения конфессиональный антагонизм особенно наглядно проявился во время Апрельского восстания (1876), вылившись, в частности, в кровавую резню, устроенную в Батаке отрядами помаков во главе с их предводителем Ахмедом Барутанлия. По свидетельству участника тех событий З.Стоянова, от их рук в Батакев погибло более 2 тыс. человек²⁶.

Сохранение основных внешних признаков этнической принадлежности не могло, по-видимому, действенным образом препятствовать постепенной переориентации самосознания помаков. Фольклористами отмечено, что их песни и сказания существенно отличаются от аналогичных произведений, распространенных в среде православных болгар. Специальный анализ, проведенный Ст. Стойковой, показывает, что у родопских болгар-магометан утрачены сказания, содержавшие информацию исторического характера, особенно связанную с борьбой против турок, а также песни героического плана, пропагандирующие установки антиосманского характера. Для тех же, которые сохранились, характерна полная утрата политической заостренности²⁷. Эта специфика местного менталитета является, возможно, косвенным подтверждением тезиса о неизбежности процессов эрозии самосознания вероотступников в условиях теократической модели организации общества.

Рассматривая вопросы, касающиеся взаимодействия православных болгар с мусульманской средой, необходимо особо остановиться на проблеме культурной экспансии ислама, поскольку именно она имела особые шансы на успех. Осуществляясь в ходе непосредственного контакта культур, она не затрагивала напрямую идеологизированного сознания населения, а потому не встречала и осознанного сопротивления. Между тем, две контактирующие культуры – православная и исламская, изначально находились в неравноправном положении. Исламская занимала позиции элитарной, т.к. являлась культурой завоевателей, на удовлетворение нужд которых были ориентированы лучшие образцы местного рынка. Поэтому ремесленники (в том числе и православные), вынужденные считаться со вкусами заказчиков, постепенно осваивали приемы исламской ремесленной культуры. Близкому знакомству с художественными эталонами магометан способствовало и развернутое османами

широкое монументальное строительство, невозможное без привлечения местных мастеров и рабочей силы.

Раньше всего влияние ислама проявилось в изменении внешнего облика балканских городов. Современники отмечают, что уже к концу XV в. города Восточной Румелии начали приобретать явственный ориентальный облик. И дело было не только в появлении многочисленных мечетей и медресе. На путешественников большое впечатление производило изменение характера рядовой застройки. Особенно это относилось к внешнему виду наиболее крупных болгарских городов – Софии и Пловдива. По наблюдениям немецких дипломатов Х. Дерншвама, Ст. Герлаха, Я. Фон Хаймендорфа и др. уже в середине-второй половине XVI в. эти города оказались полностью застроены в магометанском стиле²⁸. В частности, дома по турецкому обычаю начали поворачивать окнами во двор, огороженный высоким забором, лишь лавки ремесленников смотрели на улицу. Эта особенность городов Мизии и Фракии бросилась в глаза и русским офицерам, участникам войны 1828–1829 гг.²⁹ Сравнительные исследования специалистов – историков архитектуры, также подтверждают процесс радикальной ориентализации болгарских городов. Согласно материалам, собранным Г. Кожухаровым, к середине XIX в. массовое жилище болгар уже мало отличалось от мусульманского, за исключением, разве что, отсутствия ритуальной комнаты для омовения³⁰.

Ориентация местных ремесленников на вкус богатых заказчиков привела к тому, что к XVIII в. наблюдается массовое проникновение элементов восточного стиля и во внутреннее убранство православного городского дома. По мнению историка болгарской культуры А. Протича, этот процесс в большей или меньшей степени затронул все предметы интерьера, но в первую очередь повлиял на оформление помещений с общественными функциями – кухню и гостиную³¹. Особенно широкие размеры приняло проникновение турецкой деревянной резьбы, которая с течением времени стала восприниматься как традиционное украшение болгарского дома³². В украшениях ремесленных изделий – металлической утвари и керамики к концу XVII в. также доминировало влияние восточного искусства³³.

Иностранцы отмечали и достаточно активное заимствование городским населением некоторых элементов турецкого костюма, подчас вплоть до его полного копирования. Например, немецкий дипломат М. Безолт в 1584 г. высказался по этому поводу вполне однозначно, записав в своем дневнике, что в городе «болгарские мужчины одеваются почти одинаково с турками»³⁴. Это сообщение подтверждается также впечатлениями посланника венецианской республики К. Зена и немецкого купца М. Грюневега³⁵. Особо большой популярностью пользовались турецкие чалмы, прежде всего сине-зеленые и пестрые³⁶. Данное наблюдение подтвердили в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и российские офицеры, обратившие внимание на пристрастие болгар к чалмам черного цвета³⁷.

Бытовая экспансия ислама затронула не только состоятельных обывателей, но и духовное сословие. Уникальную информацию на этот счет содержит

дневник немецкого дипломата Ст. Герлаха, имевшего возможность посетить в 70-х гг. XVI в. константинопольского патриарха в его личных покоях. Описывая рабочий кабинет высшего православного иерарха, Герлах упоминает, что тот был обставлен «по-турецки», что подтверждают приведенные им описания ковров, мебели и прочих деталей интерьера³⁸.

В целом, если судить по многочисленным запискам иностранцев, к середине XVIII в. бытовая исламизация православного населения стала в городах свершившимся фактом. Как писал по этому поводу французский путешественник П. Рико: у христиан и турок «почти одни и те же нравы, они мало отличаются друг от друга, если не принимать в расчет разницы религиозной»³⁹.

В отличие от горожан в сельской местности болгары старались сохранять приверженность традиционному внешнему облику. В XVII в. француз П. Кузнер отмечал, что если в городах представители всех христианских народов смешаны и по одежде, и по религии, то в селах они живут раздельно, и там одежда болгар сильно отличается, к примеру, от греческой⁴⁰. Особой консервативностью в этом отношении отличались женщины. Даже в наиболее крупных городах их одежда была минимально ориентирована на престижные турецкие эталоны⁴¹. В деревнях же она представляла собой яркие образцы этнографических одеяний, вдохновлявших путешественников на пространные описания. Своего апогея демонстрация национального костюма и сопутствующей атрибутики достигала в этнически пограничных зонах (Македония, долины рек Марицы и Нишавы, районы, прилегающие к Эгейскому бассейну), где количество изощренных и подчас весьма неудобных украшений превышало, на взгляд иностранцев, все разумные пределы⁴².

Культурная экспансия ислама немногим уступала по размаху бытовой. Анализ лексического состава болгарских книжных памятников XV–XVII вв. показывает, что уже к этому времени можно говорить об активном проникновении турцизмов в те сборники, составители которых пользовались бытовой лексикой (Физиологи, Громовники, Коледники, апокрифы)⁴³. Данная тенденция прослеживается и в многочисленных приписках современников к рукописным сборникам.

Что касается внешнего оформления рукописей, исследование искусствоведа А. Джуровой показало, что с середины XV в. в них наблюдается появление элементов восточного орнамента нового типа⁴⁴. В этом отношении особенно показательны рукописи Рильского монастыря. Например, заставки к сборникам Владислава Грамматика 1469 г., 1473 г. и 1479 г. содержат плетения, характерные для исламского прикладного искусства того времени. Однако данное обстоятельство не мешало превращению их в образец для подражания. Скорее всего, оформители воспринимали восточный орнамент с чисто формальных позиций абстрактного искусства. Иначе невозможно объяснить соседство исламских плетений и жестких антиисламских выпадов (как это имело место, например, в сборнике 1479 г. того же Владислава Грамматика).

С XVI в. восточные мотивы проникают и в книжную миниатюру. Ярким примером того могут служить рукописи Софийской книжной школы, особен-

но сборники, связанных с деятельностью Иоанна Кратовского и его учеников (Евангелие 1567 г., 1597 г. и др.). В них мусульманские влияния прослеживаются уже не только в рисунке орнамента и типе книжных заставок, но и в архитектонике ландшафта, присутствующего в миниатюрах, а также в восточных типажах самих евангелистов⁴⁵.

Сильное влияние Востока искусствоведы отмечают в изделиях церковного прикладного искусства. Особенно оно заметно в характере резьбы по дереву и приемах украшения церковной утвари. Одним из наиболее ярких примеров такого рода в среде специалистов считается растительный орнамент резного иконостаса 1599 г. церкви св. Стефана в Несебре. По мнению И. Георговой, он имеет поразительное сходство с рисунком султанской одежды, приписываемой Баязиду II (1481–1512)⁴⁶.

Консервативное искусство иконы оказалось менее подвержено воздействию исламского искусства, оставаясь в целом в традиционных рамках православной иконописи. Однако, с рубежа XVI–XVII вв. начинается проникновение восточных форм и в этот канонический жанр⁴⁷. Одним из примеров такого рода может служить болгарская икона св. Димитрия (первая половина XVII в.), для которой характерен не только типично восточный орнамент и колорит, но и ориентальный облик самого святого (кроме восточной внешности иконописец наделил его кривой турецкой саблей и богатым персидским седлом).

Хотя в целом, по мнению подавляющего большинства исследователей, болгарская культура претерпевала в рассматриваемый период изменения связанные в основном с естественным процессом демократического опрощения, однако, приведенный материал показывает, что постоянный контакт с исламом не прошел для нее бесследно. Сами современники не придавали, по видимому, особого значения фактам заимствования некоторых приемов, образцов и других элементов художественной и бытовой культуры магометан. Однако в условиях многовекового сосуществования двух культур склонность к бытовому и художественному плюрализму таила опасность возникновения процессов скрытой ассимиляции. Общественное сознание болгар, ориентированное православным духовенством на идеологическое противостояние исламской агрессии, оказалось, по всей видимости, не готово к отражению бытовой экспансии исламской культуры. Между тем именно этот путь был, возможно, наиболее эффективным для плавного встраивания болгар в качественно иную модель мировой цивилизации.

Примечания

¹ Козлов В.И. Типы этнических процессов и особенности их исторического развития // Вопросы истории. 1968. №9. С. 97–98.

² Макарова И.Ф. Структура автостереотипа болгар в условиях османского владычества (XV–XVI вв.) // Славяне и их соседи. Этнопсихологический стереотип в средние века. М., 1990; Макарова И.Ф. Этнические представления болгарских книжников эпохи османского владычества // Советская этнография. 1990. №2; Макарова И.Ф. Этническая проблематика в произведениях болгарского патриарха Евфимия // Советское славяноведение. 1990. №1.

- ³ Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971. С. 134.
- ⁴ Дерншвам Х. Дневникът на Ханс Дерншвам за пътуване му до Цариград през 1553–1555. София, 1970. С. 92.
- ⁵ Цонев Б. Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. Т.2. София, 1923. С.529.
- ⁶ Стоянов М., Кодов Х. Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. Т.3, София, 1964. С.986.
- ⁷ Цонев Б. Опис на ръкописи и старопечатни книги на Народната библиотека в София. София, 1910. Т.1. С.379.
- ⁸ Иванова Э.А. Этническое самосознание болгар на этапе перехода от народности к нации // Советская этнография. 1987. №2. С. 60.
- ⁹ Георгиева Ц. Етноинтегрираща функция на култове на българските светци в периода на османското владичество // Българска етнография. 1984. №1. С. 9.
- ¹⁰ Радкова Р. Националното самосъзнание на българите през XVIII и началото на XIX в. // Българската нация през Възраждането. София, 1980. С. 194.
- ¹¹ Сырку П.А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV и XVII вв. Житие святого Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. Спб., 1901. С. 74.
- ¹² Там же. С. 82.
- ¹³ Там же. С. 82.
- ¹⁴ Там же. С. 84.
- ¹⁵ Френски пътеписи за Балканите. XV–XVIII в. София, 1975. С. 51–52.
- ¹⁶ Вратислав В. Приключения чешского дворянина Вратислава в Константинополе в тяжкой неволе у турок с австрийским посольством в 1591 г. М., 1904. С. 58,94,97 и др..
- ¹⁷ Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 147.
- ¹⁸ Самашић Р. Мехмед Соколович. Београд. 1975. С.21–27.
- ¹⁹ Тодоров Н. Балканският град. XV–XIX век. Социално-икономическо и демографско развитие. София, 1972. С.75.
- ²⁰ Тодоров Н. За демографското състояние на Балканския полуостров през XV–XVI вв. // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. София, 1960. Т.53/2.; Димитров С. За юрушката организация и ролята и в етноасимиляторските процеси // Векове. 1982. №1/2; Inalcik H. Ottoman methods of conquest // Studia Islamica. 1954. №2.
- ²¹ Петров П. Сълбоносни векове за българската народност. Края на XIV в. – 1912 година. София, 1975. С.62.
- ²² Димитров С. За юрушката организация ... С. 38; Тодоров Н. За демографското състояние на Балканския полуостров ... С. 220.
- ²³ Шишков Ст. Избрани произведения. Пловдив, 1965. С.233.
- ²⁴ Там же. С. 220–277.
- ²⁵ Там же. С. 227–228.
- ²⁶ Стоянов З. Записки по българските въстания. София, 1976. С. 927.
- ²⁷ Стойкова С. Песеният и прозаичният фолклор на ролопските българи-мохамедани // Народностна и битова общност на ролопски българи. София, 1969. С. 215–216.
- ²⁸ Немски и австрийски пътеписи за Балканите. XV–XVI в. София, 1976. С. 261,265,273, 378,492.
- ²⁹ Фролова М.М. Забалканский поход 1829 года и «открытие» русскими Румелии (по воспоминаниям русских офицеров) // «Studia Balkanica». К юбилею Р.П. Гришиной. М., 2010. С. 42, 46.
- ³⁰ Кожухаров Г. Българската къща през пет столетия. Края на XIV – края на XIX в. София, 1967. С. 217.
- ³¹ Протич А. Денационализиранс и възраждане на нашето изкуство от 1393 до 1879 г. // България. 1000 години. 927–1927. София, 1930. Т.1. С. 401.
- ³² Там же: 399–400.
- ³³ Станчева М. Художествени качества от българската керамика от епоха XV–XVII в. // Традиции и нови черти в българското изкуство. София, 1976.

³⁴ Немски и австрийски пътеписи ... С. 440.

³⁵ Там же. С. 413–414.

³⁶ Френски пътеписи ... С. 105.

³⁷ Фролова М.М. Варна 1828–1830 гт. (по воспоминаниям и запискам русских офицеров) // В «интерьере» Балкан. В честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 235.

³⁸ Герлах Ст. Дневник за едно пътуване до Османската порта в Цариград. София, 1976. С. 120–121.

³⁹ Френски пътеписи ... С. 407.

⁴⁰ Там же. 159.

⁴¹ Немски и австрийски пътеписи ... С. 413, 440.

⁴² Немски и австрийски пътеписи ... С. 236, 292; Френски пътеписи ... С. 127–128, 152.

⁴³ Лекова Т. Сборниците със смесено съдържание от XV-XVII в. като отражение на българския светоглед от първите столетия на османското робство // Старобългаристика. 1987. №4. С. 75.

⁴⁴ Джурова А. Ислямски влияния върху украсата на българските ръкописи XV-XVII в. // Проблеми на изкуство. 1980. №3. С. 32–33.

⁴⁵ Там же. 32.

⁴⁶ Георгова И. Пластически проблеми на орнаментиката в ранните български иконостаси // Изкуство. 1984. №9. С. 35.

⁴⁷ Паскалева-Кабадаева К. Ислямски влияния върху българското изкуство през XV–XVIII в. // Проблеми на изкуство. 1980. №3. С. 27.

К вопросу об обучении сербов и черногорцев в России в 50-70-е гг. XIX века

Abstract:

Zhogoleva M.D. *On the question of teaching Serbs and Montenegrins in Russia in the 50-70-ies of the XIX century*

This article explores the process of teaching the Serbian and Montenegrin young people in Russian educational institutions in the 50-70-ies of XIX century. Issues of the arrival and funding of the South Slavic students are discussed, as well as everyday problems and difficulties faced by Serbs and Montenegrins, who were coming to study in Russia.

Ключевые слова: студенты, Россия, Сербия, Черногория, Московский благотворительный комитет, Н. А. Попов, обучение.

Немаловажную роль в процессе становления сербского и черногорского государств во второй половине XIX в. занимала социальная проблема. Она заключалась в отсутствии политической и интеллектуальной элиты, которая в тот момент находилась в стадии формирования. Созрела необходимость создания новой группы общества, а именно национальной интеллигенции, в первую очередь, преподавателей и учителей, инженеров и врачей.

В 40-50-е гг. XIX в. десятки молодых людей из Сербии и Черногории были отправлены за границу для получения образования – преимущественно во Францию, Пруссию, Австро-Венгрию, позже в Россию. Отправка сербских и черногорских юношей на учебу за границу началась еще в 1839 г., когда сербский князь Милош послал несколько молодых людей учиться в Австрию, Валахию и Россию.¹ С тех пор государство практически каждый год отправляло стипендиатов в различные иностранные университеты.

В период с конца 50-х гг. XIX в. русское правительство стало поддерживать процесс приезда южнославянских студентов и для улучшения условий их обучения ежегодно выделяло из государственного бюджета 5.000 рублей на стипендии. Кроме того, начал свою деятельность и Московский славянский благотворительный комитет, созданный в 1858 г., который в свою очередь также выделял стипендии и единовременные пособия.

Сербы и черногорцы приезжали учиться в основном на медицинских, философских и историко-филологических факультетах университетов Москвы, Петербурга и Одессы. Однако наибольшее значение для них имели три русские духовные академии – в Киеве, Москве и Харькове, которые являлись лучшими теологическими учебными заведениями в православном мире.²

Первая группа из шести сербских студентов приехала на учебу в Киевскую Духовную академию еще в 1846 г., вторая группа в 1850 г. (состояла из пяти человек), вслед за ними в 1857 г. отправилось еще три человека в качестве вольных слушателей, но сколько всего было сербских студентов еще не ясно.³ Из числа выпускников Киевской Духовной академии вышли такие вид-

ные деятели сербской православной церкви как митрополит сербский Михаил и архимандрит Никанор. Выпускниками русских духовных учебных заведений были также первый преподаватель русского языка в белградской Великой школе (в феврале 1905 г. белградская Великая школа была преобразована в университет) Алимшия Васильевич, выдающиеся сербские преподаватели – Алекса Вукоманович, Чедомиль Митрович и другие.⁴

Из всех великих держав именно Россия с самого начала поддерживала борьбу сербов за национальное объединение, как дипломатическими методами, так и в культурном плане. Балканский вопрос был одним из важнейших факторов внешней политики России в Юго-Восточной Европе, и русское правительство внимательно следило за тем, чтобы ничто не смогло нанести удар по его влиянию в этом регионе. После поражения в Крымской войне, в намерении вернуть себе утраченное влияние на Балканах, Россия поставила на первый план культурно-духовную деятельность среди южнославянских народов.

Основными формами помощи христианскому населению Балканского полуострова в период после Крымской войны стали содействие расширению его прав дипломатическими средствами и поощрение культурного развития и роста национального самосознания. Этому способствовала и деятельность общественных организаций, возникших в России в конце 1850-х годов, – славянских комитетов. Они действовали в Москве, Санкт-Петербурге, а затем в Одессе и Киеве. Возглавляли их славянофилы И.С. Аксаков, А.И. Васильчиков, Н.А. Попов, Ф.В. Чижов и др. В отличие от церковных организаций, осуществлявших благотворительную деятельность на Балканах, славянские комитеты были политизированными организациями. Не ограничиваясь помощью православным церквям и школам, они установили связи с деятелями национально-освободительного движения и оказывали им поддержку. Славянские комитеты были тесно связаны с российскими консулами на Балканах, которые использовали денежную помощь комитетов в интересах развития национальной школы, культурных учреждений и церквей. Все это способствовало росту национального самосознания населения, усилению освободительной борьбы⁵.

Возможность получения образования в России привлекла многих славян. Фактически это давало им шанс вырваться из крестьянской среды и добиться положения в обществе. Кроме того, заграничное образование было очень престижно. В своем письме один из югославянских студентов, который хотел приехать в Россию для продолжения своего образования, писал что «с давних пор чувствует в себе непреодолимое желание воспитываться в России, чтобы получив там образование, мог хвалиться и быть сербам образцом».⁶

Со своей стороны, правительство Сербии заботилось о том, чтобы, отучившись в России, на родину возвращались специалисты тех областей, которые были необходимы для дальнейшего социального, духовного и политического развития государства. В своем письме один из стипендиатов отмечает, что прибыл «в Россию по назначению своих соотечественников – для получения полного русского образования».⁷

Для правительств Сербского и Черногорского княжеств выбор страны обучения для своих молодых и перспективных людей определяли практические интересы.⁸ Несмотря на братскую преданность России, гораздо проще и дешевле было отправлять своих студентов в Европу, нежели в Россию. Это касалось, прежде всего, финансовой стороны вопроса, о чем свидетельствуют изученные нами документы из фонда Министерства просвещения и церковных дел архива Сербии. Так, в инструкции о распределении государственных стипендий для уезжающих на учебу за границу студентов в первом пункте говорится о путевых расходах, которые сербское правительство брало на себя. Тем правительственным стипендиатам, которые отправлялись на учебу в Россию, выделялось 75 талеров на дорогу, а выезжающим в Германию или Австрию от 30 до 50 талеров, в зависимости от удаленности.⁹ Кроме того, дополнительные расходы предполагались из-за сурового русского климата (необходимость покупки теплой одежды, хорошее питание, чтобы студенты не болели) и общей дороговизны, которую отмечали многие стипендиаты. Так, например, еще в 1851 г. в адрес сербского попечительства, которое занималось вопросами отправки сербских молодых людей на учебу за границу, было подано прошение о повышении стипендий правительственным студентам в Москве и Киеве из-за дороговизны цен со 120 талеров до 300 за шесть месяцев.¹⁰ А такое вынужденное повышение стипендий более чем в два раза и различные непредусмотренные расходы были крайне невыгодны.

Государственных стипендиатов выбирали по мере необходимости специалистов для той или иной службы. Так, например, в Сербии каждое министерство в зависимости от своих финансовых возможностей имело определенное число студентов в иностранных университетах. Порядок был такой: сначала государственные учреждения запрашивали необходимое число специалистов и указывали, с каким образованием требуются люди. Затем на уровне министерства рассматривался вопрос о том, какое количество денег возможно выделить для отправки студентов на учебу по нужным специальностям, и определялось число стипендий.¹¹ Такая система касалась и Великой школы. Формированием штата преподавателей и учителей занималось министерство просвещения и церковных дел, которое перед объявлением конкурса на выбор студентов осведомлялось у высшего органа Великой школы – Академического совета – о том, каких преподавателей не хватает. Академический совет составлял списки свободных кафедр и тех научных областей, которые не преподавались в Великой школе, а, следовательно, было необходимо воспитать своих специалистов в иностранных университетах.¹²

В Архиве Сербии хранится протокол заседания комиссии по выбору студентов для отправки на учебу за границу от 12 декабря 1876 г. В состав комиссии входили: ректор Великой школы – председатель комиссии, директор белградской гимназии, директор реальной гимназии, профессора технического, философского факультетов и факультета права Великой школы, как члены комиссии со стороны Академического совета¹³.

Студентов комиссия отбирала по довольно жестко прописанным в инструкции критериям.¹⁴ Они содержали пять основных пунктов: 1. Кандидат на учебу за границей должен был быть поданным Сербского княжества. 2. Он должен был с отличием закончить как минимум семинарию, гимназию или артиллерийскую школу.¹⁵ Однако это правило претерпело изменение, – позже, с середины 60-х гг., для того, чтобы стать правительственным стипендиатом, претенденты должны были быть выпускниками одного из факультетов Великой школы. Считалось, что молодые люди, уже отучившиеся в высшем учебном заведении и отработавшие учителями в средних школах, смогут лучше справиться с учебой в зарубежных университетах, так как успешная учеба на факультете в Белграде «дает гарантию, что они и в дальнейшем серьезно воспримут эту возможность и могли бы лучше подготовиться по своей специальности».¹⁶

3. Кандидат на место государственного стипендиата должен был быть не моложе 17-ти и не старше 24-х лет.

Четвертым условием было знание иностранного языка, которое предполагало некое собеседование: «Кто показал, что понимает язык той страны, куда его отправляют учиться, хотя бы настолько, чтобы мог перевести на сербский»¹⁷. 5. Хорошее здоровье.¹⁸ Понятно, что за границей молодые люди попадали в совершенно иные условия жизни. Это могло сильно отразиться на их здоровье и повлечь за собой тяжелые последствия, вплоть до смерти. Только физически крепкие и здоровые люди могли справиться с подобными испытаниями, особенно в суровых и непривычных климатических условиях, как, например, в России.

Помимо перечисленных требований к сербским студентам, комиссия принимала во внимание и другие качества кандидатов на места стипендиатов. В одной из инструкций комиссии говорится, что они должны иметь желание продолжить свое обучение и быть скромными.¹⁹

Все государственные стипендиаты были обязаны после завершения обучения определенное время работать на государственной службе, а перед отъездом подписывали установленные правила и обязательства. Такой документ в феврале 1868 г. подписал, например, будущий видный государственный деятель Сербии и глава радикальной партии Никола Пашич вместе с тремя другими стипендиатами, которые в декабре 1867 г. были отобраны комиссией. Этот документ составлял десять пунктов, которые студенты обязывались соблюдать.²⁰ Первый пункт предписывал стипендиатам после возвращения на родину работать в одном из государственных учреждений несколько лет. Другие пункты предусматривали меры контроля за учащимися. Студенты были обязаны каждый семестр высылать свидетельства из учебных заведений и подтверждать, что они учатся именно по определенным для них специальностям.²¹

Приезд сербских и черногорских студентов в Россию организовывался Московским славянским благотворительным комитетом. Славянский комитет или представители учебных заведений отправляли в Сербию и Черногорию уведомления о наличии мест для учебы югославянских студентов. В гимназиях

и семинариях отбирали наиболее способных к учению молодых людей и отправляли в определенные учебные заведения, для получения именно той специальности, которая была нужна. Довольно четко об этом написал в своих воспоминаниях об учебе в России в 1850-е гг. один из видных сербских политиков и деятелей просвещения Алимпие Васильевич (1831–1911). Когда он поступил в духовную семинарию в Сербии, русский Священный Синод запросил пятерых лучших учеников, чтобы за свой счет воспитывать их в Киевской духовной академии.²² Так, Алимпие Васильевич оказался в Киеве, где получил высшее духовное образование.

Не все сербские и черногорские студенты, приехавшие учиться в Россию, достаточно хорошо знали русский язык. Это могло помешать изучению дисциплин в Университетах, поэтому некоторых молодых сербов и черногорцев сначала принимали в гимназии и семинарии, где они получали необходимую подготовку и учили русский язык. В 1862 г. для подготовки юношей из южнославянских стран к поступлению в высшие учебные заведения в г. Николаеве при местной гимназии был открыт Славянский пансион.²³ Его воспитанникам дополнительно преподавали сербский и болгарский языки, чтобы они не забыли своего родного языка. Те, кто готовился поступать в Университет, изучали латинский язык.

Некоторые оставались в России при поддержке либо Славянского комитета, либо благотворителей, которые содержали их во время подготовки к вступительным экзаменам в Университет. Так, в 1864 г. неизвестный автор просил И.С.Аксакова не отказать в помощи со стороны Славянского комитета молодому уроженцу Герцеговины: «Так как для поступления в Университет от всякого требуется непременно знание русского языка и вступительный экзамен из полного гимназического курса, и так как Дучич не в состоянии в настоящее время выдержать вступительного экзамена на русском языке»²⁴, следовательно, его просьба о поступлении в Университет не может быть удовлетворена. Поэтому автор письма просил «не отказать ему в ... содействии к доставлению средств на первое время, чтобы он усвоил себе русский язык и выдержал требуемый вступительный экзамен, а затем министерство иностранных дел озаботится об изходатайствовании ему стипендии»²⁵.

Выпускники российских гимназий и семинарий могли поступать в Университеты и там продолжать свое образование. В связи с этим интересно письмо, адресованное Н.А.Попову, трех черногорских воспитанников третьего класса семинарии – Ивана Калуджеровича, Марко Врбича и Петра Ораховаца. Они хотели поступить в Московский университет на юридический факультет и поэтому считали для себя излишним оставаться в семинарии еще на один год, так как те предметы, которые преподаются в 4-м классе семинарии, «нужны только для тех, которые намерены поступать в Духовную академию, а для ... желающих поступить в Университет, не нужны»²⁶. Затем они ссылались на то, что южнославянские студенты имеют право поступать в Университеты без экзаменов. «Теперь на основании прав, данных южным славянам, поступающим без экзамена, просим Вас, – писали молодые черногорцы, – принять нас, по

окончании 3-го класса семинарии сего года на тех же правах в Университет. Если же с теми правами нас нельзя принять в число студентов Университета, то мы желаем держать экзамень»²⁷. В итоге в Университет они были приняты, но, видимо, без денежного содержания, так как фамилии этих же черногорских студентов встречаются в другом письме, датированном шестью месяцами позже, о том, что их за свой счет воспитывает некий Майен.²⁸ Воспитанники комитета становились студентами Московского и Петербургского университетов, в основном медицинского и юридического факультетов, Технологического института, Духовных академий и семинарий. Иногда сербы и черногорцы поступали в Техническое училище, Академию художеств и Петровскую сельскохозяйственную академию в Москве.

Студенты из Сербии и Черногории испытывали определенные трудности и в процессе обучения. На родине они не имели возможности получить хорошую гимназическую подготовку. Это мешало им не только при поступлении в учебные заведения, но и при сдаче сессий. Так, например, один из студентов, Савва Радонич, не мог выдержать экзамен по латинскому языку, в то время как остальные предметы рассчитывал сдать только на «отлично». Причиной сложившейся ситуации он считал то, что поступил в Университет из второго класса семинарии и был плохо подготовлен. Теперь перед ним стоял сложный выбор, и он спрашивал совета у председателя Московского славянского комитета Н.А. Попова: «остаться на I курсе студентом или же записаться в вольнослушатели»²⁹. Другой студент, С. Вукчевич, не мог сдать экзамен по органической химии, а преподаватель переэкзаменовать его отказался. Тогда он стал просить помощи у Московского комитета, объясняя свой провал на экзамене тем, что просто растерялся, но предмет знает хорошо и готов это доказать. Подобное письмо он отправил и самому преподавателю, с просьбой дать ему еще один шанс, иначе он останется «без стипендии в чужой земле и пропадет»³⁰.

В Университетах и других высших и средних учебных заведениях русское правительство предоставляло некоторым уроженцам южнославянских стран льготы. Интересно было организовано обучение югославянских студентов в С.-Петербургской Духовной академии. Об этом учебном заведении в 1889 г. написал книгу И. Чистович.³¹ В 1859 г. в Академии возникли недоразумения, связанные с обучающимися здесь молодыми людьми из южнославянских земель. По этому поводу обер-прокурор Святейшего Синода, граф А.П. Толстой, объяснил, что славянских студентов не следует сравнивать с русскими, и что они подчинены другим правилам. Здесь стоит привести полную цитату из книги И. Чистовича: «Академическое начальство обязано взирать на них, как на лиц, которые, прибыв в наше отечество для получения образования, пользуются лишь нашим гостеприимством и покровительством, имея полную свободу в выборе для себя ученых занятий. Никакая обязательная отчетность в успехах этих занятий не должна быть требуема. Но если бы кто из иностранцев возымел желание получить ученую степень, в таком случае академическое начальство вправе подвергнуть такового испытанию на общем основании и не иначе удостоивать его ученой степени, как по точном удостоверении,

что приобретенные им в учебных предметах сведения дают ему полное на то право». ³² Кроме того, учащимся из южных славян выдавалось, по предложению обер-прокурора Синода от 17 декабря 1857 г., по 1 р. в месяц на карманные расходы, за счет министерства иностранных дел. ³³

Бывало, что учиться за счет русского или сербского правительств приезжали люди, абсолютно не способные к этому. Вероятнее всего, такое происходило из-за стремления представителей сельской или городской администрации пристроить своих детей, которые не отличались прилежанием. О таком случае вспоминает, например, Алимбие Васильевич. Из пяти отобранных мальчиков один перед отъездом заболел, и доктор сказал, что ему ехать нельзя. Тогда вместо заболевшего кандидата епископ Досифей слушателем лица послал своего племянника, юношу с весьма ограниченными способностями, едва сумевшего закончить школу. ³⁴ Таких учеников через некоторое время из России просто высылали. Причем, этому способствовали сами ученики. Например, в 1865 г. от имени всех сербов, воспитывающихся в России, босниец Васа Пелагич направил в Славянский комитет письмо с просьбой выделить необходимую сумму денег на проезд до Сербии двум воспитанникам – Г. Вукчевичу и Г. Вазетичу, чтобы таким образом удалить их из страны, «ибо первый не ведет себя, как следует сколь-нибудь порядочному человеку, а другой весьма с ограниченным умом в полном смысле этого слова. Следовательно, и тот, и другой не оправдывают да и не смогут оправдать своего назначения» ³⁵.

Помимо сложностей в учебе, сербские и черногорские ученики сталкивались и с другими трудностями. Нередко они с трудом адаптировались к непривычному для них быту и суровому климату.

В подавляющем большинстве писем сербских и черногорских учеников в Славянский комитет с прошениями о помощи стипендиаты писали о бедности своих семей и собственном тяжелом материальном положении. Но на самом деле в основном это были дети из зажиточных семей. Ведь как уже было сказано, для того, чтобы получить хотя бы полное школьное, а уж тем более гимназическое образование, ученики должны были ехать в города. А такие расходы могли себе позволить только обеспеченные семьи. Так, Светозар Маркович в своей статье «Как нас воспитывали» обращал внимание читателей на то, что он сам был «господским сыном»... отец был уездным старшиной» ³⁶. Но во время обучения в России в Петербургском университете он писал в Славянский комитет, что его родители очень бедны.

Практически все письма, которые приходили от учащихся в адрес Славянского комитета, содержали просьбы о денежной помощи. Одни просили о единовременном пособии, другие – в долг. Некоторые письма позволяют сделать вывод, что в большинстве случаев Комитет старался помочь своим подопечным и по возможности высылал деньги. Стипендия составляла 20 руб. серебром. Это была немалая сумма для студенческого бюджета, особенно русского студента. Но для студентов-славян ее явно не хватало, ибо в России у них были значительные расходы на теплую одежду, оплату жилья и другие потребности.

Сербские и черногорские юноши, выросшие на свободе среди гор и лесов, привыкшие к хорошему питанию и теплой погоде, попадали в закрытые пансио-

ны с постной пищей, да еще при постоянной сырости и холоде. Такая резкая перемена в худшую сторону условий жизни не могла не сказаться на здоровье южнославянских воспитанников, что усугублялось постоянной нехваткой денег. К сожалению, такое положение вещей иногда приводило к печальным последствиям. Питание в семинариях и Духовных академиях приводило к многочисленным болезням учащихся: «В монастыре пища круглый год постная, а у меня же вследствие разных причин развилось малокровие до такой степени, что я однажды по дороге в Университет упал на улице в обморок»,³⁷ – писал один из южнославянских воспитанников славянского комитета А. Буралич и просил выделять ему ежемесячно немного денег, чтобы он мог купить себе мясо по рекомендации врача.

Некоторые студенты, подобно русским, подрабатывали преподаванием тех предметов, которыми они уже хорошо владели. Так, черногорец Иван Попович просил Комитет дать ему вакантное место учителя сербского языка и истории в Александровском монастыре, «ибо с стипендией от 20 рублей не в состоянии приобрести себе необходимые вещи. О знании же этого языка я ручаюсь, – писал он, – и чувствую себя, что могу его хорошо преподавать»³⁸. Живописец Жуевич, во время своей учебы в Университете, зарабатывал на хлеб публицистической деятельностью.³⁹

Молодые югославы, приехавшие на обучение в Россию, часто подвергались всевозможным искушениям. На это указывал, например, Т. Минков в своем очерке о воспитании южных славян.⁴⁰ Его мнение можно считать вполне компетентным, так как этот документ датирован 1870 г., и, вероятно, автор при его написании руководствовался уже довольно обширным опытом работы со славянскими студентами в Николаевском пансионе. «Как нездоров резкий переход из теплого климата в холодный, так точно неудобоприемлемы и для воспитания турецких славян большие европейские города. Они живут при таких обстоятельствах, в которых не пользуются ни малейшею *Personliche Freiheit*⁴¹, и после того отправляются в такие города как, например, Одесса, Москва, Вена или Париж, в которых они, кроме того, не имеют над собою никакого надзора, находят лишь развлечения в новой им жизни. Будучи без всякого направления, они, подобно судну, увлекаемому потоком на мель, – скорее приводятся к гибели, нежели к лучшему, ибо неразвитого юношу гораздо более занимает уличная жизнь больших европейских городов, чем их ученые учреждения».⁴²

Часто южнославянские студенты страдали из-за своего свободолюбивого и гордого нрава. Так, один из юношей стал участником скандала, разгоревшегося из-за его поведения. Некто Алексей Кудряков сообщил в Славянский комитет, что ученик Демьянович был исключен из учебного заведения «за дерзость, оказанную им одному из посетителей пансиона»⁴³. Кудряков же выдал ему в качестве помощи 28 рублей, «и может быть, продолжал бы, по силе и моему усмотрению, помогать ему средствами, необходимыми для жизни, если бы он в последующее время не сделал бы мне дерзостей, не наговорил непростительных грубостей»⁴⁴, читаем мы в документе.

В подобных ситуациях было бы неправильным обвинять только одну сторону, а именно молодых югославян. Русское общество в какой-то мере было

не готово столкнуться с чужим менталитетом. Читая в газетах о несчастных братьях-славянах, которых угнетают жестокие иноверцы, русские благодетели не подозревали об истинном положении вещей. Статус покровителей давал им повод думать, что сербские и черногорские воспитанники будут с глубокой благодарностью принимать их помощь и кротко терпеть все неудобства. Поэтому свободолюбивые, гордые, порой дерзкие и упрямые юноши своим поведением порой вызывали недоумение своих благодетелей.

Сами же сербы и черногорцы воспринимали помощь со стороны русского государства и общества как вполне нормальное и закономерное явление. Многие из них были убеждены, что Россия как «старший брат» должна оказывать помощь и поддержку своим единоверным и единокровным братьям-славянам. Яркой иллюстрацией к этому утверждению может служить письмо одного черногорского выпускника гимназии, Александра Циповича, прибывшего в Москву, чтобы поступить на медицинский факультет Университета. Отказ администрации Университета принять его в качестве студента, вызвал у молодого человека недоумение и даже негодование: «...на медицинский факультет Московского университета, – писал он с возмущением, – поступил прошедший только 6 классов реального училища не славянин, а араб по происхождению»⁴⁵. И продолжал: «...отказ и озадачил, и смутил меня. Но останавливаться перед какими бы то ни было затруднениями, да еще черногорцу, нелепо и неблагоприятно. Я твердо решил создать себе положение, в чем должны мне помогать именно русские в России; в противном случае, я говорю с полной искренностью – верование мое в славяно-русскую взаимность сильно поколеблется, а может быть, и совсем разрушится»⁴⁶. Из этого можно заключить, что сами сербы и черногорцы прекрасно понимали, что они нужны России, и использовали это для достижения своих целей.

Подводя итоги, можно констатировать, что южнославянские молодые люди ради получения образования стойко переносили тяготы и лишения жизни в чужой стране и тяжелом климате. Затем многие из них возвращались на родину и впоследствии становились каркасом строящегося общества и государства. Применяя полученные знания, они проводили реформы и преобразования, развивали систему среднего и высшего образования, трудились в различных отраслях. Поэтому можно с уверенностью сказать, что Россия сыграла немаловажную роль в формировании национальной интеллигенции Сербии и Черногории во второй половине XIX века.

Примечания

¹ Милчевич Ј. Друштвене појаве у Србији XIX века. Београд, 2002. С. 30–31.

² При написании данной работы использовались неопубликованные архивные документы из фонда №1750 Государственного архива Российской Федерации (далее – ГА РФ), а также неопубликованные документы из фонда Министерства просвещения Архива Сербии (далее – АС. МПС-п.). Также использовались отчеты Московского славянского благотворительного комитета, которые опубликовал один из основателей и руководителей Комитета Н.А. Попов в книге: «Из истории славянского благотворительного Комитета в Москве. Первое пятилетие (1858–1862.)» М., 1863.

³ Дуркович-Јакшић Љ. Први српски питомци богословије у Русији. // Гласник Православне цркве. Бр. 3. Београд, 1945. С. 33–34.

- ⁴ Белешкић Б. Европски утицаји на српски либерализам у XIX веку. Нови Сад, 2005. С.48–49.
- ⁵ История внешней политики России. Вторая половина XIX в. М., 1997. С. 62.
- ⁶ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 65. Л. 188.
- ⁷ Там же. Д. 227. Л. 3.
- ⁸ Об этапах формирования сербской национальной элиты и отправки студентов на учебу за границу серьезное исследование провела сербский историк Любинка Трговчевич. В своей монографии «Планирана елита. О студентима из Србије на европским универзитетима у 19. веку» (Београд, 2003) и статье „Студије у иностранству прве генерације универзитетских наставника.“ //Универзитет у Београду 1833–1988. Зборник радова. (Београд, 1988), она тщательно проанализировала процесс образования сербской молодежи в европейских странах и вписала его в общий контекст модернизации Сербии того времени.
- ⁹ Архив Србије. Фонд Министарства просвете и црквених послова (АС. МПС-п) V.66.1872.
- ¹⁰ АС. МПС-п. I.145/1851.
- ¹¹ Трговчевич Љ. Планирана елита. О студентима из Србије на европским универзитетима у 19. веку. Београд, 2003. С.34.
- ¹² Трговчевич Љ. Студије у иностранству прве генерације универзитетских наставника.//Универзитет у Београду 1833–1988. Зборник радова. Београд, 1988. С. 71.
- ¹³ АС. МПС-п. V.66/1872.
- ¹⁴ АС. МПС-п. дела V.66/1872., VI.173/1879.
- ¹⁵ АС. МПС-п. V.66/1872.
- ¹⁶ Трговчевич Љ. Студије у иностранству. С.71.
- ¹⁷ АС. МПС-п. V.66/1872.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ АС. МПС-п. VII.1660/1865.
- ²⁰ АС. МПС-п. V.66/1872.
- ²¹ Там же.
- ²² Мешовита грађа (Miscellanea). Београд, XIX (1989). С. 76.
- ²³ Никитин С.А. Славянские комитеты в Россия в 1858–1876 гг. М.,1960. С. 97–98.
- ²⁴ ГА РФ. Ф.1750. Оп.1. Д.67. Л.14.
- ²⁵ Там же. Л.15.
- ²⁶ Там же. Д. 64. Л.42.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Л.22 -22 об.
- ²⁹ Там же. Д. 65. Л. 145.
- ³⁰ Там же. Л.165–166.
- ³¹ Чистович И. С.-Петербургская Духовная академия за последние 30 лет (1859–1888 гг.) СПб., 1889.
- ³² Там же. С. 72.
- ³³ Там же. С. 73.
- ³⁴ Мешовита грађа (Miscellanea). Београд, XIX (1989). С. 76.
- ³⁵ ГА РФ. Ф.1750. Оп.1. Д.75. Л.20.
- ³⁶ Маркович С. Как нас воспитывали // Избранные сочинения. М., 1956. С. 64.
- ³⁷ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 235. Л.39.
- ³⁸ Там же. Л. 22.
- ³⁹ Карасев В.Г. Сербский демократ Живоин Жуевич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах 19 века. М., 1974 г. С.299–301.
- ⁴⁰ ГА РФ. Ф.1750. Оп.1. Д.42. Л.1–4.
- ⁴¹ Личная свобода (нем.)
- ⁴² ГА РФ. Ф.1750. Оп.1. Д.42. Л.1 об.
- ⁴³ Там же. Д.67. Л.32 об.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. Д.65. Л.210.
- ⁴⁶ Там же. Л.210 об.

Словакия 1940 года глазами советского дипломата (Из документов Архива внешней политики РФ)

Abstract:

Maryina V.V. Slovakia in 1940 through the eyes of a Soviet diplomat (From the documents of the Archive of Foreign Policy RF)

The article examines the report for the year of 1940 of the Soviet envoy G.M. Pushkin in Slovakia. The inner life of Slovakia is shown, as well as its foreign policies, the effects of Hitler's Germany on this puppet state and its relations with the Soviet Union.

Ключевые слова: Германия, Словакия, СССР, 1940 год, Й. Тисо, Ф. Дюрчанский, Г.М. Пушкин, Гитлер, внутренняя и внешняя политика.

Задуманное и осуществленное Гитлером расчленение Чехословакии привело к созданию 14 марта 1939 г. Словацкого государства. После заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. словацкое руководство, конечно, не без ведома и поощрения Берлина, выступило с предложением об установлении дипломатических отношений с СССР. Москва, следуя своему новому курсу, сразу же согласилась на это. В конце 1939 г. в советскую столицу прибыл словацкий посланник Ф. Тисо – родственник словацкого президента Й. Тисо, а в феврале 1940 г. в Братиславе было открыто советское представительство и свою деятельность начал его глава Г.М. Пушкин, молодой советский дипломат (ему было тогда 32 года). Возможно, в силу молодости и желания проявить себя, а возможно, просто в силу своих способностей к дипломатической работе (впоследствии он занимал ответственные дипломатические посты) Пушкин с большой ответственностью отнесся к своему назначению, о чем свидетельствуют материалы (информационные письма, аналитические справки, характеристики и пр.), направляемые им в НКВД СССР, а также дневниковые записи полпреда¹. Данная статья представляет собой обзор годового отчета Пушкина о работе в Словакии, написанного им в феврале 1941 г. и как бы подводящего итоги его пребывания в этой стране в течение года². Его наблюдения, оценки, анализ ситуации, как современника событий и дипломата, не могут не представлять интереса для нынешних исследователей истории первой Словацкой республики (1939–1945 гг.).

Во введении к отчету Пушкин констатирует, что договор «О защите Словакии»³, подписанный 23 марта 1939 г. в Берлине, «является по существу также и концом самостоятельности Словакии» (л. 103). Описывая события, связанные с образованием Словацкого государства в марте 1939 г., полпред писал: «Словакия получила “самостоятельность” из германских рук. Этот “подарок” был для большинства политических деятелей неожиданностью (имеется в виду руководство глинковской партии)⁴. Весьма характерно, что в программе этой партии никогда не было тезиса о борьбе за самостоятельную Словакию.

Руководитель этой партии Глинка и ближайшие его помощники Сидор и Тисо боролись за автономию страны в рамках Чехословацкой республики. Больше того, Глинка не допускал и мысли о протекторате Германии над Словакией... события 1939 г. застали глинковскую партию врасплох. К началу 1940 г. эта партия оказалась расколотой». Одна её часть во главе с Махом и Мургашем стала проповедовать идеи национал-социализма; другая часть стремилась приспособить идеи Глинки к новой ситуации, переживала разгром Чехословакии, «понимая, что этот разгром ведет к полному подчинению Словакии Германии (Дурчанский⁵, Сидор); третья группировка (Тисо) «пытается примирить эти два крыла глинковской партии, склоняясь однако ближе к линии Дурчанского. Её опорой было католическое духовенство Словакии и Ватикан». Находясь у власти в 1939-1940 гг., по мнению Пушкина, глинковская партия не разрешила ни одного стоящего перед страной сложного вопроса, к которым он относил рабочий, аграрный, национальный и религиозный (л. 107). В отчете рассматривается состояние каждого из этих вопросов. Например, национальный описан так: Словакия, насчитывающая 2,6 млн. жителей – многонациональное государство, в котором наряду со словаками проживают 150 тыс. немцев, 60 тыс. венгров, 180 тыс. русинов, около 100 тыс. евреев и несколько десятков тысяч чехов. «Исключая немецкое население и венгерских помещиков, все остальные нацменьшинства находятся в исключительно бесправном положении. Особенно в тяжелом положении оказалось еврейское население. По словацким законам еврей вообще не может ничем заниматься в Словакии... В еврейском вопросе словацкое правительство идет по стопам своих немецких хозяев». Говорится о бесправном положении венгерского населения, а также русинов: «На востоке Словакии в районе г. Прешов проживает компактная группа русинского населения» (в основном бедные крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, по языку ближе всего – к русскому). Они отличаются как от словаков, так и от украинцев: «Словацкое правительство совершенно не считается с национальными особенностями этого народа. Стремясь словакизировать Прешовскую Русь, словацкое правительство запретило русинам заниматься в школах на русском языке под тем предлогом, что вся русинская учебная литература была издана до образования “самостоятельной” Словакии. Затем правительство запретило все культурные организации русинов в Словакии... Русины открыто называют себя русскими. Особенно это проявилось при переписи населения в декабре 1940 г.... Русины открыто говорят, что они ждут прихода Красной Армии». В отчете говорится о создании при поддержке правительства в Прешовской Руси фашистской русинской организации во главе с инженером Гелеткой (л. 110–112).

Рассматривая конфессиональный вопрос, Пушкин отмечает, что глинковская партия является политической организацией католической церкви в Словакии, а католическая религия – государственной религией, которую исповедует большинство её населения. Но 15% являются евангеликами (протестантами). «Старая борьба между католиками и евангеликами в Словакии сегодня приобрела политическую окраску». Неравноправное положение евангеликов сказыв-

вается, например, при их поступлении на службу, они вынуждены обучать своих детей в католических школах, выборные должности (бургомистры) в евангелических селах занимают путем назначения католики и пр. (л. 112–113).

Весьма подробно Пушкин описал внутривосточные события в Словакии и их связь с внешнеполитической линией страны: «Первое полугодие 1940 г. можно назвать временем господства в Словакии группы Дурчанского. Во внешней политике эта группа проводила линию лавирования между Германией, Италией, Венгрией и другими странами». «Эта группа пыталась заигрывать и с нами. Установление дипломатических отношений между СССР и Словакией вопреки желанию католической церкви надо отнести к победе этой группы. Группа Дурчанского бесспорно боялась полного порабощения Словакии немцами. Именно поэтому она мечтала иметь общие границы между СССР и Словакией... Отсюда их заинтересованность в переходе Карпатской Украины к Советскому Союзу. Да и во внутренней политике эта группа пыталась подражать Швейцарии. Не будет ошибкой, если назвать Дурчанского приверженцем буржуазно-демократической формы управления государством. По словацкой конституции словацкий снем (парламент – В.М.) имеет довольно значительные права. Организация этого снema была проведена группой Дурчанского. Известный демократизм проявлялся и в отношении к компартии. Правда, компартия была распушена и запрещена, но коммунисты пребывали на свободе... В отличие от настоящего времени группа Дурчанского не стремилась проводить в жизнь антиеврейские мероприятия. Законы против евреев, обсуждавшиеся в этот период в словацком снeme, носили чисто декларативный характер. Сама постановка этих вопросов в парламенте была явно вынужденной. Группу Дурчанского открыто обвиняли в примиримости к евреям».

В первой половине 1940 г. Дурчанский начал проводить кампанию под названием «Смеющаяся Словакия». Он мечтал воспользоваться красотами Словакии, привлечь в страну массу туристов и сделать туризм одним из основных источников словацкого дохода. «Такой курс политики Дурчанского не мог соответствовать германским интересам в Словакии». Немцы начали борьбу против него. «В качестве своей опоры в Словакии они выбрали Маха, человека, совершенно неподготовленного, беспринципного, демагога и политического хулигана. Мах руководил глинковской гвардией, построенной по принципу штурмовых отрядов Германии. Уже в феврале 1940 г. Мах был приглашен в Берлин, где ему были оказаны весьма шумные почести... Ясно чувствовалось, что немцы готовят в лице Маха замену Дурчанскому» (л. 113–115). В марте-апреле 1940 г. велась борьба между указанными словацкими политическими группировками. «Дурчанский, убедившись в том, что Англия и Франция решили всерьез воевать с Германией, стал действовать в Словакии значительно смелее, чем прежде. Дурчанский больше всего боялся неожиданного мира между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой. В доверительных беседах Дурчанский развивал приблизительно такие мысли: как Советский Союз, так и Словакия не заинтересованы в мире на Западе. В слу-

чае такого мира создается блок четырех крупных европейских государств против Советского Союза. Но этот блок не сразу будет создан, и не сразу начнется война против Советского Союза. Но Словакия может быть убеждена в том, что на другой же день после заключения мира, она будет принесена в жертву. Ни Германия, ни Англия не будут с ней считаться.

Нападение Германии на Норвегию и англо-германская борьба в Норвегии убедили Дурчанского в неосновательности опасений насчет мира на Западе. Это сразу же сказалось на политике Дурчанского внутри страны. Уже в апреле месяце Дурчанский повел борьбу с группой Маха, пользуясь почти неограниченной властью (он был министром иностранных и внутренних дел). Немцы зорко следили за деятельностью Дурчанского», который «начал решительно расправляться с прогерманской группировкой. Маха он освободил от руководства глинковской гвардией, заменив его Галаной, снял с постов многих руководителей местных организаций глинковской гвардии, заменив их своими людьми, и даже многих сторонников Маха заключил в тюрьму. Все это проводилось под предлогом якобы раскрытого заговора Маха против Дурчанского. Подготавливался ли путч или нет, остается до сих пор неясным... Одновременно с этим Дурчанский боялся открыто порвать связь с немцами и в своих речах старался успокоить Германию... К этому времени относится и особое заигрывание Дурчанского с нами. Дурчанский все чаще говорит о желании словаков видеть Карпатскую Украину в составе Советского Союза». «Период самостоятельного управления Словакией кончился вместе с разгромом Франции».

24 июля 1940 г. Тисо, Тука и Мах были приглашены Риббентропом посетить его в Зальцбурге и Берхтесгадене. Дурчанский не получил официального приглашения, но в поездке принял участие. Однако его присутствие демонстративно игнорировалось немцами, как во время приемов вышеуказанной «тройки» Гитлером и Риббентропом, так и во время приемов, устроенных в честь словацкой делегации. «В Берхтесгадене немцы потребовали от словацких политических деятелей резкого изменения курса во внутренней политике Словакии. Тисо вынужден был дать свое согласие под давлением немцев на освобождение Дурчанского от работы. 28 июля Дурчанский подал в отставку. Мах получил портфель министра внутренних дел и вновь был назначен шефом глинковской гвардии. Руководителем Управления пропаганды был назначен К. Мургаш, старый германский агент в глинковской партии... Министром иностранных дел был по совместительству назначен премьер-министр Тука». Прогерманские круги в Словакии особенно упорно распространяли слухи о том, что отставка Дурчанского объясняется его связями с англичанами. «Не исключена возможность, – говорится в отчете, – что Дурчанский мог иметь какие-то связи с английским правительством, а возможно и с группой Бенеша в Лондоне». «Расправляясь с группой Дурчанского, немцы руководствовались следующими соображениями: первое, провести в словацкое правительство открытых немецких агентов Маха и Мургаша, к которым присоединяется также Тука, и, второе, сконцентрировать власть в Словакии в немногих руках,

чтобы создать более удобную и действенную форму подчинения всей экономической и политической жизни Словакии германским интересам». «С этого момента германское правительство уже не ограничивается простыми советами словакам, а непосредственно вмешивается в словацкие дела». К этому же времени «относится и перемена германского посланника: на место Ганса Бернарда был назначен фон Киллингер, обергруппенфюрер штурмовых отрядов, человек, тесно связанный с Гиммлером, не имеющий представления о дипломатии в тесном смысле этого слова». 30 июля на центральной площади Братиславы состоялся митинг, организованный группировкой Тука и Маха. Главной задачей словацкого правительства было объявлено «укрепление связей Словакии с Германией путем приспособления словацкого режима к германскому. Тука впервые говорил о так называемом словацком национал-социализме и рекомендовал себя как сторонника этого режима. Мах обещал повести непримиримую борьбу с компартией в Словакии, обещал кардинальным образом разрешить еврейский вопрос и очистить все правительственные учреждения от неугодных лиц» (л. 115–117).

По мнению Пушкина, «основными причинами такого беззастенчивого вмешательства немцев во внутренние дела Словакии явилось, во-первых, внутреннее состояние Словакии, во-вторых, внешнеполитические планы Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе». «В словацком народе, – по наблюдениям советского полпреда, – весьма сильны просоветские и славянофильские настроения. Последние особенно характерны для словацкой интеллигенции. Далее, Словакия по существу является государством-буфером между Советским Союзом и Германией. Отсюда вполне естественное стремление немцев подчинить этот буфер целиком своей политике. Наличие германских войск в количестве 10–12 тыс. в районе Малацек (на границе с Германией) далеко не обеспечивает немцам нужной покорности словаков. Деятельность компартии, которая, несмотря на нелегальное существование, особенно в этот период заявляла о себе все больше и больше, не давала покоя немцам». Как считал Пушкин, «компартия Словакии бесспорно пользовалась самой широкой поддержкой в народе» (л. 118).

«В случае активных военных операций Германии на Балканах Словакия неминуемо должна разделить судьбу Бельгии». «После разгрома Франции в германских военных кругах победила точка зрения нанесения удара по Англии не непосредственно, а на Балканах и на Ближнем Востоке. Немцы могли бы открыто оккупировать Словакию, как они это сделали с Бельгией, ... но тогда бы очень рисковали обратить против себя все балканские страны. Немцы поэтому избрали другой путь, если можно так выразиться, постепенной мирной оккупации Словакии. Германская пропаганда весьма своеобразно представляла этот факт. До сих пор мало известная и мало заметная Словакия была превращена немцами в государство – “образчик” будущих государств “новой Европы”».

«Новый курс германской политики в Словакии резко изменил внутреннюю жизнь страны во второй половине 1940 г.». Буквально на второй день

прихода к власти Маха началась расправа над приверженцами Дурчанского. Отмечались случаи побегов некоторых словацких деятелей, связанных с Дурчанским, за границу, в частности в Англию. Мах начал чистку правительственного аппарата. Целому ряду депутатов сейма было просто приказано отказаться от своих депутатских полномочий. Одновременно с этим Мах жестоко расправлялся со всеми политически неблагонадежными, особенно с бывшими коммунистами. Концлагерь в Илаве оказался недостаточен для арестованных, поэтому был открыт еще один – в Леопольдове (л. 118–119).

С самого начала группа Туки и Маха встретила сопротивление со стороны президента Тисо. Он в большей мере разделял политику Дурчанского, чем политику Туки и Маха, хотя в Берхтесгадене ему не удалось отстоять Дурчанского. После его ухода Тисо стремился придерживаться того курса политики, который проводил Дурчанский. Это и вызвало размолвку Тисо и Туки. «В конце года они дошли до открытой борьбы. Еще в начале августа Тука и Мах предлагали вообще ликвидировать словацкий парламент», но эта попытка провалилась. «Совершенно понятно, – писал Пушкин, – что Тисо действовал в этот период и в последующие месяцы 1940 года против группы Туки-Маха потому, что он не чувствовал себя одиноким. Он имел и имеет до сих пор широкую поддержку в католических кругах Словакии. Кроме этого, вокруг Тисо сейчас группируются все оппозиционные элементы в стране, даже те, которые вообще не являются его сторонниками, но мирятся с его политикой как с меньшим злом. Существенное значение в борьбе Тисо против группы Туки имеет поддержка его со стороны Ватикана. Тисо прекрасно понимает, что Германия в период затяжной войны не будет осложнять свои отношения с Ватиканом и с католическими кругами в странах, находящихся под его влиянием. А католическая церковь в Словакии представляет собой определенную силу. В конечном итоге, немцы помирились с Тисо, так как решили лучше использовать авторитет Тисо в стране, чем ориентироваться на потерявшего всякое доверие в словацком народе Туку. Немцы учитывали при этом, что по существу, в вопросах, касающихся военной политики Германии в Словакии и на Балканах, они встречали такую же поддержку со стороны Тисо, как и со стороны Туки». «Словацкое правительство предоставило немцам в полное их распоряжение свою территорию. Особенно с августа месяца Германия начала приспособлять Словакию к своим военным потребностям. Немцы широко развернули строительство аэродромов в Словакии. По нашим сведениям, в августе-сентябре в стране было построено около 20 аэродромов. Если иметь в виду, что в Словакии насчитывается не более двух десятков самолетов, то станет ясно, что это строительство производилось для нужд германской армии. К этому же периоду относится и создание в Словакии новых шоссежных дорог, ремонт старых, строительство вторых железнодорожных путей и т. д.» «Осенью 1940 года Словакия напоминала собой строительный лагерь. 6 сентября в Словакию приезжал германский министр вооружений Тодт, известный автор проектов германских автострад и линии Зигфрида. Поездка Тодта была связана именно с этим строительством в Словакии, имеющим военно-стра-

тегическое значение. К этому же периоду относится и начало строительства в Словакии военных укреплений в её северной и восточной части». «В последние месяцы 1940 года было отмечено, что словацкая промышленность все больше и больше переключалась на военный лад, расширялись военные заводы фирмы Шкода и фирмы “Зброевка” в Словакии. Отдельные военные цеха из предприятий Протектората переносились в Словакию (литейный цех из Пильзена – в Дубницу). Гражданский крупный завод в Трнаве “Баньска Хутня” был переведен на производство ручных гранат и противотанковых мин. На этом же заводе началось производство зенитных орудий». «Совершенно очевидно, что немецкие власти рассматривают Словакию как свой глубокий тыл. По-видимому, процесс развертывания германской военной промышленности в Словакии в 1941 году будет резко усилен» (л. 120–122).

«Имеются сведения, – писал далее Г.М.Пушкин, – что в октябре между Германией и Словакией подписано секретное дополнительное соглашение к договору от 23 марта 1939 г. “О защите Словакии”. Новое соглашение не изменяет обязательства немцев. Обязательства же словаков значительно расширены. По этим сведениям, новое соглашение представляет в распоряжение немцев все промышленные объекты Словакии, могущие быть использованы для производства военных материалов. Далее, Словакия предоставляет в распоряжение Германии свою армию, если это потребует, и обязуется перестроить армию в соответствии с организацией германской армии... Это военно-политическое соглашение явилось основой для присоединения Словакии к “пакту трех держав”... Само собой разумеется, Словакия не получает никаких выгод от этого пакта. Германия же, наоборот, получила право распоряжаться по своему усмотрению всем, что имеет Словакия. Не случайно поэтому это событие вызвало большое недовольство среди широких кругов словацкого народа». «Присоединение Словакии, Венгрии и Румынии к “пакту трех держав” дало право немцам посылать в эти страны и через их территорию свои войска. В середине декабря месяца германская армия двинулась через территорию Словакии в Венгрию и Румынию. Особой силы переброска германской армии достигла в январе 1941 года... Словакия была превращена немцами в сплошной военный лагерь. По всем словацким дорогам идут поезда с германским военным снаряжением, всюду расставлены германские часовые. Словакия все больше и больше принимает вид оккупированной страны» (л. 122–123).

Особый отдел отчета Пушкина отведен характеристике внешней политике Словакии. По договору «О защите Словакии» ее внешняя политика «строится в полном соответствии с внешней политикой Германии. Совершенно понятно отсюда, что Словакия не может даже и пытаться проводить какую-либо самостоятельную внешнюю политику. Во внешней политике протекторат Германии над Словакией сказывается еще более отчетливо, чем во внутренней жизни». Словакия имеет дипломатические отношения «исключительно со странами, которые или находятся под влиянием Германии, или с которыми Германия имеет нормальные дипломатические отношения. Отсюда ясно, что Словакия

не могла иметь дипломатические отношения ни с Англией, ни с Францией, ни с США. Названные страны вообще не признали Словакию. Словакия не имела с этими странами и торговых отношений. Связи Словакии с такими странами, как Италия, Румыния, Югославия, Швейцария, Болгария и Испания, весьма ограничены». «Чего-либо заслуживающего внимания в отношениях Словакии с этими странами нет». Интерес, по мнению Пушкина, представляют отношения Словакии с Германией, Венгрией и Советским Союзом. Далее следует характеристика этих отношений, начиная со словацко-германских. «С Германией Словакия имеет самые развернутые связи: политические, военные, экономические и культурные. Словацко-германские отношения опираются на целую систему договоров, заключенных в последние два года». «Германия представлена в Словакии дипломатической миссией, состоящей минимум из 100 человек». «Кроме того, имеется специальная военная миссия, возглавляемая генералом Отто, военно-воздушная миссия и представительство ДНБ (германское телеграфное агентство)». Хозяйственные связи между Германией и Словакией весьма широки. Удельный вес Германии вместе с Протекторатом в словацком вывозе составляет свыше 80%. То же можно сказать и о словацком ввозе. «Ясно, что почти вся внешняя торговля Словакии находится в руках немцев. Это обстоятельство дает возможность немцам держать в своих руках всю экономическую жизнь Словакии». Далее приводятся конкретные примеры на этот счет. «В словацких учреждениях и организациях, руководящих экономической жизнью страны, а также на крупных предприятиях имеются, как правило, германские представители, которых здесь называют комиссарами» (л. 125–127).

Немецкая группа в Словакии «весьма пестра по своему социальному составу, но это не мешает ей быть спаянной... Эта группа находится в привилегированном положении в Словакии, которое им обеспечивает Германия. Эта национальная группа – верный оплот гитлеровской политики в Словакии». Общее число немцев в Словакии – примерно 150 тыс. человек, одна треть которых проживает в Братиславе и её окрестностях. «Немецкая национальная группа играет исключительно большую роль в политической жизни Словакии. Эта группа весьма живо реагирует на все события, происходящие в стране». Руководитель немецкой группы в Словакии Кармазин так определил задачу немцев в Словакии: «наше движение должно стать восточным валом Гитлера против чуждых и вредных влияний». «Этим Кармазин кратко, но ясно определил политику Германии в Словакии, как в пограничной с Советским Союзом области» (л. 127–128).

Характеризуя отношения между Словакией и Венгрией, Пушкин отметил, что здесь существует ряд спорных территориальных вопросов. Их суть состоит в том, что Венгрия, «мечтающая о так называемой империи Св. Стефана, не теряет надежды присоединить к себе Словакию». Словакия же, потерявшая в результате Венского арбитража 1938 г. и последующих конфликтов с Венгрией целый ряд областей с населением до 600 тыс. человек, «все время стремится подвергнуть ревизии существующую ныне словацко-венгерскую гра-

ницу». Словакия претендует на округа Кошице, Лученец, Нове Замки, Врable и Старя Баня, включающих 141 «словацкую общину». Весь 1940 год шла антивенгерская кампания в Словакии и анисловацкая – в Венгрии. «Германия сознательно разжигала борьбу между словаками и венграми. Но одновременно с этим она не занимала в этом вопросе определенных позиций, боясь связать себе руки... Германия могла давать туманные обещания той и другой стороне в случае, если это было выгодно для германской политики в определенные моменты». «Германия пугала Венгрию Словакией, а Словакию Венгрией». «К декабрю 1940 г. антивенгерская кампания в Словакии и анисловацкая в Венгрии совершенно прекратились. Таково было желание хозяина этих стран. Объясняется это просто: Германия с середины декабря начала переброску своих войск через территорию Словакии в Венгрию и Румынию. Ясно, что в этот момент трения в словацко-венгерских отношениях были невыгодны немцам. И эти отношения неожиданно стали «нормальными». «Конфликты и споры между этими странами организовывались по указанию Берлина и в интересах Берлина. Венгерскому посланнику в Словакии принадлежит фраза: «Не будем спорить о территории и населении, всё равно мы скоро объединимся, но в рамках германской империи» (Георг Сабо). Это заявление весьма правильно отражает нынешнее положение Венгрии и Словакии в отношении Германии и истинное состояние словацко-венгерских отношений сегодня» (л. 128–130).

Значительное внимание уделено в отчете характеристике советско-словацких отношений. Во время, когда еще существовала Чехословацкая республика, глинковская партия выступала резко против Советского Союза, требовала разрыва договора о взаимопомощи между Чехословакией и СССР⁶, и некоторые представители этой партии даже настаивали на разрыве дипломатических отношений с СССР. Вплоть до конца 1939 г. словацкая пресса выступала против СССР: «Не подлежит никакому сомнению, что такая позиция словацких правящих кругов иницировалась из Берлина». «В конце 1939 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Словакией... Это событие следует записать в актив группы Дурчанского, который стремился всеми мерами ослабить германскую власть в Словакии и укрепить положение этого малоустойчивого государства. Не исключена возможность, что поведение немцев сегодня в отношении Словакии было бы иным, если бы не было бы установлено дипломатических отношений между СССР и Словакией. Немцы вынуждены были считаться с Советским Союзом. В этой части расчеты группы Дурчанского были совершенно правильными». «В течение 1940 г. наши отношения со Словакией ограничивались чисто формальными связями... Как ни странно, но в течение 1940 г. в наших отношениях со Словакией не возникло ни одного практического вопроса, если не считать поездку советской научной делегации в Братиславу в январе 1940 г. на торжества, связанные с открытием Братиславского университета, ответного визита словацкой научной делегации в Москву в мае того же года и подписания советско-словацкого торгового договора в Москве 6 декабря 1940 г.». «В течение 1940 г. словацкая

пресса не опубликовала ни одной правдивой статьи о Советском Союзе, но зато весьма часто публиковала статьи или открыто враждебные нам, или сознательно искажающие существо нашей внешней и внутренней политики» (л. 130–131).

Смена правительства в июле 1940 г. существенно сказалась на советско-словацких отношениях. «1 сентября в речи президента Тисо, восхвалявшей войну, которую ведет Германия, он заявил: “Это война против плутократии и против марксизма. Это война, ведущаяся с социальными намерениями, является гибелью всякого капитализма и всякого большевизма”». В начале сентября словацкие власти организовали блокаду советского представительства: все посетители задерживались полицейскими агентами и подвергались допросу. У ворот полпредства непрерывно дежурили одна-две полицейские машины, за сотрудниками полпредства была установлена тщательная слежка. После последовавшего со стороны НКВД протеста «положение заметно изменилось в лучшую для нас сторону». «Само собой разумеется, что ухудшение отношений между СССР и Словакией в этот период произошло не по инициативе словаков, а по инициативе немцев и, возможно, здешних немцев (имеется в виду германский посланник Киллингер). Не исключена возможность, что Киллингер стремился добиться разрыва дипломатических отношений между СССР и Словакией (такие слухи позднее доходили до нас). Во всяком случае, ясно, что даже одно лишь пребывание советского полпредства в Словакии создавало для немцев большие неудобства. Во-первых, мы являлись живыми свидетелями их хозяйничанья в Словакии; во-вторых, наше присутствие в Словакии имело влияние на словацкий народ, настроенный в подавляющем своем большинстве резко антигермански. Чем больше усиливается германский гнет в Словакии, тем шире становятся ряды симпатизирующих Советскому Союзу. Немцы очень боятся нашего влияния в этой стране... Немцы в Словакии как огня боятся панславизма». «Словакия для немцев имеет большое значение, особенно на случай резкого ухудшения отношений между СССР и Германией. На этот случай немцы проводят в Словакии исключительно большую подготовительную работу. В частности, организуют белоэмигрантские круги, украинских националистов, начали проводить широкую обработку русинов из Прешовской Руси, организовав там фашистскую группу. В Прешове в конце 1940 г. было открыто германское консульство. Можно с уверенностью сказать, что основная деятельность этого консульства будет направлена против Советского Союза. Учитывая изложенное выше, становится понятным, почему словаки не идут с нами на развитие широких хозяйственных и культурных связей. Надо полагать, что 1941 год не сулит нам каких-либо существенных изменений в отношениях между СССР и Словакией, если последняя будет находиться в такой же зависимости от немцев, как сегодня» (л. 132–134).

Далее Пушкин в своем отчете рассматривает экономическое положение Словакии: ситуацию в сельском хозяйстве, промышленности, на транспорте, в финансах, на продовольственном и промтоварном рынках, во внешней тор-

говле – с приведением конкретных цифр и фактов (л. 135–142). «1941 год не обещает какого-либо улучшения в области экономического положения в Словакии, а, наоборот, в связи с германскими военными приготовлениями на Балканах, принесет резкое ухудшение в экономике Словакии» (л. 155), – констатирует он.

Особый раздел отчета посвящен словацким вооруженным силам. Словацкая армия выделилась из состава старой чехословацкой армии в марте 1939 г. Весь командный состав словацкой армии был подготовлен в чешских офицерских школах. В конце 1940 г. началась реорганизация словацкой армии: «германские военные власти обязали словацкое правительство переучивать словацких офицеров в германских военных школах», «формы и методы обучения в словацкой армии будут взяты от германской армии. Последняя признается образцом в деле военного обучения». Техническое оснащение словацкой армии совершенно не отвечает требованиям современной армии. Словакия располагает всего лишь 17 военными самолетами и 68 танками. Общая численность словацкой армии составляет до 50 тыс. человек (л. 143–152).

В заключительной части отчета Пушкин писал: «Какаясь наших взаимоотношений со Словакией, необходимо прямо сказать, что до тех пор, пока здесь господствуют немцы, не может быть и речи о сколько-нибудь широких связях между СССР и Словакией». «Немцы весьма ревниво относятся к каким-либо, даже безобидным, нашим начинаниям в Словакии. Со страной, в которой Германия запрещает вообще писать что-либо положительное об СССР, даже то, что она публикует в своей прессе, у нас не может быть развитых отношений». «Известной проверкой наших возможностей в Словакии будет в 1941 году реализация советско-словацкого торгового договора. Словакия представляет для нас большой интерес. В Словакии мы должны следить за всеми приготовлениями немцев и за их работой на Балканах. Словакия пока что для нас только наблюдательный пункт. Само собой разумеется, мы должны использовать в Словакии всякие возможности для расширения наших торговых и особенно культурных связей» (л. 156).

Примечания

¹ Некоторые из этих материалов использованы автором при написании главы «Словакия в политике СССР и Германии» в книге «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.», М., 1999. С. 198–240.

² Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 103–156. (Отчет полпреда СССР в Словакии за 1940 г.).

³ В других материалах и в литературе договор носит название также «Об охране Словакии».

⁴ Словацкая народная партия носила имя её основателя А. Глинки.

⁵ Правильно – Дюрчанский, министр иностранных и внутренних дел Словакии, сначала занимавший безоговорочно прогерманскую позицию.

⁶ Имеется в виду договор 1935 г.

Венгрия и Югославия в 1945–1948 гг. От оживления разносторонних связей к глубокому кризису в дипломатических отношениях

Abstract:

Kimura K. Hungary and Yugoslavia in 1945-1948. From reviving multilateral connections to a deep crisis in diplomatic relations

Various (including cultural) connections between Hungary and Yugoslavia were successfully developing in the early postwar years on the platform of the Danube unity. Problems in the relations between these two countries, which existed in the past, have been successfully overcome. The conflict between Stalin and Tito in the spring of 1948 dealt a powerful blow to the Hungarian-Yugoslavian relations at the moment of their highest blossoming.

Ключевые слова: Венгрия, Югославия, Вторая мировая война, территориальные споры, дунайское единство, культурное сотрудничество, советско-югославский конфликт 1948 г.

В 1945 г. отношения между Венгрией и Югославией вступили в новый этап своего развития. Взаимные проявления жестокости в годы Второй мировой войны (зверства хортистской жандармерии на оккупированной в апреле 1941 г. территории Воеводины и, позже, ответные действия сербов-партизан, от которых страдало и мирное венгерское население), кардинальные различия в послевоенном статусе между Югославией, относившейся к лагерю победителей, и побежденной Венгрией, равно как и некоторые спорные территориальные вопросы, о которых речь пойдет ниже, – все это создавало тот груз, который не мог не сказываться на состоянии двусторонних связей. Тем не менее отношения Венгрии с Югославией в первые послевоенные годы складывались в целом более благоприятно, нежели ее отношения с другими соседями¹. Это в полной мере касалось и довольно тесных культурных связей двух стран².

Налаживание взаимопонимания имело особенно важное значение именно для Венгрии, поскольку оно способствовало выходу этой побежденной страны (порвавшей с нацистской Германией позже других ее европейских союзников) из политико-дипломатической изоляции в послевоенные годы. При этом в Будапеште неизменно принимался во внимание и немалый международный авторитет маршала Тито, объяснимый серьезным вкладом Народно-освободительной армии Югославии в борьбу с нацизмом. Ради установления связей с соседней Югославией венгерское антифашистское правительство проявило склонность к тому, чтобы начать проведение послевоенной политики на этом направлении «с чистого листа», не муссируя старых обид³.

В первых же декларациях венгерского временного национального правительства, сформированного в Дебрецене в декабре 1944 г., много говорилось о необходимости порвать с прежней «манией величия», реакционными химерами «великой Венгрии», доведшими страну до национальной катастрофы, выражалась готовность к установлению добрососедских отношений и налаживанию искреннего диалога и сотрудничества со всеми соседними странами, и едва ли не в первую очередь с новой Югославией.

Подобные декларации были с большим удовлетворением восприняты в Белграде, где проявили склонность к ответным жестам. Инициатива установления и налаживания двусторонних связей принадлежала Югославии – стране с резко усилившимся после войны международным престижем. Венгрия как побежденная страна, ожидавшая своей участи на Парижской мирной конференции, была не в том положении, чтобы выступать в роли инициатора, вместе с тем она с готовностью откликалась на югославские предложения о сотрудничестве. Откликалась тем более охотно, что Югославия в 1945 г. первой из стран, в которых проживало венгерское меньшинство, приняла ряд конкретных мер в целях обеспечения его прав, в том числе на полноценное культурное развитие.

Уже с декабря 1944 г. в Нови-Саде и Суботице выходили газеты и журналы на венгерском языке. Литературный и общественно-политический журнал «Нид» («Мост»), уделявший много внимания сближению венгерской и югославянских культур, издавался весьма большим для Югославии тех лет тиражом – 3–4 тыс. экземпляров. Выходили также молодежный журнал «Ifjúság Szava» («Голос молодежи») тиражом 10 тыс. экземпляров, газета «Föld» («Земля») для крестьянства тиражом 5–7 тыс. экземпляров; было даже специальное женское издание. Функционировало венгерское книжное издательство. В июне 1945 г. в Нови-Саде было основано культурное общество – Венгерский культурный союз в Югославии. Он курировал местные организации, клубы и библиотеки в городах и селах, в которых проживали венгры, занимался книгоизданием, распространением книг и организацией литературной, театральной жизни и т.д. Создание этой структуры было жестом белградской коммунистической власти, адресованным в первую очередь не Будапешту, а направленным на то, чтобы заручиться внутривнутриполитической поддержкой венгерского национального меньшинства, которое в Воеводине превышало 20% населения.

Что касается венгерской национальной системы образования на территории Югославии, то уже в 1944/45 учебном году здесь открылись новые венгерские школы (а в некоторых населенных пунктах венгерские классы в школах, где учились как сербы, так и венгры). Количество венгерских школ разных ступеней и обучающихся в них учеников в 1945 – 1947 гг. возросло более чем в 10 раз в сравнении с довоенным периодом⁴. В Нови-Саде был открыт педагогический вуз для подготовки учителей для венгерских школ. В октябре 1946 г. была образована венгерская кафедра в университете Нови-Сада.

Наряду с возникновением венгерских школ в послевоенной Югославии происходило оживление театральной жизни на венгерском языке. В Суботице

был венгерский театр, спонсируемый государством, выделявшим на его поддержку немалую сумму. Эта поддержка оказывалась в соответствии с конституцией ФНРЮ, которая декларировала право на культурное развитие населявших Югославию народов.

Новые югославские власти разрешали отмечать венгерские национальные праздники – 15 марта (день начала революции 1848 г.) и др., и в этом отношении ситуация решительно отличалась от того, что было в некоторых других, соседних с Венгрией странах, где также проживали значительные венгерские меньшинства.

Политика нового, коммунистического режима в Югославии в отношении этнических венгров получила самые положительные отзывы с венгерской стороны. 25 ноября 1945 г. на страницах коммунистической газеты «Szabad Nép» («Свободный народ») деятель компартии Дюла Каллаи писал, что в современной Югославии у венгерского национального меньшинства больше прав, чем было когда-либо в истории. Еще за полгода до этого, на майской (1945 г.) конференции венгерской коммунистической партии, политика режима Тито в отношении венгров подавалась как образцовая. Другие партии тоже позитивно оценивали деятельность официального Белграда по обеспечению культурных прав венгерского населения. Так, близкая к коммунистам национальная крестьянская партия в своих программных документах 1945 г. называла политику, проводимую в Югославии в отношении венгерского меньшинства, залогом подлинно добрососедских отношений.

Газета влиятельнейшей партии мелких сельских хозяев «Kis Újság» («Малая газета») 28 июля 1945 г. писала о том, что среди народов Дунайского бассейна именно у югославов в наибольшей мере сохранилось дружеское расположение к венграм. На фоне попыток переселения венгров из Чехословакии Югославия неизменно выступала в качестве позитивного примера – как в прессе, так и в общественном мнении отношения с Югославией противопоставлялись отношениям Венгрии с некоторыми другими соседними странами. Даже в кругах компартии выражалось недовольство планами выселения венгров из Словакии. Так, на второй сессии Временного Национального собрания Венгрии, открывшейся 5 сентября 1945 г., все выступавшие партийные лидеры, включая коммуниста М.Ракоши, касались положения венгров в Чехословакии, противопоставляя политике правительства этой страны более терпимое отношение к ним в Румынии и особенно в Югославии.

Правда, в 1945–1946 гг. двусторонние венгерско-югославские отношения должны были пройти через определенные испытания, связанные с территориальными претензиями Югославии. У Венгрии в послевоенные годы в процессе подготовки Парижского мирного договора также существовали некоторые территориальные претензии к соседним странам, однако венгерское правительство полностью отказалось от них в отношении Югославии. 28 сентября 1945 г. посланник СССР в Венгрии Г.М. Пушкин отправил заместителю наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозову докладную записку о позиции венгерского правительства, в которой приводилось заявление министра ино-

странных дел Я. Дьендьеш. По его утверждению, Венгрия, совершившая преступления против Югославии в 1942 г. (убийства мирного населения) и нанеся ей значительный ущерб, не имеет морального права ставить вопрос о ревизии югославо-венгерских границ, тем более, что в результате национальной политики правительства Тито положение венгерского нацменьшинства можно считать вполне удовлетворительным, и оно не вызывает никаких опасений⁵. Очевидно, дело было не только в соображениях морального порядка, но и в большой заинтересованности официального Будапешта в установлении хороших добрососедских отношений именно с Белградом.

С югославской стороны предъявление территориальных претензий к соседним странам началось еще в декабре 1943 г. 23 декабря зам. наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинов принял в Москве представителей маршала Тито В. Влаховича и Б. Масларича. Руководство СССР в это время уже осознавало, что борьба народов Югославии имеет большое значение для будущего всех балканских стран, поэтому Литвинов пытался выяснить, имеет ли командование Народно-освободительной армии Югославии территориальные претензии к соседним странам. С югославской стороны дали понять, что при определении послевоенных границ будут предъявлены территориальные претензии ко всем соседним странам, кроме Румынии и Венгрии. Со временем, однако, Югославия начала интересоваться и территорией Венгрии – окрестностями городов Печ и Бая. В районе г. Печ югославы привлекали природные ресурсы, в частности, уголь, тогда как в районе г. Бая проживало относительно многочисленное югославянское меньшинство. 9 января 1945 г. И.В. Сталин принял югославскую делегацию во главе А. Хебрангом. Во время беседы с югославской стороны был открыто проявлен интерес к территориям, принадлежавшим до войны Венгрии. Сталин уклонился от прямой поддержки позиции своих собеседников, заметив лишь, что югославянское население, проживающее в этих районах, должно само поставить вопрос о присоединении к Югославии⁶.

13 апреля 1946 г., в период работы Парижской мирной конференции, где обсуждались будущие границы Венгрии, югославский посол в Советском Союзе В. Попович сообщил в Наркоминделе о том, что югославское правительство официально представит свои территориальные претензии Венгрии и еще потребует у Будапешта права на использование нефтяных полей, находящихся на венгерской территории, в течение нескольких лет. 22 апреля 1946 г. Тито в Белграде в присутствии советского посла А.И. Лаврентьева представил территориальные претензии Венгрии. Он понимал, что в силу незначительности югославянского населения в трианонских границах Венгрии, целесообразнее сделать акцент на обосновании югославских претензий экономическими соображениями⁷.

В конце апреля 1946 г. территориальные проблемы, возникшие между Югославией и Венгрией, стали предметом обсуждения в Белграде. Венгерскую делегацию возглавлял влиятельнейший лидер коммунистов М. Ракоши,

выступавший в роли вице-премьера коалиционного правительства. По итогам переговоров Тито согласился не поднимать этот вопрос на Парижской мирной конференции при условии, если Венгрия передаст Югославии права на использование нефтяных полей на югославно-венгерской границе. Поскольку венгерская сторона не возражала, 27 апреля 1946 г. Тито официально информировал Москву о том, что у ФНРЮ нет территориальных претензий к Венгрии⁸.

Компромиссную позицию правительства ФНРЮ можно объяснить тем, что титовская Югославия была заинтересована в укреплении позиций левых, прокоммунистических сил Венгрии. Кроме того, Тито в определенной мере нуждался в венгерской поддержке при разрешении территориальных споров Югославии с Италией и Грецией. На этот счет была заключена договоренность – Югославия в свою очередь согласилась играть посредническую роль при обмене населением между Чехословакией и Венгрией. В сентябре 1946 г. при участии Белграда было достигнуто компромиссное соглашение о добровольном обмене населением (что должно было затронуть около 40.000 человек)⁹. Хотя до его реализации дело не дошло, венгерское правительство было благодарно правительству ФНРЮ за его посреднические усилия.

После урегулирования вопроса о территориальных претензиях Белграда на политической арене Венгрии не было никаких расхождений между партиями в вопросе о необходимости дальнейшего сближения с Югославией. Все партии правящей коалиции считали это приоритетной внешнеполитической задачей и в том числе выступали за активизацию культурных связей. Это нашло отражение и в прессе как социал-демократической партии, так и партии мелких сельских хозяев.

Венгерская компартия в деле налаживания отношений с соседними государствами считала особенно важным сближение именно с коммунистической Югославией, надеясь как на внутривластную поддержку с ее стороны (в приемлемых для этого формах), так и на определенное понимание Белградом венгерской позиции в случае дальнейшего обострения противоречий Венгрии с Чехословакией и Румынией по территориальным проблемам и вопросам положения национальных меньшинств (следует иметь в виду, что межгосударственные противоречия осложнили в этот период и отношения компартий).

Начиная уже с 1945 г. в Венгрии получили широкое распространение идеи сотрудничества придунайских государств, в том числе проекты создания Дунайской конфедерации; при этом обычно ссылались на идейное наследие вождя венгерской революции 1848 г. Л. Кошута, относящееся к периоду его жизни в эмиграции в 1850–1860-е годы. Эти идеи нашли отражение и в прессе, тяготевшей к компартии. В качестве первого шага при реализации такого рода планов зачастую рассматривался проект создания югославно-венгерско-румынского таможенного союза. Соответствующий тезис был даже включен в предвыборную программу ВКП, опубликованную в сентябре 1945 г.

Шаги по обеспечению культурно-образовательных прав югославянского меньшинства предпринимались в Венгрии отчасти под давлением Белграда.

21 июля 1945 г. югославские власти потребовали от венгерского правительства, чтобы югославянским нацменьшинствам на территории Венгрии (сербам, хорватам и словенцам) были предоставлены те же права в деле приобщения к образованию и культуре, которые получило венгерское меньшинство на территории Югославии. В апреле 1945 г. в Сегеде было основано местное общество венгерско-югославской дружбы. В своих документах оно уделяло большое внимание культурному сотрудничеству дунайских народов и особый акцент делало на изучении культуры сербов. В октябре 1945 г. было основано венгерско-югославское общество дружбы, действовавшее в масштабах всей страны. Активизировался культурный обмен (в том числе гастроли театральных и музыкальных коллективов), а также работа по переводу произведений югославских писателей. Так, опубликованные в 1945 г. романы выдающегося сербского писателя, будущего Нобелевского лауреата Иво Андрича «Травницкая хроника» и «Мост на Дрине» были быстро переведены на венгерский язык и стали достоянием венгерского читателя. Выходят на венгерском языке и произведения крупнейшего хорватского писателя М. Крлежи (в молодости слушатель военной академии Людовика в Будапеште, он хорошо знал Венгрию и венгерскую культуру, выступал за налаживание венгерско-югославских связей). С 1947 г. выходил литературно-художественный и общественно-политический журнал «Déli csillág» («Южная звезда»), орган общества дружбы, призванный пропагандировать в Венгрии лучшие достижения югославянских литератур и культур (закрыт в 1948 г.).

30 ноября 1945 г. премьер-министр З. Тильди, выступая в только что избранном Госсобрании Венгрии, заверял в своей программной речи мировую общественность в том, что венгерское правительство навсегда отказалось от проведения шовинистической политики, пропаганды своего особого положения в Дунайском бассейне. Следующий премьер-министр Ф.Надь (возглавивший правительство в феврале 1946 г.) также неоднократно говорил о том, что Венгрия порвала с шовинистическим прошлым, отказалась от той политики, которая стала одной из причин серьезной напряженности в регионе, и что венгерский народ искренне хочет добрососедских отношений с другими народами региона. Применительно к культурной политике на это указывал министр культуры Деже Керестури, в том числе на пресс-конференции 9 февраля 1946 г., где он сделал акцент на открытости венгерской культуры всем внешним связям, но особенно с соседними народами, народами Дунайского бассейна. Новая культурная политика противопоставлялась прежней, хоргистской, связанной с именем графа К.Клебельсберга, в течение 10 лет занимавшего пост министра культуры. Концепция К.Клебельсберга исходила из превосходства венгерской культуры над культурами соседних славянских народов (а также румын), из аксиомы о выполнении венграми своего рода цивилизующей, культуртрегерской миссии в Дунайском бассейне. Теперь упор делался на равноправие, мирное сожительство и тесное общение народов региона в рамках многообразных проектов дунайского сотрудничества¹⁰.

Большой отклик в Венгрии вызвало выступление маршала Тито в апреле 1946 г., в котором он заявил, что питает братские чувства к соседней стране, — оно широко комментировалось в венгерской печати (правда, к тому времени еще не были сняты территориальные претензии ФНРЮ к Венгрии, о которых венгерская общественность не имела полного представления). Особенно позитивно и много писала о Югославии, естественно, коммунистическая пресса Венгрии — это не удивительно, поскольку именно в Югославии темпы коммунистических реформ были быстрее, чем в других странах.

С лета 1947 г. велась работа по подготовке всеобъемлющего культурного соглашения, которое было подписано в Белграде 15 октября 1947 г. (сроком на 5 лет), а ратифицировано венгерским Госсобранием в декабре. К этому времени уже состоялось совещание компартий в Шклярской-Порембе, был образован Комиинформ. В этих условиях культурные соглашения, заключавшиеся между странами, относившимися к советской сфере влияния, уже несли на себе отпечаток времени, большое внимание в них уделялось идеологии, подчеркивалось идейно-политическое единство стран «народной демократии» на антизападной платформе. Венгерско-югославское соглашение составляло в этом смысле определенное исключение. Оно было разработано еще до первого, сентябрьского (1947 г.) совещания Коминформа, основывалось на реально достигнутых к этому времени результатах в деле взаимного сближения двух соседних стран. Это было менее политизированное и идеологизированное, более традиционное соглашение в области культурного сотрудничества, писавшееся не по требованию «старшего брата», а продиктованное обоюдным интересом и давно назревшим желанием каждой из сторон к взаимному сближению. Главное место в нем, соответственно, занимали реальные задачи культурного сотрудничества, а не политико-пропагандистская риторика. Осенью 1947 г. была образована смешанная комиссия для разработки проектов программ культурных контактов. Она включала в себя как чиновников, так и представителей общественных организаций и творческих союзов. Большие планы строились в области театральных музыкальных связей. В программу двустороннего сотрудничества вошли обмен делегациями деятелей культуры, гастроли артистов и артистических коллективов, художественные выставки, кинопоказы, меры по активизации книгообмена, музейное сотрудничество, стипендии для ученых и т.д.

В дни визита Тито в Будапешт в декабре 1947 г. было подписан межгосударственный договор о дружбе и сотрудничестве двух стран. Если коммунисты делали все больший акцент на идейно-политическом единстве двух стран, идущих по пути строительства социализма, то венгерские некоммунистические политики, выступая в парламенте при ратификации подписанных с Югославией соглашений, по-прежнему предпочитали говорить о далеко идущем региональном сотрудничестве дунайских государств.

15 марта 1948 г. в Венгрии в присутствии многих высокопоставленных иностранных гостей (советскую делегацию возглавлял член Политбюро ЦК

ВКП(б) маршал К.Е. Ворошилов) проходило крупномасштабное празднование 100-летней годовщины начала революции 1848 г. Для подготовки юбилейных торжеств была создана общегосударственная комиссия, занявшаяся среди прочего проведением широкой пропагандистской кампании. Еще 28 ноября 1947 г. на заседании комиссии президент Венгрии З. Тилди сформулировал программную установку: проводить ее в стране после 1945 г. демократические реформы следовало представить отечественному и зарубежному общественному мнению (особенно в дунайских странах) как окончательное осуществление демократических идеалов революции 1848 г., при этом снова были актуализированы идеи Л. Кошута о необходимости тесного сотрудничества народов Дунайского бассейна, развитые им уже в эмиграции после поражения революции. По мнению Тилди, именно 100-летний юбилей венгерской революции ознаменует собой начало нового этапа в единении дунайских народов. Как известно, во время венгерской революции 1848-1849 гг. имели место серьезные противоречия между венгерским и южнославянскими национальными движениями, но об этом в дни юбилейных торжеств старались не вспоминать. В декабре 1947 г., когда югославская правительственная делегация прибыла в Будапешт, И.Б. Тито был приглашен принять непосредственное участие в праздновании 100-летней годовщины венгерской революции, которое предполагалось провести под лозунгом укрепления взаимных связей между народами Дунайского бассейна, вставшими на путь демократического развития. Тито принял это приглашение и предложил в свою очередь разработать совместный план проведения празднеств (Приезд самого маршала в марте 1948 г. не смог состояться по объективным причинам, хотя Югославия была представлена внушительной по составу делегацией). Таким образом, несмотря на исторический факт противостояния сербов и хорватов венгерскому национальному движению во время революции 1848 г., правительству новой Венгрии удалось использовать столетие революции в интересах пропаганды единства народов Дунайского бассейна.

Между тем, празднования 100-летия венгерской революции совпали с началом советско-югославского конфликта 1948 г. Пройдя под знаком единства дунайских народов, они дали Сталину и его окружению дополнительный повод для подозрений в отношении амбициозного югославского лидера Тито, стремящегося к региональному лидерству. Любые горизонтальные связи между странами советской сферы влияния воспринимались Сталиным негативно, как способ расширить поле самостоятельных, независимых от Москвы внешнеполитических маневров, выйти из-под контроля центра. В Москве хорошо знали об особенно тесных венгерско-югославских отношениях. «До резолюции Информбюро у венгров с югославами была трогательная дружба, настолько трогательная, что министр внутренних дел Райк Ласло ухитрился утвердить югославам устав демократического союза южных славян Венгрии, в котором был пункт, что этот союз является объединением по национальному признаку и членство в нем ставится выше партийной принадлежности. По сути говоря, национальные интересы тут были поставлены над

интересами партии», – отмечалось, например, на совещании в МИД СССР 11 июня 1949 г.¹¹.

Зная о подозрениях Сталина, вызванных особой венгерско-югославской близостью, М. Ракоши уже в апреле 1948 г. предпринял головокружительный кульбит. Как известно, в частности, из многочисленных работ Л.Я. Гибианского, 27 марта 1948 г. в адрес руководства КПЮ было отправлено письмо от ЦК ВКП(б) за подписью Сталина и Молотова с суровыми обвинениями по целому ряду принципиальных вопросов двусторонних отношений¹². Это письмо было направлено также лидерам всех партий-членов Коминформа для информации.

Из всех партий, информированных о серьезных разногласиях, возникших между ВКП(б) и КПЮ, венгерская компартия отреагировала быстрее и жестче других, первой, таким образом, подключившись к антиюгославской кампании, инициированной Сталиным. 8 апреля М. Ракоши отправил И.Б. Тито письмо от имени Политбюро своей партии. В нем не только была всецело поддержана позиция официальной Москвы, но было выражено недоверие югославской компартии. В ответном письме ЦК КПЮ от 19 апреля, утвержденном на пленуме ЦК КПЮ, отмечалось, что венгерская компартия «не имеет ни морального, ни политического права так безответственно нападать на наших руководителей, нашу партию и нашу страну перед ВКП(б)». Югославская сторона выказала большую обиду из-за того, что Венгрия поступила так «после всего того, что наша партия сделала, чтобы помочь усилиям передовых сил Венгрии для укрепления демократии в своей стране». Лидеры страны, которые воевали за демократию еще в 1941 г., никак не могли представить себе такую ситуацию, что их критикуют те страны, которые были агрессорами во время Второй мировой войны, отмечалось далее¹³.

Заняв весной 1949 г. крайне жесткую антиюгославскую позицию, Ракоши, стремившийся завоевать расположение Сталина, в сентябре 1949 г. в угоду официальной Москве организовал при помощи советских «экспертов»-силовикиков наиболее громкий показательный процесс антиюгославской направленности – процесс по делу видного деятеля венгерской компартии Ласло Райка. Вследствие этого процесса кампания против руководства КПЮ взошла на новый виток. Обвинения в ревизионизме казались Сталину недостаточными – в ноябре 1949 г. на состоявшемся именно в Будапеште третьем совещании Информбюро была принята резолюция «Югославская компартия во власти убийц и шпионов».

Ситуация меняется самым кардинальным образом. Интенсивное многостороннее сотрудничество двух соседних стран, наладившееся как раз к весне 1948 г., в течение считанных месяцев уступает место с обеих сторон крупномасштабным идеологическим акциям разоблачительной направленности, выполнявшимся в соответствии с актуальным политическим заказом. Нанесенные при этом Югославии психологические травмы оказались настолько сильными, что весьма затруднили новый процесс взаимного сближения, начавшийся в середине 1950-х годов, после смерти Сталина.

Примечания

Каори Кимура – аспирантка кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ

¹ В это время сохранял свою остроту территориальный спор между Венгрией и Румынией из-за Трансильвании. Венгерская сторона стремилась добиться на Парижской мирной конференции некоторой корректировки в свою пользу с учетом этнического фактора довоенных границ, установленных на основании крайне неблагоприятного для Венгрии Трианонского мирного договора 1920 г. (См.: *Исламов Т. М., Покувайлова Т. А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос, 1940 – 1946 годы. М., 2008). В свою очередь отношение Венгрии с Чехословакией были сильно осложнены вследствие попытки выселения из Южной Словакии венгерского населения. (См.: *Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944 – 1948.* Отв. редактор В.В. Марьина. М., 2004).

² См.: *Кимура К.* Под знаком дунайского содружества. Венгерско-югославские культурные связи в 1945-1948 гг. // *Славяноведение.* 2010. № 5.

³ Следует заметить, что после Трианонского мирного договора 1920 г. Венгрия не отказывалась от территориальных претензий к Югославии, хотя в сравнении с венгерско-чехословацкими и венгерско-румынскими отношениями венгерско-югославские были в целом менее враждебными. «Из всех государств вражеской Малой Антанты Югославия являлась единственным, которому не краснеть можно было бы протянуть руку. До войны сербы были нашими открытыми врагами и хорошо дрались во время войны», – писал Хорти Гитлеру в августе 1938 г. (См.: *Документы архива Хорти // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 077. Оп. 29. Папка 137. Д. 55. Л. 125).* Потенциальную угрозу со стороны Югославии Хорти в традиционном для венгерских консервативных политиков духе связывал с вовлечением ее в лагерь панславизма под эгидой России: «в случае же, если современная Россия примет национальную окраску, то сербы будут первыми, кто с радостью перейдет в русский лагерь. Эта надежда живет в сердце каждого серба» (Там же. Л. 127). С югославской стороны в свою очередь подвергалась критике венгерская «мегаломания», нежелание считаться с новыми геополитическими реалиями и изменить представления о месте Венгрии в Европе. Несмотря на все противоречия, в декабре 1940 г. был подписан договор о «постоянном мире и вечной дружбе» между Венгрией и Югославией, вероломно нарушенный уже в апреле 1941 г., когда венгерская армия приняла участие в антиюгославской кампании вермахта.

⁴ См.: *Кимура К.* Под знаком дунайского содружества.

⁵ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы. Отв. редактор Т.М. Исламов. М., 2000. с. 347.

⁶ Восточная Европа в документах российских архивов, 1944 – 1953 гг. Документы. Т. 1. 1944 – 1948 гг. Составители – Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, Т.В. Волокитина. М. – Новосибирск, 1997. С. 119, 126.

⁷ *Gibianski L.* The Hungarian-Yugoslav territorial problem in Soviet-Yugoslav political contacts 1945 – 1946 // *History & Politics.* III. Bratislava Symposium November 12-15, 1992. Bratislava. 1993, 113 p.

⁸ *Ibid.* 114 p.; См. также: АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 15. Л. 63–65.

⁹ См.: *Vuda И.* Международное положение Венгрии после Второй мировой войны // *Восточный блок и советско-венгерские отношения: 1945-1989 годы.* Под ред. О.В. Хавановой, А.С. Стыкалина. М., 2010; *Föglein G.* Magyar-jugoszláv népcseré egyezmény tervezet. 1946 // *Századok.* 1996. 6. sz. 153 – 157. o.

¹⁰ Подробнее см.: *Кимура К.* Под знаком дунайского содружества.

¹¹ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 29. Папка 137. Д. 56. Л. 34.

¹² См.: *Гибянский Л.Я.* От первого ко второму совещанию Коминформа // *Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949.* Документы и материалы. М., 1998.

¹³ *Arhiv Srbije i Crne Gore, fond 507/IX – Komisija za međunarodne odnose i veze Centralnog komiteta SKJ (KMOV CK SKJ). 75/1 – 14; Arhiv Srbije i Crne Gore. F. Kabineta Maršala Jugoslavije. 1-3-b. 420. Л. 5–6.*

О прошедших временах, товарищах и друзьях (фрагменты воспоминаний)

Abstract:

Novopashin Yu.S. *On elapsed times, comrades and friends (Fragments of memories)*

Memories of the individual events of 1950-1980's, significant not only for the author, but on a much larger political and historical perspective (the Twentieth Party Congress, "Democratic resurgence" in CSSR, interrupted in August 1968, by Soviet tanks, etc.).

Ключевые слова: правозащитное движение, философский факультет МГУ, карательные органы ЦК КПСС, радикализация диссидентских взглядов после вышеупомянутого вторжения.

Находясь в системе советской/российской академии наук без малого пять десятилетий, естественно, что под прошедшими временами я разумею прежде всего именно эти десятилетия и тех, с кем на их протяжении дружил, вместе работая, вместе, как правило, проводя досуг, с кем подчас до хрипоты спорил о внутренних и международных проблемах, в особенности таких, как судьбы XX съезда КПСС, «весеннее возрождение» 1968 г. в Чехословакии, во время которого вроде бы забрезжила надежда – и не только в ЧССР – на поворот к «социализму с человеческим лицом». Пожалуй то, что многие, в том числе и я, ожидали от «Пражской весны», от реформаторских начинаний нового руководства ЦК КПЧ во главе с А. Дубчеком, представлялось тогда более весомым по ожидаемым демократическим последствиям, чем XX съезд КПСС и «секретный» доклад на нем Н.С. Хрущева.

Сообразно этой своей позиции, которую я не изменил за все прошедшие десятилетия, и хотелось бы рассказать главным образом о событиях «Пражской весны», ее подавлении и повсеместных нормализаторских «заморозках», выступая в данном случае в роли не автора некой академической статьи, а, так сказать, мемуариста.

Если обратиться к минувшему XX веку, то надо отметить, что десятилетие 60-х годов явилось в плане эволюции общественных настроений в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы известным водоразделом между полной подчиненностью общества¹ партийно-государственным институтам, особенно карательной их части, и пробуждением в различных социальных слоях, прежде всего у интеллигенции, чувства самооценности, гражданской ответственности, осознания того, что не общество должно служить государству, а последнее обществу. В качестве аргумента в пользу этого своего утверждения сошлюсь на диссидентское правозащитное движение, открыто заявившее о себе 5 декабря 1965 г. на первой соответствующей демонстрации в Москве на Пушкинской площади. И вот на данном, начальном этапе правозащитного движения, т.е. во второй половине 60-х гг., мне пришлось соприкоснуться

с некоторыми его участниками. Один из них являлся в то время младшим научным сотрудником Института экономики АН СССР, другой работал в издательстве «Большая Советская Энциклопедия», третий вообще был близким другом-однокашником по философскому факультету МГУ, окончившим его, как и автор данных строк, в 1964 г. Учился он, правда, не на общепсихологическом отделении, а на психологическом и попал по распределению штатным психологом в систему Главного управления мест заключения (ГУМЗ МВД СССР). Звали этого моего друга, официального, так сказать, сотрудника «органов», а втайне от них диссидента-правозащитника, Юрий Михайлович Шершнёв.

Сблизились мы летом 1959 г. будучи абитуриентами философского факультета, вместе готовились к экзаменам да и жили на Стромынке в одной комнате. Дружеские отношения поддерживали вплоть до безвременной кончины моего тезки (рак крови) в конце февраля 1972 г. Во время же советского вторжения в ЧССР взгляды этого рядового участника правозащитного движения чрезвычайно радикализировались. Он и раньше весьма скептически внимал призывам неформальных авторитетов диссидентства относительно потребности расширить «фронт легальности», стоял на стороне тех, кто, зная провокаторские повадки «органов», призывал не обольщаться имевшейся некоторое время в 60-е гг. возможностью организации и проведения тех или иных правозащитных акций, в том числе демонстраций и митингов. После ввода войск Ю.М. Шершнёв окончательно примкнул к тому крылу диссидентов, которое практиковало исключительно подпольные методы борьбы с тоталитарной системой.

Но и «вооруженные отряды» этой системы, зная об упомянутой радикализации диссидентских взглядов и действий, свою репрессивную работу тоже ужесточали, особенно после прихода в 1967 г. к руководству КГБ Ю.В. Андропова, так никогда и не сумевшего преодолеть «венгерский синдром» и считавшего любое противодействие коммуно-большевизму полностью контрреволюционным. В качестве конкретного примера активизации «конторы» после подавления «Пражской весны», активизации, которую можно, наверное, объяснить тоже своего рода нормализаторскими «заморозками» на отечественной почве, сошлусь опять на Ю.М.Шершнёва. В предшествовавшие своей трагической бо́льничной эпопее месяцы он «засек» за собой наружные наблюдения, а также заметил в комнате, которую снимал в одном из спальных районов Москвы, следы негласного обыска. По этой причине, обманув «недреманное око», он сумел переправить ко мне (я проживал тогда с семьей в северной части города) все свои самиздатовские работы (фотокопию книги А. Авторханова «Технология власти», машинопись изданных за границей произведений Синявского и Даниэля, ряд выпусков «Хроники текущих событий» и т.п.). Мой друг считал, видимо, нашу с женой и сыном квартиру на Коровинском шоссе безопасным местом, что было, конечно, весьма сомнительно. Ведь если бы не его болезнь, во время которой гэбэшные ищейки от Шершнёва все же отстали, многолетнее наше знакомство легко было бы ими установлено. Но

случилось так, как случилось, т.е. после его смерти я невольно оказался распорядителем его «подрывной» библиотеки.

Этим правом я, конечно же, пользовался и в 70-е, и в 80-е гг., но весьма аккуратно. Участником диссидентского или какого-то иного «освободительного» движения я не являлся и, следовательно, никогда и никем не понуждался к активному распространительству. Хотя сочувствия правозащитному делу не скрывал, но на рожон со своими убеждениями тоже не лез. Одним словом, решив обнародовать эти фрагменты своих воспоминаний, отнюдь не стремлюсь, тем самым, определить себя задним числом в «борцы» с коммуно-тоталитаризмом.

Вот еще один такой фрагмент. Речь об осенней (1968 г.) кампании партсобраний и собраний трудовых коллективов по вопросу оценки решения советского правительства о вводе войск в Чехословакию. На сентябрьском партсобрании в Институте экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС АН СССР), в котором я тогда работал, содержательного обсуждения этого вопроса не получилось (да оно, видимо, и не предполагалось), а при открытом голосовании все подняли руки за одобрение интернациональной акции СССР при трех воздержавшихся из отдела международных отношений (Л.Н.Абаева, Ю.С.Новопашин, Ю.Ф.Поляков). Помню, что заместитель секретаря нашего партбюро по идеологии В.Г.Смолянский предрекал нам скорую расправу – для начала вызов на проработку в Дзержинский РК КПСС, затем строгий выговор, если не исключение из партии. Но каких-либо репрессий тогда не случилось. Много позднее я узнал от того же В.Г.Смолянского, что протокол этого собрания во избежание ненужных Институту неприятностей партбюро втайне от всех несколько «подправило». Его секретарь Г.М.Прохоров изъясил констатацию о трех воздержавшихся и обеспечил тем самым 100-процентный «одобрямс».

Замечу здесь, что на мое решение воздержаться при голосовании проекта резолюции нашего партсобрании оказало влияние знакомство с информацией о чехословацких делах, что называется, из первых рук. Отдел международных отношений, в который я попал по распределению после завершения обучения в МГУ, был создан в ИЭМСС по указанию директивных инстанций в мае 1964 г. Первыми иностранными учеными, посетившими отдел в начале лета 1968 г., оказались сотрудники Чехословацкой академии наук Зденек Йичински и Иржи Слама. Оба они были молодыми специалистами, кандидатами наук. В Чехословакии в тот год, по их словам, развертывались небывалые для социалистического мира события по либерализации коммунистического режима, демократизации всей общественно-политической системы. Эти пражские ученые-экономисты рассказали, что в их стране уже была в то время отменена партийная цензура печатных изданий, передач по радио и телевидению, принят закон о свободном создании общественных организаций и объединений, в том числе некоммунистической направленности, об учреждении на промышленных предприятиях рабочих советов и т.п. Поскольку московские средства массовой информации партийной и советской принадлежности обо всем

этом сообщали весьма скупо и нередко односторонне, рассказ живых участников событий, получивших обобщенное название «Пражской весны», был чрезвычайно ценным. И хотя прошло уже более 40 лет, я отлично помню, с какой заинтересованностью мы слушали зарубежных коллег, прилежно скрипели перьями, чтобы не упустить ничего из их сообщений и ответов на многочисленные вопросы.

Материал, полученный в результате совместного заседания нашего отдела с чехословацкими учеными, очень помог мне во время запланированной заранее десятидневной командировки по линии общества «Знание» в Свердловскую область, где я должен был выступить с публичными лекциями на тему «Международное положение социалистических стран и их политические взаимоотношения». Вылет в Свердловск приходился на пятницу 23 августа, а в субботу уже начинался мой лекционный тур, который после областного центра предполагалось продолжить у металлургов Нижнего Тагила и Каменска-Уральского, в городе атомщиков Верхнейвинске и других местах. И вот тут как снег на голову: по радио я услышал в четверг утром, а затем прочел в газетах сообщение ТАСС о вводе войск СССР в Чехословакию в ночь с 21 на 22 августа. Было ясно, что лицемерные оговорки насчет обращения к советскому правительству с просьбой об этом неких анонимных партийных и государственных деятелей ЧССР – сплошная ложь, что налицо неспровоцированное вооруженное вторжение на территорию дружественной нам страны.

Нельзя сказать, что, допустим, в академической среде никто не предполагал такого оборота дел, ни о чем не догадывался, натываясь ежедневно в печати, на радио и телевидении на беспардонную, несправедливую в целом критику «Пражской весны», ее реформаторского актива. И понятно, что с момента вторжения тема политических взаимоотношений братских государств приобрела небывалую остроту. Надо было обладать весьма нетрадиционной информацией, чтобы ответить на главный вопрос аудитории: как наши кремлевские небожители и власти ЧССР дошли до жизни такой, т.е. до полной конфронтации. Беру на себя смелость утверждать, что в какой-то мере необходимой конкретикой я располагал благодаря З.Йичинскому и И.Сламе. Это помогло мне провести в то сложное время свой лекционный тур.

Конечно, прямо осуждать ввод советских войск в ЧССР я не мог, но акцентировал внимание слушателей не на нем, а на том комплексе демократических преобразований, о котором рассказывали Йичински и Слама и который именовался в их стране «весенним возрождением», «Пражской весной» и т.п. Затрагивая международный аспект, нажимал на переговорно-политические возможности, в деле реализации которых не проявили гибкости ни советская, ни чехословацкая сторона. Подобный подход, пусть в завуалированном виде, но все же отличался от официальной позиции. И аудитория, видимо, это хорошо улавливала, поскольку доносов на меня в ЦК КПСС от бдительных ли «старых партийцев» или по гэбэшной линии не поступало.

Правда, много позднее, уже в перестроечное время, я свой донос в конце концов получил, правда, находясь не в отечественных палестинах, а с циклом

публичных лекций в ЧССР, как это, быть может, не покажется кому-либо парадоксальным. Речь идет о первой половине апреля 1989 г. Два выступления состоялись в Праге – сначала на совещании политработников Центральной группы советских войск, которое проходило 11 апреля в Доме культуры посольства СССР, а на следующий день – на собрании партийно-хозяйственного актива чехословацкой Социалистической академии (аналог советского общества «Знание»). В ответах на вопросы и тут, и там мне пришлось изложить свои соображения по событиям 1968 г., отличавшиеся от тогдашней официальной позиции как КПСС, так и КПЧ. Их суть сводилась к тому, что советской стороной переговорно-политические возможности в деле улучшения отношений с Чехословакией не были до конца использованы, а потому силовое навязывание последней своего понимания социализма, характера интернационалистского сотрудничества, партнерских связей и т.п. представляло собой шаг недалековидный, глубоко ошибочный.

Весьма оперативно об этом стало известно в ЦК Компартии ЧССР, а затем на Старую площадь поступил и соответствующий письменный донос. Об этом специальным посланием уведомил директора Института славяноведения и балканистики АН СССР В.К.Волкова один из заместителей заведующего объединенным международным отделом ЦК КПСС Р.П.Федоров². Однако оргвыводов так и не последовало, ибо время было смутное, мнения по чехословацкому вопросу высказывались в Москве неоднозначные, а после Мальты³ оценка горбачевским руководством событий 1968 г. и вовсе изменилась на противоположную.

И еще один фрагмент моих воспоминаний. Выше уже использовался термин нормализаторских «заморожков», чтобы подчеркнуть своеобразие ситуации и в Чехословакии, и в СССР, и в других странах так называемого социалистического содружества после подавления «Пражской весны». Вообще, думается, неверно ограничиваться только проблемой «Пражской весны», так сказать, в узком смысле слова, ибо тогда уходит в тень вопрос о конкретно-исторических предпосылках данного явления, с одной стороны, и последствиях – с другой. Вот о последствиях не в академическом, а в сугубо что ли житейском смысле и хотелось бы сказать.

В начале 1972 г. по инициативе шефа-редактора журнала «Проблемы мира и социализма» К.И. Зародова я был командирован в Прагу для работы редактором-консультантом в данном международном издании. Оказавшись в столице Чехословакии, где прожил с семьей три года, я впервые столкнулся с далеко не дружественным отношением к находившимся в Праге нашим гражданам со стороны местного населения. Например, на цоколе здания напротив редакции «Проблем мира и социализма» постоянно кем-то подновлялась белой краской надпись «Идите домой». Сколько ее днем ни закрашивали, она явственно проступала, а ночью опять принимала первоначальный вид. При этом рядом с помещением журнала находилось пятиэтажное здание чехословацкой госбезопасности, однако его сотрудники не особо активничали с выслеживанием «заборных» писателей.

Вспоминается случай с Анатолием Иосифовичем Шапиро, старшим научным сотрудником Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, который был приглашен поработать в группе консультантов при шефе-редакторе и с которым у меня установились в это время весьма доверительные товарищеские отношения. Непосредственно перед отъездом он приобрел автомобиль «Жигули» (подошла многолетняя очередь). На этой новенькой машине А.И.Шапиро с супругой и прибыл в Прагу, получив жилье на Лениновой улице. Когда он туда поселился, в первую же ночь ему исполосовали ножом все кожаные сиденья машины, оставив на одном из них бумажку со следующим посланием: «Русская свинья, убирайся домой!». Всем этим А.И.Шапиро был потрясен, повторяя (в том числе и в беседе со мной) одну и ту же фразу: «Что я им сделал, ведь не я же участвовал во вторжении!». Его потрясение оказалось настолько сильным, что этот немолодой уже человек не смог жить в Праге – он уехал обратно в Москву, не проработав в журнале и полугода.

Или еще пример учинения нам столичными аборигенами мелких пакостей. На первой странице газеты «Руде право» от 7 ноября 1972 г. было помещено поздравление КПСС и советскому народу в связи с 55-й годовщиной Октябрьской революции. Поздравление сопровождалось графическим изображением красноармейца в буденовке и с винтовкой в руках. Но стоило перевернуть газету верхом вниз, и вместо красноармейца появлялась свирепая рожа неандертальца с дубиной. Вот, значит, к кому приравнивалось наше государство с его армией и прочим. Мы тогда в журнале задавали, конечно, вопрос, как могла в нормализаторское время проскочить в центральный печатный орган ЦК КПЧ такая откровенная антисоветчина, отдавая вместе с тем должное «ловкости рук» газетных художников.

По большому же счету удивляться упомянутым пакостям особо не приходилось, так как все мы, будучи членами КПСС, понимали, хотя и в разной степени, что наше-то высокое начальство учинило чехословацкому обществу не мелкую, а всеохватную пакость в виде силового удушения «Пражской весны». Как это ни печально, но вполне закономерен был перенос чувств отчужденности, враждебности чехов и словаков к партийно-государственным структурам СССР на все советское общество, на каждого из нас, раз мы в большинстве своем промолчали, не сделали даже попытки противостоять этому военно-политическому бандитизму. В этом смысле я полностью солидарен с позицией покойного А.Е.Бовина, с которым при посредстве А.П.Бутенко лично познакомился еще в 60-е гг. и который, как говорится, на закате дней своих выразил собственное жизненное кредо в следующих словах: «Я не был палачом и не был жертвой. Но я был частью, неотъемлемой частью того большинства, молчание которого сделало возможным появление палачей и жертв. И теперь, обращая душу к ужасам прошлого, сопереживая с мучениками и сочувствуя несчастным, ведя диалог с собственной совестью, я делаю это не только для того, чтобы склонить голову перед памятью невинных жертв, не только для того, чтобы вновь и вновь проклясть палачей, но и для того, чтобы ни я сам, ни дети мои, ни мои внуки никогда больше не молчали...»⁴.

Наше государство не любит извинений и космически далеко от проблемы покаяния за многие миллионы жертв большевистских репрессий, международного насилия. Это побежденные во Второй мировой войне немцы нашли в себе мужество осудить национал-социализм со всеми его мерзостями, хотя служили ему верой и правдой больше десятилетия лет. Советский Союз, а затем и Россия, в качестве победивших в минувшей войне, никаких грехов за собой никогда не видели и теперь не видят, о дебольшевизации на манер германской денацификации наши государственные мужи и слышать не хотят, надеясь, что все само собой рассосется. Однако на деле этого не происходит, а оборачивается повсеместным ростом преступности, немотивированной жестокости, морально-нравственного одичания.

В индивидуальном плане бывает, конечно, и по-другому. В этой связи не могу не упомянуть о научной конференции «Чехословацкое развитие 1968 г. и его международные последствия» (ЧСФР, Либлице, 2–7 декабря 1991 г.), на которой мне довелось присутствовать и выступать. В ее работе участвовали А.Дубчек, О.Черник, З.Млынарж, В.Славик, И.Гаек, В.Шилган, И.Свитак, Э.Гольштюккер, В.Вашко, Й.Зрак, И.Пеликан, В.Менци, М.Рейман и ряд других известных деятелей «Пражской весны». К этому представительному форуму наших чешских и словацких коллег была обращена моя просьба о прощении за подчас необъективную трактовку событий 1968 г. и некритическое восприятие некоторых советских оценок⁵. Разумеется, нечем хвалиться, если сделал это лишь 23 года спустя после рассматриваемых событий. Но лучше поздно, чем никогда!

На этом можно было бы поставить точку, но нелишним будет в качестве своего рода послесловия привести еще одно высказывание А.Е.Бовина из его опубликованных воспоминаний. «Оглядываясь на прожитую жизнь, – писал он в начале XXI столетия, – я выделяю два события как трагедию, как разрушение каких-то глубинных оснований моего бытия в качестве политического существа, мыслящей социальной единицы. Первое: насильственное уничтожение ростков «социализма с человеческим лицом». Тогда, тридцать с лишним лет назад я еще не понимал, что вошедшие в Прагу советские танки обозначили провал грандиозного эксперимента по коренному преобразованию социального устройства мира. Не понимал, что мы опозорили себя и социализм. И второе: развал Советского Союза, искусственно вызванное безответственными лицами разрушение могучей державы»⁷.

Что касается трагедии СССР, подобный вопрос не лишен, наверное, дискуссионности на предмет того, субъективный ли это *развал* по вине сонма государственных посредственностей или же в своей основе объективный *распад* по целому ряду серьезнейших, онтологического плана причин. А вот трагедия насильственного уничтожения ростков «социализма с человеческим лицом» действительно поставила предел усилиям коммунистов по созданию нового строя, однозначно указала, прежде всего в европейских пределах, на грандиозный провал марксистско-ленинской теории и практики.

Примечания

¹ Может быть, правильнее будет сказать: подчиненностью населения. Ибо трудно для того времени указать на что-то, называемое в политологии независимыми горизонтальными общественными структурами.

² С 15-июня 1988 г. я работал в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в должности заместителя директора Института (исторический сектор).

³ Речь идет о встрече 3 декабря 1989 г. президентов Дж. Буша-старшего и М.С.Горбачева, которая проходила на корабле военно-морского флота СССР, прибывшего в Республику Мальта с визитом вежливости.

⁴ Бовин А. Записки ненастоящего посла. Из дневника. М., 2001. С. 150.

⁵ См.: Славяноведение. 1993. № 1. С. 33–34.

⁶ Бовин А. XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2003. С. 167.

Нарастание кризиса в деятельности миротворцев ООН в Боснии и Герцеговине (середина 1992 г. – 1993 г.)

Abstract:

Pivovarenko A.A. *Escalation of the crisis in the activities of UN peacekeepers in Bosnia and Herzegovina (middle of 1992 – 1993)*

The article states the reasons for the failure of the peacekeeping mission in Bosnia and Herzegovina in 1992-1993, in the midst of the bloody ethnic war between Serbs, Croats and Bosnian Muslims. The inability of peacekeepers to ensure ceasefire on the battlefield, caused by the systemic shortcomings of the mission as well as the desire of one of the belligerents for a greater international involvement in the conflict, led to a change in the mission's mandate, initiated primarily by the United States. The immediate result of these changes, starting from 1994, was the increasingly active involvement of NATO air power in the military operations.

Ключевые слова: Андреев, В.А, Босния и Герцеговина, Изетбегович Алия, Клинтон Билл, Макензи Льюис, Морийон Филипп, НАТО, Оуэн Дэвид, США, UNPROFOR.

В российской историографии, посвященной событиям югославского кризиса, весьма подробно изучены как события 1991 – начала 1992 гг. (референдумы о независимости, отделение государств, сербо-хорватский конфликт лета-осени 1991 г., эскалация конфликта в Боснии весной 1992 г.), так и 1994-1995 гг. (развязка кризиса в Хорватии и Боснии). Однако полуторагодовой период между этими событиями, с середины 1992 г. по конец 1993 г., остается несколько в тени.

Между тем, именно тогда началась трансформация миротворческой миссии, вызванная как неудачами миротворцев в полевых условиях, так и желанием ряда сторон втянуть в конфликт крупнейшую мировую силу – США. Изучение этой проблемы интересно и потому, что сценарий, в конечном итоге реализовавшийся в Боснии и Герцеговине (БиГ), применялся затем и в других региональных конфликтах (самый последний пример – события в Северной Африке).

В отличие от Хорватии, в Боснии и Герцеговине военные действия с 1992 по 1993 гг. протекали более активно. Виной тому была сложная национальная структура, усугублявшаяся так называемой «этнической чересполосицей». Вплоть до окончания 1993 г. успех в войне сопутствовал боснийским сербам. Им удалось захватить более 70% территории страны, поставив хорватскую и мусульманскую стороны в тяжелое стратегическое положение. Сербы сумели заполучить ряд крупных городов, таких, как Яйце, Добой, Фоча, Рогатица, Брчко. Внимание международного сообщества привлек сербский военный успех в районе города Зворник, последствием которого стал многотысячный

исход мусульманского населения. Этим событиям был присвоен термин «этническая чистка».

Тем не менее, ряд проблем оставался нерешенным. В восточной части провозглашенной боснийскими сербами Республики Сербской, в районах мусульманских анклавов Сребреница, Жепя, Горажде, окруженных со всех сторон сербской территорией, оставались крупные очаги сопротивления войск боснийских мусульман. Похожая ситуация была и в заблокированном сербами Сараево.

Столкновения происходили не только между сербскими и мусульманскими военными частями. С июня 1992 г. (захват хорватскими войсками некоторых районов Мостара. – *А.П.*) по февраль 1994 г. шла не менее кровавая хорватско-мусульманская война за территории в Центральной Боснии, где процент проживавшего хорватского и мусульманского населения был примерно равным. Здесь успех в целом сопутствовал хорватам, образовавшим Хорватскую Республику Герцег-Босну.

Действия ООН по разрешению конфликта в БиГ до начала 1994 г. стоит разделить на два этапа. Первый длился с сентября 1991 г. по начало июня 1992 г. В это время международное сообщество пыталось решить проблему с помощью указаний и распоряжений, подкрепляемых экономическими санкциями. Первым действием ООН, серьезно повлиявшим на ситуацию в Боснии, следует признать резолюцию Совета Безопасности № 713 от 25 сентября 1991 г. о введении эмбарго на поставки вооружения в Югославию. Хотя она принималась в первую очередь применительно к событиям в Хорватии, де-факто ее влияние также распространилось и на Боснию. «Вооруженные до зубов, боснийские сербы ведут уничтожение местных жителей, когда у мусульман не хватает оружия, ибо их руки связаны несправедливыми решениями международного сообщества»,¹ – эти слова министра иностранных дел и впоследствии премьер-министра Боснии Хариса Силайджича являются отличной иллюстрацией к укоренившемуся с начала войны представлению о боснийских солдатах, как о разношерстном ополчении без единой униформы и мощного вооружения, которому противостоит хорошо оснащенная грозная сербская армия.

7 апреля и 15 мая 1992 г. уже непосредственно в отношении Боснии принимаются резолюции СБ ООН № 749 и № 752. В них содержится призыв к конфликтующим сторонам «сотрудничать с Европейским сообществом в его усилиях по обеспечению прекращения огня» и распустить все подразделения ЮНА (Югославская Народная Армия – *А.П.*) и хорватской армии.²

Между тем, миротворческие силы ООН (United Nations Protection Force – UNPROFOR или Силы ООН по охране – СООНО), чьи опорные пункты уже находились не только в Хорватии, но и в БиГ, просто не могли не оказаться вовлеченными в конфликт. Как отмечал канадский генерал Льюис Маккензи (начальник штаба UNPROFOR в бывшей Югославии, с мая по октябрь 1992 г. – командир миротворческих сил сектора «Сараево» – *А.П.*), Изетбегович (Алия Изетбегович – президент Республики Босния и Герцеговина – *А.П.*)

своим поведением сразу дал понять, что он хочет массивной международной военной интервенции. Для этого 6 мая 1992 г. он провел для генерала экскурсию по центру Сараево во время обстрелов. «Были достаточно серьезные основания полагать, что это было специальное шоу, освещаемое прессой, чтобы выставить сербов в плохом свете»,³ – констатировал Маккензи.

Несмотря на то, что руководство ООН в целом понимало реальную подоплеку действий правительства Алии Изетбеговича, миротворцам так или иначе было необходимо вступить в переговоры с сербской стороной. 12 мая руководители миссии – генералы Саттиш Намбиар (Индия), Филипп Морийон (Франция) и Льюис Маккензи (Канада) – на совещании договорились о начале переговоров с боснийскими сербами по прекращению огня.⁴ Главная цель для «голубых касок» состояла в том, чтобы добиться открытия сараевского аэропорта Бутмир, что позволило бы вновь наладить прямое сообщение с Загребом (там находился миротворческий центр материально-технического обеспечения. – А.П.) и открыло бы ворота для доставки в Боснию гуманитарной помощи.

Хотя соглашение было достигнуто в период с 29 мая по 5 июня между португальским дипломатом Хосе Кутильеро и сербским лидером Радованом Караджичем, открытие аэропорта затянулось почти на месяц. Причинами стали нежелание местного военачальника (предположительно сербских войск) отдавать аэропорт ООН и непрекращавшиеся перестрелки между сербскими и мусульманскими войсками. Маккензи пошел на достаточно жесткие меры в отношении обеих сторон. Изетбегович и Караджич получили ультиматум, в котором было сказано, что Бутмир не будет открыт, пока не будет достигнуто 48-часовое перемирие, причем «каждый раз, когда режим прекращения огня будет нарушен, срок будет отсчитываться заново».⁵ В итоге 29 июня при посредничестве французского президента Франсуа Миттерана соглашение было подписано, а боснийские и сербские вооруженные формирования должны были снять свою артиллерию с позиций в этом районе и передать ее в специальные сборочные пункты, контролируемые UNPROFOR.⁶

Сторонам не оставалось ничего, кроме как примириться с этими условиями. Для Изетбеговича открытие аэропорта означало облегчение положения Сараево, оказавшегося в гуманитарной блокаде. Караджич же надеялся показать готовность к сотрудничеству и мирным переговорам на разумных условиях. Его жест не был вполне оценен, и позже сербы говорили, что их обманули. Однако в итоге открытие Бутмира стало самым главным достижением UNPROFOR в 1992–1993 гг. Казалось, что международное сообщество перехватило инициативу и своими решениями стало прокладывать дорогу к заключению разумного мирного договора.

Этого не произошло. Более того, в 1992–1993 гг. стала терпеть крах программа ООН по доставке гуманитарной помощи населению. Конвоям приходилось пересекать большое количество сербских, хорватских и мусульманских контрольно-пропускных пунктов на которых их подвергали постоянным остановкам и обыскам. Преодолеть все эти препятствия можно было, либо дав

взятку местному военачальнику, либо оставив часть груза на КПШ.⁷ Очевидно, что эта своеобразная «дань» скорее всего использовалась военными, а не попадала к мирному населению. Не случайно в то время на контрольно-пропускных пунктах ходила шутка, применимая к каждой из трех воевавших сторон: «Без международной помощи наша армия не могла бы существовать».⁸ Показателем эффективности работы конвоев могут стать цены на товары первой необходимости: так, одно яйцо в это время стоило 1,5 доллара, а литр бензина – 9 долларов.⁹

Всего же, согласно официальной статистике Комиссии ООН по делам беженцев (UNHCR), в период с 31 июля 1992 г. по 31 января 1993 г. в Боснию было доставлено 27 460 тонн еды и медикаментов¹⁰ (около 3900 тонн в месяц и в среднем по 1 килограмму на человека, если считать, что в стране проживало от 3,9 до 4,2 млн. человек. – А.Л.). В итоге зима 1992/1993 гг. оказалась для Боснии и Герцеговины очень тяжелой. Как вспоминает бывший делегат специального представителя генсека ООН в Сараево В.А. Андреев, в городе с прилавков магазинов исчезли все продукты.¹¹

Говоря о гуманитарной ситуации в целом, следует признать, что отправка конвоев была пущена ООН на самотек. «Сопровождение конвоя ООН означает не просто поставить бронемашину в начале и конце цепи... Неправильно, когда конвой отправляют в дорогу и просто надеются, что он сможет преодолеть все чекпойнты, прежде чем дойдет до пункта назначения»,¹² – считает британский миротворец, полковник Роберт Стюарт. Возможно для того, чтобы конвои ООН перестали напоминать таящее мороженое под открытым солнцем, международным силам следовало бы прибегнуть к давлению на всех участников конфликта, как в случае с соглашением по аэропорту. Но, поскольку в 1992-1993 гг. этого не произошло, ситуация с оказанием гуманитарной помощи дискредитировала ООН. Мирное население возненавидело миротворцев за то, что те им не помогают, солдаты, грабившие грузовики с гуманитарной помощью, видели их беспомощность, а их руководители и командующие поняли, что из UNPROFOR можно вить веревки.

Критика ООН выплеснулась на страницы СМИ, которые обвиняли ООН в сокрытии информации и потакании агрессорам.¹³ Особенно неистовствовали боснийские масс-медиа. Так, в сараевских газетах в отношении UNPROFOR утвердились язвительные клише – «SERBPROFOR» и «служба такси четников».

Хотя беспомощность миссии ощущали на себе представители всех воюющих между собой народов, обернуть ситуацию в свою пользу «догадались» боснийские мусульмане. Британский дипломат Дэвид Оуэн считает, что такие трагические эпизоды, как падение итальянского самолета на пути из Сплита в Сараево 3 сентября 1992 г. и засада 8 сентября 1992 г., в результате которой погибли два французских миротворца, представляли собой провокации, организованные боснийскими мусульманами. «Такое поведение, якобы, могло быть оправдано, если бы оно вовлекло на стороне мусульман в войну американцев и НАТО».¹⁴

Считается, что именно по инициативе официального Сараево от руководства миссией был отстранен Льюис Маккензи. Помимо известного обвинения в изнасиловании мусульманских женщин, в отношении генерала распространились слухи о том, что его жена имеет сербское происхождение и она влияет на Маккензи через жену-сербку канадского премьер-министра Брайана Малрони.¹⁵ Между тем, у генерала на этот счет имелось другое мнение: «В резиденции Президента (Изетбеговича. – А.П.) знали, что я был против военной интервенции в Боснию. Они также знали, что я регулярно общался со многими очень влиятельными государственными комитетами и лидерами стран, которые могли отдать приказ об интервенции, если бы это решение было принято. Так как они не могли отвести меня от рекомендаций не начинать вторжение и не отменять эмбарго на вооружение, то попытались уничтожить доверие ко мне».¹⁶

После отставки Маккензи в штаб-квартире ООН был принят ряд решений, серьезно изменивших принцип деятельности миротворческих сил. Своеобразным превью к ним стали слова боснийского представителя в ООН Мохаммеда Шачирбея: «Мы не хотим, чтобы ваши солдаты погибали на Балканах... Всего, чего мы хотим, – это авиаудары для того, чтобы добраться до тех, кто обстреливает наши города».¹⁷

Далее хронологический ход событий был следующим:

- 10 сентября 1992 г. Генеральный Секретарь ООН в своем докладе впервые заявил о необходимости создания в Боснии «зон безопасности» (предположительно в городах Баня-Лука, Бихач, Добой, Горажде, Мостар, Тузла и Витез), в которых должны расположиться подразделения UNPROFOR. Эта географическая структура должна была заменить старую, согласно которой БиГ условно делилась на три сектора: «Сараево», «Юго-Запад» с центром в Горни-Вакуфе и «Юго-Восток» с центром в Тузле.¹⁸

- 9 октября 1992 г. принимается Резолюция СБ ООН № 781, которая вводит запрет на полеты в воздушном пространстве Боснии и Герцеговины авиации участников конфликта.¹⁹ Для контроля за выполнением постановления на аэродромы страны направляется 75 наблюдателей ООН.

- В декабре 1992 г. о своей готовности оказывать помощь миротворческой операции заявило НАТО. Стоит сказать, что корабли Альянса занимались патрулированием балканского побережья Адриатики еще с июля 1992 г.

- Конец марта – начало апреля 1993 г. Из-за постоянных нарушений запрета на полеты Совет Безопасности ООН заключил с Генеральным секретарем НАТО Манфредом Уорнером соглашение об использовании авиации Альянса для контроля воздушного пространства Боснии.²⁰

- 16 апреля принимается Резолюция СБ ООН № 816. Она «уполномочивает государства-члены, действующие на национальном уровне или через региональные организации или соглашения..., принимать... все необходимые и соразмерные конкретным обстоятельствам и характеру полетов меры в воздушном пространстве БиГ в случае дальнейших нарушений с целью обеспечить соблюдение запрета на полеты».²¹ Свои самолеты для этих задач были

готовы предоставить США, Великобритания, Франция, Нидерланды, Турция, Новая Зеландия.

- 6 мая 1993 г. в районах городов Сараево, Сребреница, Тузла, Жепя, Горажде и Бихач создаются «зоны безопасности». 18 июня принимается резолюция СБ № 844, предусматривавшая использование авиации для защиты «зон безопасности».²²

- 5 августа 1993 г. утверждён принцип «двойного ключа», согласно которому решение о бомбардировке с целью защиты «зон безопасности» должно приниматься совместно командующими силами ООН и авиацией НАТО. Один без ведома другого права принимать решение не имел.

В итоге, к середине 1993 г. был создан принципиально новый механизм реагирования международного сообщества на боснийские события, в котором ведущая роль отводилась НАТО. Что интересно, официальные заявления руководителей Альянса сводились к тому, что «оно не пойдет по своей собственной инициативе на применение военных мер с целью достижения урегулирования и выделит воинские контингенты в этих целях только по решению СБСЕ или Совета Безопасности ООН».²³

Еще летом 1992 г., когда активно обсуждалось решение о выделении боевых кораблей для патрулирования Адриатики, президент США Д.Буш заявлял, что его страна не является мировым полицейским, а министр обороны Д. Чейни говорил, что «ситуация не требует создания группировки войск наподобие операции «Буря в пустыне».²⁴ Однако возможно уже тогда по поручению Буша командующие силами НАТО в Европе приступили к созданию плана воздушной интервенции в случае экстренного развития событий.²⁵

В начале 1993 г. отношение к конфликту США начало меняться, чему сопутствовала соответствующая обработка общественного мнения американскими специалистами в области международных отношений. «Растущая бесполезность миротворчества не просто вредит Объединенным Нациям материально и институционально. Она поставила мир на грань полной стратегической неудачи. Однако в Боснии эта грань уже была пройдена».²⁶ В 1992–1993 гг. на страницах авторитетного американского издания по вопросам внешней политики «**Форин эффэарс**» («Foreign Affairs») появляется целый цикл статей с говорящими названиями: «Новые интервенционисты», «ООН: блуждание в бездействии», «Определение новой стратегической роли ООН». В них обсуждался вопрос о том, как ООН должна изменить свою политику, чтобы разрешить югославский кризис. Ответ вскоре был найден: «Международное сообщество должно определить новую область коллективных военных действий, которые лежат между миротворчеством и принуждением».²⁷

Добавим, что данная эволюция позиции США совпадает с приходом к власти в стране нового президента – Билла Клинтона. Соответственно, можно предположить, что предыдущая администрация Буша решила не рисковать своей репутацией и отказалась от активной политики на Балканах в канун выборов, оставив эту важную задачу для американской внешней политики новому президенту.

В феврале 1993 г. Администрация США приняла свою программу мирного урегулирования конфликта в Боснии и Герцеговине, состоящую из шести принципов:

- Любой мирный план должен быть принят всеми сторонами без принуждения кого-либо.

- Против Сербии должны быть ужесточены санкции.

- Бесполетная зона над БиГ должна быть легитимизирована постановлением Совета Безопасности ООН.

- Должен быть создан суд по военным преступлениям.

- Если появится какая-то возможность для заключения мира, США совместно с ООН и НАТО должны всеми силами помочь её осуществлению. Если необходимо, то с помощью военных средств (здесь мы видим противоречие пункту 1, но оправдание бомбардировкам начала 1994 г. – А.П.).

- Россия должна принимать более активное участие в мирном процессе.²⁸

В то же время в конце 1992 г. и на протяжении всего 1993 г. инициатива в БиГ еще принадлежала Европейскому союзу и ООН. С октября 1992 г. по июль 1993 г. на первые роли в миротворческой миссии выдвинулся француз Филипп Морийон, который отвечал за военное управление и связи с общественностью. «Считалось, что назначение французского генерала означало моральную компенсацию для Франции, оно также стало результатом лоббирования со стороны президента Миттерана – для того, чтобы снизить возможность вовлечения НАТО в югославские события»,²⁹ – считает британский военный специалист и исследователь Эдгар О'Бэлланс.

Морийон сразу стал заметным участником миссии благодаря своей склонности к громким словам и эффектным действиям. «Тщеславен он был без всякой меры, возомнив, что может чуть ли не самостоятельно добиться урегулирования, совершенно не переносил критики, мог даже иной раз запросто по мелочи надуть оппонента для получения каких-либо сиюминутных выгод, – писал о нём В.А. Андреев. – Прекрасно помню, как он, не моргнув глазом, вешал лапшу на уши еще менее, чем он сам, искушенному в политических играх руководству сербов из Краины, которых вначале просто завораживала его уверенность в себе и военный шарм... В другой раз, когда Морийон уже в Боснии взял в заложники на несколько часов сербские женщины из города Блажуй, жены и родственники пленников, содержавшихся мусульманами в нечеловеческих условиях где-то возле Сараева, он наобещал им даже больше, чем те от него требовали, только чтобы его отпустили».³⁰

Такой своеобразный подход к исполнению профессиональных обязанностей объяснялся не сколько безразличием к последствиям происходящего, сколько особенностями характера, присущими, наверное, одним лишь французам. Генерал относился к своей сараевской миссии, как к некоей экспедиции в далекий загадочный край, себя же он наверняка видел в роли полководца наполеоновской эпохи. Об этом говорит его склонность к шумным застольям, во время которых он нередко проделывал старинный офицерский трюк с открыванием бутылки шампанского саблей так, что «горлышко отлетало слов-

но отрезанное, а пена живописно бьет из бутылки в подставленные бокалы».³¹

Однако эти особенности характера компенсировались реальными поступками Морийона. Командующего положительно характеризуют действия, предпринятые им весной 1993 г.

К этому времени в ходе боснийской войны на повестку дня вышла проблема мусульманских городов, осаждаемых сербской армией. Ситуация усугублялась тем, что они становились центрами притяжения многочисленных беженцев из окрестных сел. Вот как обстояла ситуация в районе Сребреницы: «Нет еды... Положение плохое. Пневмония из-за плохого питания возникает у 20–30 человек каждый день, и это вдобавок к одной-двум сотням тех, у кого тяжелые болезни, и трем сотням людей с легкими заболеваниями, которых также стоило эвакуировать. Количество людей превышает производственную мощность городской системы водоснабжения... Зафиксировано около шестидесяти случаев туберкулеза».³²

Ситуацию вокруг блокированных районов подогривала пресса, то и дело сообщавшая о многочисленных жертвах среди мусульманского населения и зверствах сербских солдат. Для того, чтобы развенчать эти мифы, Морийон лично посетил села Коньевич-Поле и Церска, находившиеся в районе Сребреницы. Вскоре генерал заявил, что «крови не обнаружил, а он-де прекрасно знает ее запах»,³³ а чуть позже, в апреле, он добавил, что мусульманами из Сребреницы осуществлялись набеги на близлежащие села, сопровождавшиеся актами вандализма.³⁴ Считается, что после этих заявлений Морийон стал чаще подвергаться критике со стороны невзлюбивших его журналистов.

Самой важной стала поездка Морийона в Сребреницу, состоявшаяся 11 марта 1993 г. Она вызвала непонимание у сербов – те не хотели пускать его в анклав, но после переговоров показали дорогу и дали разрешение с условием, что ООН-овцы гуманитарную помощь с собой брать не будут. Генерал добрался до пункта назначения чудом, ведь сербы «забыли» упомянуть о том, что путь следования миротворческого конвоя был заминирован. В итоге одна из машин подорвалась, но не та, в которой находился командующий. Когда же пришло время уезжать, конвой на два дня заблокировала толпа беженцев. Они не хотели, чтобы Морийон покидал город, так как видели в нем свою защиту. Пропуском обратно стала речь перед мирными жителями, в которой француз заявил, что «ООН решила остаться в Сребренице, и город теперь находится под защитой».³⁵ Эти слова стали судьбоносными. Миротворцы неосознанно встали на сторону одной из сторон – на тот момент самой слабой – и дали ей надежду на то, что война не будет проиграна. Тем самым был создан опасный прецедент, который юридически воплотился в жизнь в мае 1993 г. с узакониванием «зон безопасности».

Описание эпизодов с участием Морийона создаёт о нем впечатление как о неидеальном, но честном руководителе, который судил по поступкам, а не в силу политических симпатий и стратегических интересов. Однако он оказался не в силах решить проблему гуманитарной помощи. В феврале 1993 г.,

воспользовавшись неудачной попыткой ООН доставить гуманитарную помощь в осажденные города Черска, Каменица, Горажде и Сребреница, боснийское правительство наложило эмбарго на доставку грузов гуманитарной миссии. Цель состояла в том, чтобы свести на нет эффект от предложения Караджича предоставить «гуманитарные коридоры» жителям в осажденных районах. «Это сделало бы несостоятельным образ "гленного" мусульманского населения и ослабило бы мусульманскую платформу».³⁶

В качестве экстренной меры США приняли решение о начале собственной гуманитарной операции под названием «Обеспечение помощью» («Provide Promise»), в рамках которой в конце февраля были сброшены грузы в районы городов Черска и Жепа. В апреле состоялась еще одна странная акция, которую описал немецкий журналист Эрих Ратфельдер: «Будто ниоткуда в боснийских городах появились десятки американских «гуманитарных работников». Страну наполнили так называемые «журналисты», которые вряд ли написали хоть один репортаж в своей жизни». Военные наблюдатели были активны в подконтрольном УНПРОФОР районе – боевые корабли 6 флота вошли в Адриатику. Ночью в сплитском аэропорту приземлялись и взлетали странные самолеты. А на острове Брач состоялась встреча американских специалистов. Еще оттуда взлетали разведывательные самолеты. После наступления Хорватского веча оброны (армии боснийских хорватов. – А.П.) в центральной Боснии эти люди исчезли».³⁷

В целом же события февраля 1993 г. следует признать последней попыткой ООН разрешить кризис в Боснии, опираясь на традиционные способы, – разединение противоборствующих сторон и налаживание гуманитарного обеспечения. В это же время разворачивалась битва на дипломатическом фронте – обсуждался план Вэнса-Оуэна. Как отмечал один из его авторов, лорд Дэвид Оуэн, обсуждения представляли собой «борьбу с критиками со стороны США, считающими, что план не достаточно великодушен для мусульман».³⁸ Переговоры окончились 20 мая, когда в новостных агентствах появилось официальное сообщение, что план отклонен.

Так или иначе, к лету 1993 г. все мирные инициативы потерпели крах. 12 июля со своего поста ушел Филипп Морийон. Он в очередной раз дал трудновыполнимое обещание – создать «зону безопасности» в мусульманско-хорватском городе Фойница. Через несколько дней город был взят силами боснийским мусульман, а Морийона сменил бельгиец Франсис Брикмонн. Общим руководителем миссии стал еще один француз, Жан Ко, сменивший на этом посту шведа Ларса-Эрика Валгрена, запомнившегося своими критическими высказываниями в адрес ООН. «Его слова о том, что это «империалистическая организация, которой злоупотребляет Запад», и о Югославии, как полигоне, на котором Европе навязывают определенные условия, – по мнению Е.Ю. Гуськовой, – сыграли свою роль в недолгой карьере этого генерала в Биг».³⁹

Брикмонн находился на своей должности чуть более полугода и подал в отставку в январе 1994 г. За время его руководства ситуация с конvoями не стала лучше, однако в дипломатическом отношении едва не был найден еще

один способ решения боснийской проблемы. В июле-августе 1993 г. благодаря переговорам президента Сербии Слободана Милошевича и президента Хорватии Франьо Туджмана появился еще один мирный план по Боснии. Туджман обещал предоставить экономически важное право пользоваться портом Неум на Адриатике (этот город, формально входивший в состав БиГ, фактически принадлежал общине боснийских хорватов. – А.П.) в случае, если будет создан «Союз Боснии и Герцеговины», в котором у сербов будет 52,5 % территории, у хорватов – 17,5%, а у боснийцев – 30%. «Все стороны договорились о подписании договора, осталось только определиться с картой территорий, и все ожидали, что Изетбегович подпишет мирный план, однако он в последний момент представил неприемлемые требования». Итогом переговоров стала гневная нота президента Клинтона хорватскому и сербскому лидерам, в которой он заявил, что ожидал от них большей мягкости по отношению к мусульманам..., и напомнил, что авиаудары НАТО еще «вполне реальны». ⁴⁰ После краха этой мирной инициативы ситуация в Боснии законсервировалась, а Брикмонн, столкнувшись с неразрешимыми для себя проблемами, подал в отставку.

Существовало два мотива, которыми он руководствовался, принимая это решение. Во-первых, в UNPROFOR не действовал главный принцип работы любой воинской структуры – принцип единоначалия. «Я считал странным, что военные наблюдатели ООН и ЕС не находятся под моим контролем. Такая ситуация вызывала путаницу, неверное истолкование различных вопросов и неуместные инициативы», – заявил он в одном из интервью. ⁴¹ Во-вторых, Бикмонн считал, что миссия растеряла свой политический авторитет. «Название моей книги (воспоминания генерала о боснийских событиях называются «Сделайте что-нибудь, генерал!») – А.П.) отражает суть политических директив, которые я получал, будучи руководителем. Я уже не мог их читать и уже перестал заниматься оценкой того, насколько написанное на бумаге далеко от того, что происходит на самом деле. Миротворческая деятельность ничего не стоит, если в реальности мира нет». ⁴²

Вероятно, бельгийский командующий не смог справиться с выходящей из-под контроля ситуацией и из-за некоторой мягкости своего характера. «Порядочный пожилой человек», как его называет В.А. Андреев, вряд ли мог энергично решать все новые и новые проблемы. К тому же, происходящее определенно шло вразрез с его внутренними принципами. «Он искренне старался быть объективным, что было очень трудно... И когда он понял, что от него требуется больше, чем позволял его внутренний кодекс поведения, он решил уйти». ⁴³

По итогам 1993 г. эффективность поставок гуманитарной помощи снизилась до 17%, в результате чего более 80% населения стали испытывать ее недостаток. Подразделения же ООН, призванные защищать мирное население в «зонах безопасности» и разъединять воевавшие стороны, сами оказывались в положении осажденных, не найдя сил для того, чтобы воспрепятствовать росту военной активности. ⁴⁴

Неудачи миссии в период с середины 1992 по конец 1993 г. можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, все противоборствовавшие стороны на тот момент к миру не были готовы (боснийские сербы и хорваты еще не достигли всех военных целей, а Алиа Изетбегович был готов пойти на многочисленные жертвы для того, чтобы добиться участия в конфликте международного сообщества на своей стороне). В ООН, где постепенно увеличивали свое влияние США, идея вмешательства во внутробоснийские дела находила все больший отклик, что выразилось в принятии ряда резолюций СБ ООН и решений Администрации США с сентября 1992 г. по август 1993 г.

Во-вторых, сама форма деятельности «голубых касок», особенно в области решения гуманитарных задач, совершенно не отвечала полевым условиям. Хотя обычные солдаты и офицеры, а также их командиры из среды генералов в целом были заинтересованы в удаче миссии, этого было недостаточно. Первые не могли добиться успеха из-за отсутствия необходимых полномочий и возможностей (в частности, для того, чтобы противостоять грабившим их солдатам противоборствовавших армий), а вторые в определенный момент были вынуждены со своими постами расстаться. Все эти факторы привели к тому, что к началу 1994 г. миссия оказалась в коллапсе. Разраставшийся кризис, в свою очередь, порождал все новых сторонников вмешательства в конфликт США и НАТО для того, чтобы принудить воевавшие стороны (прежде всего боснийских сербов) к миру. Именно такой сценарий и начал постепенно реализовываться в 1994 г.

Примечания

- ¹ Боровой Я. «Немного солнца в холодной воде» // Новое время. 1993. № 26. С. 24.
- ² Резолюция СБ ООН № 743 (21 февраля 1992 г.), № 752 (15 мая 1992 г.) // <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1992/res752.htm>
- ³ MacKenzie L. Peacekeeper, The Road to Sarajevo. Vancouver-Toronto, 1993. P. 179.
- ⁴ Ibid. P. 183.
- ⁵ Ibid. P. 222.
- ⁶ http://www.un.org/Depts/dpko/dpko/co_mission/unprof_b.htm
- ⁷ Немецкий журналист Эрик Ратфельдер цитирует слова француза – начальника конвоя на сербском КПП: «Нам нужно кое-что им отдать... Тридцать процентов...», однако оставшееся нужно спасти» // Rathfelder E. Rat u Bosni I Hercegovini. Zagreb, 2000. S. 105.
- ⁸ Ibid. P. 105.
- ⁹ Glenny M. The Fall Of Yugoslavia. The Third Balkan War. London, 1996. P. 219.
- ¹⁰ http://www.un.org/Depts/dpko/dpko/co_mission/unprof_b.htm
- ¹¹ Андреев В. А. «Страсти по-сараевски» // Наши миротворцы на Балканах. М., 2007. С. 16.
- ¹² Stewart R. Broken Lives. London, 1994. P. 160.
- ¹³ Макаптур С. Когда к штыку приравняли перо. Деятельность СМИ по освещению боснийского кризиса. М., 2007. С. 57.
- ¹⁴ Owen D. Balkanska Odiseja. Zagreb, 1998. S. 80.
- ¹⁵ MacKenzie L. Op. cit. P. 293.
- ¹⁶ Ibid. P. 328.
- ¹⁷ Vulliamy Ed. Seasons in hell: understanding Bosnia's war. London, 1994. P. 123.
- ¹⁸ Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса. М., 2001. С. 416.
- ¹⁹ <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1992/res781.htm>

- ²⁰ http://www.un.org/Depts/dpko/dpko/co_mission/unprof_b.htm
- ²¹ <http://www.un.org/russian/document/scresol/res1993/res816.htm>
- ²² <http://www.un.org/russian/document/scresol/res1993/res844.htm>
- ²³ Вахрамеев А.В. Международные организации и югославский кризис // Балканы между прошлым и будущим. М., 1995. С. 96.
- ²⁴ Ramet S. P. War In The Balkans // Foreign Affairs. 1992. № 4. P. 96.
- ²⁵ O'Balance E. Civil War in Bosnia 1992-1994. New York, 1995. P. 59.
- ²⁶ Ruggie J. G. «Wandering in the void. Charting the UN's New Strategic Role» // Foreign Affairs, 1993. № 5. P. 26.
- ²⁷ Ibid. P. 27.
- ²⁸ O'Balance E. Op. cit. P. 145.
- ²⁹ Ibid. P. 99.
- ³⁰ Андреев В.А. Указ. соч. С. 14.
- ³¹ Там же. С. 15.
- ³² Owen D. Op. cit. S. 45.
- ³³ Андреев В.А. Указ. соч. С. 14.
- ³⁴ Югославский кризис и Россия. Т.2. М., 1993. С. 211.
- ³⁵ Документальный фильм BBC «Smrt Jugoslavije» («Смерть Югославии») (Мультимедиа). 3 Dio. Ч.1. «Sigurna zona». Эл. опт. диск (DVD-ROM): пв., зв.
- ³⁶ O'Balance E. Op. cit. P. 147.
- ³⁷ Rathfelder E. Rat u Bosni I Hercegovini. Zagreb, 2000. S. 199.
- ³⁸ Owen D. Op. cit. S. 209.
- ³⁹ Гуськова Е.Ю. Указ. соч. С. 394.
- ⁴⁰ O'Balance E. Op. cit. P. 206.
- ⁴¹ Интервью с Франсисом Брикмонном. Взято с официального сайта Регионального информационного центра ООН для Восточной Европы (UNRIC). Режим доступа: http://may2008.unric.org/index.php?option=com_content&task=view&id=283&Itemid=52.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Андреев В.А. Указ. соч. С. 44.
- ⁴⁴ Кирсанова Н., Сидоров Ю. «Майкл Роуз» // «Эхо планеты». 1994. № 36. С. 12.

IV. Война в истории славянских народов

А.В. Ганин

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Военная элита советско-польской войны 1919–1920 годов в справочной литературе

Abstract:

Ganin A.V. *Military elite of the Soviet-Polish war of 1919–1920 in the reference literature*

The article analyzes the existing Soviet, Russian, Ukrainian and Polish reference literature on biographies of members of the military elite of all the warring parties of the Soviet-Polish war of 1919–1920. The main tendencies of studying the personalities of senior officers are revealed and promising directions of further research are outlined.

Ключевые слова: военная элита, советско-польская война, Генеральный штаб, Гражданская война, Советская Россия, Красная армия, Польша, Украина, вооруженные силы, генералитет, командный состав, справочная литература.

К настоящему времени биографика представителей военной элиты советско-польской войны 1919–1920 гг. нашла свое отражение в целом ряде разнообразных справочных изданий, вышедших в СССР, России, на Украине и в Польше. Издания эти различны по своей достоверности, степени детализации данных, используемым документам и могут производить внешнее впечатление того, что рассматриваемый вопрос уже досконально изучен, однако это впечатление обусловлено лишь большим количеством такого рода изданий, но отнюдь не глубиной проработки материала. В этом очерке я попытаюсь представить обзор основных биографических справочников по данной проблеме.

Одним из первых и, вместе с тем, наиболее ценных и достоверных справочных изданий, содержащих биографии представителей военной элиты РККА, участвовавших в советско-польской войне, является «Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной армии». Поскольку основу военной элиты всех армий – участниц советско-польской войны составляли офицеры (в РККА – специалисты) Генерального штаба, это издание предоставляет достаточно подробную информацию о составе советской военной элиты. Фактически это не справочное издание, а делопроизводственный документ, подготовленный Штабом РККА для служебных нужд. Издание содержит сведения на 1 марта 1923 г. Список был составлен отделом по командному составу Штаба РККА. В списке указывались фамилия, имя отчество, год рождения, последний чин в старой армии, занимаемая должность, а также основные посты того или

инного лица в старой армии и в РККА за предшествующий период с указанием дат назначения или продолжительности пребывания в той или иной должности. Для выпускников военной академии РККА указывались итоги окончания учебы.

Всего в этом издании указаны 698 человек. Среди них 284 офицера Генерального штаба, 92 слушателя и выпускника академии, окончивших два класса, либо полный курс по первому и второму разрядам и не причисленных к Генштабу, 97 слушателей и выпускников ускоренных курсов 1916–1918 гг., 221 выпускник военной академии РККА (93 – выпуска 1921 г. и 128 – 1922 г.), а также четверо переведенных в Генштаб без окончания академии (М.Н. Тухачевский, М.В. Фрунзе, А.И. Егоров, И.П. Уборевич).¹ По некоторым данным, в список включены 93 генштабиста, вступивших в РККА после службы в белых или национальных армиях,² то есть либо те бывшие офицеры-генштабисты, которые попали в плен в ходе Гражданской войны и затем поступили на службу в РККА (например, генерал А.Г. Лигнау³), либо офицеры, которые вернулись в начале 1920-х гг. из эмиграции, но в период гражданского противостояния еще состояли на службе в антибольшевистских армиях (например, генерал Я.А. Слащов⁴).

Недостатком списка является отсутствие в нем данных о перечисленных персоналиях после 1923 г., а также некоторая неполнота данных, в частности, указание занимавшихся военспецами должностей со сведениями об их стаже в той или иной должности в годах и месяцах, но без конкретных дат. Например, пребывание М.Н. Тухачевского в должности командующего Кавказским фронтом – 2 месяца. И если в отношении широко известных персоналий вроде упомянутого выше Тухачевского проблем с нахождением точных дат занятия той или иной должности не возникает, то с менее известными личностями дело обстоит гораздо сложнее. Тем более, что сколько-нибудь подробные сведения о многих персоналиях из этого списка можно почерпнуть, помимо него, только в служебных документах этих лиц, хранящихся в архивах (РГВИА и РГВА), что существенно затрудняет нахождение необходимых данных.

К сожалению, советская политическая конъюнктура привела к тому, что в период 1930-х – 1950-х гг. не только изучение военной элиты противников Советской власти, но и аналогичные сюжеты в отношении руководства РККА оказались табуированы. Однако и после 1950-х гг. эти вопросы изучались весьма своеобразно: отрывочно, с многочисленными оговорками, купюрами и умолчаниями.

Именно по этим причинам следующее по времени значимое справочное издание по этой теме появилось в СССР лишь в конце 1970-х гг. Им стал 4-й том сборника документов «Директивы командования фронтов Красной армии», в который вошли как статистические и справочные данные о составе Красной армии, так и списки командиров, начальников штабов, членов РВС и комиссаров практически всех ее фронтов, армий и дивизий с указанием дат пребывания их в тех или иных должностях.⁵ К сожалению, из-за большого

объема информации часть опубликованных данных оказалась неточной, а представленная информация о каждом конкретном человеке была очень краткой.

Справочный том сборника документов был использован при подготовке основного советского справочника по периоду Гражданской войны – энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», вышедшей двумя изданиями в 1980-е гг. (1983 и 1987).⁶ Вполне естественно часть ошибок и неточностей «по наследству» попала и в энциклопедию. В этой энциклопедии представлены списочные сведения обо всех командующих советскими фронтами, армиями, дивизиями, принимавшими участие в войне с Польшей. Также опубликованы списки начальников штабов и членов РВС. Однако персональных биографических статей удостоились лишь некоторые, наиболее видные представители командного состава РККА, причем далеко не все, кого можно было бы отнести к военной элите советско-польской войны. Выборка была нерепрезентативной и обусловленной исключительно соображениями соответствия той или иной биографии идеологическим установкам периода составления энциклопедии. Достаточно отметить, что энциклопедия не содержала даже специальной статьи о председателе РВСР и создателе Красной армии Л.Д. Троцком, отсутствие которой частично компенсировала ругательная статья «Троцкисты». Впрочем, Троцкий был скорее политиком, хотя в этот период вполне может быть отнесен и к представителям советской военной элиты. Отсутствуют в энциклопедии персональные статьи о начальниках штаба Западного фронта Н.Н. Доможирове, А.М. Перемытове и Н.Н. Шварце, тогда как статьи о занимавших ту же должность Н.Н. Петине, В.С. Лазаревиче и Н.В. Соллогубе имеются. На уровне армий пропусков существенно больше. Так, отсутствуют статьи о командармах А.С. Белом (3-я армия), А.Д. Шуваеве (4-я армия), П.К. Мармузове (14-я армия), Б.Л. Негродове (15-я армия). Отсутствие статей о начальниках армейских штабов является общим местом. Сведения о бывших офицерах – военспецах не всегда точны, содержат немало пропусков и ошибок, часть из которых обусловлена цензурными ограничениями, хотя, казалось бы, второе издание энциклопедии вышло в самый разгар Перестройки. Так, например, вообще не упоминалось о репрессиях 1930-х гг., в том числе и в биографических статьях репрессированных (не исключая даже тех, о ком эти данные были давно известны, как, например, о М.Н. Тухачевском). Сведения о польско-украинском командовании в энциклопедии практически отсутствуют.

Украинским аналогом энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» стал справочник «Великий Октябрь и Гражданская война на Украине», в котором особое внимание было уделено украинским советским военно-политическим деятелям.⁷

В постсоветский период в странах Восточной Европы начался настоящий бум изучения и переосмысления национальной военной истории, в особенности тех ее сюжетов, которые прежде исследовать не разрешалось. Увидели свет справочные издания, посвященные военной элите противников Советской России. Некоторые работы содержат детальные жизнеописания генера-

лов и офицеров, в основе которых служебные документы из архивов России, Украины и Польши.

Польские исследователи выпустили уже несколько справочных работ о командном составе польской армии межвоенного периода, в том числе несколько справочников, непосредственно посвященных войне между Советской Россией и Польшей. Именно с них я и начну обзор польской литературы.

В 1993 г. в Белостоке вышел справочник польского исследователя А. Сухчица «Генералы польско-советской войны 1919–1920 гг.».⁸ Сам автор в качестве подзаголовка указал, что это малый биографический словарь. И действительно, издание представляет собой небольшую по объему брошюру. Свою работу автор начинает восторженными заявлениями о том, что советско-польская война – одна из немногих войн в истории Польши, выигранных поляками. По мнению автора, победа была одержана за счет выдающегося искусства польского командования, о представителях которого говорится в издании.⁹ Удивительно, что автор не обратил внимания на единство происхождения небольшой части польской и советской военной элиты, имевших одним из своих источников комплектования офицерский корпус Русской императорской армии. С этой точки зрения едва ли одни бывшие русские офицеры, воевавшие на польской стороне, отличались подготовкой и способностями от других бывших русских офицеров, находившихся в Красной армии.

В основе издания – архивные материалы института Ю. Пилсудского, польского института и музея имени генерала Сикорского, а также польской библиотеки в Лондоне. В справочник включены биографии командного состава польской армии, РККА, армий Латвии, Украины, даже французской и британской армий. Некоторые статьи сопровождают фотографии. Особое внимание в биографических статьях, вполне естественно, уделено периоду советско-польской войны. Однако справочник целесообразно использовать лишь в отношении биографий командного состава польской армии. К сожалению, биографии комсостава РККА, вошедшие в справочник, не отличаются глубокой детализацией. В отношении некоторых персоналий, в т.ч. достаточно известных, как, например, командующего Мозырской группой войск Т.С. Хвесина, автор затруднился даже назвать полное имя-отчество. Некоторые биографические статьи не содержат дат жизни персоналий, например, статья об украинском генерале А.И. Удовиченко.¹⁰ Есть в справочнике и явные ошибки. Так, командующим 4-й советской армией назван бывший генерал Д.С. Шуваев, которому посвящена специальная статья, тогда как на самом деле этой армией командовал его сын А.Д. Шуваев.¹¹ Бывшему советскому главкому И.И. Вацетису вообще «повезло», т.к. автор справочника, непонятно на чем основываясь, утверждает, что тот после отставки с поста главкома, якобы, обвинялся в измене и интригах против председателя Реввоенсовета Республики Троцкого.¹² Нельзя не отметить и неточность воспроизведения польским автором командных и особенно штабных должностей Красной армии. Думается, некритическое восприятие подобных материалов может привести исследователей к серьезным ошибкам.

В 2004 г. в Варшаве вышел солидный справочный том Я. Одземковского под названием «Словарь польско-русской войны 1919–1920».¹³ Это издание содержит как биографические, так и проблемные статьи по истории советско-польской войны, в частности, посвященные отдельным операциям, воинским частям и соединениям. Книга прекрасно издана и богато иллюстрирована, снабжена множеством схем, отражающих ход боевых действий. К сожалению, в нее перекочевали некоторые ошибки из работы Сухчица, например, относительно Д. С. Шуваева. Некоторые статьи обширны и обстоятельны, основаны на документах Центрального военного архива Польши в Рембертове. Другие, наоборот, лапидарны и компилятивны. В отношении же Красной армии работа Одземковского представляет собой практически дословный перевод материалов уже упомянутой советской энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» и не содержит ничего нового. Кроме того, в справочнике представлено в целом небольшое количество статей о представителях военной элиты сторон.

Значительно больший интерес представляют польские биографические справочники по генералитету и офицерам с высшим образованием. На данный момент в Польше выпущено уже не менее трех фундаментальных справочников о польских генералах. Все они являются добротными работами, которые, безусловно, необходимо использовать для уточнения персональных сведений о польской военной элите. Стоит отметить, что именно сочетание всех трех основных польских «генеральских» справочников позволяет получить максимум информации, включая и фотографии этих людей.

Первый справочник по генералитету независимой Польши, подготовленный Т. Крыска-Карским и С. Жураковским, вышел еще в 1976 г. в Лондоне, а вторым изданием в 1991 г. в Варшаве.¹⁴ Второе исправленное издание содержит краткие биографические справки на 659 генералов, начиная с 1918 г., и 408 фотографий.¹⁵ Этот справочник объективно является одним из лучших, наиболее детальных и точных справочных изданий по теме польского генералитета межвоенного периода и эпохи Второй мировой войны. Тем не менее, он не учитывал материалы Центрального военного архива Польши, базировался на эмигрантских данных, в результате чего возникла необходимость в новых аналогичных справочниках.

Еще одна работа, которая представляет интерес в рамках данной темы, – сборник биографических очерков З. Межвинского «Генералы II Речи Посполитой».¹⁶ И хотя эта книга не является справочником в полном смысле этого слова, она содержит подробные жизнеописания сорока пяти генералов и одного адмирала межвоенной Польши, многие из которых участвовали в советско-польской войне, причем в основе издания материалы как польских эмигрантских архивов и библиотек, так и Центрального военного архива Польши. Недостатком этого справочника, как и других польских изданий, можно назвать отсутствие материалов российских архивов, освещающих дореволюционную службу польских офицеров – выходцев из русской армии.

В начале 1990-х гг. в Польше вышли еще несколько справочников, напрямую не связанных с советско-польской войной, но содержащих биографии ее участников – офицеров польских легионов и кавалеров ордена «Виртути Милитари».¹⁷

В 1994 г. в Варшаве увидел свет новый справочник, посвященный польскому генералитету межвоенного периода. Его авторство принадлежит П. Ставецкому.¹⁸ Это фундаментальный труд, учитывающий недостатки предшествующих работ и построенный на обширных архивных материалах польского происхождения, прежде всего, на личных делах польского генералитета. Впрочем, есть у издания и свои недостатки. Например, в отличие от справочника Крыска-Карского и Жураковского в этом издании приводятся не даты жизни, а лишь годы жизни генералов. Издание вообще не содержит портретов. Таким образом, целесообразно пользоваться этим справочником в сочетании и сопоставлении с другими работами аналогичной тематики.

В 1998–2001 гг. был издан еще более масштабный двухтомный иллюстрированный справочник Х. Коска, посвященный теперь уже польскому генералитету за всю историю его существования, в том числе генералам-полякам, служившим в иностранных армиях.¹⁹ Однако этот грандиозный издательский проект получился научно-популярным и компилятивным. Как и Ставецкий, Коск не приводит точных дат жизни персоналий.

Наконец, к справочным изданиям можно отнести монографию А. Войташака «Генералитет войска Польского 1921–1926 гг.».²⁰ Эта работа представляет собой детальное историко-статистическое исследование, в котором проанализированы различные особенности польского генералитета начала 1920-х гг. В качестве справочного материала в книге приведены анкетные данные генералов по данным Центрального военного архива Польши, в том числе уникальные фотоматериалы.

Немалый интерес представляет еще один справочник П. Ставецкого о польских офицерах с высшим военным образованием, многие из которых активно участвовали в советско-польской войне.²¹ Этот труд целиком построен на документах Центрального военного архива Польши. Помимо того, что в книге опубликован исторический очерк деятельности польской Высшей военной школы, справочник содержит списки всех ее выпускников за межвоенный период, а также краткие биографии некоторой их части, фотографии и служебные аттестации.

Биографии представителей командного состава союзной полякам украинской армии в настоящее время также представлены в целом ряде справочных трудов. Речь идет о работах А. Колянчука, Н. Литвина, К. Науменко, Я. Тинченко.

Одним из первых справочников по командному составу армии Украинской народной республики (УНР) была работа А. Колянчука, Н. Литвина и К. Науменко,²² в которую вошли сведения о более чем 450 украинских генералах и адмиралах. Биографические справки содержали фотографии. К сожалению, из-за того, что авторы не использовали материалы российских архивов, а так-

же по иным причинам в справочник вкралось немалое количество ошибок и неточностей.

Попытка второго исправленного и дополненного издания этой же книги с сокращенным составом авторов и расширенным до 500 количеством биографических статей также едва ли может быть признана удачной.²³ К каждому из изданий справочника следует относиться крайне осторожно. Достаточно отметить, что некоторые фрагменты биографий разных людей в книге дословно совпадают, что возможно только по причине невнимательности составителей или в результате технической ошибки.²⁴

Встречаются и такие биографические статьи, которые в результате множественных ошибок составителей оказались искажены до неузнаваемости. Например, в биографии С.М. Изергина составители неправильно указали даты его рождения и смерти, год окончания им академии Генерального штаба, совместили его биографию с жизненным путем однофамильца – М.И. Изергина.²⁵ В сведениях о генерале В.Ф. Кирее составители перепутали его отчество, неправильно указали год окончания им академии Генерального штаба и дату смерти.²⁶ Аналогичные ошибки присутствуют в биографии генерала Н.А. Коваль-Медведцекого.²⁷ Перепутали составители и биографии двух генералов Кондратовичей – Киприана Антоновича и Луки Лукича, а также ошиблись с годом окончания последнего академии Генштаба.²⁸ Ошибки с датой рождения и отчеством присутствуют в биографии генерала С.Н. Кульжинского.²⁹ В офицеры Генерального штаба был необоснованно записан генерал А.Е. Кушакевич.³⁰ Неправильно указана дата смерти начальника украинского Генштаба генерала В.М. Куща.³¹ Неверен год окончания академии Генштаба генералами М.В. Лебедевым,³² А.В. Осецким,³³ Б.С. Стеллецким,³⁴ Л.В. Федяем,³⁵ дата рождения генералов Г.А. Мандрыки³⁶ и Б.И. Шуцкого,³⁷ дата смерти генерала А.К. фон Нерике,³⁸ год расстрела и отчество генерала Н.П. Сапожникова.³⁹ Каждому из братьев-генералов Омеляновичей-Павленко – Ивану и Михаилу Владимировичам приписано окончание академии Генштаба, которую ни один из них в действительности не заканчивал.⁴⁰ Не оканчивал академию, вопреки мнению авторов, и генерал В.Н. Сокира-Яхонтов.⁴¹ Фактические ошибки присутствуют в справочнике почти на каждой странице, поэтому пользоваться им следует крайне осторожно, проверяя каждый факт.

Общностью происхождения со справочником А. Колянчука, Н. Литвина и К. Науменко связана индивидуальная работа об украинских генералах-эмигрантах в Польше А. Колянчука, ранее исключенного его соавторами из общего коллектива.⁴² Вполне естественно, что многие ошибки перекочевали в эту работу из предшествующей, что заметно снизило значимость нового справочного издания. Добавлю, что работы Колянчука основываются, в основном, на материалах польских архивов, при этом практически не использованными остаются архивные документы из России и Украины. К украинским генералам в справочнике Колянчука почему-то отнесены штатские С.В. Петлюра и Н.И. Махно. Некоторые биографии буквально переполнены неточностями. Так, в биографии военного министра УНР генерала С.И. Дядюши неверно

указаны даты окончания им училища и академии, искажены некоторые места службы, даты исполнения им обязанностей военного министра УНР, утверждается, что он происходил из казачьей, а не из дворянской семьи.⁴³ Как и у прежних соавторов Колянчука, в выпускники Николаевской академии Генштаба ошибочно записаны оба Омельяновича-Павленко,⁴⁴ В.Н. Сокира-Яхонтов.⁴⁵ Также не оканчивали академию генералы А.П. Масляный⁴⁶ и М.А. Пономаренко.⁴⁷ В биографии генерала А.С. Пороховщикова приведены сразу две (!) даты его смерти,⁴⁸ причем обе неверны. Поражает сходство опубликованных в справочнике фотографий контр-адмиралов М.М. Остроградского и В.А. Савченко-Бельского.⁴⁹ В действительности это одно и то же фото, но зеркально отображенное. Наибольшую ценность в работе Колянчука представляют извлеченные из польских архивов фактические данные о пребывании украинских генералов в Польше, в отношении других данных следует проявлять осторожность.

Наиболее фундированными из справочников украинской тематики, хотя и не лишенными целого ряда ошибок, являются работы киевского автора Я.Ю. Тинченко,⁵⁰ тогда как общий уровень справочников других авторов оставляет желать много лучшего.

Работы Тинченко основываются, прежде всего, на материалах Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины, Ведомственного архива Службы безопасности Украины в Киеве и некоторых других архивов, в том числе РГВИА и ГА РФ, а также на опубликованных источниках и исследованиях. Первая его книга представляет сборник небольших биографических очерков о командном составе украинских армий. Вторая работа – краткий биографический справочник. Однако и в отношении работ Тинченко есть немало серьезных замечаний. Прежде всего, непонятны критерии отбора биографий для его справочника, поскольку в нем отсутствуют статьи о многих старших офицерах, служивших в украинских войсках. Кроме того, Тинченко допускает ошибки даже в отношении высшего командного состава армии УНР. Например, указывает, что генерал В.М. Куц был начальником Генштаба с 1927 г.,⁵¹ тогда как на самом деле он занимал этот пост уже в 1922 г. Неверно указана дата вступления полковника В.П. Сальского в должность командующего Действующей армией УНР.⁵² Дата ухода Сальского с поста военного министра УНР не указана вовсе. Ошибочно указано отчество генерала М.А. Капустянского.⁵³

Нельзя не упомянуть и о справочном издании, содержащем сведения о русских союзниках Пилсудского. Речь идет о книге Н.Н. Рутыча «Белый фронт генерала Юденича», в которой с привлечением архивных материалов опубликованы развернутые биографические очерки об офицерах, участвовавших в Белом движении на Северо-западе России.⁵⁴ Некоторые из них (Л.А. Бобошко, С.Н. Булак-Балахович, Г.В. Бушен, А.П. фон дер Пален, Б.С. Пермикин, Н.Н. Саламанов, М.Я. Соболевский, В.А. Трусков) позднее оказались в Польше и участвовали в советско-польской войне на стороне поляков в составе 3-й Русской армии и иных формирований.

Автор этих строк подготовил и выпустил биографический справочник, посвященный офицерам Генерального штаба, участвовавшим в Гражданской войне.⁵⁵ Материалы справочника затрагивают биографии представителей военной элиты всех сторон советско-польской войны – красных, белых, украинцев и поляков. Разумеется, речь идет лишь о выпускниках Николаевской военной академии и академии Генерального штаба РККА. В основе работы – неопубликованные документы архивов России, Украины, Польши и Финляндии, в том числе архивов спецслужб. В справочнике опубликован целый ряд списков Генерального штаба, в том числе и те, что относятся ко времени советско-польской войны. Материалы справочника позволяют достаточно точно оценить численность выпускников академии Генштаба в армиях – участниках советско-польской войны.

Подводя итог обзору справочных работ, посвященных военной элите советско-польской войны 1919–1920 гг., нельзя не отметить, что, несмотря на большой объем работы, проделанной исследователями из России, Украины и Польши, до сих пор не создано фундаментального справочного издания по этой проблеме, в котором бы с одинаковой степенью детализации сошлись документы и материалы всех противоборствующих сторон. Поэтому в настоящее время исследователям приходится использовать целую библиотеку разнообразных по уровню проработки материала и степени достоверности справочных трудов на различных языках. Думается, подготовка фундаментального обобщающего справочного труда остается делом будущего.

Примечания

¹ Подсчитано по: Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих в Рабоче-Крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1-му марта 1923 года. М., 1923.

² Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 110.

³ Зуев В.Н. Генерал А.Г. Лигнау: страницы жизни //История белой Сибири. Тезисы третьей научной конференции. Кемерово, 1999. С. 61–64.

⁴ Каптардзе А.Г. Предисловие //Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990. С. 21–22.

⁵ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. 4. М., 1978.

⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987.

⁷ Великий Жовтень і Громадянська війна на Україні. Енциклопедичний довідник. К., 1987.

⁸ Suchcitz A. Generałowie wojny polsko-sowieckiej 1919–1920. Mały słownik biograficzny. Białystok, 1993.

⁹ Ibid. S. 3.

¹⁰ Ibid. S. 85.

¹¹ Ibid. S. 79.

¹² Ibid. S. 86.

¹³ Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919–1920. Warszawa, 2004.

¹⁴ Kryśka-Karski T., Żurkowski S. Generałowie Polski niepodległej. Warszawa, 1991.

¹⁵ Ibid. S. 7.

¹⁶ Mierzwiński Z. Generałowie II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1990.

¹⁷ Cygan W.T. Słownik biograficzny oficerów Legionów Polskich. Warszawa, 1992; Kawalerowie Virtuti Militari 1792–1945. T. 2 (1914–1921). Cz. 1. Koszalin, 1991.

¹⁸ Stawicki P. Słownik biograficzny generałów Wojska Polskiego 1918–1939. Warszawa, 1994.

- ¹⁹ Kosk H.P. *Generalicja polska. Pruszków, 1998–2001.*
- ²⁰ *Wojtaszak A. Generalicja Wojska Polskiego 1921–1926. Szczecin, 2005.*
- ²¹ *Stawecki P. Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1997.*
- ²² *Колянчук О., Литвин М., Науменко К. Генералітет Українських визвольних змагань. Львів, 1995.*
- ²³ *Литвин М.Р., Науменко К.Е. Збройні сили України першої половини ХХ ст. Генерали і адмірала. Львів-Харків, 2007.*
- ²⁴ См., напр., биографии Б.В. Гернгросса и Н.С. Глинского – Там же. С. 66–67.
- ²⁵ Там же. С. 100.
- ²⁶ Там же. С. 105.
- ²⁷ Там же. С. 110–111.
- ²⁸ Там же. С. 112.
- ²⁹ Там же. С. 119.
- ³⁰ Там же. С. 121.
- ³¹ Там же. С. 122.
- ³² Там же. С. 123.
- ³³ Там же. С. 148.
- ³⁴ Там же. С. 188.
- ³⁵ Там же. С. 201.
- ³⁶ Там же. С. 131.
- ³⁷ Там же. С. 217.
- ³⁸ Там же. С. 142.
- ³⁹ Там же. С. 175.
- ⁴⁰ Там же. С. 146–147.
- ⁴¹ Там же. С. 186.
- ⁴² *Kolańczuk A. Українські генералітети в Польщі емігранти політичні в роки 1920–1939. Словник біографічний. Przemyśl, 2009.*
- ⁴³ *Ibid.* S. 96–97.
- ⁴⁴ *Ibid.* S. 171–173.
- ⁴⁵ *Ibid.* S. 213.
- ⁴⁶ *Ibid.* S. 159.
- ⁴⁷ *Ibid.* S. 191.
- ⁴⁸ *Ibid.* S. 193–194.
- ⁴⁹ *Ibid.* S. 181, 208.
- ⁵⁰ *Тинченко Я.Ю. Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття. 1917–1921 роки. Ч. 1. Біографічно-довідкова. К., 1995; Тинченко Я.Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Кн. 1. К., 2007.*
- ⁵¹ *Тинченко Я.Ю. Офіцерський корпус. С. 235.*
- ⁵² Там же. С. 385.
- ⁵³ Там же. С. 189.
- ⁵⁴ *Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002.*
- ⁵⁵ *Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.*

В конце 2010 г. скончался наш коллега – историк, публицист, автор трудов по истории русской эмиграции Иван Петрович Савицкий (22.12.1937, Прага – 23.11.2010, Прага). Иван Петрович – сын одного из основателей теории евразийства Петра Николаевича Савицкого – прожил нелегкую жизнь. Он окончил историческое отделение Философского факультета Карлова университета, но из-за репрессий в отношении отца долгое время был лишен возможности публиковаться; работал библиотекарем в Славянской библиотеке. Некоторое время в конце 1980-х И.П. Савицкий был сотрудником Института философии ЧСАН, а после событий рубежа 1980–1990-х, изменивших жизнь страны, в 1990 г. был назначен директором Европейского центра свободного времени и образования, переименованного в Европейский центр по воспитанию в духе прав человека под эгидой ЮНЕСКО. С 2000 г. работал в редакции журнала «Русское слово», опубликовал три монографии и большое количество статей в чешских и иностранных изданиях, том числе печатался в журнале «Славяноведение». Как дань памяти этому прекрасному ученому и человеку предлагаем читателю фрагмент его, к сожалению, оставшейся незаконченной статьи.

(Е.П. Серапионова)

Иван Савицкий
(Чехия)

Путь к войне

Abstract:

Savitsky I. *Path to the war.*

The article discusses the causes of the World War II. The Treaty of Versailles is often cited as the root cause and the conclusion of the Molotov-Ribbentrop Pact in August, 1939 – as the direct push. However, the root cause of the new war in Europe could have as well been the former Allied Powers rejection of the most important provisions of the Versailles Treaty and the formation of a defensive alliance with the Soviet Union. The article proves it persuasively.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Версальский договор, пакт Молотова-Риббентропа, Антанта, Парижская мирная конференция, причины войны

Когда рассматриваются причины Второй мировой войны, часто в качестве первопричины приводится Версальский договор, а в качестве непосредственного толчка – заключение пакта Молотова-Риббентропа в августе 1939 г.

Однако, с таким же успехом можно утверждать, что первопричиной новой войны в Европе был отказ держав бывшей Антанты от важнейших положений Версальского договора и заключения оборонительного союза с СССР.

И вот почему.

Цели Парижской мирной конференции

Все французы и англичане мечтали о том, что «Великая война» навсегда покончит с войнами (хотя бы в Европе, колониальные войны не в счет). Более того, даже большинство населения разваливающейся Австро-Венгрии и многие в побежденной Германии мечтали о том же. Об этом говорил и заокеанский миротворец, американский президент Вудро Вильсон, хотя американцев этот вопрос волновал меньше. Никто из политиков не мог игнорировать эти пожелания десятков миллионов.

Но в Париже собрались только победители (и «присоединившиеся»), но их никто не слушал), а в странах победоносной коалиции пропаганда четыре года усиленно твердила, что единственным виновником войны была Германия и ее сателлит – Австро-Венгрия, и ей поверили. Правда, где-то на окраине Европы появился неожиданный возмутитель спокойствия – коммунистическая Россия, однако сильные мира сего были уверены, что московские фанатики долго продержаться не смогут, и Россия вообще надолго вышла из строя великих держав. И, слава Богу!

Таким образом, главный вопрос мирной конференции в значительной мере свелся к созданию гарантии для Франции (и Бельгии), что они вновь не станут объектом германской агрессии. Так считали не только премьер-министр Франции «Тигр» Клемансо и президент Раймон Пуанкаре, но и лидеры Англии и США. Еще через десять лет Черчилль констатировал: «Непропорциональность национального могущества Германии и Франции была и остается до сих пор главной проблемой мира».

Но нельзя забывать, что понимание гарантий безопасности Франции «на века» разнилось у представителей «великой тройки» чрезвычайно. Клемансо и Пуанкаре, помнившие катастрофический разгром Франции Наполеона III в 1870 г. и коронование первого императора новой Германской империи 18 января 1871 г. в Зеркальном зале Версальского дворца, считали оптимальным не только ликвидацию политического строя Германской империи, но и новое расчленение ее на «земли», объединенные в империю только в 1871 г., причем к неудовольствию многих.

Объединенная Германия во многих отношениях начинала походить на расширенную Пруссию. Во-первых, Пруссия в рамках Германии непрерывно разрасталась, и это нравилось далеко не всем. Сильнее всего это чувствовалось в западных провинциях, присоединенных к Пруссии постановлением Венского конгресса 1815 г. Преобладавшие там католики считали, что вхождение в Пруссию означало «чуждое протестантское владычество». Уже в феврале 1919 г. самый молодой тогда обер-бургомистр крупного города в Германии, бургомистр Кельна Конрад Аденауэр созвал совещание шестидесяти обер-бургомистров и депутатов Национального собрания и Ландтага Пруссии.

В своей вступительной речи организатор подчеркнул, что крушение, сейчас бы мы сказали, вероятно, авторитарной власти (Hegemonialmacht), является неизбежным следствием прусской системы. В глазах противников Пруссия является «злым духом Европы», страной, «которой правит воинственная, безответственная, военная каста и юнкерство» (пруссские помещики). По Аденауэру, из этого вытекает, что долее терпеть господство Пруссии над остальными землями Германии невозможно. Пруссия должна быть разделена, и западные земли Германии должны образовать «Западногерманскую республику». Таким образом, «станет невозможной власть Пруссии, где царствует восточный дух и милитаризм, над Германией». При таких условиях, конечно, новая республика должна войти в федерацию немецких земель.

Были и более радикальные попытки полного отделения от Германии отдельных западных земель в качестве независимых республик. Так, 1 июня 1919 г. в Висбадене была провозглашена «независимая Рейнская республика», однако роковой для ее судьбы стала, видимо, прямая поддержка сепаратистов со стороны французских оккупационных властей. Существующая администрация не желала сдавать дела и передавать общественные здания самопровозгласившимся новым властям, и недолгий перевес в происходящих тут и там стычках обеспечивали сепаратистам французские штыки. Но вскоре французское командование убедилось в маломощности сепаратистов и объявило о своем нейтралитете. После этого немецкая полиция смогла привести в исполнение ордер на арест неудачливого претендента на пост президента нового государства, обвиненного Берлином в государственной измене. Впрочем, его вскоре выпустили. Центристские силы оказались намного сильнее центробежных, престиж которых был подорван сотрудничеством с оккупантами, и центральные власти решили без нужды не осложнять и без того чрезвычайно сложную обстановку.

Еще сильнее, чем в прирейнских областях, сказывался сепаратизм в Баварии. Мюнхен даже опередил Берлин в развитии ноябрьской революции в Германии: Курт Эйсер объявил о низложении Людовика III Виттельсбаха и превращении Баварии в независимую республику на заседании Мюнхенского совета рабочих и солдатских депутатов уже в ночь на 8 ноября 1918 г., тогда как Германская республика была в Берлине провозглашена только 9 ноября. Такая возможность была заложена в организации Германской империи, которая сохранила по меньшей мере формально широкую автономию земель, включая сохранение ограниченной власти местными династиями, не вошедшими в состав Пруссии по воле Священного союза или в результате войн с Данией, Австрией и Францией.

Вина за то, что эта возможность не была использована, лежит прежде всего на самой Франции. Окружение президента Пуанкаре было склонно поддерживать сепаратистов Рейнландии военной силой, но это только компрометировало их в глазах немцев, которые были недовольны прусским владычеством, но еще гораздо больше не любили французских оккупантов. Клемансо на словах приветствовал баварскую инициативу Эйснера, но реальной поддержки не оказал, понимая, что англосаксы на это вряд ли пойдут. Но даже не это, пожалуй, было главным. Дело было в том, что единственной формой эффективной поддержки сепаратистов было снижение репараций отколовшимся государствам, свалив всю вину на прусского короля и германского императора в одном лице. Но снизить объем репараций не позволяло общественное мнение, даже если бы французские лидеры этого хотели, а и они желали получить возможно больше на восстановление разоренного севера Франции и обезлюдевших полей на юге.

Не прошел и вариант, который предложил и отстаивал верховный главнокомандующий союзными войсками французский маршал Фош – провести границу Германии по Рейну. На это не шла прежде всего Великобритания.

Еще бы! Черчилль в «Мировом кризисе» вспоминал, что прямо в день подписания перемирия он беседовал с премьером: «Не было ощущения, что дело сделано. Напротив того, Ллойд-Джордж ясно сознавал, что ему предстоят новые и может быть еще большие усилия. Мое собственное настроение было двойственным: с одной стороны, я боялся за будущее, с другой – хотел помочь разбитому врагу. Мы говорили о великих качествах германского народа, о той странной борьбе с народами, населяющими три четверти земного шара, которую он выдержал, о том, что восстановление Европы без помощи Германии невозможно».

Но как сотрудничать с Германией, если отобрать у нее, помимо прочего, Кельн, Бонн, Кобленц, лежащие на левом берегу Рейна? Англичане хотели равновесия, а отнюдь не превосходства Франции на континенте.

Но Ллойд Джордж не мог реализовать полностью свою политику. В декабре 1918 г. в Британии были всеобщие выборы, и Ллойд Джордж хотел во что бы то ни стало в них победить, даже вопреки значительной части собственной партии.

Как менялись установки премьера в реакции на настроения избирателей хорошо показал Дж. М. Кейнс в своей нашумевшей книге «Экономические последствия мира», которая стала первым шагом к его мировой славе. Но об этом позже, пока лишь используем его изложение изменений установок Ллойд Джорджа. В предвыборном манифесте 22 ноября он и Бонар Лоу (лидер консерваторов, сам Ллойд Джордж был либералом) заявляли, что «нашим первым делом должно быть заключение справедливого и прочного мира и тем самым создание основ новой Европы, в которой бы поводы для новой войны были навсегда исключены». Как в манифесте, так и в речи 24 ноября, накануне роспуска парламента, не было ни слова о репарациях или возмещении причиненного ущерба.

Однако в обществе ходили слухи, что эксперты Сити пришли к выводу, что Германия может заплатить ни больше, ни меньше, а сто миллиардов долларов. Называли, впрочем, и цифры побольше.

Премьер поспешил пойти навстречу общественному мнению и в официальном заявлении о политических целях, опубликованном 6 декабря, подчеркнул, что «все европейские – на это слово делалось ударение, замечает Кейнс, – союзники приняли принцип, что Центральные державы должны оплатить цену войны (the cost of the war) в пределах их возможностей».

Но и это, по мнению Кейнса, еще не было полной капитуляцией премьера. В качестве таковой Кейнс расценивает его Окончательный предвыборный манифест в шести пунктах:

1. Суд над кайзером.
2. Наказание виновников зверств.
3. Полное возмещение ущерба Германией.
4. Британия британцам, социально и индустриально.
5. Лечение инвалидов войны.
6. Более счастливая страна для всех.

«Голосовать за кандидатов коалиции означало распять Антихриста и сбросить британский национальный долг на Германию», – подытожил Кейнс.

Однако по настоянию президента Вильсона животрепещущие вопросы о границах и репарациях были отодвинуты и первым был разработан и принят статут Лиги наций, которая должна была гарантировать соблюдение мира в мире. При этом из средств воздействия на агрессора выпало вооруженное вмешательство, оставались только экономические санкции. Реальные политики великих держав в большинстве и не думали превращать Лигу в действенный орган, который мог бы связывать свободу их действий. Исключением не был и сам великий миротворец, который предусмотрительно изъял весь американский континент от Огненной земли до Аляски из-под юрисдикции Лиги. Вильсон не сомневался, что там США справятся в одиночку со всеми проблемами. Не верили в возможности Лиги наций, в частности, и французские политики. Нужно было искать более действенных гарантий для Франции.

Обратимся вновь к свидетельству В. Черчилля: «Вильсон надеялся, что Лига наций даст Франции, наравне с другими нациями, гарантию в том, что неприятель не вторгнется в ее пределы. Но французы, несмотря на всю свою готовность воспользоваться покровительством Лиги, искренне не верили в ее могущество. Когда же из проекта договора было изъято заключавшееся в нем раньше условие, предусматривавшее применение вооруженных сил против нарушителя мира, и остался один только финансовый и экономический бойкот, вряд ли можно было спорить со скептическим отношением к этому французам. [...] С этого момента стало ясно, что, требуя от Франции отказа от рейнской границы, необходимо дать ей какую-нибудь другую добавочную гарантию ее безопасности. Ллойд Джордж уже раньше предвидел, что это неизбежно. Он еще более, чем Вильсон, был убежден в опасности подчинения германского населения чужеземному владычеству. Оба – и он, и Вильсон – отказывались обсуждать вопрос о том, чтобы отодвинуть германцев за Рейн, и оба все острее ощущали необходимость найти какие-нибудь другие гарантии безопасности Франции.

Первой и наиболее существенной предосторожностью являлось разоружение Германии, но странным образом маршал Фош и все военные люди Франции относились к этому вопросу апатично. В условия перемирия маршал не включил никаких мер предосторожности в смысле демобилизации Германии и ее разоружения, за исключением требования о сдаче большого количества пушек. По этому поводу говорили, что он не верил, чтобы принудительно общее разоружение могло представлять нечто прочное и длительное, и что поэтому он не желал подписывать свое имя под таким условием, исполнение которого он не мог гарантировать. Он глубоко не доверял никаким заверениям Германии и считал, что какие бы обещания Германия ни давала, она не замедлит создать и вооружить новые военные силы, лишь только ей будет предоставлена свобода действий».

Трудно поверить, что Ллойд Джордж не понимал, что если сохранится экономический и людской перевес Германии, то воссоздать армию можно бу-

дет в три-четыре года (не говоря уже о том, что вооружена она будет новейшим оружием, тогда как союзники будут еще в той или иной мере полагаться на «победоносное» оружие прошлой войны).

Свои виды были и у американцев. О безопасности же Франции они особо не беспокоились. Главным советником и близким другом президента Вильсона был полковник Хаус (впрочем, полковником он в действительности не был, не был даже Хаусом – ему не только присвоили звание для пущей важности, но он сам изменил себе и фамилию с Huis на House, однако, по меньшей мере года три, он был самым влиятельным лицом американской внешней политики). Так вот, именно он объяснил министру иностранных дел Великобритании Бальфуру отказ поддержать французский проект оккупации территории на запад от Рейна следующим образом: «Если мы будем после создания Лиги наций столь глупы, что позволим Германии обучить и вооружить большую армию и, тем самым, позволим ей снова стать всемирной угрозой, то мы заслужим судьбу, которую нам такое неблагоразумие подготовит. Германия будет под подозрением сто лет, если не дольше, и поэтому я рассчитываю на то, что ей не позволят буйствовать как буйно помешанным».

Эти слова стоит запомнить.

Все сказанное происходило до 28 июня 1919 г. – пятой годовщины убийства эрцгерцога Франца Фердинанда – и подписания Версальского договора в Зеркальном зале Версальского дворца. В этот день весь мир узнал, как распорядились западные державы Германией.

Во всяком случае французская программа максимум обеспечения своей безопасности от значительно более сильного соседа выполнена не была, были приняты только полумеры. С этой точки зрения старый маршал (Фошу было в 1919 г. 68 лет) был прав, когда заявил, что Версальский договор – «это не мир, а перемирие на двадцать лет».

Но по-своему был прав и полковник Хаус. Проследить путь к войне мы и постараемся.

В чем виноват и в чем неповинен Версальский договор

Книжное издание Версальского договора 1919 г. насчитывает 242 страницы (включая речи при подписании и выступление Клемансо в Палате депутатов после подписания договора). Сам договор состоит из 435 статей, причем ко многим присовокуплены приложения, разбитые на множество параграфов.

Чего только не содержит этот договор! Начинается он с Пакта Лиги Наций. Затем детально определяются новые границы Германии со старыми и новыми государствами-соседами, приводятся и политические следствия, которые Германия должна признать. Подробно излагается судьба уже бывших немецких колоний и немецких привилегий во внеевропейских странах. Не менее тщательно изложены и ограничения в численности, составе и оснащении немецкой сухопутной армии, морского и воздушного флотов. Авторы озабочены и судьбой военнопленных и воинских захоронений. И это еще не конец.

Театралы утверждают, что если в начале пьесы зритель видит повешенное на стене ружье, оно обязательно должно раньше или позже выстрелить.

Так вот, Версальский договор развесил на стенах новой системы отношений в Европе целый арсенал оружия, от дробовиков до гранатометов. Выстрелило не все, но многое и в разное время.

В нашем «оглавлении» договора мы дошли до седьмой части, названной «Санкции». Начинается она со статьи 227, в которой значится, что союзные и присоединившиеся державы обвиняют Вильгельма II Гогенцоллерна «в грубейшем нарушении международной морали и священного авторитета договоров». Для суда над ним создавался особый трибунал из пяти судей, по одному от США, Великобритании, Франции, Италии и Японии. Державы обращались к правительству Нидерландов с просьбой о выдаче бывшего германского императора и прусского короля.

Но это ружье немедленно дало осечку: правительство Нидерландов отказалось выдать Вильгельма, а позже, в 1926 г., прусский ландтаг даже вернул ему принадлежавшие ему ранее земли, дворцы, ценные бумаги и драгоценности. Столь же тихо и бесславно канули в Лету следующие три статьи, предусматривающие судебное преследование военных преступников более низкого ранга.

Однако вся эта часть была лишь прелюдией к статье 231, открывающей часть «Репарации».

Статья даже получила в литературе собственное название, скажем, по-немецки Kriegschuldartikel, то есть статья о виновности в войне. Вот ее текст: «Союзные и присоединившиеся правительства заявляют и Германия признает, что Германия и ее союзники несут ответственность за все разрушения и потери, понесенные союзными и присоединившимися правительствами и их гражданами в результате войны, к которой их вынудила агрессия Германии и ее союзников».

Немецкие представители, вызванные в Версаль на пленарное заседание, были ошеломлены жесткостью требований победителей. В своем ответе руководитель делегации, в то время министр иностранных дел в кабинете Шейдемана Брокдорф-Ранцау напал прежде всего на этот пункт. «От нас требуют, чтобы мы признали себя единственными виновниками войны: подобное признание было бы в моих устах ложью», — заявил Брокдорф-Ранцау. Он признавал часть вины за Германией, но далеко не всю. Не преминул он, конечно, вспомнить русскую мобилизацию, которая послужила для Германии поводом объявить России войну. Так как ни советское, ни антисоветские правительства не были допущены на мирную конференцию, сбросить на Россию основную вину было весьма выгодно. Однако представитель Германии этим не ограничился. Он подчеркнул также, что хотя немцы и допускали иногда военные преступления, но аналогичные преступления совершали и союзники, напомнил, что перемирие, а, следовательно, и последующий мир, были приняты на основании условий, которые были очерчены в четырнадцати пунктах Вильсона и некоторых его последующих выступлениях, но договор вышел далеко за

их рамки. В целом, выступление Брокдорфа-Ранцау победители посчитали заносчивым, пресса стран-победителей особенно отмечала, что немецкий представитель говорил сидя, а президент Вильсон посчитал его даже «отвратительным».

Тем не менее это выступление стало началом *Kriegschulddebate* – споров о виновности за войну, которые вскоре легли в основу *Dolchstoßlegende* – легенды об «ударе ножом (буквально „кинжалом“) в спину», который привел к поражению Германии.

Эти дебаты и легенды широко использовались гитлеровской пропагандой и связывают прочнее другого Версальский договор с развязыванием Второй мировой войны.

Нет сомнения, что в идеологическом плане Версальский договор не раз и с успехом использовался во внутриполитической борьбе в Германии, но с другой стороны нетрудно заметить, что в некоторые периоды эта проблематика отодвигалась далеко на задний план и вновь выступала на передний план в совершенно других контекстах.

Но вернемся к 1919 году. Выступление Брокдорфа-Ранцау отвечало переживаниям значительной части немцев. Его начальник, Шейдеман, выражался не менее категорично. «Пусть отсохнет рука у того, кто подпишет такой договор!» – восклицал он патетически.

Однако делать-то было нечего. Ноябрьская революция в Германии была ничуть не более способна немедленно создать новую армию, чем Февральская или Октябрьская революции в России, а старая армия развалилась. Опыт Троцкого на переговорах с Германией и Австро-Венгрией в Брест-Литовске уходить, не подписывая явно неравноправного мирного договора, но и боевых действий не возобновляя, себя явно не оправдал. Подписывать пришлось Советской России, не было выхода и у Германии. Уйти пришлось лишь правительству, которое слишком категорично утверждало, что такой договор подписывать нельзя. 20 июня подал в отставку Брокдорф-Ранцау, 21 июня Шейдеман, а 22 июня Национальное собрание большинством 237 голосов против 138 приняло решение договор подписать...

28 июня пышный акт подписания состоялся.

Несмотря на дотошную детальность некоторых статей, касающихся прежде всего вооружений и организации вооруженных сил, натуральных поставок или торгового флота, самые роковые для Германии вопросы – о границах и репарациях – решены не были. Пресловутая статья 231 постулировала ответственность Германии за все разрушения и, следовательно, вознаграждение за убытки. О каких цифрах могла идти речь?

Самые страшные бои происходили на севере Франции. Там было разрушено 220 тысяч домов, а 120 тысяч – значительно повреждено, было разрушено 60 тысяч километров грунтовых дорог и 5 600 километров железнодорожного полотна, очень пострадала развитая сеть водных путей, отступающими немецкими войсками были уничтожены угольные шахты, изрезаны бесконечными окопами, усеяны воронками, засорены металлом два миллиона гектаров

сельскохозяйственных угодий, государственный долг Франции за военные годы возрос с 6,6 миллиардов долларов до 30,5. Это не говоря уже о 1 400 тысячах убитых французах и без малого полумиллионе увечных.

При этом Франция, конечно, была не единственной страной, требовавшей репараций. По степени разрушений на втором месте была Бельгия (если не считать Россию, которая практически выпала из поля зрения парижских миротворцев, к тому же львиная доля разрушений приходилась на территории восстановленных или новообразованных прибалтийских государств и Польши), затем Великобритания, разрушения в которой были невелики, но военные займы огромны, а людские потери значительны.

Так что обсуждение начиналось в прессе и кулуарах с цифр порядка 500 миллиардов золотых марок. К этому времени золотых марок уже в физическом виде почти не оставалось, да и времена золотого стандарта медленно подходили к концу. Во всяком случае на время войны он отменялся повсеместно, а восстанавливался после войны разновременно в разных странах. К тому же часть репараций должна была возмещаться товарами. Это исключало простой пересчет. Чтобы представить себе, о каких суммах реально шла речь, напомним, что за доллар в 1913 г. давали в среднем 4,2 марки, за фунт стерлингов 20 марок, а в пересчете на современную валюту золотая марка будто бы равна почти 5 евро. Пусть будет четыре (все пересчеты валют во времени весьма условны, исходя из оценок покупательной способности, они не могут однозначно учесть изменений в потребительской корзине). Тогда мы получим исходную цифру в 2 биллиона евро. Госбюджет современной Германии на 2009 г. предполагал расходы в сумме 290 миллиардов евро.

Эксперты союзных делегаций понимали, что журналисты и политики уж слишком замахиваются, но прийти к общему решению не смогли. В договоре поэтому было записано только то, что размер репараций определит репарационная комиссия союзников, а Германия должна выплатить ту сумму, которую комиссия установит.

29 января 1921 г. комиссия определила общую сумму репараций в размере 226 млрд. золотых марок, которую Германия должна была выплатить в течение 42 лет. Ежегодные платежи определялись в 2 млрд. золотых марок в 1921 – 1923 гг., в 4 млрд. – 1923 – 1925 гг., а затем возрастали до 6 млрд.

Однако победители несколько подобрили и разрешили немцам представить свои соображения по репарациям на Лондонской конференции в феврале-марте 1921 г.

1 марта началось обсуждение репараций. Министр иностранных дел Германии В. Симонс отказался принять репарационный план союзников и огласил немецкие контрпредложения: общая сумма репараций сводится к 50 млрд., причем 20 млрд. уже будто бы выплачено. Для выполнения оставшихся обязательств Германии требуется еще крупный международный заем. Такие предложения были победителями восприняты как провокация и их отказались даже обсуждать не только Антанта, но даже американцы. После непродолжительных попыток найти приемлемый компромисс конференция окончилась

ничем. Это означало, что Германия встала на путь открытой конфронтации с Антантой. 8 марта союзники провели оккупацию 3-х немецких городов (Дуйсбург, Рурорт, Дюссельдорф).

В конце апреля 1921 г. открылась 2-я Лондонская конференция союзников, в работе которой Германия участия не принимала, но союзники сами снизили общий объем репараций до 132 млрд. золотых марок и потребовали от Германии до 11 мая принять решение конференции. В противном случае они угрожали 12 мая расширить зону военной оккупации в Руре. Правительство Ференбаха подало в отставку.

Новый кабинет возглавил лидер левого крыла партии Центра Йозеф Вирт, сторонник «политики выполнения» Версальского мирного договора, сколь тяжелы бы не были условия. Его соратником в этом деле стал Вальтер Ратенау. Однако многих весьма влиятельных лиц не устраивала нормализация отношений между Германией и Антантой, причем, эти люди были как в Германии, так и во Франции.

В Германии углубления кризиса добивался прежде всего Гуго Стиннес, крупнейший немецкий промышленник, «новый император Германии», уже 15 декабря 1918 г. заключивший соглашение от имени крупных предпринимателей с представителями профсоюзов о введении восьмичасового рабочего дня и создании рабочих комитетов на предприятиях. Стремясь воспрепятствовать развитию революции в Германии и достижению «социального мира» даже ценой немыслимых еще несколько месяцев тому назад уступок рабочему движению, он в то же время всячески стимулировал «политику катастроф» в отношениях с победителями. Крупный конфликт должен был сплотить немцев и направить их ненависть вовне, а заодно и показать западным воротилам, насколько невыгодно лишаться немецких партнеров для их же экономического развития.

Его «союзником» по ту сторону баррикады – союзником в стремлении максимально обострить конфликт, хотя и с прямо противоположными целями, был Раймон Пуанкаре.

В период Парижской мирной конференции Раймон Пуанкаре был еще президентом (с 1913 г.) и волей-неволей должен был уступить первенство в переговорах премьеру Клемансо. Срок его президентских полномочий истек 18 февраля 1920 г. и Пуанкаре сразу активизировался во внешней политике, поначалу как председатель репарационной комиссии французского сената, а с 15 января 1922 г. как премьер. Именно с этого времени многие начали понимать, что позади остались не только времена «уступчивого» Аристида Бриана, но что и политика «Тигра» Клемансо может показаться безобидной в свете действий Пуанкаре, недаром уже давно, еще до начала Великой войны, прозванного «Пуанкаре-война». Тогда воевали еще только на Балканах, но Пуанкаре готовил большую войну, в которой думал взять реванш за Седан 1870 г.

Жесткая политика Пуанкаре, требовавшего точного выполнения всех продиктованных условий мира, была лишь средством для достижения далеко идущих целей. Воспользовавшись задержкой поставок леса и угля в счет ре-

парадий (до сих пор идут споры, было ли отставание действительно существенным или нет), Пуанкаре отдал приказ оккупировать Рурский бассейн, причем, ему удалось привлечь к операции и бельгийскую армию. Это произошло 11 января 1923 г.

А 13 января 1923 г. германский рейхсканцлер В. Куно выступил в парламенте по поводу оккупации Рура французскими и бельгийскими войсками. Канцлер подчеркнул, что войска вошли во всеоружии, как в боевой обстановке, однако в ноте, переданной в германский МИД 10 января французским послом и бельгийским поверенным в делах, значится, что вводится лишь ограниченное количество солдат, которые должны обеспечить нормальную работу французских инженеров, призванных следить за точным исполнением установленных поставок угля и дерева. Заглянем в стенограмму заседания.

«Французское правительство в своей ноте заявляет, — продолжал канцлер, — что в настоящее время оно не думает приступать (*Слушайте! Слушайте!* И возгласы: *В настоящее время!*) к военной операции или оккупации политического характера и использует ограниченный контингент солдат в поддержке работы французских инженеров при немецких промышленных и транспортных службах. Никаких затруднений, никаких изменений в нормальной жизни населения не должно последовать, (*Смех*) оно может спокойно и в полном порядке продолжать работать. Французское правительство заявляет, что рассчитывает на добрую волю германского правительства и всех соответствующих органов».

Затем канцлер напомнил о красивых словах, сопровождавших заключение мирного договора, на который и теперь ссылается французское правительство, словах о прочном, справедливом и долговечном мире. О великой программе умиротворения, равноправия и самоопределения наций, из которого этот мир должен был исходить. Но вот...

«Против насилия по отношению к безоружному народу германское правительство заявляет перед всем миром страстный протест (*бурное Bravo*).

Мы не можем оказать сопротивление этому насилию. Но мы не желаем примириться с нарушением мира и тем паче не намерены способствовать осуществлению французских замыслов (*вновь бурное одобрение*).

Мы отвергаем эти несправедливые требования. Ответственность за порожденные следствия падает целиком на правительства, которые ввели войска.

Дамы и господа! Сначала мы стояли одиноко. Экономические переговоры о репарациях, к которым мы были готовы и при восстановлении права готовы и впредь, не обещают успеха без существенных сдвигов у наших главных кредиторов (*Верно! Верно!*), ибо французская акция, которой мы противостоим сегодня, по существу совсем не о репарациях (*бурное выражение одобрения*).

Дело в старой цели, присущей французской политике свыше 400 лет (*вновь возгласы одобрения: Очень верно!*), той неизменной установке, явно обнаруженной в меморандуме господина Дариака также и в наши дни. (*Повторное живейшее одобрение*).

Это – политика, которая наиболее успешно проводилась Людовиком XIV и Наполеоном I, но не менее явно была и политикой прочих французских властителей вплоть до настоящего времени (*вновь одобрение*); та политика, цель которой осенью 1914 года по свидетельству Извольского была установлена между ним и Делькассе, как уничтожение Германской империи, та политика, во имя которой в феврале 1917 года было заявлено, „что ныне входящие в состав Германской Империи области левобережья Рейна должны быть полностью оторваны от Германии и освобождены от любой политической или экономической зависимости от нее“).

Пуанкаре бросил вызов, рейхсканцлер его принял. «Политика выполнения» стала неактуальной, но и целостность уже урезанной Германии оказалась под вопросом. Вся, только еще складывающаяся, «Версальская система» была поколеблена в своих основах.

Чтобы понять происходящее, необходимо посмотреть еще раз на события 1919–1922 гг., но несколько с другой перспективы.

Другая война в тени «Великой»

Придется вернуться еще дальше, к 1917 году. В его начале произошла «Великая Бескровная» Февральская (она же Мартовская) революция. Союзники ее бурно приветствовали. Только теперь они освободились от обвинений, что стакнулись с «самодержавной» Россией, только теперь они могли без утрызений совести заявить, что ведут войну за демократию, за самоопределение наций (колонии не в счет, да и с Ирландией нельзя было спешить)...

Еще большее значение имела Февральская революция для США. В аналитической записке 1945 г. с обзором российско-американских отношений М.М. Литвинов констатировал, что затянувшийся американский нейтралитет был «связан с неудобством быть на одной стороне с Россией», потому что «участие в войне на стороне самодержавной России вряд ли было бы очень популярно в США». Конечно, помогали прийти к этому решению и сами немцы, объявлением тотальной подводной войны (31 января 1917 г.), после чего президент Вильсон прервал дипломатические отношения с Германией. 28 февраля – новый удар по сторонникам нейтралитета: опубликовано перехваченное письмо германского статс-секретаря иностранных дел послу в Мексике с инструкцией подвигнуть мексиканского президента на нападение на США в случае, что они объявят войну Германии, за что обещать Мексике после победы Техас, Аризону и Нью Мексико и т. п. Взрыв негодования в американском обществе был оглушительным. Тут, казалось бы, и объявить войну зарвавшемуся кайзеру, но нет. Вильсон объявил конгрессу о необходимости объявить войну Германии только 2 апреля, и конгресс действительно объявил войну Германии 6 апреля. Между 28 февраля и 6 апреля произошло только одно сверхважное событие – Мартовская революция в России.

Как объяснил госсекретарь США Р.Лансинг, «это сняло единственное возражение против утверждения, что европейская война является войной демократии против абсолютизма и что единственная надежда на прочный мир

между всеми нациями зависит от установления демократических институтов во всем мире».

Вот теперь приверженцы нейтралитета действительно замолкли окончательно.

Временное правительство первыми признали США – 22 марта. Франция, Великобритания и Италия это сделали двумя днями позже.

Приветствуя революцию на словах, Антанта сильно сомневалась в ее способности обеспечить продолжение войны. Лидеры Антанты приходили к выводу, что в условиях революционного хаоса «Россию нужно в ближайшем будущем снять со счетов и не рассчитывать на активное ее участие в военных действиях [...] она стремилась только к тому, чтобы Россия по-позже вышла из войны (чего бы это самой России не стоило)» (академик Е. В. Тарле).

Нет необходимости углубляться в дипломатические перипетии военных лет, так что сошлюсь лишь на доклад профессора А. В. Смолкина. Он констатирует, что «Временное правительство стало добиваться того, чтобы союзники признали все обязательства, которые они давали России в 1915 и 1916 годах. Глава МИД Милюков потребовал от союзников, прежде всего, письменных подтверждений тех обязательств. В середине марта 1917 года такие подтверждения были получены, однако дальнейшее развитие событий показало, что союзники вовсе не намерены считаться с Россией».

В результате апрельской встречи в Вашингтоне представителей Англии, Франции и США была выработана формула об интернационализации Проливов. Самостоятельная Польша виделась теперь союзникам в качестве барьера на пути России в Европу. А Бессарабия должна была отойти к Румынии. Причем русских об этом даже не поставили в известность. И только из выступления президента Вильсона о целях войны они узнали, что Проливы должны быть интернационализированы.

Это крайне неприятно поразило русскую дипломатию и Временное правительство. Вместе с тем новый министр иностранных дел Терещенко, который пришел на смену Милюкову, считал, что в сложившихся условиях вряд ли удастся сохранить намеченные территориальные приобретения. Поэтому он предлагал, совместно с союзниками, пересмотреть обязательства, которые давались ранее. Однако те затягивали с решением этого вопроса.

Все последующие действия союзников на конференции 12–13 июля 1917 г. в Париже и 25–26 июля в Лондоне показали, что с Россией считаться никто не намерен».

Этот затянувшийся экскурс в предысторию мира важен для понимания последующего: Антанту, по существу, мало интересовало, какой режим будет в России, ей нужно было, чтобы Россия отвлекала на себя как можно больше немецких войск. За это она готова была платить «плохой» (абсолютистской по Лансингу) России обещаниями Проливов, вхождения Польши в Российскую империю (на автономных началах) и т. п., но у «хорошей», но ослабевшей России все эти «бонусы» были отняты без зазрения совести.

Поэтому и приход к власти большевиков не означал разрыва с новым правительством.

Действуя по утилитарному принципу «с паршивой овцы хоть шерсти клок», разные представители Антанты, к тому же зачастую лишённые однозначных инструкций из центра или от непосредственных начальников, вели разговоры и с большевиками, и с представителями различных антибольшевистских сил с единственной целью – сохранить хоть видимость русско-германского фронта.

В этом принимали участие самые разные люди с разнообразными полномочиями и даже без них, скажем, глава американской миссии Красного Креста Реймонд Робинс, личный друг и неофициальный представитель Ллойд Джорджа Брюс Локкарт или сотрудник А. Тома, капитан французской службы, прибывший с целью убеждать русских воевать до конца Жак Садуль. Он был вскоре приговорен к смертной казни за дезертирство во Франции, так как стал коммунистом, связался с французскими частями в Одессе и способствовал их разложению. Впрочем, через несколько лет приговор был отменен. «Высшую меру» заслужил и Локкарт, на этот раз в Москве, будто бы за участие в покушении на Ленина. Однако и он не лишился жизни, а был обменян на М.М. Литвинова (с рекомендательным письмом от которого Локкарт прибыл в советскую столицу), которого тем временем арестовали в Лондоне.

Это можно считать крайними случаями, но они хорошо характеризуют ту зыбкую почву, на которой шли переговоры.

С советской стороны положение было не проще. Переговоры о Брест-Литовском мире разделили большевиков по многим вопросам, не говоря уже об их немногочисленных союзниках среди эсеров.

Только заключение Брест-Литовского мира заставило коренным образом пересмотреть отношение к разным силам в России.

Но и в этот момент странам «сердечного согласия» (Антанты), Англии и Франции, добиться согласованности в действиях удавалось с трудом и то ненадолго.

Франция переживала, по удачному выражению О.В. Будницкого, «настоящий пароксизм русофобии». 14 июля 1918 г. последний премьер Временного правительства А. Ф. Керенский добрался до Парижа и был принят Клемансо, но последний с ним обошелся крайне жестко, заявив, что «Россия – нейтральная страна, заключившая мир с нашими врагами. Друзья наших врагов являются нашими врагами». После чего, как сообщает Керенский в своих мемуарах, ему не оставалось ничего другого, как поклониться и гордо удалиться.

Этой установки Клемансо придерживался достаточно последовательно. Непосредственно она проявилась, например, в том, что Франция настаивала на переброске Чехословацкого корпуса из России на французский фронт, а русские пусть режут друг друга как хотят, тогда как британцы уже к лету 1918 г. решили, что полезнее использовать этот корпус для борьбы с большевиками в России. Англичане добились своего, и корпус остался в России.

Короче: к моменту перемирия и открытия мирной конференции в Париже Антанта не смогла решить, нужно ли уходить из России или поддерживать какую-нибудь из борющихся сторон, а если да, то какую. А тут еще из своего американского далека прибыл президент Вильсон, «теологический или пресбитерианский темперамент» которого толкал его не раз на непредсказуемые действия.

И тем не менее прибывший в Лондон председатель Совета министров Российской империи в 1911–1914 гг. (правда, только до января) граф В.Н. Кокцов узнал от своего старого друга, одного из архитекторов тройственной (включая Россию) Антанты Поля Камбона, что будет. Семидесятипятiletний дипломат, недавно справивший 20-летний юбилей служения французским послом в Великобритании, к 12 декабря 1918 г. прекрасно знал не только всю подноготную подготовки мирной конференции, но и основных актеров будущего действия, а его богатейший опыт преодоления противоречий между несколько неожиданными членами «сердечного согласия» позволял ему видеть и перспективы.

Вот как Кокцов излагает сообщенное ему послом: «Никакой интервенции Вы не добьетесь, и ее не будет. У нас во Франции нет никакой политики по отношению к России, мы страшно устали и обескровели, мы не способны на новое усилие после того, как победа досталась нам после четырех лет напряжения — даже если от нас потребуется не пролития крови, а одно напряжение воли. Мы считаем, что теперь все кончено и хотим, как можно скорее залечить наши страшные раны. Подумайте только о них, и Вам станет ясно, что мы хотим одного — скорее начать нормальную и спокойную жизнь. Всякий, кто станет говорить о новом усилии в России, хотя бы и без затраты наших средств и нашей крови, — встретит самое решительное противодействие [...] К тому же одни мы и не можем действовать, а здесь в Англии, а того еще больше в Америке, положительно никто не желает вмешиваться в русские дела и их не понимают в данную минуту. Англичане в руках «рабочей партии», и самый успех Ллойда Джорджа на выборах был просто результатом сделки: он обещал рабочим, что Англия в Россию не пойдет, а рабочим здесь все-таки представляется, что большевики это — социалисты, друзья и защитники бедного пролетариата, а вы все, говорящие за вмешательство, защищаете ваше привилегированное положение [...] В Америке еще хуже: американцы, в настоящую минуту не способны ни на какое продуманное политическое понимание. Они поняли идею германского милитаризма потому, что их жены и дети погибли на Луизитании. Император Вильгельм морскою политикою фон Тирпица заставил их нарушить их замкнутую жизнь. Они понимают мечтания Вильсона потому, что он говорит их чувству и обещает им внести мир во всю вселенную одними добрыми намерениями, если только кошмар воинствующей и жадной Германии будет раздавлен. Этому они верят, а тому, что Вы говорите про Россию и большевиков, они не верят, потому что не хотят верить в опасность их влияния; им это неудобно и гораздо выгоднее твердить, что большевики просто демократы, социалисты, с которыми нужно бороться на

митингах, голосованием, прессою, а не оружием [...] Представьте, наконец, себе, какая предстоит теперь ближайшая задача в деле выработки окончательных условий мирного договора. [...] А за столом мирной конференции начнется такая борьба страстей, политических разногласий, закулисных интриг и проч., что я могу только пожалеть тех из представителей Франции, которые понимают нужды своей страны, сознают понесенные жертвы и ясно видят, что нужно сделать для того, чтобы устранить в будущем то, что сделано в 1914 году, и все они — встретятся с толпою других представителей, которым справедливые требования Франции стоят далеко не то, сколько стоят их собственные желания и даже увы, — их политические мечтания...»

Как в воду глядел маститый дипломат.

Сербо-черногорские переговоры накануне первой мировой войны и Россия: проблемы и уроки

Abstract:

Iskandarov P.A. *Serbo-montenegrin negotiations on the eve of the First world war and Russia: problems and lessons learned*

This article analyzes the development of relations between Serbia and Montenegro on the eve of World War I and Russia's role in the process. Particular attention is paid to the contradictory relations of the ruling dynasties, as well as it is paid to the interests in these and wider matters of Balkan affairs by the great powers. Interest of wide segments of Serbian and Montenegrin populations in the deepening of integration processes is shown, as it continually came up against the selfish interests of the ruling circles and the world's leading players.

Ключевые слова: Сербия, Черногория, Россия, Австро-Венгрия, Албания, Балканы, международные отношения, монархизм.

Нынешнее непростое и противоречивое развитие отношений между ставшими вновь независимыми Сербией и Черногорией заставляет с еще большим вниманием отнестись к историческим корням данной проблемы. Речь, в частности, идет о политических взаимоотношениях Белграда и Цетинье накануне Первой мировой войны – в последние месяцы тогдашнего существования независимого сербского и черногорского государств – и о роли в указанных процессах России.

Сербо-черногорские консультации об установлении более тесных экономических, культурных, военных и иных отношений, начавшиеся после подписания в ноябре 1913 г. протокола о территориальном разграничении по итогам Балканских войн 1912–1913 г., проходили в весьма непростых условиях. Показателем достаточно напряженных взаимоотношений правящих кругов Сербии и Черногории послужило крайне отрицательное отношение главы сербского кабинета Николы Пашича к высказанному черногорским королем Николой намерению назначить своих полномочных представителей в ряде европейских столиц, в том числе Белграде и Санкт-Петербурге в силу того, что глава сербского кабинета опасался распространения черногорским руководством по дипломатическим каналам каких-либо нежелательных для Сербии оценок и комментариев.¹

Однако помимо существовавших между обоими государствами – и прежде всего, между их правительствами и династиями – разногласий и взаимных претензий, значительное влияние на отношения между ними оказывал внешний фактор в виде переплетения интересов различных великих держав. Особую роль в этом плане играла Австро-Венгрия.

Подход монархии Габсбургов к трактовке сербо-черногорских отношений был изложен новым австро-венгерским послом в России графом Ф.Сапаром фон Сапаром, имевшим отдельную беседу по этому вопросу с министром иностранных дел России С.Д.Сазоновым, содержание которой было сообщено 5 марта 1914 г. российскому посланнику в Белграде. Предварительно оговорившись, что он высказывает свои соображения по данному вопросу, не имея соответствующих указаний правительства, австро-венгерский дипломат подчеркнул, что обнаруживающаяся в Сербии и Черногории склонность к взаимному сближению и, в конечном итоге, слиянию, вызывает серьезное беспокойство с точки зрения как интересов Австро-Венгрии, так и в целом общеевропейского мира. Он указал, что «в случае, если бы слияние это осуществилось, Австро-Венгрия не могла бы остаться спокойной зрительницей событий. Интересы монархии на Адриатическом море не позволяют ей допустить какого-либо нарушения равновесия. Адриатическое море для Австро-Венгрии то же, что Черное море для России».² В самой Австро-Венгрии правительство испытывало серьезное давление со стороны различных общественно-политических сил, обвинявших его в уступчивости по отношению к югославянским государствам в вопросе определения судьбы Ново-Пазарского санджака. Так, лидер Венгерской конституционной партии граф Д.Андраши недвусмысленно заявил, что «Нови-Пазар для Боснии – это то же, что Босфор для Черного моря».³

Характеризуя развитие черногоро-австрийских отношений накануне Первой мировой войны, черногорский исследователь Н.Ракочевич выделяет несколько их аспектов. С одной стороны, среди черногорского населения преобладало сильное недовольство в отношении Австро-Венгрии, которую считали ответственной за потерю Шкодера и его присоединение к Албании. С другой стороны, «несмотря на все несправедливости, которые Австро-Венгрия совершила в отношении Черногории, черногорское правительство было вынуждено искать пути установления по возможности нормальных отношений с Монархией в той мере, в какой это допускали интересы государства и народа».⁴ На отношения двух стран оказывали негативное влияние спорные проблемы и разногласия, касавшиеся, в частности, положения албанских католиков в Черногории, а также вопросов черногоро-австрийской границы, в частности, возникавшие время от времени пограничные инциденты, наиболее значительным из которых стало занятие 8 марта 1914 г. австро-венгерским отрядом пограничной высоты Сенокос (что повлекло за собой человеческие жертвы с черногорской стороны).⁵ Однако следует отметить, что занятие указанного пункта не встретило протеста со стороны черногорского правительства и, по словам российского поверенного в делах в этой стране Н.А.Обнорского, не вызвало ни каких-либо значительных антиавстрийских выступлений, ни опасений новых территориальных захватов со стороны Австро-Венгрии, что, по мнению дипломата, можно было объяснить «сознаваемым черногорцами благоприятным отношением Австрии к их стране, поскольку она проявляет способность к самостоятельному политическому бытию без резко выраженных великосербских тенденций и преждевременного, с точки зрения Австрии,

объединения с Сербией». ⁶ Вышеуказанный пункт был передан Черногории Сербией согласно договору о территориальном разграничении, но в указанном документе отсутствовало прямое упоминание о нем; кроме того, в архивах сербского верховного военного командования отсутствовали какие-либо сведения о том, относилась ли данная высота к той территории, которая была во время войны занята сербскими войсками. ⁷ Тем не менее, король Никола поддерживал негласные контакты с австро-венгерским правительством, о которых не знали ни правительство, ни общественность страны. Сложные и неоднозначные отношения между двумя государствами, делает вывод Ракочевич, явились причиной того, что уже позднее – в середине июля 1914 г. – австро-венгерское правительство предприняло попытку обеспечить нейтралитет Черногории в предстоящей австро-сербской войне, обещая королю Николе содействие в разрешении волновавших его династических, финансовых и территориальных вопросов.

Тем не менее, дипломатические представители Австро-Венгрии в Цетинье – сначала генерал В. Гизль, а с ноября 1913 г. барон Э. Отто – «с сожалением и огорчением констатировали, что настроение народа в пользу объединения с Сербией все более возрастало, что идея объединения имела гораздо больше приверженцев в Черногории – за исключением Риечкого и Цетиньского округов – нежели король Никола». ⁸ Позднее – уже после Первой мировой войны – Гизль следующим образом охарактеризовал ситуацию, сложившуюся в Черногории вокруг сербо-черногорского объединения: «Для нас, австрийцев, соперничество между Сербией и Черногорией значило многое. Однако оно не имело корней в народе, оно было выше – в рядах королевской семьи и ее ближайших приверженцев, там ненависть к династии Карагеоргиевичей была нескрываемой». ⁹

Позиция в отношении сербо-черногорского политического объединения России, в целом сочувственно относившейся к указанной перспективе, определялась двумя основными обстоятельствами. С одной стороны, политическая ситуация в Черногории и, прежде всего, нежелание короля Николы обсуждать какие-либо вопросы, в той или иной мере затрагивающие его верховную власть как монарха суверенного государства, практически сводили на нет любые попытки осуществить политическое объединение двух государств на принципах единой государственной власти – по крайней мере, при его жизни. С другой стороны, позиция, занятая другими европейскими государствами, в первую очередь, наиболее заинтересованными в данном вопросе Австро-Венгрией и Италией, которые, хотя и допускали возможность и даже естественную неизбежность подобного разрешения вопроса в будущем, тем не менее, серьезно опасались последствий указанного слияния, если бы оно произошло в ближайшее время, пока оба государства не успеют принять необходимые меры к защите своих жизненных интересов, обуславливала настоятельную потребность избегать ускорения событий и соблюдать величайшую осторожность в столь деликатном вопросе. ¹⁰ В связи с этим Россия, не желавшая поколебать монархическое устройство Черногории и одновременно пони-

мавшая, что, по словам министра иностранных дел России С.Д.Сазонова, «бороться с народными стремлениями – трудная, если не невозможная задача», придерживалась точки зрения, что «наиболее целесообразным выходом является хотя бы временное поддержание Черногории в качестве самостоятельной политической единицы, под традиционным покровительством России».¹¹ Подобная осторожность главы внешнеполитического ведомства была связана не в последнюю очередь с разногласиями, существовавшими по вопросу сербо-черногорского сближения в рядах российского дипломатического корпуса на Балканах. Так, посланник в Цетинье А.А.Гирс в подготовленной по заданию Певческого моста записке «Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Задачи войны и мира», анализируя сложившуюся в регионе «новую действительность», считал двумя ее главными тенденциями нарастание межгосударственных противоречий и отход балканских монархий от союза с Россией, – в связи с чем выступал против государственного объединения Сербии и Черногории, ибо и «Великая Сербия», и «Великая Черногория» отойдут от России.¹² В противоположность Гирсу, российский посланник в Белграде Н.Г.Гартвиг считал главной задачей России на Балканах содействие созданию сильного и объединенного югославянского государства во главе с Сербией как главной преграды на пути экспансии в регионе Германии и Австро-Венгрии.¹³

Исходным пунктом для начала обсуждения вопросов, связанных с будущими отношениями Сербии и Черногории, явился тот факт, что в результате Балканских войн и последовавшего затем территориального размежевания, речь о котором шла выше, оба государства приобрели общую сухопутную границу, хотя наиболее убежденные сторонники сербо-черногорского объединения считали, что и сама по себе граница как таковая между «двумя сербскими государствами» не была необходимой.¹⁴ С другой стороны, существенную роль играл и экономический фактор, заключавшийся в различном уровне развития обоих государств с точки зрения имевшихся у них территории, населения, природных ресурсов, хозяйственного потенциала, военной мощи и т.д.¹⁵ В связи с этим как в печати, так и в некоторых политических кругах обеих стран высказывалось убеждение, что наиболее естественным и последовательным решением внутренних и внешних проблем государств является их слияние в одну политическую единицу.¹⁶

Между тем, сдержанная позиция российского правительства по вопросу сербо-черногорского сближения была с пониманием – что удивления не вызывает – встречена как королем Николой, так и новоизбранными депутатами черногорской Народной скупщины, о чем свидетельствовали, в частности, тронная речь короля при открытии сессии парламента и ответное послание депутатов в его адрес, в которых указывалось на желание народа «самостоятельно работать по устройению государства, в братском единении с Сербией и под защитой своей вековой покровительницы России».¹⁷

В самой Черногории внутривластическое положение к этому времени заметно обострилось. Среди широких масс населения постепенно ширилось недовольство режимом короля Николы, захватывая также и круги, непосред-

ственно приближенные к монарху. Это проявилось, в частности, в поражении на выборах в Народную Скупшину в январе 1914 г. промонархической правой Народной партии, получившей всего семь депутатских мандатов и вынужденной перейти в оппозицию ко вновь сформированному коалиционному кабинету воеводы Янко Вукотича.¹⁸ Ряд членов черногорского кабинета недвусмысленно возлагали ответственность за переживаемые страной бедствия на Николу, не принимающего необходимых мер для подъема народного благосостояния и развития просвещения, реорганизации государственных структур и административного управления и «своей внешней политикой, противной указаниям России, утратившего благожелательную поддержку исконной покровительницы Черногории».¹⁹ В представленной еще в октябре 1913 г. на рассмотрение Николы программе предыдущего кабинета Вукотича подчеркивалось, что «единство интересов народных устремлений обоих сербских Королевств» требуют проведения Черногорией и Сербией совместных акций, что следовало зафиксировать в «письменном договоре, который должен был бы регулировать взаимоотношения в вопросах: военном, дипломатическом, торговом и вообще экономическом».²⁰ Одним из первых шагов в реализации данной программы стало согласие короля Николы на назначение черногорского посланника в Белграде. Им стал Лазар Миюшкович, прибывший в Сербию в начале ноября 1913 г.²¹

В своих беседах с сербскими российскими представителями Миюшкович весьма критически оценивал ситуацию в собственной стране. По его словам, «черногорцы с большой тревогой взирают на будущее, которое рисуется им в весьма мрачных красках».²² При этом значительное увеличение территории страны также стало выступать в качестве своеобразного негативного фактора, ибо оно требовало значительных бюджетных средств для защиты и управления в присоединенных областях, врезавшихся клином далеко на юго-восток, при невозможности наладить какое-либо хозяйственное освоение данных земель. В первую очередь, это относилось к Печко-Джяковицкой области, которая являлась одним из пунктов разногласий сербской и черногорской делегаций на переговорах о разграничении, вследствие стремления короля Николы добиться присоединения также и Призрена.²³

Все это укрепляло черногорцев в мысли о невозможности собственными силами решить указанные проблемы и вынуждало усиливать давление на своего монарха с целью побудить его пойти на сближение с Сербией, занявшей после Балканских войн ведущее положение в славянском мире. Как обоснованно подчеркивает британский исследователь Кеннет Моррисон, «на подобное объединение было согласно большинство черногорцев», в том числе по причине того, что «военная мощь Черногории была в значительной степени подорвана, и одновременно росла неуверенность относительно того, кто может заслуживать доверие в дипломатических кругах».²⁴

В самой Сербии одним из горячих приверженцев как можно более тесного сближения с Черногорией являлся видный литературный критик радикального направления Йован Скерлич. Выступая 31 октября 1913 г. в Народной

скупшине, он заявил, что перед Сербией и Черногорией стоит главная задача – «объединить свои усилия для совместного отпора империалистическим державам».²⁵ Аналогичной точки зрения придерживались и сербские социал-демократы. Как указывал орган Сербской социал-демократической партии газета «Радничке новине», «народ Сербии и Черногории хочет не разграничения, а объединения».²⁶ ССДП обоснованно возлагала главную вину за отсутствие прогресса в объединительном процессе на монархии обоих государств. По мнению руководства партии, «возможно, нигде монархизм не выступал с большим саморазоблачением, нигде не проявил себя с более вредоносной стороны, нежели в настоящем вопросе объединения сербского народа в этих двух сербских странах».²⁷ Однако сербское правительство, как справедливо отмечал российский исследователь академик Ю.А.Писарев, вело «двойную игру: на словах Н.Пашич поддерживал идею объединения двух государств, но на деле не предпринимал для этого конкретных шагов». В Белграде не собирались давать Черногории гарантий сохранения ее независимости в случае воссоединения с Сербией.²⁸ Показательно, что и в декларациях, с которыми монархи двух государств Никола и Петр Карагеоргиевич выступили по случаю присоединения новых территорий, и в парламентском экспозе премьера Пашича говорилось лишь об «осуществленном разграничении между двумя государствами», но отсутствовало упоминание об установлении более тесных отношений в других областях – как указывали многие – «в первую очередь, из-за Австро-Венгрии».²⁹ Как результат – даже самая общая координация двусторонней деятельности в дипломатической и военной сферах представлялась задачей практически непосильной для Белграда и Цетинье.³⁰

Переписка Миошковича свидетельствует о том, что он получал от своих знакомых, принадлежавших к различным слоям черногорского населения и занимавших различное положение в государственных структурах страны, большое количество писем и обращений с призывом проявить собственную инициативу и, не дожидаясь прямых указаний из Цетинье, предпринять необходимые шаги, направленные на сближение двух стран.³¹ Правда, в черногорском обществе продолжала существовать и оппозиция сближению с Сербией. Ее настроения хорошо отразил хорватский исследователь Иво Банац, заметивший, что состояние дел в стране после Балканских войн «оставляло все проходы, ведущие в Черногорию, незащищенными и открытыми для великосербского проникновения».³²

Сформированный по итогам январских парламентских выборов в Черногории новый коалиционный кабинет также оказался настроенным более позитивно в отношении сближения с Сербией, нежели король Никола. В своей тронной речи, произнесенной на первом заседании новоизбранной Скупщины 12 февраля 1914 г., монарх лишь констатировал, что «защита приобретенного и дальнейшие национальные успехи будут зависеть лишь от постоянной совместной работы с братской Сербией».³³ Что же касается нового кабинета Янко Вукотича, то в его программе, представленной депутатам уже на следующий день, говорилось, что правительство будет «заниматься совместной

военной и дипломатической деятельностью с Сербией во всех вопросах, которые в равной мере интересуют оба королевства». Как справедливо указывает Н.Ракочевич, «программа носила сдержанный характер в том, что касалось конкретизации отношений. Между тем, если проанализировать ее в целом, тогда будет ясно прослеживаться стремление правительства к военной, таможенной и дипломатической унии с Сербией». ³⁴ В документе подчеркивалось, что, «имея с братской Сербией одни те же задачи, цели и военный материал, мы через наше военное обучение и организацию будем идти с вместе с ней к единообразию». ³⁵ А задачи в таможенной области были сведены к следующему положению: «Таким образом укрепить наши таможенные отношения с братской Сербией посредством специального договора, чтобы обеспечить как можно лучшие и более тесные связи и облегчить двусторонний товарообмен». ³⁶

Наконец, Л.Миошкович получил и официальное поручение черногорского правительства – подробно изложить позицию сербской стороны по вопросу возможного секретного сербо-черногорского соглашения, а также высказать свои собственные соображения по этому поводу. В ответ он, зная о переменчивых настроениях короля Николы, воздержался от обнародования собственной точки зрения, но в весьма подробном донесении обстоятельно изложил содержание своих многочисленных бесед с сербскими политическими деятелями различной политической ориентации. Все они выражали сочувствие установлению более тесных отношений между Сербией и Черногорией. Представители Белграда одновременно подчеркивали безусловную необходимость сохранения правящих династий и полной политической независимости обоих государств, что, по их мнению, вовсе не являлось препятствием для объединения торгово-экономической, финансовой и иной деятельности двух стран. ³⁷

Донесение Миошковича произвело благоприятное впечатление на черногорского монарха и, в частности, до некоторой степени рассеяло его опасения относительно наличия у сербских властей тайных замыслов «добиться объединения сербского племени под скипетром Карагеоргиевичей». ³⁸

Исходя из этого, а также принимая во внимание тяжелое социально-экономическое положение в стране, Никола решил выступить инициатором сербо-черногорского сближения и 15 марта 1914 г. направил сербскому королю собственноручное письмо. В нем он отметил знаменательные для обоих государств итоги Балканских войн, подчеркнул историческое значение окончательного освобождения их населения от турецкого господства и указал на необходимость немедленно приступить к созданию прочной основы для дальнейшего сотрудничества двух стран. Это, по словам черногорского короля, представлялось особенно необходимым, принимая во внимание преклонный возраст правителей и настоятельную потребность подготовить для их наследников и народов «вполне надежную почву для будущего их существования, богатства, благоденствия» и «обеспечить сохранение наследства», тем самым облегчив им впоследствии «осуществление неразрешенных еще национальных заветов». ³⁹

Далее в письме подчеркивалась безотлагательная необходимость достижения соглашения о взаимном признании независимости и равноправия династий, с точным определением обязательств сторон в военной, дипломатической и финансовой областях. В результате этих мер, продолжал Никола, «мы оставим нашим сыновьям единодушное сербство, земли, богатые плодородными полями, орошенные реками, украшенные лесами, изобилующие рудниками, омываемые синим морем, нашим свободным сербским морем. На всем пространстве, занятом сербским народом, самом красивом крае в мире, будут процветать сотни тысяч сербских молодцев, которые своей культурной деятельностью все полученное сохранят, украсят и обогатят.

Не только народы Сербии и Черногории, но и неосвобожденные братья-сербы обрадуются этому соглашению, равно как и все южное славянство, надежда коего на грядущее объединение будет укреплять его духовные силы.

Наша вековая покровительница Россия даст нашему соглашению свое материнское благословение.

Укрепленные, мы будем в состоянии еще лучше доказать ей нашу признательность, нашу верность и любовь за все то, что она веками для нас делала; наконец, дождалась она нашего освобождения и видит нас способными к самостоятельному существованию и готовыми служить ей как самые благодарные, самые лояльные и самые верные союзники». ⁴⁰

Что касается конкретной организации переговоров, то для этого, по мнению автора письма, необходимо командирование с каждой стороны по одному или по два представителя для выработки, на вышеуказанных основаниях, совместного плана будущей согласованной деятельности обоих государств. ⁴¹

По сведениям российского поверенного в делах в Черногории Н.А.Обнорского, данное письмо было отправлено черногорским королем после долгих колебаний, и факт его появления был вызван желанием Николы обеспечить интересы своей династии «в случае тесного сближения обоих сербских племен, логическая неизбежность которого становится все более и более очевидной не только в глазах самих сербских народов, но и по мнению руководителей политики окружающих государств, столь разнообразно заинтересованных в судьбах народов сербского корня». ⁴²

После получения в Белграде данного письма, Пашич тотчас же посетил, вместе с черногорским посланником в Сербии, российскую миссию и, принимая во внимание опасность ведения подобных переговоров без ведома России, ознакомил Гартвига с содержанием королевского письма и в его присутствии проинформировал Миюшковича о том, в каких именно пределах, по мнению сербского правительства, могло бы состояться указанное двустороннее соглашение. ⁴³ Он полагал это особенно необходимым вследствие того, что в письме «заключается гораздо более братских излиятий и поэтических красот, нежели реальных предложений». ⁴⁴ Прежде всего, Пашич признал справедливость и обоснованность поставленного черногорским королем исходного условия для ведения переговоров – сохранение сторонами государственной и династической независимости. По его словам, «в Сербии, при нынешних политиче-

ских условиях, не помышляют о слиянии с Черногорией и принимают предложение ее господаря, как давно жданный шаг к сердечному примирению и сближению обоих государств на чисто культурной почве», соглашаясь с мнением представителя России, что именно в этом заключается залог отсутствия преждевременных опасений со стороны других государств и наиболее реальный путь к «укреплению свободы и независимости славянских государств, столь важному для поддержания политического равновесия и порядка на Балканах». ⁴⁵ По свидетельству Обнорского, изучение всей политической обстановки в Черногории позволяет ему сделать вывод, что «едва ли не единственным практическим и не грозящим осложнениями разрешением задачи являлось бы мирное сотрудничество обоих государств при постоянном содействии и могущественной поддержке со стороны России и при условии сохранения обоими народами своей политической индивидуальности и независимости, впредь до того момента, когда естественное слияние двух братских народов, имеющих ныне смежные границы, могло бы совершиться без потрясений и конфликтов с соседями, столь заинтересованными в их разъединении». ⁴⁶

Что же касается остальных затронутых в письме вопросов, то Пашич указал на желательность в данный момент не акцентировать внимание на заботах о «неосвобожденных еще сербских братьях и целом югославянстве», а направить все усилия на разработку конкретных положений, которые могли бы обеспечить прямые торговые и иные сношения двух государств путем отмены паспортной системы, введения унифицированной денежной системы, установления общего типа административных и судебных учреждений, совместного усовершенствования путей сообщения, а также улучшения почтовой, телеграфной и таможенной служб. ⁴⁷ Среди предложенных главой сербского кабинета мер в военной области, следует отметить образование единых командных кадров с целью совместной защиты владений и облегчение непосредственных контактов двух армий. В дипломатической области предусматривалось достижение полной согласованности внешней политики обоих государств как между собой, так и по отношению к внешнеполитическому курсу России. ⁴⁸ Миошковиц в целом поддержал вышеприведенные предложения Пашича и пообещал довести их до сведения своего правительства. Тем временем, на заседании совета министров Сербии был выработан согласованный проект ответного письма черногорскому монарху, которое, за подписью короля Петра, было отправлено по назначению. ⁴⁹

В этом письме, датированном 2 апреля 1914 г. и составленном в более умеренных и осторожных выражениях, король Петр с радостью отметил общность взглядов обоих монархов на историческое значение военных успехов Сербии и Черногории и необходимость установления возможно более тесных связей между двумя государствами. ⁵⁰ «Возлагая надежды на Бога, что он поможет сербам осуществить задачи, подобные тем, которые счастливо завершили немцы в Германской империи, — продолжал сербский король, — я прошу Ваше Величество принять к сведению, что готов назначить своего делегата для совместного обсуждения с доверенным Вашего Величества лицом всех

вопросов о нашем соглашении».⁵¹ Наряду с этим, в письме подчеркивалась необходимость избежать преждевременной широкой огласки переговоров, в связи с чем сербская сторона считала бы желательным ограничить круг лиц, причастных к их ведению, и доверить данную миссию лишь двум делегатам – по одному с каждой стороны; одновременно общее руководство по ведению переговоров король Петр возложил на председателя совета министров Сербии Пашича. В заключение в послании выражалась надежда на то, что совместная деятельность обоих государств в указанных областях будет способствовать их дальнейшему поступательному развитию и, кроме того, «встретит сочувствие великой славянской России», которая всегда предоставляла Сербии и Черногории «доказательства своей драгоценной благосклонности».⁵²

В конце апреля 1914 г. черногорский дипломатический представитель в Сербии Л.Миошкович был вызван в Цетинье, где в течение двух недель проводил интенсивные консультации с черногорскими официальными лицами, а также самим королем Николой, от которого он должен был получить особые полномочия для выработки совместного сербо-черногорского соглашения.⁵³ Основные положения данного документа, сообщенные Пашичем черногорскому дипломату перед его отъездом в Черногорию, включали в себя сохранение «обоих династий и политической индивидуальности каждой из договаривающихся сторон», объединение армий с сохранением верховного командования в руках обоих монархов над частями, расквартированными в пределах каждого королевства, учреждение одного общего генерального штаба, который должен взять на себя выработку всех основных мероприятий в плане военной реорганизации, осуществление согласованной внешней политики, которая должна обеспечивать защиту неприкосновенности территории и населения двух стран, с установлением общих для обоих государств заграничных представительств; организацию общего типа судебных и административных учреждений, а также объединение финансовой системы и таможенных, почтовых и телеграфных служб.⁵⁴ При этом обе делегации подчеркнули необходимость сохранения в тайне конкретного содержания переговоров и соблюдения величайшей осторожности при разработке программы совместных мероприятий, чтобы не давать повод для вмешательства других государств, в первую очередь Австро-Венгрии.⁵⁵

Перед своим возвращением в Белград Миошкович посетил российскую миссию в Цетинье и ознакомил российского посланника А.А.Гирса с ходом и перспективами переговоров, высказав со своей стороны серьезные сомнения в их скором и успешном завершении. По его словам, «если все черногорцы, как один человек, проникнуты необходимостью такого соглашения с сербами и видят в нем единственный выход из того отчаянного положения, в котором они очутились после двух войн, то нельзя того же сказать о короле Николе, помыслы которого по-прежнему направлены в сторону более резкого обособления от Сербии».⁵⁶

По мнению Миошковича, Никола и после получения ответного письма от сербского монарха не освободился полностью от недоверия как к своему за-

тью, так и к Пашичу, и в связи с этим планирует замедлить ход переговоров путем предъявления различных требований и претензий сербской стороне. Одновременно, в ходе консультаций с черногорским делегатом по вопросу о наделении его полномочиями, Никола дал понять, что ожидаемое восстановление финансовой и военной помощи Черногории со стороны России, а также ее дипломатическая поддержка позволяют Черногории занять более независимую и неуступчивую позицию по отношению к Сербии и противостоять «натиску унионистов» по обе стороны сербо-черногорской границы.⁵⁷ В целом, черногорский король достаточно холодно принял своего представителя и практически отказался от детального обсуждения основных положений сделанного Миюшковичем доклада о ходе переговоров и предоставлении ему каких-либо дополнительных полномочий.⁵⁸ Объяснения Николы с Миюшковичем носили подчас бурный характер и, покидая Цетинье, последний заявил с горячностью, на правах человека, близкого к королю и его дому: «Помните, государь, что единственное спасение для вас и для вашей династии лежит в борьбе на Сербию».⁵⁹

По мнению черногорского представителя, в основе разногласий короля Николы и его подданных по поводу заключения сербо-черногорского соглашения лежал вопрос о том, что именно является «верхнейшим залогом преуспевания Черногории», при существовавшей одновременно опасности того, что король станет искать поддержку для своей позиции в «заинтересованных третьих лицах, кем бы они ни оказались» – намек на австрийцев более чем прозрачен.⁶⁰

В этих условиях обе делегации приняли решение включить в вырабатываемое соглашение лишь те условия и взаимные обязательства, против которых черногорский монарх не имел бы ни повода, ни основания возражать, в надежде, что он в конце концов проникнется важностью заключения указанного соглашения и, в более широком плане, окончательно поймет жизненную необходимость объединения различных сфер государственной жизни двух стран, без которого «Черногория не может и помышлять о каком-либо экономическом или политическом укреплении, а в частности закреплении за собой доставшихся ей в удел новых земель».⁶¹ По свидетельству Н.Г.Гартвига, предусматривалось: сохранение обеих династий, и независимости объединенной армии, сохранение за монархами командования на войсками, находящимися на территории их государства, создание общего Генерального штаба, координация внешней политики и открытие совместных дипломатических представительств в других государствах, синхронизация судебных и административных институтов, а также обеспечение финансовой, таможенной, почтовой и телефонной унии.⁶² Однако «на высшем уровне» дело с места не двигалось: «король Никола боялся как преобладания Сербии, так и движения за объединение с Сербией в самой Черногории, и не спешил с решением по завершению переговоров о соглашении».⁶³ Сам черногорский монарх отбыл 11 июня 1914 г. за границу, а без него некому было принять решение о подготовке текста соглашения – руководствуясь лишь обменом письмами между двумя королями и договоренностями Пашича и Миюшковича.⁶⁴

Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда 28 июня 1914 г. и последовавший вслед за ним резкий всплеск антисербских настроений в Австро-Венгрии окончательно сорвали сербо-черногорские переговоры. 7 июля министерство иностранных дел России направило секретную телеграмму своему дипломатическому представителю в Белграде, в которой содержалось указание обратиться к сербскому правительству с настоятельным советом «с крайней осторожностью относиться к вопросам, способным еще более усилить его (негативное отношение к Сербии – П.И.) и создать опасное положение», и в связи с этим временно приостановить вышеуказанные переговоры, которые уже обратили на себя внимание австро-венгерского и германского правительств.⁶⁵ Глава сербского кабинета с пониманием отнесся к советам России и заверил Петербург, что он уже отдал распоряжение о приостановке консультаций.⁶⁶ Данный шаг был тем более оправданным в сложившихся обстоятельствах, когда слухи о возможном в ближайшем будущем объединении Сербии и Черногории в одно государство с единой правящей династией дошли уже и до парижских политических и финансовых кругов.⁶⁷

С немалым вниманием за перипетиями развития сербо-черногорских отношений наблюдали и активисты албанского национального движения. Примечательные оценки содержатся, в частности, в документе, составленном уже после Первой мировой войны – 4 апреля 1921 г. – министром образования Албании Реджепом-бей Митровицей и депутатом албанского парламента, главой Народной партии и главным редактором газеты «Популли» профессором Бедри-бей Пейяни. Речь идет о письме, адресованном графу де Салису в Ватикане, а также правительствам западноевропейских государств, в котором авторы протестуют против жесткого режима, установленного правительством Сербии в Косово на основании «Декрета о колонизации новых южных земель». Осуждая «сохраняющуюся систему истребления, установленную сербским режимом, опустошавшим наши исконные земли в 1913, 1914, 1918, 1919 и 1920 гг.», авторы письма обвиняют Белград также в «циничной аннексии бывшего королевства Черногории». Далее в документе, составленном от имени «косовской колонии в Центральной Албании», подчеркивалось, что «по чисто дипломатическим причинам черногорцы территориально расширились в 1878 и 1913 гг. за счет албанцев. Созданное таким образом вышеназванное королевство включало в свой состав чисто албанские районы – Дульциньо, Антивари, Тузи, Хоти, Груда, Пляца, Гусинье, Рожайе, Ипек и Дьякова.

Кому должны быть переданы эти регионы, несправедливо отобранные у их отчества, если сербская аннексия бесповоротно одобрена державами и их союзниками? Какое будущее может ожидать Албанию, если ее границы с Сербией, охваченные беспорядками и мятежами, придвинуты прямо в приходящую Скутари в Албании?...

Может ли быть найдено частичное решение для черногорского вопроса, который с самого начала оказывал разрушительное воздействие на албанский народ и, разумеется, на независимую Албанию? Может ли быть найдено решение, не наносящее ущерба албанцам и тем, кто защищает албанское дело?...⁶⁸

Примечания

- ¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л.415.
- ² Там же. Д.2909. Л.3.
- ³ Самоуправа. 1913. 19. дец.
- ⁴ *Ракочевич Н.* Односи Црне Горе и Аустро-Угарске 1877–1914 // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С.68.
- ⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.533. Л.38; *Ракочевич Н.* Односи Црне Горе и Аустро-Угарске... С.68–69.
- ⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.3374. Л.6.
- ⁷ Там же. Л.7.
- ⁸ *Ракочевич Н.* Политички односи Црне Горе и Србије 1903–1918. Цетиње, 1981. С.199.
- ⁹ Цит.по: *Ракочевич Н.* Политички односи Црне Горе и Србије... С.199.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.2909. Л.3–4. 8.
- ¹¹ Там же. Л.3, 8.
- ¹² *Гирс А.А.* Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Задачи войны и мира. Пг., 1917. С.13–16.
- ¹³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.530. Л.98.
- ¹⁴ *Morrison K.* Montenegro: A Modern History. London – New York, 2009. P.35.
- ¹⁵ Подробнее см.: *Ђуровић М.* Черногорске финансије. Титоград, 1960.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.2909. Л.8.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Глас Черногорца. 1914. 17 јан.; *Шкеровић Н.* Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964. С.592–593.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.532. Л.100.
- ²⁰ *Ракочевич Н.* Политички односи Црне Горе и Србије... С.203–204.
- ²¹ Глас Черногорца. 1913. 7 нов.
- ²² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.532. Л.100.
- ²³ Там же. Л.100–101.
- ²⁴ *Morrison K.* Montenegro... P.35.
- ²⁵ Цит.по: *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С.188.
- ²⁶ Радничке новине. 1913. 20 авг.
- ²⁷ Радничке новине. 1913. 6 септ.
- ²⁸ *Писарев Ю.А.* Великие державы... С.189.
- ²⁹ *Ракочевич Н.* Односи Црне Горе и Србије 1903–1918 // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С.98.
- ³⁰ *Вујевич Д.-Д.* Уједињење Црне Горе и Србије. Титоград, 1962. С.64–65.
- ³¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.532. Л.101–102.
- ³² *Ванас I.* The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics. Ithaca, 1984. P.280.
- ³³ *Ракочевич Н.* Односи Црне Горе и Србије 1903–1918... С.98.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Цит.по: *Ракочевич Н.* Односи Црне Горе и Србије... С.98–99.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.532. С.99.
- ³⁷ Там же. Л.102.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Л.108.
- ⁴⁰ Там же. Л.108–109.
- ⁴¹ Там же. Л.109.
- ⁴² Там же. Д.2909. Л.9.
- ⁴³ В сербской историографии в целом достаточно высоко оценивается посредническая и примирительная роль России во всем комплексе сербо-черногорских переговоров. В частности, по мнению Д.Янковича, именно дипломатические усилия России непосредственно во время кризиса

вокруг Шкодера, а также в последующий период, способствовали сохранению союзнических отношений между двумя государствами в условиях настороженного и недоверчивого отношения к сербскому руководству со стороны короля Николы. С другой стороны, по мнению автора, позитивную роль сыграла сдержанная позиция правительства Сербии и самого Пашича, которые «всегда имели перед глазами так называемое «великое решение» югославянского вопроса, и принимали во внимание тот факт, что его осуществлению возможный разрыв с Черногорией нанес бы, в самом начале, так сказать, на первом шаге, многообразный ущерб, а возможно и решающий удар» // *Јанковић Д. Србија и југословенско питање 1914–1915. године*. Београд, 1973. С. 163.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 532. Л. 103.

⁴⁵ Там же. Д. 2909. Л. 9.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Д. 532. Л. 103–104; Там же. Д. 2912. Л. 16.

⁴⁸ Там же. Д. 532. Л. 104; Там же. Д. 2912. Л. 16.

⁴⁹ Там же. Д. 532. Л. 104.

⁵⁰ Там же. Л. 106.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. Д. 2909. Л. 10.

⁵⁴ Там же. Л. 10, 12.

⁵⁵ Там же. Л. 10.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. Л. 12–13.

⁵⁹ Там же. Л. 13.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. Л. 10.

⁶² *Шкеровић Н. Црна Гора на освитку XX вијека...* С. 601.

⁶³ *Ракочевић Н. Политички односи Црне Горе и Србије...* С. 213.

⁶⁴ Глас Црногорца. 1914. 11 јун.

⁶⁵ Там же. Л. 16.

⁶⁶ Там же. Л. 17.

⁶⁷ *Kölnische Zeitung*. 1914. 28 Jun.

⁶⁸ *Albania and Kosovo: political and ethnic boundaries, 1867–1946. Documents and maps*. Slough, 1999. P. 588–589.

Деятельность великой княгини Милицы Николаевны Романовой по оказанию помощи Черногории в период Балканских войн (1912–1913 гг.).

Abstract:

N.G. Strunina. *Work of the Grand Duchess Milica Nikolaevna Romanova regarding her aid to Montenegro during the Balkan Wars (1912–1913).*

Grand Duchess Milica Nikolaevna, who by the status was a Russian Grand Duchess, was a Montenegrin by origin. Feeling her duty to her country, she went to Montenegro at the beginning of the Balkan wars, where she worked at the hospital to help the wounded during the fightings. She did not only care for the fate of the Montenegrins, many of whom were her relatives on the maternal Vukotic side, but also kept track of the situation at the front, passed it to Russia and reported to the court circles about the coverage of hostilities in the European press.

Ключевые слова: Балканские войны, боевые действия, раненые, Милица Николаевна Романова, Черногория, Россия, Красный Крест, госпиталь, в Цетинье.

Данная статья подготовлена на основе архивных материалов Государственного архива Российской Федерации (это личные фонды великого князя Петра Николаевича Романова № 653 и великой княгини Милицы Николаевны Романовой №669), а также документов из фонда черногорского короля Николы в Архивном отделении Народного музея Черногории (Архивско одјелјење Народног музеја Црне Горе). Большинство этих материалов впервые вводится в научный оборот.

Следует отметить, что вопрос о деятельности великой княгини Милицы Николаевны Романовой в период Балканских войн до сих пор не был предметом научного исследования, хотя ряд историков и журналистов, особенно в последнее десятилетие затрагивали его в своих работах.¹ Отметим, что документы из вышеуказанных фондов помогли, хотя и по крупицам, восстановить картину деятельности великой княгини в период Балканских войн 1912–1913 гг. на благо Черногории. Кроме того, нами использовались и опубликованные источники², а также ряд мемуаров³.

Прежде всего стоит сказать несколько слов о великой княгине. В семье правителя Черногории, князя Николы I Петрович-Негош (1841–1921) и его жены Милены Вукотич (1847–1923), родилось 12 детей, 9 из которых были женского пола.

Милица родилась 14(26) июля 1866 г., она была вторым ребенком в семье, второй дочерью⁴. 23 декабря 1867 г. (4 января 1868 г.) у князя Николая и княгини Милены родилась третья дочка – Анастасия (Стана). Именно эта младшая сестра-погодка стала лучшей подругой Милицы, они всю жизнь были неразлучны, и судьбы обеих были связаны с Россией.

Раннее детство Милица провела на родине с сестрами, в семье родителей, где складывался ее характер и где в большой и дружной семье она получила основные представления о жизни. Отец, Никола Петрович–Негош, будучи хорошо образованным человеком, постарался и своим детям дать отличное образование, однако главное, что он сделал, – сформировал в них чувство собственного достоинства и невероятный патриотизм. Планируя связать будущее своих дочерей с Россией, Никола не оставил их учиться на родине, а отправил в Петербург учиться в Смольном институте (Милице в то время было 10, а Стане – 9 лет).

В России Милица с сестрами столкнулись с суровым петербургским климатом и тяжелыми условиями институтской жизни, о чем можно узнать из воспоминаний бывших «смолянок» А.Н. Энгельгардт и Е. Н. Водовозовой. Институтки недоедали и постоянно страдали от переохлаждения⁵. В таких условиях многие девочки не выдерживали – они заболели и даже умирали. Так, сестра Милицы, княжна Мария, выросшая в жарком черногорском климате, не выдержала тяжелых условий жизни и скончалась в 1885 г. в шестнадцатилетнем возрасте. Это стало большой травмой для Милицы и Станы. Тогда старшей из них, Милице, было 19, а Стане всего 17 лет.

О том, с какими почестями проводили в последний путь черногорскую княжну Марию Николаевну, повествуют интересные материалы, найденные нами в черногорском архиве в Цетинье, в стопке неописанных документов из фонда короля Николы. Это церемониал перевозки тела черногорской княжны из церкви Святого Александра Невского при императорском воспитательном обществе благородных девиц на станцию Николаевской железной дороги⁶. Церемониал был составлен и высочайше утвержден специально по этому случаю.

Отметим, что Милица и ее сестры были отправлены в Россию не в самом раннем возрасте, как это было принято по правилам Смольного института: Милице было уже 10 лет, и она уже сложилась как личность со своим характером, утвердившимися представлениями о жизни, на формирование которых, безусловно, повлияли ее родители, особенно отец. Он воспитал в Милице, как уже отмечалось, патриотизм, а также невероятную тягу к знаниям, которая проявилась во время обучения, несмотря на его тяжелые условия.

После окончания учебы сестры вышли замуж в один и тот же год – в 1889 г. состоялись свадьбы Милицы Николаевны Петрович–Негош (1866–1951) и Петра Николаевича Романова (1864–1931) и Анастасии Николаевны Петрович–Негош (1868–1935) и Георгия (Юрия) Романовского (1852–1912), 6-го герцога Лейхтенбергского, третьего сына великой княжны Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского. При объявлении о бракосочетаниях Александром III был произнесен знаменитый тост в честь черногорского князя Николы и было объявлено о помолвке Милицы и Петра. Этот знаменитый тост «за единственного друга России черногорского князя Николая» и последовавшие свадьбы черногорских княжон с двоюродными братьями русского императора вызвали волну «одушевленных возгласов и великих надежд», как

пишет югославский исследователь Н. Шкеревич, не только со стороны черногорских вожakov, народа, черногорской прессы и придворных поэтов, но и вообще всего общественного мнения сербов, хорватов и словенцев⁷.

Георгию (Юрию) Романовскому тогда было 38 лет, и он был вдовцом, это был его второй брак. Первым браком герцог был женат на герцогине Терезии Ольденбургской. Овдовев, герцог стал вести легкомысленный образ жизни. Однако указание императора Александра III о том, что Георгий должен немедленно жениться на молодой черногорской княжне, герцог исполнил беспрекословно, хотя было очевидно, что этот брак не был вызван обоюдными нежными чувствами, а заключался по договоренности, был политическим шагом. Анастасия Николаевна относилась к супругу с уважением, продиктованным чувством долга, а полученное воспитание заставляло ее ценить брак и семью. А вот герцог на вопрос, любил ли он свою жену, открыто отвечал: «Ни одного дня»⁸! Хотя брак Анастасии Николаевны и Георгия Лейхтенбергского был несчастлив, в нем родилось двое детей: Сергей (1890–1974) и Елена (1892–1976).

Брак Милицы и великого князя Петра Николаевича был более удачным.

Отметим, что сам факт этих браков говорил о многом. До этого момента дом Романовых не брал невест из славянских стран, но для правящего дома Петрович–Негош было сделано исключение. Причем, женихи были выбраны не простые, а двоюродные братья императора. Эти браки, и в первую очередь брак Петра и Милицы, открыли для династии Петрович–Негош большие возможности. Подчеркнем, что после признания таким образом равнородности черногорской династии и другие европейские дома не погнушались заключить брачные союзы с представителями династии Петрович–Негош.

Итак, эти браки нарушили существовавшую не один век традицию принятия в семью Романовых немецких принцесс, которым приходилось переходить в православие и учить русский язык. При этом они полностью ассимилировались и становились «русскими до мозга костей». Милице этого делать не пришлось, она уже от рождения была православной, русским языком владела, как родным, на таком же уровне владела и французским (кстати, практически все свои письма своей сестре Стане Милица писала именно на французском языке, как это было принято по правилам придворного этикета).⁹

В браке Милицы и Петра родилось трое детей: Марина (1892–1981), Роман (1896–1978) и Надежда (1898–1988). Четвертый ребенок, сестра-близнец Надежды, Софья, умерла вскоре после рождения.

Освоившись при Дворе, черногорские принцессы, по сведениям очевидцев, были довольно активны – часто пытались давать царю советы, «постоянно выдвигали политические предложения», их собственные дворы часто служили местом горячих политических споров¹⁰.

В мемуарах С. Ю. Витте, министра финансов России (1892–1903), который рассказывает о частых к нему визитах черногорских принцесс по денежным вопросам, интересно замечание о том, что черногорки «были преданные дочери и постоянно хлопотали о всяких денежных субсидиях своему княже-

скому родителю». ¹¹ Милица и Стана обращались не только к Витте, но и к Ковцову ¹², и к Гирсу ¹³, о чем мы узнаём из их переписки ¹⁴.

Основываясь на письмах периода Балканских войн и начала Первой мировой войны, можно согласиться с черногорским историком Р. Распоповичем в том, что Милица являлась неофициальным дипломатическим представителем Черногории в России ¹⁵. Она пыталась вести политическую линию своего отца. Эта «черногорка № 1» ¹⁶ писала трогательные и милые письма своему другу, императору Николаю II, щедро снабжая их политическими идеями о будущем Черногории. Она постоянно упоминала о «вопросах важных[,] в глазах своего отца», о «поручении отца», «желании отца» ¹⁷, таким образом показывая, с одной стороны, что она здесь как бы ни при чем, но лишь является проводником и представителем интересов Николы. С другой стороны, великая княгиня отмечала, что ее мнение совершенно совпадает с мнением ее отца ¹⁸, следовательно, она решала вопросы, важные для нее самой.

Ко всему прочему, Милица лично принимала участие в планируемом разграничении Черногории по итогам Первой мировой войны. Ввиду того, что Черногория не имела своего официального дипломатического представителя в России, его функции великая княгиня в это время взяла на себя. Так, в своем письме от 5 апреля 1915 г. на имя императора Милица указывала те границы, в которых, по ее мнению и мнению черногорского короля, должна находиться Черногория. Тем самым буквально создавалась Великая Черногория – заветная мечта черногорского короля. ¹⁹

Итак, Милица пыталась посредством личных встреч, бесед и переписки, влиять на императора в угоду проведения в жизнь «черногорской мечты».

С. Ю. Витте недаром именовал Милицу Николаевну не иначе как «черногорка №1», в ее сестру Анастасию – «черногорка №2». Примечательно, что придворное окружение, даже то, которое не общалось с Милицей и Станой лично, все же знало, что они черногорки, и именовало их «черными женщинами», «черными паучихами», связывая это и с их смуглым цветом кожи, и с неприязнью к ним, и с именем их родины – Черногории. Русские великие княгини Милица и Стана оставались при дворе «черногорками», они сохранили свою самобытность, до конца не ассимилировались и не обрусели.

Придворное окружение отмечало постоянную активность черногорских принцесс в том, что касалось политики ²⁰ и финансовой помощи Черногории. В мемуарах С. Ю. Витте не раз упоминается о визитах к нему сестер-черногорок, которые приходили просить помощи. Устоявшаяся формулировка с просьбой «оказать содействие» ²¹ подразумевала финансовую помощь, однако черногорок практически всегда ожидал отказ, что вызывало их негативное отношение к министру финансов.

Будучи русской великой княгиней, Милица Николаевна постоянно и внимательно следила за развитием политической ситуации в Европе и на Балканах и живо обсуждала международные отношения в своем доме. Особенно она интересовалась политической ситуацией в Сербии ²² (как видно из воспоминаний ее племянника, сына сестры Зорки (1864–1890), Георгия Карагеорги-

евича (1887–1972)) и Черногории (что следует из личной переписки Милицы и Петра Николаевича). В 1907 г. Милица писала мужу: «В Черногории политический горизонт очень темный. Копия нашего». ²³ Милица имела в виду либо нарастающую оппозицию против князя в Черногории, либо назревающий боснийский кризис и усложняющиеся отношения балканских стран с Османской империей.

Когда «пороховой погреб Европы» начал детонировать и на Балканах развязались Балканские войны, Милица и Анастасия не сидели сложа руки в России. Необходимость постоянной деятельности и долг перед своей маленькой родиной заставили их отправиться в Черногорию. По дороге туда, из Вены, Милица Николаевна писала своему мужу письма, сообщая обо всех известных ей фактах обстановки на Балканах. Великая княгиня-черногорка пристально следила за событиями, внимательно изучала прессу ²⁴. И этот ее интерес и внимание носили вовсе не поверхностный характер. Вообще такая глубокая заинтересованность политикой были не свойственны особе столь высокого положения. Однако в семье великой княгини события Балканских войн живо обсуждались, даже сын Милицы, 16-летний Роман, детально изучал планы Черногории по своей настольной карте Скутари ²⁵ – объекту, которым столь сильно желал обладать его дед Никола, в то время уже черногорский король.

Черногорцы первыми из балканских союзников объявили Турции войну. Это произошло 25 сентября 1912 г., однако военные действия были отложены на следующий день в связи с празднованием дня рождения короля ²⁶. Военные победы черногорцев русская пресса называла «чем-то поистине чудесным», «сверхчеловеческим» и даже «победой Давида над Голиафом». ²⁷ В то время как черногорцы героически сражались с Турцией, их тыл был обеспечен работой Красного Креста, которым руководила сестра русской великой княгини королева Ксения Петровна-Негош. ²⁸ Об этой родственной связи издатели не забыли упомянуть и на страницах популярного русского иллюстрированного журнала «Нива», как и о родственных связях Романовых со всеми балканскими союзниками. ²⁹

Во время Первой Балканской войны (25 сентября (8 октября) 1912 г. – 17 (30) мая 1913 г.) госпиталь Красного Креста был размещен в Цетинье, столице Черногории, в здании кадетского корпуса, только недавно, в 1911 г., открытого под руководством В. Н. Егорьева (1869–1948). Однако уже в конце 1912 г. появилась необходимость перенести госпиталь в здание Женского института (аналог Смольного института). Решением этого вопроса занялась Милица Николаевна, втянув в свою бурную деятельность и свою мать, черногорскую королеву Милену, и своего мужа, русского великого князя Петра Николаевича. Женский институт в Цетинье имени императрицы Марии Алек-

* Егорьев Владимир Николаевич с 1910 по 1914 гг. состоял при Генеральном штабе. Был командирован в Черногорию, где занимал важные посты в армии: главный начальник военно-учебных заведений, генерал-инспектор народного образования, командир кадетского корпуса.

сандровны* был открыт в 1869 г. при всесторонней помощи России и успешно действовал в течение нескольких десятилетий. Для переоборудования института в госпиталь было необходимо получить разрешение вдовствующей императрицы Марии Федоровны**, которая лично курировала институт со стороны России (с черногорской стороны за деятельностью института следила королева Милена).

В письме от 30 января 1913 г. Милица писала мужу по-французски: «Мама только что телеграфировала императрице Марии Федоровне, прося ее дать согласие на переоборудование института³⁰ в госпиталь. Это очень срочно, скажи Шервашидзе³¹, что нужно телеграфировать приказ императрицы директору института Мертваго. Это дело чрезвычайной важности». ³² Когда приказ императрицы был получен и институт преобразован в госпиталь для раненых, Милица осталась там работать. «Работаю весь день, размещая постоянно прибывающих раненых... Их слишком много, помощь оказываться не успевает... Напишу подробнее, как только будут разбиты миллионы турок», ³³ – телеграфировала она Петру Николаевичу. Ее неумной энергией и невероятному патриотизму можно только восхищаться.

Многие родственники Милицы Николаевны по материнской линии (Вукотич) принимали участие в военных действиях. Они храбро сражались, отстаивая честь своего рода и родины. Милица следила за их судьбами и во время осады Скутари с прискорбием сообщала супругу 4 февраля 1913 г.: «Все наши раненые были госпитализированы. Мамин брат воевода Стево Вукотич был слегка ранен, остальные три маминых двоюродных брата Вукотич были убиты. Пять раненых Вукотич со стороны матери. 4 убитых и 4 раненых маминых двоюродных брата и 1 племянник. Ее двоюродный брат Перко Вукотич нес знамя своего батальона, из-за чего героически погиб (очень любили)». ³⁴ В эти февральские дни, когда продолжалась осада Скутари, черногорские войска потеряли много воинов. Как сообщал полковник Н. М. Потапов, военный агент в Черногории в период с 1903 по 1916 гг., «после трехдневного упорного боя потери при этом 1500 убитых и 3500 раненых», и если бы не сербы, отвлекавшие на себя часть турецких войск, то исход битвы при Бардагиоле был бы не в пользу черногорцев. ³⁵ В тот же день Милица докладывала мужу и другие, более приятные новости: «Здорова. Забыла дать подробности о том, как был подбит турецкий корабль нашими пушками с большого корабля «Широка» с проектором***, также был подбит корабль, который, чтоб укрыться, бежал в Скутари и там сел на мель. С их корабля продолжают поступать сведения». ³⁶

В этот период великая княгиня жила войной, писала мужу лишь о военных действиях и о родных, которых не щадила война: король Никола провел 10 дней в лагере, осаждавшем Скутари, и заболел, да и «Перо³⁷, возможно, подхватил малярию, когда переходил рвы с водой...» ³⁸ Через несколько дней – новые вести: «Папе лучше, всё проходит, температура нормальная. У Перо

* Императрица Мария Александровна (1824–1880) – жена императора Александра II.

** Императрица Мария Федоровна (1847–1928) – жена Александра III, мать Николая II.

*** прицелом.

вчера был новый приступ малярии, он принимал хинин, чтобы быстрее поправиться».³⁹

Помимо оказания помощи в госпитале, великая княгиня собирала материальную помощь для пострадавших в результате Балканских войн. Именно к ней обращались люди, выражая свои восторженные чувства по поводу начала войны балканских союзников против Турции и делая пожертвования. Множество таких писем, хранящихся в личном фонде великой княгини Милицы Николаевны в ГАРФ (№ 669), были написаны в период Балканских войн; отправителями их были как частные лица, так и организации. Приведем одно из таких писем, датированное 11 декабря 1912 г.: «Комитет города Кронштадт по сбору пожертвований на нужды пострадавших от войны балканских народов просит Ваше высочество принять собранные 500 рублей[,] переводимые через Русско[-]азиатский банк пострадавшим от войны черногорцам[,] Председательница Надежда Вирен»⁴⁰. На это письмо Милица Николаевна ответила: «Глубоко тронута сердечным участием. Душевно благодарю Комитет и всех желающих оказать помощь нашим раненым борцам за Веру и Родину. М.»⁴¹. Однако, как были потрачены эти пожертвования, нам не известно.

Великая княгиня всегда находилась в курсе происходивших событий и постоянно собирала необходимую информацию. Примечательно, что временно исполняющий должность военного агента России в Цетинье директор черногорского кадетского корпуса полковник В. Н. Егорьев (во время отъезда Н. М. Потапова в действующую армию) в октябре 1912 г. докладывал последние данные о наступательных действиях черногорских отрядов (Северного и Зетского) основываясь именно на сведениях, сообщенных ему великой княгиней. Например, он сообщал в отдел генерал-квартирмейстера: «10-го [октября] генерал Вукотич занял и сжег деревню Ругову на дороге Плав-Ипек. Фанатическое мусульманское население избило затем окрестных сербов. Зетский отряд продвигается к Скутари, и, по сведениям от княгини Милицы Николаевны, вчера стреляли по городу»⁴².

В какой-то степени хорошая осведомленность великой княгини о подробностях военных действий объясняется и тем, что ее родственники по материнской линии – Вукотич, храбрые воеводы, в большинстве своем стояли во главе черногорских отрядов. Милица всей душой переживала за судьбу своих черногорских родственников и своей родины. И эти переживания, безусловно, выражались в ее деятельности, которая была порой не свойственна званию и статусу великой княгини, но обуславливалась невероятным патриотизмом и преданностью Милицы Николаевны и любовью к своей родине – Черногории. Возможно, это сильное чувство патриотизма, которое мы наблюдаем у великой княгини, было той особой чертой черногорцев, о которой пишет российская исследовательница истории югославянских народов в XIX–XX вв. Е. Ю. Гуськова: «Трогательной особенностью черногорца всегда была глубокая привязанность к своей земле. Покидая свой край, он всегда оставался черногорцем, был тесно связан с племенем, с селом, в котором был рожден»⁴³.

Активность Милицы Николаевны не утасла после Балканских войн. Во время Первой мировой войны она организовала «Комитет по оказанию помо-

щи раненым воинам русским, черногорским и сербским и их семьям и семьям убитых воинов» под ее личным покровительством, который иначе назывался «Зеленым Крестом»⁴⁴. И хотя с приходом большевиков многое в стране поменялось, но даже советские историки, писавшие уничижительные и негативные отзывы и статьи о царской власти, не могли отрицать значимости деятельности Милицы Николаевны.⁴⁵

Как высказался о Балканских войнах в апреле 1913 г. депутат Государственной думы от партии крайних правых В. М. Пуришкевич, поддерживая славянофильские народные настроения в России: «Мы можем сейчас сказать, что чувство сильнее политики».⁴⁶ Видимо, именно чувствами руководствовались великая княгиня Милица Николаевна Романова, будучи русской по статусу, но черногоркой по рождению. Она всегда была предана своей маленькой Родине и своему отцу, к которому относилась с трепетным уважением, говоря, что в Черногории нет правящей династии, есть только король и его слуги, к числу которых она причисляла и себя.⁴⁷

На волне необычайного душевного подъема в России в пользу славянских народов, 28-летний трубач, кавалерист полка Василий Агапкин написал самый известный и любимый в России военный марш «Прощание славянки». «Марш написан мною по поводу балканских событий 1912 года. Он посвящается всем славянским женщинам»,⁴⁸ — эти слова В. Агапкина мы в полной мере относим и к «героине» нашей статьи.

Примечания

¹ Женщины-добровольцы в тылу в период Балканских войн (1912–1913 гг.) не раз становились объектом исследования. Сербские ученые исследовали данную тему и написали ряд трудов: *Суботић В.* Поменик погинулих и помолих лекара и медицинара у ратовима 1912–1918. Београд, 1922; *Станојевић В.* Историја српског војног санитета. Београд, 1925; *Он же.* Рад нашег санитета у Балканским ратовима (1912–1913 г.). Ратна хирургија I. Санитетска управа ЈНА. Београд, 1953; *Лазаревић Ј.* Енглескиње у српском санитету. Београдско женско друштво. Београд, 1929; *Левентал З.* Ратници и рањеници. Медицински гласник. 1963. №6–7, 8–9; *Гавриловић В.* Допринос мисије шкотских жена. Симпозијум секције СРС, 1968 и др.; *Он же.* Жене лекари у ратовима 1876–1945. Београд, 1976; *Ник А.* Хисториографија војног санитета југословенских земаља. II дио (1912–1913) // Зборник радова ХХ научног састанка. Дубровник-Купари, 1969; *Велимировић М.* Искуства руских лекара у Балканском рату. Зборник радова I. Сарајево, 1970; *Кнежевић С.* Учешће двеју енглескиња у нашем санитету. Српски архив за целокупно лекарство 101/1. Београд, 1973; *Стојанчевић В.* Виђени странци о Србији и Србима XIX и почетком XX века. Београд, 1998. Однако деятельность русских великих княгинь Милицы Николаевны и Анастасии Николаевны в данном аспекте еще не рассматривалась. Вообще об этих великих княгинях-черногорках до сих пор не написано ни одного серьезного научного труда. Данная работа является небольшой частью будущей кандидатской диссертации автора, посвященной правящему черногорскому Дому Петрович-Негош и русско-черногорским отношениям в период с 1889 по 1914 гг.

² *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. В 3 т. СПб., 1888–1915; *Медведев С.* Николай II и его двор. М., 1917; Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю). М., 1925; *Платонов О. А.* Терновый венец России: Николай II в секретной переписке. М., 1996; Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 1, 2. М.—Подгорица, 2004.

³ *Данилов Ю. Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930; *Карађорђевић Ђ.* Истина о моме животу. Београд, 1988; *Мосолов А. А.* При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Министерства Императорского Двора. М., 1993; *Витте С. Ю.* Воспоминания в 3 т.

Таллинн–М., 1994; *Воейков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995; *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. М., 1996; *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны (перевод с английского В. В. Кузнецова). СПб., 1999; *Редигер А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра в 2 т. М., 1999; Великий князь Гавриил Константинович в Мраморном дворце. Мемуары. М., 2001.

⁴ Специальных научных трудов, как уже отмечалось, о великих княгинях Милице Николаевне и Анастасии Николаевне нет, однако стоит отметить работы, в которых затрагивалась данная тема: *Писарев Ю. А.* Шесть десятилетий на троне. Черногорский монарх Николай Петрович – Negro. // Новая и новейшая история. 1991. №6; *Боханов А.* «Черные сестры». Черногорские княгини при царском дворе // Родина. 2003. №3; *Распоповић Р.* Милица Николаевна Романова као дипломатски заступник Црне Горе у Русији на почетку XX века // Црна Гора и Русија. Огледи и есеји. Београд–Подгорица, 2005; *Грачева Д.* Матримониальные планы черногорских сестер. 2007. <http://www.informonte.com/articles/6.html>; *Хохрев А.* Аномальная княгиня. <http://www.gazetastrela.ru/gazeta/print.php?id=2606>; *Кузьмичева Л. В.* Балканские принцессы в семье европейских монархов. // Человек на Балканах: социокультурные изменения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.). СПб., 2007; *Буренина К.* Милица и Стана. Черные принцессы. 2008. http://burenina.ru/chernye_princessy.

⁵ *Водозовова Е. Н.* На заре жизни // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2008. С. 229; *Энгельгардт А. Н.* Очерки институтской жизни былого времени // Там же. С. 135–144.

⁶ АОНМЦГ. Фонд Короля Николы. Фасц. 1885 г. 3. XII. 1885.

⁷ *Шкеровић Н. П.* Црна Гора на освитку XX века. Београд, 1964. С. 29.

⁸ Цит. по *Боханов А.* «Черные сестры». Черногорские княгини при царском дворе // Родина. 2003. №3. С. 80.

⁹ ГАРФ. Ф. 671 (Фонд великого князя Николая Николаевича (младшего)). Оп. 1. Д. 34. Л. 1–23 об. – Письма Милицы Николаевны великой княгине Анастасии Николаевне (жене великого князя Николая Николаевича). 28 октября 1910 г. и б/д.

¹⁰ *Мосолов А. А.* При дворе последнего Российского императора. Записки начальника министерства императорского Двора. М., 1993. С. 71.

¹¹ *Вутте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 251.

¹² *Козовцов Владимир Николаевич (1853–1943)*, российский государственный деятель и предприниматель (крупный банковский деятель), граф (с 1914 г.), министр финансов (1904–1914 гг., перерыв 1905–1906 гг.), председатель Совета министров (1911–1914 гг.).

¹³ *Гирс Николай Карлович (1820–1895)*, русский дипломат, министр иностранных дел России в 1882–1895 гг., действительный тайный советник (1878 г.), статс-секретарь (1879 г.), почетный член Петербургской Академии наук (1876 г.).

¹⁴ ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. – Письма и телеграммы (с подписями «Александра, Николаша, Георгий») великой княгине Милице Николаевне Романовой, 21 августа 1882 г. – 9 января 1915 г.

¹⁵ *Распоповић Р.* Милица Николаевна Романова као дипломатски заступник Црне Горе у Русији на почетку XX века. // Црна Гора и Русија. Огледи и есеји. Београд–Подгорица, 2005. С. 383.

¹⁶ *Вутте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 250.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 601. Д. 1300. Л. 1 об., 2 об., 6, 8, 10.

¹⁸ Там же. Л. 10 об.

¹⁹ Там же. Л. 11 об.–12 об.

²⁰ Великий князь Гавриил Константинович в Мраморном дворце. Мемуары. М., 2001; *Вутте С. Ю.* Воспоминания в 3 т. Таллинн–М., 1994; *Воейков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995; *Данилов Ю. Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930; *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны (перевод с английского В. В. Кузнецова). СПб., 1999; *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. М., 1996; *Караџорђевић Ђ.* Истина о моме животу. Београд, 1988; *Мосолов А. А.* При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Министерства Императорского Двора. М., 1993.

- ²¹ *Vumte С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 253.
- ²² *Карађорђевић Ђ.* Истина о моме животу. С. 135–136.
- ²³ ГАРФ. Ф. 653. Оп. 2. Д. 156. Л. 43.
- ²⁴ В фонде великой княгини Милицы Николаевны (№ 669) хранятся вырезки из иностранных газет периода Балканских войн. Это «Europe Versus Liberty», «Daily mail», «Pro and con», «Het Vaderland», «Глас Црногорца», «Вестник» // ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 22. Романова Милица Николаевна, великая княгиня. Europe Versus Liberty – Стихи и выдержки из прессы на английском языке, посвященные Николаю I Королю Черногорскому (6 л.); Там же. Д. 20. Газеты «Het Vaderland», «Глас Црногорца», «Вестник», вырезки из газет и журналов, карта Черногорского княжества и др. карты. 1913–1914 гг. (37 л.).
- ²⁵ Там же. Д. 159. Л. 2–3.
- ²⁶ Телеграмма Н. М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера с сообщением срока начала военных действий Черногории // Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 1 – Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М., Подгорица, 2004. С. 597; Телеграмма В. А. Сухомлинова Николаю II о дате объявления войны Турции и начале военных действий // Там же. С. 598.
- ²⁷ Россия и Австрия на Балканах (Политическое обозрение) // Нива. 1912. № 41. С. 821.
- ²⁸ Там же. С. 956.
- ²⁹ Славяно-турецкая война. Очерк кн. Д. П. Багратиона. // Там же. № 48. С. 955.
- ³⁰ Женский институт в Цетинье.
- ³¹ Шервашидзе Георгий Дмитриевич – князь, обер-гофмаршал, состоявший при вдовствующей императрице Марии Федоровне.
- ³² ГАРФ. Ф. 653. Оп. 2. Д. 159. Л. 5.
- ³³ Там же. Л. 6.
- ³⁴ Там же. Л. 10.
- ³⁵ Телеграмма Н. М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о предоставлении Сербией вооружения Черногории при условии передачи сербскому командованию руководства осадой Шкодры // Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 1. С. 628.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 653. Оп. 2. Д. 159. Л. 11.
- ³⁷ Петр Петрович-Негош (1889–1932), самый младший сын черногорского князя Николы.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 653. Оп. 2. Д. 160. Л. 2.
- ³⁹ Там же. Л. 3.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 13. Л. 33–33 об. Письма и телеграммы от частных лиц (протокол общего собрания Общества русских ориенталистов; прошения вдов, крестьян; поздравления великой княгини Милицы Николаевны Романовой 1892–1915 гг.
- ⁴¹ Там же. Л. 33 об.
- ⁴² Телеграмма директора черногорского кадетского корпуса В. Н. Егорьева в отдел генерал-квартирмейстера о наступательных действиях Северного и Зетского отрядов // Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 1. С. 610.
- ⁴³ *Гуськова Е.* Черногорский характер – от легенды к действительности. // Перспективы: Как жить славянам дальше. Родина. 2001. № 1. С. 183.
- ⁴⁴ История Псковской епархии // http://www.pskov-eparhia.ellink.ru/browse/show_news_type.php?g_id=5227; *Дерюшева М. А.* Некоторые аспекты деятельности благотворительных учреждений Пермской губернии в 1917 г. // <http://www.archive.perm.ru/page.php?id=371>. О деятельности Красного Креста в годы Первой мировой войны см. также: *Шевцова Г.И.* Деятельность российских благотворительных организаций в Сербии и Черногории в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // «Научные труды МСГУ». Вып. 58. М., 2005; *Она же.* Россия и Сербия: Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). М., 2010; *Она же.* Деятельность на территории Сербии и возвращение из плена эпидемиологического отряда Александровской общины РОКК (отряда Н.С. Спасского) в годы Первой мировой войны // Вестник ТГУ. История. 2010. №4 (12).
- ⁴⁵ См. в кн.: Николай и великие князья (родственные письма к последнему царю). Лг, 1925.
- ⁴⁶ Думские отзвуки на события дня // Нива. 1913. № 14. С. 280.
- ⁴⁷ *Рейдгер А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра в 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 210–212.
- ⁴⁸ Цит. по: *Сироткина А.* «Чтобы не быть друг от друга далеко...». М., 2010. С. 102.

Словенские западные территории после Первой мировой войны

Abstract:

Pilko N.S. *Slovenia's western territories after World War I.*

The article is devoted to the establishment of the Yugoslav border with Italy after the First World War. Emphasis is placed on the Status of Slovenian coastal lands, which (due to the result of the collapse of the Austro-Hungarian Empire) were under a threat of joining Italy. According to Slovenian politicians of that time, this could have led to the assimilation of the Slovenian population. The article describes the activities of Yugoslav committee, which was one of the first to defend the interests of Slovenia in Primorsky Krai, and the political life in Trieste and Gorizia in the period of the formation of the SCS Kingdom.

Ключевые слова: Словения, Италия, Приморье, Лондонский договор, Римский договор, Рапалльский договор, Орландо, Трумбич, Швабич, черта Вильсона.

После поражения Австро-Венгрии в Первой мировой войне и начала ее распада, словенцы, входившие в состав империи на протяжении нескольких столетий, оказались перед опасностью быть разделенными между тремя государствами: Австрией, Италией и Венгрией. Урегулирование вопроса о границах со всеми этими странами было весьма болезненным процессом, но наиболее остро он решался с Италией, которая требовала реализации Лондонского договора, заключенного в апреле 1915 г. со странами Антанты. Согласно договору Италии должны были перейти Трентино, Тироль до Бреннера, Валона с островом Сасено, Додеканезские острова, часть средиземноморских областей Турции. Из земель, населенных славянами – Горица, Градишка, Триест и вся Истрия, Далмация. Для словенцев это означало потерю одной четверти населения. Помимо всего прочего в Лондонском договоре не было сказано ни единого слова о каких-либо обязательствах перед национальными меньшинствами, которые в случае его реализации должны были бы оказаться в составе Италии.

Пытаясь перетянуть на свою сторону Италию во время войны, страны Антанты вынужденно пообещали удовлетворить ее территориальные претензии. Но после окончания войны мир изменился. В результате распада Австро-Венгрии появилось много новых государств, чьи границы не были определены и которые выдвигали собственные требования и претензии. Да и столь обширное территориальное расширение Италии не устраивало страны Антанты. Еще в ходе войны, после итальянского поражения на Сошском фронте у г. Кобарид в октябре 1917 г. и после вступления в войну Соединенных Штатов, у союзников появилась надежда, что позиция Италии, возможно, изменится, особенно после оглашения «Четырнадцати пунктов Вильсона». Но заявление итальянской стороны развеяло эти иллюзии, в нем особо подчеркивалось, что «требования правительства полностью находятся в согласии с принципами,

которые провозгласил президент Вильсон»¹. Урезать аппетиты Италии не удалось.

Когда в самом конце войны члены Югославянского комитета узнали о положениях тайного договора, то они сразу же потребовали его расторжения и начали вести работу, направленную против территориальных претензий Италии. Вскоре Югославянский комитет совместно с Итальянским комитетом за договор между закабаленными народами, возглавляемый политиком Торре, созвал конгресс угнетенных народов Австро-Венгрии, который состоялся 8 – 10 апреля в Риме. На конгрессе угнетенных народов была принята резолюция, в которой было подчеркнуто, что народы входившие в состав Австро-Венгрии – итальянцы, югославяне, чехи, поляки и румыны – имеют право создать собственные государства. Отдельно между представителями итальянского народа и югославянами был заключен Римский договор. Со стороны итальянцев его подписал А. Торре, а со стороны Югославянского комитета А. Трумбич.

Подписание этого договора явилось следствием многолетних попыток югославян Австро-Венгрии наладить диалог с итальянцами. Еще во время войны, в 1916 г., они пытались установить контакты с официальным Римом, но безрезультатно. Однако когда в 1917 г. итальянская армия стала терпеть поражения, все чаще и чаще в Италии стали слышаться голоса тех, кто настаивал на сотрудничестве с югославянскими народами Австро-Венгрии. В декабре 1917 г. состоялась первая встреча главы итальянской военной миссии в Лондоне с председателем Югославянского комитета. Хотя никаких результатов эта встреча не дала, она стала первым шагом к налаживанию контактов. Вскоре глава итальянского правительства Орландо решил сам установить связь с Югославянским комитетом. Состоялась его встреча с председателем Комитета Трумбичем. Орландо осознавал, что с принятием Корфской декларации ситуация изменилась и югославяне не откажутся от своих этнических территорий, которые должны были перейти к Италии по Лондонскому договору. Орландо заявил Трумбичу, что Лондонский договор направлен против Австрии, а не против Югославии, о которой в то время, когда заключался договор, никто и не думал. И что в новых условиях нужно создать такую атмосферу, которая позволила бы предстоящий вопрос итальянско-югославских границ решить на основе договора².

В Римском договоре особо отмечалось, что единство и независимость югославянского народа являются жизненным интересом Италии, равно как и завершение итальянского объединения является интересом югославянского народа. Поэтому представители двух народов обязуются все свои действия в ходе войны и после нее проводить таким образом, чтобы эти две цели были достигнуты. Относительно границ в договоре говорилось, что в интересах двух народов все территориальные вопросы должны быть решены на основе договора и на основе принципов национального самоопределения таким образом, чтобы не были нарушены их интересы. Что же касается национальных меньшинств, то им должно быть гарантировано право на сохранение языка и культуры, а также возможности развития своих экономических интересов³.

Однако это был договор между двумя народами, а не между государствами. Поэтому он не обязывал стороны к соблюдению достигнутых договоренностей и основой для мирных переговоров в итоге остался Лондонский договор. В предчувствии незавидной судьбы, словенцы 16 августа 1918 г. в Любляне создают Национальный совет Словении, который объединил все словенские политические партии. Он должен был начать работу по объединению словенцев в единое независимое государство⁴. В том же году, 6 октября, в Загребе было создано Народное вече словенцев, хорватов, сербов.

Что касается политической жизни Приморья, то она начала возрождаться только в середине 1917 г., чему способствовала близость фронта и жесткий полицейский режим. Пробуждение началось в Триесте, где активно действовала единая либеральная организация «Единост» (Edinost, образована в 1874 г.). В августе 1917 г. она поддержала Майскую декларацию. Массовые манифестации словенцев, в ходе которых были выражены югославянские чувства, начались весной 1918 г. На праздновании первой годовщины Майской декларации 30 мая 1918 г. глава общества «Единост» Йосип Вилфан в своей речи заявил, что словенцы не видят возможности идти на компромисс относительно принадлежности Триеста и всего восточного побережья Адриатического моря. Он также отметил, что Триест они требуют для себя не из-за ненависти к итальянцам. Напротив, они выступают за реализацию принципов самоопределения и дружбы между народами⁵. Подобного же мнения придерживался и А.Корошек, который в своем выступлении отметил, что Триест и Риека необходимы Югославии и что помыслы всего народа направлены на эти два города⁶. 11 сентября 1918 г. в Триесте был образован региональный Национальный совет в присутствии Корошеца. Общество «Единств» направило в Национальный совет пять своих представителей. Председателем совета стал Отокар Рибарш. Словенцы Триеста имели также своих представителей в национальном совете в Любляне и в Народном вече в Загребе.

В Горице политические силы «дремали» до середины 1918 г., их основная деятельность в то время была направлена на послевоенное восстановление хозяйства и, в связи с этим, был образован Союз словенских жупанств, имевший экономический характер. Несмотря на это, Союз высказаться в поддержку Майской декларации и за решение вопроса о границе между Италией и Австрией в согласии с «Четырнадцатью пунктами Вильсона». Один из участников тех событий записал в своих воспоминаниях, что «девятый пункт заявления Вильсона дал нам надежду, что наши полувековые стремления будут воплощены»⁷.

29 октября 1918 г. было провозглашено создание Государства словенцев, хорватов и сербов, включившее в себя земли Австро-Венгрии, на которых проживали перечисленные народы. Новое государство сразу же заявило о том, что более не находится в состоянии войны с США, Францией, Великобританией, Италией и Сербией. Однако слабость нового государственного образования была очевидна. Государство СХС не имело международного признания, у него не было государственного аппарата и армии, которая могла бы защи-

тить его территориальную целостность (в первую очередь от поползновений Италии).

После провозглашения Государства СХС региональное отделение Национального совета в Горице провозгласило себя главной инстанцией в решении национальных, экономических и политических вопросов. Призвало также словенских солдат образовать национальную защиту, а словенское население сохранять мир и порядок. 2 ноября Национальному совету присягнуло 1 тыс. 500 солдат второго стрелкового полка австрийской армии. Под командованием Динко Пуча они заняли ключевые позиции в Горице, в частности, железнодорожные станции, почты, склады с продовольствием⁸. Итальянскому населению было предложено сотрудничество. Что касается итальянских властей, то они создали свое временное правительство (*govetno provvisorio*). Около 3 тыс. итальянских солдат, которые возвращались через Горицу из австрийского плена, должны были стать ядром их вооруженных сил. Таким образом, в Горице сложилось двоевластие. Областное отделение Национального совета осуществляло власть от лица Национального правительства в Любляне, а временное итальянское правительство имело более формальный характер.

Перемирие с австро-венгерской армией было заключено 3 ноября. Относительно приморских территорий было решено, что армия отступит западнее от черты: Печ, Предил, вершины Мангарт и Триглав, ущелья Подбрдо, Подланишче и Идрия, отсюда на юго-восток до Снежника. Освобожденные земли, которые помимо Приморья охватывали часть Тироля и Далмацию с островами, по решению перемирия должны были занять страны Антанты и США. Спустя 13 часов после заключения перемирия в Триесте высадилась итальянская армия под командованием генерала Рорета. Сразу же после высадки генерал Петитти ди Рорето стал наместником в Юлийской краине и сконцентрировал в своих руках всю политическую и административную власть. Подобные действия вызвали недоумение, поскольку по условиям перемирия предусматривалась оккупация этих территорий силами Антанты, а не исключительно итальянцами.

Итальянское население встретило армию с большим воодушевлением, словенцы же были весьма озабочены, поскольку ожидали прихода не столько итальянцев, сколько союзников. В своей приветственной речи О. Рибарш сказал: «с гордостью могу вам сообщить, что мы проникнуты возвышенной идеей свободы всех народов и их братской связью. Во имя этой идеи мы встречаем вас с искренними чувствами. Мы убеждены, что ваш приход будет означать для этой многоопытной страны и, особенно, для этого города возвращение мира и порядка, также как и нового счастливого времени для двух народов, которые в этих краях живут бок о бок»⁹.

В Горицу 6 ноября пришла 5-я итальянская конная бригада. В последующие дни к ней присоединились другие воинские части, которые начали продвижение к установленной демаркационной линии. Один словенский полк пытался удержать позиции у Горицы, но 8 ноября был вынужден отступить. Во время оккупации итальянские войска действовали в соответствии с опы-

том военного времени. Разоружили национальное ополчение, ввели военные трибуналы, осуществляли цензуру печати, ограничили свободу передвижения, запретили общественные собрания и какое-либо открытое проявление австро-венгерских или югославянских чувств. Последовало интернирование и депортация населения, особенно это коснулось учителей, священников, служащих и других. Вывешивались только итальянские флаги, флаги союзников вывешены не были. Из поведения оккупационных властей было ясно, что оккупацию они считают окончательным присоединением захваченных земель к Италии. В самом начале оккупации началось бегство интеллигенции и служащих в Государство словенцев, хорватов и сербов и в дальнейшем оно только увеличивалось¹⁰.

Рибарш сообщил из Триеста в Любляну о своих переговорах с заместителем и особо подчеркивал: словенское население в отчаянии, поскольку распространяются слухи, что итальянцы навсегда останутся в Приморье. Словенцы пытались выразить протест против этого, но итальянцы заявили, что Государство СХС не имеет международного признания и его дальнейшая политическая судьба неясна. Словенцы Приморья просили, чтобы Любляна выступила против осуществления итальянцами «*diritto di conquista*» (права завоевателя). Народное вече в Загребе 6 ноября послало ноту командующему итальянской армии. Правительство Государства СХС, говорилось в ноте, не может «рассматривать высадку итальянской армии ... на основе «*diritto di conquista*», поскольку наше государство, которое было образовано до высадки, не находится в состоянии войны ни с одним государством, а Италию, как союзницу Антанты рассматривает с дружественных позиций»¹¹.

Помимо всего прочего, итальянцы оккупировали Риеку, которая согласно Лондонскому договору и условиям перемирия исключалась из оккупационной зоны. Союзники указали Италии на то, что она нарушает условия перемирия. На что глава итальянского правительства Орландо ответил, что нарушение границы у Логатеца – это неправильная трактовка карты, а что касается Риеки, то ее оккупация была необходима из-за беспорядков и насилия над итальянским мирным населением, а согласно условиям перемирия оккупация допускается, если речь идет о поддержании общественного порядка¹².

14 ноября Народное вече оповестило Национальный совет в Любляне, что находится в тесном контакте с сербским правительством с тем, чтобы оно исходатайствовало как можно большую оккупационную армию (Антанты), которая в первую очередь заняла бы северные границы Каринтии и Штирии, и в будущем имела бы задание вытеснить итальянскую армию»¹³. Кроме того, Народное вече указало Национальному совету на необходимость организации в Словении и в Любляне в частности акций недовольства и организованных демонстраций против итальянской оккупации.

Национальное правительство было в замешательстве. С одной стороны, оно понимало, что итальянцы в своем пренебрежительном отношении к установленной демаркационной линии, выражающемся в продвижении вглубь словенских территорий, вскоре могут оккупировать Любляну. С другой сторо-

ны, правительство не желало идти на открытый конфликт, опасаясь кровопролития и новых жертв. Сербский подполковник Швабич, который в Любляне сумел создать из сербских военнопленных командование сербскими частями, записал, что 13 ноября 1918 г. около 8 часов вечера в домобранскую казарму в Любляне пришел председатель Национального правительства Погачник убеждать его не препятствовать итальянским войскам, поскольку в противном случае это приведет к резне и грабежам. Погачник хотел, чтобы правительство опубликовало меморандум, в котором призывало бы население отнестись мирно к итальянским войскам и не демонстрировать антиитальянских настроений, а итальянцев разместить в артиллерийской казарме¹⁴. Швабич сумел убедить его не делать этого и в итоге итальянскому руководству был направлен ультиматум, в котором говорилось, что сербские подразделения от имени союзников (что далеко не являлось истиной) и с согласия Народного вече СХС заняли Краньско и получили задание, остановить продвижение итальянских союзнических частей на эту территорию. В этом ультиматуме Швабич отметил, что ему не хотелось бы применять оружия при выполнении своих обязанностей, и если дойдет до кровопролития, то сербские силы не будут нести за это ответственности¹⁵. Он также потребовал, чтобы итальянцы остановились у водораздела рек Соча и Сава и осталась бы там до тех пор, пока сербское правительство не обговорило бы сложившуюся ситуацию с итальянской стороной.

Командование 3-й итальянской армии остановило свое продвижение, а переход через демаркационную линию объяснил неправильным прочтением карты. Тем же самым было оправдано появление итальянского патруля в Любляне. Когда сербские солдаты его окружили, итальянский патруль заявил, что перепутал Люблян с Врхником¹⁶.

24 ноября 1918 г. было провозглашено объединение Государства СХС с Королевством Сербия, а 1 декабря был принят Акт об объединении. Конечно же, не все в Словении и Хорватии приветствовали этот шаг, особенно из-за условий, при которых он был осуществлен. Но послевоенный передел мира, грозивший потерей значительных этнических территорий, не оставлял иного выбора. Диктовать свои условия Государство СХС не могло в первую очередь из-за отсутствия государственной атрибутики и международного признания. Сербия же к тому времени была независимым государством со сложившейся политической традицией, находившаяся в лагере победителей. Несомненно, что все это давало Королевству право диктовать свои условия и политической верхушке Государства СХС пришлось принять это как данность. Однако недовольство навязанными условиями осталось и сохранялось вплоть до Второй мировой войны.

17 февраля 1919 г. итальянская делегация во главе с председателем правительства Орландо и министром иностранных дел Соннино, передала мирной конференции меморандум, в котором Италия потребовала все области, которые должны были перейти к ней по Лондонскому договору, и помимо всего прочего границу до Снежника и Риеку, (по Лондонскому договору она должна

была отойти Хорватии). Объяснялись эти требования стратегической необходимостью, а также защитой от балканских народов, которые могут угрожать Италии. В меморандуме говорилось об итальянском населении этих областей, об историческом праве на эти земли, которые были римскими и венецианскими¹⁷.

18 февраля был представлен югославянский меморандум, в котором югославы требовали установления границы по р. Соче, и присоединения Триеста, Горицы, Градишко, Истры, Риеки и Далмации с островами. Основой требований являлось национальное право¹⁸. Этот меморандум Италия отклонила, кроме того она не дала согласия на участие Югославии в переговорах, мотивировав это тем, что Югославия не признана международно, кроме того особо отмечалось, что хорваты и словенцы во время войны воевали на стороне Австро-Венгрии, а следовательно – против Италии.

В ходе мирной конференции Югославия осталась один на один с Италией. Рассчитывать на поддержку Англии и Франции не приходилось. Британский глава правительства Ллойд Джордж заявил в беседе с Трумбичем в г. Спа, что ему хотелось бы поскорее решить адриатический вопрос, который становится препятствием для мира¹⁹. Мирная конференция в Париже не разрешила вопроса о границе между Королевством СХС и Италией, в первую очередь из-за позиции последней. Италия намеренно отказывалась признавать новое государство, разрабатывала планы по его разрушению, для чего спонсировала определенные группы внутри Королевства, которые противились объединению.

Позиция югославской дипломатии относительно австро-венгерского наследства на Адриатике сводилась к следующему: Италия получает Фурланию до линии Кмин – Градишче – Тржич, относительно Триеста и западного побережья Истрии конференция должна была назначить арбитражную комиссию, возглавленную американским президентом В. Вильсоном. Земли восточнее означенной линии и все Адриатическое побережье с островами перешли бы Югославии²⁰. Итальянский министр иностранных дел Сонинно настаивал на максимальной реализации границы, предусмотренной Лондонским договором, сверх этого он требовал Риеку.

По свидетельству итальянского дипломата Альдрованди Марескотти, который на Парижской мирной конференции присутствовал в качестве генерального секретаря и члена итальянской делегации, дебаты относительно адриатического вопроса были довольно острыми. Англия и Франция придерживались мнения, что они обязаны выполнять обязательства Лондонского договора: «На заседании 19 апреля, в то время как Ллойд Джордж открыто признавал, что соблюдение Лондонского договора является бесспорным обязательством для союзников, и заверял, что Англия сдержит свое слово, Клемансо, выражая свое согласие кивком головы, в тоже время воздевал руки к небу, как бы в знак покорности и мольбы. Такая позиция вытекала, быть может, еще из факта, что Ллойд Джордж находился в составе правительства в период обсуждения и подписания Лондонского договора, а Клемансо в ту пору в состав правительства не входил»²¹. Что касается Вильсона, то он «мрач-

нел при упоминании о Лондонском договоре, доходя временами до того, что одна сторона его лица начинала при этом судорожно подергиваться»²².

Однако, несмотря на признание обязательств по соблюдению договора, Ллойд Джордж пытался убедить итальянскую сторону в целесообразности отказа от материковых претензий. «Ллойд Джордж: Обладая территорией на материке вам не удастся никогда обеспечить себе спокойствие. Соннино: На Балканах имеется столько мотивов к внутренним раздорам, что мы будем оставлены в покое. Ллойд Джордж: Но там всегда имеется слишком много людей, готовых перегрызть друг другу горло. У вас хватит затруднений на много поколений... Я бы советовал вам удержать только острова и не касаться материка»²³.

В апреле 1919 г. Вильсон предложил свою границу, которая получила название «черта Вильсона». На севере от границы с Австрией до Порезна она проходила бы по течению р. Река. Затем проходила бы западнее г. Церкно в сторону г. Чепован, далее по восточному краю Трновского леса до Раздртега, мимо Сеножец в сторону г. Учко, и далее до впадения р. Раша в море. Для Риеки он предложил создать независимое государство. Эту границу поддержала английская и французская стороны. 5 мая 1919 в своем выступлении Вильсон отметил, что «Лондонский договор заключен в условиях, которые больше не существуют. Три великих державы хотели получить Италию в качестве союзника в войне и для этого заключили Лондонский договор. Но условия изменились. Изжила себя идея политической независимости мира, новая платформа не имеет связи со старыми идеями европейской политики, которые привели к Лондонскому договору»²⁴. 9 декабря этот план был предложен Италии. Однако он был отвергнут итальянской стороной. Орландо заявил, что не может принять предложение Вильсона даже в качестве основы. «Хочу добавить следующее, – сказал он, – Линия, которую Вильсон предлагает в настоящее время Италии, есть та же самая линия, которая в истекшем октябре предлагалась газетой «New Europe», которая, как вы знаете, является органом южных славян. Теперь для итальянцев южные славяне являются тем же, чем для вас боши»²⁵. Принять предложение Вильсона означало бы то же самое, что для Клемансо – предложение бошей об окончании войны»²⁶.

План отвергла и югославская делегация. Тогда перед ней был поставлен ультиматум, что если не будет принят предложенный план, то в силу вступит реализация Лондонского договора. Однако с югославской стороны ответа не последовало.

Англия и Франция неоднократно давали понять югославской стороне, что они связаны Лондонским договором и поэтому не могут повлиять на требования Италии. Италия же, ободренная такой позицией своих союзников продолжала требовать «положенного ей по праву». Орландо пугал Вильсона, Клемансо и Ллойда Джорджа тем, что если он из Парижа вернется в Италию без результатов, «т.е. не получит земель, которых требует, в Италии начнется революция...»²⁷. Итальянская сторона грозила уходом с конференции, если ее требования не будут удовлетворены, а так же объединением с Германией, что

означало отказ от «столь неблагодарных союзников». Всего этого было достаточно для того, чтобы Англия и Франция, скрепя сердце, остались на стороне Италии.

Однако с падением правительства Орландо в июне 1919 г. позиция Италии несколько смягчилась. В это же время ухудшается самочувствие Вильсона и его уже в меньшей степени интересует вопрос о югославно-итальянской границе. Франция и Великобритания берут решение вопроса в свои руки, предложив сторонам договориться между собой самим. 11 мая в Италии происходит встреча председателя югославского правительства Пашича и министра иностранных дел Трумбича с итальянским министром иностранных дел. Югославия настаивает на реализации черты Вильсона, допуская возможность итальянского суверенитета над Риекой.

Переговоры продолжились, но уже в двустороннем порядке. Первые встречи между итальянским и югославским правительством состоялись весной 1920 г. Но они были безрезультатными. Единства удалось достигнуть только по вопросу о статусе Риеки. В мае того же года произошло падение правительства Протича в Югославии и правительства Нитти в Италии, поэтому переговоры были отложены на неопределенный срок. Новое правительство в Югославии возглавил Веснич, пост министра иностранных дел остался за Трумбичем, в итальянском правительстве министром иностранных дел стал граф Сфорца, который встречался с Трумбичем в г. Спа в июле 1920 г. В ходе встреч он дает понять Трумбичу, что Италия заинтересована в скорейшем решении вопроса о границах с Югославией. Сфорца уже тогда сказал о независимом статусе Риеки, чтобы она не принадлежала ни Италии, ни Югославии, но потребовал проведения границы по Юлийским Альпам и Снежнику, затем Задар и острова Крес и Лошинь²⁸.

Итальянцы продолжали настаивать на границе установленной Лондонским договором, югославская делегация настаивала на черте Вильсона. Италия придерживалась позиции, что ей должны отойти земли на севере от побережья до г. Снежник. Для Риеки предусматривалась независимость, Далмация, за исключением Задара с близлежащими территориями передавалась Королевству СХС, но при условии, что итальянское национальное меньшинство будет защищено²⁹.

Для ускорения переговорного процесса итальянцы инициировали волнения в Сплите, где произошло столкновение между итальянцами и хорватами, в Триесте был сожжен словенский национальный дом. Кроме того на югославское правительство оказывали давления Англия и Франция, которые будучи связанными Лондонским договором не могли проводить активной политики в этом вопросе. Александр был вынужден ускорить процесс решения вопроса о границе с Италией. Когда югославская делегация 5 ноября 1920 г., в Белграде уже находилась в Восточном экспрессе, французский посол вошел в вагон и прочел Трумбичу телеграмму министра иностранных дел Франции, который рекомендовал ему во что бы то ни стало договориться с итальянским правительством, поскольку это в интересах югославян. Он также сообщил,

что Трумбич не может рассчитывать на французское правительство, поскольку оно связано Лондонским договором. Если договор не будет заключен, то у Италии будут развязаны руки, и она сможет распоряжаться территориями согласно решениям договора, поскольку Королевство СХС не имеет больше поддержки Вильсона, поскольку он проиграл выборы³⁰.

Переговоры начались 8 ноября 1920 г. в Сан Маргарита Лигуре у Рапалло. Итальянская сторона настаивала на стратегической границе по Снежнику. О своих требованиях на первой встрече с югославами Сфорца записал: «Я сказал, что мы сейчас оказались в новом и для нас лучшем положении; я перечислил наши жизненно важные пункты, как то: граница по Снежнику, территориальный континуитет с независимой Риекой, суверенитет Задара. С нашей стороны были даны исчерпывающие объяснения с указанием на проблемы внутренней и внешней политики, которые нас не только обязывают, но и дают нам возможность в случае неудачного исхода переговоров решить вопрос своими силами».

Сфорца в неофициальном разговоре с Трумбичем особо подчеркнул, что «Невоза» (Nevoza, итал. – Снежник, словен.) для итальянцев стал символом, и что армия его не отдала бы ни за какую цену, и что он поклялся единственным сыном, без Снежника не возвращаться в Рим, где его не оставят в живых и он вынужден будет эмигрировать³¹. «Признаю, вам тяжело, вы теряете 50 тыс. человек, которые остаются за линией Вильсона, допустим их 100 тыс. Однако подумайте, что вы приобретаете: свою окончательную границу, а это означает консолидацию вашего государства, ваши антигосударственные элементы должны будут к этому приспособиться, поскольку им будут подрезаны крылья; получите наше признание Королевства СХС, и это не мало; решение черногорского вопроса будет передано на ваше усмотрение; мы гарантируем добрососедскую политику, благодаря чему итальянское правительство будет на вашей стороне в отношениях с Австрией, Венгрией, Болгарией... Все это говорит о полной переориентации нашей политики в вашу пользу. Вы будете диктовать условия Риеке, поскольку ее торговое существование полностью зависит от вас»³².

12 ноября 1920 г. был подписан Рапальский договор. Первая статья договора устанавливала следующую границу между Италией и Югославией: Печ – Яловец – Триглав – Можиц – Порезен – Блегош – Чрни Врх над Новаки – Бевки – Хотедршица – Планина – Яворник над Церкницо – Бишка гора – Гриж – Снежник – Кастав – восточнее Матуль – море. Таким образом, Королевству СХС переходила Далмация, за исключением островов Ластово и Палагружо. Италия получила Задар, Крес, Лошинь, Ластово и Палагружо. Риека стала независимой, хотя эта независимость так и не была осуществлена. По Рапальскому договору Словения потеряла четверть своих этнических территорий.

Статья седьмая договора предусматривала широкие права итальянского меньшинства в Далмации. Относительно славянского меньшинства была принята резолюция, согласно которой ему была обещана защита языка, культуры и религии. Но на деле все эти гарантии остались на бумаге.

Ратификация Рапалльского договора была проведена в Италии 27 ноября 1920 г., в Югославии 2 февраля 1921. Отношение к договору в Югославии было неоднозначным. Протест выражали хорваты и словенцы, проживавшие на переданных Италии территориях. Они указывали, что договор был принят под давлением, и нарушает право на самоопределение, противореча «Четырнадцати пунктам Вильсона». Италия официально присоединила перешедшие к ней территории 5 января 1921 г.

Примечания

- ¹ Čermelj L. Slovenci in Hrvatje pod Italijo. Ljubljana, 1965. S. 20.
- ² Istra i slovensko Primorje. Beograd, 1952. S.139.
- ³ Ibid. S.139-140.
- ⁴ Kacin-Wohinz M. Primorski slovinci pod italijansko zasedbo. Maribor, 1972. S. 19.
- ⁵ Ibid. S.25.
- ⁶ Ibid. S.25.
- ⁷ Chronista Sontiacus. Slovenci v Italiji. Ljubljana, 1928. S. 64.
- ⁸ Kacin-Wohinz M. Primorski slovinci pod italijansko zasedbo... S.44.
- ⁹ Ibid. S.60.
- ¹⁰ Nečak D., Repe B. Prelom: 1914 – 1918. Svet in Slovenci v 1. Svetovni vojni. Ljubljana, 2005. S. 237.
- ¹¹ Kacin-Wohinz M. Primorski slovinci pod italijansko zasedbo... S.64.
- ¹² Ibid. S.72.
- ¹³ Zečević M. Slovenska ljudska stranka i jugoslovensko ujedinjenje. Beograd, 1973. S. 193.
- ¹⁴ Nečak D., Repe B. Prelom: 1914 – 1918... S. 238.
- ¹⁵ Kacin-Wohinz M. Primorski slovinci pod italijansko zasedbo... S.72.
- ¹⁶ Ibid. S.72.
- ¹⁷ Istra i slovensko Primorje... S.141.
- ¹⁸ Ibid. S.141.
- ¹⁹ Istra i slovensko Primorje... S.144.
- ²⁰ Mirovna konferenca in oblikovanje mej /Slovenska novejša zgodovina. 1848 – 1992. Ljubljana, 2005. S.224.
- ²¹ Альдрованди Марескотти Л. Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника (1914–1919). М. 1944. С. 142.
- ²² Там же С. 163.
- ²³ Там же. С. 190.
- ²⁴ Istra i slovensko Primorje... S.142.
- ²⁵ Презрительная кличка по адресу немцев, распространенная во Франции во время и после Первой мировой войны.
- ²⁶ Альдрованди Марескотти Л. Дипломатическая война... С. 190
- ²⁷ Istra i slovensko Primorje... S.143.
- ²⁸ Ibid. S.143.
- ²⁹ Mirovna konferenca in oblikovanje mej /Slovenska novejša zgodovina. 1848 – 1992. Ljubljana, 2005. S.224.
- ³⁰ Nečak D., Repe B. Prelom: 1914 – 1918... S. 246-247.
- ³¹ Ibid. S. 247 -248.
- ³² Ibid. S. 247 -248.

Парадоксы историографии: Красная Армия в Болгарии осенью 1944 года

This article strives to analyze the outcomes of the research pursued in the modern Bulgarian historical science on the Soviet military presence in Bulgaria in 1944, to specify the evolution of assessments and considerations, to define the circle of questions, which remain disputable.

Ключевые слова: Красная Армия; Германия; страна-сателлит; освобождение; оккупация; советизация; мифотворчество.

В марте 1944 г. Красная Армия вышла на западную границу Советского Союза. До победного мая 45-го ей предстояли упорные кровопролитные бои за пределами национальной территории, больше года колоссального напряжения физических и моральных сил, тяжкого разрушительного солдатского труда...

Длительное время в отечественной историографии, как и в историографии стран «социалистического лагеря», а затем «содружества», для оценки военных действий СССР в Европе использовались эмоционально окрашенные, идеологизированные понятия «освободительный поход» и «освободительная миссия», тесно связанные с дефиницией «интернациональный долг». (Не случайно на ум приходят строки известного чешского поэта Витезслава Незвала, увидевшего себя, молодого, в Праге 9 мая 1945 г. «возле танков, где на башнях едут пыльные мессии»¹). Все вышеназванные термины обозначали особое предназначение советской страны как первого в мире социалистического государства по отношению к народам других стран. Именно с этих позиций обосновывалась «философия освобождения», включавшая в себя не только рассуждения о сущности, характере и диалектике мира и бытия, но и оценки практической деятельности людей на войне².

После крушения коммунистических режимов лавина новых документальных материалов, в том числе и о советском военном присутствии в Европе, смела многие прежние официальные, односторонние и упрощенные представления. Но при этом критике и забвению подчас предавалось и то объективное, правдивое, что было накоплено предыдущими поколениями исследователей. Обществу была предложена «актуальная» интерпретация истории, новые, нередко жесткие по форме, оценки и выводы, прямо противоположные былым суждениям.

В интересах справедливости следует признать, что этот процесс во многом облегчался отсутствием глубоких, аргументированных научных исследований. Да и в наши дни действия Красной Армии за рубежом все еще не получили всестороннего объективного освещения и, увы, остаются в числе проблем, деформирующих общественное сознание и подпитывающих напряженность в отношениях между странами бывшего «социалистического лагеря».

Сегодня вряд ли кто возьмется всерьез оспаривать, что научный подход к факту вступления и присутствия Красной Армии в Европе требует изучения всех сторон действий советского государства и его вооруженных сил за пределами СССР в 1944–1945 гг., анализа военной, политико-дипломатической, экономической, международно-правовой и иных составляющих действий Советского Союза и его армии. Не менее важно исследовать конкретную ситуацию в странах Европы, в частности, разобраться с имевшим место хронологическим совпадением и объединением двух разных процессов – освобождением от фашистской оккупации, в одних случаях, и устранением союзных Германии правительств, в других. Все еще не теряет актуальности и проблема соотношения военной необходимости вступления Красной Армии в Европу и политических целей Москвы, связанных с воздействием «советского фактора» на страны региона, решением проблемы территориальных приращений, в том числе и военными средствами, и пр. Эти вопросы ныне в числе тех, что испытывают на себе прямое воздействие политической конъюнктуры и процесса нового мифотворчества.

Крах социалистического общественного устройства в Восточной Европе вызвал волну критики действий советского политического руководства, в том числе и на рубеже войны и мира. В национальных историографиях стран бывшего советского блока дискутируется вопрос о необходимости продвижения частей Красной Армии за пределы СССР, «на штыках» которой якобы утвердились новые политические режимы. «Альтернативная» история предлагает читателю рассмотреть вариант «остановки» Красной Армии на западных рубежах СССР, уповая в дальнейшем на «естественный» ход событий. При этом полностью игнорируется военная задача по разгрому немецкого военного потенциала, оставшегося к весне 1944 г. весьма значительным³. Достаточно сказать, что на территории Европы Красная Армия провела более десяти (!) стратегических наступательных операций. Советское руководство имело также и четкие обязательства перед антигитлеровской коалицией, закрепленные в Тегеране в 1943 г.⁴ Кроме того, огромное значение имел конкретный факт – наличие в Европе оккупированных народов и государств, по отношению к которым прекращение военных действий было бы противоестественным шагом. Напомним, что еще в выступлении по радио 3 июля 1941 г. Сталин определил цель всенародной Отечественной войны как «не только ликвидацию опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»⁵. Не стоит при этом забывать и об историческом примере русских войск, завершивших освободительный поход против Наполеона в Париже. Остается лишь удивляться, насколько созвучным ситуации 1944–1945 гг. был приказ М.И. Кутузова от 21 декабря 1812 г., когда русская армия вышла на пограничные рубежи империи. «Храбрые и победоносные войска! – писал генерал-фельдмаршал. – Наконец вы на границах империи. Каждый из вас есть спаситель Отечества... Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его. Но не последуем

примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата. ... Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жителем. Справедливость и кротость в обхождении с обывателями покажет ясно, что не порабощения их и не суетной славы мы желаем, но идем освобождать от бедствия и угнетений даже самые те народы, которые вооружились против России»⁶.

Советское руководство было убеждено, что фашистская военная машина, а вместе с ней и нацистский режим, должны были быть разгромлены там, где возникли, – в самой Германии. Однако общественные настроения были далеко не столь однозначными, как рисовалось ранее. Конкретные материалы свидетельствуют, например, о том, что от военных политорганов требовались определенные усилия, чтобы разъярять личному составу необходимость ведения боевых действий за пределами СССР. Так, в преддверии боев на балканском направлении предстояло переломить настроения части красноармейцев, недоумевавших: «Почему мы идем в Румынию, когда нам говорили, что задача – изгнать противника со своей территории?»⁷ Вместе с тем многие документы отражают ясное представление личного состава частей и подразделений об особом, гуманном предназначении Красной Армии. Аналитические справки политуправления 3-го Украинского фронта, составленные перед болгарской наступательной операцией, свидетельствуют, что среди военнослужащих преобладало желание наказать болгарских «правителей-предателей» из династии Кобургов, помочь болгарскому народу обрести свободу и независимость, а настроения бойцов были в массе своей антинемецкими, а не антиболгарскими⁸.

Для отечественной историографии в целом характерны исследования советского военного присутствия в Европе на «макроуровне» – с точки зрения обеспечения военно-стратегических и политических интересов СССР в советской сфере влияния. Констатируется, в частности, что решение задачи обеспечения стабильности в восточноевропейском регионе, рассматривавшемся Москвой в перспективе как зона собственной безопасности, обусловило возникновение здесь при поддержке СССР коалиционных по форме и дружественных советской стране политических режимов, давших название целому этапу послевоенного развития Восточной Европы, – «народная демократия»⁹. Значительно более скромны результаты изучения пребывания советских воинских формирований в странах Восточной Европы на «микроуровне» – отношения советских военных властей с различными партиями и внутренними силами, представленными в политическом спектре конкретных стран, контакты военнослужащих с населением¹⁰. Восприятие советского солдата в освобожденной Европе – еще одна слабо изученная грань указанной проблемы.

В Болгарии, как и в других странах бывшего «социалистического содружества», проблема освобождения и советского военного присутствия приобрела особое значение на этапе посткоммунистического развития, хотя в целом традиции ее изучения в национальной историографии являются довольно прочными.

На раннем этапе ее развития, в 50-е – 60-е гг. XX в., установочный характер приобрели выводы о Красной Армии-двойной освободительнице – от болгарского «монархо-фашизма» и гитлеровской оккупации – и гаранте «естественного развития народно-демократической революции», не подвластного влиянию чьего бы то ни было внешнего вмешательства и внешних сил¹¹. Очевидно, что при таком подходе под внешним фактором понимались лишь западные державы. Отсюда проистекала следующая идеологическая установка периода эскалации холодной войны, согласно которой Красная Армия спасла Болгарию от новой, «англо-американской», оккупации, а народ – от «третьей национальной катастрофы»¹². Естественной видится при таком подходе и эмоциональная оценка некоторыми болгарскими учеными вступления Красной Армии в Болгарию как «счастья для болгарского народа»¹³.

Укоренение в массовом сознании тезиса о Красной Армии-освободительнице в значительной мере обуславливалось исторической памятью народа о «первом» освобождении в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В 1970-е гг. развернутые позитивные характеристики роли Красной Армии получили окончательное закрепление в официозных изданиях. Исследователи подчеркивали, что одним своим пребыванием на болгарской земле, «не принимая непосредственного участия в классовой борьбе», Красная Армия «ошеломила» противника, «парализовала» силы фашизма и буржуазии, вызвав одновременно «волну безудержного восторга и подъема народа», «открыла простор его революционной энергии, усилила уверенность в неизбежной исторической победе». Медленное продвижение советских частей по болгарской земле дало возможность внутренним силам «выполнить свою роль» при захвате власти Отечественным фронтом. Отрицая популярный идеологизированный тезис западной историографии об «экспорте революции», болгарские авторы подчеркивали, что победа национальных демократических сил была достигнута прежде, чем Красная Армия продвинулась в глубь страны, и что она не вмешивалась во внутренние дела Болгарии¹⁴.

1980-е годы продемонстрировали некоторую подвижку в оценках, в первую очередь, в их тональности: наметился отказ от былой пафосности. Особое подчеркивание роли внутреннего фактора в развитии событий в Болгарии в сентябре 1944 г. сопровождалось явным приуменьшением роли Красной Армии. Болгарские авторы трактовали вступление советских частей в страну, прежде всего, как импульс для развития революционного процесса. Основная задача, решавшаяся и решенная Красной Армией, заключалась в изгнании гитлеровцев из страны¹⁵, в то время как новая, народная, власть была установлена в результате взаимодействия комитетов Отечественного фронта и Народно-освободительной повстанческой армии, а не «советскими штыками»¹⁶. Помощь Красной Армии при решении вопроса о власти не имела, следовательно,

¹¹ Под двумя национальными катастрофами понимались поражение Болгарии во II Балканской (Межсоюзнической) и Первой мировой войнах, приведших, помимо прочего, к территориальным потерям.

определяющего значения. Иными словами, со своим «монархо-фашизмом» болгарский народ справился самостоятельно. На этом этапе установочный характер приобрела оценка, определившая фактическое «равновесие» роли внутреннего (вооруженная борьба народа под руководством коммунистов) и внешнего (вступление Красной Армии) факторов в развитии событий в стране¹⁷.

Постепенно в результате принципиальной переоценки вступление Красной Армии в Болгарию перестало символизировать освобождение страны. Да и само это слово, как и производные от него (освободительный поход, освободительная миссия, освобожденные страны), обрело новое написание – в кавычках, отразив тем самым понимание этих определений не в их обычном, прямом значении. На этом этапе болгарской «перестройки» отдельные историки заговорили о «духовном и физическом (!) геноциде, который ожидал все народы, оккупированные Красной Армией в конце Второй мировой войны»¹⁸. Другие, не довольствуясь болгарскими сюжетами, смело расширяли географический диапазон своих критических оценок, утверждая, в частности, что предшествовавшие наступлению на Берлин другие освободительные (разумеется, в кавычках) походы раскрыли «механизм формулы, примененной после Второй мировой войны в странах советской сферы влияния». Формула эта определялась не иначе, как «социалистическая колонизация» обширных территорий Восточной Европы¹⁹. Факт вступления Красной Армии на болгарскую территорию в сентябре 1944 г. все чаще стал оцениваться как «советская оккупация» и начало коммунистического тоталитаризма, приравняться к «перелому позвоночника» болгарской истории. Не будет преувеличением считать, что подобные суждения отражали в первую очередь политические воззрения авторов-противников коммунизма²⁰. Обрела второе дыхание дефиниция «третья национальная катастрофа», но теперь уже как состоявшийся исторический факт, с которым связывалось отклонение страны от «естественного исторического пути», очередное попадание в лагерь побежденных и вытеснение из «новых [территориальных] пределов»²¹.

В новейшей болгарской историографии наличествуют разные оценки вступления Красной Армии в Болгарию. Для одних исследователей аксиоматический характер приобрело определение «оккупация»²², по мнению других, рассмотрение стран советской сферы влияния, в том числе Болгарии, как сугубо «пассивных объектов», что сопрягается с оккупационным статусом, не совсем корректно. Добиваясь большей точности, исследователи ввели в научный обиход такие понятия, как «военно-политическое влияние и контроль СССР в Болгарии», страна-«субъект с ограниченным суверенитетом»²³. Известна и своего рода промежуточная оценка, отраженная в определении «символическая оккупация»²⁴.

Анализируя оккупационный статус Болгарии, исследователи обратились к вопросу о характере капитуляции болгарской армии – была ли она безоговорочной? Этот вопрос также приобрел ранг дискуссионного. Если одни авторы считали, что многие статьи Соглашения о перемирии (28 октября 1944 г.) фак-

тически основывались на принципе безоговорочной капитуляции²⁵, то другие напоминали о том, что болгарская армия не только не была разоружена и демобилизована, но и сразу же вошла в оперативное подчинение командования 3-го Украинского фронта и в его составе участвовала в боевых действиях против Германии. Это обусловило возникновение особого, «промежуточного», статуса страны, который еще раньше, в британских подготовительных материалах к Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г., определялся как возможная «частичная оккупация»²⁶. Показательно, что сторонники этих разных точек зрения сходятся в одном: по своему содержанию советско-болгарские отношения указанного периода выходили далеко за рамки формулы «победитель-побежденный», что подтверждалось, в частности, некоторыми особенностями деловых контактов болгарского правительства с СКК.

Заметим, что для российского читателя восприятие термина «оккупация», кстати, не только применительно к Болгарии, затрудняется исторической памятью населения о времени немецко-фашистской оккупации части территории Советского Союза: на первый план, безусловно, выступают собственный национальный опыт и его эмоциональная составляющая.

Современное состояние болгарского общества таково, что оно слабо приемлет промежуточные, сделанные с разных ракурсов оценки и подходы. Как и у нас, в России, там с трудом воспринимается рассмотрение того или иного явления на основе принципа «с одной стороны» – «с другой стороны». Уставшее от недоговоренностей, тайн и откровенных фальсификаций общество тяготеет к однозначной категоричности. Тем сложнее положение исследователей, которые предлагают рассматривать советское военное присутствие в Восточной Европе как весьма сложное, многоаспектное явление, с учетом следующих подходов:

– «общецивилизационного», предполагающего адекватную оценку исторического факта разгрома гитлеровской Германии Красной Армией и силами союзников и освобождения Европы от фашизма;

– *формационного*, отражающего формирование в конце 1940-х годов в Восточной Европе политических левототалитарных режимов советского типа и, как «зеркальный» процесс, – восстановление «правоавторитарных монархических режимов» в условиях британского военного присутствия в Греции и Бельгии;

– *конкретно-юридического*, призванного оценить наличие в Болгарии вплоть до декабря 1947 г. Союзной контрольной комиссии и военных комендатур, что свидетельствует о военной оккупации страны-сателлита гитлеровской Германии²⁷.

Подобный подход, предполагающий разграничение предусмотренной соглашениями в рамках антигитлеровской коалиции военновременной оккупации стран-сателлитов гитлеровской Германии, в том числе и Болгарии, и политических и идеологических последствий вступления Красной Армии

в Восточную Европу, видится справедливым. Трактующее же с позиций якобы имевшей место послевоенной советской оккупации и колонизации стран региона установление социалистического режима («советизация») вряд ли можно рассматривать иначе, как результат процесса нового мифотворчества, отражающий очередной виток политизации исторических исследований.

Примечания

¹ *Витезслав Незвал*. Знамена девятого мая (перевод К. Симонова) // *Константин Симонов*. Стихи. Поэмы. Вольные переводы. 1936–1961. М., 1963. С. 386.

² Подробнее см.: *Философия освобождения*. Коллективная монография. М., 2005. С. 5.

³ *Золотарев В.А.* К читателю // *Русский архив*. Вып. 14. Великая Отечественная. М., 2000. С. 8.

⁴ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: в 2-х томах. Т.1. М., 1976. С.267.

⁵ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С.16.

⁶ Цит. по: *Владимир Муравьев*. Московские слова, словечки и крылатые выражения. М., 2007. С. 186.

⁷ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 243. Оп. 100198. Д. 1. Л. 77.

⁸ Там же. Оп. 2914. Д. 61. Л. 219–220.

⁹ См., например: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1993.

¹⁰ Например: *Сенявская Е.С.* Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества // *Вопросы истории*. 2006. № 11; *Волокитина Т.В.* «Друзья» и «враги» в советской пропаганде военных лет: балканское измерение // *Россия – Болгария: векторы взаимопонимания*. 18 – 21 вв. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2010.

¹¹ *Горненски Н.* Въоръжената борба на българския народ за освобождение от хитлеристката окупация и монархофашистката диктатура (1941–1944). София, 1956. С. 287–288.

¹² *Социалистическата революция в България*. София, 1965. С. 172–173.

¹³ *Горненски Н.* Указ. соч. С. 317.

¹⁴ *История на антифашистката борба в България*. 1939–1944. Т. 2. София, 1976.

¹⁵ *Сирков Д.* Антифашистката борба в България по време на Втората световна война (1939–1944). София, 1980. С. 48–49.

¹⁶ *Исусов М.* Сталин и България. София, 1991. С. 132.

¹⁷ *Димитров И.* Тодор Живков за Деветосептемврийската социалистическа революция // *Исторически преглед*. 1985. Кн. 9–10. С. 14–15.

¹⁸ *Цветков П.* Руската и съветската имперска система // *България между Европа и Русия*. Научна конференция. 10–11 октомври 1997 г. С. 91.

¹⁹ *Богданова Р.* Лошата слава на най-верния сателит. Българо-съветски политически отношения след Втората световна война // *България и Русия: между признателността и прагматизма*. София, 2008. С. 500, 552; *она же*. Политическа иконография на «социалистическото строителство» // *Известия на Българското историческо дружество*. Т. 40. София, 2008. С. 391.

²⁰ См., например: *Божилков И., Мутафчиева В., Косев К., Пантев А., Грынчаров Ст.* История на България. София, 1998. С. 499 (автор соответствующего раздела – Ст. Грынчаров); *Луджев Д.* Град на две епохи. История на обществените групи в българските градове в средата на ХХ век. София, 2005. С. 7, 217.

²¹ *Марков Г.* Българската история вкратце. София, 1992. С. 269–271.

²² *Линтев Ст.* Выступление в дискуссии на «круглом столе» «Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година» (София, април 1997 г.) // *България в сферата на съветските интереси*. София, 1998. С. 243, 248; *Спасов Л.* България и СССР. 1917–1944 (Политико-дипломатически отношения). Велико Търново, 2008. С. 486–487.

²³ *Богданова Р.* Лошата слава... С. 552.

²⁴ *Зафиров Д.* Проникване на съветското влияние в българското военно изкуство (1945–1960 г.) // България в сферата на съветските интереси... С. 96.

²⁵ *Пинтев Ст.* Выступление в дискуссии на «круглом столе» «Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година» (София, април 1997 г.) // България в сферата на съветските интереси. София, 1998. С. 243, 248.

²⁶ *Тошкова В.* Выступление в дискуссии на «круглом столе» «Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година»... С. 248.

²⁷ *Баев Й.* Проблеми на българо-съветските военнополитически отношения (септември 1944 – декември 1947) // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 310–311.

V. Современные исследования в славянском языкознании

А. А. Плотникова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Балканославянская культурная лексика: дериваты от *SURVA*

Abstract:

Plotnikova A.A. *BALKAN – SLAVIC CULTURAL LEXIS: derivatives of *SURVA*

BALKAN – SLAVIC CULTURAL LEXIS: derivatives of *SURVA. The article discusses the geographical distribution and the etymology of the terminological ritual lexis formed from *surva. The significance of the areal factor is shown to confirm the various hypotheses about the irradiation center of the term in the Balkans.

Ключевые слова: новогодняя обрядность, культурный диалект, балканские славяне, ритуальное битье, этимология, ареалы.

Диалектный континуум и типы ареалов

Изучение диалектных зон и ареалов по данным терминологической лексики духовной культуры требует тщательного выявления экстралингвистических контекстов ее функционирования (из сферы календарной и семейной обрядности, народной мифологии и др.). Очень часто именно экстралингвистические признаки помогают определить или уточнить зоны «культурных диалектов» в генетически однородном (например, Славия) или неоднородном (например, зона Балкан) пространственном континууме.

О «культурном диалекте» в этнолингвистическом аспекте писал Н.И. Толстой в связи с новым подходом к изучению славянской лингвогеографии, который базируется на идее о том, что «диалект (равно как и макро- микродиалект) представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую...»¹.

По результатам многих собственно лингвистических признаков определяется восточная, или балканская, часть Южной Славии (см., например, пучки изоглоссы, определяемые П. Ивичем²).

К балканским признакам в сфере народной духовной культуры и отражающей ее лексики относятся (статус балканского признака в данном случае достаточно жесткий – такого же уровня «балканскости» как, например, наличие постпозитивного артикля в южнославянских языках):

* Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект «Карпатская культурно-языковая общность в балканской перспективе».

– использование амулета «мартеница» (редкими являются иные названия амулета),

– празднование «волчьих» дней (причем изолекса дериватов наименований праздника от **vьlk* проходит через западную Болгарию, а изодокса — через восточную Сербию, где распространены наименования типа *Мратинци*) и др.

К тому же разряду исключительно балканских признаков относится обычай новогоднего обхода с оплодотворяющими прутиками типа *сурвакари*, о котором пойдет речь в данной работе.

Балканский характер (или характер балканских инноваций) отмеченных признаков определяется наличием тех же признаков в балканских неславянских традициях и отсутствием таковых в традициях Северной Славии (восточнославянских и западнославянских).

Западная граница балканославянского диалектного континуума отличается динамикой распространения признаков, относящихся к различным уровням языка. Многие так называемые балканские инновации в языке имеют сильно размытые контуры на западной границе балканославянского ареала (территория Сербии), показывая направление распространения балканизмов в северо-западном направлении (например, аналитический тип склонения, отсутствие тонических характеристик ударения). Картографирование терминологии традиционной духовной культуры в совокупности с соответствующими экстралингвистическими признаками, позволяет выявить различные типы конфигурации балканославянского ареала, а также градицию внутри этого ареала в его западной части. На основе картографирования экстралингвистических особенностей новогодних процессий колядующих, обозначаемых дериватами от **surva* (с учетом фонетико-словообразовательных вариантов терминов), определяются широкий и узкий ареалы в зоне бытования культурного термина у балканских славян – болгар, македонцев и отчасти сербов.

Как показывает карта диалектной лексики от **surva*, данная терминология обнаруживается только в восточной части южнославянского ареала³. По поводу функционирования терминологической лексики, образованной от **surva*, необходимо сделать следующие замечания.

На карте показан ареал лексемы **surva* и дериватов как терминологической лексики, обозначающей новогодний обрядовый обход колядующих разного типа (традиционного типа, с палочками, и все другие: колядующие без ритуального предмета, ряженые с имитацией свадьбы, колядующие без масок, но и без функции битья ветками, палочками, а также функционирование культурного термина **surva* в речи колядующих, называемых иначе, например, *вазилчари*).

Терминологическая лексика от **surva* на болгарской и македонской территории преимущественно представлена в форме с [y] в корне: *сурвакари* ‘обрядовые лица’, *сурвачка*, *суровачка*, *сурвиска* и т.п. ‘обрядовый атрибут (специальная палочка, ветка)’, *сурвакане* ‘новогодний обрядовый обход с битьем домочадцев’, *Сурваки* ‘праздник Нового года’ и т.д. Однако повсеместно в южной и юго-восточной Сербии, а также в ряде мест северной Македонии

и Средней Западной Болгарии отмечаются лексемы с корневым [и]: ю.-вост.-серб. *сировари* (Лесковац, Буяновац, Пчиня; в Лесковацком Поморавье – еще и *сироварски кравај* для одаривания колядующих), *сироваршине* (Вране), с.-макед. *сировари* (Куманово, Крива Паланка), з.-болг. *сироваскари*, *сироваскарé* (Кюстендилский край), *сировашкари* (Бурел), при этом обрядовые атрибуты (прутья, палки) могут называться как *сировн'аци* (Бурел), *сироваски* (Кюстендил), так и *суровице* (серб., Вране). В южносербских областях словообразовательное гнездо, соответственно, также преимущественно с корневым [и]: *сироварство*, *сироварштина* 'новогоднее колядование' (Горня Пчиня).

На всей остальной территории Болгарии, кроме крайней западной ее части, преимущественно бытуют варианты с [у]: *сурвари*, *сурвакари*, *суркувари*, *суруфкари*, *сурвакарчета* и т.д. 'новогодние дружины, совершающих обход с прутиками', *сурвачка*, *сурватка*, *сурувачка* и т.п. 'кизиловый или иной прутик для битья', *сурвакане* 'новогодний обход с прутьями', *сурвакня* 'новогоднее благопожелание'

У з к и й ареал образуют названия от **surva* как обозначение новогодних дружин колядующих традиционного типа, исполняющих ритуальное битье домочадцев палочкой, веткой, специальным жезлом с украшениями и т.п., распространены практически на всей территории Болгарии и отчасти в Македонии. Именно этот тип «сурваканья» известен балканским неславянским народам – грекам (*σούρβα*) и румынам (*umblă, merg cu sorcova* 'идут с «сорковой»').

В отдельных районах Македонии (на севере и юге) фиксируются названия от **surva* как обозначение новогодних дружин колядующих без ритуального предмета – палочки, ветки, украшенного жезла. В Македонии также отмечено и функционирование терминологической лексики от **surva* только в ритуальной речи новогодних дружин колядующих (в поздравительных вербальных клише, обрядовых песнях), например, в районе Прилепа колядующие обходят дома и поют песни, начинающиеся словами «Суројца, габројца...»⁴. При этом наименования самих колядующих либо отсутствуют, либо не связаны с **surva* (*џамалари*, *василичари*), например в районе Велеса *василичари* – новогодняя дружина ряженных с персонажем *невеста*, для которой собирают деньги, высказывая пожелания счастливого нового года: «Суро̀ва, суро̀вица, вéсела го̀диница!»⁵. Очевидно, эти центральные и южные регионы Македонии по данному признаку формируют переходную зону отсутствия / наличия обряда «сурваканья» традиционного типа.

Четко определяемый микроареал в пограничной зоне западной Болгарии (район Кюстендила и Перника), южной Сербии (Вранское Поморавье, район Буяноваца, Пчиня, Прешево) и северной Македонии (Куманово, Крива Паланка, Делчево) образуют наименования, связанные с **surva*, как обозначение новогодних дружин ряженных, имитирующих свадьбу (с персонажами «жених» и «невеста»), то же явление отмечено в верхнем течении р. Марица, в районе Пазарджика и Чепина. В северной Македонии этот ареал, возможно, подтверждается названиями от **surva*, обозначающими новогодние дружины ряженных и в тех случаях, когда тип ряжения в источнике не указывается (в кон-

тексте описания подразумевается, что дружина ряженных изображает свадебную процессию⁶.

Единичный случай названия от *surva как обозначения новогодних дружин колядующих с обрядовым реквизитом иного типа (колокольчики, дубинки) обнаруживается у сербов Лесковацкой Моравы: колядующие без масок, называемые *сировари*, шли с криком «Сирово – бурово!», собирали продукты; для них пекли специальный хлеб – *сироварски кравај*⁷. И это самый западный пункт распространения термина от *surva в Сербии и соответственно – в южнославянском континууме.

Таким образом, значительная часть всего ареала обрядовой лексики от *surva либо показывает отсутствие основного типа традиционного обхода с прутом (южная Сербия, Средняя Западная Болгария, северная Македония), либо отмечена параллельным существованием иных обрядовых контекстов, связанных с новогодней обрядностью (территория Македонии).

Этимология терминов от *surva

Как уже упоминалось выше, традиционный обход новогодних обрядовых лиц с веточками, включающий битье людей, скота, построек и т.д., известен в балканских неславянских странах, в Греции и Румынии. Причем, особенно важно отметить, что этот обряд вместе с обозначающей его терминологией от *surva бытует в северной Греции (греческой Македонии и Фракии) и южной Румынии. Так, у греков в районе г. Козани (Эгейская Македония) при сборе материалов для «Малого диалектологического атласа балканских языков» зафиксировано: та Соурва ‘вечер перед Новым годом’; ‘группа детей или взрослых, обходящих дома с благопожеланиями на Новый год’; ‘новогодняя ночь’; ‘дары колядующим и ритуальный хлеб для них’, а также и ‘кизиловая палка или ветка, которой колядующие били встречаемых в ночь на Новый год’⁸. Таким образом, в этом греческом регионе представлен весь спектр значений *surva, известных в болгарском и македонском языках.

Что касается территории Румынии, то наиболее достоверный на сегодняшний день этнографический источник – Мушля И., Бырля О. «Типология фольклора. Из ответов по вопроснику Хашдеу» – позволяет определить бытование этого обряда в следующих областях Румынии (с востока на запад): Добруджа (Констанца, Тульча, Брэила), Мунтения (Яломица, Дымбовица, Прахова, Мусчел, Буззу, Рымникул-Сэрат), Олтения (Телеорман, Олт, Долж) и Банат⁹. Другими словами, очевидно преимущественное распространение обряда в южной части Румынии,¹⁰ примыкающей к болгарскому культурно-диалектному континууму.

По поводу этимологии *surva и его дериватов существует две версии.

Первая, греческая, версия подкрепляется идентичными обрядами в северной Греции, там же фиксируется обслуживающая обряд терминология: соурва ‘обряд новогоднего битья ветками’, ‘ветка, обрядовый атрибут’ и т.д. Сторонники греческой этимологии предлагают искать происхождение обрядовых терминов от соурва ‘плоды дикой груши’ (соурвиá ‘дикая груша’ из лат. *sorbus*

‘груша’)¹¹, либо соѡрѡа ‘кизил’¹². М. Филипова-Байрова высказывает гипотезу о том, что обычай болгарского «сурваканья» первоначально появляется в Македонии и восточной Фракии под влиянием подобных обычаев в Византии (известных до настоящего времени в Понте и Кападокии), в свое время заимствованных от римлян¹³.

Славянская версия происхождения термина связывается с *суров* в значениях ‘сырой, влажный’, ‘дающий жизнь’¹⁴ или же со значением ‘крепкий’, ‘твердый’¹⁵. При этом северногреческие термины рассматриваются как заимствования (вместе с обрядом) из болгарского, поскольку это территория тесных славяно-греческих контактов¹⁶. В этой связи любопытны, на наш взгляд, периферийные формы *сировари* (южная, юго-восточная Сербия), *сироварштинe* (Западная Болгария), иногда рассматриваемые сторонниками греческой этимологии как действие «народной этимологии» в южнославянских языках, усиливающей сходжение со значениями ‘сырой, влажный’ и под.

В версии славянского происхождения термина исследователями подчеркивается изначальное функционирование **surva* в качестве заклінательной формулы (зачины благопожеланий: *Сурва, сурва година* или *Сурова, сурова година*), при этом вторичными являются глагол *сурвакам*, отглагольные существительные *сурваканe* и под. Достаточно логично в таком случае, что рум. *sorcova* ‘ветка для новогоднего обхода с битьем’ рассматривается как существительное от глагола *a sorcovi*, которое в свою очередь происходит от болг. *сурвакам*. Любопытно, что именно в румынской традиции на уровне самого обрядового текста сохраняется идея битья «живой, сырой, свежей» веткой: в Олтении¹⁷ в день св. Андрея дети отрезают ветки плодовых деревьев – яблони, груши, черешни, сливы – и ставят в теплое место в сосуд с водой, чтобы на Новый год при обходе для битья родителей и родственников использовать уже давшие листву и расцветшие ветки.¹⁸

Третья версия, которую автору приходилось слышать в беседах с коллегами-этнографами из Румынии, связана с идеей происхождения самого обряда как субстратного элемента (фракийского, протобалканского), но на уровне языка эта версия никак не подкрепляется лексическим материалом, тогда как сама идея ритуального битья веткой, прутьями с целью наделения объекта здоровьем, силой, крепостью известна практически всем славянам, о чем писал еще Н.И. Толстой, исследуя ритуальное битье у славян¹⁹, причем ритуал может быть приурочен как к рождественско-новогоднему периоду (и дням, ему предшествующим),²⁰ так и к весенним праздникам.²¹ Вместе с тем, сам термин **surva* не известен в славянских традициях вне Балканского полуострова.

Таким образом, обратившись к арсальной картине бытования термина, мы видим, что по первой версии (греческой) распространение обряда и термина шло с юга на север (из Греции через всю Болгарию в Румынию), захватывая примыкающие к болгарско-македонской зоне и области южной и юго-восточной Сербии, где известны формы типа с *сиров-* (*сировари* и под.). По второй версии, центр иррадиации термина следует искать на территории вос-

точной части южнославянского континуума, возможно, на территории греко-славянских контактов, т.е. у славян в той же фракийской области Греции, откуда они распространились далее на север, либо же в зоне архаического сербско-болгарского пограничья, в южной его части, где до сих пор сохраняются формы с *сиров-*. При этом болгарские и македонские обрядовые термины *сурва*, *сурова* и т.п. оказываются специфическим славянским образованием именно в восточной части Южной Славии и типологически, в контексте греческого и румынского культурного словаря, могут и должны считаться балканизмами.

В заключение необходимо еще раз обратить внимание на ареальный критерий в этимологических исследованиях: в данном случае этот критерий, во-первых, подтверждает версию о болгарском заимствовании в румынском – *sorsova* (в противовес возможным дакийским, протобалканским и иным версиям этнографов); во-вторых, показывает компактный ареал наименований с *сиров-* в сербско-болгарско-северномакедонском пограничье, аналогично другим архаическим компактным ареалам в зоне сербско-болгарского пограничья (*Лада*, *тенъц*, *росоманка* и др.)²², что укрепляет теорию о первичном возникновении культурных терминов от слав. *сиров-/суров-* с чередованием в корне. Впрочем, ареальный критерий в данном случае оставляет возможности и для греческой этимологии термина, поскольку показывает западную границу восточного южнославянского ареала **surva*, сопоставимую с иными изолексами и изодоксами в этой части Южной Славии, в ряде случаев маркирующих границу греческого культурного влияния на южнославянский мир.

Примечания

¹ Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 21.

² Ивић П. Српскохрватски дијалекти. Њихова структура и развој. Прва књига. // Ивић П. Целокупна дела. Сремски Карловци — Нови Сад, 1994. С.25, 27.

³ См. Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 420.

⁴ Ристовски Б. Машките еротски народни песни околу коледниот огин во некои места во Македонија // Македонски фолклор. Скопје, 1975. Год. VIII. Бр. 15–16. С. 222.

⁵ Село Теово, обл. Азот, соб. зап., 1999 г. (Республика Македония).

⁶ См., например: Светиева А. Обреди со маскирање кај Македонците и другите Балкански народи за време на сезонските промени // Balkanoslavica. Прилеп, 1998. Бр. 25. С. 63,67.

⁷ Борђевић М. Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави // Српски етнографски зборник. Београд, 1958. Књ. 70. С. 354–355.

⁸ Зайковская Т., Зайковский В. Этнолингвистические материалы из Северной Греции (с. Эратира, округ Козани) // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 159.

⁹ Muşlea I., Bîrlea O. Tipologia folklorului. Din răspunsurile la chestionarele lui B.P. Hasdeu. Bucureşti, 1970. S. 328–329.

¹⁰ Современные полевые обследования, предпринятые российскими учеными по этнолингвистической программе в Олтении (регион Вылчи, собиратель – Н.Г. Голант) и Мунтении (регион Буззу, собиратели – А.А. Плотникова, Н.Г. Голант), подтверждают хорошую сохранность обрядов «сборковой» (*cu sorsova*).

¹¹ Филипова-Байрова М. Гръцки заемки в съвременния български език. София, 1969. С. 161.

- ¹² Йорданова Л. За народните сурвачки в България // Известия на Етнографския институт с музей. София, 1968. Т. 11. С. 278.
- ¹³ Филипова-Байрова М. Към въпроса за произхода на думата *сурва* и обичая да се сурвака на Нова година // Български език. София, 1965. Год. XV. Кн. 6. С. 515–519.
- ¹⁴ Тодоров Т. Относно произхода на *сурва*, *Сурва*, *сурвакам*, *сурвака*, *Сурваки* и на други производни от *сурва* // Български език. София, 1993/1994. Год. XLIII/XLIV. Кн. 4. С. 346.
- ¹⁵ Эту гипотезу Ст. Младенова поддържава Сетакова И.А., см. Сетакова И.А. Лексика и символика святочно-новогодней обрядности болгар. Дисс. на соиск. ...канд. филол. наук. М., 1984. С. 73.
- ¹⁶ Тодоров Т. Op. cit. С. 344.
- ¹⁷ Pamfile T. Sărbătorile la Români. Studiu etnografic. București, 2005. S. 230–231.
- ¹⁸ Рассказы о подобных ритуалах автору статьи довелось услышать и в Мунтении (район Бузэу, село Сэрата-Монтеору, 2007 г.), например: «На святого Андрея приносят ветки. Ставят ветки яблони, груши, вишни, мирабели, сирени, разные. Ставят в кувшин. И они до Нового года расцветают. Стоишь спиной, и по спине, здесь, тебя бьют этими цветочками». При этом произносится благопожелание *Sôrcova veselă* «Веселая Соркова»: «Веселая *Sôrcova*, живите до старости, как яблоня, как груша, как стебель розы и т.д.»
- ¹⁹ Толстой Н.И. Из «грамматики» славянских обрядов // Σημεϊωτικῆ. Труды по знаковым системам. 15. Типология культуры и взаимное воздействие культур. Тарту, 1982. С. 57–71.
- ²⁰ Ср., например, ритуал, во многом идентичный румынскому, у лужицких сербов: «в день св. Андрея бьют расцветшими вишневыми ветками, заранее поставленными в воду, “чтобы передать людям жизненную силу”» (Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 177).
- ²¹ Подборка ритуалов битья в календарные праздники прутьями, ветками (весной, как правило, вербовыми) представлена в статье «Бить» (Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 177–179).
- ²² Плотникова А.А. Указ. Соч. С. 715.

Показатели ближнего дейксиса
как способ формирования
личного пространства говорящего
(на материале «Колумниве пред години –
ТВ Сеирџија» Трендо)

Abstract:

Boronnikova N.V. *Indicators of the near deixis as a method of forming speaker's personal space (based on "Колумниве пред године – ТВ Сеирџија" by Trendo)*

This paper explores the semantics of the near deixis in Macedonian language. The study is based on the publicistic texts Macedonian journalist Trendo, which contain reviews of the topical events in the country. The main hypothesis suggests that the figures of the near deixis form a special personal space for the speaker.

Ключевые слова: ближний дейксис, личное пространство, македонский язык, идиолект.

Указание на структуру и своеобразие интерпретации высказывания в зависимости от времени и места его произнесения, от того, кто является говорящим и адресатом, от объектов и событий, непосредственно связанных с реальной / ирреальной ситуацией общения, представляет собой дейктическую основу языка.

В дейктическую систему македонского языка входят три показателя: *–в*, *–т*, *–н*. Показатели с корнем *–в* указывают на близкий к говорящему предмет, *с–н* – на удаленный от субъекта речи предмет, основное назначение показателя *с–т* – указание на определенность, известность предмета для слушающего с точки зрения говорящего¹. Система указателей македонского языка соотносится с тремя грамматическими лицами: первый член указывает на сферу говорящего, второй – на сферу собеседника (нейтральную, с точки зрения пространственного дейксиса), третий – на сферу, безразличную к сфере говорящего и собеседника. В статье будут рассмотрены семантика и функции показателя ближнего дейксиса *–в* в первичной (ситуативной) дейктической функции (текстовые функции детерминативов не рассматривались).

По нашим наблюдениям, показатели ближнего дейксиса маркируют так называемое «личное» пространство субъекта речи. Это сфера, которую человек ассоциирует с собой и присваивает себе на данный момент. Находясь в центре этой сферы, он произвольно очерчивает вокруг себя границы, переступать которые «чужаку» запрещено. Кроме того, как отмечает Ю. Д. Апресян², человек способен включать в эту сферу «все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально: это некоторые люди, плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его

предметы, природа, поскольку он образует с ней одно целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты, боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится <...> в его сознании»³. «Это пространство, – по словам А. В. Кравченко⁴, – является не постоянной, а переменной величиной, зависящей от различных психологических и социальных факторов»⁵, границы и наполнение этой сферы могут сужаться и расширяться в зависимости от интенции личности. Личное пространство человека является, как отмечает Ю. Д. Апресян⁶, фрагментом наивной картины мира и находит свое отражение в языке.

По мнению Т. В. Цивьян, категория дейксиса в балканских языках играет «особо отмеченную роль, и стремление “определиться во времени и пространстве”, выражено здесь чрезвычайно остро»⁷. «<...> главной функцией балканского дейксиса остается *присвоение субъектом пространства*, идет ли речь о реальном пространстве или о пространстве текста и дискурса. <...> Балканский дейксис настойчиво ориентирован на субъекта сообщения, принятого за точку отсчета; субъект сообщения формирует свое собственное пространство, очерчивает его границы и тем самым вносит лепту в создание балканского пространства (БП). Одна из особенностей БП – сложное переплетение *своего* и *чужого*, что проявляется в непреложности этой оппозиции как данности, как основы членения мира и одновременно в динамическом колебании значений в пределах самой этой оппозиции. Соответственно членение пространства (в данном случае – балканского) должно быть сугубо относительным. Тем самым вновь возникает идея субъективности: идет ли речь о реальном пространстве или о метафорическом, субъект сообщения (говорящий) делит (“присваивает”) его по своему усмотрению»⁸. Как правило, функции дейктических элементов в балканском текстовом пространстве рассматриваются на фольклорном материале⁹, мы попытаемся рассмотреть функции показателей ближнего дейксиса на материале текстов одной языковой личности.

В качестве материала исследования были использованы публицистические тексты, принадлежащие Сашо Мацановскому (Трендо) (род. 1967), которые представляют собой еженедельную рубрику, выходившую в пятничном приложении к газете «Дневник» «Антенa» (2000 – 2002 гг., «Колумниве пред години – ТВ Сеирција»). Колонка Трендо посвящена анализу телевизионного обзора актуальных событий в Македонии.

Повествование в авторской рубрике, по вполне естественным причинам, ведется от первого лица. Трендо позиционирует себя как непосредственного участника событий и одновременно выступает в качестве стороннего наблюдателя за происходящим, анализируя факты современной действительности и полемизируя с другими участниками событий. Объединяет эти тексты в целостное произведение личность автора, общая тематика, а также образ читателя-собеседника, соотечественника македонца, с которым можно в непосредственной и живой манере обсуждать насущные проблемы.

Несколько слов следует сказать о языке рубрики. В целом его можно охарактеризовать как литературный, но автор намеренно использует элементы

сленга, сниженной лексики, журналистского жаргона и городского субстандарта (г. Скопье). Особо хотелось бы отметить, что в области морфологии имени субстандарт г. Скопье характеризуется высокочастотным использованием членной морфемы *-в* (и не только в собственно пространственном значении). Кроме того, здесь наблюдается удвоение показателей определенности в пределах одной именной синтагмы (членная морфема+указательное местоимение)¹⁰.

Как известно, в ситуации непосредственного общения с помощью показателей ближнего дейксиса говорящий маркирует физически близкие предметы (так проявляется первичная пространственная функция дейктиков). В случае с Трендо ближайшим пространством зачастую является компьютерный стол, за которым журналист пишет свою колонку, и все, что находится на нем: *И затоа, додека уште седам пред мојов монитор, со маица синдикалка, каубојска шапка, каранфил на увото и личам на вонбрачно дете на Каламити Џејн и Алија Сиротановиќ ... (ДА ГО ИСПУДИМЕ ДУШМАНОТ СО ПЕСНА); А јас лефтерно си ја накривувам тастатурава на страна и отчукувам: Тејк ит изи амигос, тејк ит изи (ОД УБАВО – ПОУБАВО); Дремам над мојава маскирна тастатура и не можам да се изначудам каква бура штотуку ги почеша нашите релаксирани меѓунационални газиња (ШУШТЕТЕ МАКЕДОНСКИ); Да се валкам по скопската прашина и да замислувам дека сум Баја Патак кој весело нурка во своето богатство, да си ги тријам петиците со калдрма и да верувам дека се работи за кочан долари, да цедам водени жигови од еврата и после со таа света вода да си ја покрстам тастатурава, за да ми тргне бизнисов? (МЕГУ ОБРАЗОТ И ГОНОТ)*. Непосредственным результатом работы журналиста становятся тексты, которые он создает: *Овие текстови се пишувани од крајот на 2000-та година а се објавувани во неточниот прилог на Дневник – Антена. Создавани се во времето кога мене се уште ми се пишуваше а Вам се уште ви се читаше (ПРЕДГОВОР); Средата дојде, јас треба да го предавам текстов, а на близначките уште се мудруваат истите муабети (ЗРНО БЕЉА); Читателки на Трендо, како и лица чиј поглед се движи во рамките на оваа страница а се делови на машкиот пол, еврејското лоби, кајкарската репрезентација, грнчарскиот еснаф, ацтечката цивилизација... доста кукате дека немате пари, дека визи не ви даваат, дека телефонот ви го исклучиле по грешка (ИЗГОРЕВМЕ ЗА БОЗА!)*.

Кроме того, могут быть маркированы части тела, предметы одежды и обихода, принадлежащие говорящему. Все это позволяет данную функции детерминатива воспринимать не только как указательную, но и как посессивную: *Види сега, најмалку 30 проценти од пратениците да биле жени. Колку симпатична идеја, просто мидеров ми пука од радост. А зошто минимум 10 посто од пратениците да не бидат далтонисти? Зарем некој друг може адекватно да го изрази нивниот поглед на работите? (НИЕ И ЖЕНИТЕ – 2 МИЛИОНА); Ах, жена: не можеш да живееш без неа, а не можеш ни да ја закопаш во двор без да те види комшијата. Каков скот сум, нели? Добро, можев и нешто попривно да гукнам по повод денот на жената, мајката, сестрата*

и швалерката, ама искрено да ви кажам, најдраги мои сифражетки, свечено ме заболело **тестостеронов** за тој празник (НИЕ И ЖЕНИТЕ – 2 МИЛИОНА); Постојано свесен за последиците од избрзаното донесување поголеми чекови: знам дека во градов (=Скопје) се прави масовно сиртаки со коските, знам дека Брза Помош не може секаде да стигне – додека дојдат тие, **коскава** сама ќе ми зарасне (ГРАД НА ГЕЈШИТЕ). Иногдa Трендо демонстрирует игру слов, используя абстрактную лексику в несвойственном ей значении и в некоторой степени конкретизируя, опредмечивая ее за счет контекста и использования пространственной морфемы: *Ај на нека ми е честито! Не брe уставот. Ме заболело **амандманов** за уставот. Тој нека влегува во историјата и без мене. Овде и онака полесно се влегува во историја отколку во градски автобус. Ќе се видиме јас и тој за едно 10 години. Некаде во Жена парк, ќе завиткаме по една марлиевски домаќинска, ќе извадиме домино како стари хипици и ќе си поприкажеме за здравјето: како мене ме служи тастатурава, како него го служат патериците кои пред 10 години му ги поклати редакцијата на ОНА, како јас ја издржувам пропишаната програмска тв диета, како неговите вештачки заби се снаоѓаат со жиливото месо на човековото право за мито и корупција (ОД УБАВО – ПОУБАВО).*

«Пространство» субјекта речи расширяется не только за счет включения принадлежащих ему неодушевленных объектов, но и за счет людей, которых говорящий включает в свой «ближний» круг. Это могут быть члены семьи, близкие друзья, соседи, коллеги по работе, единомышленники. Члены ближнего круга, как правило, маркируются лексемами **наш, мој**. Тематика нашего материала обуславливает появление людей ближашего социального круга (приятели и коллеги), а также ряда персонажей, фигурирующих в македонском медийном, культурном, политическом пространстве, нередко получающих наименования **наши, наши луѓе, нашинци**: *Пред некој ден со еден пријател, на кафе ги расплетуваме ваквите слики. Му свони мобилниот. Жена му. Разговараат неколку минути (таман колку јас да се сирнам со мојата Милена во ровот). Разговорот завршува а **пријателов** и ми вика: Ете ти, јас објаснувам дека зборуваме за каузата, а таа ми вика, остај море каузата, што направи со правосмукалката? (ТРЕНДО, ТРЕБА ЛИ ВОДА?); Од буџетот одвоиле пари за крст на Водно. Баш ме интересира дали на **моице** **комиции** од Капиштец, ќе им текне да се самоорганизираат и да почнат масовно да се бунат против крстот (ДВЕ ПРАШАЊА ЗА РЕФЕРЕНДУМ); Чудно е тоа што **нашице новинари** не можат ни да помиришаат поблиску од 15 километри од Танушевци па мораат со слух на загар да ни пренесуваат ексклузивни информации за аудио состојбата во областа, а во исто време, некои странски новинари наголемо праќаат репортажи од лице место, во Танушевци се прават емисии од типот “На кафе кај...”, “Вашиите 5 куришуми...” (НИСКО НИ БИЛО ПИШАНО); Некој **нашинец** ја добива Нобеловата награда за својата оригинална аксиома “Човек на човека му е марула”. Ретките странски авантуристи кои во скафандери доаѓат кај нас, се чудат како после толку страдања, **нашиот човек** успеал да задржи дури и такви галантни*

манири, како што е ставањето рака на уста кога се кашла. А нашиов го прави тоа за да не му излета некој орган... (ЧОВЕК НА ЧОВЕКА МУ Е МАРУ-ЛА); Значи, продолжи верска сапуница меѓу МПЦ и Јован. Нашиве го решаваат проблем со суптилни багерски потези а Јован колне до седмо колено, осма потколеница и единаесетто ребро... (ИЗДРЖИ, ХОЛАНДИЈО, ИЗДРЖИ!); Со некогашниот министер за информации Реџеп Златку додека бевме во Тајван, се искраднаувавме од здодевните проекции во нивните министерства и одевме во ву за да пушиме цигари, како средношколци. Пушевме и се одушевувавме од тајванските писоари кои пуштаат вода кога ќе им се приближиси. Еднаш во тоалетот ни упадна чистачка и буквално се шокира затоа што влезе токму кога јас и министеров мрдавме со колковите напред назад за да видиме на која далечина реагира ласерот. Можеш да замислиш што сè мина преку глава. Празен министерски тоалет сред Тајнеј а во него двајца бледолики манијаџи сексуално опитат со два напредни писоара. Малава ја расклати дватрипати главата во знак на извинувања и фати магла (МУЛТИЕТНИЧКИ ДРИМТИМ).

Сфера говорачега может расширяться «географически», как «свое» он маркирует не только пространство дома, но и место, где он живет (город, страну, регион, планету), произвольно расширяя границы пространства и метафизически «осваивая» его: Рака на срце, јас уживам и вака. **Вакво Скопје** го сакам до јајца. Затоа што е споро. Заробен во снег, градот добива некаква аристократска елганција во својот ритам (ГРАД НА ГЕЈШИТЕ); Постојано свесен за последиците од избрзаното донесување поголеми чекори: знам дека во **градов** (=Скопје) се прави масовно сиртаки со коските, знам дека Брза Помош не може секаде да стигне – додека дојдат тие, коскава сама ќе ми зарасне (ГРАД НА ГЕЈШИТЕ); Трето, кај госпожа Кочишки во Црни Бисери ја гледавме Светланака, мојот дефинитивен фаворит за иден претседател на Македонија. Како педантен хроничар на магистралните политички процеси во земјава, пред некоја недела имав чест лично да се запознам со програмата на Светланака, рачно напишана на два листа хартија (ТРИ РАБОТИ ВО ВТОРНИК); Муабетот ми е, ако првиот човек на јавниот ред и мир така ги криши правилата, што останува за другите во **државата** (ЗРНО БЕЉА); Ех, среќо моја посрана. 10 години се истоштувам со туѓи јадови, цела деценија ми поарчија војните по **Балканов**, очите ми се натопија со сцени од бомбардирањата по Славонија, грабежите по Конавле, силувањата по Босна, бегалците од Косово... (ЕХ, СРЕЌО МОЈА ПОСРАНА); Нели е вистинска штета што на **светов** недоволно често му се случуваат големи белџи кои ќе ни дозволат со мирна совест да заборавиме на себе? (ГЛУПОСТА Е СЕ'ШТО ИМАМЕ); Па на трета страна го имаш Андов кој се однесува како да е Первез Мушараф па сега од него зависи иднината на **планетава** (ЗРНО БЕЉА).

«Узкое» пространство для Трендо – это Скопье, город, где он живет и работает. Сюда он включает реалии, понятные только горожанину, которые также являются маркерами ближайшего пространства (бегемот Ниско в город-

ском зоопарке, назойливые цыганята на улицах, словоохотливые таксисты, густой зимний туман в Скопье): *Пред некоја година на телевизија начекав брилијантен пример за таков фатализам. Еден човек решил да го прошета внукот во Зоолошката градина. Дошол до нилскиот коњ и по некое време, веројатно незадоволен од неговата статичност почнал да го буцка со стап. Како прво, не ми беше јасно што очекувал, овој ѕвезда да му прави по базенот? Нејсе тоа. **Нашиов Ниско**, кој во животот има видено повеќе мака од Мирче Ацев и Страшо Пинџур заедно, веројатно дошол да крај со нервите. Едноставно тилтувал, му се здал на човеков и успеал да го зграница за нога. Чуварите едвај го извадиле јадников од устата на гордиот Хипо (НИСКО НИ БИЛО ПИЩАНО); Едно од **циганчињава** ме начекало неспремен и додека сум крикнувал «Аман-заман, чиста е!» – ми ја размачкал шофершајбната (ИЗГОРЕВМЕ ЗА БОЗА!); *Потоа факам такси. Кутам две минути за да ми се синхронизира дишењето со она на таксистот а потоа го изговарам судбоносното: «Како е мајсторе?» Нема утка. На ова прашање, со извесност на физички закон, шоферот ми ја отвора душата и во следните десет минути ги поделива со мене своите градоначалничко-државнички визии и радикалните предлози за реформи во пеналната политика. Јас внимателно слушам и уште повнимателно трепкам, да не избие некоја искра од очите па да се запали плинот кој му тече од сите страни: кој ќе го слуша **таксистов** додека летаме во воздух како ми објаснува што треба да се стори за средување на хаосот во авиосообраќајот (Р КАКО РЕСТО); Гледам, од **маглава**, дури и врапчињата одат пеишки. Нозе убиваат од одење. Почитувајќи го предимството на десна страна (или како беше тоа), на улица пропуштам едно стадо врапчиња кое некогаш било јато. Маршираат, пејќи ја тажната корачница: «Хеј бато, хтела сам летјети, хеј бато, маглу ми пустили» (СКОПСКАТА ЈОСИПА ЛИСАЦ).**

На основе пространственной функции (первичной и метафорической) возникает временная функция дейктических единиц. Показатели ближнего дейксиса маркируют момент речи или ближайший момент в прошлом: конкретный временной отрезок, в который происходят / происходили какие-либо события, связанные с говорящим. Подобные примеры в текстах Трендо чрезвычайно частотны, так как тексты привязаны к актуальным событиям того времени: *Поминете го највеселиот Божик досега, извикува често **деновие** мојата омилена кутија во мојата омилена спална соба (РАСПЕАНО КРЕТЕНЧЕ); И на крајот, кога треба да се направи есапот, да ме отепаш ако знам што сум гледал **годинава** (ајде, да не ситничариме, признавам, ми текнува на Нивес Целзиус) (ГОДИНА НА ЖЕНИТЕ); **Неделава** излезе токму како што јасновидецот Трендо предвиде минатиот пат; Освен конзулот, што му се понуди на народот **минатава недела**? (ИЗГУБЕНА НЕДЕЛА); **Вечерва** дочекав во емисија на Драган Вучиќ некој да нарача песна од Џими Хендрикс! (ЛУКСЕМБУРГ ДО ЕДИНБУРГ); Не дека треба да одам накај исток, а од **попладнево** накај исток патуваат само томахавки (ГЛУПОСТА Е СЕ' ШТО*

ИМАМЕ); *Муабетот ми е, ако излезат сите тие на гласање, зошто јас треба да се надевам дека ќе добијам поинаква влада од овие што ги имав во последнава декада?* (ЕПП – ОПИУМ ЗА НАРОД). Кроме того, имеются указания на конкретные события того периода: *Како тоа јунаците од телешоп ќе го направат овој Божик незаборавен?* (РАСПЕАНО КРЕТЕНЧЕ). Степень близости временного отрезка также определяется волей говорящего: *Во изминативе 15-години мојата татковина толку економски ме разгали што идејата за рецесија од гигантско-холандски пропорции веднаш внесе макроекономски страв во моите коски* (ИЗДРЖИ, ХОЛАНДИЈО, ИЗДРЖИ!).

В конкретной речевой ситуации дейктические слова приобретают коннотативные значения в соответствии с намерениями говорящего. Этот тип дейктических отношений можно обозначить как эмоциональный дейксис¹¹. Как правило, то, что оказывается в личной сфере субъекта речи, имеет положительную субъективную окраску, а то, что воспринимается как нечто чуждое, инородное, внешнее, далекое приобретает отрицательную коннотацию и намеренно исключается из личного пространства. Однако показатель *-в* в ряде случаев может передавать отрицательные коннотации. Если дистанцирование с *-т* и *-н* предполагает полное исключение референта из сферы говорящего (компонент «чужой»), то в случае же с *-в* включенность в пространственную сферу субъекта речи сохраняется, однако может также проявляться семантика ироничного отношения, пренебрежительности, уничижительности (часто подобное значение проявляется в doubly-определенных синтагмах): *Судишве си ги сучат тогите и не им се верува што луѓе ќе беа овие лудациве од Балканот* (АЛИ БАБА И 40-ТЕ МЕРЦЕДЕСИ); *Затоа, што им фали на овие наши типови кои не приближуваат кон Европа, не реинтегрираат или економски не реформираат да ги носат на работа со хеликоптер?* АЛИ БАБА И 40-ТЕ МЕРЦЕДЕСИ); *Мали сме од ова проклетиево студ. Не изненади среде зима, мамето негово диверзантско* (ЕРГИЧЕТО И СТУДОТ).

Итак, как доказывает анализ языкового материала одной личности, тип дейксиса обусловлен субъективным восприятием действительности, и все разнообразные дейктические проекции расходятся из единого координационного центра – сознания субъекта восприятия и речевой деятельности. Человек, отображая ту или иную ситуацию, представляет себя включенным в нее или, наоборот, находящимся вне ее границ, это предопределяет использование соответствующих языковых средств. Показатели ближнего дейксиса являются типичным маркером «личного» пространства говорящего, рамки которого могут быть сколько угодно широки, границы «личного» пространства и его наполнение полностью находятся под контролем говорящего.

Кроме того, говорящий не пассивно регистрирует события, происходящие вокруг него, а дает им оценку, исходя из собственных ценностных ориентиров. Эмоции языковой личности могут иметь комплексный характер, однако основу их интерпретации составляют базовые дейктические оппозиции *я – здесь – сейчас*, формирующие «личное» пространство говорящего.

Примечания

- ¹ Подробнее о дейктических показателях македонского языка см. *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Култура, 1982. 551 с.; *Конески Б.* Тројниот член // Македонски јазик. Скопје, 1957. Бр. VIII. С. 26-28; *Усикова Р.П.* Граматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003. 376 с. и др.
- ² *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматики и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997. С. 272–297.
- ³ *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматики... С. 293.
- ⁴ *Кравченко А. В.* Принципы теории указательности: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1995.
- ⁵ *Кравченко А. В.* Принципы теории указательности... С. 15.
- ⁶ *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматики... С. 293.
- ⁷ *Цивьян Т. В.* Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005. С. 140.
- ⁸ *Цивьян Т. В.* Модель мира и ее лингвистические основы... С. 141.
- ⁹ *Цивьян Т. В.* Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005.
- ¹⁰ См. *Груевска-Маџоска С.* Комуникација на младите преку интернет и смс-пораки // Зборник во чест на проф. д-р Лилјана Минова-Гуркова по повод 70 од раѓањето. Скопје, 2009. С. 120.
- ¹¹ *Боронникова Н.* Емоционален деиксис во ситуацијата на општењето // XXXII научна конференција на XXXVIII меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура (Охрид, 15–17 август 2005). Скопје, 2006. Т. 1. Лингвистика. С. 105–118; *Шаховский В. И., Жура В. В.* Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. 2002. № 5. С. 38–56.

Речевая аккомодация как психологическая составляющая диалогического общения

Abstract:

Gruzberg L.A., Erofeeva T.I. *Speech accommodation as a psychological component of the dialogic communication*

The article analyzes social and psychological factors of the dialogic intercourse in the circumstances of a relaxed communication. We introduce the notion of speech accommodation.

Ключевые слова: сферы языка города, неофициальное/официальное диалогическое общение, код, речевая аккомодация.

Многолетние наблюдения, фиксация и изучение живой звучащей речи жителей г. Перми очертили следующую картину. Речь всякого горожанина строится на основе языковых средств, почерпнутых из трех сфер:

- 1) сферы языка города, включающей кодифицированный литературный язык, разговорную литературную речь, городское просторечие, профессиональные и групповые жаргоны и арго;
- 2) сферы диалектного языка;
- 3) сферы общерусского просторечия.

Удельный вес языковых средств каждой сферы и их соотношение в речи одного лица обусловлены целым рядом взаимосвязанных и взаимозависимых факторов, среди которых ведущими выступают социальные, региональные и ситуативно-психологические¹. С известной долей условности информантов можно поделить – в зависимости от преобладания в их речи средств той или иной разновидности языка – на пять групп:

1. Носители литературного языка, почти не прибегающие к элементам иных языковых сфер и разновидностей.
2. Носители литературного языка, использующие в своей речи (в целом ряде коммуникативных ситуаций) средства городского просторечия, жаргона, изредка – диалекта.
3. Информанты, допускающие смешение средств различных языковых стихий, причем даже в пределах одной и той же ситуации общения.
4. Носители городского просторечия, прибегающие в ряде коммуникативных ситуаций к средствам литературного языка.
5. Носители городского просторечия, практически не использующие никаких иных языковых средств.

Выявилось, что «смена кода» в различных ситуациях общения характерна для большинства наших информантов. Остановимся на этом явлении подробнее.

Несколько фрагментов живой естественной речи жителей Перми.

Информант «Х». Носитель литературного языка, образование высшее, филолог, преподаватель вуза, женщина. *Разговор с коллегой, которая значительно старше по возрасту* (приводим реплики только информанта «Х»):

Добрый день, (имя-отчество)! Я очень рада Вас видеть! Можно я Вам помогу? ... Спасибо, пока держатся. Как Ваши? ... Я ведь не видела Вас после отпуска. Вам удалось куда-нибудь съездить отдохнуть? ... Да-а? Интересно! А я, в отличие от прошлых лет, только на дачу и ездила! Правда, июль здесь был замечательный, но август – типично уральский. ... О-о-о! Внуки всегда прекрасны! Теперь мне кажется, я плохой матерью была, так на внуках решила исправиться. Бабушка я замечательная – «самокритично» признаю. Правда, дети этого всё равно не ценят. ... Нет, не внуки, а их родители...

Тот же информант разговаривает с соседками по дому, сидящими на скамейке у подъезда:

Здравствуйте, соседкушки! Ну, как живется-можетя? ... Ну и слава богу. ... Я-то? Тоже, спасибо, помаленьку. ... Антонина Александровна-то как здоровьем? ... Да, я знаю, что поменяли (речь идет о квартире). ... Ой, дак ведь это очень дорого стало! ... Да какая уж она больно-то хорошая? Кухня маленькая, кладовки нету...

В первом фрагменте практически нет отступлений от литературных норм, в том числе так называемой локальной окрашенности речи, нет элементов оканья и сканья; нет морфологических и синтаксических черт, характерных для пермского городского просторечия; не нарушены нормы словоупотребления.

Во втором речевом отрезке легко улавливается локальная окрашенность речи: еканье; появление ы-образного оттенка при гласных «О» и «А», что бывает при непропорционально суженном ротовом резонаторе (см. об этом в [Масалова 1972]); проскальзывают иногда элементы оканья; трижды (!) использована постпозитивная частица «-то»; слова «больно» в значении 'очень', «нету», выражение «как здоровьем» и т.д. Таким образом, налицо активное обращение информанта к языковым средствам городского просторечия и местного диалекта, причем не только лексическим, но и фонетическим, и синтаксическим. Своеобразен и ритмомелодический рисунок речи.

Информант «У». Носитель городского просторечия, 56 лет, перед выходом на пенсию работала на овощной базе, образование 7 классов.

Фрагмент первый. Обращаясь к мальчишкам, шумно сбегающим по лестнице в подъезде:

Кака холера вас тут носит! Чё орать-то! Потихше нельзя, што ли?! У нас тут девка лежит хворат, а они!..

Фрагмент второй. Разговор с врачом, пришедшим к ее больной внучке:

Проходите! Проходите! Вот суда, сюда положьте сумочку!.. Положите... Сейчас, я мигом ложечку принесу, маленьку... Маленькую... Садитесь, пожалуйста!

Как видим, при обращении носителя городского просторечия к средствам более «престижной» разновидности языка может наблюдаться жесткий кон-

троль за собственной речью, саморедактирование, самокоррекция. Однако в рассматриваемом случае неисправленными остаются «сечас», «садитесь», «пожалуста», и, конечно же, оканье и еканье. Обращает на себя внимание обилие слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами и своеобразная (закрывающаяся) интонация.

Аналогичный пример смены кода. Информант «Z», 39 лет, образование 8 классов, почтальон. *Разговаривает с дочерью-подростком:*

Валька-а! Сбегай-ко в магазин! Ну, чё стоишь? Вот те кошелёк. Не издержишь есле – себе бери (денег). Да башку-то не задирай!

А теперь – *разговор того же информанта с вузовским преподавателем, соседкой по дому* (приводятся реплики только информанта «Z»):

На работу отправились, (имя-отчество)? ... Да-а... А вчера Вы целый день свободные были? ... А-а, Вам опять по вечерам приходится работать? Да-а... А я так переживаю, так переживаю, что нету у меня выщева [высшего] образования... В данном случае при смене кода обнаруживаются свои нюансы речевого поведения, в частности, показательное явление обратной аналогии – выш'и'ева.

Интонационно-мелодический рисунок «олитературенных» фрагментов речи информантов «Y» и «Z» в деталях различен. Но общими являются неестественность, наигранность, проявляющиеся в общей тональности и мелодике отдельных фраз.

Однако – при всех модификациях речи в различных коммуникативных ситуациях – речь носителя литературного языка никогда не совпадает с речью носителей городского просторечия (при всех попытках последних сделать ее более литературной) по своим фонетическим, морфологическим, синтаксическим, лексическим и ритмомелодическим характеристикам.

Изучение речевого поведения информантов в различных ситуациях неофициального общения привело нас к мнению, что основной причиной смены кода является психологически обусловленная речевая аккомодация, т.е. стремление говорящего к сокращению речевой дистанции между собой и собеседником (собеседниками), стремление «приспособить» свою речь к речи собеседника.

Носители городского просторечия пытаются говорить как можно правильнее, «культурнее», когда их собеседником является человек высокообразованный, более культурный (с их точки зрения), иногда более заметного общественного положения – такой, в чьих глазах, чьем мнению они хотели бы выглядеть наилучшим для них образом.

Носители литературного языка прибегают к средствам городского просторечия, а иногда и местного диалекта из своеобразной деликатности, чтобы не ощущалась социально-культурная дистанция между ними и их собеседниками, чтобы не выделяться на речевом фоне носителей территориального просторечия; никаким способом, даже речью, не обнаружить своего превосходства.

Заметим, что при таких же или даже тех же самых собеседниках, но в случаях, когда говорящий по каким-либо причинам не только не намерен затуше-

вывать дистанцию между собой и адресатами речи, но, напротив, сознательно подчеркивает ее, он прибегает к строго литературному произношению и словоупотреблению. Ср., например:

А я вам еще раз подчеркиваю, что Вы той квартиры не получите! Сколько бы Вы на нее не претендовали! Я не буду способствовать этой вопиющей несправедливости. И вообще вы представляете перед всеми своими соседями в исключительно некрасивом свете! (Говорящий – экономист, 46 лет, высшее образование, женщина. Собеседник – ее соседка по кооперативному дому, 43 года, образование 8 классов, работница швейной фабрики).

Основным ситуативным компонентом, обуславливающим выбор определенных языковых средств, является обычно социально-культурное или возрастное «неравенство» собеседников. Однако в наших материалах зафиксирован целый ряд случаев, когда переход носителей литературного языка на менее престижную форму речи происходит в условиях полного равенства собеседников (равенства в указанном плане).

Ср. еще один фрагмент речи информанта «Х» (напомним – носитель литературного языка, образование высшее, филолог, преподаватель вуза). *Информант разговаривает со своей близкой приятельницей, бывшей однокурсницей:*

Ой да ты чё, (имя в уменьшительно-ласкательной форме)! Да плюнь, не расстраивайся! Да мало ли что они могли тебе наговорить! И вообще не бери в голову всякие идиотские рассуждения. Хо! Тоже мне блюстители нашлись! И вообще пойдём погуляем... И забудь про всё это.

Как видим, в этом речевом отрезке встречаются жаргонные, сленговые слова и выражения, а также стилистически сниженные слова. В фонетике и синтаксисе заметны элементы пермского городского просторечия. Своеобразен интонационный рисунок речи.

Еще пример. Информант «В» – носитель литературного языка, образование высшее, преподаватель истории в средней школе, женщина. *Разговаривает с бывшим однокурсником, с которым случайно встретилась:*

В'о зд'орово! Привет! Ты как здесь очутился? ... А-а-а. У нас в самом деле тут выбрасывают иногда кое-что, вчера вот очередь стояла (запись 1990 года). Ну, ты ещё не дважды дед? ... Не-е, я-то даже не единожды, то есть не бабушка. Мои чё-то не торопятя. ... Да-а, с садиками нынче завал! Ну ничё, как-нибудь! ... Слышь, вы бы хоть зашли как-то. ... Да время, его, конечно, всегда нет, но надо бы...

Когда идет разговор с человеком, знакомым еще со времен студенчества, своим однокашником, естественно появление в речи сленговых слов и выражений. Обращение же к средствам городского просторечия не может быть объяснено здесь речевой аккомодацией. Мы считаем, что в обсуждаемом случае отступления от норм литературной речи объясняются взаимоперекрывающимися факторами социального, с одной стороны, и психологического характера, с другой. Описанное речевое поведение характерно для людей, чье

детство прошло в окружении носителей городского просторечия, чьи родители, родственники, соседи и т.п. говорили на городском просторечии.

Показательно, что, хотя сами информанты в момент записи их речи были уже взрослыми людьми, с высшим образованием, носителями литературного языка, тем не менее они переходили на «язык», усвоенный в детстве. Здесь важно и то, что собеседники не только не осудили бы за какие-то речевые погрешности, но и, возможно, не обратили бы на них внимания. А это значит, что контроль за своим речевым поведением ослаблен, человек полностью раскован, он ведет себя естественно и непринужденно – и тогда (нередко совершенно бессознательно) он использует те образцы речи, которые живут в памяти с детства. Они для него более родные, они для него более органичны, чем литературная, позднее освоенная речь, использование которой еще требует внутреннего контроля, сосредоточенности, больших умственных усилий.

Итак, дихотомия «литературная речь – нелитературная речь» не имеет жесткой корреляции с социально-культурно-возрастными характеристиками человека и во многом обусловлена психологическими причинами.

Приведем еще ряд примеров речевой аккомодации.

Информант «М» – в коммуникативных ситуациях «*Разговор в регистратуре*», «*Разговор в отделе кадров*» и «*Разговор с подругой*».

В регистратуре:

– Скажите, пожалуйста, как можно платное УЗИ пройти?

[Вам надо в кабинет УЗИ].

– А не подскажете, где это?

[УЗИ чего – Вам?].

– Мне – печени.

[Семнадцатый кабинет, сегодня с часу].

– Спасибо большое.

В отделе кадров:

– Скажите, пожалуйста, я работаю лаборантом на кафедре. Я хочу уволиться. Как это лучше, число какое поставить?

[С какого Вы хотите?].

– С какого числа? Ну, как возможно. Как мы всё это подпишем.

[Давайте тогда, вот это, числа с пятнадцатого].

– А вот девушка будет устраиваться туда. Вместо меня тоже...

[Пауза].

– Ну, с пятнадцатого это нормально будет? Да? Хорошо.

В приведенных фрагментах речь информанта «М» не обнаруживает резких отступлений от литературной нормы, здесь используются необходимые клише, формулы вежливости, в речи нет ритмических сбояв, фразы построены четко и лаконично.

В *разговоре с подругой* речь этого же информанта выглядит иначе:

– Такое впечатление, что устраиваю на работу я тебя, ни у кого разрешение не спрашиваем, так, как бы всем пофиг. В отделе кадров, если б мы не спросили, по-моему, ничё бы не изменилось.

[В смысле? Ничё не изменилось бы?]

– Я думаю, всё равно где-то надо разрешение у кого-то спросить, не знаю.

[Б–ин-то разрешил? А в отделе кадров какая им разница? Они радоваться должны, что кто-то за шестьсот рублей пошёл к ним работать].

– Чё-то мы ничё не узнали.

[Пауза].

– Оно должно быть просто подписано всеми. Видимо, когда типа ректор подпишет, тогда, наверно, надо... И они уже сами сделают приказ.

[Тебе-то тоже надо, чтоб все подписали, чтоб тебя уволили?]

– Да.

[Вот и будем вместе ходить подписи собирать].

– Сама будешь ходить, мы потому что когда устраивались, как раз вот эта, которая щас работает инженером... Или нет... А, нет! Устраивалась другая. Короче, какие-то бумаги тоже...

[Короче, тебе жалко, что ли, если я тоже буду подписи собирать?]

– Нет, не жалко. Мне в лом ходить.

[Ага, я должна твои подписи собирать, что ли? Ты хочешь это сказать? Ты-то всё знаешь, тебе-то это проще сделать].

– Ты чё разоряешься? Там всего трое должны расписаться. Декан распишется, потом к ректору – и всё.

Речь насыщена сленговыми словами и жаргонизмами («типа», «пофиг», «разоряешься», «в лом», «короче» и т.п.), встречаются и просторечные формы – «чё», «щас», в построении фраз нередки сбои и повторы (– Сама будешь ходить, мы потому что когда устраивались, как раз вот эта, которая щас работает инженером... Или нет... А, нет! Устраивалась другая. Короче, какие-то бумаги тоже...).

Явление речевой аккомодации может быть обусловлено также темой или предметом разговора. В случаях, когда предмет разговора одному из участников диалога более хорошо известен, чем другому, говорящий – чтобы быть адекватно понятым – вынужден контролировать свою речь, во избежание употребления специфических слов, специальных терминов, профессионализмов, которые могут оказаться непонятными собеседнику. В подобных ситуациях речь может быть сбивчивой, с длительными паузами, многочисленными повторами. Ср.:

Разговор двух однокурсниц. «Д» профессионально занимается фотографией, посещает специализированные курсы.

– Э... у мяя сейчас, э... в данный момент, э... ЗАА. Но он у нас, как бы щас у меня, не сам мой. И сейчас этот фотоаппарат, э... стоит наверно тысяч двенадцать... У него... Фотоаппарат без выдвигающегося... э... зуммера, то есть объектива. Да, без выдвигающегося, потому что... э... он говорит, что если такой фотоаппарат упадёт, то есть он будет... сломан, в основном все поломки с выдвигающимся зуммером из-за вот этого выдвигающегося зуммера.

[То есть лучше без зуммера покупать?]

– Да, лучше без, лучше без, чтоб... Нет, естественно нужно, чтоб он был встроен в сам фотоаппарат. Но потом, всё зависит от марки. Очень часто э... лишние деньги переплачиваешь за марку, и... лучше покупать... э... не, знаковые марки, э... несмотря на то что... я убью когда-нибудь Катю Д. ... Несмотря на то что-о-о... все вот эти вот детали внутренние, они, в осн., в основном из трех-четырёх фирм идут. То есть «Коники» и еще какие-то...

Еще один диалог:

Информант «А» – мастер спорта по гребному слалому, 25 лет, муж., г. Пермь. *Разговор с подружкой о чемпионате города.*

[Ну чё, как вы хоть съездили-то?]

– Мы – хорошо.

[Как все прошло? Рассказывай...]

– Ну нормально, только холодно...

[А как, на какой речке?]

– Да на Каме. Нашли где проводить! Там когда... есть там один овражек какой-то, овраг, и когда паводок, ну, воды когда много, его затопливает и можно проходить, т.е. плавать.

[А кто победил-то в итоге?]

– Ну там... юниоры... молодые, которые тренируются каждый день пока... Да там разное ведь было... И личники... И командные. Ну, по одному которые гоняют и по трое, или вообще эстафета... Так это... чё... городские, они вообще никак. Вот когда на Россию поедет, тогда да... там интересно.

Для речи «А» характерны синтаксически незаконченные конструкции, нарушение ритма, сбои, неожиданные паузы – подобные явления нередко наблюдаются в случаях, когда говорящий постоянно думает о том, насколько он понятен слушающему, а не о том, насколько правильна его речь.

В приведенном фрагменте, как видим, говорящий стремится заменить профессионализмы общеупотребительными словами, переформулировать высказывание или пояснить некоторые слова: «... юниоры... молодые, которые тренируются каждый день пока...»; «И личники... И командные. Ну, по одному которые гоняют и по трое, или вообще эстафета»; «... когда паводок, ну, воды когда много»; «... проходить, т.е. плавать...».

В целом наши наблюдения показали, что основной причиной смены кода (обращения носителей литературного языка к языковым средствам городского просторечия, местного диалекта, жаргонов, аргю, а носителей городского просторечия – к более престижным, с их точки зрения, средствам языка) является психологически обусловленная речевая аккомодация, т.е. стремление говорящего к сокращению речевой дистанции между ним и его собеседником.

Носители городского просторечия пытаются говорить как можно правильнее, «культурнее», когда их собеседником является человек высокообразованный, более культурный (с их точки зрения), иногда более заметного общественного положения, в чьих глазах они хотели бы выглядеть наилучшим для них образом.

Носители литературного языка прибегают к средствам городского просторечия, а иногда и местного диалекта из своеобразной деликатности, чтобы не ощущалась социально-культурная дистанция между ними и их собеседниками, чтобы ничем, даже речью, не подчеркивалось их превосходство.

В ситуациях общения с близкими людьми, когда никто не осудит за речевые погрешности, когда человек чувствует себя спокойно, непринужденно, говорящий может (неосознанно) прибегать к средствам той функциональной разновидности языка, которой он пользовался в детстве (городского просторечия или местного диалекта).

Более того, судя по нашим материалам и наблюдениям, в ситуации общения с близкими, давно и хорошо знакомыми людьми, с близкими родственниками, друзьями, соучениками по школе и вузу и т.п. как-то *не принято* использовать кодифицированный литературный язык. По-видимому, он слишком официален для таких ситуаций, в нем мало средств с ярко выраженной фатической функцией.

Дистанция между адресантом и адресатом речи может быть как социальной (разные социальные уровни коммуникантов), так и профессиональной (разная степень осведомленности о предмете разговора вследствие разных профессий участников диалога).

Примечания

¹ Грузберг Л.А. Что такое реальная речь современного горожанина? // Языковой облик уральского города. Екатеринбург: Уральск. ун-т, 1990. С. 8–15; Ерофеева Е.В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект. Пермь, 2005. 320 с.; Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование: монография. Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 240 с.; Ерофеева Т.И. Штрихи речевого портрета Прикамья: учебное пособие по спецкурсу. Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 192 с.

Способы выражения оценки в речи старообрядцев Болгарии*

Abstract:

E.S. Uzeneva. *Methods of expressing valuation in the speech of the Old Believers of Bulgaria.*

The article focuses on the evaluation tools in the dialect text, it is based on the speech analysis of the Old Believers of Bulgaria. The recordings of texts regarding traditional culture, which were made by the author during the expeditions in 2006–2009, are used. Special ways of expressing the valuation in dialect texts are shown (intonation, accentuation, alliteration, metaphor, etc.). Special methods, such as piling/stringing of assessments within the same text, are noted, as well as the fact that the pejorative estimation is often lexicalized, whereas a positive score is usually expressed with suffixes. It is apparently related to the fact that positive was the norm and wasn't supposed to be marked in the language.

Ключевые слова: речь, аксиология, диалектный текст, старообрядцы, традиционная культура, оценка, интонация, жаргонизм

В основу исследования легли материалы, собранные автором в полевых экспедициях в 2006–2009 гг. в Болгарии¹. Выбор для анализа старообрядческих сел Болгарии, отмеченных лишь в двух пунктах на северо-востоке страны, был предопределен несколькими причинами. Во-первых, данные общины проживают вне территории митрополии уже почти 300 лет. Во-вторых, носители говоров не изучали русский литературный язык, раньше детей обучали грамоте родители по церковнославянским книгам дома или священнослужители в церковно-приходской школе. В-третьих, данная этноконфессиональная группа существует в иноязычной и инокультурной среде, однако родственной, славянской (болгарской). Именно поэтому нам было интересно проследить каковы же процессы и результаты взаимного влияния данных языков и культур.

Как известно, оценка является одной из важнейших сторон интеллектуальной деятельности человека и, несомненно, находит свое отражение в языке, поскольку субъект оценивает все элементы действительности, а в основе интерпретирующей функции языка лежат ценностные параметры ее отображения.

Семантическая категория оценки является основной категорией лингвопрагматики и требует особого исследования. В лингвистике оценка как явление семантики и когниции, в первую очередь, проявляется на разных языковых уровнях: оценочную семантику реализуют интонация, аффиксы, слова, выражения.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (проект «Язык и культура старообрядцев Юго-Восточной Европы»).

На современном этапе развития лингвистики проблема соотношения и взаимодействия семантики и прагматики стала одной из центральных проблем. Поэтому исследование оценочных значений представляет особый интерес для исследователя.

Оценочные слова и словосочетания занимают важное место в речи старообрядцев Болгарии, которые все еще являются носителями своего уникального говора, существующего много десятилетий в условиях сильного иноязычного и инокультурного влияния хотя и близкородственного болгарского языка. Этот факт, как нам кажется, находит отражение в том числе и в выборе способов и форм выражения оценки в речи староверов.

Диалектная речь по степени экспрессивной насыщенности и эмоциональности часто превосходит литературную речь. Поскольку диалект существует в устной форме и не подвергается кодификации, это обеспечивает значительной большой простор для проявления тех или иных эмоций носителями диалекта. Можно сказать, что в диалектах сосредоточен максимальный набор средств экспрессивно-оценочного выражения, необходимый для реализации личности и наиболее характерный для данного социума.

Анализируя многочисленные тексты, записанные нами в нескольких экспедициях у старообрядцев двух сел в Болгарии, мы пришли к выводу, что в диалектной речи присутствуют более разнообразные средства для детальной классификации плохих поступков, нежели хороших, плохих черт характера, нежели положительных и т.д. Слова с семами негативной оценки объединены в более дифференцированные подклассы, нежели слова с семами положительной оценки. Изучение взаимодействия этих оценок в диалектном тексте и их возможного комбинирования в пределах одного высказывания является особой проблемой, на которой в настоящей статье мы останавливаться не будем.

Связь оценочной семантики с внутренним миром человека и окружающим его внешним миром определяет сложный характер средств выражения оценки, их семантики и структуры. Эти средства представлены на всех уровнях языка и речи. Важно отметить, что они являются вариативными в употреблении.

К оценочным средствам речи вообще и диалектной в частности мы относим следующие²:

- Специальные интонационные конструкции восклицательного типа (*Ой, бравенький! Э-э-эй! И мы проводим деда Илью! Теперь таких людей нема! Ама не было у нас раньше таких!*).

Нередко в таких выражениях используется экспрессивная лексика болгарского происхождения (междометия и вводные слова: *нали, бре, обаче, пък, ами*).

Ами, помен, да, панафида это называется.

Часто при ответе на вопрос, который вызывает смущение, информат не только меняет интонацию, но и плачет, рассказывая о горе, или смеется.

– Раньше что вам говорили, когда были маленькие, откуда дети берутся?

– *Ничего не говорили. Мне бабушка говорила, что дядька мой меня в лимане выловил.*

Во время всего высказывания бабушка посмеивается, выражая свое недоверие к сказанному. Или бабушка спокойно рассказывает о родинах в прошлом на диалекте, появляется ее правнук, который внезапно уходит, она тут же строго говорит по-болгарски, с болгарской интонацией: «*Алик! Алик! Къде отиваш бе, бабо?*»

- Специфическую интонационную окраску слов
Я лю-у-бии-ла калачики, обварушки их называли.
Папа наш не только был красивый, но был большо-о-й шутляк.
- Фонетические средства выражения оценки (аллитерация, т.е. звуковые симметричные повторы однородных согласных звуков)
- Акцентное выделение соответствующего оценочного слова в предложении
- суффиксы субъективной оценки
- слова, семантически соотнесенные с понятиями положительного или отрицательного плана (преимущественно имена существительные и качественные прилагательные)
- слова, употребленные в переносном – метафорическом или метонимическом – значении. Особое место занимает зоометафора, которая имеет весьма широкую семантику (одна и та же метафора может характеризовать различные черты).
- слова интенсификаторы (типа *дуже, очень, сильно*)
Дуже бедненько у нас было.
Обязательно на Маслену вареники больше у нас делали.
Если хлопец ее дуже любить, то може и прикроеть ее, что она нечестная.
- наречия оценки (*бравенько*)
- фразеологические единицы с ярким экспрессивно-оценочным оттенком (*ни то, ни сё*)
- сравнения различной грамматической структуры (*быстрый как черепаха, прожорливый как ламя*), причем объектом оценки становится не только человек
- особые контексты употребления слова (например, употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами для выражения отрицательной оценки и др.)

Теперь попытаемся на конкретных примерах показать данные способы и средства выражения оценки в диалектных текстах.

К наиболее типичным оценочным средствам диалектного текста также относятся:

- 1) сочетания рационально-оценочного слова с наречиями меры и степени, указывающими на наивысшую степень оценки: *она была страшно красивая;*
- 2) соединение рационально-оценочной единицы с плеонастическими словами *так, такой*, выражающими нужную говорящему интонацию:

Как вам не стыдно, **такие** молодые, печку вам надо. Грейтесь **так!** Не было у нас **такие** роботы!

3) субъективно-модальные синтаксические конструкции с оценочной семантикой: *И кому это нужно!*

4) жаргонизмы, имеющие оценочное значение:

У нее сын теперь от голямото добро утро (крутой).

Болгарский поп гроб шелковым полотном с боку покрыв, земле не придал, деньги в карман поклял и пошел. А что я буду делать? И тут мафия, и тут мафия.

5) болгаризмы, используемые для выражения особого смысла или особой ситуации. Как нам кажется, привлечение заимствованной из болгарского языка лексики связано с такими случаями, когда говорящему кажется, что болгарская лексема более яркая, более ёмкая и более точно отражает высказываемое отношение.

Она не жалилась, она ее тормозила, ругала ее там.

Хем меня женил, хем не пустил в Россию.

Иногда используются не просто болгарские слова, а отдельные формы, например, особая форма образования степени сравнения у болг. наречий:

Чтоб по-хуже не стало.

Я мужа когда хоронила, най-красивый костюм ему положила, вратовръзку, галстук.

От гробишта когда идуть, вызывают най-близких, не всех.

Я най-большой у деда Саввы, унук най-старший я.

Или наоборот, в диалектном тексте на болгарском языке происходит возвращение к родной речи при обозначении типичных понятий, атрибутов старореческого быта:

Всяка къща си има баня, курная, старая баня.

Незакрытая на ночь вода – някой нещо ти е хвърлил там. Магия някаква.

Подделала.

б) наиболее частотными средствами выражения оценки в диалектных текстах являются суффиксы, причем мелиоративные суффиксы используются часто, а пейоративные – редко.

Субъективная оценка предполагает использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, нередко для объектов и субъектов, к которым говорящий испытывает особые, теплые чувства.

Например, в описаниях ребенка:

У меня внук на три месяца опустили (крестили), а он крупенький был такой, и как почнал наш дед Кузьма, крестил тады, его чуть не упустил (в воду).

Когда его окунают с головки, а не только ножжкими, как у болгар, он тады пужается.

Хлопчик в панталонках хадил, в рубашечке с поясином.

Хлопчик краснубузенький 'краснощёкий'.

Они остались тамотка двоичка.

Хотела им подарочек сделать.

Десять лет папе, давай панафидку сделаем.

На помен я делала мешочки и старикам подавала, а в мешочках хлебушек теплый, вафлячки.

Иногда используют уменьшительно-ласкательные суффиксы для сглаживания негатива: при описании больных людей (*слепенький, кривоватенький*); *Она слабенькая была, девять месяцев в больнице пролежала* или при описании собственных трудностей и невзгод (*Раньше дуже бедненько было*).

Особую группу формируют случаи выражения оценки при описании и сравнении прошлой и нынешней жизни. В повествованиях информантов то, что было раньше, в противовес нововведениям, понимается как положительный член оппозиции «прошлое»/«настоящее», «старое»/«новое», «свое»/«чужое», «истинное, верное»/«заимствованное».

Говорящий, как правило, испытывает ностальгию к прошедшим временам, когда жили по строгим законам и все обычаи присутствовали во всей полноте. В этих предложениях неизменно присутствуют наречия *раньше, тады и сейчас, теперь*:

Раньше делали сами калачики тоже, жарили, постненькие замесят. А сейчас готовые продавали с диркой, небольшие, скока палец. А теперь кифлы берут, так что не пекут.

У пост особенно (среда или пятница) на 40 дней раздавали постный хлебушек, калачики были такие, постный яблочек какой или персичек, плод такой. А сейчас лишнего дают уже.

Раньше старики так не ходили (на кладбище), так затирались (могилки), шоба не знали... А сейчас неплохо знать, так, нали, посетить, почистить.

Раньше на носилки (с покойником) плотно кляли, а теперь шаличку или утиралничек.

Раньше Бабины каши были. Мать моя ходила до бабушки, которая помогала родить. Днем отнесут ей, спекут там. А теперь нема, собираемся тут у читалиште. Тады снега были, бабушку на коляске везут, подрались што-то бабки там, понапились. Мужчин гоняли, чтобы угостили. Если не угостят, тады нападают на него, чтоб угостил. А сейчас и мужчины идут, и дети идут, – празднуем.

У нас есть книжечки, помен, туда записуют каждый, который умёр.

В целом, уменьшительно-ласкательные суффиксы используются при описании человека, дома, утвари, скота, пищи.

Наряду с уже отмеченными особыми способами выражения оценки в диалектных текстах старообрядцев Болгарии, стоит отметить нагромождение/нанизывание оценок в рамках одного текста, а также тот факт, что пейоративная оценка оказывается чаще лексикализованной, тогда как положительная оценка выражается, как правило, с помощью суффиксов. Вероятно, это связано с тем, что положительное являлось нормой и в языке не маркировалось, и хвалить в народной культуре запрещалось во избежание сглаза.

Примечания

¹ Сбор материала проводился по программе А.А. Плотниковой: *А.А. Плотникова. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала*. М., 1996.

² При анализе диалектных текстов мы опирались на разработки В.В. Лесновой в отношении украинских диалектных текстов, см. *В.В. Леснова. Некоторые аспекты специфики выражения опеночности в украинском диалектном тексте // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д.ф.н., проф. С.Б. Бернштейна (15–17 марта 2011 г. Москва)*. М., 2011. С. 78–79.

К вопросу о картографировании вариантов «Баллады о мертвом брате»

Abstract:

Makartsev M.M. *On the mapping of options "Ballad of a dead brother"*

The article aims to put onto the map one of the elements of "The Dead Brother Song", specifically the explanation the dead brother gives his sister when she asks him about his stench (the data is taken from 172 Bulgarian, Macedonian and Albanian versions). As to this motif, taken apart from the whole text structure, several areas can be drawn (which cross the respective linguistic borders): the motif "due to the work under the ground/in the field" is mainly found in Macedonia; "because of some plants" – in Macedonia and Šopluk region; "due to being sick" – in Albania, in Kosovo, in a Macedonian village in Albanian Prespa region and in Macedonian Ohrid. In Southern Albania and among the Arbëresh in Italy the sight is more relevant than the sense of smell: the sister does not feel the smell, but sees dust/mud covering the brother's hair/clothes. The linguo-geographical method, when used systematically (e.g., when we superimpose on the same map the areas where different motifs are spread), will clarify the place of origin and the migration paths of the Ballad.

Ключевые слова: баллада, «Баллада о мертвом брате», фольклор, лингвогеография, Балканы, ареал, мотив, вариант

Настоящая статья продолжает серию работ, посвященных структуре текста «Баллады о мертвом брате». В начале кратко напомним ее содержание: «У матери 9 (чаще всего) сыновей и 1 дочь. Братья, или один из них, против воли матери отдают сестру замуж на чужбину. Они обещают матери по первой ее просьбе привести сестру обратно. После ухода сестры все братья умирают от болезни или погибают на войне. Оставшись одна, мать требует у братьев исполнения обещания. Один из братьев (редко все) встает из могилы и идет за сестрой. На обратном пути сестра по некоторым признакам (одежда брата в пыли и плесени, он отказывается пить и есть) или по указанию птиц («мертвый ведет живую») прозревает или начинает подозревать правду, но брат убеждает ее. Перед домом он оставляет сестру одну, а сам возвращается в могилу. Сестра стучит в дверь. Мать не узнает ее и не выпускает. Сестре удается уговорить мать, та открывает дверь, выходит, они обнимаются и падают мертвыми или превращаются в птиц»¹. В каталог Аарне-Томсона этот сюжет не вошел, но там есть похожий на него «Жених-мертвец»², известный в России в переводах и переложениях В. Жуковского (1808 – «Людмила»; 1808–1812 – «Светлана»; 1831 – «Ленора»).

Самое внушительное исследование «Баллады...» за почти двухвековую историю ее изучения принадлежит И. Шишманову. Его работа была промежуточным подведением итогов для дискуссии о том, какой сюжет считать исконным: «Мертвый жених» или «Приход мертвого брата», а также, какая из балканских версий «Баллады...» является первичной. И. Шишманов сформулировал ряд положений:

- а. «Баллада...» происходит из Малой Азии (район Вифинии), откуда она попала на Балканы двумя путями — через южные греческие колонии и через материковую Грецию.
- б. Албанская, арумунская и болгарская версии возникли на основе греческой.
- в. Болгарские и македонские версии имели два центра распространения: с юго-востока и с юго-запада.
- г. Из двух типов «Баллады...» на территории Болгарии один дал происхождение румынскому инварианту, а другой — сербско-хорватскому³.

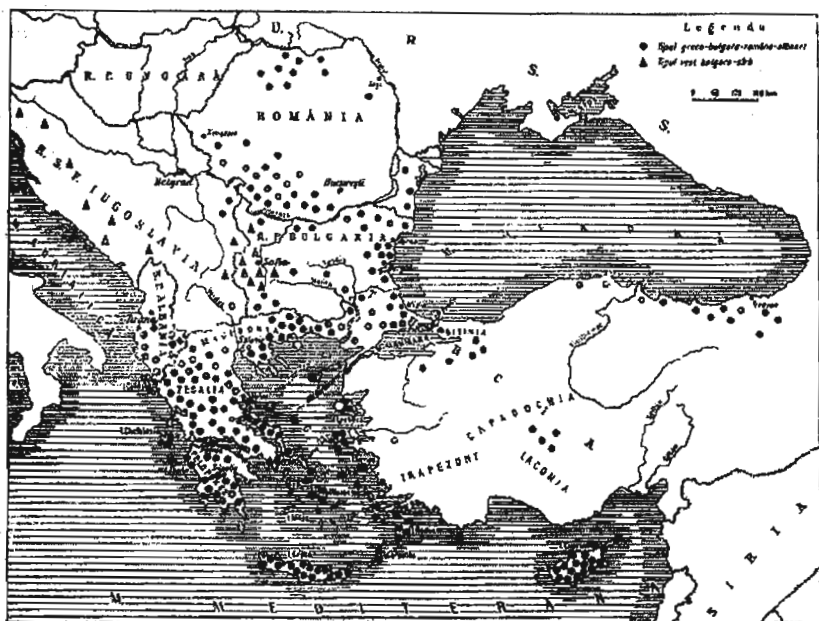
В то же время, вопрос о том, какой сюжет считать исконным, остался открытым. Шишманов смог лишь констатировать, что на Балканах эти два сюжета, как правило, не пересекаются: сюжет «Приход мертвого брата» характерен для тех областей, где неизвестен «Жених-мертвец», и наоборот⁴. Кроме того, на основании структурных особенностей сюжета И. Шишманов выделил два типа: в первом из них в центре сюжета находится образ матери (ей дается обещание привезти ее дочь домой; ее слезы/клятва/проклятие каузируют восстание мертвеца из гроба — это №№ 1-25 по изданию И. Шишманова 1898 г.); в текстах, относящихся ко второму типу, в центре сюжета находится образ сестры (№№ 33-46). Есть также видоизмененные, смешанные (№№ 67- 77) и переходные между двумя типами версии (№№ 26-32).

Если И. Шишманов классифицирует только балканославянские версии баллады (при том, что в его работе содержится большой материал и по албанским, балканороманским, греческим и сербским версиям), то Г. Врабе использует для этого весь доступный балканский материал. Он переформулирует типы, выделенные Шишмановым, по их ареальному распределению: 1) Греческо-албанско-румынский, распространенный также на большей части Северо-западной Болгарии и 2) Северо-западноболгарский и сербский.

Карта 1. Балканские версии «Баллады...»⁵

На наш взгляд, лингвогеографический метод можно применять к этой балладе гораздо более последовательно, не ограничиваясь только мотивом каузатора восстания брата из гроба. Комплексное описание «Баллады...» с применением лингвогеографического метода в перспективе позволит точнее определить место ее происхождения и пути распространения, а в настоящей статье представлен опыт картографирования одного из мотивов, который показывает преимущества лингвогеографического метода.

Отправной точкой для приложения этого метода к совокупности текстов является классическая работа А. Лорда «Сказитель»⁶, в которой этот американский исследователь показал на примере югославского эпоса, что народные песни хранятся в памяти не в виде раз и навсегда готовых текстов, но как схемы, которые каждый раз заполняются специальными формулами (число которых по определению избыточно, и необязательно, чтобы при акте *сказительства* все они были использованы в одной песне). Фактически здесь мы видим противопоставление, аналогичное оппозиции язык/речь: в сознании говоря-

Сборник филол. март.
(1976 г. № 2)

щего язык существует в виде системы, необходимые элементы которой используются при порождении речи. Это подводит к идее о том, что в некоторой мере ареальное существование языка и ареальное существование текстов на этом языке представляют собой две стороны единого феномена. Например, в современной этнолингвистике давно и активно используется аппарат диалектологии: создаются этнолингвистические карты, на которых изопраксы показывают границы распространения обрядов и их отдельных элементов. Эти изопраксы могут переступать границы между языками и народами, объединяя их в культурные союзы — аналоги языковых союзов. Совокупность текстов с географической привязкой дает материал для «текстовых диалектов» (по аналогии с языковыми диалектами и диалектами культурными), а линии, объединяющие пункты, где зарегистрированы одинаковые элементы, будут аналогами изоглосс/изопраксов. Картографирование фольклорных текстов имеет традицию в трудах таких предтеч советской/российской этнолингвистики, как А.И. Никифоров⁷, П.Г. Богатырев⁸, В.М. Жирмунский⁹, Р.Р. Гельгардт¹⁰ и др. В 1986 г. в сборнике «Славянский и балканский фольклор» появилась серия материалов к полесскому этнографическому атласу, среди которых мы находим и опыт картографирования отдельных элементов полесской баллады о невестке-тополе, принадлежащий Н.И. Толстому¹¹. В 1999 г. вышла статья

С.М. Толстой о балладе о самарянке в восточно- и западнославянской традиции, где каждому из элементов текста сопоставлен список пунктов¹². Фактически, эта статья стала малым фольклорным атласом баллады.

Эти работы представляют опыт картографирования текста, принадлежащего хотя и разным, но всё же находящимся в близком родстве традициям (а именно, славянским). Мы бы хотели показать, что эти методы работают и для текстов, которые распространены в ареалах языковых и культурных союзов. «Баллада о мертвом брате» дает нам прекрасный образец такого текста. Ее сюжет известен большинству народов, населяющих Балканский полуостров. В ставшей классической для современной фольклористики работе И. Шишманова «Песня о мертвом брате в поэзии балканских народов»¹³ анализируется 148 текстов со всего Балканского полуострова, в том числе 7 албанских, 4 арумунских, 77 болгарских (и македонских), 43 греческих, 5 румынских и 12 сербских и хорватских, а за истекшее со времени этой публикации количество опубликованных версий значительно увеличилось. Для настоящего доклада материал был ограничен болгарской, македонской и албанской традициями (используется материал 49 албанских, 97 болгарских и 26 македонских текстов, всего 172 текста).

При том, что тексты эти имеют единую структуру, многие детали сюжета могут различаться (сестра может слышать в лесу птиц, лягушек или поющих пастухов; в коня может превращаться гроб, доски, носилки, надгробный камень, крест, саван, сама могила, ветер, воск или кусты около могилы¹⁴ и т.д.). Различаются и более важные компоненты: например, каузатор восстания брата из гроба, количество братьев, упоминание в тексте мужа сестры и пр.

Для эксперимента был выбран следующий фрагмент текста: объяснение запаха, который исходит от брата. Сестра чувствует запах земли (иногда дыма, плесени, гнили и под.), исходящий от брата, и спрашивает его, что случилось. Тогда он предлагает интерпретацию, на первый взгляд, никак не связанную с истинной причиной:

- он строил дома и работал в земле (копал подвалы);
 - в последнее время он живет в подвале;
 - был закован в колодки;
- работал в поле/на земле;
- был на войне и пропах пороховым дымом;
- пахнет старая/промокшая одежда;
 - пахнет пыль/грязь, которой он покрыт;
- брат болел, и поэтому так пахнет (пахнет лекарство, которое он принял);
- брат участвовал в обрядах (например, был в церкви на службе);
- брат перебирал плесневелую пшеницу;
- в месте, которое они проезжают, такой запах;
 - пахнут растения.

Впрочем, как несложно заметить, в большинстве случаев источник запаха со слов брата на самом деле подводит к истинной причине¹⁵. Работа в земле/на земле метонимически указывает на смерть; жизнь в подвале, содержание в ко-

лодках (т.е. в тюрьме) намекает на пребывание в могиле; ненасильственная смерть предваряется болезнью (а покойный может восприниматься как ритуально нечистый, «заразный»); церковная обрядность обычно актуализируется в наиболее важных вехах жизненного пути человека (в том числе и при смерти); перебирание плесневелой пшеницы указывает на обряд пересыпания пшеницы (и других сыпучих тел, символизирующих изобилие) через пальцы усопшего, чтобы его *късмет* остался дома. О запахе растений в «Балладе...» см. в нашей статье¹⁶.

Прежде всего отметим, что фрагмент «сестра замечает запах» зарегистрирован не на всей территории распространения вариантов «Баллады...»: в Южной Албании и на арбрешской территории сестра не чувствует запах, а видит пыль/грязь/плесень на волосах или плечах брата.

Описанные мотивы распадаются на известные во всём ареале и на известные только в некоторых регионах. Мотив строительства/копания — единственный, который встречается по всей территории, а все остальные локально ограничены.

Карта 2. Мотив «запах, исходящий от брата»¹⁷

Мотив «работа в поле/на земле» распространён в основном в Македонии (также один пункт в Пиринском крае), кроме того, он встречается в Албании (Влеша/Слова/Пешкопия на северо-востоке страны, рядом с македонской границей).

Мотив «запах от растений» распространен исключительно в Македонии и Шоплуке.

Мотив «дорожная пыль/грязь» встречается в таких удаленных друг от друга пунктах, как Малко-Тырново, Устово (Центральные Родопы, под Смолянском) в Болгарии; Лерин (македонский говор на территории Греции); Крушево (албанская версия); Флоштан (рядом с Пешкопией, округ Дибры) и Рубик (округ Лежи) в Албании. Возможно, это крайние точки ареала, основная часть которого находится на греческой территории. На албанской территории и у арбэрешей грязь/пыль/плесень покрывает волосы/плечи/одежду брата, и сестра обращает внимание на его внешний вид, а не на запах.

Мотив болезни распространен в Албании, в Ругове (на терр. Косова), встречается также в Преспе (зона македонских островных говоров в Албании и Греции) и Охриде, образуя таким образом ареал. Этот мотив распространен на албанской территории гораздо больше, захватывая в основном Северную Албанию и Косово, но там он связан не с запахом, исходящим от брата, а с тем, что тот отказывается от еды и питья. Достаточно удивительно, что мотив болезни (как причины запаха) встретился один раз и в Северной Болгарии (с. Червена Вода, Русенско). В этом селе живут переселенцы из Трявны и ее окрестностей, переехавшие сюда в середине XIX века. Впрочем, Трявна также не попадает в ареал болезни, так что пока у нас нет объяснения — если только не отнести этот мотив на счет проявления универсальной связи между болезнью и смертью.

То, что брат был на войне, предлагается как объяснение запаха только в одном пункте (албанская Арпица в Чамэрии на территории Греции), но упоминание войны, как мы уже сказали, распространено гораздо шире по албанской территории и у арбэрешей Италии (дым ружей как объяснение закопченных стен домов).

Кроме перечисленных, есть и другие мотивы, которые могут возникать в разных точках ареала. Во многом это связано с тем, что количество возможных объяснений запаха тлена, исходящего от брата, при всем своем разнообразии, ограничено. Скорее всего, это случайные совпадения. Однако более точно это можно будет сказать при анализе румынского, греческого и сербского материала, а также при картографировании остальных мотивов.

Примечания

* Работа выполнена по теме проекта Программы ОИФН РАН «Конструкция и динамика текста во времени и пространстве: Балкано-балто-славика».

¹ Цивьян Т.В. Сюжет «Приход мертвого брата» в балканском фольклоре (к анализу сходных мотивов) // Труды по знаковым системам VI. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 308.) Тарту, 1973. С. 85. Ср. изложение сюжета в: Шишманов И. П. Сеньта за мъртвия братъ въ поезията на балканскит народи, часть I // СБНУ XIII. София, 1896. С. 474; Burkhardt D. Nachfrage zum Lenoren-Motiv auf dem Balkan // 1er Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Résumés des communications. I. Litterature. II. Folklore. Sofia, 26. VIII-1er IX 1966. Sofia, 1966. P. 113–114; Arapi F. Shënimë rreth këngës së “Motrës dhe vëllait të vdekur” në traditën popullore shqiptare // Arapi F. Këngët të moçme shqiptare. Tiranë, 2007. F. 12–13.

- ² *«Невеста оплакивает убитого жениха; он является к ней и увозит ее в могилу («Ленора»)»* – The types of the folktale. A classification and bibliography. A. Arne's Verzeichnis der Maerchentypen (FF Communications No. 3), translated and enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1961. № 365.
- ³ *Шишманов И. П.* сеньта за мъртвия братъ въ поезията на балканскитъ народи, часть I // СБНУ XIII. София, 1896. С. 589–590
- ⁴ Там же. С. 594.
- ⁵ *Urbie Gh.* Balada populară română. București, 1966. Harta # 3, p. 138
- ⁶ *Lord A.* The singer of tales. Cambridge (Mass.), 1960; русс. перевод.: Лорд А. Сказитель. Москва, 1994.
- ⁷ *Никифоров А. И.* К вопросу о картографировании сказки // Сказочная комиссия в 1926 г. Обзор работ. Л., 1927. С. 60–70.
- ⁸ *Богатырев П. Г.* К вопросу об этнологической географии // *Slavia. Praha*, 1928–1929, гошп. 7. S. 600–611; *Богатырев П. Г.* Этнологическая география и синхронный метод // *Pamiętnik P. Zjazdu słowiańskich geografów i etografów w Polsce w r. 1927.* Kraków, 1930. T. 2. S. 174–175.
- ⁹ *Жирмунский В. М.* Методика социальной географии: Диалектология и фольклор в свете географических исследований // *Язык и литература.* Л., 1932. Вып. 8. С. 83–119.
- ¹⁰ *Гельгардт Р. Р.* К вопросу о картографировании фольклора: Очерк первый // *Советское краеведение*, 1935, № 1. С. 8–15.
- ¹¹ *Толстой Н. И.* Материалы к Полесскому этнолингвистическому атласу. Опыт картографирования. Невестка стала в поле тополем // *Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне.* Москва, 1986. С. 39–43.
- ¹² *Толстая С. М.* Самарянка: баллада о грешной девушке в восточно- и западнославянской традиции // *W zwierciadle języka i kultury / Pod red. J. Adamowskiego i S. Niebrzegowskiej.* Lublin, 1999. S. 58–81.
- ¹³ *Шишманов И. П.* сеньта за мъртвия братъ въ поезията на балканскитъ народи, часть I // СБНУ XIII. София, 1896. С. 474–570; *Шишманов И. П.* сеньта за мъртвия братъ въ поезията на балканскитъ народи. Ч. II–III // СБНУ, XV. София, 1898. С. 449–600; 1–186.
- ¹⁴ Подробнее см. в *Макарец М. М.* От мертвого к живому: метаморфозы в балканской «Балладе о мертвом брате» // *Топоровские чтения I–IV.* Избранное. С. 188.
- ¹⁵ Кроме, разве что, указания на запах ружейного дыма.
- ¹⁶ *Макарец М. М.* Растительный код в «Балладе о мертвом брате» // *Сборник статей по материалам круглого стола «Цветница. Dumînica florilor. Ваџуџуриакџ. Diela e lulivet... Растительный код Вербного воскресенья в балкано-балто-славянском ареале»* (в печати).
- ¹⁷ В качестве основы для привязки к местности использованы карты Google. Названия пунктов не обозначаются, если они находятся на территории соответствующего государства/региона (болгарские в Болгарии, македонские в Македонии, албанские в Албании и Косово); если они находятся на территории иных государств, то они обведены прямоугольником и указывается соответствующий индекс традиции (Bg, Mk или Al). Полный список доступных нам версий с библиографической информацией см. в *Макарец М. М.* Растительный код в «Балладе о мертвом брате»...

VI. Культура славянских народов

Гуськова Е.Ю.

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Деятельность общества культурного сотрудничества Хорватии с СССР (1945–1949)

Abstract:

Guskova E. Yu. *The efforts of the Association of cultural cooperation between Croatia and Soviet Union (1945-1949)*

The article reviews the work of the Association of cultural cooperation between Croatia and USSR in the early postwar years, it is based on the materials from the State Archives of Croatia. Association of cultural cooperation between Croatia and USSR was created a month after the end of World War II, in June 14, 1945, in a festive atmosphere. In March 1946, the Association of Zagreb had already 1,247 members. Ten sections were immediately opened for active work, amongst them were the sections of Russian language and literature, music, art, theatre, etc. Russian language courses were of great interest, there was always a lot of listeners. In August 1945, the Association created its own departments in other cities – Karlovac, Dubrovnik, Zadar, Vinkovci, etc. In the first 9 months alone 34 lectures were given, most of them on Russian literature of the XIX century. Furthermore, 8 gala evenings, 8 music concerts and several photo exhibitions were held there. During the events the halls were crowded, there wasn't enough space for everyone. Famous Russian scientists, artists, musicians and writers were present among the guest speakers, such as the future academician Boris Rybakov, Tatiana Okunevskaya, Boris Gorbатов, Leonid Sobolev, Nikolai Tikhonov, etc.. The author concludes that the activities of the Association bore massive scale, that the Croats visited its events with open hearts and without any pressure, and that lectures on literature and music were especially popular. After the "Tito – Stalin" conflict in 1948, the Society gradually scaled back on its activities.

Ключевые слова: Югославия, Хорватия, сотрудничество, СССР, культура, наука, 40-е годы XX в.

Уже прошло 66 лет как окончилась Вторая мировая война. Война была трагедией для каждого человека, которого она коснулась. Последствия были тяжёлыми – разорение экономики и инфраструктуры, нищета, голод, несчастные семьи, сиротство. По окончании войны многие народы ощутили надежду на лучшую и справедливую жизнь, уверенность в завтрашнем дне. Новыми чертами жизни стали открытость ко всему новому, стремление к знаниям, коллективизм, совместные акции. В Югославии происходило установление новых, дружественных отношений с СССР. Народы этой страны смотрели на Москву как на главного победителя, открывающего новые возможности. О том, как устанавливались эти новые отношения, в историографии писали не так уж часто. А каждая республика многонациональной федерации имела свои представления о Советском Союзе, об исторических связях с Россией

и русскими. В Хорватии, как казалось, стремление установить прямое сотрудничество с СССР не должно было приобретать масштабные формы. Чтобы увидеть, как это происходило в республике, которая в годы войны воевала на стороне фашистской Германии, обратимся к архивным документам о создании и деятельности Общества культурного сотрудничества Хорватии с СССР, созданного в июне 1945 г.

Более внимательно изучить деятельность Общества меня заставила одна фраза из научной статьи. Уважаемая хорватская учёная, историк Катарина Спехняк полагает, что «послевоенную культурную политику можно определить так: большая закрытость к Западу и некритический разворот к влиянию Советского Союза... В этом смысле следует рассматривать и «Общество культурного сотрудничества Хорватии с СССР»»¹. Мне показалось, что слово «некритический» в этом контексте появилось лишь как дань сегодняшнему времени, когда многие считают, что для этого региона намного важнее Запад, чем Восток.

Чтобы рассмотреть этот вопрос, обратимся к документам. К счастью, в Хорватском государственном архиве есть материалы о создании и деятельности Общества культурного сотрудничества Хорватии с СССР².

Следует напомнить, что ещё летом 1940 г. в Загребе был создан Инициативный комитет Общества друзей Советского Союза, что вызвало большой интерес хорватского общества, простых людей. Однако власти отклонили просьбу о разрешении создать Общество и запретили любые акции в этом направлении. Несмотря на запрет, Инициативный комитет всё-таки провёл несколько заседаний осенью 1940 г.³

Сразу после освобождения Загреба вновь встал вопрос о создании Общества хорватско-русской дружбы. Уже через месяц после полного освобождения Хорватии было основано Общество культурного сотрудничества Хорватии с СССР. Учредительная скупщина собралась 14 июня 1945 г. в большом зале Хорватского музыкального центра и, как писали её организаторы, «превратилась в манифестацию любви к братскому Советскому Союзу»⁴. Председателем Общества был избран известный скульптор академик Антун Аугустинович.

Сразу после согласования всех формальностей начался приём членов, и уже в марте 1946 г. Общество в Загребе насчитывало 1247 членов. Общество достаточно быстро структурировалось, предложив работу по следующим секциям:

1. Русского языка и литературы.
2. Музыки.
3. Живописи.
4. Театра.
5. Естественных наук.
6. Общественных наук.
7. Права и законодательства.
8. Медицины.

9. Киноискусства.

10. Секция преподавателей русского языка в загребских средних школах. Позже количество секций и содержание их работы менялось.

Первой была основана Секция русского языка и литературы, которая начала организовывать курсы изучения русского языка. Создатели Общества полагают, что это самое срочное дело для правильного осуществления целей Общества. Сначала открыли два курса для начинающих, а затем ещё два для продолжающих изучать русский язык. Одновременно Общество занялось подготовкой регулярной отправки (по 15 экземпляров) всех хорватских журналов и книг в Советский Союз.

30 июля 1945 г. Общество провело своё первое мероприятие в помещении Хорватского народного театра. После гимнов Советского Союза и Хорватии член Исполнительного комитета Карло Мразович-Гашпар прочитал лекцию о роли и значении Советского Союза. Потом звучала музыка Мусоргского и Чайковского, а Дубравко Дуйшин прочитал два стихотворения Маяковского. На этом первом мероприятии присутствовали представители культурной и политической элиты Загреба. Как видим, это заседание имело некоторую идеологическую окраску, но особенность деятельности Общества культурного сотрудничества Хорватии с СССР заключалась в том, что главной направленностью была, прежде всего, культура, а не прославление отдельных советских руководителей, режима или достижений.

Начиная с августа 1945 г., были основаны комитеты Общества в Карловцах, Вараждине, Осиеке, Петрине и Сисаке, несколько позже – в Беловаре, Котар-Копривнице, Врбовце, Костайнице, Дубровнике, Шибенике, Задаре, Борове, Винковцах, Вуковаре и Броде.

Когда читаешь отчёт Общества за первые 9 месяцев работы, то видишь, насколько она была многосторонней и активной.

Основной формой своей работы Общество определило лекции, полагая, что они приблизят его к народным массам, которые «после двадцатипятилетней лжи о Советском Союзе хотят как можно больше узнать о жизни сильной братской страны». Руководство Общества было уверено в правильности выбранного пути, поскольку все организованные лекции носили массовый характер. Часто организаторы даже не могли найти залы, которые могли бы вместить всех желающих. Отдельные лекции хотели послушать и до 4 тысяч человек.

С 28 августа 1945 г. по 30 марта 1946 г. прошло 34 лекции (или по 5 каждый месяц). Темы касались русской литературы, культуры, образования, нового типа многонационального государства. Среди тем очень мало таких, которые можно определить как идеологически обязательные. Часть лекций была прочитана на русском языке. Выступали учёные и специалисты из СССР. Узнаваемым, например, является имя будущего академика Б. А. Рыбакова с исторического факультета МГУ.

К важным событиям или датам Общество организовывало торжественные Заседания, которые проводились патетически, их удостаивали вниманием

и представители правительства НРХ⁵. До марта 1946 г. было проведено 8 таких торжеств: по поводу дня Октябрьской революции, 66-летия рождения Сталина, дня смерти Ленина, 90-летия со дня смерти математика Н.И. Лобачевского. Как оценить темы торжественных Заседаний с исторической дистанции, из нашего времени? Вероятно, для хорватского общества в этом была скорее необходимость (приказ из Белграда), но присутствовал и интерес к личностям, а через них – к стране и русскому народу. Ведь в то время, как нам кажется, хорваты заново открывали для себя Россию, но Россию новую, победившую, известную по высоким достижениям в военной, социальной и культурной областях.

За 9 месяцев Секция музыки организовала 8 концертов, на которых исполнялись произведения известных русских и советских композиторов. Секция русского языка и литературы практиковала для слушателей специальные еженедельные программы с «русским» чаепитием. Проводились выставки фотографий. Как считало руководство, они содействовали сближению хорватского и советского народов, что должно было способствовать стиранию «хотя бы частично следов реакционной фашистской пропаганды о Советском Союзе, которая распространялась в старой Югославии, а особенно последние 4 года в НГХ»⁶.

В самых людных местах города в витринах и в закрытых помещениях Общество организовывало выставки, как постоянные, так и меняющиеся. Первой была выставка плакатов советских художников, организованная сразу после создания Общества. Плакаты показывали борьбу советского народа в годы войны против фашистских завоевателей. Полтора месяца выставка плаката была открыта в витринах «Путника» на Пражской улице. 19 августа 1945 г. представители правительства Хорватии и Югославской армии, многих общественных организаций открыли выставку фотографий о борьбе Красной армии и об уничтожении фашистами культурных памятников в СССР. Выставку посетили 18 тыс. человек. Все загребские газеты поместили обширные статьи о выставке, а иллюстрированные журналы перепечатывали экспонировавшиеся на ней фотографии и документы.

В декабре Общество подготовило выставку под названием «Советские военные фоторепортёры и их работы». Она имела большой успех. В январе 1946 г. была открыта выставка фотографий «Москва – столица Советского Союза». В отчёте отмечалось, что выставку посетили более 26 тыс. человек, что интерес к ней был такой большой, что её пришлось продлить до 36 дней. Вся загребская печать освещала выставку, а радиостанция посвятила ей специальную передачу⁷.

Общество большое внимание уделяло изучению и пропаганде русского языка, особенно потому, что «знание русского языка в Хорватии очень слабо распространено, так как этот язык до 1945 года никогда не преподавался в школах, а без знания языка очень тяжело работать на поле культурного сотрудничества»⁸. В связи с тем, что число учащихся постоянно росло, Общество сразу после открытия четырёх курсов было вынуждено открыть ещё два.

Наряду с этим Общество объединило преподавателей русского языка из загребских средних школ, которые выразили желание создать специальную секцию. Эта секция открыла ещё три курса усовершенствования русского языка. Каждую субботу эта секция организовывала лекции на русском языке.

Когда стали приходить советские газеты и журналы, в помещении Общества был открыт читальный зал, которым могли пользоваться все его члены.

Общество постоянно приглашало из СССР деятелей культуры и науки. Так, хорватские зрители встречались с актрисой Татьяной Окуневской, писателями Борисом Горбатовым, Леонидом Соболевым, Николаем Тихоновым, Ильёй Эринбургом, слушали пианистку Нину Емельянову. Выступали также деятели науки, члены Всеславянского комитета, молодёжных организаций.

Так выглядела деятельность Общества за первые девять месяцев своего существования. Кроме перечисления всех проведённых мероприятий, секретарь Общества высказал и самокритические оценки, отметил упущения и недостатки в работе. Главным недостатком, по его мнению, было то, что «несмотря на многочисленность лекций и их хорошую посещаемость, они и приблизительно не могли охватить все темы, которые вызывали интерес». Причиной называлось отсутствие соответствующего материала по интересующим людей темам. Кроме того, «секции не показали такую активность, какая была желательна. В секциях работало очень небольшое число членов».

Организаторам было также жаль, что «очень мало сделано для того, чтобы ознакомить Советский Союз с культурной работой в Хорватии», хотя они несколько раз получали из СССР соответствующие предложения. Из Загреба в библиотеки СССР было отправлено недостаточное количество книг, чтобы заполнить пустоты в знаниях о Хорватии и Югославии.

К недостаткам работы отнесена и слабая работа комитетов Общества на местах. Причины назывались следующие: плохие дороги и некачественный материал для лекций. «В очень редких случаях мы могли реализовать посылку лекторов из Загреба в другие места, или из-за плохих дорожных условий, или из-за занятости самих преподавателей. Также и материал, который мы им посылали, не был перворазрядным», – отмечалось в отчёте⁹.

В целом, как казалось организаторам Общества культурного сотрудничества Хорватии с СССР, оно «за короткий срок внесло большой вклад в знакомство народов Хорватии с народами Союза Советских Социалистических Республик и тем самым оправдало своё существование».

Известно, как ухудшились отношения между СССР и Югославией в 1948 г. Центральный комитет Коммунистической партии Хорватии (КПХ), Управление агитации и пропаганды в июле 1949 г. послали письмо в областные комитеты КПХ с требованием отчёта о работе Обществ культурного сотрудничества Хорватии с СССР. Из тех отчётов видно, что уже в конце лета 1948 г. во многих городах (Котар, Копривница, Вировитица, Котар-Крижевци, Беловар, Сисак и др.) общества не работали активно.

Хотя все писали о том, что работа Общества в 1948–1949 гг. была намного слабее, чем в предыдущие годы, в ряде городов она продолжалась до июля

1949 г. В Далмации, например, Общество провело ряд торжественных Заседаний, работали курсы русского языка. В Риеке с 19 августа по 31 мая 1949 г. были проведены два курса русского языка, 3 лекции о русских писателях, открыт читальный зал, подготовлена выставка картин русских дореволюционных художников. Интересно, что были даже прочитаны лекции о Сталине, Сталинской конституции, а библиотека ещё долго получала журналы «Огонёк», «Новое время», «Крокодил» и ряд других¹⁰.

Как видим, политика не позволила этому росту дружбы и сотрудничества окрепнуть. Но массовость всех акций, их разносторонность и направленность на просветительство и культуру позволяют нам сделать вывод, что народы Хорватии приняли это Общество с открытым сердцем, искренне, слушали лекции, посещали концерты и просмотры фильмов. После стольких лет военных страданий они жадно внимали чему-то новому, слушали музыку, узнавали новое о русской литературе, встречались с советскими писателями. После конфликта между СССР и Югославией в 1948 г. Общество постепенно свернуло свою деятельность.

Примечания

¹ *Spehnyak K.* Prosvjetno-kulturna politika u Hrvatskoj 1945–1948 // *Časopis za suvremenu povijest.* Zagreb, 1993. – br. 1. S. 92.

² Hrvatski Državni Arhiv (далее – HDA). F. 1220. CK SKH. Agitprop. Kut. 8.

³ Izveštaj sekretara na redovnoj glavnoj godišnjoj skupštini Društva za kulturnu saradnju Hrvatske sa SSSR u Zagrebu za prvih 9 mjeseci rada // HDA. F. 1220. CK SKH. Agitprop. Kut. 8.

⁴ Ibid.

⁵ Народной Республики Хорватии.

⁶ Izveštaj sekretara na redovnoj glavnoj godišnjoj skupštini...

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Izveštaj o radu Odbora Društva za kulturnu saradnju Hrvatske sa SSSR u Rijeci. HDA. F. 1220. CK SKH. Agitprop. Kut. 8.

Культурный диалог СССР и Румынии на фоне политических разногласий 1960-х годов

Abstract:

Stykalin. A.S.

The serious disagreement between the Communist leaders of the USSR and Romania in the views on the prospects of the economic integration of the socialist countries as well as on some important problems of international relations (including the attitude to the Prague Spring of 1968) became apparent since 1963. They did not however interrupt the dialogue of cultures. Both sides took measures for keeping active cultural relations.

Ключевые слова: СССР, Румыния, социалистический лагерь, СЭВ, Варшавский договор, социалистическая интеграция, Хрущев, Брежнев, Чаушеску, разногласия, Пражская весна, культурное сотрудничество.

*Светлой памяти Лидии Егоровны Семеновой
(1931 – 2010)*

Уже во второй половине 1950-х годов во внешней политике Румынии проявилась тенденция к несколько большей самостоятельности. Румынское коммунистическое руководство с самого начала дистанцировалось от критики лидерами КПСС руководства Союза коммунистов Югославии, занявшего особую позицию в связи с венгерской революцией 1956 г.¹, и со своей стороны пыталось выступить в роли посредника при урегулировании возникшего советско-югославского спора. Так, первая встреча Никиты Хрущева и Иосипа Броза Тито после решающего советского военного вмешательства и насильственной смены власти в Венгрии состоялась 1–2 августа 1957 г. именно в Румынии. В ноябре 1957 г. Георге Георгиу-Деж не приехал в Москву на большое совещание компартий, румынскую делегацию возглавлял председатель Совета министров Киву Стойка. Зная заранее об отказе югославов подписать итоговую декларацию, Деж предполагал (и не без оснований), что на совещании начнется проработка СКЮ, и он хотел от нее отмежеваться. Румынский лидер принимал во внимание неплохо складывавшиеся румыно-югославские отношения и не хотел ими жертвовать, сужая тем самым поле внешнеполитических маневров для своей страны. Поддержание стабильных отношений с Югославией давало официальному Бухаресту потенциальную возможность разыгрывать временами югославскую карту в своем усилившемся стремлении к более активному внешнеполитическому курсу, проявившемуся среди прочего в выдвижении в 1957–1959 гг. ряда инициатив, направленных на оживление регионального, в том числе культурного сотрудничества балканских государств². Только в мае 1958 г., после принятия новой программы СКЮ, признанной в Москве ревизионистской, Румынская рабочая партия под давлением КПСС

была вынуждена подключиться к антиюгославской кампании, но участвовала в ней довольно вяло.

Переход к более инициативной внешней политике не означал внутривосточной либерализации режима – достаточно напомнить о жестких репрессиях против тех, кто так или иначе выразил солидарность с венгерской революцией³. Вообще Георгиу-Деж и его окружение видели в большей внешнеполитической независимости Румынии не в последнюю очередь гарант упрочения собственной власти и ограждения страны от нежелательных либеральных веяний в мировом коммунистическом движении, усилившихся на волне XX съезда КПСС, но особенно проявившихся в Польше и Венгрии. Из опасений, что либерализация социализма у некоторых соседей пойдет настолько далеко, что составит прямую угрозу абсолютной неконтролируемой власти румынского руководства, лидеры Румынской Рабочей партии с конца 1956 г. все более целенаправленно стремились к созданию механизмов противодействия не только венгерскому и польскому, но и советскому влиянию (причем нередко под видом искоренения последствий «культ личности»). При этом Деж понимал, что большая самостоятельность Румынии была бы в тех условиях едва ли достижима без укрепления доверия к нему со стороны Москвы. Жесткие преследования потенциальных оппонентов коммунистической власти были призваны не только запугать недовольных, но и убедить советских лидеров в том, что за Румынию они могут быть спокойны: здесь существует прочная коммунистическая диктатура и невозможно ничего похожего на то, что произошло в Венгрии (этот аргумент сыграл немалую роль при обосновании румынской стороной своих требований о выводе советских войск, что было осуществлено в 1958 г.)⁴. Следует заметить, что внутривосточная твердость, проявляемая на разных уровнях, в том числе и в культурной политике, с удовлетворением встречалась советскими эмиссарами разного ранга. Так, в сентябре 1959 г. один из руководителей Союза писателей СССР Борис Полевой по итогам своей поездки в Румынию сделал вывод: «Союз писателей Румынии находится в хороших руках, и партийное влияние является в нем преобладающим, хотя, разумеется, эта партийная линия и встречает некоторое скрытое сопротивление у отдельных интеллигентов»⁵.

Заметное осложнение отношений Советского Союза и Румынии произошло к 1963 г. Румынская сторона в мае 1963 г. на сессии Исполкома Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) в Варшаве отвергла советские планы экономической интеграции в рамках СЭВ как мало учитывающие национально-государственные интересы Румынии, ее сложившуюся хозяйственную структуру. Советский Союз обвинялся в стремлении низвести Румынию до роли аграрно-сырьевого придатка к более развитым странам. Насколько можно судить по имеющимся источникам, проявившиеся разногласия были до известной степени неожиданны для Хрущева. Так, 5 ноября 1962 г. при обсуждении на Президиуме ЦК КПСС вопроса о создании совместных плановых органов социалистических стран он говорил о том, что за годы, прошедшие после смерти Сталина, выросло доверие между социалистическими странами, страх

исчез, и Георгиу-Деж, как и некоторые другие восточно-европейские лидеры, «нам безгранично верит»⁶. Конечно, это было иллюзией, что наглядно показала варшавская сессия СЭВ, и чем сильнее была иллюзия, тем сильнее последующее разочарование.

Как явствует из записи заседания Президиума ЦК от 7 июня 1963 г., советские лидеры не считали, что в основе возникших разногласий лежат глубокие противоречия. Ответственность была возложена на советскую делегацию на сессии СЭВ, не проявившую якобы необходимой политической гибкости: «не нужно было принимать резолюцию, не было бы расхождений с румынами»⁷. Ситуацию не собирались драматизировать, вместе с тем был сделан важный вывод: «учесть на будущее – можем иметь отдельные разногласия по отдельным вопросам с отдельными странами»⁸.

Для обсуждения спорных вопросов в Румынию выехал сам Н.С. Хрущев. Его поездка, состоявшаяся 24–25 июня, не была результативна, беседа Хрущева и Дежа прошла в напряженной атмосфере. Позже, в октябре 1964 г., при отстранении Хрущева ему среди прочего было поставлено в вину нанесение обиды Дежу своими грубыми выражениями. Как отмечалось, подобный стиль общения с лидерами социалистических стран ведет к дистанцированию этих стран от СССР, а в конечном итоге к разброду в социалистическом лагере⁹.

К чести обеих сторон, им удалось избежать публичной полемики, более того, каждая из них приложила усилия, направленные на улучшение взаимоотношений. Так, запись заседания Президиума ЦК КПСС от 23 июля 1963 г., где обсуждалась программа предстоящего совещания высокопоставленных представителей компартий социалистических стран, начинается словами: «Румын не дразнить», что отражает установку на нераздувание конфликта¹⁰. В свою очередь и румынская сторона проявила заинтересованность в ослаблении возникшей напряженности с могучим восточным соседом. В сентябре 1963 г. она сделала жест доброй воли, предоставив Советскому Союзу на выгодных условиях 400 тыс. тонн пшеницы¹¹. Надо сказать, что 1963 год был в европейской части СССР весьма неурожайным.

Все это, однако, ни в коей мере не изменило наметившегося вектора румынской внешней политики. Осенью 1963 г. правительство Румынии предпринимает неподконтрольные СССР внешнеполитические шаги, направленные на сближение с США. В частности, 4 октября 1963 г. в Нью-Йорке, в кулуарах Генеральной Ассамблеи ООН, министр иностранных дел Румынии Корнелиу Мэнеску имел секретную встречу с госсекретарем США Дином Раском. Речь шла о Карибском кризисе октября 1962 г. и уроках, которые следовало из него извлечь. Румынское правительство, говорил Мэнеску, не было информировано о планах размещения советских ракет на Кубе. Поэтому Румыния, хотя и является союзницей СССР, вместе с тем не может вместе с СССР нести ответственность за последствия этого непродуманного шага. В случае возникновения в будущем аналогичной ситуации, способной привести к войне, Румынию, по мнению ее министра иностранных дел, следует рассматривать как нейтральное государство, не направляя против нее военного

удара¹². В контактах с США один из союзников СССР, таким образом, прямо дистанцировался от сомнительной советской акции, подвергнутой позже критике и в руководстве КПСС – при отстранении Хрущева в октябре 1964 г.

В апреле 1964 г. партийно-государственное руководство Румынии уже публично дистанцировалось от СССР, опубликовав Декларацию по вопросам коммунистического и рабочего движения – программный документ, концептуально изложивший внешнеполитические приоритеты Румынии (в нем был сделан акцент на первостепенности национальных, а не интернациональных интересов). Реакция на этот документ в Москве была достаточно спокойной. Так, 26 мая 1964 г. при подведении итогов поездки Хрущева в Египет на Президиуме ЦК КПСС говорилось о необходимости теоретической проработки вопроса о том, что разным странам «может быть придется пройти путь коммунистического национализма», и в этом контексте была упомянута Румыния¹³. Возможно именно в этот момент в Москве ближе всего подошли к пониманию того факта, что разногласия не случайны – в каждой из стран в силу конкретных условий на определенном этапе развития могут усиливаться национально-специфические моменты при выборе методов, форм социалистического строительства, и с этим необходимо считаться, не идя на обострение. Выраженная Тито в мае 1962 г. готовность вопреки всем разногласиям с Москвой поддерживать КПСС в ее противостоянии компартии Китая в споре за лидерство в мировом коммунистическом движении явилась серьезным аргументом в пользу большей терпимости к национал-коммунистическим устремлениям, не несущим в себе угрозу краха коммунистических режимов в тех или иных странах.

Несмотря на некоторое похолодание в политических отношениях культурные связи между двумя государствами продолжали развиваться в соответствии с ранее заключенными соглашениями. Вместе с тем подвергается пересмотру установка на максимально широкое использование советского опыта, соответственно происходит заметное сокращение масштабов пропаганды этого опыта румынскими печатными изданиями. На это обращали внимание в своих отчетах и донесениях советские деятели культуры, посещавшие Румынию. Несколько изменилась и тональность встреч деятелей культуры двух стран, о чем можно судить, сопоставив отчеты советских писателей, посетивших Румынию в августе 1959 г. и в августе 1964 г., в дни, когда в стране отмечались соответственно 15-я и 20-я годовщины событий 23 августа 1944 г., т.е. разрыва Румынии с нацистской Германией.

В 1959 г. Румыния однозначно воспринималась как страна, по выражению Хрущева, «шагающая в ногу» с другими членами социалистического сотрудничества. Б. Полевой докладывал о том, что советских писателей везде встречали необыкновенно дружелюбно, подчеркивали значение советского опыта и союзнических отношений с СССР, никогда не акцентировали внимание на разногласиях, не поднимали острых вопросов. Таким образом, на основании его донесения создавалась картина весьма безоблачных двусторонних отношений. Претензии, предъявляемые советской стороной, сводились к трем пунктам. Во-первых, советские газеты мало пишут о Румынии. Румынские функ-

ционеры иногда саркастически замечали: для того, чтобы в Советском Союзе обратили должное внимание на Румынию, у нас должно произойти нечто подобное венгерским событиям. Другая претензия заключалась в том, что в СССР не всегда учитывали мнение руководителей румынской культурной политики, отбирая произведения румынских писателей для перевода на русский язык: слишком многое зависело от частного вкуса переводчика; некоторых румынских писателей, как отмечалось, больше знают в СССР, чем дома – благодаря особым связям с переводчиками¹⁴. Кроме того, с румынской стороны нередко звучали жалобы, что из СССР посылают на гастроли второстепенные музыкальные и театральные коллективы – тем самым проявляется пренебрежение к румынской публике. Это особенно ощутимо на фоне соседней Венгрии, куда после событий осени 1956 г., напротив, начали посылать лучших артистов¹⁵.

Ситуацию августа 1964 г. отражает большая докладная записка писателя Саввы Дангулова, заместителя главного редактора журнала «Иностранная литература», прожившего в Румынии три недели¹⁶. В 1940-е годы Дангулов три года служил в Румынии – сначала в политструктурах Союзной Контрольной Комиссии, затем на дипломатической службе в посольстве. Он хорошо владел румынским языком, имел широкие связи в стране, особенно среди интеллигенции. Не удивительно, что записка Дангулова с анализом внутривнутриполитической ситуации в Румынии, хотя и явно не была свободна от господствовавших в СССР идеологием о превосходстве советского опыта социалистического строительства, вместе с тем по своему аналитическому уровню и информационной насыщенности заметно выделялась на фоне других, аналогичных по жанру документов, содержала немало интересных наблюдений о настроениях румынской интеллигенции. Записка Дангулова была сразу же передана из Иностранной комиссии Союза писателей СССР в аппарат ЦК КПСС секретарю ЦК по идеологии Л.Ф. Ильичеву¹⁷, и, как можно предполагать, в определенной мере принималась во внимание при выработке политики на румынском направлении.

На основе своих наблюдений Дангулов сделал вывод о глубоких изменениях всей общественно-политической атмосферы в стране, происходящих под знаком отрицания советского опыта и продуктивности советско-румынских связей для строительства социализма в Румынии. Новая линия находила отражение в пропаганде, в соответствии с духом и буквой этой новой линии осуществлял все свои мероприятия Союз писателей Румынии: контакты с СССР сознательно отодвигались на второй план. Некоторые публицисты, ранее занимавшиеся славословием в адрес СССР, теперь, напротив, были настроены очень критически. При посещении предприятий, построенных при участии СССР, попытки Дангулова что-то сказать о преимуществах советско-румынского сотрудничества вызывали, как правило, негативную реакцию собеседников – писателю сразу давали понять, что его мнение «противоречит официальной точке зрения, и разговоры на эту тему сегодня в Румынии не приняты». Не только из записки Дангулова, но и из свидетельств других со-

ветских эмиссаров, посещавших Румынию, следует, что более всего с советской стороны были недовольны тем, что в румынских средствах массовой информации всячески замалчивается роль Красной Армии в разгроме нацизма и в том числе в освобождении Румынии от немецких и венгерских войск¹⁸.

По наблюдению Дангулова, румынские интеллектуалы старшего поколения, с которыми он встречался при посещении Союза писателей и гуманитарных академических институтов (писатель В. Ефтиму, ученые, преимущественно филологи, А. Росетти, Ш. Николау, Й. Иордан и др.), поддерживали идею большей внешнеполитической самостоятельности Румынии, расширение связей с Западом и т.д. и в то же время выражали сомнения по поводу целесообразности некоторых шагов – например, далеко идущего сближения с Китаем. Ведь независимо от воли и желания партийных лидеров, изменить в один день геополитические реалии невозможно. А потому стабильные, добрососедские отношения с ближайшим соседом – Советским Союзом объективно должны быть важнее, нежели все громче декларируемая дружба с Китаем. При этом румынские интеллектуалы ссылались и на титовскую Югославию, по-прежнему являвшуюся для Румынии примером независимой внешней политики. Она хотя и дистанцируется во многом от СССР, однако однозначно стоит на стороне Москвы там, где дело касается советско-китайского спора. Дангулов пишет: «Все, с кем я говорил в Румынии, особенно интеллигенция, подчеркивали, что им глубоко враждебна линия китайского руководства по вопросам войны и мира». Но признавая свое несогласие с Китаем по главным пунктам его разногласий с СССР, многие интеллигенты, по наблюдению Дангулова, вместе с тем эмоционально находятся на стороне Китая, поскольку недовольны советскими претензиями на доминацию в социалистическом лагере. По оценке Дангулова, в нынешний острый момент советско-румынских отношений Румыния из тактических соображений ищет поддержки Китая, «при этом ведет себя достаточно осторожно» – ведь однозначно встать на сторону Китая – значит осложнить отношения с Западом, тогда как «заявить о своем несогласии с Китаем – значит отказаться от известных возможностей тактической игры». И после отставки Н.С. Хрущева в октябре 1964 г., в новых условиях, коммунистическое руководство Румынии, как известно, пыталось балансировать между СССР и Китаем, играя на противоречиях между двумя великими коммунистическими державами в целях укрепления собственных позиций внутри страны и вовне.

По итогам посещения Союза писателей Дангулов пришел к выводу, что руководители Союза М. Бенюк, З. Станку и др. стараются внешне не отклоняться от общей линии, и вместе с тем при более тесных контактах с ними складывается впечатление, что они в известной мере озабочены, как бы слишком резкое ухудшение отношений с СССР не возымело бы для Румынии негативных последствий. По убеждению Дангулова, бойкотирование этих людей не отвечает интересам Москвы, поскольку способно превратить их в серьезную антисоветскую силу. Напротив, было бы целесообразно издавать их произведения в СССР.

После отставки Хрущева с советской стороны был принят ряд мер, направленных на преодоление наслоений в отношениях с Румынией, что среди прочего предполагало оживление культурных связей. В 1965 г. состоялся обмен писательскими делегациями. Советская делегация писала в отчете об оказанном уважении, гостеприимстве хозяев и т.д.¹⁹. Вместе с тем на атмосфере встреч по-прежнему сказывалась сохранявшаяся напряженность в двусторонних отношениях – начать политику «с чистого листа», списав все на волюнтаризм и грубость Хрущева, не удавалось, от своих принципов, изложенных в апрельской Декларации 1964 г., румынская сторона, конечно же, не отказывалась. В отчетах лиц, ответственных за прием в СССР румынских писательских делегаций, отмечалось, что литераторы, приезжавшие из Румынии, как правило, довольно сдержанны в контактах и замкнуты, видимо, не желая давать своим коллегам-соотечественникам повода обвинять себя в просоветских настроениях – в интеллигентской среде правило бал общественное мнение, которое в 1960-е годы не было благоприятным в отношении СССР²⁰. На научных форумах с участием представителей социалистических стран румынские делегаты, если верить отчетам, также держались довольно обособленно и замкнуто, распространяя в то же время изданную на разных языках пропагандистскую литературу, излагающую новую внешнеполитическую концепцию Румынии, продолжавшую оставаться в силе и тогда, когда во главе партий встали Л.И. Брежнев и Н. Чаушеску²¹.

В отчете большой советской писательской делегации, посетившей Румынию в сентябре 1965 г., по-прежнему говорилось о доминирующей установке на замалчивание советского опыта, но что любопытно, такая установка предполагала отсутствие не только восхваления, но и открытой критики СССР, негативных сторон советской действительности в то или иное время. Советским писателям было сказано в ходе одной из бесед: румынские театры не собираются ставить советские пьесы, содержащие критику эпохи культа личности, так как они могут оказать дурное влияние на румынскую молодежь²². Еще далеко было до крайностей в возвеличении Чаушеску, однако уже и в 1965 г. нежелательность критики «культа личности» не вызывала сомнений у некоторых румынских функционеров.

Как известно, пик обострения советско-румынских отношений пришелся на август 1968 г., когда Румыния оказалась в состоянии острой конфронтации с советским руководством, решительно выступив против вмешательства СССР и ряда его союзников в события в Чехословакии. В течение нескольких дней в стране существовали даже опасения советской интервенции в Румынию, впрочем, явно преувеличенные. Правда, уже с конца августа с румынской стороны предпринимаются определенные усилия, направленные на смягчение, стабилизацию двусторонних отношений, нейтрализацию последствий августовского конфликта с СССР (при сохранении особой позиции Румынии в советском блоке). Это проявилось и в изменении тональности румынской прессы. Так, в документе советского цензурного ведомства (Главлита), относившемся к середине сентября, отмечалось, что сейчас тон румынской печати изменил-

ся: уже нет столь жесткой критики советской политики, и последние номера румынских газет в основном пропускаются в продажу беспрепятственно, чего не было в первые две недели после вторжения 21 августа²³. Тем не менее в записке «О некоторых мероприятиях в области советско-румынских связей», подготовленной в аппарате ЦК КПСС и рассмотренной 17 сентября 1968 г. на заседании Секретариата ЦК КПСС, говорилось, что «линия руководства РКП по существу остается недружественной, препятствующей достижению единства социалистических стран. Смысл позиции ЦК РКП в отношении событий в Чехословакии не изменился, в беседах с представителями компартий третьих стран румынские руководители по-прежнему допускают прямые антисоветские выпады, в стране продолжается формирование отрядов “патриотической гвардии” в целях “отражения вооруженного вмешательства в дела Румынии”»²⁴.

В Москве, как и в Бухаресте, был избран курс на смягчение конфронтации, одним из инструментов его реализации явились культурные связи. Несмотря на проявления напряженности в двусторонних отношениях, так и не были отменены некоторые запланированные мероприятия в области культурного обмена, в частности, намеченные на октябрь Дни советской культуры в Румынии. Напротив, к этим мероприятиям очень серьезно готовились. В программу Дней советской культуры входило посещение Румынии делегацией Союза писателей СССР. В отчете (более формальном, нежели вышеупомянутая записка С. Дангулова, хотя в составе делегации был и страновед, консультант Иностранной комиссии Союза писателей) говорилось о том, что интеллигентская аудитория проявила большое внимание к Дням советской культуры, причем не только к выдающимся артистам и музыкантам, наконец-то посланным в это время в Румынию (для этого должны были произойти события августа 1968 г.!), но и к приезду писательской делегации²⁵. Принявший ее председатель Союза писателей Румынии З. Станку был подчеркнута приветлив и щедр, не делая – по крайней мере внешне – никаких различий в приеме ее в сравнении с тем, что было до августа. Он заверял, что сотрудничество продолжится, подчеркивал в беседе свои симпатии к СССР, говорил о необходимости единства и взаимопонимания писателей, приверженных идеалам социализма и коммунизма, соглашался с тем, что частные расхождения и недопонимание можно и нужно устранять в ходе встреч и дискуссий. Советским писателям показалось, что он старался несколько сгладить впечатление от своего остро критического августовского выступления в адрес СССР в связи с чехословацкими событиями. Правда, некоторые молодые писатели демонстрировали в отношении советской делегации сдержанность, иронию, недоброжелательность в свете недавних чехословацких событий, однако прямых выпадов не было. Вообще участники бесед предпочитали избегать политических споров, больше говорить о литературе, культуре, а если кто-то и касался политики, то это были главным образом функционеры писательского союза, которые прежде всего подчеркивали преимущества современной румынской культурной политики, не склонной прибегать к административным методам в работе

с творческими союзами (культурная политика РКП и в самом деле переживала в это время пик своего либерализма), и, кроме того, предоставляющей возможности для выбора стиля, развития экспериментальных, авангардистских течений в литературе. Советские писатели обратили внимание, что при обсуждении проблем художественного метода молодые румынские литераторы, вопреки все громче звучащей из уст партийных лидеров националистической риторике, с пренебрежением отзывались об использовании национального фольклорного элемента в поэзии в целях усиления выразительности стиха, они считали это пройденным этапом, «вчерашним днем» поэзии (ибо фольклорные элементы употреблялись в недавнем прошлом для прославления политических событий, причем в художественной стилистике, которая сейчас воспринимается как анахронизм).

Впечатления писательской делегации несколько контрастируют с отчетами о поездках советских туристических групп в Румынию в августе-сентябре 1968 г. – в этих отчетах доминирует совсем иная тональность, говорится о засилье антисоветских настроений и т.д.²⁶. Можно предполагать, что руководство РКП, после августа 1968 г. взяв курс на некоторое смягчение, по крайней мере стабилизацию отношений с СССР, нейтрализацию последствий августовского конфликта (при сохранении особой позиции Румынии в советском блоке), прилагало особые усилия для того, чтобы пребывание советской делегации прошло без видимых эксцессов, с румынскими писателями проводилась соответствующая работа. Как бы там ни было, очевидно одно: даже в моменты обострения отношений коммунистических режимов не прерывались связи между писателями двух стран (хотя, конечно, на состоянии этих связей определенным образом сказывалась политическая конъюнктура), сохранялись открытыми пути и возможности взаимопонимания.

Доклад на заседании двусторонней комиссии историков России и Румынии (Клуж, сентябрь 2010 г.)

Примечания

¹ См.: Stykalin A. Relațiile sovieto-iugoslave și afacerea Imre Nagy // Arhivele Totalitarismului. București, 2005. № 3–4 (Anul XIII. Nr. 48–49). 50–76 pp. Из новейших работ по истории румынско-югославских отношений в 1950-е годы см.: Stanciu Cezar. From Amity to Enmity and Back. Romania and Yugoslavia from 1948 to 1956 // Historical Yearbook. Vol. V. București, 2008.

² См.: Стыкалин А.С. Проекты регионального сотрудничества черноморских и балканских государств и позиция СССР (1950-е – начало 1960-х годов) // Revue des études Sud-Est Européens. Tome XLVIII. 2010. № 1–4. Janvier – Décembre. С. 333–346.

³ Этой теме посвящена большая литература на венгерском языке, вышедшая как в Венгрии, так и в Румынии. Из наиболее значительных публикаций последних лет см.: Bottoni Stefano. Kényszerből stratégia: a román államhatalom válaszlépései a magyar forradalomra (1956 – 1958) // 1956 okai, jelentősége és következményei. Szerk. Pál L. és Romsics I. Bp., 2006. 157–195.o.; Pál-Antal S. Áldozatok – 1956. A forradalmát követő megtorlások a Magyar Autonóm Tartományában. Marosvásárhely (Tîrgu-Mureș), 2006.

⁴ 17 апреля 1958 г. Президиум ЦК КПСС утвердил письмо ЦК КПСС в адрес ЦК Румынской рабочей партии (См.: Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Главный редактор академик А.А. Фурсенко. Том 2. Постановления. 1954 – 1958. М., 2006. С. 783). В нем отмечалось, что пребывание советских войск в Румынии уже не вызывается необходимостью ввиду некоторого ослабления международной напряженности и достаточной подготовленности румынских вооруженных сил для защиты своей страны. Подробнее см.: Стыкалин А.С. Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма в материалах Президиума ЦК КПСС (1953 – 1964) // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова (1930 – 2005). Отв. редактор К.В. Никифоров. Сборник статей. М., 2010. С. 371–392.

⁵ Отчет Б. Полевого в Иностранную комиссию Союза советских писателей от 15 сентября 1959 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 26. Д. 2423. Л. 2.

⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 645. В ходе поездки Н.С. Хрущева в Румынию, состоявшейся 17–25 июня 1962 г., не было выявлено значительных расхождений между лидерами двух партий по принципиальным вопросам внешней политики и экономического сотрудничества.

⁷ Там же. С. 719.

⁸ Там же.

⁹ Как говорил М.А. Сулов на пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 г., «линию нашей партии в международных вопросах мы считаем правильной. Но не надо закрывать глаза на то, что у т.Хрущева бывали выступления, когда он совсем некстати становился в позу этакого наставника, он весьма любил поучать руководителей братских стран в тех случаях, когда этого совершенно не требовалось. Например, едет за границу и поучает там, как сеять кукурузу, как получать высокие урожаи сельскохозяйственных культур. Зачем это делать? И это делалось там, где урожай часто значительно выше, чем у нас. Это же обижает товарищей. Такая безтактность была допущена почти публично, например, в отношении румынских товарищей. Это же не может не обижать руководителей братских партий. Это – люди опытные и закаленные, они не нуждаются в таких неуместных советах» (Как снимали Н.С. Хрущева. Материалы пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. // Исторический архив. 1993. № 1. С. 13). См. также запись заседания Президиума ЦК КПСС от 13 октября 1964 г.: «зачем вам нужно Дежу говорить обидные слова?» (Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Т.1. С.865).

¹⁰ Там же. С. 734.

¹¹ Там же. С. 737.

¹² См.: Garthoff R.L. When and Why Romania distanced itself from the Warsaw Pact // Cold War International History Project Bulletin. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington. Issue 5. Spring 1995. P. 111.

¹³ Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Т. 1. С. 825. В те же дни, 28 мая 1964 г., на Президиуме ЦК КПСС было принято решение о мероприятиях по улучшению советско-румынских отношений.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2423. Л. 1–5. Об этом же нередко говорилось с румынской стороны и позже. См., например: Отчет советской писательской делегации во главе с румынским писателем Юханом Смуулом, посетившей Румынию в сентябре 1965 г. // Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 150. Л. 196.

¹⁵ Как доносил в сентябре 1959 г. в Москву Б. Полевой, в Румынии «очень болезненно воспринимают то, что наше Министерство культуры посылает туда преимущественно народные хоры, оркестры балалаечников, а не виртуозов и не наши выдающиеся театральные коллективы и балеты. Думается, что эту претензию также следует учесть. Посольские товарищи тоже знают об этой обиде и присоединяются к нашей просьбе» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2423. Л. 4).

¹⁶ Там же. Д. 2485. Л. 3–13.

¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 104. Л. 153–165.

¹⁸ См., например, отчет о встрече представителей общественности Румынии и Советской Молдавии в августе 1967 г., во время празднования очередной годовщины событий 23 августа 1944 г. // Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (Chișinău). F. 51. In. 29. D. 240. FF. 3–4. На

зарубежных форумах с румынской стороны также проявлялась склонность к недооценке роли Красной Армии в победе над нацизмом. Так, в мае 1965 г. на международной писательской встрече в ГДР с участием писателей-коммунистов разных стран румынский представитель излагал с трибуны версию о том, что Бухарест был якобы освобожден только румынскими войсками, не вызвавшую к себе серьезного отношения коллег-писателей из других стран (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 149. Л. 23). См. также более поздний документ – представленную в аппарат ЦК КПСС справку о тенденциозном освещении вопросов истории Второй мировой войны и истории Коминтерна в работах румынских историков (1972) // Там же. Оп. 64. Д. 110.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 150. Л. 182–184.

²⁰ Там же. Оп. 55. Д. 105.

²¹ Там же. Д. 64. Л. 101.

²² Там же. Оп. 36. Д. 150. Л. 182.

²³ Там же. Оп. 60. Д. 20. Л. 125.

²⁴ См.: Улуния Ар.А. Миф «Новой Малой Антанты». К истории появления одной концепции (60-е годы XX в.) // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 3. История и сообщества. Отв. редактор Ар.А. Улуния. М., 2010. С. 184–185.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Д. 573. Л. 1–13.

²⁶ См.: Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova. F. 51. In. 29 (1968). D. 102. FF. 51–56.

Православный богогласник XX – XXI вв.

Abstract:

Labyntsev Y.A., Shchavinskaya L.L. *Orthodox bogoglasnik of the XX – XXI centuries.*

This article describes one of the phenomena of the modern East Slavic folk culture – Orthodox book “bogoglasnik”. Bogoglasnik’s role in the spiritual life of millions of Eastern Slavs is extremely important. Bogoglasnik now exists in manuscript, printed and electronic forms. It appears on the Internet more and more often.

Ключевые слова: славянский мир, православие, восточнославянская народная литература, богогласники.

В народном обиходе белорусского и украинского населения нескольких стран Восточной Европы, преимущественно в крестьянской среде, до сих пор распространен литературный сборник, именуемый богогласником. История этой книги, насчитывающая несколько веков, изучена слабо, а ее судьба в XX столетии и в наши дни неизвестна вовсе. Более того, о православной традиции богогласника, глубокой и масштабной, а тем более о современном ее бытии нет никаких сведений даже в соответствующих статьях новейшей «Православной энциклопедии»¹. Переизданный в 2002 г. Издательским советом Русской Православной Церкви «Богогласник» синодальной печати 1900 г. содержал в качестве поясняющей статьи лишь очерк, в котором речь шла только о греко-католической (униатской) традиции и ничего не было о богатейшей православной².

Нам уже неоднократно приходилось говорить и писать о важности православного богогласника в духовной жизни миллионов восточных славян, живущих преимущественно в Украине, Беларуси и Польше³, однако начать специальную планомерную работу по его всестороннему изучению пока не удавалось.

Рукописные богогласники весьма разнообразны по своему составу, а отдельные тексты, их составляющие, необычайно вариативны. При этом, общее число наиболее распространенных таких текстов равняется нескольким сотням, помноженным на многие десятки вариантов каждого из них.

Необходимо сказать, что сами творцы, переписчики, читатели и исполнители текстов богогласника в зависимости от места, а иногда и времени «преобразуют» их то в песню, то в стих, то в песнопение, то в псалму / «сальму» и т.д. Нередок и обратный переход – от духовного стиха к песнопению богогласника. Подобные переходы, так сказать, закономерная особенность бытования произведений данного литературного сборника. При этом границу здесь провести очень трудно, порой невозможно, но в конкретной среде в данный момент одно и то же произведение может иметь не только иное наименование, но и некий иной жанрово-видовой и, конечно же, паралитургический статус. Явление это не только совершенно неизученное, но и незамеченное.

Все рукописные и печатные, а таковых было издано десятки, богогласники – многоязычны. Это же относится и к тем из них, что воспроизводились с помощью различных множительных средств вплоть до начала XXI в. Такая многоязычность – результат особого интернационального состава авторского и читательского корпуса богогласников. При этом многочисленные переписчики, составлявшие рукописные богогласники, отбирали в течение длительного времени самое востребованное, полюболюбшееся из огромного числа религиозно-поэтических текстов, созданных на нескольких языках и их вариантах. Практически ни один из таких языков не являлся чем-то непреодолимым для восприятия тех или иных текстов в казалось бы иноязычной среде. Более того, вплоть до сегодняшнего дня, например, украиноязычные тексты богогласника органично воспринимаются как его неотъемлемая составная часть и белорусами, и русскими, бытуют среди них наравне с прочими произведениями из корпуса этого сборника, написанными в разное время на трех основных восточнославянских языках; их диалектах, нередко со значительными добавлениями церковной лексики; всевозможных вариантах церковнославянского языка.

В настоящий момент рукописные богогласники существуют в форме довольно объемных (до нескольких сот страниц) сборников типа единого книжного кодекса (количество подобных богогласников исчисляется единицами); нескольких больших или одной большой тетради среднего или большого формата (таких богогласников, пожалуй, большинство в среде наиболее уважаемых исполнителей); нескольких или одной стандартной ученической тетради (число подобных богогласников преобладает, это, так сказать, массовый тип); небольших блокнотов и записных книжек, число которых незначительно в силу неудобства их использования; подборок различных листков и листовок, встречающихся довольно редко.

Переписчиками песнопений богогласников являются в основном женщины в возрасте от 30 лет, среди которых существует даже определенная иерархия.

Согласно нашим наблюдениям, наиболее распространены сейчас тексты богогласника, созданные в XX в. Все, что было написано ранее или же в наши дни, встречается значительно реже.

Основные языки песнопений – украинский и русский, являвшийся и остающийся на просторах Восточной Славии своего рода «околосакральным», «языком православия»⁴.

Среди текстов богогласника, распространенных в настоящий момент, можно насчитать многие десятки наиболее часто исполняемых песнопений, известных во множестве вариаций и вариантов, число которых определяется различными языковыми, эмоционально-психологическими и иными предпочтениями местного сельского и городского населения.

Важной особенностью бытования этих текстов в наши дни стало их систематическое издание в 1990-е гг. в Беларуси, России, Польше и Украине. Впрочем, современные печатные богогласники переписываются все реже и реже.

В то же время они стали неременной книгой у всех без исключения нынешних православных паломников в Польше, прежде всего молодых.

В целом основные тексты православных богогласников XX – XXI вв. могут быть объединены в следующие тематические разделы: общие песнопения ко Иисусу Христу, песнопения на Рождество, на Богоявление, на Сретение, великопостные песнопения, страстные, на Воскресение, на Вознесение, в день Св. Троицы, в день Св. Духа, на Преображение, на Воздвижение, на вход Господень в Иерусалим; песнопения Богородице, представляющие собой один из самых обширных и любимых циклов; песнопения архангелам, апостолам, святым; покаянные песнопения; песнопения о вечности и смерти; о жизни человеческой; песнопения просительные, хвалительные, умилительные; песнопения праздничные, в том числе колядные.

Впрочем, это деление в ряде случаев довольно условно, а сами нынешние рукописные да и печатные богогласники, строго говоря, не слишком выдерживают подобное деление, ориентируясь в большинстве на некий излюбленный репертуар данного времени. В значительной степени это обстоятельство сказывается и на обращении современных авторов песнопений к тем или иным темам. Необходимо заметить, что среди нынешних авторов богогласничных песнопений есть и духовные лица, которые весьма неохотно признаются в своем авторстве.

Если среди восточнославянского православного населения Польши тексты богогласника распространены повсеместно, то на Белорусском и Украинском Полесье их бытование идет по убывающей от запада к востоку. Причем, на крайнем Западном Полесье частота распространения богогласничных песнопений сравнима с частотой их бытования на Подляшье. К Пинску популярность, а точнее известность богогласничных песнопений среди местного населения значительно уменьшается, хотя и здесь можно все еще говорить об устойчивой постоянной традиции, которая далее вниз по Припяти довольно быстро сходит на нет. Впрочем, исчезает только сам тип сборника (богогласник) как таковой, более точно, его именование, а вот произведения, его составляющие, так сказать, «переходят» в большом своем числе в состав очень похожих по своему материальному воплощению рукописных сборников, которые, чем восточнее от границы распространения богогласника, все увереннее начинают называть собирательно «псалмами» или «сальмами». Подобные сборники распространены по всей восточной Беларуси и Украине, в западных областях России, откуда они тем или иным путем попадали и попадают еще далее на восток вплоть до Приморского края и регионов Казахстана.

Иногда особые обстоятельства способствуют как непосредственной передаче и распространению традиции самого богогласника, например, в период так называемого беженства (1915–1920-е гг.) вглубь России православных выходцев с западных окраин Российской империи², так формированию и появлению некой смешанной отдельной и весьма устойчивой новой формы бытования именно богогласничных текстов. Это мы видим на примере деятельности

архиепископа Пермского и Соликамского Афанасия (1927–2002), уроженца Подляшья, составителя печатных сборников таких текстов⁶.

Очень интересно отношение тех или иных возрастных групп в разных местах к песнопениям богогласника. Сейчас можно, пожалуй, говорить о некоей попытке возрождения интереса к богогласнику в среде молодежи, хотя и без появления новых песнопений, написанных в молодежной среде, чему способствует довольно много причин. В других возрастных группах православных Беларуси, Украины и Польши интерес к богогласнику достаточно стабилен, особенно в сельской местности. Впрочем, на Белорусском Полесье молодежь мало знает песнопения богогласника, их переписывают и исполняют в основном лица пожилого возраста, очень редко среднего. В немалой степени такому положению способствует и отношение к богогласнику местного клира. Любопытно в этой связи суждения некоторых молодых регентов церковных хоров, по сути считающих паралитургику малоинтересным и даже вредным пережитком. Данное обстоятельство более характерно не крайнему западу Полесья, граничащему с Польшей, а районам прилегающим к Пинску и самому Пинску, где песнопения богогласника все еще распространены довольно широко. Нельзя не отметить в этом и роль знаменитого пинского «Обихода» 1929 г.⁷, а также авторитетных редакций богогласника 1969⁸ и особенно 1935 г.⁹

Как мы уже упоминали, история православного богогласника до сих пор не только не изучалась, но и сам вопрос об этом даже не ставился¹⁰.

В начале военного 1917 г. в Киеве в «Университетских известиях» стали публиковать диссертацию «магистранта С.А. Щегловой» «Богогласник. Историко-литературное исследование»¹¹. Ученица В.Н. Перетца, она сгруппировала доступный ей материал и сделала сравнительный анализ большей части печатных богогласников XVIII – XIX вв. Это была первая попытка широкого охвата огромного материала, до той поры даже неучтенного библиографически. Во многом Софья Алексеевна Щеглова (1886–1965) следовала в своей работе принципам исследования богогласников, заложенных ее учителем В.Н. Перетцем¹², применяя как основной прием буквальное «сличение текста», что позволило ей подготовить весьма ценный, хотя, конечно же, далеко не полный библиографический реестр текстовых разночтений тех или иных изданий, в том числе и некоторых ранних православных. Этот добротный академический реестр был по существу последней крупной отечественной работой о богогласниках вообще, правда, совершенно не учитывавшей тогдашние жизненные реалии, в которых весьма интенсивно развивалась собственно православная традиция богогласника. Автору остались совершенно неведомы не только те современные споры о его судьбе, ведшиеся в православных религиозных кругах и народной среде¹³, но и целые пласты самих печатных богогласников, в том числе православных¹⁴. Что же касается богогласников рукописных, число которых к моменту выхода в свет диссертации С.А. Щегловой было уже значительным, то они ею не привлекались вовсе. В дальнейшем

именно рукописные богослужения, в том числе православные, стали едва ли не самой массовой народной книгой в западной части Восточной Славии. Они сохраняют этот свой статус по сей день.

Рукописные православные богослужения XX – XXI вв. – особое книжно-литературное явление, продолжающее свою жизнь, в том числе в самые последние годы в принципиально новой форме бытования – электронной, включая электронно-сетевые воплощения. Достаточно целостное представление об этом явлении дает выборка ста наиболее часто встречающихся по сей день в рукописных богослужениях Западного Полесья текстов, собиравшихся нами экспедиционным путем в течение нескольких десятилетий. Мы располагаем список этих стихотворных произведений в алфавитном порядке их устоявшихся в традиции православного богослужения названий:

1. Архиреее Захарие
2. Афанасие предивный
3. Ах, ушли ж мои лета
4. Біжать у Почаїв стежки та доріжки
5. Бог предвечный народился
6. Богом избранная Мати Отроковице
7. Братья! двоицу святую
8. В Лесной нам ся объявила
9. В пятницу молчанье
10. Весела свету новина
11. Видит Бог, видит Творец
12. Вижу Тя на Кресте распята
13. Вонми днесь, небо
14. Вонми, небо, земле, играй славно
15. Воспойте согласно песнь нову
16. Востани, о, душе!
17. Вселенная, веселися
18. Вселенная всех стран поселяне
19. Все Тя хоры небес двory
20. Встревожимся, устрашимся
21. Вышних хоров начальниче
22. Галаадский, славне Пророче
23. Глагол Господень на водах
24. Гора Афон, гора святая
25. Господь вознесется на небеса
26. Да приидет всему миру радость
27. Дивная новина
28. Дивный во делах Святитель великий
29. Днесь все християне радостно ликують
30. Днесь отверзется весна благодати
31. Душе моя, душе моя

32. Играй, Иерусалиме новый
33. Играй, свете, и веселися
34. Иерусалиме светел над звезды
35. Из млада возлюби Бога
36. Иисусе мой прелюбезный
37. Иоанна Богослова и Ритора сладкомовна
38. Иордан реко, уготовися
39. Иордане, уготовися
40. Искапайте, горы
41. Истинная Мати света, Пречистая Дево
42. Источник духовный, радости виновный
43. Источниче, источниче благодати
44. К Тебе, о Матерь Пресвятая
45. Кажут люде, же я умру
46. Крестным древом распятаго
47. Ликующе возыграем днесь
48. Мати милосердия, море щедротам
49. Многими усты гласы испусти
50. На горе преобразися
51. На светлое Воскресение Христово
52. Небо и земля
53. Нова радость стала
54. Новая радость свету ся явила
55. Ныне, Адаме, возвеселися
56. О всепетая Мати
57. О хто, хто Миколая любит
58. О, горе, мне, грешнику
59. О, Пресвятая Царице, Помощнице моя
60. О, пресладкий и всещедрый Иисусе
61. Огнь горящий в сердце моем
62. Ой зшла зоря вечоровая
63. Памятайте, христиане
64. Пасли пастыри овцы на горе
65. Патриарси, торжествуйте
66. Помози нам, Христе Боже
67. Помощника кто ищещи
68. Пред Тобою, мой Бог
69. Предвечный родился от Девы
70. Предивное торжество
71. Пресвятая Дево, Светла Зарнице
72. Пречистая Дево, Мати нашего краю
73. Пречистая Дево, Мати русскаго краю
74. Пречистая Дево, Мати Холмския Руси

75. Пречистая Дева, цвет благовоный
76. Приидет година для всех едина
77. Приидите ублажим Иосифа приснопамятнаго
78. Приносит Дева Младенца
79. Просветителю нашему, славу князю Владимиру
80. Радостным сердцем возвысим глас
81. Радуйтеся все людие
82. Рождество славно
83. Светлейша Деннице
84. Светло днесь ликуем
85. Светло небо со ангелы
86. Святыи Боже, Святыи крепкий
87. Скиния златая, ковчеже завета
88. Согреших, о Боже мой!
89. Спелайте, люди, кто жие на свете
90. Спит Сион
91. Тлит боязнь сердце
92. Троне вышний днесь двигнися
93. Уже декрет подписуе
94. Хвалите Господа с небес
95. Христе, Царю справедливый
96. Царю Боже Авраама
97. Царю Христе незлобивый
98. Цвет мысленный днесь родися
99. Я умом ходила
100. Явный всему миру благодетелю

Примечания

¹ См.: Шевчук Е.Ю. Богогласник // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 5. С. 441–442.

² См.: Медведик Ю.Е. Богогласник. Источниковедческие вопросы истории и исследования сборника и его песенных текстов // Богогласник. М., 2002. С. 166–173.

³ См., напр.: Лобынцев Ю.А. Всеум православному миру. М., 1995. С. 44–47; Лобынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Многоязычная народная книга восточных славян «Богогласник» // История и культура славян в зеркале языка: славянская лексикология. Международная конференция. III чтения памяти академика О.Н. Трубачева из цикла «Славяне: язык, история». 21–25 октября 2005 г. Москва. Тезисы докладов и выступлений. М., 2005. С. 67–68 и др.

⁴ См. напр.: Лобынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. М., 1999. С. 246 и др.

⁵ Для этой категории беженцев, которые тем или иным способом, в той или иной форме распространяли среди местного русского населения центральных и восточных регионов Российской империи произведения богогласника, светские и церковные власти специально издавали его. См., напр.: Богогласник. СПб., 1916.

⁶ См., напр.: Сборник духовных народных песнопений. Пермь, 1991; В похвалу Богоматери. Пермь, 1994. Ч. 1–2.

⁷ См., напр.: Лобынец Ю.А., Шавинская Л.Л. Западнобелорусское письменное наследие XVII – XX вв. Минск, 2004. С. 248–299.

⁸ Богогласник. Варшава, 1969.

⁹ Богогласник. Варшава, 1935.

¹⁰ Сравните: Пархоменко Л. Богогласник // Українська музична енциклопедія. Київ, 2006. С. 228–229.

¹¹ Щеглова С.А. Богогласник // Университетские известия. Киев, 1917. № 1–2. С. 1–62.

¹² См., напр.: Перетц В.Н. Историко-литературные исследования и материалы. Т. 1. СПб., 1900. С. 335–393.

¹³ См., напр.: Витошинский Е. К вопросу об издании песнопений Богогласника в четырехголосной гармонизации // Вестник Виленского православного Св.-Духовского братства. Вильна, 1909. № 16–17. С. 306; К вопросу о реформе церковного пения // Там же. 1909. № 24. С. 466–467; К вопросу об издании Комитетом Виленского Св.-Духовского братства нового Богогласника // Там же. 1910. № 18. С. 364–365.

¹⁴ К таковым, например, относятся гродненские печатные богогласники начала XX в.

Историческая перспектива традиционных практик усыновления у болгар

Abstract:

Tsaneva E.A. Historical perspective of the Bulgarian traditional practices of adoption

We represent the experience of systematic and coherent interpretation of the adoption symbols of the Bulgarian traditional culture. The main idea is that they could be read as a tale of historical implications and variability of the meaning invested in the rituals. Five symbols are analyzed in the article (which are mentioned in the scarce literature on the subject): dragging a foster child under a shirt of his adoptive mother; child touched by a foot of one of his adoptive parents; their cincture with the same belt; measuring baby's weight and burying the dimensional stone under the house of foster parents and dressing a foster child in new clothes. These symbols are considered as a metaphor for a rebirth (second birth) and for the changes in the biological (original) entity of the child.

Ключевые слова: ритуальное (искусственное, фиктивное, символическое родство); усыновление; триада усыновления.

Опыт прочтения символов усыновления в традиционной культуре – это проявление отваги исследователя и его уверенности в себе, поскольку функции этой символики исключительно важны: она должна ввести в социальный идиом родства внешне непримиримые концепции кровной близости и ее имитации/дублирования/повторения. Будучи автором серии индивидуальных исследований и членом масштабного коллективного проекта, посвященных усыновлению ребенка в болгарской культуре¹, ниже я представляю размышления над одной более частной темой из этой области: над символикой традиционной обрядности усыновления у болгар.

В правовом смысле усыновление представляет собой законно совершённую и юридически регламентированную передачу родительских прав и обязанностей. Исходя из нужд этнологического толкования, это определение можно было бы дополнить и следующей идеей: индивид, принадлежащий по рождению к определенному семейно-родственному коллективу, посредством института усыновления входит в новые родственные отношения с коллективом и эти отношения социально определяются как тождественные биологическим². Именно это тождество вводит усыновленного ребенка в систему точно регламентированных социальных зависимостей и предопределяет его положение в социальной среде. Оно «создает» его прошлое, связывая его с определенным предком и покровителем, устанавливает его обязанности и права по отношению к окружающим его людям, местам и предметам в настоящем, запреты, которые ему придется соблюдать в настоящее время и в будущем. Т.е. эта связь как основа и задруги, и отдельной семьи, обеспечивает прием ребенка в качестве полноправного члена, его «легитимизацию» в обществе и в жиз-

ни. Акт усыновления включает переход индивидуума из одной линии родства в другую, от «фактической» к «фиктивной» связи.

Социальная природа болгарской кровно-родственной традиционной общности строится на интерпретации категорий «свой» и «чужой», осуществляемой в многочисленных культурных вариантах, которые затрагивают целый спектр социальных взаимоотношений в самом широком смысле. В традиционных представлениях болгар о переходе «свое-чужое» усыновление ребенка – сравнимый со свадьбой, но более глубокий акт изменения и приобретения нового качества, по существу – новой социальной идентичности: «*Женитбата на момичето е по-слаба от даванъето храньениче*» 'Выдать замуж девушку проще, чем отдать в приемные дети'³. Церемония усыновления нужна, чтобы провести усыновляемого через процесс усвоения и превратить его в члена группы, одного из «нас», из «своих». Социальные коллективы в болгарской культуре открыты для «внешних людей», но ритуалы перехода различаются по сложности сообразно полноте приобщения этих людей к группе «своих». Таким образом, обычай при усыновлении ребенка в болгарской традиционной культуре затрагивает способ, которым идет введение человека в сферу «своего» при этом сложнейшем в психологическом отношении переходе – от *чуждо дете* 'чужого ребенка' к *дете от сърце* 'ребенку сердца', на *чедо място* 'вместо <рожденного> ребенка', где образ родства является полным, с вымышленными основаниями в прошлом и обязательной перспективой в будущем по отношению к наследникам усыновленного. Эти ритуалы показывают аналогию с некоторыми другими церемониями принятия «внешнего» человека в коллектив родственников, участвующих в эмпирии семейной обрядности.

Традиционное усыновление у болгар в течение веков существовало в виде двух взаимосвязанных процессов: осуществления в повседневном быту (что, в свою очередь, восходит к далекому прошлому и отражает исконную модель восприятия усыновления) и государственного законотворчества. Эти две линии в этнологическом плане реализуются как связь повседневной и официальной культуры у болгар, которая могла проявляться в противоборстве, сосуществовании и взаимном влиянии.

Традиционная модель усыновления в болгарской культуре строится и развивается в рамках библейско-церковного канона и болгарского обычного права. В этих рамках модель, вне всякого сомнения, развивается с течением времени, но никогда не выходит за их пределы, и поэтому на протяжении всего периода, обозначаемого как «традиционный», усыновление существует в контексте коллективного, группового, семейно-родового общежития. В этих условиях тот факт, что общество порождает «детей в нужде» – сирот, брошенных, членов многодетных семей, бедных, больных и т.д., не вменяет обществу и его структурам обязанность заботиться о них. Эта забота осуществляется семейно-родовой и соседско-общинной группами совершенно естественно, по правилам традиционного менталитета. Из механизмов, которые задействуются с целью ликвидировать вакуум, образовавшийся вокруг этих детей по причине их «особенного» положения, именно усыновление создает для них

положение, наиболее естественно и близко соответствующее заданному для них природой статусу. Основной инвариант в этот период – это усыновление несовершеннолетнего ребенка близкородственным лицом или семьей соседей/знакомых, причем акт усыновления имеет целью дублировать биологическое родство. Эта специфика определяет и особенности символических ритуалов вокруг акта усыновления.

На основе большого объема источников (в особенности связанных с семейной обрядностью и обычным правом), я бы выделила следующие данные по символическим ритуалам усыновления:

1. Одно из исследований символики ритуала усыновления в болгарских землях, написанное в середине 90-х годов⁴, указывает, возможно, самый ранний такой символ: имитацию приемной матерью акта рождения: «Согласно обычаю, акт усыновления совершался супругой, которая, подражая природе, протаскивала усыновляемого ребенка под своей рубахой – снизу по направлению к груди...» Эти сведения относятся к Северной и Северо-западной Болгарии: к районам вокруг Тетевена, Русе, Ловеча и Белоградчика⁵. Этот ритуал интерпретируется как имитативная магия в связи с «усваивающей» функцией женской рубахи (которая воспринимается как женская, материнская утроба) и женской груди (ее демонстрация, открытие, или прикосновение к ней является знаком принадлежности); ритуал уподобляется акту рождения, а также кормления грудью, являющихся выражением кровного родства, и по аналогии создают родство некровное.

2. Символика акта усыновления, когда усыновляемый входит в контакт не со всем телом приемной матери, а, например, с руками усыновителей, несколько отличается, но близка к вышеупомянутой. В церкви приемная мать принимает ребенка из рук матери по рождению (есть и более ранний по времени возникновения вариант, когда это происходит в доме приемных родителей перед иконой, ребенка подает приемной матери один из близких родственников и произносится специальная формула; (после этого усыновляющая мать совершает такую же церемонию с отцом-усыновителем), ставит ступню на его голову и три раза объявляет: «*Ти еси мой син*» 'Ты – мой сын'⁶. Под Варной этот обычай проводит приемный отец, но в любом случае на церемонии присутствует священник и соседи в качестве свидетелей⁷. Мы допускаем, что прикосновение ступней (босой или обутой) до ребенка дублирует «усвоительное» действие при протаскивании под рубахой, поскольку у босой или обутой ноги (ступни, следа или его отпечатка) есть символическое присоединительное значение⁸. Известные по литературе практики свадебных, родильных и похоронных обрядов, в которых участвует эта часть тела, показывают, что в ритуале прикосновения ступней отражено отношение к воспроизводительным способностям человека: это действие «подводит» приемного ребенка к корню, от которого начинается линия родового и семейного родства.

3. Широко представлено в болгарской культуре опоясывание приемных родителей и приемного ребенка общим поясом – «Приемный родитель набрасывает пояс на ребенка и препоясывается вместе с ним»⁹. Пояс в болгарской

культуре имеет сексуальные коннотации – это распространенное средство для того, чтобы забеременеть, сохранить плод, облегчить роды или обеспечить рождение мальчиков. В этом контексте следует рассматривать и способность пояса «усваивать», представленную в свадебных обрядах. Когда пояс служит для связывания/соединения, он отсылает к родовому началу семьи, то есть, может использоваться для приобщения к ней.

4. В Македонии и под Плевеном записаны примеры различных символических действий при усыновлении: «...*Перед тем, как усыновить чужого ребенка, его взвешивают на весах. По весу ребенка находят камень, взвешивают его отдельно. Затем камень закапывают в доме*». Вес ребенка и условия усыновления могут также записывать в книгу¹⁰. Таким образом, создается ритуальный дубликат усыновляемого ребенка, который, точно повторяя его вес, воспринимается как его полноправный заместитель. Закапывание камня можно символически толковать как «погребение» ребенка (по аналогии с лечебными обрядами для близнецов, детей, родившихся в один месяц и др.). Это необходимо для того, чтобы он смог продолжить жизнь уже с измененной индивидуальностью и установить родственную связь с новым родом и семьей. Другое возможное толкование также отсылает к идее «породнения» и основывается на том, что камень закапывают «в доме» – вероятно, во дворе дома, то есть его принимает не абстрактная «мать-земля», а та ее часть, которая имеет прямое отношение к приемной семье.

5. Еще один символ зарегистрирован в источниках из Лясковца, окрестностей Тырново и Родоп (там ему сопутствует оповещение об усыновлении): «*Символом усыновления является то, что приемный ребенок бросает свою старую одежду, которая остается у его отца, и надевает ту, которую покупает его приемный отец*»¹¹. Эта практика широко присутствует во всех обычаях, которые регламентируют ритуальное включение, «усвоение», приобщение нового лица к данному семейно-родовому и соседско-общинному коллективу, поскольку смена одежды означает приобретение новой идентичности и завершение социального перехода.

Церемония усыновления в болгарской традиционной культуре нужна, чтобы провести приемного ребенка через процесс «усвоения» и превратить его в члена группы, в «одного из нас». Именно здесь ритуалы усыновления связаны с самыми существенными характеристиками и основополагающими структурами мифологического мышления, которые осмысливаются (как и при свадьбе) в социальном плане. Речь идет о разграничении двух родов. По своему происхождению оппозиция «свой-чужой» восходит ко времени формирования человеческого сознания и абстрактного мышления, когда создаются первые классификации социальных категорий. В зарегистрированном у болгар материале символы усыновления представлены следующим образом: человек (приемные мать/отец); части тела или одежды (нога, рубаха, пояс, обувь); пространство дома (дом, земля во дворе); собственность (новая одежда для ребенка). Переход осуществляется через включение в ритуал предметов (рубахи, пояса, весов, камня), для которых включение в сферу своего является одним

из значений. Однако это значение актуализируется действиями «своей» стороны, выступает на первый план и превращается в семантическое ядро, которое организует и остальные символические значения соответствующего предмета. Рубаха вводит ребенка в сферу «своего», поскольку она олицетворяет и передает качества материнской утробы; нога (ступня, обувь) – поскольку она относится к репродуктивной сфере и плодovitости; пояс – в силу его связи с девичеством и материнством; камень передает физическую (~ социальную) характеристику человека; новая одежда – социальную (а также биологическую) принадлежность ребенка. Подобное истолкование основных символов связывает ритуал усыновления с рождением, которое повторяется в виде другой причинно-следственной позиции: разные родители = разные дети. Таким образом, традиционный болгарский обряд усыновления представляет символическое перерождение ребенка. Необходимые для него обстоятельства, участники и своеобразная условность – составная часть ритуала усыновления как обряда перехода.

Материалы об усыновлении в болгарских землях в XIX в., пусть и достаточно скудные, можно интерпретировать в контексте истории практик усыновления, однако более адекватным был бы их анализ в свете социально-экономического развития этнических общностей, в частности – переходов между материнским и отцовским правом, а также широкой картины семейно-родовой обрядности (кумовство, отношения между крестником и крестным и другие формы духовного породнения). Эти данные дают основание согласиться с В. Балджиевым: развитие церемонии усыновления идет от «церковной» к «гражданской». В конце XIX в. собиратели и интерпретаторы констатируют, что гражданская церемония заменяет церковную, но подчеркивают, что «хотя в Болгарии в наше время церковное усыновление и заменяется гражданским, оно до сих пор имеет практическое значение и будет его иметь еще долгое время»¹². В описаниях актах усыновления в источниках действительно преобладает «церковная» процедура; но и сами авторы видят в ней элементы народных обычаев, а мы обнаруживаем и элементы легального утверждения акта. Описанная «церковная» церемония или практика содержит следующие части: ее совершает священник; он читает «известные молитвы»; он совершает «известные действия», «он прочитал молитву и помазал меня миром»; эти молитвы и действия осуществляются сообразно «установленным каноническим правилам»; составляется акт-свидетельство, который подтверждает законность усыновления и волеизъявление со стороны усыновляющей стороны. Новое имя приемного ребенка – неизменная часть народного ритуала: его могут дать близкие родственники приемных родителей, но для первой половины XIX в. указывается, что новое имя дает священник после совершения молитв¹³. Народные обычаи в ритуале усыновления представлены описанными символическими действиями, которым сопутствует оповещение о принятии ребенка, с вариантами: «*Ти еси син мой!*» ‘Ты – сын мой!’, «*Примам го и признавам го за мое чедо, за мой син*» ‘Я принимаю его и признаю моим ребенком, моим сыном’. Легальный статус определяется тем, что отсутствие пись-

менного документа препятствует определению и доказательству «родственных и гражданских отношений», таким образом, возникает необходимость в подтверждении со стороны священнослужителя. В принципе, то, что им следует подчеркнуть – это характер молитв, которые читаются во время акта усыновления: вполне возможно, что в более раннем варианте канонический текст был полностью достаточен в качестве удостоверительного документа.

Но в середине XIX века мы уже не встречаем таких сведений, и даже наоборот. О развитии усыновления от народного ритуала через церковный обряд к легальному акту, в результате которого выдается документ, свидетельствует многократно цитированный фрагмент работы Д. Маринова: наиболее ранним является ритуал усыновления, осуществляемый перед иконой; примерно через неделю, также в доме, происходит чтение усыновительной молитвы священником; через много лет, уже после смерти приемных родителей, со стороны деда (отца усыновителя) составляется письменное завещание. Первые две стадии обеспечивают прием усыновляемого в дом и в род приемных родителей и обеспечивают ему хорошую заботу и семейную среду – но только на то время, пока живы приемные родители. После их смерти именно между самыми близкими родственниками – сестрами и зятьями приемных родителей, наступает изменение в отношении к усыновленному ребенку, поскольку наследование и приобретенное («фиктивное») родство разрушаются. (В данном случае крайне интересно, что на стороне приемного ребенка остается его крестная – другая фигура в ритуально-родственной цепи, для которой приобретенное родство не связано с жизнью или смертью приемных родителей, и церковный и народный ритуалы являются достаточным условием для ее здоровья и долголетия.) Но к середине века, в условиях открывающегося миру после Крымской войны болгарского общества и принятия им европейских гражданских идей, в конце 60-х гг. возможность приемного ребенка осуществлять право наследования обеспечивается только юридическим документом: для 17-летнего Д. Маринова такой документ дает его дед, возвращая его жизнь в нормальные рамки, спасая бывшего воспитанника от бедствий и разлуки с близкими¹⁴.

Ритуалы усыновления являются выражением психологических устоев и образа мысли, морально-нравственных оценок, они показывают аналогию с другими церемониями приема «внешнего» человека в коллективе родственников: прежде всего, через свадебную церемонию (обряды в доме родителей), а во-вторых – через обряды при рождении и в период раннего детства (в основном в доме приемных родителей). Как на свадьбе до помолвки, так и перед усыновлением ведутся переговоры с отцом ребенка по рождению: «чтобы убедить его отдать ребенка на воспитание». В Северо-западной Болгарии как переговоры, так и принятие ребенка в определенный день (как и помолвка) совершаются не приемными родителями, а кем-то из их близких – чаще всего пожилой женщиной (бабушкой или просто родственницей), но это может сделать и мужской родственник – зять приемных родителей в случае усыновления Д. Маринова.

Бабушка, основной участник родильных обрядов (она принимает новорожденного, совершает над ним первые ритуалы, замешивает первую и некоторые из последующих лепешек и т.д.) принимает усыновляемого и благословляет его. Подобно тому, как в пазуху матери невесты кладут монету – символический выкуп за молоко, которым она ее выкормила, так и в усыновительных ритуалах перед передачей ребенка бабушке (если он грудной), его прикладывают к груди женщины из его рода по рождению и ей выплачивают определенную сумму¹⁵. Эта сумма не указывается (например, в под Ямболом усыновляемого взвешивают на весах и по его весу определяют сумму, которую дают его биологическим родителям¹⁶), но подчеркиваются две ее важных характеристики: публичность и легитимность. Ее вручают «на площади», очевидно, в присутствии родственников приемных родителей, и только после ее полной передачи ребенок считается «полным наследником». Если сумма не была выплачена, после смерти приемных родителей их родственники могут «считать, что у тех был приемный ребенок» и могут не признавать его законным наследником¹⁷. Точно так же, подобно свадьбе (и в отличие от родильных обрядов, более закрытых и окутанных завесой секретности), акт отделения ребенка от его семьи и рода по рождению является публичным и показательным – это большая трапеза с широким присутствием родственников из обоих родов¹⁸.

Вторая часть – приобщение ребенка к новому роду – совершается в доме приемных родителей: «там его встречают все родители и проводят такие же обряды, как и над собственным ребенком, которого приносят домой после крещения». Приемная мать (в источнике она называется «новая мать») берет на руки ребенка и говорит: «Этот ребенок теперь мой», – после чего дарит подарки близким родственникам и готовит стол для приглашенных¹⁹. На угощении присутствуют родственники, соседи и друзья приемных родителей. В регионе Смоляна во время угощения происходит таинство елосвящения, сопровождаемое целованием рук гостей усыновленным ребенком, а они в это время славят приемных родителей²⁰. Угощение упоминается и как единственный самостоятельный ритуальный момент – под Толбухином это «угощение как на крещение», «как после рождения ребенка»²¹.

В Копривштице в это время раздают подарки. Приемный отец дает новое имя и новую одежду приемному ребенку. Под Лясковцем символ усыновления – также перемена одежды; приемный сын «бросает старую одежду, которую оставляет у отца, и надевает купленную приемным отцом». Под Стара-Загорой приемный ребенок (если он уже не в младенческом возрасте) кланяется несколько раз перед тем, как войти в дом приемных родителей, целует им руку и держится очень почтительно²². Молитва, читаемая священником (она может читаться и в церкви), целование руки, раздача подарков, праздничный стол и торжественное празднование создают обрядный комплекс ритуала, который публично легитимизирует его. Эти действия подобны по форме и по содержанию соответствующим элементам свадебного ритуала.

В некоторых случаях ритуал приобщения больше напоминает обряды крещения: если ребенка принимает *чужда влака* «чужой род», то ему обязатель-

но меняют имя. В Северо-западной Болгарии новое имя дает священник в доме приемных родителей, по воле крестного и приемного родителя. Этот обычай известен как «перекрещивание» и на нем присутствуют все родственники усыновителя, которым накрывается праздничный стол. После проведения обряда ребенок считается «истинным членом рода»²³. Если мы рассмотрим этот эпизод усыновления в контексте христианского этоса, то, как отмечает М. Митерауэр, «отношение духовного отцовства, т.е. квазисемейное с точки зрения христианской традиции отношение, переходит не только на крестного, но и на священника, который совершал крещение... Через преподание таинства крещения явно утверждается концепция священника как „отца“»²⁴. Таким образом, при именнаяречении приемного сына (и священником, и приемными родителями или членами их семейного круга), ритуально-родственная связь с ним дублируется.

На основе этих соображений и исходя из символики ритуалов усыновления, можно представить следующую их историческую динамику: самое раннее по времени – проведение традиционного ритуала, связанного с символами усыновления; затем следует церковный ритуал, в который может быть вписан традиционный; самым последним является законный гражданский акт, который в конце XIX в. не был самостоятельным, а сводился к выдаче письменного удостоверения, которое чаще всего (хотя это не обязательно было так) готовилось священником во время церковной церемонии. Именно последние два обряда являются основанием для принятия решения о законности усыновления, если оно ставится под сомнение из-за отсутствия письменного документа – это частый случай, по крайней мере в первые десятилетия после принятия Закона об усыновлении 1889 г., а может быть, и позже. Таким образом, символы усыновления отражают не только особенности мифологического мышления болгар, но и функциональные комплексы размещения структур родства. Они приближают приобретенное родство к реальному и по доминирующей в тот момент модели ритуальной аналогии сближают ритуалы усыновления с родинной или свадебной обрядностью, с кумовством и отношениями между крестным/крестником и с лечебными ритуалами.

Примечания

¹ Цанева Е., Кирилова А., Николова В. Осиновяването в културната традиция на българите. София, 2010.

² Hasings J. Encyclopaedia of Religion and Ethics. New York, 1967. Vol.1. S.106; Weinstein E. Adoption // International Encyclopaedia of Social Sciences. 1968. Vol.1. S. 96; Lexicon früher Kulturen. Leipzig, 1987. S.17.

³ Маринов Д. Българско обичайно право. Съст. М.Василева. София, 1995. С.128.

⁴ Цанева Е. Символика на ритуалите при осиновяване на дете у българите // Етнографски проблеми на народната духовна култура. Т.2. София, 1994. С.138-169.

⁵ Балджиев В. Студия върху нашето персонално съпружествено право // СБНУ.София, 1894. Т.Х. С. 256.

⁶ Балджиев В. Студия върху нашето персонално съпружествено право // СБНУ. София, 1891. Т.V. С. 191.

- ⁷ Попов Н. Юридически обичаи във Варненско // СБНУ София, 1904. Т. XX С. 19–20.
(Попов 1904: 19–20; Балджиев В. Студия върху нашето персонално съпружествено право // СБНУ. София, 1894. Т. X. С. 256.
- ⁸ Цанева Е. Символика на ритуалите при осиновяване на дете у българите // Етнографски проблеми на народната духовна култура. София, 1984. Т.2. С.149–155.
- ⁹ Николов Г. ЕИ на с. Чопкьой, Узункюприйско. София, 1940. №131. С.74.
- ¹⁰ Бобчев Ст. Сборник на българските юридически обичаи. Гражданско право. Пловдив, 1897; Шаткарев К. Сборник от български народни умотворения. София, 1968. Т.1. С.648–649.
- ¹¹ Bogišić V. Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena. Zagreb. S.307; Цанева Е. Обичаи при бременност, раждане и отглеждане на детето // Родопи. Традиционна народна духовна и социално-нормативна култура. Ред. Р.Попов, Сл.Гребенарова. София, 1989. С.118–145.
- ¹² Балджиев В. Студия върху нашето персонално съпружествено право // СБНУ. 1891. Т. V, 191, бел.1.
- ¹³ АИЕФЕМ Ф.215-I. С. 1–2.
- ¹⁴ АИЕФЕМ Ф.215-I.
- ¹⁵ Под Сливеном описана практика даватъ деньги биологическим родителям или «тем, у кого безрут ребенка». Возможно, если он сирота, то приемным родителям его передает другой родственник, который, соответственно, дублирует роль родителей и получает эти деньги: АИЕФЕМ Ф.511-II. С. 93–105.
- ¹⁶ АИЕФЕМ Ф.522-II. С.38.
- ¹⁷ Но в другом комментарии из этого региона говорится, что «за ребенка при усыновления платят только турки»: АИЕФЕМ Ф.522-II. С.53–55.
- ¹⁸ Маринов Д. Българско обичайно право. Съст. М.Василева. София, 1995. С.128.
- ¹⁹ АИЕФЕМ Ф.511-II. С.93–105.
- ²⁰ Бобчев Ст. Сборник на българските юридически обичаи. Гражданско право. Пловдив, 1897. С. 286.
- ²¹ АИЕФЕМ Ф.589-II. С.108.
- ²² Бобчев Ст. Сборник на българските юридически обичаи. Гражданско право. Пловдив, 1897. С. 286–289.
- ²³ Маринов Д. Избрани произведения. Съст. и ред. М.Велева. София, 1984. Т. 2. С. 511–512.
- ²⁴ Митерауер М. „И те оставиха своя баща“ (Неустойчивата връзка с предците в християнството като предпоставка на особения европейски път в развитието на семейството и обществото) // Предци и предтечи. Митове и утопии на Балканите. Благоевград, 1997. С. 17–30.

Сокращения

АИЕФЕМ – Архив на Института за етнология и фолклористика с Етнографски музей при БАН
 ЕИ – Етнографско изследване. Ръкописна сбирка. Фонд Стоян Романски – Университетска библиотека,
 СБНУ – Сборник за народни умотворения

Перевод с българского М.М. Макарецва

Основные направления современной церковной архитектуры: строительство православных церквей в Польше на рубеже XX – XXI вв.

Abstract:

Konenkova A.K. *The main directions of the modern church architecture: the construction of Orthodox churches in Poland at the turn of XX – XXI century.*

The article focuses on the study of modern Orthodox church architecture on the example of the construction of churches in Poland in XX – the beginning of XXI, and revelation of the symbolic meaning of traditional church architectural forms. The using of modern technical achievements gave an opportunity to enrich figurative content of architectural constructions.

Ключевые слова: символика православной архитектуры, современное церковное строительство, стилистические особенности православной архитектуры Польши, обращение к византийским и древнерусским историческим образцам зодчества, символическое осмысление традиционных архитектурных форм.

Современное церковное зодчество представляет собой сложное и противоречивое явление, которое требует осмысления и объяснения с точки зрения его символики и типологии. Традиционным для восточно-христианской православной церкви является крестово-купольный тип храма, утвердившийся в Византии к XI веку и получивший распространение в православных странах, находившихся под влиянием византийской культуры. Для стран католического мира основой церковного здания по установившейся с древности традиции является базилика.

Церковное искусство в целом содержит в себе сложную систему богословских символов, раскрывающих и передающих его духовный смысл. Язык символов, сложившийся еще в раннехристианском изобразительном искусстве, сохранялся в течение всей истории церкви и получил развитие в современной иконописи и монументальной церковной живописи. В искусстве архитектуры, связанном с утилитарными задачами, строительными материалами, возможностями применяемых конструкций, то есть во многом с техническими достижениями своего времени, гораздо сложнее, чем в живописи, проследить использование архитектором символов в композиции создаваемого церковного здания. Целый ряд исследователей архитектуры считают, что «нет никаких оснований объяснять те или иные особенности внешнего облика русских церквей их символическим значением»¹. В трудах святых отцов, в частности, Максима Исповедника, есть рассуждения на тему символического значения церковной архитектуры: «Церковь есть образ и подобие мира в целом его составе, состоящего из существ видимых и невидимых; так как в ней примечается подобное же и единство и разделение, как и в мире»... «Весь мыс-

ленный мир таинственно в символических образах представляется изображенным в мире чувственном для тех, кои имеют очи видеть, и весь мир чувственный, если любознательно умом разбирать его в самых началах, заключается в мире мысленном»². Поэтому, опираясь на святоотеческие труды, средневековые тексты и труды русских историков, в частности, В.Н. Татищева, многие исследователи считают, что архитектура символична и вопрос о ее символике требует подробного и тщательного изучения³.

Раскрытие образной стороны архитектурных сооружений всегда было ограничено строительными возможностями. С изобретением в середине XIX века новых эффективных конструктивных систем, форм и приемов: металлический каркас, металлический купол, решетчатые металлические конструкции, сетчатые и подвесные системы и т.д. – эти возможности значительно расширились. Появление во второй половине XIX века нового строительного материала – железобетона оказало огромное влияние на все развитие мировой архитектуры. Использование металла и стекла создало новое ощущение интерьера, а появление стали резко увеличило возможности использования металла в строительстве⁴. Все это позволило утвердившемуся в конце XIX – начале XX вв. стилю модерн наполнить архитектурные формы изобразительностью и символическим содержанием.

Когда в конце XX – начале XXI вв. политическая ситуация позволила вновь возобновить строительство церквей, оно развивалось уже на новом уровне, с учетом новых технических достижений. Этот процесс можно проследить на примере православной церковной архитектуры Польши. В Польше православная архитектура начинает развиваться с начала 80-х и в основном в 90-е годы XX века, когда на закате коммунистической власти стали выдавать разрешения на строительство храмов.

Основное число православных храмов построено в Польше в Белостокско-Гданьской епархии, где образовалась самая многочисленная православная община, а крупнейшим православным городом Польши является город Белосток, чему во многом способствовало его историческое развитие. Нынешний митрополит Варшавский и всей Польши Савва с 1981 по 1998 г. был правящим архиереем Белостокско-Гданьской епархии, и большинство православных храмов здесь построено по его благословению⁵.

Как рассказывал **архиепископ Иаков Белостокский и Гданьский**, одним из первых был построен Свято-Духов храм в Белостоке-Антонюке по проекту архитектора Яна Кабаца. Еще в начале 1970-х годов православные верующие Белостока начали обращаться к властям с просьбами о строительстве нового храма, но лишь в 1981 г. такое разрешение было получено. В 1982 г. на месте строительства был заложен камень, а уже в 1986 г. водружен купол с крестом. Храм двухъярусный: в мае 1988 г. начал действовать нижний храм в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», а 11 лет спустя был освящен и верхний храм Святого Духа. Владыка Иаков отмечал, что в Польше «ответственность за храм несут верующие: они содержат священника, собирают деньги на строительные работы, ремонт. У нас нет таких благодетелей, как

в России, когда один человек жертвует на целый храм. Поэтому расходы распределяют на всех прихожан, строительство длится 10–15 лет. Начинают служить в подвале, тем временем возводя верхний храм. Так прихожане на деле чувствуют себя одной семьей»⁶.

Храм Святого Духа – один из самых больших православных храмов в Польше и один из самых больших в Европе. Именно он начинает новую страницу в православном церковном строительстве Польши⁷. Внешний облик храма зрительно соотносится с традиционным типом соборного крестовокупольного пятиглавого храма. Традиционным представлениям и символическому содержанию соответствуют формы и размеры куполов, их число, ступенчатое повышение архитектурных масс к центру, пирамидальность всей композиции (символика пятиглавия – Иисус Христос и Евангелисты, а ступенчатый силуэт – Лествица Духовная). Но храм, построенный с учетом новых конструктивных возможностей, не является собственно крестовокупольным. Символическим и композиционным центром являются пять куполов, окруженные архитектурными формами, соответствующими полуциркульным и килевидным законам и кокошникам. Они не являются необходимыми элементами конструкции храма и, располагаясь живописно и ритмически свободно вокруг центра, создают яркий образ зажженной свечи. Образное восприятие храма можно соотнести с символической интерпретацией посвящения храма и прообразом Пятидесятницы – сошествия Святого Духа на апостолов⁸. В конце XVI века, а особенно в XVII веке, в Москве и Подмосковье были построены храмы, которые в трудах М.П. Кудрявцева и Г.Я. Мокеева получили название «огненных»⁹. Расположенные по сомкнутому своду вокруг центральной главы полукруглые или килевидные кокошники символизировали огненные небесные силы (ангелов, серафимов, херувимов...), а в целом, огненный Престол Господень, на котором находился «Сидящий на херувимех» Глава церкви Иисус Христос¹⁰. Четыре других главы на храме символизировали Евангелистов.

Архитектурное решение Церкви Воскресения Господня в Белостоке – Слонечном Стоке – также представляет собой образное раскрытие в архитектурных формах иконографии праздника, которому посвящен храм – «Воскресение Господне – Сошествие во ад». Церковь построена на рубеже 1980–1990-х гг. по проекту архитектора Ежи Устиновича. Ее композиция необычна. Она расположена на холме, и громоздкие формы ее силуэта, а также фактура кирпичной поверхности фасада в сочетании с оформленными булыжниками цоколем, делают ее продолжением и завершением холма. Архитектурные детали: башни, апсида, поверхности стен, колонны трактованы как кристаллические формы, что усиливает сопоставление храма со скальной структурой. Линии перекрытий, имеющих восьмигранную шатровую геометрию, завершенную граненой главкой с крестом, экспрессивны и динамичны. В их восьмигранник вписан крест. В целом композиция вызывает впечатление перевода основных композиционных линий и основного символического содержания иконописной иконографии «Сошествия во ад» в архитектурную композицию

▲ Собор Святого Духа. Белосток – Антонюк (Польша)

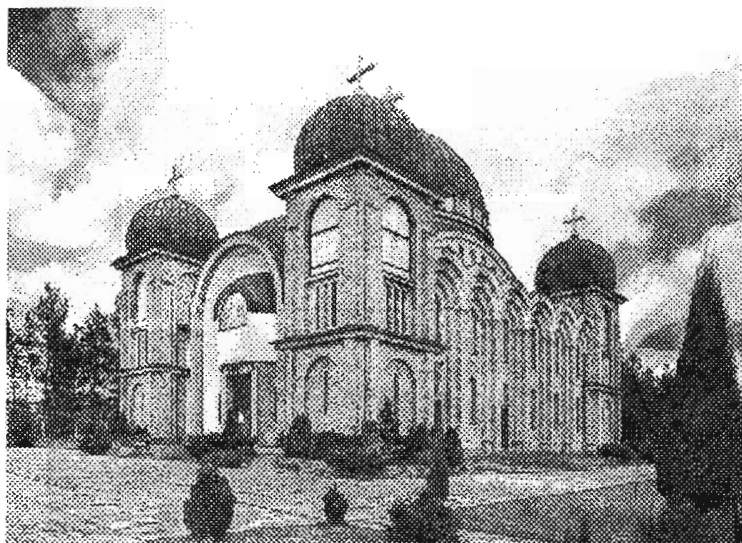
▶ Ц. Воскресения Господня.
Белосток – Солнечный сток

храма Воскресения Господня: Христос попирает сломанные врата ада, Христос победил смерть и освободил человечество. Граненая фактура поверхности и перекрытий храма вызывает ассоциации с «иконными горками», которые, как убедительно показал Л. Ф. Жегин, обозначают «горный мир», а в семиотическом анализе синонимичны изображению ангелов.¹¹ Внешний облик храма имеет глубокий смысл: это и символика Гроба Господня и Воскресения, это и соотносённость с Откровением святого евангелиста Иоанна и его описанием «Нового Иерусалима»: «... который нисходил с неба от Бога... Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному» (Откр., 21:10).

Автор проекта впоследствии писал, объясняя столь сложную символическую основу своих архитектурных проектов: «Архитектура и иконография в храме не существуют в отрыве друг от друга и всегда несут определенное теологическое и космологическое содержание. Их эволюция в истории осуществляется не статично, как привычное наличие, а происходит динамично, по линии постоянного дополнения смысла. Это касается в равной степени пространств, форм, плоскостей и линий, применяемых в храмовой архитектуре, а также цвета, иконографии, изображений, геометрии и чисел, которые составляют символическую структуру храма, создавая структурный образ целого»¹².

Создавая проекты православных церквей, архитекторы часто обращаются к историческим образцам. Таким примером является церковь св. Софии в Белостоке, построенная по проекту архитектора Михала Балаша. Храм Святой Софии выполнен по образцу знаменитого Софийского собора в Константинополе. Сооружался он в течение 11 лет, и в октябре 1998 г. его освятил Патриарх Константинопольский Варфоломей. Он же привез в дар собору образцы фресок, изготовленные известным греческим иконописцем Константином Ксенопусом. Облик храма Св. Софии в Белостоке не повторяет точно Св. Софию Константинопольскую. Этого не удалось сделать никому за всю историю православной архитектуры, начиная с VI века – времени постройки этого величественного храма в Константинополе. В белостокский храм перенесена пространственная модель Константинопольской Софии – не конструктивное повторение, но впечатление купольной базилики, передающей в интерьере то же ощущение огромного небосвода, раскрытого над землей. Четыре башни по углам храма, завершенные главками подковообразной формы в сечении, напоминают четыре минарета по сторонам Св. Софии в Константинополе, появившиеся после XV века. Одновременно приземистые широкие объемы башен передают рисунок городской застройки, окружающей храм Св. Софии в Константинополе.

Среди православных польских храмов одним из первых был построен храм Св. Троицы в городе Хайнувке. Как поселение Хайнувка известна со времён существования Речи Посполитой, но статус города получила только в 1951 г. После третьего раздела Речи Посполитой поселение вошло в состав Пруссии, а затем в состав Российской империи. На рубеже XIX–XX вв. через

▲ Ц. Св. Софии в Белостоке

▼ Ц. Св. Троицы в Хайнувке

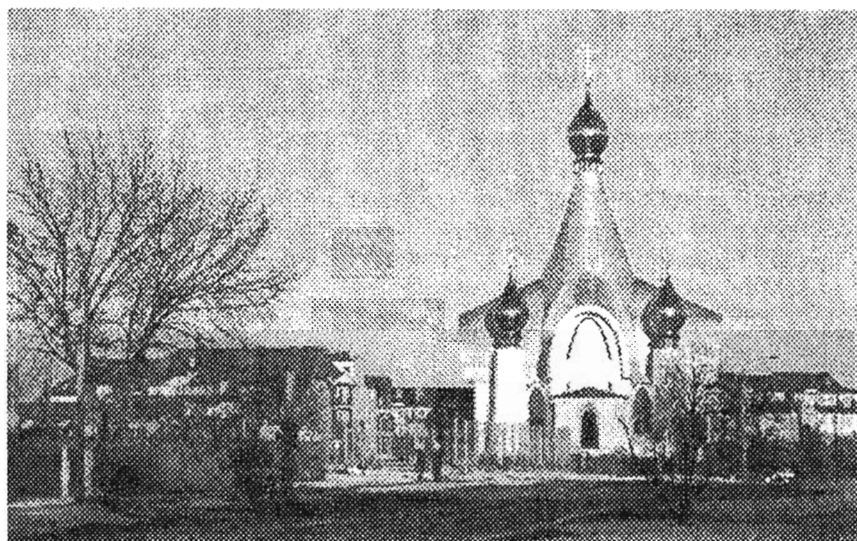
Хайнувку прошла железная дорога, что положительно сказалось на росте города. После немецкой оккупации в 1915 г. началась эксплуатация находившейся рядом с городом Беловежской пуши, которая была продолжена и после окончания Первой мировой войны и вхождения Хайнувки в состав независимой Польши. В межвоенное время Хайнувка стала крупным центром деревообработки и химической промышленности. В 1939 г. Хайнувка была включена в состав БССР и вошла в Брестскую область. В первые дни Великой Отечественной войны в июне 1941 г. Хайнувка была оккупирована немцами, а 20 сентября 1944 г. была передана Советским Союзом Польше. 70% жителей Хайнувки — православные, 25% — католики. В городе находятся три католических, несколько протестантских храмов и три православных, принадлежащих Польской Православной церкви¹³.

Собор во имя Св.Троицы построен в 1981–1983 гг. по проекту архитектора профессора Александра Григоровича из Познани. Храм двухъярусный и принадлежит к числу самых больших по площади православных храмов Польши, он вмещает около 5000 прихожан. Храм построен с использованием новейших технологий и материалов, что позволило архитекторам свободно использовать символику в архитектурной композиции. На первый взгляд он поражает своим модернизмом и видимым несоответствием традиционному православному строительству. Но при внимательном рассмотрении мы можем отметить в основном объеме храма крестообразно расположенные своды, в центре которых находится высокий шатер, завершенный луковичной главкой с крестом – это традиционные, но представленные автором проекта в современной архитектурной графике, формы. Масштабная архитектура храма вызывает ассоциации с кораблем, что также является традиционным: понимание церкви как корабля спасения сформировалось еще в раннехристианский период.

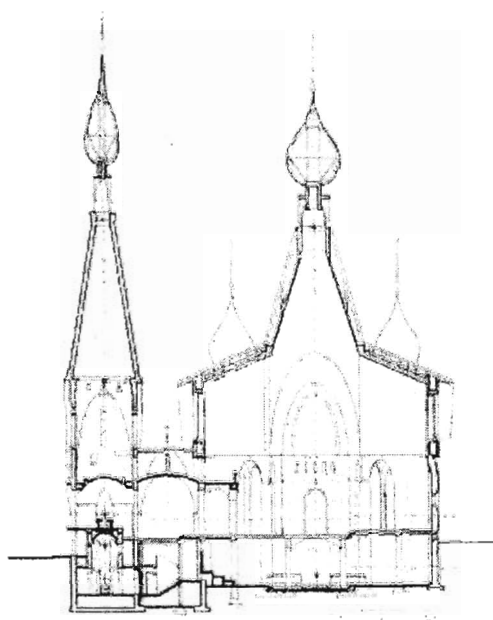
Иконостас и некоторые иконы храма являются работой греческого художника-иконописца Димитриоса Андонопуласа, остальные иконы были созданы российскими и болгарскими иконописцами. Огромное внутреннее пространство храма обладает прекрасной акустикой, благодаря чему в соборе с 1983 г. проходят ежегодные международные фестивали церковной хоральной музыки.

Аналогичные стилистические приемы использованы в менее масштабном, но перекликающемся с церковью Св.Троицы в Хайнувке, храме Св. Георгия в Белостоке на Новом Месте. Он двухэтажный с продольной композицией, созданной на основе плана в виде греческого креста, в центре которого находится шатер, завершенный главкой с крестом. Между рукавами креста расположены башни – также с главками с крестами, композиция дополнена примыкающей к основному пространству храма звонницей. Таким образом, в архитектурном решении церкви Св. Георгия, в современных линиях воспроизведены традиционные для православных храмов формы и символика: шатер, подкупольный крест, пятиглавие.

Как и большинство современных православных польских храмов, церковь Св. Георгия двухъярусная, объединяющая в едином ансамбле помещения для

▲ Ц. Св. Георгия Победоносца в Белостоке

► Ц. Св. Георгия Победоносца в Белостоке. Чертеж

разных церковных служб. Под зданием главного храма находится нижняя церковь Покрова Пресвятой Богородицы, вокруг нее устроены обход и два боковых зала – трапезная и погребальная часовня. Подземная Покровская церковь, по впечатлениям русских паломников, напоминает катакомбы, где молились первые христиане. Пока идет отделка верхнего храма, богослужения проходят здесь. В первом ярусе колокольни, открытом на четыре стороны, размещена часовня с источником, под ней расположен восьмигранный баптистерий с крестильной купелью.

Строительство нового храма во имя Св. Троицы в Горлицах было связано с канонизацией новомученика священника Максима Сандовича, расстрелянного 6 сентября 1914 г. без суда австрийскими солдатами. Тысячи православных лемков были тогда подвергнуты репрессиям, сотни из них скончались в лагере Талерхоф. Среди верующего народа Максим Сандович стал почитаться как святой Максим Горлицкий. Православные лемки всегда считали отца Максима народным героем, борцом за независимость народа и своим духовным отцом. В его честь сочиняли песни и слагали стихи. В своих домах лемки ставили небольшие портреты-иконки своего небесного покровителя, а после Второй мировой войны иконы мученика начали появляться и в православных церквях. В память о мученической кончине отца Максима лемки совершали паломничества к месту его упокоения¹⁴. В межвоенный период 9 сентября 1934 г., в 20-ю годовщину мученической смерти отца Максима, в селе Чарном на Лемковщине был воздвигнут памятник святому. Инициатором его установки был священник Константин Гаврилков, а участником торжеств стал епископ Симон (Иванов), посланец митрополита Дионисия (Валединского). Год спустя в селе было образовано церковное братство во имя Максима Сандовича. Особенно торжественно праздновалось 70-летие мученической кончины отца Максима в Ждыни (место, где родился Св. Максим Горлицкий).

В 1985 г. в Горлицах по благословению архиепископа Перемышльского и Новосондецкого Адама был образован приход церкви Св. Троицы. Первое богослужение состоялось в 1986 г. на праздник Рождества Христова в домовой церкви. Тогда же в 1986 г. был приобретен и освящен участок земли и началось строительство храма – памятника мученической кончины отца Максима Сандовича. В 1991 г. строительство было закончено и церковь освящена. Решением Священного Синода Польской Автокефальной Православной Церкви от 7 июля 1994 г. мученик Максим Сандович был причислен к лику святых, а в новом храме Св. Троицы состоялось торжество канонизации отца Максима. Это была первая канонизация святого в истории Польской Автокефальной Православной Церкви. На здании церкви и местного суда были установлены памятные доски. В 1997–1999 гг. по инициативе архиепископа Адама церковь была расписана¹⁵.

Небольшой по своим размерам храм Св. Троицы в Горлицах в большей степени, чем остальные польские православные храмы, соответствует византийско-древнерусской архитектурной православной традиции. Он возведен

в форме равноконечного греческого креста с одной большой главой и пятью малыми.

Рассматривая процесс создания образа православного храма в современной архитектуре на примере церковного строительства в Польше, мы можем отметить, что единых правил пока нет. Используя современные технические возможности, архитекторы обращаются к разным источникам в истории православной архитектуры, одновременно наполняя символическим значением архитектурные формы. Размышляя об этом, архитектор Ежи Устинович писал: «Храм – это результат синтеза искусств в самом совершенном их виде и взаимосвязях. Это своеобразное богословие, неповторимое исследование на тему Бога, обнаружение и уяснение Его присутствия, Его отношения к миру и человеку, а также отношения мира и человека к Нему. Храм освящает нашу жизнь и ведет нас к обожению. И в сфере искусства это происходит прежде всего благодаря святым символам. <...> Архитектура по своей природе символична. Через эстетику она ведет к религии, а после этого перестает быть произведением художественным, ибо становится выведенным на уровень сферы литургической, сакральной»¹⁶.

Примечания

¹ Бусева-Давыдова И.И. Символика архитектуры по древнерусским письменным источникам XI–XVII вв. // Герменевтика древнерусской литературы XVI–XVIII веков. М., 1998. С.279–308.

² Цит. по: Мельник А.Г.К вопросу о символике наружных форм храма XVII в. // Сообщения Ростовского музея. Вып. I. Ростов, 1991. С.145–151.

³ Там же.

⁴ Всеобщая история архитектуры. В 12 т.т. М.:Изд-во литературы по строительству, 1972. Т.10. С.7–30.

⁵ <http://www.patriarchia.ru/db/text/50833.html> – посещение сайта – 09.03.2011.

⁶ <http://nabat.org/category/palomnik> – посещение сайта 09.03.2011

⁷ <http://ais.by/story/1384> – посещение сайта 09.03.2011

⁸ <http://www.ubrus.org/newspaper-spas-article/?id=797> – посещение сайта 09.03.2011

⁹ Напр.: Мокеев Г.Я. Огненные храмы древней Москвы // Московский строитель. С. 10–17. № 14/90 и др.

¹⁰ Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства // <http://www.voskres.ru/architecture/civil4.htm> – посещение сайта 09.03.2011.

¹¹ Жезин Л. Ф. Иконные горки: Пространственно-временное единство живописного произведения. // Труды по знаковым системам. II. Тарту, 1965. С. 231–247.

¹² Устинович Ежи. Новые церкви в Белостоке и Гродно: традиции архитектуры пограничья. // Архитектура и строительство. №3 (214). 2010.

¹³ <http://ru.wikipedia.org/wiki> – посещение сайта 09.03.2011

¹⁴ <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/41000.htm> – посещение сайта 09.03.2011

¹⁵ По материалам www.pravoslawne.gorlice.prv.pl – посещение сайта 09.03.2011

¹⁶ Устинович Ежи. Указ. соч.

Традиции позднего классицизма в культуре храмового строительства Польши и России.

Abstract:

O.Yu. Robinov. *Tradition of late Classicism in the culture of temple construction in Poland and Russia.*

The article is devoted to cultural interaction of the Orthodox churches of Poland and Russia, which particularly appeared in the style unity of church architecture of both countries in the beginning of the XIX century, revelation of stylistic peculiarities of the Orthodox church architecture in Poland and Russia during the period of late classicism, and also revelation of the range of church buildings of the great Empire style architect Joseph Bové.

Ключевые слова: поздний классицизм, православная церковная архитектура, О.И. Бове, его ученики и помощники, стилистические особенности церкви Св. Николая в Котельниках (Москва) и церкви Св. Николая в Белостоке (Польша).

80-90-е годы XX века – нач. XXI века характеризуются интенсивным развитием православной архитектуры и строительством православных храмов в России, Беларуси, Украине и других славянских странах. Это во многом связано с происходящими политическими изменениями, и обращением государства к диалогу с церковью. В Польше, известной как католическая страна, православная архитектура начинает формироваться с начала 80-х и, в основном, в 90-е годы XX века.

За эти годы в Польше построено много новых православных храмов: в Крынице, Зындрановой, Горлицах, Гожове Великопольском, Седльцах, Бялой Подляске, Черемше, Ячне, Чарной Бялостокской, Уйковицах, Чижав, Домброве Белостокском. Большинство из них находится на Белосточчине, что стало возможным благодаря инициативе владыки Саввы, нынешнего Митрополита Варшавского и всей Польши (с 1981 по 1998 г. он был правящим архиереем Белостокско-Гданьской епархии¹). В Белостокско-Гданьской епархии – самая большая православная община, здесь находится наибольшее число построек. Крупнейшим православным городом Польши является город Белосток. Этому во многом способствовало его историческое развитие. Белосток расположен на северо-востоке Польши. По преданию, он был основан в 1320 году литовским князем Гедимином, но в письменных источниках впервые упоминается в 1437 году. С 1749 года, когда польский король Август III возвел Белосток в степень местечка (города) и дал ему устав и городские права, начинается расцвет города. В это время им владеет семья Браницких. При гетмане Клименте Браницком в городе был заведен блестящий двор, приглашены художники и ученые. По Третьему разделу Польши в 1795 году город оказался в составе Пруссии, а по Тильзитскому миру (1807 г.) передан Наполеоном Российской империи. В составе России Белосток был центром Белостокской области, а после её упразднения в 1842 году — уездным городом

Гродненской губернии². Начиная со времени Первой мировой войны, город принадлежал то немцам, то полякам, то литовцам, то опять русским и белорусам, пока, наконец, в 1944 году не был окончательно передан Польше. Во время Второй мировой войны в городе было полностью уничтожено еврейское население, до этого составлявшее большинство жителей города, и к середине XX века в нем в основном остались поляки – католики и православные – белорусы, украинцы и русские. В связи с этими трагическими историческими событиями христианские традиции в Белостоке стали преобладающими. На сегодняшний день из 300 тыс. жителей от 25 до 30 % составляют православные³.

Сейчас Белосток является одним из центров православия. В Белостоке находится также один из самых ранних православных храмов в Польше – храм Св. Николая Чудотворца, построенный в стиле позднего классицизма в 1843–1846 гг., когда город был включен в Гродненскую губернию. По данным 1889 года это единственная православная церковь в городе. Стилистические особенности архитектуры собора позволяют предположить непосредственное влияние на строителя собора архитектурной школы выдающегося московского архитектора позднего классицизма – О.И. Бове или использование в качестве образца одного из построенных им храмов.

30-40-е годы XIX века исследователи традиционно относят к развитию эклектики в русской архитектуре, особенно справедливо это утверждение для Санкт-Петербурга. В отличие от него московское зодчество, всегда отличавшееся своеобразием, сохраняет в это время все особенности ампира – последней стадии классицизма, а к приемам архитектуры эклектики обращается позднее.

Одним из ведущих архитекторов этого периода был Осип Иванович Бове (1784 – 1834). Родился Бове в 1784 году в Петербурге в семье художника, итальянца по происхождению. Учился в архитектурной школе при Экспедиции кремлевского строения (1802–1807) у Ф. Кампорези, затем работал помощником М.Ф. Казакова и К.И. Росси в Москве и Твери, служил в кремлевской Экспедиции, занимаясь архитектурным благоустройством Москвы. В Отечественную войну 1812 года Бове был в народном ополчении.

После войны и пожара в Москве было решено вести работы по восстановлению разрушенных сооружений, как светских, так и духовных. Утраченная на две трети застройка Москвы быстро восстанавливалась. Основным стилем для строителей Москвы являлся стиль ампир. В восстановлении города принимали участие выдающиеся архитекторы О.И. Бове, Д. Жилярди, А.Г. Григорьев. Помощниками Бове и Григорьева документы упоминают также Ф.М. Шестакова и Н.И. Козловского, имена которых незаслуженно забыты, хотя они были не только помощниками, но выступали и с самостоятельными проектами. Существует также предположение, что строительство по последним проектам Бове заканчивалось под надзором двух его младших братьев – Михаила и Александра, которые в качестве архитектурских помощников работали с Осипом Ивановичем в последние годы его жизни и после его смерти (в 1834 г.) вели некоторые его дела.⁴

В 1814 году Бове был назначен главным архитектором Москвы. Он должен был следить не только за составлением проектов, но и за их производством в точности по проектированным линиям, а также выдаваемым планам и фасадам. Под его началом были перестроены утраченные к нашему времени Торговые ряды напротив Кремля (1814–1815), разбит Александровский сад с гротом (1820–1822), оформлен декором Манеж (1824–1825), создана Театральная площадь (1818–1824) с Большим театром (1821–1824), построен архитектурный комплекс Первой градской больницы за Калужской заставой (1828–1833). Также по его проекту были возведены в 1827–1834 гг. Триумфальные ворота у Тверской заставы, которые были разобраны в 1938 г., а в 1968 г. – воссозданы на Поклонной горе.

Известно несколько церковных построек О.И. Бове: церковь Св. Николая в Котельниках, построенная в 1822–1824 гг., ротонда церкви Всех Скорбящих радости на Большой Ордынке, строительство которой началось в 1828 г., а завершилось уже после смерти Бове. После смерти О.И. Бове его помощниками достраивался также Троицкий собор Свято-Данилова монастыря (1833–1838)⁵.

Прямые ассоциации с Белостокским храмом Св. Николая вызывает храм Св. Николая в Котельниках.

В плане храм Св. Николая в Белостоке представляет собой крест. Он формируется из четверика храма, к трем сторонам которого примыкают портики, образующие рукава креста. С запада с ним соединена трапезная часть и притвор. Над притвором возвышается двухъярусная колокольня со шпилем. По трем сторонам квадратного четверика значительно выступают портики с четырьмя пилястрами дорического ордера. С севера и юга они представляют собой парадные входы с невысокими лестницами, также оформлен и западный вход. На восточном портике, представляющем алтарное пространство храма, симметрично западному входу выделена ниша. Прием выделения алтарной части храма нишей характерен для церковных построек О.И. Бове. Обычно, здесь располагается храмовый образ, но в Белостокской церкви он отсутствует. Храм Св. Николая в Котельниках в Москве имеет такой же план и также сформирована его трехчастная композиция. Но он расположен не на открытом месте в центре площади, как Белостокский храм, а на участке земли, ограниченном проездом и уже сложившейся городской застройкой, вдоль узкого переулка по склону спуска к реке. Поэтому боковые портики не выступают, а плотно примыкают к боковым фасадам и выделены неглубокой раскреповкой стены. Алтарная часть отмечена полукруглой апсидой, в отличие от прямоугольного восточного портика Белостокского храма.

Четверик, портики, трапезная часть и первый ярус колокольни в обоих храмах дорического ордера. В обоих случаях они решены пластически. Но в Белостокском храме это пространственная архитектурная пластика выступающих портиков, а в Московском – пластика скульптурная. Она возникает благодаря рустованной поверхности боковых фасадов, а также благодаря пластике трех рельефов, изображающих трехчастную композицию «Вход Господень в Иерусалим»⁶. Рельефными розетками украшены также метопы фриза

▲ Ц. Св. Николая в Белостоке. Общий вид

▼ Ц. Св. Николая в Белостоке. Южный фасад

дорического антаблемента, в то время как в Белостокском храме эта деталь отсутствует.

Фасады Белостокского храма более строгие, их украшает только ритм рельефно выделенных полукруглых арок окон светового барабана и нижнего яруса фасада. В Московском храме окна нижнего яруса фасада прямоугольные, обрамленные веерными замками – характерный прием оформления фасадов московских ампириных особняков.

Храм Св. Николая в Белостоке более масштабный и представительный, а храм Св. Николая в Москве камерный, домашний. История церкви Св. Николая в Котельниках известна с XVII века, она была построена на средства прихожан Строгановых. В пожаре 1812 года церковь уцелела, и ризница была спасена, но потомок Строгановых по женской линии князь С.М. Голицын решил выстроить новую, более представительную. Однако, первый проект не был утвержден генерал-губернаторским управлением из-за его большой величины, и архитектору О.И. Бове был заказан более камерный вариант храма⁷.

В обоих храмах на четверик опирается большой, немного вытянутый вверх световой барабан, увенчанный резным карнизом и вытянутым вверх куполом овальной формы. Окна светового барабана обрамлены пилястрами ионического ордера. Невысокая колокольня четко делится на ярусы горизонтальными линиями карниза, соотнесенными с линиями карниза храма. Оба храма построены на сочетании дорического ордера в нижнем ярусе, а в верхнем – ионического. Такое решение придает обоим зданиям легкость и изящество, хотя расположенный в центре открытой площади Никольский собор г. Белостока выглядит монументально и репрезентативно. Никольский храм в городе Белостоке – единственная православная церковь, соборный храм города – этим объясняется стремление к монументальности, заложенное в его проекте. Московский храм – один из многих приходских храмов Москвы, поэтому камерная характеристика ампира здесь более уместна.

В обоих храмах ощущается стремление к цельности объема, уравновешенности фасада, несмотря на трехчастное построение храма. Высокий барабан завершает характерный для позднего классицизма гладкий яйцевидный купол с гуртами⁸. Детали архитектурного декора (пилястры, архивольты арок, детали ордера и др.) трактованы плоско, что в целом является характерными чертами позднего классицизма, которые свойственны обоим храмам. Но в церкви Св. Николая в Котельниках в Москве, в гармонии масштабной соразмерности ее частей, живом рисунке ее декора, ощущается свежесть авторского проекта, тогда как в церкви Св. Николая в Белостоке – чувствуется схематичность и холодность ученического повторения. Двадцатилетний временной интервал между этими постройками и стилистические особенности обоих памятников позволяют предположить в первом случае непосредственное участие О.И. Бове в создании проекта, а во втором – либо участие его помощников и учеников, либо использование проекта, разработанного О.И. Бове, как типового. Для вынесения окончательного суждения необходимы подтверждения архивных документов.

- ▲ Ц. Св. Николая в Котельниках в Москве.
Северный фасад вдоль 1 Котельнического пер.
- ▼ Ц. Св. Николая в Котельниках в Москве.
Скульптурный декор фасада

Примечания

¹ <http://www.patriarchia.ru/db/text/50833.html> – посещение сайта – 05.04.2011.

² Новый энциклопедический словарь. Т.9. СПб.: Тип.об-ва «Брокгауз-Ефрон», [1911–1916]. С.3–6.

³ <http://www.ubrus.org/newspaper-spas-article/?id=797> – посещение сайта – 05.04.2011

⁴ Ловкунас Н.А. «Архитектурный ансамбль монастыря» Первый на Москве. Московский Данилов монастырь. М., 2000. С. 186

⁵ Биографические сведения приведены по кн.: Покровская З. К. Архитектор О. И. Бове М.: «Стройиздат», 1964.

⁶ В издании «Памятники архитектуры Москвы, состоящие под государственной охраной» (М., 1980) сюжет рельефов неправильно определен как «Вход Господень в Иерусалим», «Поклонение волхвов» и «Избиение младенцев в Вифлееме».

⁷ Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. Москва в границах Садового кольца./Автор-составитель П.Г. Паламарчук. М.: АСТ.Астрель, 2004. С.424–426.

⁸ Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М.: «Искусство», 1989. С.321–322.

VII. Литература и фольклор славян и их соседей

Т. А. Агапкина

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Символика деревьев в традиционной культуре славян: сосна*

Abstract:

Agapkina T.A. *Symbols of trees in the traditional Slavic culture: pine**

This article, based on Slavic rites, folklore, superstitions, taboos, etc., observes features of the pine as one of the most notable phytosymbols. The conclusion is that its specifics are defined by both presence of several unique features, and by special configuration of attributes common to Slavic plant mythology.

Ключевые слова: славянская мифология, фитосимвол, сосна, обряд, поверье, легенда, фольклор.

Исследование растительной символики славянской духовной культуры, несмотря на очевидный сдвиг, совершенный за последние годы, до сих пор нельзя назвать удовлетворительным. Проблема в том, что значительная часть работ, так или иначе затрагивающих эту тему, представляет собой относительно подробные «портреты» отдельных деревьев. Однако такие исследования продуктивны лишь тогда, когда за каждым «портретом» просматривается некий тезаурус, и предлагаемое описание «заполняет» его, тем самым создавая основу для сопоставления этих символов-портретов между собой — как в рамках одной этнической традиции, так и за ее пределами¹. Задача составления подобного тезауруса для «дендроперсонажей» славянской мифологической системы не может быть решена в рамках небольшой статьи, однако мы попытаемся наметить пути его составления, выделить наиболее крупные блоки признаков, релевантные для одного из типов дендросимволов. В данном случае речь пойдет о сосне.

В славянских языках сосна (*Pinus silvestris*) представлена ограниченным корпусом названий, в котором преобладают два — **bor* и **sosna*, ср. рус., укр. *сосна*, бел. *сасна*, *хвоя*, пол., словац. *sosna*, чеш. *borovice*, словен. *bor*, болг., макед., серб. *бор*.

Сосна являлась наиболее характерным для Русского Севера и центрально-русских областей видом священного дерева, что в целом соответствовало ее культурной роли в северо-европейской мифологии. Священные сосны часто встречались в Карелии, Архангельской, Вологодской, Костромской, Вятской, Ярославской, Нижегородской губ. По преданию, несгораемая сосна росла у кельи святого Кирилла Челмогорского в Каргополье². В Костромском крае

на Вознесение, завершавшее пасхальный цикл обрядов, местные жители посещали кладбище, где в последний раз христосовались с умершими, а также ходили поклониться священным соснам³. В Заонежье сосна выполняла функции так называемого дорожного дерева: если человек встречал по пути в лесу такое дерево, то жертвовал ему монеты, лоскуты, а на обратном пути молился и благодарил дерево за удачный исход путешествия; сухие упавшие ветки такого дерева не сжигали, а расставляли вокруг ствола⁴. В русской фольклорной традиции было известно большое количество преданий о чудотворных, прежде всего целебных, свойствах сосен, растущих в Нижегородской губ. и связанных с легендами о граде Китеже и озере Светлояр⁵.

Сосны были также составной частью культовых комплексов — природных или смешанного состава. Природные комплексы, помимо дерева, включали также почитаемые камни (в т.ч. следовики) и источники. В комплексах смешанного состава, помимо дерева или другого почитаемого природного объекта, находились также христианские святыни, в том числе явленные; иногда природные и христианские святыни исторически сменяли друг друга. В Ярославской губ. росла сосна, вблизи которой был найден чудотворный крест; считалось, что если откусить от сосны кусочек древесины, у человека не будут болеть зубы, поэтому дерево было искусано на половину толщины⁶. На Пинежье встречались обетные сосны, к которым носили обеты после того, как рядом был уничтожен обетный крест⁷. У старообрядцев Заволжья известна легенда о церкви, некогда ушедшей под землю, на месте которой выросла высокая тонкая сосна; местные жители рассказывали о том, что на этой сосне что-то сияло и горело, а поблизости слышался колокольный звон⁸. В Вожегодском р-не Вологодской обл. рассказывали о том, что одна из церквей была поставлена там, куда якобы с намеченного места «перешла» икона⁹.

С такими соснами связан довольно устойчивый круг поверий и установлений. Часто такая сосна якобы вырастает на могиле безвинно загубленного человека, рядом с могилкой и кельей местнотимого святого; появляющиеся по ночам огни на дереве или под ним свидетельствуют о том, что под сосной некогда был закопан клад, на такой сосне обретаются «явленные» иконы; любое посягательство на такое дерево приводит к трагическим последствиям: виновный погибает, заболевает, теряет рассудок, пропадает и т.д.; при попытке ударить по дереву топором из ствола течет кровь; хотя ломать ветки с такого дерева запрещено, но можно собирать упавшие ветки и шепки, которые применяются в лечебных целях; такие деревья могут оказываться центром массовых праздничных гуляний, особенно в весенне-летнее время, на Троицу, например.

Аналогичные явления фиксировались и в других славянских традициях. В Польше на сосны часто вешали маленькие каплички (часовенки, алтарики)¹⁰. В польском Поморье есть предание о горе, у которой некогда разбился корабль, а единственный спасшийся поставил на ней часовню в честь св. Николая. Позже на месте церкви выросла сосна: рассказывали, что если ударить по ней топором, из раны потечет кровь¹¹. У сербов в окрестностях монастыря

Милешево (центральная Сербия) была известна священная сосна, считавшаяся опасной: ее нельзя было трогать, ломать или срубать с нее ветки, а нарушивших этот запрет ожидали увечья¹². На о. Радкольский (Радколье) (Онежское озеро, недалеко от с. Сенная губа) в первой половине XVI в., когда строился Климецкий монастырь, монахи срубили строевой лес и пустили его на монастырские стены. По преданиям жителей Сенной Губы, на этом острове монахи оставили нетронутыми только три старые сосны, которые, во-первых, из-за ветхости не годились на строительство, а во-вторых, «за рубку которых человек должен был расплатиться тяжелой болезнью и смертью»¹³.

В русских, украинских и белорусских песнях именно сосна часто выступает в качестве мирового дерева, в кроне которого вьют гнезда птицы, у ствола обитают пчелы, а у корней — бобры, горностаи и соболи, ср.: свадебную песню из пинского Полесья: «Сосьнина дерэво шчасьливое, то шчасьливое, то уродливое: а з корня его чорные соболи, з серэдыны его боровые пшчолы, а з верху его райскае пташкі»¹⁴ с нижегородской колядкой: «Ой, каледка, каледница, Стоит в бору сосна, / Стоит в бору красна, / Нету ее выше, нету ее краше. / По корень той сосны / Горностаи норы, / Посередь той сосны ремезовы гнезды, / А поверх той сосны / Белояры пчелы»¹⁵.

С сосной как деревом культовым и почитаемым последовательно связывается функция медиатора, посредника между «этим» и «верхним» мирами, а также «тем светом», где обитают души усопших. В польских легендах Богоматерь является на сосне¹⁶. Сосна, наряду с другими деревьями, упоминается в традиционных вербальных формулах, с помощью которых родители маленьким детям объясняли, откуда они появились на свет, ср. полесское: «Буг мене кинуў на хвою, а с хвои — додолу, да даў мени добру долю»¹⁷. В песнях и балладах женщина превращается в кукушку и, прилетая домой навестить родных, садится на сосенку около дома: «А знялась-палацела у свой цихи двор, села на сосначку, начала кавать: / О-о-х, чаму же табе, сосначка, Бог лисьця ни даў, / А мне, маладзенькай, шчасыце не даў»¹⁸. В пересказе сна женщина, у которой умер сын, встречает его, идя по сосновому лесу¹⁹.

Сосна, как и другие хвойные деревья (ель, пихта, лиственница), тесно связана в обрядах и поверьях с темой смерти. Возможно, это объясняется тем, что сосна, как и ель, дерево вечнозеленое, т.е. противостоящее смерти и угасанию, символизирующее вечную жизнь и т.д., ср. в русской загадке: «Осенью не увядаю, зимой не умираю». Постоянную зелень сосны на Украине объясняли особенным благословением Божиим, почившим на ней с того времени, как древесина ее оказалась негодной на гвозди при крестных страданиях Христа²⁰.

Вместе с тем, и сосна, и ель, как пахучие, смолистые и колючие деревья, нашли широкое применение в качестве оберега, в том числе и прежде всего в похоронной обрядности. Из ели (как и из сосны и березы) часто делали гроб, мотивируя это, в частности, тем, что ель (как и сосна) не позволяют покойному «ходить» после смерти, см. в русской колядке, где за отказ одарить колядников хозяевам желали: «Кто не даст лучинки — тому сосновый гроб!»²¹

У русских поистине повсеместный характер имело обыкновение бросать еловые и сосновые ветки (реже — ветки пихты, можжевельника и др.) по дороге к кладбищу — перед гробом, так и после него. Повсеместно еловыми и сосновыми ветками украшали гроб; у поляков сосновые ветки использовали для украшения Гроба Господня в Страстную пятницу²².

Однако апотропейные свойства сосны использовались и в других сферах традиционной культуры. Сосновые ветки и шишки употребляли для приготовления разных медицинских настоек, освежали с их помощью воду и т.д. Особо отмечено применение сосновых веток в качестве оберега от грома. В Полесье на Пасху вокруг церкви втыкали сосновые ветки, которые позже с втыкали в крыши домов, оберегая их тем самым от грома и бури; при первом громае сосновые ветки втыкали в землю; на Крещение веки сосны, которыми украшали иорданскую прорубь, забирали домой и также втыкали их в стены дома и хлева как оберег от бури и ветра.

Верования и фольклор, связанные с образом сосны (как и некоторых других деревьев), отвечает представлению об известном уподоблении и даже отождествлении дерева и человека, что весьма характерно для дендромифологии славян, равно как и других народов, ср. в украинской поговорке *Не такі сосни ми рубали* 'не таких побеждали'. На Косовом Поле, когда сваты входили в дом, невеста говорила: «Један бор, два бора, трећа бела борика», чтобы в замужестве иметь двух сыновей и одну дочь²³. В сербских народных песнях *бор* (суш. м.р.) также всегда символизирует мальчика или молодого человека: «Два су бора напоредо расла, / Међу њима танковрха јела: / То не била два бора зелена; / Већ то била два брата рођена» [Две сосны рядом росли, между ними островерхая ель. Это не две зеленые сосны, а два родных брата]²⁴.

Примечательно в этой связи, что сосна часто фигурирует в сюжетах народных песен и баллад, где она вырастает (или ее сажают) на могилах невинно гонимых влюбленных, безвременно умерших, погибших или убитых царских детей, молодоженов и т.д. В западноукраинской балладе рассказывается о девушке Насте, которая «любилась» с паном, за что была убита его ревнивой женой; Настю похоронили, а на ее могиле выросли деревья: «Там, де були бели ноги, там выросли два яворы, а де були бели руки, там выросли две соньки»²⁵. В севернорусских преданиях о «панах» сосны вырастают на их могилах²⁶.

Обычно такие сосны, растущие на чьих-то могилах, реальных или легендарных, получают в местной традиции статус заповедных, как будто душа похороненного здесь человека охраняет дерево от любых посягательств. Такие деревья нельзя рубить, нельзя ломать их ветки, срывать листья, а также наносить им какой бы то ни было ущерб. По олонечкой легенде, сосна вырастает из косы убитой девушки, «панской сестры», и никто не может ее срубить²⁷. В другой белорусской легенде рассказывается о скрипке, которая была изготовлена из сосны, появившейся на месте захоронения людей, умерших во время одной страшной эпидемии. У скрипача, разбившего эту скрипку, вместо рук появились сухие ветки, как на той сосне²⁸.

Деревья, выросшие или посаженные на таких могилах, сохраняют связь с покоящимися под ними, в известном смысле образуя с ними единое целое, когда человек как бы растворяется в дереве, а дерево прорастает в человека. Поэтому так широко распространены в разных традициях однотипные предания о том, что в таком дереве, растущем на чьей-нибудь могиле, как и в священном, культовом, течет кровь. В белорусской легенде рассказывается о двух соснах, выросших на том месте, где литовцы-язычники убили монахов-францисканцев; если срубить сук с одной из таких сосен, то из деревьев потечет кровь²⁹. Такие деревья, помимо всего прочего, часто приобретают статус сакральных: из них делают придорожные кресты и предметы церковного обихода. Показателен пример: у сербов почиталась сосна царя Милутина (*бор краља Милутина*), огромное дерево со множеством стволов. Когда в июне 1932 г. ее свалила буря, крестьяне подняли и поставили на прежнее место один большой ствол, а другие оставили для церковного иконостаса³⁰.

Представление об известном подобии дерева, в данном случае сосны, и человека нашло, среди прочего, отражение в серии запретов и поверий, обыгрывающих «женскую» природу этой породы дерева. В разных восточнославянских регионах (на Вологодчине, в Полесье и в других местах) сосну, как и ель, не разрешали сажать около дома — якобы потому, что иначе «мужики водиться не будут»³¹, что скорее всего объясняется обозначенной выше связью сосны (и хвойных вообще) с темой смерти, а также тем, что сосна — дерево женское и по грамматическому роду своих названий в восточно- и западнославянских языках. Представление о сосне как женском дереве отражено в полесских обычаях делать кадку для теста (дежу) из двух пород деревьев — мужского и женского (дуба и сосны, например), чтобы в ней всегда удавался хлеб. В том случае если в деже тесто не подходило, надо было пересчитать клепки в деже, называя их соответственно породам деревьев «дубова — соснова» и т.д.³²

В цикле масленичных обрядов, известных восточным славянам, а также на западе Славии, широко распространение получили ритуалы, смысл которых состоял в том, чтобы символически наказать молодых людей и девушек, вовремя не вступивших в брак и потому задерживающих социализационное развитие сообщества в целом, а кроме того — ритуальными и магическими средствами подвинуть их в этому шагу. С этими целями во время масленичных празднеств парням и девушкам прицепляли, обычно к ноге, деревянные колоды, символизирующие отсутствующую у них брачную пару. Одним из наиболее интересных обрядов, связанных с символической заменой человека бревном (колодой, деревом) в рамках масленичных обычаев, является словенский ритуал, называемый *borovo gostüvanje* или *ženitev (gostüvanje) z borom*, т.е. дословно «свадьба с сосной». Судя по обширному собранию Н. Курета, обряд этот известен лишь в одной этнодиалектной зоне, в Прекмурье. Вкратце он сводился к следующему. В год, когда в селе не было ни одной свадьбы, ряженые за 2–3 недели до масленицы обходили окрестные села и приглашали всех на *borovo gostüvanje*, а также собирали с будущих гостей продукты для

общего праздника. В масленичное воскресенье все участники действия собирались на главной площади села, окруженные многочисленными ряжеными и гостями. Среди них главными были «поп», которому предстояло совершить обряд «венчания», «жених», «невеста» (девушка, которая заменяла настоящую «невесту» — сосну), а также другие участники «свадебной процессии» — «сваты», «дружики» и т.п. Из села все вместе отправлялись в ближайший лес за «невестой». Сосну, предназначенную на эту роль, в лесу выбирали заранее. При этом участники обряда тщательно скрывали от посторонних, о каком именно дереве идет речь. Считалось, что если парни из соседнего села срубят у «избранницы» верхушку раньше времени, обряд потеряет смысл, да и село будет навеки опозорено. Поэтому при приближении к намеченному дереву парни, входящие в свадебную процессию, а также ряженые «жандармы» сразу же вставали «на стражу» дерева. Примечательно, что если женили парня, то в невесты ему выбирали женский вариант хвойного дерева, называемый *smreka*, а если таким образом «выдавали» девушку, то парой ей был *bor*. После некоторого препирательства между «отцом» жениха и «отцом» невесты (персонажами свадебной процессии), «поп» начинал обряд венчания, представляющий собой пародию на церковный ритуал. После этого под пение свадебных песен у сосны торжественно обрубали сучья, «дружики» украшали ее венками и лентами как невесту, клали ее на двухколесную тележку, сверху сажали «жениха» (или «невесту»), впрягались в нее и таким образом приволакивали ее в село, где устраивалось пышное угощение, сопровождаемое пением, танцами, разыгрыванием ряжеными различных сенок, в том числе и весьма фривольного содержания. В конце концов дерево продавали, деньги в складчину пропивались, а всю бумажную бутафорию, которая украшала ряженых и дерево, сжигали где-нибудь на перекрестке³³.

На Русском Севере (преимущественно на Вологодчине) образ сосны широко использовался в вербальных формулах, которыми проводжали уходящих с гуляний парней и девушек в том случае, когда за весь вечер их ни разу не пригласили участвовать в плясках, поцелуйных и других играх. Им, о них или они сами о себе в такой ситуации говорили: «Ой, тяжело, сосну волоку»³⁴; «Ну, сѣдни ко стовбушке не созвали, волоки сосну домой с кореньями, с прутьями»; «Сосну поволок с беседы»³⁵ и т.п. За этими формулами также можно усмотреть образ дерева (сосны) как брачной пары, характерный в т.ч. для описанных выше обычаев с «колодкой».

Вместе с тем, помимо «колодки», сосна — в качестве ритуального дерева — широко использовалась и в других обрядах календарного и семейного циклов, причем в основном в зимнее и весеннее время, когда вечнозеленые растения заменяют обычную зелень и цветы. Прежде всего, что и вполне понятно, сосна выполняла роль рождественского дерева, причем преимущественно на западе Славии, ср., например, пол. *podlaźnik* 'елочка (или верхушка хвойного дерева — сосны, ели, пихты), украшенная яблоками, орехами, ореховыми орехами, которую крепили к потолку над столом в избе на Рождество'. В Хорватии под Рождество на ветку сосны привязывали разные фрукты: яблоки,

груши, сливы, орехи, грецкие и лесные, обернутые золотыми или серебряными бумажками. У западных славян в 5-е или 6-е воскресенье Великого поста, а иногда и после Пасхи по селу ходили процессии, по главе которых их участницы носили украшенные деревца «лето» и «гаик». Деревца делали из хвойных пород – ели, сосны, пихты, ср. его чешские и моравские названия – *jedlička, borovička, borek, boreček*³⁶. В словенских обрядах, совершаемых в день св. Георгия, его главный персонаж «Зеленый Юрий», которого водила от дома к дому дружина молодых людей, был с ног до головы покрыт зеленью, поэтому участники процессии говорили, что нашли «Зеленого Юрия» «в сосновой зелени» (*v borovem listju smo ga našli*)³⁷. В Польше и Чехии из высоких и тонких сосенок часто делали майское дерево, устанавливаемое на главной площади села или перед домами девушек.

В свадебном обряде западных и восточных славян из сосны (ее древесины, веток или верхушки) изготавливали древко для свадебного знамени, жезл дружки и другие предметы свадебного реквизита. Срубленную же сосну (а также елку, кипарис, можжевельник), часто украшенную цветами или лентами, могли втыкать в землю или даже сажать на могиле парня или девушки, умерших до брака, т.е. использовали это дерево и его части в функции свадебного деревца в обрядах типа похорон-свадьбы. Наконец, в цикле строительных ритуалов в зимнее время при установлении первой балки крыши, а также по окончании строительства наверху дома втыкали сосновую ветку.

Вместе с тем, как и любое другое дерево в славянском мифопоэтическом «дендрарии», сосна может иметь касательство к совершенно иному кругу значений и сюжетов и, в частности, считаться местом обитания демонов, например, сербских вил. В русской же демонологии сосна связана прежде всего с лешим. Русские Карелии верили, что леший удерживает заблудившихся людей поблизости от крупных и почитаемых в данной местности деревьев, в т.ч. сосен, к которым человек многократно возвращается, пытаясь найти дорогу домой³⁸. Согласно смоленскому рассказу, дети лесовых лежат в люльках, привешенных к ветвям ели или сосны. Чтобы вызвать лешего, надо сесть на сосновый пенек и трижды аукнуть³⁹. В быличках, известных на юге России и на Украине, большие сосны оказываются местом, куда на шабаш слетаются ведьмы. Так, в Калужской губ. такое место находилось якобы на границе Мещовского и Мосальского уездов. По рассказам местных жителей, там росла громаднейшая сосна: «дупло у нее от старости сгнило, и в середине ее всегда напиханы всякая нечистота: тряпки, волосы, кости. Пилить эту сосну боятся, даже ходить около нее ночью считается очень опасным. Сучья у этой сосны не повисшие, а выпрямлены замечательно прямо и осмурыганы (вытерты), как будто на них всегда сидит кто-либо. Верхушка сломлена или срублена кем-то так, что представляет удобное сидалище для главного заправилы — черта. По рассказам стариков, здесь часто виднеются огоньки, часто в прежние времена блудили (т.е. сбивались с дороги) люди и сосну эту знают даже знаменитые киевские ведьмы, потому что часто сюда прилетают»⁴⁰. Около таких сосен на самой Киевщине на Купалу также собирались местные ведьмы, а закопанное

под соснами золото в эту ночь выходило на поверхность и сверкало, «пересушивалось»⁴¹.

Сосна, как и некоторые другие деревья и кустарники, предстает в мифологических рассказах локусом мистификаций: попав в то место, где растет такое дерево обмана, человек оказывается втянут в игру иллюзий: ему видится свадьба, гуляние, веселье, слышится музыка, кажется, что он сладко ест и мягко спит, но наутро он обнаруживает себя под деревом или на нем, веселье прошлой ночи оказывается свадьбой чертей, еда — листвою и т.д., см. костромской рассказ: «На Ложкиной горе есть сосна, так принесло туда какую-то девушку... Ее сняли оттуда, так она как дура была, испугалась. Говорит: „Я не голодная“. — „А чем тебя кормили?“ — „А шаньгами, говорит, кормили“. А у нее полный подол г... коньих»⁴².

Противоречивость народной оценки сосны заметна еще и в том, что, как и всякое другое, не собственно плодородное дерево, она оказывается персонажем этиологических легенд, объясняющих эту ее особенность. Так, в русском (владимирском) предании рассказывается о том, что сосна и ель прокляты якобы потому, что не вняли просьбе Христа не шуметь и не мешать ему, когда Он молился в Гефсиманском саду⁴³.

Беглый обзор традиционных верований, касающихся сосны как одного из заметных символов славянской растительной мифологии, а также круга ритуалов и обычаев, с нею связанных, показывает, как в этом образе соединяются черты, общие для мифологии деревьев, с некоторыми более специфическими деталями (такими, например, как представление о сосне как женском дереве или ее связь с темой смерти). Однако цельный и своеобразный «портрет» дерева формируется не столько этими особенностями, сколько особой конфигурацией вполне типовых мотивов и признаков, которая в конечном итоге и определяет специфику конкретного дендросимвола в ряду других, ему подобных образов славянской растительной мифологии.

Примечания

¹ А.В. Гура предложил тезаурус для описания животных персонажей славянской традиционной культуры, см. в его книге «Символика животных в славянской традиционной культуре» (1997). С.М. Толстой и Л.Н. Виноградовой принадлежит тезаурус для описания славянских демонологических персонажей, см.: Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. М., 1994. С. 16–43.

² Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / Сост. М.Д. Алексеевский, В.А. Комарова, Е.А. Литвин, А.Б. Мороз, Н.В. Петров; под общ. ред. А.Б. Мороза. М., 2009. С. 252.

³ Зимин М.М. Ковернинский край // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1920. Вып. 17. С. 18.

⁴ Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонсжья. СПб., 1993. С. 73.

⁵ Днепровский Д.Н. Древние крестовые сосны в с. Городце // Действия Нижегородской губ. уч. архивной комиссии. 1914. Т. 17, № 4; Легенда о Св. озере и сосне в Федоровском монастыре в с. Городце // Нижегородские губ. вст. Ч. неоф. 1890. № 9:3; Савушкина Н.И. Легенда о граде Китеже в старых и новых записях // Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13. С. 57–76, и др.

- ⁶ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. СПб., 2006. С. 301.
- ⁷ Калуцков В. Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В., Родионов Е.А. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье. Поморье. М., 1998. С. 97.
- ⁸ Басилов В.Н. О происхождении культа невидимого града Китежа у озера Светлояр // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1964. Вып. 12. С. 154.
- ⁹ Денисова И.М. Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М., 1995. С. 23.
- ¹⁰ *Niebrzegowska S. Przestrach od przestacha. Rośliny w ludowych przekazach ustnych. Lublin, 2000. S. 93.*
- ¹¹ *Stelmachowska B. Rok obrzędowy na Pomorzu. Toruń, 1933. S. 200.*
- ¹² *Чайкановић В. Речник српских народних веровања о билькама. Београд, 1985. С. 40.*
- ¹³ Логинов К. К. Заонежский праздник *Радкольское воскресенье* // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография. Петрозаводск, 2010. С. 37–45. С.42.
- ¹⁴ *Kolberg O. Dzieła wszystkie. Wrocław, Poznań, 1968. T. 52. Białoruś—Polesie. S. 181, Пинское Пolesье.*
- ¹⁵ Горьковский (ныне – Нижегородский) государственный университет, Архив кафедры фольклора, 40-10-81.
- ¹⁶ *Niebrzegowska S. Op. cit. S. 86.*
- ¹⁷ Полесский архив ИСл РАН (Москва). Выступовичи Овруцкого р-на Житомирской обл.
- ¹⁸ Там же. Туховичи Ляховичского р-на Брестской обл.
- ¹⁹ Там же. Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл.
- ²⁰ Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом: Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским. СПб., 1872. Т. 1, вып. 1. С. 75.
- ²¹ Морозов И.А., Слєпцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004. С. 275.
- ²² *Kolberg O. Op. cit. 1963. T. 9. S. 132.*
- ²³ *Раденковић Љ. Символика света в народној магији Јужних Словена. Београд, 1996. С. 218.*
- ²⁴ *Чайкановић В. Op. cit. С. 38.*
- ²⁵ Головацкий Я.Ф. Народные песни Галицкой и Угорской Руси. М., 1878. Ч. 1. С. 72.
- ²⁶ Сов. этнография. 1980. № 1. С. 121–122.
- ²⁷ Усачева В.В. Мифологические представления славян о происхождении растений // Славянский и балканский фольклор. М., 2000. С. 166.
- ²⁸ Там же. С. 178.
- ²⁹ Легенды і паданні. Мінск. 1983. С. 343.
- ³⁰ *Чайкановић В. Op. cit. С. 39.*
- ³¹ Полевые исследования студентов РГТУ. М., 2009. Вып. 4. С. 263.
- ³² Полесский архив. Ветлы Любешовского р-на Волинской обл.
- ³³ Kuret N. Praznično leto Slovencev. Celje, 1965. D. 1. S. 23–24.
- ³⁴ Денисова И.М. Указ. соч. С. 47.
- ³⁵ Морозов И.А., Слєпцова И.С. Указ. соч. С. 176, 403.
- ³⁶ Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 77–78.
- ³⁷ Kuret N. Op. cit. D. 1. S. 282.
- ³⁸ Криничная Н. Лесные наваждения. Петрозаводск. 1993. С. 26.
- ³⁹ Русский демонологический словарь / Автор-составитель Т.А. Новичкова. СПб., 1995. С. 316.
- ⁴⁰ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб., 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 500.
- ⁴¹ Живая старина. 1996. № 4. С. 28.
- ⁴² Ефимова Е.С. Поэтика страшного: мифологические истоки. М., 1997. С. 84.
- ⁴³ Максимов С. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1989. С. 174.

Западославянские представления о черте: сплав народно мифологических и церковно-книжных мотивов

Abstract:

Vinogradova L.N. West Slavic medieval concepts of devil: the fusion of folk-mythological and church book motives

For specialists in Slavic mythology, the figure of the devil/Satan is a rare opportunity to trace the historical process of interaction between two types of cultures – the official Christian religion and the archaic Slavic mythology, as the information on this character has been preserved in the medieval literary tradition and can be compared with the oral folklore data. The struggle of the West Slavic Church with sinfulness and apostasy in fact had been reduced to the fight against the devil, the tempter, and the people that have entered into relationship with him. The paper considers different versions of devil's image, reflected in the Czech and Polish written sources of XV–XVIII centuries.

Ключевые слова: западославянская мифология, народная демонология, чешские и польские традиционные поверья, средневековая религиозная культура, образы нечистой силы, черти, колдуны, ведьмы.

В системе славянской (и западноевропейской) мифологии образ черта выделяется совершенно особой степенью значимости и популярности. Такое положение дел можно объяснить тем обстоятельством, что этот персонаж является результатом взаимодействия, с одной стороны, официальных церковно-книжных представлений о противнике высшего христианского божества, а с другой — архаических народных верований о неких духах, способных воздействовать (положительно или отрицательно) на все сферы земной жизни человека. В позднефольклорной традиции славян XIX–XX вв. зафиксирован такой круг характеристик черта, который содержит отголоски самых разных исторических эпох: это и следы языческих мифов о противоборстве бога-громовника со своим змееподобным противником; и раннехристианские представления об акте творения мира двумя демиургами-антиподами; и библейские мотивы о паших ангелах либо об устройстве загробного мира (в виде рая, где пребывает Бог, и ада, которым владеет дьявол); и средневековые западноевропейские мотивы о шабашах, в которых черти участвуют совместно с ведьмами; наконец, это и традиционные народные поверья о вседушем злом духе, который выступает в мотивах быличек, сказок, анекдотов в качестве черта-вредителя, черта-помощника, черта-проказника и т.п. Изучение такого сложного и неоднозначного образа имеет выходы в самые разные историко-филологические, религиоведческие и этнокультурологические дисциплины. Для специалистов, имеющих дело с устной фольклорной культурой, образ черта представляет уникальную возможность проследить хотя бы частично эволюционные этапы его формирования и развития, так как

в данном случае можно опираться на исторически засвидетельствованные письменные источники.

Столкнувшись с дохристианскими народными верованиями (прежде всего – с фактом повсеместно практикуемой в сельском сообществе колдовской магии) западноевропейский Костел в XIV-XV вв. разработал теологический постулат о ведовстве/колдовстве как богопротивном деянии, разновидности еретичества и богоотступничества. Ведовство стало трактоваться церковными иерархами не просто как наносящая людям ущерб вредоносная магия, но и как высшее преступление перед христианской верой, как отречение от Бога и греховная связь с чертом. Именно эта идеология подготовила почву для массовых гонений на колдунов и ведьм, обвиняемых в том, что свои сверхъестественные способности они приобретали благодаря связям с дьяволом. Соответственно, сама фигура богопротивника выступала в средневековых трактатах, церковных поучениях, псевдонаучных энциклопедиях, в протоколах «ведовских» процессов как воплощение абсолютного зла.

Рассматривая вопрос о взаимодействии официальной церковной и народной демонологии в процессе формирования средневековых представлений о черте, исследователю приходится учитывать, какое именно мифологическое значение содержится в словах «черт, дьявол». В чешских и польских переводах Библии, а также зарубежных свято-учительных сочинений противника христианского Бога называли чаще всего латинским термином *diabel* либо славяноязычными обозначениями: чеш. *nepřítel* [неприятель, враг], *zlý duch* [злой дух], *anjel zlý* [злой ангел], *vládec tohoto světa* [властитель того света]; пол. : *bies* [бес], *piekielnik* [обитатель пекла], *zły anioł* [злой ангел]. А начиная с XV века в языке восточных и западных славян уже фиксируется лексема «черт» (чеш. *čert*, пол. *czart, czort*). Важно отметить, что в самых ранних письменных источниках термин *diabel* уже имел определенные признаки многозначности: он относился то к персонажу христианской религии (противнику Бога), то к некоторым образам народной демонологии (духам домашних и природных локусов, вредоносным «ходячим» покойникам, летающему змею и т.п.). Например, в «Чешской хронике» Козьмы Пражского (датированной рубежом XI–XII вв.), написанной по-латыни, при упоминании дохристианских «божков» наряду с латинским *lar domesticus* [домашние духи-покровители] приводятся как равнозначные лексемы *diblik* и *skříteč*¹. Последний термин является вариантной формой (подтвержденной массовыми чешскими фольклорными данными XIX–XX вв.), служившей для обозначения духа-обогапителя; ср. чеш. и морав. *domáci skříteč*, т.е. «домашний дух-помощник», которого держат у себя ради своего обогащения колдуны и ведьмы. В книжных источниках XV века встречаются упоминания о происхождении этих духов. В одном из чешских церковных поучений осуждается практика неразумных простолюдинов, которые хоронят под своими домами умерших некрещеных или мертворожденных детей, поклоняясь им в дальнейшем как домашним духам, называемым *skříteč* или *diblik*². В трактате Яна Штельцара Желетавского (1588 г.) высказывается рекомендация родителям читать над грудными младенцами,

ради их спокойного сна, вечернюю молитву, дабы их не пугал *šotek, hospodářček, d'abel, duch domovní* [домовик, дух-хозяин, дьявол, домашний дух]³.

Нечто подобное отмечается и в польских источниках того же периода. Так, в одном из краковских религиозных изданий (1579 г.) дается разъяснение, что к разновидностям дьяволов относятся известные в народе *ziemscy skryatkowie* и *domowe ubożeta* (имеются в виду подземные гномы-краснолюбки и домашние божки). А в судебных актах ведовских процессов XVI–XVII вв. женщин обвиняли в том, что они содержали у себя в доме и кормили специальной пищей *diabłów domowych* [домашних дьяволов] или *diabłów-chowańców* [дьяволов, вскармливаемых человеком].

Другой тип персонажей народной демонологии, причисляемых книжниками к сонму дьяволов, — это летающие в небе змее- или птицеподобные, огненные духи, способные либо приносить золото человеку, которому они служат, либо насылать небесный огонь (молнии) на жилье и злаковые посевы. Во многих польских источниках XVI–XVII вв. такой персонаж упоминается под именем *latawiec* [летун]. В одном из религиозных трактатов о нем говорится, что хотя «летун» появляется в виде «ветряного духа», он может оказать большие услуги тому, кто его об этом попросит, и тогда он переносит человеку добро из чужих сараев и кладовых⁴. И сам термин, и функция обогащать человека при условии, что тот будет кормить «лятавца» несолёной пищей, широко известны в польской народной демонологии. В других религиозных трактатах и просветительских энциклопедиях XVIII века имя *latawiec* трактуется как черт, летающий по ночам к женщинам, который вступает с ними в плотскую связь. Как синоним черта выступает этот мифологический персонаж в некоторых польских судебных актах процессов о колдовстве.

Ценная информация относительно народных поверий о черте содержится в упомянутой выше «Духовной книге» чешского автора Яна Штельцара из Желетавы. Призывая к соблюдению чистоты истинной веры, он не только ссылается на авторитет Святого Писания, но и приводит десятки примеров несправедного образа жизни, который ведут некоторые жители Чехии и Моравии. Отвечая на вопрос, могут ли ведьмы сами по себе, без пособничества дьявола, вызвать непогоду, пожары от молний, градобитие, он приводит ряд местных народных рассказов о том, что сам черт якобы летал в грозовых тучах, насылая молнии. Например, он описывает событие, произошедшее в 1555 г., когда в одном из местечек Моравии «злой ангел, то есть черт», появился как летящий в небе огненный петух, выпускающий пламя на местный костел. В окрестностях г. Наход (Северная Чехия) во время жатвы в 1570 г. черт вылетел из тучи в виде черной курицы, упал во дворе местного замка и рассыпался столбом искр. А когда он летел в воздухе, то сиял таким ярким огнем, будто горело десять снопов соломы⁵. Далее в этом труде повествуется о том, как одна грешная женщина держала у себя дома черта в посудине (*čerta v sklenici*) и как он научил ее варить вредоносное зелье; затем черт принес ей из пекла особый камень, помогавший находить скрытые в земле клады. Еще одна знахарка получила от черта принесенную из пекла форму, в которую она

лила растопленный воск, и по отлитым фигуркам угадывала односельчанам их будущее или распознавала вора⁶.

Разновидностью чертей признавались церковными книжниками также *topielce* [водяные духи, утопленники]. В труде польского ксендза Павла Гиловского (2-я половина XVI в.) утверждалось, что к числу *piekielnej zgrai* [чертовой банды] относятся утопленники, которые могли превращаться в «водяных дьяволов». Нашли отражение в книжных источниках и чрезвычайно популярные в народе поверья о вампирах и «ходячих» покойниках, осмысляемых как «дьяволы». В религиозной и псевдонаучной литературе XVI–XVII вв. велась дискуссия о том, как объяснить бесконечные рассказы простаков об упырях, выходящих из могил и посещающих дома своих родственников. В польской энциклопедии ксендза Бенедикта Хмелевского (XVIII в.) по этому поводу говорится следующее: «Под этими упырями не что иное понимать следует, как только проделки колдунов и ведьм, которые с помощью дьявола поднимают из могил тела умерших». Далее он аргументирует свой тезис так: «Вселяется же черт в людей, в животных, в дерево, почему же не может вселиться в труп?»; т.е. дьявол как бы «оживляет» тело покойника и, приняв его вид, ходит к живым, чтобы вредить им⁷.

Таким образом, судя по западнославянским письменным источникам XV–XVII вв., термины «черт» и «дьявол» фигурируют как равнозначные и служат для обозначения не только противника верховного божества христианской религии, «падшего ангела», властителя пекла, Сатаны и всей его бесовской рати, но относятся также к самым разным персонажным типам народной (повидимому, дохристианской) мифологии. Вполне закономерным можно признать тот факт, что в соответствии с установкой на искоренение местных дохристианских верований церковные книжники низводили до ранга дьяволов как языческих божеств, так и «низших» духов народной мифологии. Более интересным для фольклористов являются редкие письменные свидетельства о том, какое содержание вкладывалось в термины «черт/дьявол» самими носителями традиционной культуры. Об этом можно судить по данным актов «ведовских» процессов, в которых зафиксированы ответы подсудимых на вопрос судей: «Состоял ли обвиняемый в преступной связи с дьяволом?». Например, в одном из таких следственных дел, проводимых в 1600 г. в Липнике (Северо-моравская область), обвиняемый в колдовстве Якуб Пастырь признался, что «купил себе черта» за одну четверть меры ржи и держал его в сосуде; трижды в неделю кормил молоком от черной коровы; называл его, этого черта, именем «Каспер»; а выглядел этот черт «как большая муха». Когда, желая навредить своим обидчикам, колдун Якуб посылал своего черта задавить скот, то муха превращалась в волка. В другой раз подсудимый якубы посылал этого черта привести градовую тучу, чтобы градом выбило посевы у односельчан⁸. В протоколе другого дела, датированного 1659 г. (г. Турна Среднесловацкой области), сохранилось следующее свидетельство: некая вдова донесла на соседа, что он имеет дело с самим чертом [*čertem*], которого сам он называет *diblickem*, и с помощью этого своего *d'abla*

вредит сельскому скоту и людям, насылая на них болезни⁹. Из этих данных следует, что термины *čert* и *d'abel*, *diblik* в XV–XVII вв. уже использовались сельскими жителями для обозначения такого мифологического персонажа, который наделялся признаками духа-прислужника, выполняющего волю колдуна при условии, что тот кормил его соответствующей пищей (несоленой кашей, молоком черной коровы). Согласно чешским актам расследования 1717 г., одна из свидетельниц, пытаясь подтвердить факт связи обвиняемой с дьяволом, показала, что видела в ее доме на чердаке конский череп и поставленную перед ним миску с ячменем. Однако сама обвиняемая утверждала, что держала у себя эту «конскую голову» не в угоду дьяволу, а лишь как защиту своего дома от молнии¹⁰. Показательна попытка одного из обвиняемых разграничить понятия «черт» и «домашний дух-охранитель». Так, чтобы снять с себя обвинения в контактах с дьяволом, некий мельник (житель Западной Чехии) сообщил судьям, что признает единого христианского Бога и молится ему, но вместе с тем, он держит у себя в доме в специальной коробке духа [в акте, датированном 1691 г., он назван словом *spiritus*], который помогает ему по хозяйству и которого он сам называет именем «Филипп»; а выглядит этот дух-Филипп, как мышь, и пищит по-мышьиному¹¹. На основе этих данных можно отметить явное смешение понятий «злой дух-дьявол», «домашний дух-опекун», «черт на службе у колдуна, способный вредить другим людям», по отношению к которым в равной степени используются термины: *dabiel* и *czert/czort*.

С конца XVI века в польских и чешских актах «ведовских» процессов черт все чаще изображается как персонаж христианской демонологии, со свойственными для него признаками дьявола-искусителя, исчадия ада, способного принимать человеческий облик, т.е. он предстает в виде «черного человека», «пана в одежде горожанина», «нарядного кавалера-ухажера, но с копытами на ногах». Согласно показаниям обвиняемых в колдовстве женщин, черт мог выглядеть по-разному – на шабаше и тогда, когда являлся людям в их обыденной жизни. На сборищах ведьм совместно с нечистой силой он выглядел как антропоморфная фигура со звериными признаками: мохнатый, рогатый, хвостатый, с копытами на ногах (или на одной ноге); на голове – золотая корона. Появляясь же среди людей, он обычно принимал вид либо этнически чужого (немца, эфиопа, любого чужеземца), либо социально чужого (вельможного пана, знатного шляхтича, воеводы), либо человека в казенной форме (солдата, воина, лесничего в мундире). Чаще всего он изображался как «немец» (в парике, в узком кафтане, в треугольной шляпе). Опознавательными знаками дьявольской природы этих пришельцев служили такие признаки, как: запах гари, смолы, серы; красные глаза; холодные, как у мертвеца, руки.

При этом надо отметить, что сами подследственные, признавшие свою связь с чертом, все чаще характеризовали ее как богоотступничество, как отречение от христианского Бога, т.е. они сознательно искали покровительства у дьявола. В одном из чешских следственных дел 1591 г. некий Якуб Кульгавы признался, что по подсказке своего отчима занимался колдовством и кражей чужого добра; а чтобы стать невидимым для окружающих, призывал на по-

мощь черта следующими словами: «Помогите мне черт, дьявол, отрекаюсь от Пана Бога, и пусть меня никто не видит»¹². В протоколах другого дела, датированного 1637 г., обвинялся в чародействе и кражах некий Ян Палач, который – по свидетельству охранника его тюремной камеры – ночью с четверга на пятницу призывал на помощь чертей, обращаясь к ним громкими возгласами: «Где же вы, нечестивцы мои? Придите мне на помощь, буду вам до смерти служить! И ты, Кубичек [т.е. призывается черт по имени Куба — Л.В.], помогай мне, ты же обещал!». И там, в камере заключенного, такой грохот стоял, что у стражей волосы вставали дыбом; и все это длилось до рассвета¹³.

Уникальный по своей полноте и выразительности текст в жанре «послания в пекло» был предметом специального разбирательства в следственном деле 1591 г. (г. Рокицаны в Западной Чехии). Перед судом предстал обвиняемый Августин Губер, у которого было найдено письмо, адресованное дьяволу. В нем он жаловался, что попал в тюрьму за большие долги и остался всеми брошенным, несчастным и забытым: «Я, Августин Губер, вынужден обратиться к Вам со своими жалобами на свои большие житейские невзгоды и на то, что покинут всеми близкими. Поэтому я принял решение беззаветно служить и телом, и душой, и кровью своей и всем имуществом Вам как Всесильному Верховному Владыке и моему господину Люциферу. Ежели Вы захотите дать мне или послать через своих слуг достаточное количество денег на мои нужды, то я готов подписать кровью договор с Вами. Хотел бы только оговорить срок его действия на 34 года от даты написания этого письма. Если Вы сие примете, то я согласен объявить себя врагом всех верующих христиан как в их духовных, так и в светских деяниях. Как только эти оговоренные годы минуют, Вы будете иметь над моим телом и душой всю власть и можете распорядиться ими по своей воле. И это будет длиться всю Вашу вечную жизнь. Кроме того, я обязуюсь объявить себя врагом всех святых ангелов небесных вместе с их Богом и Господином. Если Вы на все это согласны, то прошу Вас как своего Бога и Господина Люцифера, чтобы в течение трех дней с момента получения моего послания Вы положили бы на этом же месте для меня ответ, чтобы я знал, как мне поступать дальше. Писано в воскресенье после дня Бартоломея (25 августа) 1591 года. Августин Губер к Вашим услугам на все времена преданный слуга»¹⁴.

Письменные обращения грамотных горожан к дьяволу стали в XVII в. предметом частых судебных разбирательств. В Пражском архиепископском архиве сохранилось одно из таких посланий, датированное 21 июля 1635 г. Оно составлено по шаблону аналогичных посланий: «Я, Ян Генрик, Вам, Господину моему Наивысшему Люциферу, отдаюсь и телом своим, и душой, чтобы Вы мне каждую субботу давали по сто талеров и чтобы мне быть таким крепким, как самая крепкая вещь, и еще бы мне 25 лет живу быть. И телом, и душой — если того пожелаешь. Поэтому пишу тебе письмо, обращаясь как к своему заступнику. Верю, что меня по милости твоей и доброте примешь под опеку». Подробности самого «акта передачи» письма черту остались неизвестными¹⁵.

Наряду с письменными посланиями, широко распространилась в это же время среди городского населения Западной Чехии практика тайного «вызывания черта» ради своей выгоды. Например, одно из громких дел касалось учеников (мальчиков 10–13 лет) пражской иезуитской школы, которые обвинялись в том, что неоднократно занимались «вызыванием дьявола». Один из мальчиков по имени Каспер Кляйн, сирота, отданный на воспитание в церковную школу, признался, что действительно пытался вызвать дьявола: для этого он, когда был на каникулах у родственников, крестил каждый угол дома и говорил: «Приди, черт!». Черт явился ему в виде козла, но ничего не сказал, а лишь прыгал на одном месте. После того, как мальчик окропил его святой водой, он пропал. Однажды, явившись как человек, он стал уговаривать Каспера, чтобы тот перестал почитать Бога и Пречистую Деву Марию, а доверился бы ему, черту; обещал, что будет мальчику за отца и даст все, что тот пожелает. Каспер согласился. После этого он пошел в дальний угол двора, отвалил камень и нашел под ним несколько монет¹⁶. Поскольку все обвиняемые были в конце концов признаны (на основе показаний многих свидетелей) правоверными и набожными учениками, выполнявшими все церковные обряды и правила, а сидя в заключении, непрестанно молились Богу, — их оправдали и передали под строгий надзор школьных наставников и родственников.

Не столь милосердными оказывались судебные заседатели по отношению к женщинам-ведьмам, если те под пытками признавались в связях с чертом и участии в ночных шабашах. Протоколы этих многочисленных дел содержат одни и те же, совпадающие до мелочей, стереотипные показания, в которых отразились мотивы наиболее популярных западноевропейских верований о полетах ведьм на совместные сборища. Обвиняемые сообщали, что перед полетом мазались чудесной мазью, в результате чего превращались в птиц и летели ночью на высокую гору (или в некую долину, на пастбище, на перекресток дорог), где устраивался шабаш. Иногда говорили, что летали в своем обычном виде верхом на черте, либо на коне, на предметах домашней утвари и т.п. На совместных сборищах всем заправлял сам Сатана (принявший облик человека с зооморфными признаками с короной на голове), который сидел в золотом кресле, и все называли его «Великий наш Бог и Господин». Опытные женщины принимали в свой круг ведьм-новичков; участницы угощались телами новорожденных младенцев и другой едой, которая подавалась исключительно несоленой; ведьмы обменивались друг с другом опытом вредоносной магии¹⁷. Одна из обвиняемых по делу 1617 г., Ева Песакова, не отрицала, что вместе с другими ведьмами летала на березовом венике на перекресток дорог, где все они танцевали с чертями, которые выглядели как господа в черной одежде, но отличались страшными когтями на пальцах рук. С одним из них она затем сожительствовала длительное время, однако всякий раз во время этой плотской связи чувствовала ледяной холод его тела¹⁸.

Судя по документам XVII–XVIII вв., такого признания женщин-ведьм в близости с дьяволом было достаточно для вынесения самого сурового приговора с формулировкой: «осужденная отреклась от Бога и его Дражайшей

Матери, и от всех святых угодников, и отдалась телом и душой проклятому злему духу, исчадию ада, и с ним многократно общалась телесно, обесчестив тем самым высшую святость, и навредила чарами своими многим людям и скоту, и научила других людей своему дьявольскому умению», за что приговаривается к сожжению на костре¹⁹. В общей статистике польских ведовских процессов XVII века казнь заканчивалось 46% рассмотренных дел, а в первой половине XVIII века – каждое второе дело о колдовстве и еретическом богоотступничестве завершалось смертным приговором²⁰.

Таким образом, представления о дьяволе формировались под влиянием дохристианских верований, догматов христианской церкви, а также разных локальных мифологических традиций и культур. В сложном сплаве мотивов и признаков, характеризующих средневековый образ черта, можно выделить определенные религиозно-книжные элементы (черт как воплощение зла и человеческих пороков; козлиный облик дьявола; мотив совращения праведников и подталкивания людей к греху; погоня за людскими душами; тематика, связанная с пеклом и посмертными муками грешников; присущие черту запахи смолы и гари и ряд др.) и отголоски народно-мифологических верований (звериные признаки, чернота или облик «чужого» в изображениях внешнего вида; множественность воплощений черта, связанная с тенденцией замещать любого персонажа нечистой силы; мотив сексуальных контактов с женщинами; сближение черта с образами домовых духов, которые, согласно популярным западнославянским верованиям, обогащают человека при условии, что он будет выполнять свои обязательства кормить духа правильной пищей). Именно мотив ритуального «кормления» духов для обеспечения себе земного благополучия является самым архаическим элементом в народной ритуально-магической практике славян. В русских судебных актах о колдовстве сохранилось интересное свидетельство о том, что в расчете на помощь дьявола люди-богохульники во время трапезы поднимали вверх первую ложку еды со словами: «Други мои, дьяволы, ешьте!»²¹.

По-видимому, следствием такого взаимодействия народно-мифологических и церковно-книжных верований является значительное расхождение в изображениях внешнего вида дьяволов, визуальный образ которых в средневековой иконографии, книжных гравюрах и художественных полотнах представлен в виде: то песьеголовых существ с крыльями летучей мыши, то как антропоморфные фигуры с козлиной головой, хвостом и раздвоенными копытами на ногах, то как летучая мышь или птицеподобное существо. В западноевропейских и западнославянских гравюрах XV–XVI вв. весьма популярным становится образ черта как человека в городской одежде — в сюртуке и шляпе, но на птичьих ногах (ср., например, иллюстрации из немецких и чешских средневековых источников, опубликованные в книге «Колдовские истории»²²). Аналогичные народные представления белорусов и украинцев о черте как человеке «со скотскими или птичьими ногами» фиксировались в Западном Полесье вплоть до конца XX в. (см. об этом подробнее в работах Н.И. Толстого²³ и Л.Н. Виноградовой²⁴).

Примечания

- ¹ *Zibři Č. Staročeské výroční obyčeje, pověry, slavnosti a zábavy prstonárodní. Praha, 1889. S. 196*
- ² *Ibid. S. 196.*
- ³ *Ibid. S. 197.*
- ⁴ *Baranowski B. W kręgu upiorów i wilkołaków. Łódź, 1981. S. 172.*
- ⁵ *Kočí J. Čarodějnické procesy: Z dějin inkvizice a čarodějnických procesů v českých zemích v 16-17 st. Praha, 1973. S. 16.*
- ⁶ *Ibid. S. 17.*
- ⁷ *Chmielowski B. Nowe Ateny albo Akademia wszelkiej scyencyi pełna. T. 3. Lwów, 1754. S. 138–139.*
- ⁸ *Francek J. Čarodějnické příběhy. Praha, 2005. S. 85.*
- ⁹ *Ibid. S. 141.*
- ¹⁰ *Horehronie: Kultúra a spôsob života l'udu. Bratislava, 1969. S. 293.*
- ¹¹ *Francek J. Čarodějnické příběhy. Praha, 2005. S. 142.*
- ¹² *Ibid. S. 73.*
- ¹³ *Ibid. S. 128.*
- ¹⁴ *Ibid. S. 73–74.*
- ¹⁵ *Kočí J. Čarodějnické procesy: Z dějin inkvizice a čarodějnických procesů v českých zemích v 16-17 st. Praha, 1973. S. 10.*
- ¹⁶ *Ibid. S. 70.*
- ¹⁷ *Ibid. S. 12–13.*
- ¹⁸ *Francek J. Čarodějnické příběhy. Praha, 2005. S. 116.*
- ¹⁹ *Kočí J. Čarodějnické procesy: Z dějin inkvizice a čarodějnických procesů v českých zemích v 16–17 st. Praha, 1973. S. 82.*
- ²⁰ *Baranowski B., Lewandowski W. Nietolerancja i zabobon w Polsce w XVII i XVIII w. Warszawa, 1950. S. 146.*
- ²¹ *Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. М., 2003. С.130.*
- ²² *Francek J. Čarodějnické příběhy. Praha, 2005. S. 37, 48, 71, 89, 125.*
- ²³ *Толстой Н.И. Каков облик дьявольский? // Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 250-269.*
- ²⁴ *Виноградова Л.Н. Облик черта в полесских поверьях // Живая старина. 1997. № 2. С. 60–61.*

Народная вера и магия в традиционных жанрах словацкой народной прозы¹

Abstract:

Zenjuhova K. *Folk Beliefs and Magic in traditional Genres of Slovak folk Prose*

The focus of this article lies on selected elements of folk beliefs that constitute the fundament of folk prose genres and, at the same time, represent a common research object shared by religious studies and folkloristics. The author sums up the research findings concerning those folk narratives of eastern Slovakia that are included in the folk prose collections of S. Cambel and V. Hnat'uk from the late 19th and early 20th centuries. Some problems of terminological and genological character are outlined and some classification peculiarities discernible in the Slovak scholarly discourse in regard to the folk narrative genres are discussed. The scope of the article is to identify traditional and non-traditional representations of folk belief elements in narrative tradition. Comparison will show several peculiarities in both the Slovak and Slavonic contexts.

Ключевые слова: фольклор, христианская культура, народная проза, народные верования, религия, фольклористика.

Развитие общественных наук в XX столетии дало теоретические и методологические импульсы также и исследованию традиционных жанров народной прозы. Они были основаны на интердисциплинарном подходе, что оказалось не только современным, но и полезным, особенно потому, что предоставляло возможности для исследования до сих пор не изученных источников, жанров и тем. В центре внимания нашей статьи – интерпретация избранных текстов народной прозы, в которых, кроме других эстетических категорий, существует возможность переоценить отношения религии – христианства и народной веры, разума и каждодневного опыта человека. В результате идеологических тенденций эти категории духовной культуры воспринимались и оценивались схематично, а исследования, связанные с верой, на десятилетия исчезли из поля зрения научных исследований.

Именно возможность задать новые вопросы о народной вере, поверьях и магии в народной повествовательной традиции привела нас к изучению аутентичных записей народной прозы. Необходимо подчеркнуть, что для народного словесного творчества характерны в основном устные жанры. Наше исследование, однако, опирается на письменный материал, который охватывает синхронный срез рубежа XIX–XX вв. Речь, таким образом, идет о письменных зафиксированных источниках, которые необходимо воспринимать и как свидетельство народной культуры, и одновременно – благодаря письменной фиксации – как свидетельство первоначально устно распространяемого фольклорного текста. Исследуемые нами записи соотносятся с культурой официальной, письменной.

Прежде чем приступить к интерпретации избранных текстов народной прозы, надо объяснить некоторые методологические принципы и понятия,

с которыми мы будем работать. Первым из них является понятие *народная вера*, которую мы понимаем как одно из проявлений духовной культуры народа. Словацкий исследователь Милан Ковач говорит, что к проявлениям народной веры принадлежит целый комплекс явлений, которые отражают веру человека в сверхъестественное². Понятие народная вера включает различные проявления ежедневной жизни, свойственные определенной общественной группе. На одном конце стоят магические представления о благоприятном воздействии некоторых сверхъестественных существ, которые посылают человеку счастье, здоровье, успех, любовь или хороший урожай, могут влиять на погоду. На другом конце стоят представления о злых силах, приносящих несчастье, болезнь, зло, смерть, которые могут отобрать у коровы молоко, наслать неурожай и под. Связь между апотропейной, лечебной и просперативной магией и так называемым «малефицизмом», или зловредной магией, была в прошлом настолько сильной, что можно говорить о двух полюсах одного магического универсума³. А поскольку человек живет в тесной связи с природой, общество как в прошлом, так и в настоящем живо ощущает и отражает также эсхатологические вопросы, связанные со смертью, готовностью человека к переходу от смерти к жизни вечной или к исчезновению. Система народной веры включает и веру в культ умерших предков, который берет начало в вере в жизнь души после смерти, вере в ходячих покойников, вампиров и доходит до различных проявлений профанной народной религии (таковыми, например, являются не признанные церковью чудеса и явления и под.)⁴.

При исследовании элементов народной веры полезно задуматься над их происхождением. Интересен сам вопрос происхождения явлений народной веры, а диахроническое сравнение избранных элементов, кроме того, всегда приносит достойные внимания результаты. Элементы народной религиозной культуры имеют древние исторические корни. Они попали в систему духовной культуры обычно на стадиях дохристианского развития общества и благодаря своей консервативности в определенных функциях и видовых вариантах дожили до настоящего времени. В результате структура системы народной веры исторически, культурно, общественно и регионально обусловлена. В зависимости от конфессиональных или этнических различий мы прослеживаем в отдельных культурных системах локальные особенности и специфику в виде различий или вариаций, а также и в содержательной интерпретации отдельных элементов народной веры. Характер и количество упомянутых отличий зависит от социальных отношений, философии и отношения к жизни, а также от обычаев общества.

Доказательством интереса общества к элементам народной веры и магии является тот факт, что они стали основой для многих форм народной повествовательной традиции. Для иллюстрации кратко упомяну тематику рассказов. Это прежде всего рассказы о тайнах старых шахт, штолен, о кладках, о драконах; это и воспоминания давних обрядов и магических практик (достижение невидимости, магия против глаза), или о встречах в ходячими покойниками, со сверхъестественными существами – со смертью, с ведьмами,

со змеями, карликами, с духами и вилами. За этими рассказами с жанровой точки зрения скрывается вся пестрая шкала жанров, некоторые имеют черты сказок, легенд или повестей.

В этой связи в словацкой научной среде открывается вопрос терминологического обозначения прозаических жанров, в которых содержатся рассказы о народной вере и магии. Наряду с определением категоризирующего понятия мы встречаемся с проблемой, связанной с жанровым синкретизмом и неопределенными жанровыми границами. Объем нашей статьи позволяет нам лишь кратко суммировать историю наименования нарративных жанров, которые отражают особый опыт и впечатления рассказчика (или другого лица) от встреч со сверхъестественными существами, с таинственными и необъяснимыми событиями и явлениями. В первых попытках классификации народной прозы повествования с мотивами народной веры относились к сказкам. Йиржи Поливка говорит «о сказках, о существах сверхъестественных или повелевающих сверхъестественными силами» (*rozprávkach o bytnostiach nadprirodzených alebo vládnucích silami nadprirodzenými*)⁵. А. Мелихерчик в хрестоматии «Словацкий фольклор» обозначает эти жанры как *демонологические сказки* (*démonologické rozprávky*)⁶. Позже в словацкой фольклористике однозначно было воспринято отнесение их к несказочным жанрам народной прозы⁷. В современной словацкой и чешской фольклористике исследуемые жанры включались также в разряд повестей, точнее, демонологических повестей⁸. В настоящее время фольклористка Вера Гашпарикова именно благодаря доминирующей исторической документальности жанра повестей склоняется к обозначению их как *поверий* (*poверové rozprávania*) или *преданий* (*poверové podania*). В чешской фольклористике по классификации Богуслава Бенеша упомянутые прозаические жанры относятся к повестям, а в качестве видового термина для обозначения рассказов о необычных, страшных переживаниях, которые с точки зрения рассказчика представляются как действительность, используется термин «нуминозная проза» (*numinózní próza*). В словацкой фольклористике в настоящее время для жанровой характеристики рассказов о народной вере и магии чаще всего используются термины *поверья, предания, былички* (*poверové rozprávania, poверové podania, poверové príbehy*).

С точки зрения истории собирания народных рассказов о магии и народной вере важно упомянуть, что первые собиратели народной прозы (романтическое штуровское поколение) обходили эти жанры стороной, сосредоточиваясь, в основном, на волшебных сказках, поэтому самые старые записи о практиках народной веры датируются рубежом XIX – XX вв., когда интерес собирателей не ограничивался только избранными жанрами народной прозы. Несмотря на то, что элементы поверий можно найти и в собрании П. Добшинского⁹, наиболее богатые записи содержатся именно в собраниях рубежа XIX–XX вв. Речь идет о сборниках Шт. Мишика¹⁰, Й.Л. Голубы¹¹, С. Цамбела¹² и В. Гнатюка¹³. Первой акцией систематического сбора произведений всех жанров народной прозы на территории Словакии можно считать межвоенную собирательскую дея-

тельность под руководством Ф. Вольмана¹⁴, результатом которой стали многочисленные записи поверий¹⁵.

Наше исследование опирается прежде всего на словесный материал – тексты народной прозы, записанные собирателями в конце XIX – начале XX вв. в восточной Словакии, которые записали лингвист Самуэл Цамбел и этнограф и фольклорист Володымир Гнатюк. Географическая, культурно-историческая, языковая и конфессиональная характеристики восточной Словакии говорят о регионе чрезвычайно интересном с точки зрения интерференции и мобильности между отдельными этническими, языковыми, культурными и конфессиональными общностями, которые веками жили на этой территории и оказывали друг на друга взаимное влияние. В этом регионе проживает много национально-культурных и этнокультурных сообществ – словаки, русины, украинцы, венгры, евреи, немцы, цыгане. Особое конфессиональное сложение населения, где наряду с традиционной католической церковью представлена церковь византийского обряда (православная и униатская), протестантская церковь аугсбургского (ветвь лютеранского – прим. перев.) и гельветского (направление кальвинистского – прим. перев.) исповедания, а до Второй мировой войны – также еврейская религиозная община – создает многоаспектную гетерогенность региона¹⁶.

Мы не будем подробно рассматривать официальное отношение церкви к проявлениям каждодневного вероисповедания, к которым, без сомнения, принадлежат и те, которые первоначально не входили в систему христианства и противоречили официально установленной религии¹⁷. Если человек объявляет себя последователем религиозной доктрины, то понятно, что ему следовало бы принимать лишь элементы соответствующей религиозной системы. Реальность, однако, свидетельствует об обратном. Многие верующие практикуют такие элементы народной веры, которые с точки зрения религиозной доктрины обычно неприемлемы. Поэтому церковь в стремлении предупредить спонтанные религиозные проявления старается институционализировать некоторые элементы народной религиозности. Именно под влиянием христианства значение оберега получили освященные травы, освященная вода, освященный мел (в рамках латинского обряда), а также некоторые молитвы, напоминающие языческие заговоры и заклинания¹⁸.

В византийско-славянской обрядовой среде можно указать на некоторые действия народной веры, включенные в богослужебную книгу, названную «Требник». Церковь интегрировала в них такие проявления практической религии, которые вытекают из ежедневных потребностей верующих, и тем самым предполагается их использование в соответствии с официальной церковной традицией и практикой. Например, из *Требника* Петра Могилы¹⁹ укажем службы, совершаемые для освящения предметов, предназначенных для ежедневных действий, с помощью которых изгоняли злых духов из орудий труда, жилища и из человека, благословляли паломника перед дорогой, освящали травы, вызывали дождь, отгоняли тучи во время жатвы и под. Таким образом, мы можем сказать, что и официальная религия до определенной степени

функционировала как медиатор, который открывал доступ к сверхъестественной силе, и именно христианская церковь на основе упомянутых примеров выработала целый ряд путей распространения магических практик.

В нашей статье мы попытались, на основе подробного изучения и истолкования избранных текстов народной прозы, указать на наличие в них элементов народной веры, в которой пересекаются элементы официальной (институциональной) религии с народной религиозностью. Интересным представляется феномен паломничества, который в народной среде понимается как средство катарсиса, которое избавляет человека от тяжести греха и возвращает ему утраченный статус в обществе. Интересны также рассказы о любовной магии, которая помогает получить склонность противоположного пола. Во многих повествованиях из восточной Словакии отмечены также народные представления о смерти, посмертном существовании, душе, рае и аде.

Паломничество в святые места в народных нарративах

Со времени зарождения христианства паломничество к святым местам принадлежит к религиозным проявлениям, в которых пересекается каноническая форма почитания с народной религиозностью. Традиция паломничества к святым местам развилась на христианском Западе и на Востоке. В этой связи важно, что паломничество первоначально развилось как посещение мест, связанных с рождением, земной жизнью и местом мучения Христа, позже также как посещение могил мучеников и святых, с чем был связан и рост почитаемости их реликвий. Особенно интересен фольклорный материал, в котором изображается образ паломника. В общем можно сказать, что мотив *паломничества* (профанного и святого) в фольклорной традиции встречается сравнительно часто. На долговременное паломничество были обречены такие герои народных рассказов, которые как-то провинились перед обществом или церковью. Место паломничества обычно конкретно не определяется, т.к. речь идет о путешествии в отделенные места (например, в пустынь)²⁰. В народной среде паломничество часто воспринимается как средство катарсиса.

Прощение, очищение или катарсис в народных рассказах становится возможным в связи с тем, что герой сюжета за свой грех совершает паломничество в святое место. Таков рассказ из собрания С. Цамбела²¹, который он записал в селе Велький Шариш в 1892 г. Паломничество в святое место в этом рассказе затруднено условием, что паломничество к Папе Римскому за отпущением грехов должно было быть совершено на коленях («... vtedy ci bude hrich odpuščeni, jak pujdeš na spovidz ku rimskomu otcovi na holich koľenoch»). После катарсического исполнения паломничества и после исповеди грешница умирает, а в знак очищения души из ее тела вылетает голубь («...po rozhrešeňu umarla a z nej šivi holub viľecel»). Посещение святых мест связано с обрядами очищения, поскольку избавляет человека от тяжести греха и отношений с обществом и соединяет его с Божьим провидением, Святым Духом и природой.

Также и В. Гнатюк в 1899 г. в Шаришской столице в селе Шамброн записал рассказ П. Бобульского, который назван «*Чудо М. Повчанскої Богородици*»²².

Это рассказ об одном хозяине, который собрался в паломничество к иконе Девы Марии в Поче (Венгрия). Паломничество было связано с чудом слезоточения иконы Богородицы. Путник шел один, в сопровождении Бога. В лесу его застала ночь, он разложил костер и лег спать. Вдруг появился разбойник и стал требовать денег. Утверждениям паломника, что у него только 20 крейцеров, он не поверил. В его голове вертелась мысль, что паломник должен нести дары иконе Богородицы, поэтому утверждению, что Деве Марии он дарует свое сердце, разбойник не верил. Разбойник решил убить свою жертву. К удивлению, в карманах убитого он действительно нашел только 20 крейцеров. Тогда он положил тело мертвого на плечи, решив спрятать его где-нибудь в лесу. Когда же он захотел сбросить труп с плеч, то понял, что тело мертвого хозяина приросло к нему. Разными способами он пытался избавиться от этой ноши, но безрезультатно. Наконец он пришел в деревню, где люди сходились посмотреть на удивительное явление. Разбойник пошел к священнику, и тот посоветовал ему совершить с этим человеком на спине паломничество, туда, куда шел убитый хозяин. После совершения паломничества и исповеди труп отпал от тела разбойника. При паломничестве в святые места каждый из нас несет на своих плечах множество забот, грехов и терзаний, тот самый труп, который разбойник в повествовании влачил на себе. После действительного катарсиса и обновления они с человека спадают.

Любовная магия в народных рассказах

О том, что магические обряды «помогают» также и в делах любви для получения склонности человека противоположного пола, свидетельствуют два рассказа и собрания С. Цамбела, записанных в Бардеёве и в Лемешанах. Оба повествования Й. Поливка относит в своем «Перечне» к группе демонологических сказок со сверхъестественными элементами, которые развивают сюжет о мертвом женихе и о девушке-цветке²³. Речь идет о двух версиях одного повествовательного сюжета, обе записаны в Шаришской столице. В рассказе из Бардеёва молодая девушка, мечтающая о любви, с помощью старой женщины «ведьмы» (*vražkyne*)²⁴ обращается к магическим силам. Ведьма призывает ей парня-черта, за что ее постигает жестокое наказание – смерть всей семьи. Чувствуя приближение своей смерти, девушка вновь обращается к старой ворожее, которая советует, чтобы она после своей смерти запретила нести свое тело над порогом, но чтобы ее, мертвую, протянули под порогом и не хоронили ее, как обычного человека, на кладбище, а похоронили на перекрестке.

Перекресток дорог представляет собой место, где пересекаются пути живых и мертвых. Этот элемент часто используется в магических заклинательных обрядах. В традиционном народном мышлении с перекрестками дорог связаны убеждения о том, что здесь задерживаются злые духи, которые не знают, какую дорогу выбрать. На могиле девушки вырос пахучий цветок, который привлек внимание молодого принца. Он сорвал его и тем вернул ей человеческий облик. Молодая девушка со своим женихом – принцем искали

помощь от преследовавшего их черта у священника, который их исповедал и для оберега от черта дал девушке в руки крест. Крест как один из наиболее универсальных христианских символов, представляющий победу над смертью и надежду на искупление, в народных магических обрядах выполняет функцию апотропея от демонов: «Как ехали они по дороге к костелу, летит прямо к карете черт и хочет ее вырвать из кареты – но не мог до нее добраться, потому что был у нее Господь Христос в руках»²⁵. Если повествование из Бардеева кончается хорошо, вариант, записанный в Лемешанах имеет трагическую, балладную концовку. Й. Поливка считает его менее полным, а из-за трагического завершения сюжетной линии относит его к более старым вариантам рассказа о девушке-цветке. Позитивно оканчивающееся повествование из Бардеева дает возможность победы христианской веры над миром злых духов темноты. Старшая, трагическая версия рассказа из Лемешан указывает на несовместимость магии с христианской верой и религией; в заключении дается поучение: «Девушки! Если у вас нет парня, не жалейте себя и дьявола себе не призывайте. Придет и парень, только надо подождать!»²⁶.

Небо и пекло в народных нарративах

В народной традиции славян жизнь после смерти рисовалась как спокойный и беззаботный отдых души в раю, который был проекцией земной жизни²⁷. До принятия христианства мысль о разделении душ по этическим и моральным критериям отсутствовала. Позже, под влиянием христианства и этического дуализма славяне восприняли представления о пекле, месте, где люди принимают расплату за злые дела, которые они сделали во время своего земного существования. Учение об аде является составной частью Святого писания, им тщательно занимается теология, поэтому мы знаем множество точек зрения на эту проблему. Католическая церковь учит, что существует место – чистилище, где души грешников имеют возможность очиститься и, наконец, идут на небо к благословенным Богом. По учению византийской церкви душа грешника сорок дней после смерти делает двадцать остановок – проходит через двадцать *мытниц*, пока не прибудет к последнему суду. После него она определенно попадает на небо или в ад, который вечен²⁸. Прохождение этих мытниц является изображением жизни человека, поэтому каждый верующий во время своей жизни становится паломником, переносящим повседневные радости и невзгоды, чтобы его сорокадневное путешествие после смерти закончилось небесным пиром.

Эсхатологические вопросы, связанные со смертью, вошли глубоко в мышление носителей народной традиции. Об этом свидетельствует и рассказ о путешествии человека в загробный мир, записанный в восточной Словакии, в Маргечанах²⁹. Мать и подруга главного героя общались с чертами, поэтому должны были умереть. Потеряв всех своих близких, герой тоже захотел умереть. Он пришел в костел к священникам, и те ему сказали, что он должен три дня лежать в костеле, и только потом умрет. После смерти герой попал в ад. Там он встретил мать и свою любимую, но это были черти. Всех остальных

существ – коров и быков, которых он встретил в пекле, он пугал словами: «Боже, будь милостив ко мне, грешному!» Речь идет о библейской цитате, которая звучит из уст мытника в притче от Луки о мытнике фарисее³⁰, и подчеркивает покорность и признание зависимости человека от Бога. Это формула молитвы, которая присутствует также в литургии (в восточном обряде, например, в молитве перед принятием св. евхаристии). Эта формула более известна из так называемой Иисусовой молитвы, типичной для православной среды. В фольклорном тексте, однако, она выполняет роль оберега – заклинания против существ ада. При путешествии по загробному миру герой приходит к большому мосту, состоящему из бритв и ножей. Когда он хотел пройти через мост, ножи и бритвы поднялись. Через этот мост вела дорога в небо: «Пришел к одному большому мосту. Там не было ничего, кроме бритв и ножей. И когда он пошел через мост, то бритвы и ножи поднялись. Под мостом он увидел свою мать, она стояла по колени в земле. Через этот мост он пошел прямо на небо»³¹. Образ моста в народных представлениях соединяет реальную земную жизнь со сверхъестественным миром, представляет, собственно, место контакта человека с магическими существами. В народной традиции распространено представление, что вокруг мостов и под мостами пребывает нечистая сила (ведьмы, русалки под.)³². В мифологической традиции славян (особенно восточных и южных) распространен мотив перехода души на тот свет по мосту, который может быть широкий или, наоборот, узкий, как волос, и опасный, как скользкое бревно или тонкая дощечка. Обычно мост переброшен через бурную или огненную реку или через глубокую пропасть, и души праведных переходят на тот свет: а при переходе несправедной, грешной души мост сужается, и она падает в пропасть³³. В словацкой культурной среде с мотивом перехода душ в другой мир по мосту мы встречаемся в единичных случаях. Именно рассмотренный рассказ из Маргецан свидетельствует о существовании мифологического представления о переходе души в вечность по мосту. Мать главного героя осталась под мостом, так как нечистая душа (ведьма) неспособна попасть на небо. Главный герой, согласно народным рассказам, оставался на небе один год, потом Бог-Отец послал его обратно на землю при условии, что он не будет рассказывать людям о том, что видел на «том» свете. Когда священники спрашивали его, что он видел, тот отвечал: «... да так, как и здесь: несправедливость и справедливость»³⁴. Знания героя, полученные при путешествии на тот свет, подтверждают старое архетипическое дуальное устройство мира. В этической дуальной системе ад является отражением «злого» в противоположность «доброму» небу и является символическим изображением человеческих представлений о том, что земная несправедливость будет наказана на «том» свете.

В заключении подытожим, что выбранные народные рассказы, в которых человек пытается достигнуть успеха с помощью демонических существ, с одной стороны, подтверждают, что магия исходит от дьявола и принадлежит к явлениям, которые ведут человека к гибели (рассказ из Лемешан). С другой стороны, рассказ из Бардеёва показывает возможность победы христиан-

ской веры над миром демонических существ и магических действий. Симбиоз христианской символики с нехристианскими реликтами является очевидной и с точки зрения рассказчика не противоречит системе христианской веры.

На основе интерпретации рассказов о народной вере можно говорить о том, что для феномена народной веры и магии характерен сильный культурный синкретизм. На конечный вид культурной системы повлиял практический, годами проверенный опыт, вера и рационализм, исходящий, например, из принципов симпатической магии. Магические и религиозные практики сосуществовали друг с другом, использовались параллельно, не являясь взаимоисключающими в контексте современных представлений, а результат воздействия магических практик даже усиливался в комбинации с христианскими молитвами и с использованием христианских символов. В системе народной культуры в любом случае магия и практика народной веры не конкурируют с официальной религией в смысле противоположности в мировоззрении. Они представляют собой альтернативные средства, которые с точки зрения носителей культурной системы полностью легитимны. Граница между магией и религией не соответствует современному пониманию, ее вообще нелегко установить. Например, использование освященной воды или освященных трав от сглаза может оцениваться как официально допустимое церковью, как предрассудок или как магия. Нашей задачей не было установление того, какие действия являются магическими, а какие нет, мы пытались понять, какова суть их функционирования в данной социокультурной среде. Для понимания и правильной интерпретации фольклорной прозы о народной вере действительно необходимо сотрудничество ряда научных дисциплин. Народная вера, соединенная с магическими практиками, – показательный пример научной проблемы, которую можно решить только с помощью диалога между фольклористами, религиоведами, теологами, социологами, историками и антропологами.

Примечания

¹ Исследование выполнено в рамках проекта VEGA 2/0112/2009-2012 «Об истоках словацкой народной прозы – рукописное собрание Самуэла Цамбела» (Sources of Slovak folk prose – the manuscript collection of Samuel Cambel).

² Kováč M. Bádanie o poverách na rázcestí // Zlatý baran. Príbehy ľudovej viery a mágie spod hory Radzim. Zostavil, úvod, komentáre a záverečnú štúdiu napísal Milan Kováč. Brdárka: o. z. Radzim, 2004. S. 184.

³ Tomiček D. Víra, rozum a zkušenost v lidovém lékařství pozdně středověkých Čech. Ústí nad Labem, 2009. S. 33.

⁴ Kováč M. Op. cit. S. 184–186.

⁵ Polívka J. Súpis slovenských rozprávok. 4. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1930. S. 109.

⁶ Melicherčík 1959. S. 174.

⁷ Michálek J. Na križných cestách. Poverové rozprávanie slovenského ľudu. Bratislava: Tatran, 1991. 156 s.; Gašparíková V. Slovenská ľudová próza a jej súčasné vývinové tendencie. Bratislava, 1986.

⁸ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. 1. Ed. Ján Botík, Peter Slavkovský. Bratislava, 1995. 484 s.; Leščák M. O asimilácii folklórnej a literárnej komunikácie: folklóristické pohľady. Bratislava: Prebudená pieseň, 2001. 175 s.; Gašparíková V. Op. Cit.; Kiliánová G. Centrálny archív ľudovej prózy a jeho počítačové spracovanie // Folklórne žánre-archívy-katalógy. Oral Literature-Genres-Archives-Catalogues.

Bratislava, 1991. S. 153–169; *Kiliánová G.* Ľudová próza. In: Stoličná, R. (ed.): Slovensko. Európske kontexty ľudovej kultúry. Bratislava, 2000. S. 282–300; *Beneš B.* Česká lidová slovesnost. Praha, 1990. 363 s.

⁹ Prostonárodné slovenské povesti. Usporiadala a vydala Pavol Dobšinský. Zošit 1-8. Turčiansky Sv. Martin, 1880-1883.

¹⁰ Slovenské povesti I. Zo Spišského Hnilca. Sobral Štefan Mišík. Ilustr. Jozef Hanula. Tlačou a nákladom knižtlačiarne Karola Salvu v Ružomberku, 1908; Slovenské povesti zo Spišského Hnilca. Sobral Štefan Mišík. Turčiansky Sv. Martin : Muzeálna slovenská spoločnosť 1911; Slovenské povesti zo Spišského Hnilca. Sobral Štefan Mišík. (Pokračovanie). In: Sborník Muzeálnej slovenskej spoločnosti. Roč. XVII. Turčiansky Sv. Martin 1912. S. 3-21.

¹¹ *Holuby J. L.* Národopisné práce. Ed. Mjartan, J. Bratislava, 1958. 77 s.

¹² *Cambel S.* Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Turčiansky Svätý Martin, 1906.

¹³ *Гнатюк Володимир:* Етнографічні матеріали з Угорської Русі. Том. 1-6. Етнографічний збірник Наукового тов. ім. Шевченка. Львів, том 3, 1897, 236 с.; том 4, 1898, 254 с.; том 9, 1900, 284 с.; том 25, 1909, 248 с.; том 29, 1910, 318 с.; том 30, 1911, 355 с.

¹⁴ Все собранные тексты архивированы в Институте этнологии САН в Братиславе в отдельном архивном фонде. Спустя полстолетия вышел трехтомник избранных текстов из *вольмановского собрания*, подготовленные к изданию В. Гашпариковой и Б. Филовой (Gašpariková – Filová 1993; Gašpariková – Filová 2002; Gašpariková – Filová 2004).

¹⁵ Slavista Frank Wollman v kontexte literatúry a folklóru. I, II. Ed. Hlôšková, H. – Zelenková, A. Bratislava – Brno: Ústav etnológie SAV, Slavistická spoločnosť Franka Wollmana v Brne, Česká asociace slavistů, Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2006, 155 s., 76 s.

¹⁶ Jazykové, etnické a konfesijné procesy v byzantsko-slovanskom prostredí karpatského regiónu v 18. a 19. storočí. In: Žeňuch, Peter (Ed.): XIV. medzinárodný zjazd slavistov v Ochride. Príspevky slovenských slavistov. Bratislava: Slovenský komitét slavistov / Slavistický ústav Jána Stanislava SAV. 2008. S. 109-133.

¹⁷ Католическая церковь, к которой принадлежат и униаты, формулирует свое отношение к проблематике народной веры в официальном провозглашении о народной вере «Директория о народной вере и литургии». Документ одобрила Конгрегация богослужения и дисциплины таинств на своем пленарном заседании 26-28 сентября 2001. Он содержит основные принципы и руководства, которые в соответствии с литургией объясняют сущность и смысл народной религиозности. Церковь допускает опасность предрассудков в практиках народной веры, но целью церкви является не осуждать формы народной веры, которые сопровождают жизнь церкви уже столетия, а подчеркнуть их ценность и пользу. Несоответствующие формы религиозности, таким образом, должны не устраняться, а очищаться. В правильном виде они помогают человеку проявить личностное отношение к Богу и внутренне приблизиться к таинствам веры. См. *Direktórium a ľudovej zbožnosti a liturgii. Zásady a usmernenia.* Trnava: Spolok sv. Vojtecha – Vojtech, 2005. S. 5-10.

¹⁸ *Horváthová E.* Zvykoslovie a povery. Liečenie a pranostiky. In: Slovensko. Ľud – 2. časť. Bratislava, 1975. S. 985–1042.

¹⁹ *Euchologion seu Rituale a Metropolitae Petro Mohyla curatum.* Kioviae, 1646.

²⁰ *Cambel S.* Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Turčiansky Svätý Martin, 1906. S. 262 – 265.

²¹ *Cambel S.* Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Turčiansky Svätý Martin, 1906. S. 274 – 279.

²² *Гнатюк Володимир:* Етнографічні матеріали з Угорської Русі. Том. 1-6. Етнографічний збірник Наукового тов. ім. Шевченка. Львів, том 9, 1900. S. 29 – 30.

²³ *Polivka J.* Súpis slovenských rozprávok. 3. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1927. S. 348 – 353.

²⁴ Толкователи повествования обозначают магию и магические действия понятие *ворожба* (*vražky*), а выполняющих магические действия – колдунами или *ворожеями* (*vražec*). Происхождение лексемы *ворожей* (колдун) и производных от нее *ворожея*, *ворожить* следует искать в церковнославянском *ворожба*, *вражба*, *враг*. Они имеют значения 'маг, злой дух, зломысленный человек, противник, демон'; они отказываются служить истинному Богу, совершают чудеса и фальси-

фицируют истинное христианское учение. См. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). Репринтное издание 1900 года. Москва: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993; Stanislav, J. Verežňa – Várkoň. In: Slovenská reč, roč. 10, 1943, č. 5-6. S. 130.

²⁵ Cambel S. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Turčiansky Svätý Martin, 1906. S. 312.

²⁶ Op.cit. S. 328.

²⁷ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. 2. Ján Botík, Peter Slavkovský. (Eds.). Bratislava, 1995. S. 29, 65.

²⁸ Антоний игумен. Суд за гробом или мытарства преподобной Феодоры. Житомир: Житомир-Рико-Пресс-Реклама 1996. 64 s.

²⁹ Cambel S. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Turčiansky Svätý Martin, 1906. S. 240 – 241.

³⁰ Евангелие от Луки 18:13.

³¹ Cambel S. Op.cit. S. 241.

³² Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Том 3. Москва, 2004. С. 303-307.

³³ С образом моста мы встречаемся также в учении древнеперсидской религии, согласно которому умершие должны были перейти через мост Чинват, который при переходе злых душ сужался до острия ножа и заставлял их падать на дно пропасти. См. Biedermann H. Lexikón symbolov. Bratislava: Obzor, 1992. S. 225.

³⁴ Cambel S. Op.cit. S. 241.

Орнаментальные стилистические приемы создания художественного образа в «Повести известна о победах Московского государства»

Abstract:

O.A. Tufanova. *Ornamental stylistic methods of creating an artistic image in the «Known tale about victories of the state of Muscovy»*

The article discusses the phenomenon of ornamentation in the “Known tale about victories of the state of Muscovy”, using the example of a demonstrative stylistic method of creating an artistic image – a system of verbal repetition and amplification of positive adjectives, arranged in a thematic gradational chain. Such combination reveals a global “super-sense” in the author’s interpretation of the appearances of various historical characters.

Ключевые слова: «Повесть известна о победах Московского государства», амплификация положительных эпитетов, повтор, орнаментальный прием.

Феномен орнаментальности в разные периоды развития русской литературы проявляется с разной степенью интенсивности и самостоятельности. «Бунташное» XVII столетие, начавшееся государственной Смутой и закончившееся стрелецким восстанием в 1698 г., предопределило и бунтарский характер литературы, нашедший отражение в росте индивидуального субъективного начала в оригинальных произведениях, посвященных одной теме, причудливом переплетении традиционных (черты средневекового абстрагирования) и новаторских (приметы бытовой и социальной конкретики) приемов изображения человека, в смешении разных стилей внутри одного памятника и т.д. Уже в исторической публицистике, отразившей события Смутного времени, в рамках одного произведения обнаруживаются особенности разных стилистических систем. Вместе с тем в памятниках этого тематического цикла прослеживается тенденция к совмещению при изображении конкретного исторического лица приемов орнаментальности, восходящих к стилю «шлетья словес», и лаконичных, но значимых повторов, характерных для жанра воинской повести, которые создают единую лейтмотивную систему в характеристике того или иного персонажа.

Использование различных видов повторов, синтезирующих определенное семантическое поле вокруг одного персонажа, как один из ярчайших способов организации художественного пространства текста наблюдается в созданной неизвестным автором во второй четверти XVII столетия «Повести известна о победах Московского государства». В ней на доминантном фоне рассказа о действиях смоленских воинов в годы Смуты выделяются три исторические фигуры: царь В. И. Шуйский, воевода М. В. Скопин-Шуйский и инициатор, по мнению автора, народного движения К. Минин.

В данной статье речь пойдет об орнаментальных приемах создания образа талантливого русского воеводы Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, оставшегося в памяти народной, по выражению профессора В. С. Иконникова, «незапятнанным героем в кратком эпизоде целой драмы»¹. В конце своей яркой, но короткой жизни он предстал «сразу в нескольких лицах»: как «правитель огромного края, наставник войска», «удачливый финансист», «умелый дипломат»², как «превосходный полководец»³ и, главное, как «народный герой и надежда России»⁴.

Преждевременная смерть воеводы потрясла очевидцев и участников событий русской Смуты, как соотечественников, так и иностранцев, восхищавшихся его блистательными достоинствами. Гетман Жолкевский свидетельствовал: «Сей Шуйскій-Скопинъ ... былъ наделенъ отличными дарованиями души и тѣла, великимъ разумомъ не по лѣтамъ, не имѣлъ недостатка въ мужественномъ духѣ, и былъ прекрасной наружности...»⁵. Элиас Геркман утверждал, что Скопин-Шуйский «прекрасно» исполнял свои обязанности, «как следовало храброму человеку»⁶ и делал «превосходные распоряжения в делах военных»⁷, что «он, благодаря своему благонамеренному и осторожному управлению, глубоко чтим и уважаем всеми (как иностранцами, так и русскими»⁸. И даже Конрад Буссов, в целом не склонный восхвалять русских воевод, писал, что «немцы и другие народности, а также и множества самих москвитов уважали его за мудрость и храбрость больше, чем Шуйского»⁹.

Для соотечественников же Скопин-Шуйский был «богоданным» воином земли Русской. Многие считали его более достойным царского престола, чем его дядю Василия Шуйского. Такова, например, точка зрения дьяка Ивана Тимофеева, повторившего при характеристике воеводы в своем «Временнике» схему описания «истинных» царей – Ивана Грозного и его сыновей Ивана Ивановича и Федора Ивановича¹⁰.

Отсюда берет свои истоки и наиболее яркий принцип изображения героя в «Повести известна о победах Московского государства...»¹¹ (далее – «Повесть о победах...») – прием лейтмотивной амплификации положительных эпитетов, восходящий к агиографической орнаментальной традиции «плетения словес», создающий панегирический портрет¹² героя эпохи Смуты.

В повести встречаются три типа эпитетов:

1) сложные и составные эпитеты: «благочестив, многосмыслен, и доброумен» (6); «многоумна, и доброразсудна» (9), «доброразумным смыслом» (13) и др.;

2) эпитеты с усиливающей положительный оттенок приставкой *пре-*: «премудра ... премудрости» (9); «боярская премудрость» (12), «предивную ... милость», «пресветлыя храбрости» (15) и т.д.;

3) простые, «прозрачные» по своей семантике эпитеты: «бодра, и храбра» (9); «силу и храбрость» (12) и т.п.

Как правило, в каждом эпитете содержится характеристика какого-либо особого качества народного героя. Они выстраиваются в определенной смыс-

ловой последовательности: на первое место ставятся группы эпитетов с лексемой «ум», на втором месте – с лексемой «храбрость», на третьем – с лексемой «доброжелательность, приветливость, обходительность», на четвертом – с лексемой «милосердие».

Частый элемент в цепочке характерологических эпитетов – упоминание о даровании Богом Скопину-Шуйскому разных качеств. Чаще всего это либо мудрость к ратному делу [«...многую мудростию от бога одарен к ратному делу...» (6)], либо красота [«...и многую красотой от господя одарена...» (9)], либо сочетание мудрости и воинского таланта [«...данною ему от бога мудростию и грозю...» (14)].

Вот один из многочисленных примеров амплификации положительных эпитетов: «...воевода князь Михайло Васильевич благочестив, и многосмыслен, и доброумен, и разумен, и многую мудростию от бога одарен к ратному делу, стрйством и храбростию и красотой, приветом и милостию ко всем сияя, яко милосердный отец и чадолюбивый» (6).

Количественно преобладают эпитеты, восхваляющие ум и мудрость князя. Однако тема ума звучит не только в общих характеристиках Скопина-Шуйского, построенных по принципу эмоциональной и семантической градации постепенного усиления экспрессии, но и в однословных характеристиках его речей: «многосмысленные словеса» (9), «от уст своих премудрыя своя, и добросмысленныя, и жалования словеса» (11), «премудрых его словес» (11), «благоразумными словесы» (12), – и в пространных характеристиках его полководческого таланта: «...вся полки своя премудро и стройно учредив ... и своим боярским премудрым смыслом утверждаше их...» (12).

Порой тема ума тесно переплетается с темой храбрости. Стилистически это выглядит или как использование слов «ум» и «храбрость» в качестве однородных членов предложения [«боярским промыслом и храбростию» (11), «боярскую премудрость и многую его силу и храбрость» (12), «премудраго и храбраго» (12), «предивной его мудрости и храбрости» (15), «храбрость и премудрость» (16)], или одно из слов выступает в роли эпитета по отношению к другому [«премудрые храбрости» (16), «премудрыя храбрости» (18)]. Такое соединение разноплановых качеств, отличающееся постоянством в тексте, говорит, скорее всего, о том, что автору было трудно сделать выбор между ними, было трудно выделить одну доминантную черту.

Реже среди эпитетов встречаются отглагольные существительные, связанные с государственной оценкой дел Скопина-Шуйского и сферой человеческих чувств граждан. Они появляются в описаниях пребывания Скопина-Шуйского в Москве. Например, описывая встречу москвичами воеводы, автор завершает уже привычную цепочку положительных эпитетов сначала существительными, определяющими государственную значимость побед воеводы: «...Московскому государству оборонителя, и государевым неприятелем устрашителя, и ко врагам огрозителя», а затем приводит существительные, характеризующие особенности восприятия героя простыми людьми: «...от многая скорби и печали утешения ждуще, и от многия своя скудости богате-

ства чающе, и от глаза насыщения, и от разорителей Московскому государству избавления» (14).

Таким образом, благодаря умелому использованию приема амплификации автору повести удается представить в сконцентрированном виде основные добродетели князя.

Впервые автор «Повести о победах...» прибегает к этому приему, вводя в повествование имя воеводы. Нагнетание положительных эпитетов выполняет в исходной характеристике роль визитной карточки, однозначно представляющей героя и диктующей дальнейшее его восприятие читателем.

Вместе с тем, градационные цепочки появляются в повести с целью подчеркнуть, что Скопин-Шуйский – Христов воин. Первый эпитет в повести, характеризующий героя, – «благочестив» (6). Он сам уповаet на помощь Бога и советует также поступать и своим ратным людям. Он сам «много молящийся умиленною душою и сокрушенным сердцем» (14) Господу Богу, Богоматери и чудотворцу Сергию о даровании победы над врагами земли Русской. И так же воевода советует поступить и смолянам, чей город осадили иноземцы: «... повеле ... ждати от бога милости и одарения на государевы неприятели» (13). В конце рассказа о Скопине-Шуйском религиозная характеристика усиливается. Автор сосредоточивает внимание на истинно христианском поведении и отношении воеводы к себе и людям: «Он же, милосердый и незлобивый и от бога посланны воевода, не высокоумием возношася, ни гордостию гордяся, но паче себе уничижаше и многуо честию всех почиташе, и ко всем приятелей, и приветлив, и сладкоглаголив бываше, и добросмысленным своим разумоме всех утешаше, любовию и благочестием...» (17).

Одним из важных и многократно упомянутых в повести качеств князя является милость, милосердие. Значимость его в характеристике воеводы подчеркивается разными художественными средствами. Как самостоятельная значимая стилистическая единица эпитет «милостив» появляется в конце рассказа о Скопине-Шуйском. Так, повествуя о зависти бояр к чести и славе воеводы, автор пишет: «хотяще поглотити ... ко всем милостива доброразсудителя» (17). И далее – «Он же, милосердый...» (17). Наконец, последний эпитет в рассказе о дне смерти воеводы [«милостивый государев боярин» (17)] по принципу антитезы подчеркивает немилосердность, жестокость бояр, задумавших погубить любимого народом полководца. Порой эпитет «милостив» может быть усилен дополнительным положительным эпитетом с приставкой *пре-* и местоимением «ко всем», носящим характер всеохватности: «предивная его милость ко всем» (15). Иногда эпитет обогащается дополнительным оттенком смысла путем введения сравнения героя с чадолюбивым отцом, при этом сам эпитет «милостив» может вовсе отсутствовать: «... милостию ко всем сияя, яко милосердый отец и чадолюбивый» (6), «Благоумильными словесы утешати их, яко чадолюбивый отец ... и на безпечалие их превращаше» (13).

Довольно часто автор повести, описывая поступки Скопина-Шуйского, замечает, что князь «силою божию вооруживша» (12). В особо тяжостные минуты боя, когда поляки и литовцы начинали одолевать русское войско, Скопин-

Шуйский обращается за поддержкой к Богу. Так, например, было под Тверью: «Князь Михайло же Василевич от бога силою свыше укрепился и многою храбростию вооружися...» (11).

В повести намеренно создается ощущение, что именно Господь руководит всеми действиями Скопина-Шуйского: «...мудрым промыслом боярина князя Михаила Васильевича многи победы бог дарова...» (13). В то же время воевода показан человеком, способным очень чутко улавливать Божье наставление. Так, автор замечает: «...князь Михайло Васильевич, видевше велию помощь божию и одоление на государевы неприятели...» (12). Многократно в повести звучат значимые повторы: «от бога одарен» (6), «от господа одарена» (9), «от бога одаренный» (14), «от бога дарованным» (15), «от бога посланный» (17). И, наконец, в рассказе о смерти: «богомудрый, и богопосланный» (17).

Довольно часто прием амплификации положительных эпитетов используется для того, чтобы объяснить причины радости людей. Скопин-Шуйский предстает под пером автора как «человек-праздник», поскольку он несет всем без исключения радость и утешение. Это касается и «своих», и «чужих». Немцы, которых воевода призывал по приказу Василия Ивановича Шуйского на помощь, увидев его несомненные достоинства: ум, премудрость, «боярской привет», «многосмысленные словеса», храбрость, – «почудишася многой его премудрости и привету» и «с радостию приидоша» к нему и «наипаче возрадовашася и з большим радением ему послужиша» (9). Автор дважды повторяет в рядом стоящих предложениях с незначительными перестановками и добавлениями один и тот же набор положительных качеств русского воеводы и дважды пишет о радости, испытанной при виде Скопина-Шуйского иноземцами. Собравшиеся в Торжке русские и немецкие ратные люди «с радостию послушаша» «премудрых ... словес» Скопина-Шуйского и вскоре «под Тверь поидоша» (11). Под Александровой слободой, когда был «бой велик и сеча зла», воевода «благоразумными словеса полки своя утешаше» (12).

Конечно, Скопин-Шуйский воздействовал на своих воинов не только силой мудрого, приносящего утешение слова. Главное его средство психологического воздействия на ратных – личный пример силы и храбрости, против которой «никакия ... полки» врагов не могли устоять.

Особенно эмоционально описывает автор повести чувства москвичей, приветствовавших приезд воеводы. Царь Василий Иванович Шуйский, узнав о пришествии воеводы, «многую радостию возрадовася». Народ «от мала даже и до велика ... вси вострепеташа сердца своими, свозрадовася радостию неизглаголанною и от многия радости не можаху удержатися от слез. И вси с радостию поидоша на встречу ему...» (14), «вси с радостию возопиша ... Се уже печальная наша на радость предложисаша ... и безпечальный быша ... ина многа радостная словеса испущающе, и вси радости многи исполнишася» (15).

В этом смысле прием тавтологической звукописи, построенный на нанизывании однокорневых слов, отнюдь не свидетельствует об авторском неумении описывать сильные чувства людей, на что указывает отсутствие подобных фрагментов в других местах повести. Подобные риторические излишества

встречаются исключительно во фрагментах повести, отражающих восторженные встречу и приятие Скопина-Шуйского простыми людьми, которые воспринимают его как избавителя от иноземной интервенции, как человека, который печаль «преложил» в радость. И дело здесь не только в хорошо известном русским книжникам искусстве «плетения словес» при создании панегирических характеристик, но и в том, чтобы оттенить прямо противоположные чувства врагов земли Русской. Они всегда испытывают при встрече со Скопиным-Шуйским страх и ужас.

Так, под Александровой слободой польские и литовские люди, видя его премудрость и храбрость, «страхом и ужасом многим ужасошася и устрашишася, трепетни быша, и падоша...» (12). Тавтологические повторы, обычные при описании чувств врагов, усиливают впечатление величественности и непобедимости Скопина-Шуйского. Этому же способствует и повтор одного и того же сравнения: враги «яко дым исчезающе» (12). Такой же художественный эффект имеют и повторы семантически и эмоционально близких слов в одном предложении: «... нападe на полских и литовских людей *страх* и *ужас* велик во всех их полках, *страх* и *трепет* от многия к ним грозы...» (12). Когда слава о Скопине-Шуйском распространилась «во все окрестныя государства», «бысть на всех государевых неприятелей страх и ужас велик» (15). Король Сигизмунд III, осадивший Смоленск, «страхом и трепетом одержим бяше, ужасался помощи и обороны граду Смоленску» (15). Потому и от града отступить хотел, что «боящися» воеводы, «страшныя грозы устрашася» (16). Такие же чувства испытывает и тушинский вор: «страхом многим и ужасом трепеташе» (16).

Наконец, прием амплификации используется в плачах матери, жены, царя, народа, иноземцев по поводу кончины Скопина-Шуйского. Однако, как справедливо было замечено Г. П. Ениным, «ничего существенно нового» в них «не добавляется к сказанному», поскольку «идеализированная характеристика Скопина, многократно приводимая по разным поводам, вобрала в себя еще до рассказа о его кончине все детали портрета князя»¹³.

С другой стороны, градационные цепочки положительных эпитетов вовсе отсутствуют в документально-сухих фрагментах, повествующих о самих военных действиях, автор упоминает только имя воеводы. И в то же время в этих эпизодах появляется иная система повторов, восходящая в своей основе к летописному стилю и фразеологии воинских повестей, что вкупе с выше описанным приемом создает «сверхсмысл» в трактовке образа. Так, во всех «воинских» фрагментах упоминается одно и то же выражение «поиде», которое не только используется в прямом значении как указатель на передвижение Скопина-Шуйского с войском из одного географического пункта в другой, но и наполняется определенным смыслом, несмотря на предельный лаконизм. В целом, в повести прослеживаются два варианта семантической наполненности этого повторяющегося глагола:

1) «Поиде» – и победил. Список освобожденных городов, монастырей получается довольно внушительным.

2) «Поидоша люди ко князю» – воевода является центром притяжения разрозненных русских сил, несомненным и абсолютным лидером.

Этим двум повторяющимся формулам, подчеркивающим самостоятельность передвижения, противопоставлена в повести формула «посла», например: «И посла государь с Москвы боярина своего князя Михаила Васильевича Шуйскаго-Скопина в Велик Нов град...» (9). Примечательно, что царь «посылает» воеводу всегда именно туда, где всего труднее, а потому и этот повтор можно рассматривать как своеобразное средство возвышения героя.

Все эти цепочки многократных повторов нельзя объяснить только литературной традицией создания панегирических портретов-характеристик персонажей. Автор повести сознательно таким способом выделяет «богоданность» воеводы как главное качество, отличающее его от других защитников земли Русской. Эта мысль находит подтверждение при сопоставлении приемов создания образа Скопина-Шуйского и образов других знаковых фигур периода Смутного времени, упомянутых в повести.

Так, характеристика царя Феодора Ивановича состоит всего из одного эпитета «благочестивый» (35, 36). Имя польского короля Сигизмунда III автор повести и вовсе не сопровождает эпитетами: «Корол же Жигимонт полски...» (15); «Король же польский...» (21, 23, 27 и т.д.); «...полски король Жигимонт...» (25). Аналогичен подход сочинителя к изображению князя Д. М. Пожарского: «...князь Димитрей Михайлович Пожарский...» (31, 32 и др.).

Оценочная характеристика царя Василия Ивановича Шуйского сведена в повести до минимума. Чаще всего автор употребляет традиционную речевую этикетную формулу именованя правителей государства: «...государя царя и великаго князя Василия Ивановича всея России...» (5, 6, 7 и др.), порой в тексте отсутствует даже эта пространная титульная формула, вместо нее используется короткое «государь». И только изредка имя Шуйского автор сопровождает положительными эпитетами, как, например, в самом начале повести: «Той же благоверный государь царь Василей Иванович всея России, благочестив и милостив ко всем...» (5). Но принцип расположения эпитетов иной. Либо имени Шуйского предшествует один эпитет, выполняющий роль основной характеристики, а последующие два эпитета развивают заданное качество, на что указывает повтор первой части сложного прилагательного. Либо титульной формуле предшествует один эпитет: «...благоверный царь государь и велики князь Василей Иванович всея Руси...» (19), «благочестивый государь» (19, 22 и др.). Во втором случае повторяется выборочно один из трех уже озвученных в повести эпитетов.

Короткая амплификация положительных эпитетов, характеризующих Василия Ивановича Шуйского, появляется уже после сообщения о смерти воеводы, однако использование этого приема, скорее всего, продиктовано традицией контекста и не воспринимается в тексте в качестве индивидуальной положительной характеристики царя: «Видя бо государя царя Василья Ивановича благочестива и смиренна и ко всем милостива и не стерпе многих ке богу добродетелей его, злоненавистныйж и враг, диавол, их попушаючи на царство его и многими ратными раздоры и бранми междоусобными» (22).

Как отмечал Г. П. Енин, «желание подчеркнуть определенное качество героя приводит в “Повести...” не только к повторениям; но и к образованию тавтологических словосочетаний»¹⁴, что особенно хорошо заметно при рассмотрении образа Козьмы Минина. Он создается при помощи эпитетов, образованных от слова «добро»: «муж благочестив и добросмыслен zelo» (29), «доброумными своими словесы» (30), «доброй его совет» (30), «доброприветного совета» (30), «Доброприветный Козма добрыми, добросмысленными своими словесы ... много доброприветных к ним словес изрече... видев его добросмысленнаго...» (30-31), «доброумными словесы... Он же, добросмысленный...» (32).

Однако нарочитые повторы, используемые при характеристике К. Минина, лишь отчасти схожи с основным способом характеристики Скопина-Шуйского. Количественно цепочки эпитетов, определяющие характер, нрав и образ мыслей и действий Скопина-Шуйского, представлены богаче, чем эпитетика образа Минина. Во всех случаях при характеристике Минина сохраняется первая часть сложного прилагательного – «добро», а семантика эпитетов сводится к двум основным качествам – ум и приветливость. Оба качества присущи и Скопину-Шуйскому, но в его образе подчеркивается не «доброта» ума, понимаемая контекстно исключительно как способность мыслить на благо государства и своего народа, а мудрость, дарованная Господом, – качество более высокое, нежели «гражданский» ум. При этом ни в одном фрагменте повести, посвященном Минину, эпитеты не выстраиваются автором в градационные цепочки; как правило, его имя сопровождает один, максимум два эпитета.

И только образ царя Михаила Федоровича Романова создается, как и образ Скопина-Шуйского, при помощи приема амплификации положительных эпитетов. Таких случаев в тексте всего два. Первый раз прием используется в рассказе о приходе царя Михаила Федоровича в Москву: «...видев его, государя, премудра, и разумна, и милостива, и милосердна ко всем, и от царскаго коренив возсиявшаго благочестивых царей...» (36). Второй раз – в финале, где кратко сообщается о его царствовании: «... от бога дарованнаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея России, премудра и разумна, благочестива и милосердна...» (41).

Очевидно, что автор повести применяет прием амплификации положительных эпитетов, создающий особый орнаментальный стиль в изображении персонажей, исключительно в тех случаях, когда очень высоко оценивает ту или иную историческую личность. В повести только воевода Скопин-Шуйский и царь Михаил Федорович удаиваются характеристики «богоданный». Именно она предопределяет и принцип изображения персонажа. Выделенность именно этих исторических фигур объясняется сугубо политической идеей автора, основанной на реальных исторических событиях. Скопин-Шуйский сумел консолидировать русское общество для борьбы с интервентами, в его лице, по мысли С. М. Соловьева, «расшатавшееся в своих основах общество русское» обрело необходимую «точку опоры»¹⁵. Он предстает под пером автора как «богоданный» воин земли Русской, как великий полководец,

как защитник христианства перед лицом иноземной опасности, исходящей от поляков-католиков, как устроитель земли Русской в том смысле, что он сумел, по выражению Н.М. Карамзина, «восстановить целостность России от запада до востока, рассеять неприятелей многочисленных и взять одною угрозою крепкие, годовые их станы...»¹⁶ При Михаиле Федоровиче «Его же благочестивою державою все Московское государство в мире и в тишине от бога устроено быть» (41).

В целом, анализ разных систем повторов в «Повести известна о победах Московского государства» позволяет говорить об особом типе орнаментальности, сочетающей в себе черты разных жанрово-стилистических систем в рамках одного повествования и ведущей к «сверхсмыслам» в трактовке тех или иных исторических личностей.

Примечания

¹ Иконников В. С. Князь М. В. Скопин-Шуйский. Критико-биографический очерк // Древняя и новая Россия. Иллюстрированный ежемесячный исторический сборник. СПб., 1875. Т. II. № 5–7. С. 133.

² Каргалов В. В. Московские воеводы XVI–XVII вв. 2-е изд. М.: ООО «ТИД» «Русское слово – РС», 2006. С. 124.

³ Митрофорный протоиерей Александр Соколов. Поборник Российской Державы в смутное время: (о жизни князя М. В. Скопина-Шуйского). Н.-Новгород, 2009. С. 21.

⁴ Абрамович Г. В. Князь Шуйские и Российский трон. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 151.

⁵ Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, изданные Павлом Александровичем Мухановым. СПб., 1871. С. 25.

⁶ Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском, виновником которых был царевич князь Димитрий Иванович, несправедливо называемый самозванцем // Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 247.

⁷ Там же. С. 248.

⁸ Там же. С. 247.

⁹ Буссов К. Московская хроника. 1584–1613 // Хроники Смутного времени... С. 124.

¹⁰ См.: Туфанова О. А. Символ «янорога» во «Врсменнике» Ивана Тимофеева // Древняя Русь. 2008. № 2 (38). Июнь. С. 118–128.

¹¹ Повесть о победах Московского государства / Подг. текста, коммент. Г. П. Енин. Л.: Наука, 1982. Далее в тексте ссылки на это издание даются с указанием страниц в скобках.

¹² Первооткрыватель и публикатор «Повести о победах Московского государства...» Г. П. Енин справедливо полагал, что «характеристики князя во всех трех частях представляют собой панегирики, состоящие в основном из синонимических оценочных эпитетов и повторяющихся словосочетаний». – Цит по: <http://www.krotov.info/acts/17/1/pobedy.htm> (дата обращения: 01.06.2010).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 15-ти книгах. Кн. IV (Тт. 7–8). М., 1960. С. 564.

¹⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского / Примеч. А. М. Кузнецова; худож. И. Цыганков. Т. IX–XII. Калуга: Золотая аллея, 1997. С. 538.

«Золотые шестидесятые» в словацкой литературе

Abstract:

Shirokova L.F. *«Golden Sixties» in Slovak literature*

In the second half of the 60-ies Slovak literature found a new optic center, when the subject, the self-valuable human personality, became the focus of its research. A literary phenomenon called “young prose of the 60-ies” or “generation of Младая творба» arose. Three waves of the «young prose» are commonly distinguished; poets, writers, critics were in the Slovak literature since the second half of the 50's, in the early and mid 60-ies, when the method of socialist realism still existed. The first books of young writers became a sort of internal literary polemic, a creative dispute of generations having different life experiences, the perception of modern reality and understanding the role of the writer. A possibility in a relatively liberal environment of political «thaw» of the 60-ies to become familiar with the patterns of Western literature had some impact on the young writers as well. A new generation of writers defended the right for its own path of creative experiment in the reflection of the life of their contemporaries. Many of those who began their career in the 60-ies stayed in the literature for a long time, forming its base, the central and most fruitful ideological and artistic foundation.

Ключевые слова: словацкая литература, политическая «оттепель», молодые писатели, экспериментальная проза, полемика с социалистическим реализмом, субъективный взгляд на действительность, жанрово-стилистические особенности.

В развитии словацкой прозы XX века можно наблюдать определенную цикличность, связанную, на наш взгляд, не столько с собственно литературными процессами смены направлений, трансформации жанров и стилей, сколько с воздействием на литературу, да и на всю духовную жизнь общества идеологии в том или ином ее воплощении. Усиление давления идеологии, обострение социальных, национальных или политических проблем неизбежно приводило к возникновению литературы социально-критической направленности, тяготеющей к реализму в изображении более или менее объективно представляемой действительности. Эту тенденцию можно проследить на примере произведений, появившихся и в начале XX века, и в 1950-е гг., и позднее, в годы политической «нормализации». Ослабление же идеологического давления, идейное дробление общества вело к плюрализму и в культуре. В такие периоды – а это и межвоенное двадцатилетие, и вторая половина 60-х гг. – литература обретала иную оптику, центром ее исследования становился субъект, самоценная человеческая личность со своим индивидуальным мировосприятием.

С этой точки зрения можно рассматривать и литературный феномен, который принято называть «молодая проза 60-х» или – по отношению к литературе в целом, а не только к прозе – «поколение «Младой творбы»» (по названию журнала, издававшегося с 1956 г. по 1970 г.). Молодые поэты и прозаики входили в словацкую литературу со второй половины 50-х – начала 60-х гг., когда в ней еще бытовал метод социалистического реализма, воплощавшийся в круп-

номасштабных произведениях с ярко выраженной социальной направленностью («Деревянная деревня» Ф. Гечко, трилогия «Поколение» В. Минача, «Мертвые не поют» Р. Яшика и др.). Первые книги молодых стали своего рода внутренней литературной полемикой, творческим спором поколений, обладавших разным жизненным опытом, восприятием современной действительности, пониманием роли писателя. Определенное воздействие на молодых прозаиков оказало и ставшее возможным в условиях политической «оттепели» 60-х годов – относительно либерального периода в истории социалистической Чехословакии – знакомство с образцами западной литературы, в которых они находили не только новые, «модные» художественные формы, но и созвучие с их собственным мироощущением, аутентичность проникновения в психологию современного человека.

Их первые литературные опыты относятся к середине 1950-х гг. Многие из начинающих писателей участвовали в работе университетского «Кружка молодых авторов», где читались и обсуждались их еще нигде не опубликованные произведения. Вскоре «Кружок» почти в полном составе волился в авторский коллектив разрешенного в 1956 г. к изданию журнала «Млада творба». Здесь дебютировали многие не именитые тогда авторы, ставшие впоследствии известными поэтами, прозаиками, критиками. Выступали молодые и на страницах других литературных изданий, прежде всего, в журналах «Словенске погляды» («Slovenské pohľady»), «Културни живот» («Kultúrny život»), «Ромбонд» («Romboid»).

В словацком литературоведении принято выделять две или даже три волны «молодой прозы». Писатели, принадлежавшие к первой волне – А. Гициш, Й. Кот, Я. Йоганидес, Я. Блажкова, М. Череткова-Галлова, А. Худоба, – дебютировали в конце 1950-х гг., когда журнал, по крайней мере, формально, занимал лояльную позицию в отношении официальной идеологии. В редакционных статьях звучали «манифесты» с призывом к усилению активной гражданской позиции писателя в рамках социалистической литературы. Вместе с тем молодые литераторы отстаивали право на собственный путь, на творческий эксперимент в отражении жизни своего современника (статья М. Ферко «Бунт против устоявшегося», Й. Кота «Наступление без оружия, или оружие без наступления», П. Штевчека «Возвращение к литературе» и др.).

Понятие «второй волны» связано с именами П. Виликовского, В. Шикеры, Р. Слободы, П. Груза, П. Яроша, Л. Баллека, дебютные книги которых увидели свет в первой половине 1960-х гг. Они основывались на своем индивидуальном опыте, переживаниях недавнего детства и юности, на присущем этому поколению ощущении несовершенства, а порой и враждебности по отношению к себе окружающей действительности. К концу политической «оттепели» 1960-х гг. зазвучали голоса других молодых прозаиков – Д. Душека, Д. Митаны и др., книжные дебюты которых появились уже позднее. К ним отчасти применимо название «потерянное поколение», поскольку, продолжая путь индивидуализма, творческого эксперимента и нонконформизма, они с трудом вписывались в литературу времен «нормализации» начала 1970-х гг.

«Молодая проза» вызывала к себе пристальное внимание критики, стремившейся определить новое качество литературы и дать оценку появлявшимся одно за другим разнообразным, но в чем-то схожим произведениям. В 1960-е гг. преобладающим критическим жанром были рецензии на только что вышедшие в свет книги. Наряду с оценочными, представляющими критический разбор того или иного нового произведения, появлялись и более развернутые работы, авторы которых пытались определить общие контуры прозы молодых. Так, видный словацкий литературовед и критик А. Мраз в статье «Антон Гикиш и молодая словацкая художественная проза» говорит о необходимости осмысления «хотя бы самых общих тенденций нашей самой молодой прозы», поскольку «если еще недавно можно было сомневаться, существует ли вообще какая-то так называемая «молодая словацкая проза», претендующая на оригинальность, то сегодня однозначный ответ на этот вопрос дает весьма обширная продукция целого ряда авторов»¹. В другой своей работе «Из нашей молодой прозы» (1963) Мраз признает неготовность самой критики к адекватной оценке новых явлений: «Наша критика не очень чувствительна к приливу новых сил в литературу, к тому же, особенно в последнее десятилетие, в новаторских устремлениях было принято видеть нечто вредное, нежелательное, против чего нужно бороться»². Более взвешенно и концептуально высказывались по поводу новой прозы критики – сверстники молодых писателей, которые не столько оценивали, сколько комментировали, а порой и теоретически обосновывали появление свежих тенденций в словацкой литературе. Программные основы молодой прозы наметил в статье «Трудности с программой» (1962) П. Штевчек: «Реализм современной прозы – всегда психологический, социальный же аспект – лишь опосредованный и вторичный»; «интеллект становится главным композиционным принципом и содержанием прозы»; «судьба человека, фиксация этой судьбы, ее развитие – вот главная тема современной прозы»; «проза должна постигнуть реальность человека во времени, а не наоборот»³. Иной ракурс в восприятии и отражении действительности молодых по сравнению с предшественниками видит Ю. Ногэ: «Молодая словацкая проза в большей своей части – это не литература „больших тем“»; «прозаики предлагают читателю не масштабные концепции, а то, что есть в них самих, что они знают – свое детство, хороший и печальный опыт своей молодости, мечты, иллюзии и разочарования»; «их мир – это часть большого настоящего сегодняшнего мира, но все же мир „свой“, „собственный“, заново созданный в литературе»⁴. Другой важный аспект, отмечаемый критиками молодой прозы, – новое в концепции личности, иной герой в иных обстоятельствах его самораскрытия. «Ставшая уже затертой фраза о человеке как главном объекте искусства становится реальностью лишь теперь, в произведениях этих молодых прозаиков»; «они исходят из более субъективного и углубленного видения действительности»⁵, – пишет Я. Штевчек, анализируя книги Я. Йоганидеса. Литературовед и критик старшего поколения Й. Феликс, всегда отстаивавший наряду с эстетическими ценностями и социальную ангажированность, отдает должное глубине характеров в молодой прозе: «Это че-

ловек вопросов; и вопросы эти касаются не каких-то „мелких“ личных проблем, а основных проблем современного человека»; «перед нами человек страдающий, борющийся, беспомощный, окруженный всевозможными проблемами, человек в своей частной жизни»⁶.

Особенно рельефно видится специфика героя молодой прозы в сопоставлении с крупными произведениями социалистического реализма 1950-х – начала 1960-х гг. Так, В. Петрик отмечает стремление молодых «показать человека изнутри, в его естестве – в отличие от авторов прежних книг, где человек трактовался в первую очередь как представитель своей социальной группы»⁷. Еще более развернуто проводит такое сопоставление критик М. Гамада, ровесник и соратник молодых писателей, рассматривая в качестве примера лишь одну из книг: «Если большинство наших прозаиков среднего поколения представляет человека как существо общественное и нередко сводит его характеристику к социально-политической составляющей, то Йоганидес сосредоточивается только и исключительно на человеке как существе «частном», носителе определенного психофизического содержания»⁸. Гамада указывает и на определенную традицию отражения проблемы отчужденности, одиночества человека не только в мировой, но и в словацкой литературе, приводя в качестве примера сборник рассказов Д. Татарки «В тоске поисков» (1942). Об этой, ставшей не только художественной, но и идейно-политической, проблеме «у нас говорят в последнее время все чаще, особенно с тех пор, как мы осознали, что отчуждение человека – явление, присущее не только капитализму, но и социализму»⁹.

Выступления М. Гамады вызвали ответную реакцию крупнейшего представителя упомянутого им тогдашнего «среднего» поколения – В. Минача. На страницах литературной периодики между ними завязалась острая полемика, по самому своему характеру не оставлявшая надежд на сближение позиций, поскольку проблемы молодой литературы рассматривались с разных точек зрения. В. Минач был убежден в чужеродности нового видения человека в произведениях молодых авторов, подверженных, по его мнению, влиянию модных течений западной литературы. Мастер слова, Минач не жалел сочных красок в изображении таких литературных «стиляж»: «Открылась дорога в заповедный доселе лес, и все бросились на поиски. Собственный опыт им уже видится мелким, незначительным, да и какой еще может быть опыт на наших-то задворках?.. Вот и берут напрокат чужие личины, напяливают на себя доспехи с чужого плеча. Наплевать, что не по размеру... Все носят, будем носить и мы. С чужим опытом приходит и чужое сознание, стилизация... И мы радостно стилизуемся, ведь и Михаловце хотят быть Парижем. Краснощекие парни превращаются в страдающих истеричек, измученных современным образом жизни: за их здоровым румянцем таится гарантированно натуральное отчужденное сознание, а главное – черная бездна подсознания»¹⁰. М. Гамада воспринимал этот спор как принципиальное столкновение позиций двух поколений и даже двух идеологий. «В действительности речь идет о новом и ином мировосприятии моего поколения, – писал он в статье «Не за экзистен-

циализм – за экзистенцию человека!» – фатализм или вера Минача в то, что история неотвратно движется к оптимистическому разрешению, никак не удовлетворяет наше поколение... Этический аспект мы воспринимаем как в высшей степени политический, и то, что иные считают всего лишь исторической ошибкой, мы называем деградацией человечности»¹¹.

В 1970-е – 1980-е годы в оценке «молодой прозы 60-х» жанры рецензии, полемики, обзора текущей литературной продукции уступили место аналитическим статьям, в которых преобладали оценки с критическим упором на идейно-художественный аспект. «Во второй половине 60-х годов кризис прозы, ее отступление от принципов социалистического реализма, да и от реализма вообще, был весьма симптоматичен для состояния всей литературы. ...Распад эпики был лишь следствием «распада» твердого социалистического мировоззрения части словацких писателей и критиков в эти годы»,¹² – писал литературовед Ю. Ногэ, сам активно выступавший в 60-е годы в качестве критика этого поколения. Весьма жесткая оценка молодой литературы прошедшего десятилетия содержится в книге старейшего марксистского критика, литератора и публициста Д. Окали «О преодолении кризиса в нашей литературе»: «Литература замыкается в себе, уходит от действительности и одновременно – пассивно перенимает модные литературные концепции (экзистенциализм, феноменологию и проч.); предметом так называемой «литературы отчуждения» является личность человека в неизменно враждебном мире. В целом, мы имеем дело с литературой, которая разлагает моральные ценности социалистического общества»¹³.

В конце 1980-х годов и особенно – после «нежной революции» и последовавших за ней процессов, связанных со сменой идеологических ориентиров, с переоценкой ценностей во всех сферах жизни общества, изменилось и отношение к молодой прозе 1960-х годов. С одной стороны, необходимо было скорректировать зачастую излишне резкие характеристики времен «нормализации» (особенно – начала 1970-х гг.), а с другой стороны – восстановить преемственность в развитии полнокровной, художественно дифференцированной словацкой литературы, примеры которой выделялись, прежде всего, в межвоенный период, а также в пору «оттепели» 1960-х годов, воспринимаемых, как «золотой век», «щедрые годы словацкой культуры»¹⁴. Рассматривая литературную ситуацию конца 1980-х годов, П. Заяц и Э. Енчикова отмечают «фундаментальные перемены в современных ценностных перспективах», подразумевающие и «изменение ракурса нашего взгляда на сегодняшнюю литературу», которую следует оценивать уже «не в соизмерении с консервативными ценностными шаблонами прошлого, призванными охранять от возможных нарушений, а в перспективной соотнесенности с возрождаемыми и вновь создаваемыми ценностями»¹⁵.

В 1996 г. вышла посвященная 40-летию с начала издания журнала книга П. Даровца и В. Барборика «„Млада творба“ 1956–1970–1996». Ностальгически оформленная в стилистике 1960-х годов, она вобрала в себя материалы старых номеров, хронику, воспоминания и дружеские беседы с бывшими

авторами и редакторами журнала. В предисловии к изданию говорится о значимости опыта недавней истории: «„Млада творба“ органически создавала пространство для культуры такого рода, что ее творческие импульсы смогли полностью реализоваться лишь спустя 20 лет после ее закрытия. ...Она помогла заложить фундамент одного из самых сильных писательских поколений, когда-либо зарождавшихся в Словакии»¹⁶.

Литературовед З. Прушкова посвятила прозе этого периода монографию «Вспоминая о шестидесятих...» (1995), в которой рассмотрела и проанализировала некоторые важные аспекты творчества наиболее значительных ее представителей, в том числе В. Шикеры, Р. Слободы, Я. Йоганидеса, П. Груза. «Для истории культуры, – пишет исследовательница, – это десятилетие стало не больше и не меньше, чем “золотым веком”, даже несмотря на то, что было лишь попыткой, эскизом, недосказанной фразой живого языка»¹⁷.

* * *

Многие из начинавших свой творческий путь в 1960-е годы остались в литературе надолго, составив ее основу, центральный и наиболее плодотворный идейно-художественный фундамент. Их творческие и человеческие судьбы складывались впоследствии по-разному, однако уже дебютные книги стали для каждого не только визитной карточкой, но и серьезной заявкой на свой особый путь в словацкой прозе XX века. О новизне творческого мировосприятия молодых говорили сами названия их первых книг: «Мечта приходит на станцию» (1961) А. Гикиша, «Нейлоновый месяц» (1961) Я. Блажковой, «Там, где пьют радуги» (1962) А. Худобы, «Личное» (1963) Я. Йоганидеса, «Дом для живых» (1963) П. Балги, «Последние» (1963) Й. Кота, «Послеполуденный отдых на террасе» (1963) П. Яроша, «Не аплодируйте на концертах!» (1964) В. Шикеры, «Вернется некто другой» (1964) Д. Кужела, «Нарцисс» (1965) Р. Слободы, «Воспитание чувств в марте» (1965) П. Виликовского, «Путь на морское дно» (1966) Я. Ленчо, «Документы о видах» (1966) П. Груза, «Бегство на зеленый луг» (1967) Л. Баллека и др.

«Мечта приходит на станцию» Антона Гикиша (р. 1932) стала одной из первых книг молодого поколения. «Производственный» сюжет (электрификация железной дороги) еще вполне соответствовал критериям социалистического реализма, однако служил во многом лишь фоном для раскрытия отнюдь не одномерных характеров. Герои Гикиша, уже в начале новеллы нетрадиционно представленные автором в «дефиле», – бригадир монтажников, инженер-электрик, корреспондент газеты, ночной сторож, бетонщик, швея – люди неуспокоенные, часто – страдающие, кто – от старых душевных ран, оставленных войной, кто – от неразделенной любви, кто – от страха перед настоящим. Новизну в характеристике персонажей вносило использование автором разных форм внутренней речи, а также средств монтажа, экспрессивной разбивки текста. «Чередование действительности с идеалом и сном, с внутренним миром героя, с его внутренним монологом становится у Гикиша главным прин-

ципом построения сюжета», – отмечал, анализируя произведения писателя, критик Б. Тругларж¹⁸.

Своего рода феминистский экспрессионизм продемонстрировала в своей прозе 1960-х годов Ярослава Блажкова (р. 1933). Молодая героиня ее дебютной книги «Нейлоновый месяц» чувствует и действует вне всяких общепринятых шаблонов. Характерный для новелл Блажковой конфликт отцов и детей представлен здесь в иной плоскости – отторжения старого – мешанской успокоенности и упорядоченности, заученных правил хорошего тона, даже старомодных предметов обстановки, вызывающих у героини скуку и насмешку. Ее стихия – естественность и свобода, яркость и индивидуальность, поэтому новелла изобилует гиперболами, экспрессивными образами и неожиданными ракурсами. Новеллы писательницы, по точному замечанию Ю. Ногге, «полны цвета, звуков, движения... Блажкова воспринимает мир всеми чувствами, и эти чувства перемешиваются между собой так, что ее цвета можно услышать, а звуки – увидеть»¹⁹.

Опубликованный в 1963 году сборник рассказов Яна Йоганидеса (1934–2008) «Личное» вызвал большой интерес и читателей, и критики. «Пять его новелл провоцируют своей тематикой, способом изложения и видением действительности. ...Человек и его опустошенное сознание – вот что представляется автору существенно важным», – писал в рецензии В. Петрик²⁰. Уже в самом названии заключался полемический настрой: ведь идейная направленность литературы тех лет предполагала главенство коллективного, социального начала, создание образа героя с активной общественной позицией, для которого личное, частное – на втором плане. Непривычными были и пессимистическая тональность, и подробные углубленно-психологические описания душевного состояния человека, и сам способ повествования. Так, в новелле «Нерешительный» рассказ ведется от второго лица множественного числа («вы хотели...», «вы знаете...», «вы раздумываете...»). Новелла «Личное» написана в форме монолога умершего уже человека, пытающегося объяснить своей вдове истинную причину их взаимной отчужденности. Одиночество, крушение надежд, непонимание окружающих – основной мотив книги. Детальное описание внешности, жестов, поз героя, цепкий и беспристрастный взгляд на него «со стороны», балансирование героя между жизнью и смертью – все это свидетельствовало о близости Я. Йоганидесу духа и формы хорошо знакомой ему западной литературы, особенно, экзистенциализма и «нового романа».

Самоощущение современного молодого человека в большом городе, в массе других людей – предмет изучения Петера Яроша (р. 1940) в новелле «Послеполуденный отдых на террасе». В подробном описании будней братиславской редакции, импульсивных поступков и эротических переживаний ее сотрудников, в прихотливом развитии сюжета, склонности к гротеску уже можно заметить черты, ставшие – при всей последующей располосженности писателя к постоянной смене художественного инструментария – определяющими для его творчества. Внимательный рецензент отмечал: «Ярош строит рассказ не

на фабуле и не на конфликте, даже не на общей концепции, он строит его на деталях, на их нанизывании, полагая, что из их соседства и близости возникнет не просто ряд или мозаика, но и некая мысль, осознание, внезапное озарение»²¹.

Первая книга Рудольфа Слободы (1938-1995) выделялась даже на фоне оригинальных дебютных произведений молодой прозы. Прежде всего – своим жанром, поскольку другие отдавали предпочтение малым формам – новелле, рассказу. «Нарцисс» – роман, позволивший автору в полной мере раскрыться как тонкому психологу и беспощадному к себе и своему автобиографическому герою наблюдателю умственных и душевных метаний. Урбан Хромы пытается сам выстроить свою судьбу, упорно сопротивляясь общему течению: он бросает учебу в университете, работает на шахте в Острове, отслужив год в армии, поступает разнорабочим на металлургический завод, и в финале вновь возвращается домой, опустошенный и разочарованный. Эти внешние события – лишь часть его жизни, в которой главное место занимают сны, видения, споры с самим собой, экзистенциальные переживания героя. «Философский смысл эксперимента Урбана над собственной личностью – в обретении индивидуальной свободы и опыта ее реализации», – писал в развернутой аналитической рецензии на роман П. Штевчек, – ... «неудивительно, что эта отмеченная нарциссизмом человеческая единица переосмысливает свой комплекс «лишнего человека» как проблему экзистенциальную»²².

Ладислав Баллек (р. 1941) дебютировал незадолго до драматических событий конца 1960-х годов одним из последних, когда многие из поколения молодых опубликовали свои вторые, а то и третьи книги. Герой новеллы «Бегство на зеленый луг», интеллеktуал с «говорящим» именем Таро Вулкан, сломлен обрушившимися на него несправедливостями; он бежит из города и колесит по стране, вымещая свою злобу в циничной игре с «жертвами» – близкими и незнакомыми людьми. Зеленый луг, вольная природа пробуждают в нем забытую человечность и сострадание, становясь и последним земным прибежищем. Новелла «Бегство на зеленый луг» и последовавшие вскоре две новые книги не остались незамеченными. Критика назвала Баллека в ряду тех, кто успешно «продолжает традицию словацкой лиризованной прозы», его «лиризация усиливает конфликты посредством углубленного переживания»²³.

Молодые писатели 1960-х, вышедшие из колыбели «Младой творбы», не составили вместе ни литературной группы с общей программой, ни какого бы то ни было творческого объединения. Их роднило изначальное отрицание идеологических рамок социалистического реализма с его масштабностью охвата действительности, часто в ущерб человеческой индивидуальности. Экспериментируя порой с формой и художественными средствами выражения, каждый из них вырабатывал собственный творческий почерк, искал и находил свой тип героя, особый ракурс видения мира. В то же время, основываясь на собственном духовном и эмоциональном опыте, они осознанно или интуитивно возвращались к традициям словацкой литературы, связанным

с исследованием внутреннего мира человека, психологической мотивации его поступков, прежде всего, – к традициям экспрессионизма 1920-30-х годов (Я. Грушовский, И. Горват, Г. Вамош, Т.Й. Гашпар), натурализма 1930-40-х годов (Д. Хробак, М. Фигули, Ф. Швантнер, Л. Ондрейов), других типов социально-психологической прозы межвоенного периода (М. Урбан, Й. Цигер-Гронский, П. Илемницкий и др).

* * *

Эти традиции национальной литературы продолжил и развил в своем творчестве один из ярких представителей поколения «молодой прозы 60-х» Винцент Шикула (1936–2001). Уже в первых его книгах – опубликованных в 1964 г. сборниках рассказов «Не аплодируйте на концертах!» и «Может, я построю себе бунгало» – зазвучали проникновенные ноты человеческого сострадания, внутренней неудовлетворенности, осознания несовершенства мира и неповторимой ценности каждой личности.

Первую книгу, по признанию В. Шикулы, он написал «по заказу» для пражского издательства «Наше войско»: редактору понравилось адресованное друзьям письмо начинающего автора, проходившего тогда военную службу. Вскоре был издан сборник из 18 коротких рассказов, представляющих собой эпизоды из жизни новобранцев, которые оказались в непривычных условиях вынужденного коллективизма и жесткой дисциплины. Сам Шикула называл эту книгу «не военной, а скорее – антивоенной». «Антимилитаризм Шикулы, – писал в рецензии П. Штевчек, – не программный, а подсознательный, стихийный; он вытекает из реальности отдельных историй, а не из субъективного авторского замысла»²⁴. Герои-рассказчики в книге чередуются: «я» – то Михалек, то Вепришк, то Гибл, то Мартин, Миро, Тибчо. Этот способ передачи функции рассказчика от одного персонажа к другому создает и определенную полифонию, и индивидуализацию повествования. В фигуре рядового Михалека много автобиографического: как и Шикула, он бывший студент консерватории (правда, в отличие от автора, отчисленный «за прогулы»), которому приходилось и подрабатывать, и снимать дешевые углы в пригороде. Отправляясь в армию на «два несчастных года, которые отрежут от жизни», он прощается с братиславскими улицами с их кафе и книжными витринами, с безымянной платонической любовью – «девушкой в голубом» из утренней электрички («За поворотом загудел поезд»). В другом рассказе Михалек, уже солдат, идет один по заснеженному лесу, таща за спиной канистру с обедом для товарищей. Редкие минуты одиночества и близости к природе вызывают в нем ощущение гармонии, музыкального совершенства: «...деревья, увешанные льдом и снегом, звучат чистым серебряным тоном... Прислушаешься и слышишь, как великолепно настроен весь лес»²⁵. («Глубокий белый снег»). Встречаются в рассказах и музыкальные цитаты – фразы и отрывки из любимых писателем словацких народных песен («Около Орешан есть дорожка, как ладонь...»), «В Годонине в солдаты меня забри-

ли...», «Эй, кони мои, кони вороные»), придающие дополнительный лирический оттенок в описании душевного состояния героев. Музыкальное, мелодическое начало в разных, порой неожиданных проявлениях, отразившееся уже на страницах первой книги, стало впоследствии одной из характерных черт художественного мира В. Шикеры. Развиваясь и расширяясь, этот мир «заселялся» и разноплановыми персонажами, которые нередко перемещались из одного произведения в другое.

Художественный мир, который писатель очертил и начал заселять в своих книгах 1960-х годов, сохранил свои главные характеристики и в дальнейших его произведениях. Уже в первых новеллах и повестях В. Шикеры со всей определенностью обозначилась гуманистическая направленность его творчества, центром которого стал человек простой, чистой души, отзывчивый по отношению к миру и людям. В них выразились и духовные искания писателя, его раздумья о природе и проявлении в человеке добра и зла. Намечались и определенные черты поэтики, типы героев, принципы построения сюжета, позволяющие расширить его пространственно-временные границы.

При всей своей художественной самобытности, творчество В. Шикеры, особенно на начальном этапе, было органически близко всему духу молодой прозы 1960-х годов. Со сверстниками его роднило общее ощущение необходимости перемен, стремление обновить и индивидуализировать способы и формы художественного мышления. По-разному сложились потом их писательские и человеческие судьбы, но отправным моментом для каждого стала пора «Младой творбы» с ее атмосферой творчества и свободной полемики.

В. Шикера всегда ощущал свою принадлежность к не существующему формально, но определяемому схожими художественными принципами и гуманистическими представлениями кругу писателей своего поколения. Вместе с тем в его высказываниях по поводу общих характеристик, преждевременных выводов и обобщений со стороны критики уже в 1960-е годы звучало несогласие с нивелированием различий и навешиванием на молодых общих ярлыков. Так, отвечая на вопрос о его личных предпочтениях в отношении писателей-сверстников и об оценке всего течения в целом, он иронизировал: «Не знаю. Мне близки все. А если бы я знал, куда все это движется, то, наверное, пустился бы в обратном направлении»²⁶. Позднее, в 90-е годы, уже постепенно теряя друзей, он признавался: «Все страницы «Младой творбы» как будто уложены в меня, они словно дремлют в моем сознании. ...Мне всегда казалось, что «Младу творбу» издают специально для меня; я так глубоко сопереживал тогда нашей литературе, и особенно молодой, что не пропускал ни одной строки»²⁷.

В. Шикера ощущал свое поколенческое и духовное родство со сверстниками – прозаиками и поэтами. Соратникам по перу посвящено стихотворение «Поколение» (сборник «Из дома на холме», 1983 г.), обращенное к друзьям

юности. В нем автору удалось создать динамичный, эмоционально насыщенный образ времени и поколения:

Кирпич, цемент, железо и руда
 гул и хлеб замешанный на желчи
 с желчью мы думали о железе, алюминии
 и о северных летах
 о Йоганидесах и вечерних сказках о птицах:
 Ворона на ветке: где моя детки...
 И Рудо Слобода: Высоко летит птица,
 а я люблю свой виноградник и деда.

 Смотри, как лью дождем!
 Смотри, как горю огнем!
 Смотри, как падаю снегом!²⁸

Творчество представителей этого поколения – «поколения-56», «поколения “Младой творбы”», «молодой прозы 60-х», внутренне дифференцированное и многообразное, стало ярким и плодотворным этапом в развитии словацкой литературы XX века, значение которого высоко оценивается и в наши дни. В начале XXI века продолжили писательскую деятельность В. Шикула, Я. Йоганидес, П. Груз, П. Виликовский, создав произведения большой художественной силы и глубины. В 2000-е гг. в серии «Библиотека словацкой литературы», подготовленной коллективом ученых Института словацкой литературы САН, был переиздан ряд произведений «шестидесятников», снабженных комментариями и научным аппаратом. Проблематика развития словацкой литературы в 1960-е годы рассматривается и в научных исследованиях, в том числе – в «Истории словацкой литературы III» В. Марчока и коллектива (2004, 2-е изд. 2006), в двухтомной «Истории словацкой литературы» И. Седлака и коллектива (2009) и др. В 2008 г. вышло второе издание ставшей уже библиографической редкостью и цитировавшейся выше монографии З. Прушковой «Вспоминная о шестидесятых...».

Некоторые произведения словацких прозаиков представленного нами круга были переведены и на русский язык. Речь идет, как правило, о более поздних их книгах, созданных и переведенных в 1970–1980-е гг. – это романы В. Шикулы (трилогия «Мастера», 1981), Л. Баллека («Помощник», 1980), Р. Слободы («Разум», 1990), Д. Митаны («Конец игры», 1987) – все в переводе Н.М. Шульгиной. Однако появляются переводы словацких прозаиков и в последние годы. В 2008–2009 гг. в издательстве «МИК» было подготовлено репрезентативное двухтомное издание – антология словацкой новеллы XX в. «Дунайская мозаика» (сост. А.Г. Машкова). Русский читатель может познакомиться с произведениями самобытных словацких прозаиков прошлого века и начала XXI в., чье творчество представляет собой художественную ценность не только для собственной национальной литературы, но является также и частью европейской и мировой духовной культуры.

Примечания

- ¹ Mráz A. Medzi prúdmi II. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1969. S. 303.
- ² Ibid. S. 300.
- ³ Števček P. Návrat k literatúre. Bratislava, 1967. S. 73.
- ⁴ Noge J. Literatúra v pohybe. Bratislava, 1968. S. 192.
- ⁵ Števček J. Od literatúry k poznaniu // Kritika 64. Bratislava, 1965. S. 183.
- ⁶ Felix J. Debut nekaždodenný // Kritika 64. Bratislava, 1965. S. 177.
- ⁷ Petrik V. Hľadanie prítomného času. Bratislava, 1970. S. 108.
- ⁸ Hamada M. V hľadaní významu a tvaru. Bratislava, 1966. S. 186.
- ⁹ Ibid. S. 198.
- ¹⁰ Mináč V. Súvislosti. Bratislava, 1976. S. 27–28.
- ¹¹ Hamada M. V hľadaní významu a tvaru. S. 237.
- ¹² Noge J. Slovenská literatúra. 1977. Č. 3. S. 300.
- ¹³ Okáli D. O prekonávaní krízy v našej literatúre. Bratislava, 1981. S. 48–49.
- ¹⁴ Čaplovič D. Štedré roky slovenskej kultúry // Literárny týždenník. 2003. Č. 6. S. 5.
- ¹⁵ Jenčíková E., Zajac P. Situácia súčasnej slovenskej literatúry // Slovenské pohľady. 1989. Č. 2. S. 45.
- ¹⁶ Darovec P., Barborik V. Mladá tvorba 1956 – 1970 – 1996. Levice. Koloman Kertész Bagala. 1996. S. 2.
- ¹⁷ Prušková Z. Keď si tak spomeniem na šesťdesiaté roky... Bratislava, 1995. S. 7.
- ¹⁸ Truhlár B. Montáže zo súčasnosti // Literatúra a skutočnosť. Bratislava, 1976. S. 283.
- ¹⁹ Noge J. Literatúra v pohybe. S. 170.
- ²⁰ Petrik V. Nevšedný debut // Kulturná tvorba. 31.07.1964.
- ²¹ Noge J. Literatúra v pohybe. S. 174.
- ²² Števček P. Návrat k literatúre. S. 319, 322.
- ²³ Bagin A. Rekognoskacia terénu // Priestory textu. Bratislava, 1971. S. 124.
- ²⁴ Števček P. Šikula po zaplacení dane // Návrat k literatúre. S. 209.
- ²⁵ Цит. по: Šikula V. Na koncertoch sa netlieská. Bratislava, 1964. S. 30.
- ²⁶ Na slovo s Vincem Šikulom // Slovenské pohľady. 1968. Č. 5. S. 15.
- ²⁷ Šikula V. Požehnaná taktovka. Belimex, 2003. S. 126.
- ²⁸ «Северное лето» – поэтическая композиция Л. Фелдека из сборника «Единственный соленый отчий дом» (1961) и далее – аллюзии на произведения Я. Йоганидеса «Непризнанные вороны» (1978) и Р. Слободы «Вечерний вопрос к птице» (1977).

Мифологический реализм в творчестве Тадеуша Новака

Abstract:

Tsybenko O.V. *Mythological realism in the work of Tadeusz Nowak*

T. Nowak (1930–1991) began his career in the late 1940's as a poet, afterwards he wrote prose. His most notable stories are "Foreign ballad" and "Such a big wedding", and his best novel is "When you will be the king, when you will be the executioner"(1968). Nowak is drawn to the folk art, to the deep layers of the folk myth. Modern mythologism, including the village prose, has a nature of reflection. This is why "mythological prose" is always more or less closely connected with the philosophical creativity. In the works of T. Nowak, this philosophical aspect gains a serious development. Parable beginning, lyrical and philosophical contemplation focused on the original, archetypal constants of human and nature life (land, home, family, mother, father, childhood and aging, bread, love, finally – life and death), folk mythologism, free and non-pathetical attitude toward the legend, sometimes shaded with irony, a combination of myth and real space and time – these are the signs of the creativity of T. Nowak.

Ключевые слова: миф, притча, фольклор, мифологический реализм, символ, деревенская проза, роман, II мировая война, крестьянин, земля, польская литература.

Яркий мастер современной польской прозы Тадеуш Новак (1930–1991) начал свой творческий путь в конце 1940-х гг. как поэт. Он родился и вырос в деревне Сикожицы под Тарновом «в большой и бедной», по его характеристике, «но всегда веселой крестьянской семье, где любили побалагурить, попеть и поиграть»¹. После обучения в тарновской гимназии Новак в 1954 г. закончил филологический факультет Ягеллонского университета. «Учусь говорить» (1953) – так символически назывался первый сборник его стихов. Наибольшую известность имел его сборник «Псалмы» (1971). С начала 1960-х гг. Новак публикует первые прозаические произведения – сборники рассказов, повести «Иноплеменная баллада» (1963), «Такая большая свадьба» (1966). В 1968 г. появился, возможно, лучший его роман «А как будешь королем, а как будешь палачом» (русский перевод – 1980), затем роман «Черти» (1971, русский перевод – 1976). Эта книга вместе с двумя последующими – «Двенадцать» (1974) и «Пророк» (1977) – составила своего рода трилогию о судьбах польского крестьянства в военные и послевоенные годы.

Примечательно внимание писателя к человеческой личности, к тем процессам, которые происходят в ее сознании. Именно вопросы психологии крестьянина – участника и строителя новой жизни в послевоенной Польше – в первую очередь привлекают Т. Новака. Герой-повествователь его произведений, как правило, близкий самому автору, личность одаренная, с богатым воображением, подвергается тяжелым испытаниям (Первая и Вторая мировые войны, земельная реформа), вместе с родной деревней выдерживает натиск истории, которая постепенно все больше вторгается в произведения писателя.

Новак обращается к народному творчеству, к глубинным пластам народного мифа. В известном смысле Новак воспользовался плодотворным опытом польских романтиков. В польской литературе еще в период предромантизма К. Бродзинский (1791–1835) продемонстрировал возможность новых подходов к осмыслению действительности. В своей идиллии «Веслав» (1820) поэт показал, что простонародная жизнь, обычаи и преданья, мифы – все это достойно поэтизации, представляется эстетически значимым, ибо «преданья старины глубокой» распахивают перед читателем тайну души простолюдина, являются своего рода проводниками в этом неизвестном мире.

Цикл стихов Адама Мицкевича «Баллады и романсы», вошедший в его сборник «Поэзия» (1822), обозначил новые пути движения национальной литературы: опора на «мысль народную», на живые и вместе с тем архетипические образы фольклора, обогащение языка художественного произведения. В романтических произведениях Мицкевича торжествует народное представление о справедливости и суде над теми, кто нарушает законы нравственности (ранние баллады «Свитезянка», «Рыбка», «Лилии», позднейшие баллады «Воєвода» и «Дозор», драма «Дзяды», часть II).

В том же 1822 г., когда появился первый сборник «Поэзии» Мицкевича, А. С. Пушкин в наброске «О французской словесности», осуждая современных русских писателей за подражательство, писал: «...но есть у нас свой язык; смелее! – обычаи, история, песни, сказки – и проч.»².

Ответ на вопрос эпохи – о единстве народного организма – дал сам обновленный язык художественного творчества. В Польше же его животворная энергия была передана в творчестве Мицкевича и Словацкого. Ожешко и Сенкевич, Прус и Реймонт в своих реалистических произведениях продолжают развитие этого богатого приобретения.

Современный мифологизм, в том числе и в деревенской прозе, имеет характер рефлексии. А потому «мифологическая проза» всегда, в большей или меньшей степени, тесно связана с философским творчеством.

В польской деревенской прозе 60-80-х годов XX столетия, и в произведениях Тадеуша Новака в первую очередь, этот философский аспект получает серьезную разработку. Притчевое начало, лирико-философские размышления, ориентированные на изначальные, архетипические константы человеческого и природного бытия (земля, дом, семья, мать, отец, детство и старость, хлеб, любовь, наконец, жизнь и смерть), фольклорный мифологизм, свободное, непатетическое отношение к преданию, оттененное порой иронией, сочетание мифологического и реального пространства и времени – таковы приметы творчества Тадеуша Новака.

Бережное отношение к народным традициям характеризует всех авторов польской деревенской прозы. В творчестве Тадеуша Новака это выразилось прежде всего в подчеркнутом использовании польского фольклорно-поэтического наследия. Вот как объясняет свое обращение к нему сам писатель: «К тому времени, когда мне исполнилось двадцать лет и я стал студентом Ягеллонского университета в Кракове, я уже знал, что все лучшее в нашей на-

циональной литературе всегда было тесно связано с народной песней. Я смог убедиться в этом, читая стихи Яна Кохановского, Адама Мицкевича, Юлиуша Словацкого, Циприана Камилля Норвида, Болеслава Лесьмяна, Юлиана Пшибося. Представители иных направлений нашей национальной поэзии, обращавшиеся в поисках необычных форм выражения к французской, английской, испано- или италияязычной литературе, возможно, порою создавали произведения более изящные, поражающие своей образностью, однако никогда не достигали такой глубины проникновения в родную почву, в природу, в сущность человеческой натуры, не использовали в полной мере тот исторический опыт, который в избытке суждено было приобрести нашему народу за несколько столетий»³.

Слова Новака о необходимой связи национальной литературы с народной песней прямо корреспондируют с фрагментом поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод», в котором воспевается «песнь народа»:

О песнь народа! Ты – ковчег завета
Над прошлым и грядущим поколеньем!
Ты – меч народа из огня и света,
Ковер, расшитый дум его цветеньем.
Ковчег завета, не подвластный самым
Безудержным ударам вражьей;
О песнь народа, ты стоишь на страже
Перед его воспоминаний храмом,
Архангельские крылья простирая
И меч его подчас в руке вздымая...⁴

По мнению З. Брудницкого, «Новак идет дорогой, проложенной романтиками, но идет гораздо дальше. Он хотел бы не только собирать и обрабатывать мотивы отечественной мифологии, но прежде всего воспользоваться последней возможностью уловить сам акт создания мифа и его вхождения в общественное сознание в качестве элемента мировоззрения...»⁵

Рассматривая эволюцию прозы Новака от первых его произведений – «Иноплеменная баллада», «Такая большая свадьба», «А как будешь королем, а как будешь палачом» – до романов и повестей «Черти», «Двенадцать», «Пророк», трудно не заметить, что «в деликатную ткань мечтаний и снов все сильнее вырастает реальность»⁶.

В своем стремлении вернуться к истокам писатель старался обнаружить предпосылки новых явлений, оценить свою современность с исторической перспективы. Его ранние повести показывают такие переломные в жизни польских крестьян моменты, как Первая мировая война в «Иноплеменной балладе», Вторая мировая война, оккупация в «Такой большой свадьбе» и «А как будешь королем, а как будешь палачом». Жизнь польского села в эти исторические периоды Новак представил в свойственной ему условной, фольклорно-сказочной манере, с позиции героя-подростка и юноши с поэтическим воображением, чей взгляд на мир близок самому автору. О почти полном ото-

ждествлении автора и повествователя в этих произведениях пишут многие польские и русские исследователи. Неизменной остается и будет оставаться (за исключением «Двенадцати») форма повествования от первого лица, что неизбежно пронизывает прозу субъективностью (как во многих произведениях литературы XX в., и польской 1960–1980-х гг. в том числе), а у Новака – именно поэтической, лирической интонацией. Он и в прозе не вполне отрывается от своей поэзии, по его собственным словам, не считает нужным писать ее более грубыми, «крупными мазками»⁷. К эпической форме писатель обратился, желая «вовлечь более широкого читателя в круг проблем исторического прошлого и современности», над решением которых он сам бился и которые ему «казались общими для всех»⁸.

Уже в «Иноплеменной балладе» Я. Блоньский увидел археологию крестьянской судьбы⁹. В этой повести явь почти неотделима от сонного мечтания, видения. Отдельные предметы, явления могут вбирать в себя целый мир, и сами в свою очередь становятся его частью. В небе скачут уланы с пашками, и только в конце произведения раскрываются приключения героя как участника Первой мировой войны, которому уже не тыквы, ассоциирующиеся у него с головой, приходится срывать, а видеть настоящую гибель и страдания людей. Конкретная историческая реальность также оказывается претворенной в воображении рассказчика в «сюрреалистические» видения, как до этого реальность деревни. Архетипические образы приобретают литературную форму поэтического повествования, иногда в нем видят черты современного «барочного» стиля¹⁰.

В повести «Такая большая свадьба» есть уже более различимый сюжет, хотя ее ткань составляют переживания героя и полученный им опыт, претворенные богатым воображением в сны, иллюзии, мечтания. В название произведения вынесена метафора, которая является основой повести. Война – «это такая большая свадьба», «убийство – это такая большая торговля яблоками». Драматическим становится столкновение общественных сил с внутренним миром человека, дьявола с ангелом. Жестокость грозит разрушить целостный мир сознания. Где-то в глубинных пластах психики дремлет «Он», способный убивать и разрушать вопреки твердой сознательной установке на добро, благородным инстинктам. Я. Пешчахович отметил, что Новак «через калитку сюрреализма и фантазии впускает историю, очень конкретную»¹¹.

В романе «А как будешь королем, а как будешь палачом» история, можно сказать, уже не проникает в повествование через калитку, а настойчиво врывается в дверь дома, семьи, угрожает герою не только в смысле возможной утраты им своей идентичности, но и подрывает самые основы крестьянского бытия, его гармонию: покушается на любовь, продолжение рода, преемственность поколений.

Эта разрушительная сила – Вторая мировая война, оккупация, как и в «Такой большой свадьбе». В сюжете романа «А как будешь королем, а как будешь палачом» можно выделить несколько фабул, линий, тесно переплетающихся в идейно-художественной проблематике, в аксиологическом плане. Все они

связаны с «историей души» главного героя-повествователя – Петра, из подростка становящегося юношей и, наконец, отцом семейства. Каждую из них можно соотнести с определенным фольклорным жанром (и его литературными обработками у предшественников Новака) или вариантами крестьянских автобиографий, публиковавшихся в XX в. Начало повествования ассоциируется с разбойничьими легендами, так как перед нами «злодейские» приключения Петра и его приятеля из церковного хора Ясека. Сказочность описания их проделок подчеркивается «басенным» эпитетом, которым Петр сам себя характеризует, – «хитрый». Под руководством Ясека Петр увлекается воровством кур и коней; сбыв их, приятели справляли себе обновки, пировали и гуляли, часть денег даже откладывали. Раскрывается неоднозначность богатой натуры главного героя, многовариантность возможных путей ее развития.

Крестьянская семейная сага во многом составляет как бы «раму» произведения: отец и мать, их сын Петр, его новый семейный союз с женой Хелей и их новорожденный младенец. Эта линия романа раскрывает важность для крестьянского миропонимания преемственности поколений, памяти, наследования таких ценностей, как связь с землей, ответственность за близких и хозяйство, прочность и чистота семейных уз.

Можно выделить также своего рода притчу о трех друзьях – Петре, Стахе из-за реки и еврее Моисее. Со Стахом у главного героя дело дошло даже до поединка из-за девушки, правда, соревновались они в меткости стрельбы по осине. В этой сцене впервые появляется символический образ, играющий важную роль в дальнейшем повествовании, уже о военном времени. Пули парней, попавшие в осину, на ее стволе выдолбили что-то похожее на лицо мертвого человека. Этот предостерегающий знак останавливает парней, примиряет. Осина – в народных представлениях «проклятое дерево... Осина также считается местом обитания демонов»¹². Петру, убивавшему на войне, потерявшему своих товарищей, часто видится это «осиновое лицо». Все трое участвуют в сентябрьской кампании 1939 года, Стах погибает, его друг будет мстить за него, воюя в партизанском отряде.

Моисей трагически гибнет: окруженный немцами, он кончает жизнь самоубийством. Верность его памяти выразится в том, что Петр будет убивать неприятелей и от его имени.

Ценность этой дружбы проверяется смертью. Возможно также, что Новак символически хотел обозначить единство, солидарность населения Польши в его противостоянии врагу: Стах сначала воплощает для Петра «чужого», он – из-за реки; Моисей – представитель иного племени. «Чужое» в разных вариантах появляется в нескольких произведениях Новака, оно вызывает в его героях смешанные чувства притяжения – отталкивания. В «Иноплеменной балладе» «чужое» – это татарская деревня на другом берегу реки. В обоих случаях – и в романе «А как будешь королем, а как будешь палачом», и в «Иноплеменной балладе» – отчуждение преодолевается, отношения перерастают в дружеские (а в ранней повести Новака и во влюбленность).

С событиями сентября 1939 г. связаны странствия Петра, его выход за пределы своего, освоенного и гармоничного пространства, приобретенный им в широком мире драматичный опыт (такого рода «странствия» известны по крестьянским автобиографиям).

На первом плане в произведении – «любовный романс», основанный на народной песне, слова из которой вынесены в заглавие. И это не фольклорное «украшение». В песне красивая девушка отказывает королю, она любит другого, предложение палача – «правлящего» смертью – она тоже отвергает, и ее казнят¹³. Любовь для нее – главное в жизни. Писатель кладет в основу это народное представление, в художественном мире романа оно даже расширяется, любовь выдерживает столкновение с войной, она преодолевает все. В рассказе об отношениях Петра и Хели ярче всего раскрывается мифологическое начало в романе.

«Злодейские» похождения и проделки Петра закончились после самоубийства его приятеля Ясека из-за несчастной любви. Многого меняется в жизни Петра со смертью отца. «Оставшееся после отца хозяйство я вел заботливо. Умнее и лучше, чем старик. Если при отце, который любил во все вмешиваться, в нашем доме всегда не хватало нескольких злотых на праздничные башмаки для матери и для меня, то теперь у нас обоих было по две пары шевровых башмаков»¹⁴. Сыну, ставшему самостоятельным хозяином, мать все чаще напоминала о том, что хочет видеть его женатым. Петр же не мог выбрать между двумя девушками, об одной из которых он чаще думал днем, а о другой ночью. Победила мечта о девушке «из сна, из молитвы, из придорожной часовенки, из литании» (43).

Возлюбленная Петра, Хеля, тоже наделена мифо-поэтическим видением мира, она даже как будто создает свой особый мир, свою мифологему любви и счастья, которая раскрывается в символах красных и золотых яблок, купания в пруду, в словах той песни, что занимает прочное место в ее сознании.

«Свежий ветер» жизни врывается в сознание читателя уже с самых первых страниц романа Т. Новака «А как будешь королем, а как будешь палачом». Слова эти станут и лейтмотивом романа. Неоднократно они звучат в повествовании. Хеля часто повторяет их Петру, мечтая о будущем счастье, повторяет как магическое заклинание. И слова песни оказываются пророческими в судьбе Хели и Петра.

« – А хотел бы ты быть королем?

<...>

– А тогда я буду королевой.

<...>

– А может, ты Петр, хочешь быть палачом? Палач – тоже король. Он даже больше короля, ведь он смертью ведает. <...> Если бы ты был палачом, я была бы палачихой. И купалась бы в той воде, что на дне красным сукном выстелена. И чистила бы твой меч песком, и у нас с тобой были бы де...

Я прижал ладонь к ее губам. <...> ...лучше уж совсем раздавить ей губы, чем услышать, что народится из той палаческой воды, от того палача, от той палачихи» (55–56).

Крестьянский парень Петр, в войну вступивший в партизанский отряд, вынужден расправляться с предателями: почтальоном, солтысом, жандармом, вынужден убивать, то есть, как бы становится палачом. Петр испытывает настоящие душевные муки, в его психологии мужика-земледелца, предки которого веками взращивали хлеб, чтобы продолжать жизнь, нет места и мысли об убийстве человека, он пытается отгородиться сам от себя, говоря, что убил не он, Петр, а некто «ОН». И на исповеди в костеле Петр признается ксендзу: «Это не я, отец мой духовный. <...>

– Это ОН, ОН, отец мой.

– Может, и ОН, сын мой. Сатана сокрыт во всех нас. Но твоими руками.<...>

И увидел я себя, поющего на хорах... И сказал:

Я убил. Прости меня, Господи Иисусе» (204–205).

На войне Петр превращается в мстителя, но это превращение для него мучительно. Понимая необходимость зла, он все же стремится защититься от него омовением: «Я купаюсь всегда, когда должен убить, – говорит он Хеле. – Я должен быть чистым. Как финка, вынутая из глины... И молиться перед этим я должен. <...> И всю ночь лежу я распятым на кресте деревянном, к которому прибито тело деревянное, пронзенное насквозь и колом искалеченное» (176).

Мифологическое мироощущение героя характерно не только для него одного. Очень ярко оно обнаруживается в заключительной сцене романа, когда Петр, опасаясь, что из него «палач получился», боится взять на руки своего новорожденного сына, плачет его жена Хеля, но тут на помощь приходит дедушка Якуб. Он требует у обескураженного героя стилет, которым тот убивал, совершает над оружием определенный ритуал, произносит заклинание, а затем оmyвает его в воде, где крестили первенца, и говорит Петру: «Теперь можешь взять его. Он чист. И стилет чист. И ты чист как слеза» (231). Счастье охватывает молодого отца, когда он берет на руки сына, подбрасывает его под потолок, а затем вдруг выбегает из дома и приносит из риги яблоки, золотой ранет. Яблоко – один из важнейших символов в романе – это «рай», по словам Петра («Ты даже не представляешь, как я хочу вместе с тобой в рай. И не в тот рай, что Адам и Ева на две половинки разделили, а в целый рай») (47), – так он признается в своей любви Хеле).

В руке у Петра оказалось еще одно, красное яблоко, он разделил его на четыре части – себе, жене, матери и теще. «Дедушке Якубу, – заключает Петр свой рассказ, – я дал золотое яблоко из колыбели. Оба – и сын, и дедушка Якуб были из рая. Только сын оттуда выходил, а дедушка Якуб туда входил» (232).

Взаимосвязь человека и природы, микрокосма и макрокосма, столь характерная для мифопоэтической модели мира, – еще одна важная тема «крестьянского сказа» Т. Новака.

В романе «А как будешь королем, а как будешь палачом» наиболее органично воплотились такие черты поэтического стиля Новака, как повторы с вариациями, анафоры – все, что связано с песней, молитвой. А также стремление использовать не отвлеченные понятия, а конкретные. Это связано с кре-

стьянским отношением к слову (которое само по себе есть целая философия). Крестьянское слово было всегда конкретным. И у Новака всегда не дерево, а яблоня, осина, ольха, дуб и т.д. Не зерно, а овес, рожь, ячмень. Это делает образ пластичным и соответствует крестьянскому конкретному мышлению. Герой прозы (как и поэзии) Новака всегда окружен вещами и явлениями, с которыми он сжился в течение веков, знает их отлично. Он им не удивляется а просто называет.

Но писателю этого недостаточно. Он склонен по-особому использовать эту конкретику, придавать предметам дополнительные значения, он прибегает к антропоморфизму, приписыванию им магических, сказочных черт. «Это черта мифологического мышления. Конкретный предмет приобретает многозначность, преобразуется в символ», — отмечает С. Буркот¹⁵.

Художественный мир Новака приблизился к истории в романе «А как будешь королем, а как будешь палачом», но все еще находится между мифом и конкретным общественным опытом, между мифом и историей.

Примечания

¹ Новак Т. Предисловие к публикации рассказа «Письмо» // Вечерний витраж. Рассказы. М., Художественная литература, 1969. С. 149.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. М., 1962–1966. Т. 7. С. 527.

³ Новак Т. Предисловие к рассказам // Сон-трава. Рассказы. М., Художественная литература, 1980. С. 104–105.

⁴ Мицкевич А. Конрад Валленрод. Перевод Н. Асеева // Адам Мицкевич. Избранная поэзия. Составление, предисловие и комментарии В.А. Хорева. М., Панорама. 2000. С. 200–201.

⁵ Brudnicki J.Z. Tadeusz Nowak. Warszawa, 1978. S. 152.

⁶ Zadura B. Zostaw nam z broni białą broń rozsądku // Twórczość. 1972. № 5. S. 107.

⁷ Новак Т. Предисловие к рассказам // Сон-трава. Рассказы. М., Художественная литература, 1980. С. 105.

⁸ Там же. С. 106.

⁹ Błoński J. In illo tempore // Życie Literackie. 1967. Nr 23.

¹⁰ Rogoziński J. Proza poetów // Miesięcznik Literacki. 1966. Nr 4.

¹¹ Pieszczachowicz J. Próba mitu // Życie Literackie. 1966. Nr 21.

¹² Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 348.

¹³ Исследователи фольклора пишут о широко известной песне о краковчанке, короле и палаче, начинающейся словами «Зашумела лещина» или «Зашумела дубрава. Patrz: Krakowianka, król i kat // Słownik folkloru polskiego pod red. J.Krzyżanowskiego. Warszawa, Wiedza Powszechna, 1965. S. 187.

¹⁴ Новак Т. А как будешь королем, а как будешь палачом. М., 1980. С. 35.

¹⁵ Burkot St. Marchońt na Parnasie. Warszawa, 1980. С. 280–281.

Трилогия М. Кэртэреску «Ослепительный» в контексте румынского постмодернизма

Abstract:

Usacheva A.V. *"Dazzling" trilogy by M. Kerteresku in the context of Romanian postmodernism*

The article focuses on three novels by the Romanian writer Mircea Cărtărescu "Glaring. Left Wing" ("Orbitor. Aripa stângă") (1996), "Glaring. Body" ("Orbitor. Corpul") (2002) and "Glaring. The Right Wing" ("Orbitor. Aripa dreaptă") (2007) and their place in the modern literature. Romanian literary critics unanimously say that the emergence of this trilogy is a milestone in the history of the Romanian novel and it will finally allow to incorporate the Romanian literature of the late 20th and early 21st centuries into the European context. The fact that the novels have been translated into French, Swedish, Norwegian, and other languages, and also that it is still discussed in the Western European (including English and German) media, demonstrates the trilogy's importance in the modern literary process.

Ключевые слова: Кэртэреску, постмодернизм, роман, 2000-е гг., литературная критика, Румыния.

Трилогия Мирчи Кэртэреску «Ослепительный» является, пожалуй, одним из самых значительных произведений в румынской литературе, написанных в период после революции 1989 г. Даже спустя три с половиной года после выхода заключительного романа в литературоведческих кругах время от времени вспыхивают довольно жаркие дискуссии. Но несмотря на расхождение взглядов, румынские критики и литературоведы сходятся во мнении, что Кэртэреску – первый и на данный момент единственный румынский автор, имеющий реальные шансы получить однажды Нобелевскую премию. Как едко заметил один из авторов журнала «Литературная Румыния», Александр Штефэнеску, по сравнению с «Ослепительным» произведения остальных современных румынских прозаиков, которые только можно найти на полках книжных магазинов, не более чем макулатура, не способная вызвать у разборчивого читателя ничего, кроме горьких слез¹. И, по его же словам, «появление в 1996 г. романа «Левое крыло» стало сенсацией, напомнив румынскому читателю, что значит великая литература»². Другой критик, Шербан Аксинте, в сентябре 2007 г. писал в газете «Культурный обозреватель»: «Публикация всей трилогии «Ослепительный» – главное событие в постреволюционной литературе. Я утверждаю без преувеличения, что выход этой книги станет переломным моментом в истории румынского романа. После публикации первой части литературная критика не отважилась употребить обязывающее слово «шедевр». Это было что-то невероятное, ведь все, кто писал шедевры, давно уже умерли. И трудно поверить, что писатель такого таланта может быть твоим современником». И дальше: ««Левое крыло», «Тело» и «Правое крыло» являют собой роман, сопоставимый только с «Иероглифической историей» [Дмитрия Кан-

темира] по уникальности, отсутствию предшественников в своей стране и невозможности появления в будущем произведения, которое бы его превзошло. «Ослепительный» станет романом, стоящим особняком в истории нашей литературы»³.

Примечателен тот факт, что Кэртэреску относится не к молодому поколению писателей, как можно было бы предположить, а к среднему (родился в 1956 г.). Он обрел известность в 1980-е гг. как поэт. Кроме того, Кэртэреску является теоретиком литературы, и его перу принадлежит исследование под названием «Румынский постмодернизм», вышедшее в 1999 г. То есть он не только творит в культурном контексте постмодернизма, но и владеет его научными основами. Трилогия «Ослепительный» писалась им в течение 14 лет и включает в себя романы с подзаголовками «Левое крыло» (1996 г.), «Тело» (2002 г.) и «Правое крыло» (2007 г.), которые на данный момент переведены на французский, шведский, норвежский, нидерландский и арабский языки. Статьи, посвященные трилогии, периодически появляются в германской, английской и итальянской прессе, что свидетельствует о негаснущем интересе Западной Европы к творчеству писателя (что, прямо скажем, в отношении румынской художественной литературы случается нечасто).

Прежде чем говорить собственно о трилогии, представляется разумным сказать несколько слов о постмодернизме в Румынии. Направление сложилось во второй половине 1960-х гг., однако его характерной особенностью является то, что до конца 1980-х гг. румынский постмодернизм был подпольным течением, поскольку власть откровенно покровительствовала реализму, получившему развитие в период между двумя мировыми войнами, и подвергала гонениям постмодернистов. Как итог этой подпольности в румынском постмодернизме образовалось некоторое количество локальных направлений. Одно из них – ониризм, традиции которого продолжил в своей прозе Кэртэреску. Это направление было основано румынским (а в настоящий момент пишущим на французском языке) прозаиком Думитру Цепенягом и поэтом Леонидом Димовым и характеризовалось главным образом описанием сновидений как абсолютной и объективной реальности («oneiros» в переводе с греческого языка означает «сон»). Можно предположить, что подпольное существование постмодернизма в течение почти 20 лет могло стать одной из причин малого количества значимых фигур в румынской литературе двух последних десятилетий.

Румынские и западноевропейские литературоведы без всяких сомнений помещают трилогию Кэртэреску в постмодернистский контекст, хотя сам писатель в интервью постоянно утверждает, что его трилогия не постмодернизм и даже не литература. И действительно, налицо такие признаки, как аукториальный тип повествования, которое ведется попеременно то от первого, то от третьего лица; смена грамматического времени (настоящего и двух прошедших – разговорного и литературного) в зависимости от того, кто является центром повествования в каждый конкретный момент; фрагментарность, мозаичность сюжета, вкрапление множества сюжетных линий, которые в итоге

оказываются тесно связаны с «Я» автора и к концу третьего романа замыкаются в окружности, одна внутри другой, в самом центре которых как раз и находится сам автор; постоянный, порой неочевидный и незаметный переход от реальности к сновидениям и воспоминаниям и обратно; наконец, интертекстуальность.

Центральной идеей трилогии является поиск героями места в этом мире, осмысление течения жизни и своего предназначения в ней. Центральная метафора, нашедшая отражение в подзаголовке, – образ бабочки, который преподносится автором под разными углами. Это и смертельная тяга к огню, и скоротечность жизни, и красота, и качественное изменение – превращение гусеницы в бабочку («Мы гусеницы и станем бабочками, вот и вся история нашей жизни»). И даже аллюзия на часто встречающуюся в искусстве последних десятилетий идею «эффекта бабочки» (когда движение воздуха от взмаха крыльев бабочки в одном месте земного шара приводит к катастрофе в другом). К слову, образ вызвал недоумение у некоторых исследователей. Во-первых, почему только два крыла, когда у бабочки их четыре? Во-вторых, Мирча Кэртэреску, только приступив в 1992 г. к написанию первого романа трилогии, заявил, что правое и левое крыло задуманы несимметричными. Но у какой же бабочки несимметричные крылья и как подобная бабочка вообще смогла бы летать?⁴

М. Кэртэреску создает в своей трилогии особый континуум: реальность – галлюцинация – сон. Сон и галлюцинация (которая является своего рода сном наяву) для писателя не менее, а порой даже более осязаемы, чем реальность, в которой за окнами серый невзрачный Бухарест сначала 1940-х, затем 1950–1960-х и, наконец, 1980-х гг. Во сне же он мистичен и даже фантастичен, за любой дверью, на вершине любой лестницы может скрываться прошлое или будущее, которые и важны, и незначительны одновременно. Герои тоже на любой вкус: есть и двойник, и близнец-злодей – alter ego главного героя, и предки, и прежние воплощения душ.

Что же в итоге ищут и находят герои романов? Бога. Трилогия «Ослепительный» – о поисках Бога и божественного внутри себя и во вселенной. Но это – в лучших традициях постмодернизма – не христианский Бог. Вернее, не только христианский. Трилогия являет собой сплетение христианства с буддизмом. В представлении Кэртэреску, Бог – высшее существо, бесстрастно взирающее на нас с высоты. В своем поиске люди тянутся к нему, и когда шесть чакр, раскрываясь, достигают своего максимума, активизируется седьмая, Сахасрара. Все множество историй, вкрапленных в романы, – это как раз истории раскрытия шести чакр. И поэтому смысл названия трилогии окончательно раскрывается только в конце третьей книги. В ней говорится, что «Сахасрара не была чем-то сияющим, это была просто дыра в покрове, в ткани иллюзии, через которую проник ослепительный свет с другой стороны»⁵.

Что касается христианской стороны божественного, то левое и правое крылья – это Евангелие и Апокалипсис соответственно, а тело – связующее звено между ними. Первый роман трилогии заканчивается благой вестью

о том, что Бог существует. И спором, направляет ли Он людей или Ему нет до них никакого дела. Третий роман завершается апокалипсисом (символом его стала революция 1989 г.), после которого, однако, герои не исчезают, но соединяются в единое целое и обретают счастье.

Именно по поводу третьего романа разгорелась (и периодически идет до сих пор) полемика в литературоведческих кругах. Одни критики встретили его восторженно, отмечали блестящий, «ослепительный» язык и то, как ловко Кэртэреску закольцевал историю, поместив внутрь нее себя⁶. Другие же говорили о том, что третий роман удался писателю меньше всего. Во-первых, в своем желании «сказать все» (заявленном еще в «Левом крыле») он не оставил читателю никакой, даже маломальской тайны, выложил на стол все карты⁷, что, по мнению литературоведов, очень вредит постмодернистскому роману. Стремясь к полной ясности, автор жертвует глубиной произведения. «Правое крыло» упрощается и адресуется уже не тому читателю, которому были предназначены две предыдущие части, а невзыскательным массам. Бьянка Бурца-Чернат в газете «Культурный обозреватель» называет третий роман памфлетом и иронизирует над автором, говоря о том, что тот достиг-таки несимметричности, да только не той, которую предполагал. «Можно легко выбросить «Правое крыло» из структуры «Ослепительного». Остальная часть книги не пострадала бы от этого. Даже наоборот, третья часть настолько диссонирует с первыми двумя, что это вредит книге в целом»⁸.

Во-вторых, отмечают небрежность писателя в обращении с историей своего народа, когда он описывает декабрьскую революцию, принижая значение одних моментов и придавая излишний вес другим⁹.

В-третьих, некоторые критики говорили, что роман перенасыщен стилистически и визуально, он словно китчевая бижутерия, всю избыточность которой понимаешь только в тот момент, когда снимаешь ее¹⁰. Они добавляют, что эту перенасыщенность можно было бы уравновесить новой чертой, проявившейся в третьей части и отсутствовавшей в первых двух – юмором. Но его в романе явно недостаточно.

Однако в ходе полемики все критики признавали, что третий роман хуже лишь по сравнению с остальными двумя и что даже в таком виде он намного превосходит все современные произведения румынской литературы.

В заключение нужно отметить, что, несмотря на важность трилогии не только для румынской литературы, но и для европейской в целом, все же она интересна в большей степени для тех, кто занимается изучением литературы. Причиной тому обилие образов, за которыми сложно уследить, дробность и непростой язык повествования, специфическая тематика произведения и специфический же способ ее раскрытия. Именно это, вероятно, стало причиной того, что после первого всплеска восторга интерес читателя, не связанного с литературой профессионально, довольно быстро пошел на спад, и теперь большим спросом пользуются другие книги Кэртэреску, совершенно иного плана – сборники рассказов и эссе «Иностранные красоты» и «За что мы любим женщин».

Примечания

- ¹ Ștefănescu A. Jos Mircea Cărtărescu! "România literară", № 26. 2001.
- ² Ștefănescu A. Mircea Cărtărescu – proză. "România literară", № 30. 2004.
- ³ Axinte Ș. Lumea într-un singur cuvânt: Orbitor. "Observator cultural", № 388. 2007.
- ⁴ См. например: Burța-Cernat B. *Căderea*. "Observator cultural", № 388. 2007.
- ⁵ Cărtărescu M. Orbitor. Aripa dreaptă. București: Humanitas, 2007. С. 569.
- ⁶ Părvulescu I. Zborul cărților. "România literară", № 27. 2007.
- ⁷ Mitchievici A. Final de etapă: Cărtărescu vs Cărtărescu. "Observator cultural", № 389. 2007.
- ⁸ Burța-Cernat B. *Căderea*. "Observator cultural", № 388. 2007.
- ⁹ См., например: Cernat P. Cum se ascunde literatura sub „fuste murdare ale istoriei”. "Observator cultural", № 387. 2007; Dinițoiu A. Orbitorul la „judecata de apoi”. "Observator cultural", № 388. 2007; Șimonca O. Realitate-halucinație-vis-amintire-istoric. Nu e prea mult? "Observator cultural", № 388. 2007.
- ¹⁰ Dinițoiu A. Orbitorul la „judecata de apoi”. "Observator cultural", № 388. 2007.

VIII. Рецензии

Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Краеведческая энциклопедия Старосамборщины¹

Abstract:

Labyntsev Y.A., Shchavinskaya L.L. *Local History encyclopaedia of Starosamborschina*

«Старосамбірщина: історія і культура» (Lviv, 2009), published by the professor of Lviv University, M.M. Kril, is a book of a significant interest to a wide range of people concerned about the fate of western Ukrainian lands from antiquity to modern times. The author, a famous Ukrainian historian and slavist, a native of the lands described in his work, used a large number of various sources from Ukrainian and Polish archives, and also created his own archive, specifically made for his Local History encyclopaedia.

Ключевые слова: История Украины, Львовская область, Галичина, Старый Самбор, Добромиль, Старое Место, Перемышль, украинско-польское пограничье, Карпаты

Находящийся в крайней западной части Украины на границе с Польшей Старосамборский район Львовской области относится к числу земель, расположенных на главном водоразделе Европы в северо-восточном предгории Карпат. Автор рецензируемой книги профессор Львовского государственного университета им. Ивана Франко М.М. Криль рисует широкую картину развития жизни Старосамборщины на протяжении многих столетий. Эта территория издревле была довольно плотно заселена и уже в середине I тысячелетия нашей эры стала активно осваиваться славянскими племенами. В X в. она становится ареной противоборства молодого Польского государства и Киевской Руси. К началу XI в. здесь формируется своеобразное этнокультурное пограничье восточных и западных славян, тяготеющее к ближайшему крупному городскому поселению в Перемышле, куда поставляется ценнейший в ту пору продукт – соль, добываемая тут в ряде местностей. Точную дату основания Старого Самбора назвать невозможно, но, видимо, он существовал уже в раннюю эпоху и входил в состав Перемышльского княжества, а затем Галицко-Волынского.

С середины XIV в. земли Старосамборщины стали частью Польского королевства, а в 1772 г., после первого раздела Речи Посполитой, – Австрии. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война превратила Старосамборщину не только в зону активных боевых действий, но и террора местного мирного населения. Подозреваемых в пророссийских симпатиях австрийские власти арестовывали и отправляли в концлагеря Терезин и Талергоф. Многие из местных жителей, так называемые «русофилы», включая священников, были расстреляны, часто без суда. «Массово арестовывали всех заподозренных в пророссийских симпатиях, кое-где без суда расстреливали, вывозили из род-

ных мест... 15 сентября венгерские военные организовали настоящую резню на улицах Перемышля, где без каких либо обвинений убили 44 человека, в т.ч. 14 крестьян из Грозовы... Более ста лиц было арестовано в Староместском повете, в том числе семь священников с семьями... В Старом Месте арестовали судью Г. Глибовского, студентов Й. Шемердяка, Л. Шемердяка, С. Гмитрика, Х. Гмитрика. Из Великой Линыны забрали 12 крестьян, из Туры – 30, из соседних сел – по несколько особ. После двухнедельного заключения всех их эшеленом отправили в Талергоф» (С. 251-253).

Восстановление польской государственности в 1918 г. сопровождалось многими военными событиями, закончившимися подписанием в марте 1921 г. Рижского мирного договора, в результате которого западноукраинские и западнобелорусские земли уже существовавших на тот момент украинских и белорусских государственных образований отходили к Польше. Это сразу же привело к усиленной полонизации во всех сферах местной жизни, что активизировало украинское национальное движение, постепенно наращивавшее борьбу против польских властей, особенно после создания в 1929 г. Организации украинских националистов. На Старосамборщине успешно действовал и целый ряд украинских коммунистических и комсомольских групп, организационно подчинявшихся Центральному Комитету Коммунистической партии Западной Украины, в состав которого входили и местные уроженцы.

С началом Второй мировой войны, к 14 сентября 1939 г., Старосамборщина была занята германскими войсками, а через две недели – советскими. В октябре – ноябре 1939 г. Западная Украина вошла в состав УССР и СССР. В послевоенный период на Старосамборщине было создано значительное промышленное и сельскохозяйственное производство, организованы десятки учреждений образования и культуры. С 4 декабря 1939 г. Старосамборщина входит в Дрогобычскую область УССР, объединенную в мае 1959 г. с Львовской, до настоящего времени существующую в тех же неизменных границах в составе нового независимого государства Украина.

Книга М.М. Криля принадлежит к особому типу научных работ, когда высокообразованный местный уроженец в течение десятилетий собирает материалы о своей малой родине, а затем создает труд, становящийся значительным исследовательским даром ей, ее жителям и всем интересующимся судьбами родного края. При этом автор настоящего труда – известный профессиональный ученый-историк, использовавший при его написании большое число разнообразных источников, в том числе документальные материалы из ряда архивов Польши и Украины, а также из своего собственного, специально для того созданного.

Конечно же, столь широкие хронологические рамки исследования М.М. Криля, огромное число самых разнообразных и подчас малоисследованных явлений и событий, в той или иной мере отображенных в книге, привело к целому ряду упрощений, в том числе о деятельности различных местных религиозных, культурных и политических организаций, например, таких как братства (С. 105 и др.), которые на Старосамборщине были не только город-

скими, но и сельскими, причем разноконфессиональными. Особая трудность – в именовании издревле православных храмов и монастырей греко-католическими. Едва ли справедливо писать о знаменитой обители в Лаврове «василианский монастырь», имея в виду XIII – XV столетия. В то же время, нельзя столь определенно утверждать, что известное славистам всего мира Галицкое евангелие 1144 г., – «перемышльского происхождения» (С. 60). Для такой безапелляционной констатации нужны доказательства, а их у нас нет². Как, впрочем, и о том, что на Старосамборщине существовали особые скриптории, понимая это определение в средневековом европейском (scriptorium) его значении (С. 123 и др.). Несомненно, при отображении сложных событий XX в. необходимо опираться на материалы всех противоборствующих стран, а не одной, как, например, при описании «российской оккупации» в 1914–1915 гг. со ссылками на издания, выходившие тогда в Вене (С. 254 и др.). Весьма странно, что известный военный деятель Г.А. Бобринский, галицкий генерал-губернатор, упорно называется в книге «О. Бобринским» (С. 256 и др.), да к тому же «польским графом»³. Явно не хватает такому изданию специального раздела «хронология важнейших событий», в котором были бы отображены основные даты в истории Старосамборщины, а также картографического. Подобные разделы имели бы и вполне самостоятельную ценность.

Перечень высказанных замечаний и пожеланий, конечно же, не умаляет общей высокой оценки книги М.М. Криля, которую мы с полным правом называем краеведческой энциклопедией.

Примечания

¹ Криль М. Старосамборщина: історія і культура. Львів: Піраміда, 2009. – 600 с., 24 илл.

² Также загадочны слова М.М. Криля, относящиеся к Галицкому евангелию 1144 г., которое, по его мнению, «переписане сербською мовою» (С. 60).

³ Георгий Александрович Бобринский (1863–1928) – прямой потомок императрицы Екатерины II и представителей высшей русской аристократии, убежденный православный монархист, в эмиграции вице-председатель Союза ревнителей памяти императора Николая II.

